

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Ольга Берггольц

Мой дневник
1930–1941

 КУЧКОВО
ПОЛЕ

Москва
2017

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).
Проект № 09-04-00173а (научный проект)

Изображения для издания предоставлены
Российским государственным архивом
литературы и искусства

**Редакционный совет Российского государственного
архива литературы и искусства**

*Т. М. Гвярзева (председатель), Л. М. Бабаева, Л. Н. Бодрова, Е. В. Бронникова,
А. Л. Евстигнеева, Т. Л. Латыпова, М. А. Рашковская, Н. А. Стрижкова, Е. Ю. Филькина*

**Ответственный составитель
Н. А. Стрижкова**

Берггольц О. Ф.

Б48 Мой дневник. Т. 2: 1930–1941 / составление, текстологическая подготовка, подбор иллюстраций Н. А. Стрижковой; вступительные статьи Т. Ю. Красовицкой, Н. А. Стрижковой; комментарии Н. А. Громовой, Н. А. Стрижковой. — М.: Кучково поле, 2017. — 824 с.: 16 л. ил.

ISBN 978-5-9950-0765-4

Вторая книга многотомного научного издания дневников О. Ф. Берггольц (1910–1975), хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), включает дневниковые записи за 1930–1941 гг. Дневники этого периода полнотекстово, без купюр публикуются впервые. На их страницах описаны период работы Берггольц корреспондентом на стройках первых пятилеток, вхождение в литературу, трагические годы смерти дочерей, сталинских репрессий, собственного ареста, тюремного заключения.

Текст записей воспроизводится по автографам дневниковых тетрадей. Издание снабжено научными и текстуальными комментариями, статьями. Книга иллюстрирована документами и фотографиями из личного фонда О. Ф. Берггольц в РГАЛИ.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос–рус)6

ISBN 978-5-9950-0765-4

© Российский государственный архив литературы и искусства, 2017
© Берггольц О. Ф. (наследники), текст дневника, 2017
© Громова Н. А., комментарии, 2017
© Красовицкая Т. Ю., вступительная статья, 2017
© Стрижкова Н. А., составление, текстологическая подготовка,
вступительная статья, комментарии, подбор иллюстраций, 2017
© ООО «Кучково поле», макет, издание, 2017

Нормальный человек сам с собой не беседует...

«Что за разговоры с собой? Что за договоры с самим собой, что за условия самому себе, что за бред? Нормальный человек сам с собой не беседует...»

Дина Рубина. Вот идет Мессия!.

XX век вверг человека в пучину доселе немислимых страданий, лишений и бед. Сами меры человеческого подвига и падения оказались за гранью всех возможных представлений о них. Действительность оказалась фантастичнее вымысла, факты — красноречивее слов. Особенно в России, особенно в 1930-е гг: «*О, иностранцы, как вам повезло! / Вы в переводах гениальны дважды. / Нам открывало вас не ремесло, / Но истины преследуемой жажда*»¹.

Жажда «истины преследуемой» настигла общество и историческую науку, которая переживала кризис модели историописания, осмысления смысла и сути написанного исторического продукта. Не спасали и работы знатных иностранцев, указующих на слабость или неверность методологии ли, методики. Разочарование в научных оценках было не только в профессиональной среде, но и среди алчущих истины читателей. История, которая оперировала цифровыми данными, касались ли они промышленности или сельского хозяйства, культурных средств и институтов или, перекрывая их, отбрасывая даже, ведя ожесточенный спор о том, а сколькими жертвами эти достижения достигнуты, эта история перестала быть признаваемой. Она не совпадала с тем, о чем говорили истории людей.

Дневник Ольги Федоровны Берггольц, который она продолжала вести и в 1930-е гг, заполняет особую лагуну в особом периоде истории страны и в течении человеческой, полной загадок и непонимания тех, кто пытается ее понять, жизни. Берггольц, ее лирико-романтической поэтической натуре

(«Иди, вставай, кудрявая, навстречу дня!» — это же ее строка в «Марше энтузиастов» Б. П. Корнилова, первого мужа) на этот период ее земного существования пришелся бы расцвет творчества. Но своей самой лирической героине тоталитарный режим 1930-х гг. избрал самое изощренное испытание. Причем не на подрыв веры в него и не на только подозрение, что вера может быть подорвана, нет, подрывом энергии заблуждения.

В 1930 г. Ольге 20 лет, она учится на филфаке Ленинградского университета. Замужем за поэтом Борисом Корниловым, у них дочь, но семьи нет. Борис пьет. Ольга уезжает на практику во Владикавказ, где проводит половину лета и осень, работая в газете «Власть труда». Уже любит Николая Молчанова, это самая большая ее любовь. Одна за другой выходят книги. Хвалят М. Горький, С. Маршак и даже А. Ахматова. Ольга молода, необыкновенно хороша собой; в нее влюбляются, она влюбляется. Быть любимой, увлекаться, нравиться — это ее способ жить; энергия бьет из нее ключом. Но у Николая обнаруживают тяжелую эпилепсию, она каждый день боится его припадков. В 1934 г. поэтессу приняли в Союз писателей, откуда несколько раз исключали, затем восстанавливали. В декабре 1938 г. Ольга Берггольц арестована по обвинению в связях с врагами народа. На момент задержания она беременна. После побоев поэтесса в тюремной больнице родила мертвого ребенка. Через полгода после ареста она отпущена на свободу и полностью реабилитирована.

*«И все-таки больше даже этой боли — боль об Ирине, боль огромная, спокойная, неумолимая, потому что — я виновата. Было такое счастье, как Ира, а я... да вот, все записано!»*² В 1932 г. у Ольги и Николая родилась дочь Майя, но это материнство оказалось трагичным. Малышка умерла через год. И все тяжелее болеет ее первый ребенок — дочь от Бориса Корнилова Ирина. В возрасте восьми лет от болезни сердца она умирает. Самого Бориса в феврале 1938 г. расстреляли по надуманному обвинению.

Пока историки собирались с мыслями, российские издательства уловили важную социальную интенцию, «зарядив» целые серии специальных публикаций, в их числе особо выделяются дневники. Сегодняшний взрыв интереса к ним стимулирован не только устранением разного рода преград (среди них и юридических), делавших их ранее недоступными для изучения и тем более для простого чтения. Тексты дневника Ольги Берггольц идеально встраиваются в современную постмодернистскую политическую и эстетическую ментальность. Они — самый интересный источник, передающий личный опыт переживания исторических событий 1930-х гг. и отражающий самоидентификацию человека в них.

Дневники О. Берггольц возвращают человеку его место на авансцене истории. Ежедневные дневниковые записи фиксируют непереносимое личное присутствие «Я», переживание важных исторических событий, заполняют ими лакуны официоза. Они создают ту самую самость, которая повышает их ценность среди прочих документальных свидетельств прошлого. Безусловный талант и женский склад дневниковых записей Ольги (именно он, мужской бы многие важные стороны жизни упустил или пережил по-иному, так ярко проявится в блокадном Ленинграде) изменяют отношение к документальности дневников.

Интерес к дневникам отражает очевидный дрейф читательского интереса от понимания событий к пониманию человеческого состояния: как эти тридцатые годы можно было пережить? Ю.М. Лотман писал, что такие дневниковые записи «делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение которого без записи не происходит»³. Естественно, этот дрейф подхватили и историки, переключаясь от изучения событий к изучению состояний⁴.

Оценки Берггольц своих внутренних переживаний снизил авторитет официальных документов, заточенных, прежде всего, на сохранение официальной истории. Но не так-то просто провести в дневнике такую демаркационную линию, отграничить внутренний мир молодого поэта от официальной истории. В этом-то и тайна тоталитаризма, ее уловила еще Ханна Арендт. Йохен Хелльбек считает, что посредством записей человек контролирует свое мировоззрение, усваивая коммунистические идеи: «Упорно рационализируя непостижимую государственную политику, они (авторы дневников. — Т. К.) становились тем самым соавторами идеологии наряду с лидерами партии и правительства»⁵.

Что же, если принять такую позицию и искать истину в дневнике, то приближаться к ней следует «послойно». Загадочнее в ней сама Ольга. Может быть, недаром почти соседствуют в дневнике записи: «О, как все это сложно и трудно, как не хочется быть говном и как трудно не быть им...»⁶ (16 апреля 1937 г.) со строками: «Я знаю о многом. Я помню. Я смею. Я тоже чего-нибудь страшного стою...»⁷

13 декабря 1938 г. Ольгу Берггольц обвинили чуть ли не во всех смертных грехах и бросили в тюрьму. На одном из допросов у нее начались преждевременные роды, хлынула кровь. Босую и окровавленную, ее отвели под конвоем по снегу в медицинскую часть. Она рассказывала потом: «Сидели несколько врачей. Не подошел никто. Молодой конвойный со штыком наперевес, пряча слезы, отвернулся.

— Ты что, солдатик, плачешь? Испугался? А ты стой и смотри, как русские бабы мертвых в тюрьмах рожают!»⁸

В застенках она провела 171 день.

«16/IX-39.

За этот год 6½ месяцев сидела в тюрьме, новая эра жизни. Немыслимо зафиксировать и выразить ту боль, которую приняла и несу в себе, как результат этих 6½ месяцев. Немыслимо, потому, что не измерить, страшно измерить эту боль — это всего боль, и все боль. Еще даже не рубцы, а раны и язвы»⁹.

Дневник позволяет извлекать факты ее жизни, интимные, в полноте их эмоциональной, которая влияет на особенности личности, на факты внешней и внутренней жизни, отношения с другими людьми:

«Нет, не из книжек наших скудных —
Подобья нищенской сумы —
Узнаете о том, как трудно,
Как невозможно жили мы...»¹⁰

Страницы дневника касаются сотен событий:строек первой пятилетки в разных концах страны — в казахских степях, в кавказских горах, в казахских станицах, в ленинградских цехах заводов. Интересны портреты так называемых ударников, но особенно и чаще всего портреты присутствующих на партсобраниях в Ленинградском отделении Союза писателей. Этих записей в первой половине десятилетия так много, Берггольц записывает данные о количестве инструментов, машин, разной техники, строительных материалов, о том, как они бездарно хранятся, о количестве людей, привезенных на стройки, и о том, как их бездарно используют, надеясь «выжать» из них энтузиазм. Для этого туда и командировали Ольгу, и она старается. Реальными событиями и обстоятельствами на страницах ее дневника рисован образ страны, ориентированной на светлое будущее, но он резко и принципиально отличается от официальной печати и пропагандистских стереотипов¹¹.

Всю правду она доверяет только дневнику: «Первые энтузиасты. Ужасные условия работы — плохое снабжение, несколькими днями нет хлеба, хлеб везут по руслу, по льду, лед ломается, арба опрокидывается, хлеб уносит; привозят мало хлеба, третьей смене не хватает, начальники берут себе

бужанку. <...> ...Полтора дня смена питается бужанкой... "А вэд эсли человек нэ пакушает пэрэд работай — он обижаэтся!"»

«(Есть еще такая холерина. Хлеб такой, что скотина кушать не будет, рабочие приезжают в город, желудки у них поправляются, раб<очие> приезжают к нам — желудки расстраиваются.)»

«12/III-30. Информация тов<арища> Редина об убийстве представителя крайкома партии Жуковского, секретаря Ингушского обкома ВКП(б) тов<арища> Черноглаза и шофера Суворова близ селения Галашки. Товарищи, это вылазка классового кулака, который нам мешает проводить разные кампании».

«Потери...

Мазут. Около механического и химического цеха стоит целое болото из мазута из-за неисправности труб...

Машины: нёбрежное отношение. <...> Ломка конденсаторов».

«Вот эти самые валки, ниппеля, локомотив — ведь тысячи, сотни тысяч потерь!.. Ох, сволочи, сволочи!..»¹²

Чисто умозрительная, построенная на абстрактных понятиях оценка планов строительства не выдерживает серьезной проверки фактами. Ее мучают подсчеты всего и вся, и не сходится эта бухгалтерия в коммунистическом мифе, а ведь Ольга склоняется перед величием его.

«28/VI

Сижу на съезде строителей... <...> Основная опасность — впасть в эстетику, обсосать людей, сделать из строительства конфетку. Я не так, не так пишу, как хочу и как надо. Надо... с каким-то внутренним сгоранием писать. А я сейчас пока пишу, как во сне бегают».

«Дикая сырость, инструменты ржавеют, полы гниют, оружие ржавеет...»

«9/VIII-30 Садон

<...>Вчера, в Мизуре, чувство одиночества и ужаса охватили меня, когда деловод, руководитель трама и нач<альник> военизированной охраны оглушали меня кооперативными сплетнями и брызгами склок. Что такое начвоенохраны? Отвлеченно — это нечто общественно ценное, конкретно — лютый обыватель. Дико, дико... Плохо!»¹³

Идут партийные съезды, за ними — политические процессы, вслед — аресты друзей и близких... А в Ленинграде какая жизнь?

«Пустой день. Ходьба, которая меня доводит до озлобления, по магазинам, где ничего дельного нет, все какая-то баклажанная икра, парфюмерия, масса ненужных безвкусовых вещей, дурно сделанных, а нужных, простых — нет или за ними обидные, нудные хвосты.

Народ какой-то жадный, тупой. Ясно, вполне закономерна эта жадность, желание простых, хорошо сделанных дешевых галош, ботинок, белья, чтоб без очереди, без давки, без траты нужных нервов на такую глупую вещь, как приобретение галош».

«Лезет эта самая салтыково-щедринская, гоголевская — Россиюшка изо всех щелей, как волос из старой мебели»¹⁴.

Горькие жалобы самой себе о женских болезнях, не отпускает смерть обеих дочерей и... *«Работа злейшая. Опасность ее — в фиктивности»¹⁵.*

Тут мы выходим на главную тайну творческой интеллигенции — она не за страх, а за совесть служила партии — в надежде, что сможет через нее реализовать «педагогическое воспитание народа». *«Я не пришла в этот раз на завод с настроениями интеллигента, боязливого и робкого, считающего себя виноватым перед рабочим за образованность, за незнание производства, за картавость и т. д. <...> ...Хочу написать по-настоящему, без подлой лакировки о всех этих людях, меняющих лицо мира». «Но что страшно неприятно на меня действует — полное равнодушие комитетчиков ко всему этому заказу и какое-то все-таки отсутствие энтузиазма»¹⁶.*

Советский проект 30-х гг. — это сталинизм. Еще сильны утопизм и пафос. Внутри него еще кажется, что есть Модерн (Прогрессизм, Сциентизм) в сочетании со Справедливостью и Гуманизмом. Советский проект — это хорошая страна, это «Светлый путь» с Любовью Орловой. Она летит в машине над Кремлем: «Мамка, глянь-ка, это Танька!» Это «Цирк» с еще не убитым Михоэлсом, он поет на лошнамэ колыбельную младенцу-метису, и оба трогательно губастые (но сколько же раз этот кусок будут то вырезать, то вставлять в пленку фильма!)¹⁷.

Интеллигенция, заключив фаустианский союз с коммунистами, полагала, что с помощью их пропаганды и их бюрократии сможет возглавить духовную деятельность. История социалистического Ленинграда только начиналась. Впереди убийство Кирова в 1934 г., страшные годы «ежовщины». Недаром около Ольги или неподалеку Леопольд Авербах, фигура знаковая в осмыслении тех лет и процессов: *«Леопольд, получила твое письмо. У меня такое впечатление, что оно не мне и не для меня написано... Я не могу и не буду тебе отвечать по всем вопросам, которые ты*

там поднял. По многим причинам, Леша... Если когда-нибудь увидимся, то, наверно, поговорим. Да, обязательно... Надо так... Я тебе только скажу пока, что никогда у меня такого горя не было, как в дни пленума и после него!..»¹⁸ Замыкают запись строки нелюбимого О. Мандельштама («О свободе небывалой...»): «Нам ли, брошенным в пространство...», и, не кончая строфу, Берггольц прозревает ею: «Обреченным умереть, / О прекрасном постоянстве / И о верности жалеть!»

Ольга, как и возлюбленная Фауста Маргарита, — яркий и трогательный образ. Она — действительно хорошая: она, изменявшая, увлекавшаяся, остается целомудренной, стеснительной, честной. Она много и тяжело работает и могла бы стать замечательной женой и матерью. Не стала, не случилось. И чувствует дьявольскую близость Мефистофеля, а кто же Он?

Идут политические процессы, она внимательно за ними следит, утверждая в дневнике:

«Я буду жить. Ich kann nicht anders»¹⁹

Это враги, радеки — искушают меня. Это их дело — мои теперешние беды. Они ждут, что я сдамся? Усомнюсь? Скажу — “все обман”. Нет, не дождутся. Сдачи не последует. Выстою. Вынесу. Credo»²⁰.

Чуть позже: «Трудно назвать свое отношение к ним — даже ненавистью, даже омерзением — это больше, чем ненависть и омерзение. Здесь уже стираются границы понимания. Неужели еще не все взяты? Неужели еще гнездятся?»

30/1-37.

Не ожидала, что оставят в живых Радека и Сокольников. Ну, что ж, там виднее»²¹.

Записи свидетельствуют о мутации личности в 1930-е гг.: Берггольц ступает на очень в эти годы ненадежную стезю анализов.

Многие ее оценки бьют мимо цели не потому, что ей вдруг отказывает пронизательность и способность к тонкому анализу — с этим-то у нее как раз все в порядке, — а потому, что сами прогнозы делаются в порывистое, изменчивое и крайне не подходящее для них время. «Великий перелом» начат, сперва, 31 августа 1932 г., она считает: нужны «холодная рассудительность, железная суровость, величайшая отвага и самопожертвование. Вот требования, которые предъявляет к каждому поэту-пролетарию наша эпоха»²². Но рядом: «Самоанализы и сплошное недовольство собой, по всем линиям. “Замечаю” себя, — плохо»²³.

Отношение к Сталину, оно играет ключевую роль в обвинениях не только сталинизма, но и, по сути, всей советской власти. На сегодняшний день оценка сталинского террора стала пробным камнем, паролем, рубежным в отношении к тем, кто жил в то время.

«10/I-33. <...> Речь Сталина. Как говорится — не подкопаешься. Ясно, МУДРО, мужественно и просто. Будем работать, стиснув зубы, преодолевая раздражение на то, что нет молока и жиров не то что для себя, а и для детей. Да, будем работать — иного выхода (слово не то) — нет.

А писать надо о людях, о людях и о людях, о вечной жизни в конкретных формах сегодняшнего дня.

О радости надо писать, о борьбе за радость кратковременной единичной жизни...»²⁴

Многочисленны попытки осмыслить «интеллектуальную начинку» современности.

«11/III-33

Володька Молч<анов> вчера сказал:

— Мы — навоз... Время ли тут думать об индивидуальном самоусовершенствовании? <...>

Я ему возразила:

— Отлично, будь навозом, но зачем же быть говном? А ворошиловское требование о личном примере? А тип коммуниста, о котором говорят Сталин, Ленин, Косарев?

Два столкновения, два понятия... об организации нового человека»²⁵.

«26/XI <1936>

<...> Не хочется писать о другом... а хочется только о докладе Сталина. ...Вот охватить, как из отдаленных, большей частью обыденных жизней складывается новая эра человечества, идет история... Приятно и радостно знать, что “кровь наших лучших людей пролита даром”. И какое спокойствие было, когда говорил все это. Да, все это неотъемлемо, неотъемлемо от души каждого человека»²⁶.

Упрекать ее в этом и раздражаться такой оценкой неуместно и даже глупо. Ткется сложное историческое полотно, в мозаике которого уже на протяжении ряда десятилетий пытаются разобраться историки и литераторы, ученые и простые обыватели.

«22/IX-37.

Меня не восстановят в партии — это ясно. Общая конъюнктура такова, что нечего и думать, и я это понимаю. Кроме того, точно умирая, я прихожу все чаще к выводу, что да, мне и нельзя состоять в ней. Не довод, что еще много в ней сволочей типа Мирошниченко. Мне нельзя состоять в партии, вместе со Сталиным, Ворошиловым, Луккой и другими, подобными им. Я вылялась, недодумывала, беспринципничала и замазывала возникавшие во мне сомнения в тех, кто оказался, и я вижу теперь, и должен был оказаться за ее бортом»²⁷.

Но через несколько месяцев после выхода из тюрьмы, 25 декабря 1939 г. она обижается на поэта В. Луговского, не поддержавшего ее стихи о Сталине как «не соответствующие величию Сталина»: «Вот как раз и соответствует величию, еще большему, м<может> б<ыть>, чем реальное величие, — величию людского представления о нем. И вдруг мне захотелось написать Сталину об этом; о том, как относятся к нему в советской тюрьме. О, каким сиянием было там окружено его имя! Он был такой надеждой там для людей, это даже тогда, когда я начала думать, что он “все знает”, что это “его вина”, я не позволяла себе отнимать от людей этой единственной надежды».

И... несколькими строчками ниже: «...мысль о том, что я “не написала до сих пор обо всем Сталину” — мучит меня как содеянная подлость, как соучастие в преступлении... Но я знаю — это бесполезно. <...> Боже мой! Лечиться, что ли? Ведь скоро 6 месяцев как я на воле, а нет дня, нет ночи, чтоб я не думала о тюрьме, чтоб я не видела ее во сне...»²⁸

В 1940 г. О. Берггольц предлагает А. Ахматовой писать Сталину: «...она почему-то не решается. Я знаю, почему: боится, что бесполезно, безрезультатно. И я того же боюсь. Я писала ему от имени Ирэнды, я редактировала к нему письма Рымшана, читала к нему письма Додика, — эти письма кровью сочились — и ничего! Это ужас, крах просто будет, если ей оттуда ничего не ответят. Но — не может быть. Все-таки мировое имя»²⁹.

Чистая советская Маргарита — Берггольц.

Но нет, непростая эта советская Маргарита.

В длинной галерее выведенных ею типов людей и разных жизненных обстоятельств (и личных, конечно же) тема страдания, повторяясь в бесконечных вариантах, вырастает в универсальную проблему. Разрешение ее, по убеждению Берггольц, следует искать не столько в политике и экономике, сколько в обновлении и очищении нравственной природы человека, ибо стра-

дание неотделимо от зла, все равно извне ли причиняемого или гнездящегося в темных закоулках человеческой души: «...как странно я живу! Ирина, Николай, самое дорогое — ежеминутно хочет уйти от меня. А Майки уже нет... Но ведь так у всех, такая жизнь и есть, рождение — гибель — рождение, это ее “основная жила”, обрастающая дипломатией, социальными категориями, литературой. <...> Но на всем этом фоне моей внешней неудачной жизни — все интенсивней и собранней становится жизнь творческая»³⁰.

Описание своих интимных, в том числе морально осуждаемых, движений души сравнимо вполне с «Исповедью» Блаженного Августина или Руссо. Ольга на наших глазах творит, что позже заметил М. Кронгауз по другому, но сходному поводу, «коммуникативную революцию», она обнаруживает себя в феномене дневника.

А с кем у нее на страницах дневника коммуникация? Со строителями на Кавказе? Горцами — ингушами и осетинами? В Казахстане? С заводчанами «Электросилы»? С «соратниками» по писательскому цеху? Нет, нет и нет.

Психологи помогут историкам объяснить записи, касающиеся устройства человеческого сознания: механизмов работы памяти, рефлексии, оценки, эмоций, мышления, вербализации опыта, творческой деятельности и т. д.

«27/V <1937>.

<...> Только бы остаться в партии, и я плевала на все. Я вытраваю все...

Терпение и спокойствие — не равнодушие, а спокойствие.

Ну, если даже не будет партии — останется жизнь. Кажется кощунственным говорить это. Вот здесь и начинается круг Я не могу себя подготовить — ни логически, ни корыстно, ни, тем более, существом своим — к такому решению»³¹.

29 мая 1937 г. она идет на заседание парткома, где решается вопрос об ее членстве в партии: «В конце — концов, люди же на парткоме...»

Да, конечно же, люди..Партийные структуры — организаторы арестов. Те самые люди на парткоме, они — не исключение.

«3/VI-37

29/V партком на Электросиле исключил меня из партии»³².

Обстановка накалялась, тысячи (и она одна из них) брошены на разоблачение врагов, их искали везде — на заводе и в институте, в своей се-

мье и в кругу товарищей. Стали уживаться патриотизм в безапелляционном поиске врагов и потеря чувства товарищества, дружбы, совести.

«27/IX <1937>. <...> Нет, надо писать Иосифу Сталину! Не может быть, чтоб все это было “велено”».

«14/XII-37. <...> Почему же я страстно, настойчиво хочу состоять в партии? Тщеславие? Право, зафиксированное документально, именоваться членом передовой, лучшей, прекраснейшей, организованной части человечества, иметь это право? Чтобы все знали о нем? Это не такое плохое “тщеславие”, конечно, но если оно одно, то, наверно, это плохо. Но оно наличествует».

«29/I-38. <...>

Нет, и без дураков, хочу быть в партии. Бессмысленность моего человеческого, как всякого человеческого существования, не убавляется от этого, конечно, но приобретает форму наивнейшей полноценности. А это уже — очень много, при учете все той же всеобщей бессмысленности жизни...»

«10/II-38. <...> Как долго не заживут рубцы <19>37 года! Как трудно будет рассасываться — внутренне, да и внешне даже — деморализация и замороженность среди восстановленных, среди рядовиков... Не то что четко-политическая деморализация, а общая, душевная».

«14/XII-39.

<...> Ощущение тюрьмы сейчас... Именно ощущение; т. е. не только реально чувствую, обоняю этот тяжелый запах коридора из тюрьмы в Б<ольшой> Дом, запах рыбы, сырости, лука, стук шагов по лестнице, но и то смешанное состояние посторонней заинтересованности, страха, неестественного спокойствия и обреченности, безысходности, с которым шла на допросы... <...> Вынули душу, копались в ней воючими пальцами, плевали в нее, гадили, потом сунули ее обратно и говорят — “живи”... Выживу? <...> ...Вот год назад я сначала сидела в “медвежатнике” у мерзкого Кудрявцева, потом металась по матрацу возле уборной, раздавленная, заплеванная, оторванная от близких, с реальнейшей перспективой каторги и тюрьмы на много лет, а сегодня я дома, за своим столом, рядом с Колей (это главное!), и я — уважаемый человек на заводе, пропагандист, я буду делать доклад о Сталине. Я печатаюсь, меня как будто уважает и любит много людей... <...> Я говорю себе: “Нет, довольно, довольно! Пора перестать мучиться тимерами! Кому это нужно, твои лирические признания о боли, не-

доумения и прочем? Ведь программу и устав душой разделяешь полностью!»³³

И подробности, подробности хранит память. Обстановка нагнеталась повсеместно. Да, зло было онтологическое и тотальное. Это тот случай, когда трудно разумно оценить надуманные неправдоподобные обвинения, по которым и выносились самые страшные приговоры. Но кто такой умный, что может определить зло, его онтологию и тотальность в это самое время? Ольга пытается: это дело совести каждого. Она теряет веру в советскую власть, но верит веры в силу слова, в совесть человека.

1 марта 1940 г. После тюрьмы:

«Читаю Герцена с томящей завистью к людям его типа, к XIX веку. О, как они были свободны! Как широки и чисты! А я даже здесь, в дневнике (стыдно признаться) не записываю многих размышлений только потому, что мысль “это будет читать следователь” преследует меня... Тайна записанного сердца нарушена. Даже в эту область, в мысли, в душу, ворвались, нагадили, взломали, подбирали отмычки и фомки... Сам комиссар Гвглизде искал за словами о Кирове, полными скорби и любви к Родине и Кирову, обоснований для обвинения меня (балаганного обвинения изобретенного самими же сотрудниками!) в терроре... О, подло, подло!»³⁴

Сама манера, стилистика Берггольц, демонстративность ее записей (дневник-то отобрали, прочитали, но, о чудо! назад вернули) свидетельствует: она разговаривает сама с собой, но громко. Чтобы было слышно. Однако ей границу отчертила власть, с максимальным скрежетом отчертила — железом по стеклу, чтобы сомнений не возникло.

Кто ей помогает, с кем же все же у нее коммуникация? Рядом — почти никого, с матерью нет ни близости, ни понимания, подруги — а не выдадут ли? На демонстрацию 7 ноября, куда она пришла, не пустили — для нее это тяжелое унижение. Муж болен, со страхом она ждет его припадков: эпилепсия, а человек талантливый.

...Чаще всего она рядом с Александром Блоком, Иваном Буниным, Ромеюном Ролланом, Иннокентием Анненским, Омаром Хайямом, Александром Вертинским, Анной Ахматовой, Владиславом Ходасевичем, наконец — с Николаем Гумилевым! Половину имен, будущий читатель ее дневников это еще не забыл, опасались вслух произносить вплоть до Горбачевской перестройки, а читали-то только тайком.

*«Ну, что же — раньте душу, раньте!
Я тело в кресло уроню,
Я свет руками заслоню...»³⁵*

Ведь это дворянское и буржуазное «отродье», разные эмигранты, убежавшие от Родины, клеветующие на нее из-за рубежа, кое-кого, конечно, удалось еще при Ленине расстрелять, их романы и стихи — запретить, закрыть в секретные хранилища, за чтение их — сурово наказать! Они ни единому слову Сталина не поверили. А Ольга их цитирует на многих страницах..

Илье Эренбургу, по сути, не поверила:

«25.XII.40

Сегодня в клубе Эренбург, живший во Франции, в Париже... читал отрывки из романов "Падение Парижа" и стихи.

Отрывки — до жалости плохи и равнодушны. Стихи академичны, полумертвы (чем-то похожи на мои), но есть хорошие, с настоящей болью.

Я тихо и бесстрастно ужасалась: как далеко может идти профессионализм, что человек может сейчас писать о разгроме Франции! Это так же дико, как если б художник, рисуя увечного, пытался приклеить на картину куски живого мяса. Но даже это не удалось ему: рассудочный сентиментализм. Нехорошо»³⁶.

В собственном творчестве для нее *«нет более широкой и безграничной темы, чем те, которые я взяла, нет более свободной и емкой области, чем внутренний мир человека. Я пошла на это, они это почти не оценили. <...> Вообще — какие они безнадежно серые, ограниченные и несвободные»³⁷.*

Дневник Ольги Берггольц — зеркало саморазвития автора: это результат напряженного осмысления ею разлада социалистического идеала и реальности. Этот ракурс дневников 1930-х гг. необходимо иметь в виду. При безусловном подчинении режиму очевидно внутреннее нарастание сопротивления Ольги Берггольц тем или иным действиям «сверху», пережить времена «не вымазавшись в грязи». Это зависело от меры давления и попыток слома (исключение из партии, заключение в тюрьму ее и близких, смерть детей).

Но она не сломалась, честно делясь на страницах дневника остротой восприятия положения вещей, перспектив, меры допускаемых компромиссов. Очевидны и глубина иллюзий, и идейная зашоренность, но их перекрывает

степень искренности заблуждений. Важно не моделировать все упрощенно, а понять, вникая в подробности эволюции поэта, учесть (не смакуя!) конкретные обстоятельства в достаточно широких поведенческих градациях, в расплывчатости моральных критериев, в многообразии форм сотрудничества с режимом. Доступ читателям к потаенным прежде историческим документам требует знаний, безусловной непредвзятости.

Ольга Берггольц не выбирала времени для своей жизни вообще и для реализации своего таланта в частности. Внимательный и многоаспектный взгляд на ее жизнь в 1930-е гг. оценит и емкость, и противоречивость ее сложного жизненного пути, политической и поэтической биографии. Она оказывалась на острие исторически важных событий, и анализ того, как она пыталась их осмыслить, несомненно, содержателен и поучителен.

Когда до войны оставалось два месяца, она написала стихотворение, «которого сама боялась». Ощущение катастрофы сгущалось:

*«Совесть светлая моя, Аленушка!
Отзовись мне, старшая сестра...
Возврати мне облик человеческий,
...Оборотнем страшно умирать!»³⁸*

Тридцатые годы закладывают в ней будущие строки: *«Для того чтоб жить в кольце блокады, / ежедневно смертный слышать свист — / сколько силы нам, соседка, надо, / сколько ненависти и любви...»³⁹* Она придет в Радиокomiteт, чтобы заявить на весь мир: *«Никто не забыт — ничто не забыто»*. Потому-то нормальный человек сам с собою вначале должен честно поговорить.

В России немало нужных Берггольц читателей, они с пониманием и почтением прикинут к страницам дневника будущей «музы блокадного города».

Т. Ю. Красовицкая

- ¹ Татьяна Галушко.
- ² Наст. изд. С. 335
- ³ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 25.
- ⁴ Суржикова Н.В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? // История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2014. С. 6–13.
- ⁵ Хелльбек Й. Личность и система в контексте сталинизма: попытка переоценки исследовательских подходов // Крайности истории и крайности историков. М., 1997. С. 196.
- ⁶ Наст. изд. С. 433
- ⁷ Это строки из будущего стихотворения О.Ф. Берггольц «Обещание» (1952). Впервые опубли.: Юность. 1964. № 11. С. 50.
- ⁸ Ольга. Запретный дневник. СПб., 2010. С. 134.
- ⁹ Наст. изд. С. 335
- ¹⁰ Стихотворение О.Ф. Берггольц «Нет, не из книжек наших скудных» (1940) вошло в цикл «Возвращение». Впервые опубли.: Сельская молодежь. 1987. № 12. С. 39.
- ¹¹ Быкова С.И. Дневники 1930-х годов: terra sovietica incognita // История в эго-документах: Исследования и источники. С. 117–139.
- ¹² Наст. изд. С. 32, 52, 39, 42, 76.
- ¹³ Наст. изд. С. 49, 73, 74–75.
- ¹⁴ Наст. изд. С. 108, 76.
- ¹⁵ Наст. изд. С. 102.
- ¹⁶ Наст. изд. С. 101–102, 104.
- ¹⁷ См.: Ицлов Е. Страшная тайна интеллигенции // Русский монитор. 2017. 6 августа.
- ¹⁸ Наст. изд. С. 180.
- ¹⁹ Я не могу иначе (нем.).
- ²⁰ Наст. изд. С. 497.
- ²¹ Наст. изд. С. 418.
- ²² Наст. изд. С. 153.
- ²³ Наст. изд. С. 140.
- ²⁴ Наст. изд. С. 180.
- ²⁵ Наст. изд. С. 194.
- ²⁶ Наст. изд. С. 397.
- ²⁷ Наст. изд. С. 466.
- ²⁸ Наст. изд. С. 572.
- ²⁹ Наст. изд. С. 605
- ³⁰ Наст. изд. С. 254–255.
- ³¹ Наст. изд. С. 441.
- ³² Наст. изд. С. 442.
- ³³ Наст. изд. С. 471, 512–513, 528, 532–533, 568–570.
- ³⁴ Наст. изд. С. 589.
- ³⁵ Строки из стихотворения Н.С. Гумилева «Ослепительное» (1910).
- ³⁶ Наст. изд. С. 606.
- ³⁷ Наст. изд. С. 591.
- ³⁸ Берггольц О.Ф. Стихотворение «Аленушка» (1940). Впервые опубли.: Берггольц О. Узел: Новая книга стихов. М.; Л., 1965. С. 36.
- ³⁹ Берггольц О.Ф. Стихотворение «Разговор с соседкой» (1941).

От составителя

Издание *«Ольга Берггольц. Мой дневник. 1930–1941»* является второй книгой запланированного четырехтомного научного издания всех дневников О. Ф. Берггольц, хранящихся в ее личном фонде в Российском государственном архиве литературы и искусства (Ф. 2888)¹.

Дневники О. Ф. Берггольц охватывают период с 1923 по 1971 г. При подготовке к публикации весь корпус дневников был разделен на следующие периоды: дневники отрочества и юности (1923–1929), дневники 1930-х гг., записи периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и дневники послевоенного времени (1946–1971).

В первой книге четырехтомника «Ольга Берггольц. Мой дневник. 1923–1929»² опубликованы записи с 24 января 1923 по 24 ноября 1928 г. и запись на отдельном листе о дочери Ирине, датированная от 20 марта по 14 мая 1929 г. Книга не включает уже опубликованные тетради этого же периода, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом)³.

В настоящем издании впервые публикуется весь корпус дневниковых записей 1930-х гг.: с 17 февраля 1930 по 20 июня 1941 г.

Ранее с купюрами были опубликованы отдельные записи этого периода. Выдержки из дневниковых тетрадей 1936 г. публиковались в сборнике документов «Между молотом и наковальней»⁴.

Записи за 1939–1941 гг. были опубликованы сестрой поэтессы М. Ф. Берггольц в журналах «Звезда», «Знамя», альманахе «Апрель»⁵. Затем они были включены в сборник «Ольга. Запретный дневник», опубликованный в 2010 г.⁶

Однако полнотекстово, без купюр, дневники О. Ф. Берггольц 1930-х гг. публикуются впервые.

Настоящее издание подготовлено по автографам дневниковых тетрадей, хранящихся в РГАЛИ. Принцип передачи текстов сохраняется преж-

ний — полнотекстовое издание без изъятий и искажений, с максимально передачей рукописей дневниковых тетрадей.

При передаче текста дневников были использованы нормы и методы отечественной археографии, закрепленные в «Правилах издания исторических источников в СССР» (М., 1990), а также разработаны особые приемы передачи текста, учитывающие авторские стилистические и лингвистические особенности ведения дневниковых записей.

Дневники публикуемого периода представляют собой школьные и общие тетради, блокноты, записи на отдельных тетрадных листах, оборотах производственных бланков (всего 29 ед. хр.). Они выполнены черными, фиолетовыми, синими, красными, зелеными чернилами, красным, синим и простым карандашами.

Несколько тетрадей имеют авторское название. Четыре тетради названы «Электросиловский дневник» и «Электросиловский блокнот», что связано с работой О.Ф. Берггольц заводской газете «Электросила» и участием в проекте М. Горького «История фабрик и заводов» (подготовка серии книг по истории промышленных предприятий СССР). В этот период О.Ф. Берггольц собирала материал для книги по истории завода «Электросила» и записывала сведения, как и черновые наброски будущей книги, в своих дневниках. Одна тетрадь названа «Цех фантазеров», потому что в структуре дневниковых записей есть черновые наброски незавершенного одноименного романа.

Обложки и форзацы тетрадей исписаны афоризмами, цитатами, черновыми набросками собственных поэтических сочинений. Записи на обложках дневниковых тетрадей оговариваются в постраничных примечаниях с точным указанием расположения записи (обложка, оборот обложки, форзац, оборот тетради).

В некоторых тетрадях отмечается утрата листов или части листа, что оговаривается составительскими примечаниями к тексту.

В тетради вклеены вырезки из газет, в дневник 1930 г.— в первую, публикуемую в данном издании тетрадь — вложены записка, выполненная неустановленным лицом, а также открытка без текста. Наличие этих материалов оговаривается в археографическом описании дневниковых тетрадей, так называемой легенде, перед комментарием, там же воспроизводится текст документа.

В структуру дневниковых записей включены художественные тексты: варианты стихотворений, черновые наброски прозаических произведений, а также нетекстовые элементы: чертежи, схемы, геометрические фигуры,

математические и финансовые расчеты, таблицы, мелкие рисунки на полях. Таким образом, в дневниках сочетается документальная и художественная проза, их содержание отражает не только биографические и исторические реалии, но и творческую лабораторию автора.

Помимо авторского текста, в дневниках есть записи, пометы других лиц, а именно: второго мужа О. Ф. Берггольц Н. С. Молчанова и следователей НКВД И. Кудрявцева и С. А. Пюглидзе. После ареста О. Ф. Берггольц в 1938 г. дневники были изъяты и просматривались в рамках следственного процесса. Подчеркивания следователя выполнены красным карандашом. Эти пометы имеют особое значение, они являются ярким свидетельством трагического периода в жизни О. Ф. Берггольц, а также самостоятельной содержательной частью дневников, поскольку их анализ позволяет изучить ход обвинительного процесса, формирование доказательной базы органами НКВД. История этих дневниковых тетрадей — беспрецедентный случай, когда после следственного процесса по статье 58 рукописи личного архива с пометами следователя был возвращен владельцу, а не закрыты в ведомственном архиве в составе следственного дела. Большинство таких дел до сих пор не рассекречено и недоступно для исследования. Для наглядной передачи этих фрагментов дневников в издании они воспроизводятся графически красным цветом.

Авторское обозначение датировок было сохранено. Запись о годе вынесена перед публикуемым блоком дневниковых записей, относящихся к этому периоду. Отсутствующие в рукописи авторские даты восстановлены по содержанию и обозначены в угловых скобках. О. Ф. Берггольц вела дневник одновременно в разных тетрадах. Вследствие этого в рукописях отдельных тетрадей есть анахронизм. При публикации дневниковые записи передаются в хронологическом порядке с пояснениями в постраничных сносках. Перед комментарием в археографическом описании дневниковых тетрадей указываются страницы издания, на которых публикуется каждая тетрадь. Встречаются в дневниках ошибки в датировке записи (числа или года), что выявляется по содержанию. В таких случаях авторская дата перед записью сохраняется, а правильная дата указывается в составительских постраничных примечаниях с пояснением.

Записи, относящиеся к более позднему хронологическому периоду, но поясняющие или комментирующие предыдущие записи и по смыслу связанные с текстом, сохранены в этом же фрагменте, но выделены курсивом как записи-вставки. Другие вставки в текст дневника (варианты стихотворных строк, написанные сверху основной строки или под ней, приписки на полях и др.) также выделены курсивом.

Записи, сделанные другим автором (в данном издании — Н. С. Молчановым), воспроизведены с помощью более мелкого шрифта и отмечены постраничной сноской с указанием лица, сделавшего запись.

Все дневниковые записи, вошедшие в состав книги, приведены в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации. Специально не оговаривается исправление явных описок и орфографических ошибок. Сохранены авторские словообразование и особенности написания отдельных слов, связанные со стилем, речевой манерой автора. Некоторые примеры авторского словообразования поясняются в примечаниях в постраничных сносках: «Так в тексте».

Авторское написание было сохранено при передаче художественных текстов и чужой речи. Сохранены некоторые примеры своеобразия пунктуации, которые позволяют передать эмоциональное состояние автора (тире, несколько восклицательных знаков, многоточие). Таким образом, при текстологической подготовке рукописей произведена орфографическая унификация, но сохранено авторское стилистическое своеобразие.

При публикации дневниковых записей были приняты следующие обозначения. Вычеркнутые автором слова и фразы были восстановлены в квадратных скобках. Слова, ошибочно пропущенные или не дописанные автором, восстановлены в угловых скобках.

В угловые скобки также заключены составительские конъектуры, в том числе указания на обрывы дневниковых записей. Восстановленные составителем части отдельных фраз, текст которых был прочитан предположительно, обозначены с помощью угловых скобок и знака вопроса. Особо отмечены слова, написанные автором неразборчиво, с указанием их соответствующего числа (например: <1 сл. нрзб>, <2 сл. нрзб> и т. д.).

Выделенные в тексте рукописи слова или фразы, подчеркнутые одной линией, обозначены аналогичным образом без каких-либо редакторских объяснений; слова или фразы, подчеркнутые двумя линиями, передаются с помощью полужирного шрифта; слова или фразы, подчеркнутые в рукописи волнистой линией, обозначены с помощью полужирного курсива. Слова или фразы, выделенные Берггольц лигатурой, квадратными скобками, обведенные кругом, рамкой, поясняются в постраничных составительских примечаниях.

Перевод иностранных слов приводится в постраничных текстологических сносках и поясняется, если это необходимо, в комментариях к дневникам. В случае неточного цитирования автором текста на иностранном языке в подстрочных постраничных сносках указано: «Так

в тексте», а также даются точный вариант этого текста и его русский перевод.

Содержащиеся в рукописи дневников авторские рисунки кратко описаны в угловых скобках, например: <Рис.: Гидроэлектростанция.>; если у рисунка есть авторское название, оно воспроизводится сразу за описанием. Аналогично оформлено описание чертежей, схем, некоторых математических расчетов и т. д.

Издание дневников снабжено вводными статьями, научным комментарием и текстологическими примечаниями, списком аббревиатур, именным указателем, а также иллюстрациями.

При составлении комментариев были использованы документы О. Ф. Берггольц из ее личного фонда (черновики ее литературных произведений, переписка, материалы к биографии, документы родственников), из других фондов, хранящихся в РГАЛИ, неопубликованные материалы из семейного архива Лебединских, опубликованные ранние дневники Берггольц, хранящиеся в РО ИРЛИ РАН (Санкт-Петербург), периодические издания.

При составлении научного комментария авторы столкнулись с проблемой отсутствия сведений о некоторых упоминаемых в дневнике персоналиях (знакомые, соседи, рабочие заводов, сотрудники редакций). Имена, фамилии, инициалы лиц, сведений о которых найти не удалось, в комментарии к дневникам не включены.

Корпус иллюстраций включает фотографии и биографические документы из личного фонда О. Ф. Берггольц в РГАЛИ. Факсимильно воспроизводятся страницы дневниковых тетрадей и художественных произведений.

* * *

Выражаем глубокую признательность за помощь в подготовке данного издания сотрудникам РГАЛИ: А. Л. Евстигнеевой, З. К. Водопьяновой, Г. Ю. Дрезгуновой, Л. А. Ивановой, А. И. Орлову-Сокольскому. Сотруднику музея А. А. Ахматовой в Фонтанном доме (Санкт-Петербург) Т. С. Поздняковой.

Особую благодарность выражаем наследнику О. Ф. Берггольц В. М. Лебединскому, любезно предоставившему разрешение на изучение ее архива и полную научную публикацию дневников.

Н. А. Стрижкова

- ¹ Историю поступления архива О. Ф. Берггольц в РГАЛИ см.: Горяева Т. М. К истории архива Ольги Берггольц // Берггольц О. Ф. Мой дневник. М., 2016. Т. 1: 1923–1929. С. 5–15.
- ² Берггольц О. Ф. Мой дневник. М., 2016. Т. 1: 1923–1929.
- ³ В РО ИРЛИ РАН хранятся две тетради за 1923 г, три тетради за 1924 г, а также «дневник юности» за период с 3 декабря 1928 по 11 апреля 1930 г (с припиской от 17 октября 1931 г). Все тетради опубликованы в следующих изданиях: Берггольц О. Ф. Дневниковые тетради 1923 г. / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. А. Прозоровой // «Так хочется мир обнять»: О. Ф. Берггольц. Исследования и публикации: К 100-летию со дня рождения. СПб., 2011. С. 125–201; «Я хочу жизни — много, много...»: Дневник О. Ф. Берггольц 1928–1930 годов: К юбилею О. Ф. Берггольц / публ. Н. А. Прозоровой // Русская литература. 2010. № 2. С. 135–177; то же в кн.: Борис Корнилов: «Я буду жить до старости, до славы...». СПб., 2012. С. 271–342; Берггольц О. Ф. Отроческие дневники 1924 г. / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. СПб., 2013. С. 633–714.
- ⁴ Между молотом и наковальной. Союз советских писателей СССР Документы и комментарии. М., 2010. Т. 1: 1925 — июнь 1941. С. 535–541.
- ⁵ Звезда. 1990. № 5–6; Знамя. 1991. № 3; Апрель. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. 1991. Вып. 4. С. 128–141.
- ⁶ Ольга. Запретный дневник. СПб., 2010. С. 29–55.

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records. It emphasizes that proper record-keeping is essential for ensuring the integrity and reliability of the data collected. This section also outlines the various methods used to collect and analyze the data, highlighting the challenges faced during the process.

In the second part, the focus shifts to the results of the study. The data shows a clear trend towards increased efficiency and productivity over the period observed. These findings are supported by statistical analysis and are consistent with the theoretical framework proposed at the beginning of the document.

The final section discusses the implications of the study and offers recommendations for future research. It suggests that further exploration of the underlying factors contributing to the observed trends would be beneficial. Additionally, it provides practical advice for organizations looking to implement similar strategies to improve their operations.

The study concludes that the implementation of the proposed system has led to significant improvements in performance. The data indicates that the system is not only effective but also scalable, making it a viable option for a wide range of organizations. The authors express their confidence in the findings and hope that the study will contribute to the broader field of research in this area.

ГОД

1930

—

1931

17/VI-30. Владикавказ

После долгого перерыва снова начинаю т. н. дневник. Я уговариваюсь сама с собой, что принципиально отличный от прошлого. Но надо сказа́ть кое-что о себе. Вот — развод с Борькой. О, да, уже окончательный, рецидивов не будет. Правда, сейчас стало больнее, чем первое время, хочется написать ему ласковые слова, но сдерживаю себя, т. к. знаю, что это ни к чему. Да, я поступила правильно. Быть может, и я поступала скверно, но дело — сделано, поворачивать нельзя. И вот начинается самостоятельная суровая, роскошная жизнь, жизнь вплотную.

(Оторвалась от всего и ехала-ехала на Кавказ. А степи, степи... А синие глаза того украинца.)

Устала очень... Не могу собрать мыслей. Да, собственно моим первым шагом было то, что я сошлась с Николаем. Сознательно добивалась этого. Все время хотелось его ласк и поцелуев. Иногда я просто болела им. Его брови меня мучили, и когда он, которому я по плечу, шел рядом и руку мне стискивал — ну, умри, а целуй, а будь моим! Сознательно не разбиралась в «чувствах», а когда пела частушки, вкладывая всю силу свою, то прямо летело все внутри — «да ну-же, ну-же, люби»... Сознательно отмахивалась от того, что он с кем-то жил или живет, от вопроса о его «прошлом», — в общем такое «сознательное бессознание». И кое-что в этом я считаю плюсом, а не минусом.

Например, сдерживание себя в отношении «прошлого» Коли. Вот первый пункт кодекса, еще не созданного мною: с легким сердцем надо подходить к человеку. Ни его, ни твое прошлое роли никакой не играет... Что мне до него?.. А если все же грызет, что тогда? Ведь грызет — хватают — «руки мертвых». Нет, писать не могу нынче... Устала. Лягу.

20/VI

Нет, наверное, не вести мне дневника больше! Такая работа настанет, что места не останется и времени для длинной записи личных переживаний. Хотя, нет... отказаться от этого не могу. Будет время — буду записывать. И здесь же буду вести свои корреспондентские записи. И это будет тот род дневника, о котором я мечтала.

Вот, вот работа! Попрошу прикрепить меня к Севкавказинку. Поеду в Ингушетию, в Дигорский комбинат. Вот строительство вплотную, вот тот энтузиазм, в который мне иногда не верилось, а думалось — что это газетные строки.

И как по-новому ощущаю я свое умение обращаться со словом, свою дружбу и борьбу с ним!.. Вот именно как фактор борьбы, строительства. Собственно, я это ЗНАЛА, а ощутила, почувствовала со всей силой радости именно недавно. Я должна, я буду писать настоящие, хорошие стихи!..

Сейчас я приехала на Гизельдон. Идем на строительство.

Начало строит<ельства> 1927 сент<ября>.

В 1928 г. 1 силов<ая> станция.

3 генератора по 120 киловатт.

3 смены по 2 ч<еловека —> машинист и счетовод. Силов<ая> станция обслуживает все строительство. Машины — генер<аторы> и турбины ленинградские. 15 атмосфер давления, с такой силой влив<ается> в трубы. Станция освещает, таскает вагонетки. Строили станцию, сначала к ней прокладывали дорогу, ехали по руслу, машины везли на волах.

Строить трудно было, машины подвергались опасности.

Ленточная глина

2600 метр<ов>.

<Чертеж прокладываемого туннеля.> 304 м.¹

Рабочий напор

I — установка в СССР по своей высоконапорности.

Водонапорн<ый> водовод, возле плотины

II — водоспускной туннель, пропускать излишек воды, кот<орый> не помещается в гл<авный> туннель.

16-метр<овой> высоты, земляная плотина с обратным фильтром водохранилища, расход воды — колич<ество> воды, проте-

¹ Слова «304 м.» обведены кругом.

кающей через сечение реки в секунду, — 0,80 к<убических> м<етров> — ср<едний> расход.

В паводок — 25 куб<ических> м<етров>

Станция будет работать 3–4 м<есяца>.

22 500 киловатт — полная мощность

6000 кил<оватт> — Зимний <?> уровень.

Тоннель облицовывался железобетоном

2,25 м<етра> — диаметр

Порода — завала, древнего обвала, в большом тоннеле — скалистый грунт<овый> пост.

<Рисунок тоннеля в поперечном разрезе.> 19–24 шпуров

3 литра в 3 смены в сутки. После взрыва — устанавливаются крепи. После устанавливают опалубки, такие деревянные кружала.

<2 сл. нрзб>

4 ок<оренка> гравия — 1 в.

ок<оренок> — ящик, корма.

4 ок<оренка> гравия + 2 ок<оренка> песка + 1 цемента = 1 вагон<етка> бетона.

Забетонировать 1 погонometr — 8–7 вагонеток цемента.

Почему задерживается плотина?

Станцию стали строить без геологических разведок. Теперь ведется работа геологически-исследовательская. Выясняется, что основание не скалистое, а ленточная глина, если она везде — то это хорошо, т. к. вода не будет просачиваться сквозь почву.

Слияние Геналдона с Гизельдоном, для увеличения расхода воды.

Сейчас происходит сбойка, т. е. тоннель становится сквозным.

<Чертеж.>

Сбойка происходит торжественно, пробивается дырка в породе толщ<иной> в 44 м<етра>. Это очень ответственное дело, т. к. могут не сойтись пути.

Майрановский.

На скалах вблизи Кобани — надписи:

Рабочий, топай скорей

Десятник, не опаздывай.

Потпурт — где силовая врем<енная> ст<анция>.

Кахтысэр¹ — подъем

Начальство прохладно относится к заготовке материалов, лесных <1 сл. нрзб>.

Тов<арищ> Гиоев².

Начало строительства. Первые энтузиасты. Ужасные условия работы — плохое снабжение, несколькими днями нет хлеба, хлеб везут по руслу, по льду, лед ломается, арба опрокидывается, хлеб уносит; привозят мало хлеба, третьей смене не хватает, начальники берут себе буханку. Приходит 3-я смена 8 человек, просят хлеба. Нач<альник> отдает буханку, полтора дня смена питается буханкой, без приварки. (тоннель — наз<ывается> «проходка»)

«А вэд эсли человек нэ пакушает пэрэд работай — он обижаэтся!»

«И стало здоровье у наших кадров, как разлезанный сапог».

«Тут трава была по грудí».

Байматов <1 сл. нрзб> Владимирская улица, 76. 12/VIII-27 года

Гизельдон! Меня просто лихорадит, слова нахлынули, подавили, я сейчас набросаю, нагрязно сумбурно и спешно, а потом буду выбирать слова, и хочу, чтоб мне было так же трудно, как забойщикам Гизельдона.

На горах [Кавказа] Осетии лепятся строения старых веков. И сразу не поймешь, глядя, строения это или искусная груда камней, следы древнейших движений гор (земли). Так лепятся могильники, где перемешаны людские кости и черепа; куски ткани облекают кости — это когда-то была одежда. Так на вершинах торчат узкоочие башни. Но не так, в Кобанском ущелье под горой будет стоять Гизельдонская электростанция. Издалека глаз [человека] отличит, что не земля, а человек работал тут.

Потому что огромные окна станции будут сиять всеми 25000 киловатт. [Потому что и ровное дыхание можно будет отличить от клокотанья Гизельдона.]

Потому что Осетия и Ингушетия будут знать, где стоит источник света, [летающего] истекающего по аулам и колхозам. Лучше, чем раньше [мусульмане] магометане знали, где находится Мекка. Потому что рабочие Садонских рудников, Мизурской ф<абри>ки, предприятий Севкавцинка, Дигорского комбината, Грозного, Вла-

¹ Так в тексте. Правильно: Кахты-Сар.

² Словосочетание «Тов. Гиоев» обведено кругом.

дикавказ будут знать родину энергии, приводящей в движение их предприятия.

Потому что ни Осетия, ни [Ингушетия] никогда не забудут, кто и как строил Гизельдон.

Но довольно декламации, расскажем про это просто и не захлебываясь. Эх, плохо, плохо пишется, декламация выходит, а нужно очень сурово и сжато писать... Истерика выходит¹.

В 6 часов мы выехали из Владикавказа на грузовике. Горы приближались, из нереальности возникали, становились жесткими. Они синевато-сиреневые были все время, сияли, как сборище аметистов, лес на них издали казался мохом. Тут они стали нарастать, зиять. Мы приехали в Кобань. Кобаней две. Новая нижняя, которой не было, и верхняя, на горе, которая была до стройки. Верхняя Кобань — самое старое селение Осетии. Здесь, в Кобанском ущелье, происходили самые жестокие схватки с Кабардой. В начале ущелья лежит селение Гизель. «Кобанцы обижаются — строится возле нас, а называется по-вашему». Время здесь определенно можно разбить на 2 громадных эпохи — до стройки и после стройки. Мы приехали в Кобань на грузовике, нас легко потряхивало и качало, по дороге вдоль Гизельдона тянулись волы. Они со всей упряжкой, с певчей арбой, с воспетой ленью тянулись из эпохи далеко-далеко «до стройки». Мы приехали в Кобань, которой не было, по дороге, которой тоже не было, в несуществующую Нижнюю Кобань. Но что же было? Был 1927 год.

Шапиро

Средний заработок бурщика 3-50-4 р.

Землекопа — 2 с копейками.

Крепильщика — от 4-6.

Работа сдельная;

- 1) Кобань, которой не было.
- 2) Прокладка дороги.
- 3) Быт, условия работы. Факты.
- 4) Постройка врем<енной> силовой станции.
- 5) Начало работы над тоннелем.
- 6) Кадр старых работников.

¹ Текст со слов «Эх, плохо...» и до слов «Истерика выходит» взят в рамку.

Самые высокие заработки у арматурщиков и печников, кровельщиков; их по одному.

Основные профессии — бурщики, бетонщики, откатчики, крепильщики, землекопы (щебнебойцы, каменщики).

Прогулы — в апреле и мае сильно поднялись — причины неявок — праздники?

Несчастн<ые> случаи в мае подскочили до 50. Причины.

Завохраной труда и тех<ники> по безопасности¹.

Телефон, который крутят долго и безрезультатно.

Мальчишка долго читал газету, шевелил губами, начинал сначала, не доверял себе. Потом зажал то место пальцем и протянул товарищу.

— Смотри-ка, каждые шесть минут будет трактор!

— Врешь!? Где?

— Да вот, смотри, читай сам. Читай вслух...

Территория от Грозного — [105] 155. 7 участков. Плотин<ный> узел — 1 уч<асток>, тоннели — 2 уч<асток>. Станц<ионный> узел трубопр<овода> — 3 уч<асток>. Переброска вод Гиналдона — <1 сл. нрзб> — 4 уч<асток>. 5 уч<асток> Пониж<ение> подст<анции> в Грозн<ом> и Владикав<казе>, Садоне и Беслане. 6 уч<асток> — линия передачи Кобань — Влад<икавказ>. 7 уч<асток> — линия пер<едачи> Влад<икавказ> — Грозн<ый>.

Выполнение промфинплана за 1 пол<угодие>. С окт<ября> — по март.

Выполнен на 60%. Тоннель и зд<ание> станции. Причины невыполнения — не могли приступить к работам над плотинами и <на> подстанции, не были утверждены проекты, утвержденные проекты перепроектир<овались>. Перезаключение договоров на оборудов<ание> подстанций в связи с изменением схемы питания. Не могли приступить к линии передачи за отсутствием леса, все вопросы о снабжении лесом до сих пор находятся в центре. Т. к. каждый километр передат<очной> линии обходится в 16 тысяч, то невыполнение этого пункта дает очень большой % невыполнения промфинплана, н<а>пр<имер>, 10 километров не построенной линии передачи дают 160 тысяч невыполнения.

Произв<одственный> план выполнен на 90%.

Промфинплан на 60%.

¹ Фраза «Завохраной труда и тех<ники> по безопасности» обведена в рамку.

Основное оборудование не получено. Часть было рассчитано привезти в первое полугодие — не получено.

Выполнение промфинплана зависит от доставки леса и оборудования. Местные причины, кот<орые> могут помешать выполнению промфинплана, — текучесть рабсилы.

Капитальные работы в тыс<ячах> руб. за 2 квар<тала>.

Здания — сооружения 538,5

236,9

775,4 тысячи (по плану)

Капит<альные> работы за 1 полут<одие > должн<ы> были со-
ставить 623,3

278,5

903,8 тысяч руб.

663,200 р.

Зарплата по произ<водственному> плану должна была со-
ставить 134,8

70,3

205,1 руб.

Водонапорн<ый> тоннель выполнен <с> пр<евышением?> пла-
на на 120%.

Сооружения, постройка кот<орых> задержалась

Повысит. подстанция

Понизит. подстанция

Ряд работ, как, например, водонапор<ный> трубопровод 38%,
водонапор<ный> <трубопровод?> 25% пришлось приостановить из-за
отсутствия оборуд<ования>.

Постоянное крепление выполнено за 1 пол<угодие> 40% (завал).

Гидростанция землян<ая> — 97%.

Цементн<ая> кладка 73%

Дорога — Владик<авказ> — Пурт выполн<ена> 107%, времен<ные>
постройки и сооруж<ения> 114%.

Изыскания под плотину, сметой и планом не предусмотре-
ны — израсх<одовано> 5180 — 08.

Не предусмотрен завал, давший 19 000 расхода.

Недовыполнение главн<ого> оборудование, на оборудование
(перезаключение договоров)

Табулов — десятник

Санакоев — комсомолец, с самого начала.

Ох, если б вы знали, какая радость, это когда шпур проходит насквозь. Он сверлит, сверлит, и уж слышно, как с другой стороны шпурят, и даже слышно, что говорят, и вдруг <Далее обрыв текста.>

Утро было уж в горах; навстречу нам бежали мальчишки. За концы крыльев они тащили огромную сову. Лапки совы почти волочились по дороге. Она ворочала круглыми глазами своими, пушистая, мягкая, таинственная.

Соцсоревнование производилось по проходке — основн<ое>. Договор был заключен с Садонскими рудниками. Ударными бригадами охвачено не все колич<ество> уд<арных> бригад 4, колич<ество> рабочих 50 чел<овек> + 35. За май 841.

Январь <19>29 г. Себестоимость 1 куб. метра проходки 25 руб. 84 коп.>. В декабре при тех же услов<иях> и по тем же видам расхода — материала, рабсилы и пр<очего> сокр<атилась> до 14 руб. 77 коп.

Янв<арь> <19>29 — производ<ительность> труда бурщ<иков> 1,03.

Дек<абрь> <19>29 <производительность труда бурщ<иков> 2,74.

Создание строительством кадров.

Эти показатели есть результат не только соцсоревнов<ания>, но увеличен<ия> квалификац<ии>, приобретение производств<ом> улучшенных усл<овий>. Расход материалов на 1 куб. метр:

янв<арь> <19>29 — 2,05 кило динамита.

Дек<абрь> <19>29 г — 1,08 кило.

За посл<едний> квартал (янв<арь>, фев<раль>, март 1930) стоимость кубометра 14 руб. 7 коп.>.

Основная причина слабого ударничества: текучесть, социальный состав рабочих: крестьяне, являющиеся на стройку, как на заработки. Нет достаточного руководства, нет Совета Ударников. Учета и сбора рабочих предложений нет. Работа производсовещания ведется слабо. Инженерно-техническая секция регулярно не связана, в целом, кроме отдельн<ых> индивидуальных случаев. Договоров между участками не существует.

В РКК поступает много заявлений от рабочих, и отсюда можно было бы выудить достаточное количество рабочих предложений, производсовещ<ание> ими не интересуется. Центр произв<од>совещ<ания> не работает. В цех<овых> производсовещаниях почти на 100% председатели их — начальники участков или завотделами.

1) Нужно заключить договора по соцсоревнов<анию> между отдельными участками.

2) Поставить на должную высоту руководство, организовать Совет Ударников.

(Работы по проходке приходилось делать дважды, например делают проходку, потом ее вторично, а то и 3-й раз приходится расширять. Расширение. К вопросу о рекордах.)

Прогулы. Тут дело неблагоприятно.

1 кв<аргал> 1930 — 1,42% прогулов

За апрель — 5,23% прогулов праздники

За май — 5,8%

За последнее время взялись очень серьезно за борьбу с прогулами.

Не было со стор<оны> цех<овых> орган<изаций> неблагоприятно с учетом, потому что уделял<и> внимание.

Орошинщики — отклоняющие русла рек.

Компрессора МБ.

Севкавцинк

101 предложение за 8 месяцев поступило от рабочих. Выполнено из них 55, 8 — частично вып<олнено>, 19 — не выполн<ено>. Общезаводская конференция созывается 1 р<аз> в 2 месяца, цехов<ая> — 1 раз в месяц, груп<повая> — 2 р<аза> в мес<яц>.

С месяц как производсовещание работает планоно, до тех пор председатель не был освобожден, т<ак> ч<то> работа шла стихийно.

Заинтересованность рабочих в произв<одсовещаниях> есть. В цехах имеются председатели производсовещан<ий> и группорги, ведущие разъяснительную работу, проводящ<ие> группов<ые> совещания. 6 вошло в план рациона<лизации>, в план капитальн<ых> работ, требующих больш<их> затрат, отклонено 13 (из 6, может быть, неск<олько> будет отклонено).

Затраты за полгода по 14 предл<ожениям> — 1843 руб. Годовая экономия 19936 руб. 32 коп. Ост<альные> предложения носят характер охраны труда и общего порядка.

Из 14 пред<ложений> I по прокатному цеху — прокатка теплой болванки; вместо 11 час<ов> работы над холодной болван<кой> 5,5–6 ч<асов> — над теплой. Хол<одный> прокат 7 тонн в 11 ч<асов>. Теперь в 6 ч<асов> — 11 тонн. Это предложение Зуева и Хвалик. 11000 экономии в год (мастера).

На кузнечных горнах крышки были из намокшего<?> кирпича, теперь их заменили чугунной крышкой, вымазанной огнеупорной глиной. Это дает экономии 2000 в год. Затраты же на 220 р<ублей>.

III. Постройка медноплавильной печи вместо волчка — это дает сокращение рабсилы, увелич^ение выплавки на — в тиглях за 8 ч^асов — 12 пуд^ов меди, в печке 70 п^удов за 7 ч^асов. Расход мазута сокращен в 10 раз. При старой плавке — за год 14000 кило, при новой 1437.

Предложение т. Фр^олова.

Обошлась постройка <в> 370 руб. Годов^ая экон^омия 2310 руб. 80 коп.

Ремонт — 372 руб. в год, при новой 101 руб. 18 коп. Устройство в топке паровоза отражателя. Эконом^ия 427 руб. 68 коп., обошлось 5 руб. затраты. Тов^арищи Борисов и Тройнин — машинисты. Из топки пламя уходило прямо в трубу. Теперь в трубе сделан отражатель. Пламя удерживается, экономя топливо.

Договор с Грознефтью, транспорты. Донуголь и металл.

Местный, с вагонными мастерскими.

Договор с Садоном рудник и Мизурской обогатит^{ельной} ф^{абри}к^{ой}.

Садон

Добыча руды было зад^{ано} 20 400.

Вып^{олнено} 22 385 — 109%.

К годов^{ому} заданию 52,6%.

Мизурская ф^{абри}ка

Выполнено к общему зад^{анию} по цинку за 1 полугодие 80,51%.

По свинцовому концентрату 83,42%.

По заводу

Зад^{ание} 1975 т^{онн} — вып^{олнено} 1993,8 тон^{ны}, полугод^{овое} зад^{ание} вып^{олнено} с превыш^{ением} (цинк).

Свинец, задание 1364 т^{онн} — вып^{олнено} 1321 т^{онна}

Серебро — перевыпол^{нено}, купорос перевыпол^{нение} по свинцов^{ым} трубам — 132%.

Свинец выпол^{нен} 96,8%. Свинец лист 88%.

Полугодов^{ой} промфинплан выполнен на <Далее обрыв текста.>

Себестоимость задано снизить было по свинцу — на тонну от 3–7%. <По> Купоросн^{ому} маслу выросли от 5–6%.

Строится башня <1 сл. нрзб>

(Гловера нет возможности построить, 350 руб. улетает в трубу, 1 гловер не в состоянии пропустить всего дыма, рабочих душить было

нельзя.) Рабочих — 1400. Ударников к общему числу 675 с лишн<им>. Общ<ий> % — 60%.

Хим<ический>цех не дал обожженной руды. Зимой руду не могли подвозить с Мизуры, печи шли почти <на> пустой руде вхолостую, чтобы не остановить печи; металла не было, а рабочих приходилось оплачивать.

Совет Ударных бригад.

Общие собрания ударников по мере надобности, не менее 1 раза в месяц.

План доведен до смен, до бригад, до цехов, до аггренаров; до каждого.

Информация тов<арища> Редина об убийстве представителя крайкома партии Жуковского, секретаря Ингушского обкома ВКП(б) тов<арища> Черноглаза и шофера Суворова близ селения Галашки. Товарищи, это вылазка классового кулака, который нам мешают проводить разные кампании. Этим самым они заставляют нас сплотиться теснее в ряды ударных бригад и выполнить план, намеченный в 5 лет, выполнить в 4 года. Товарищи погибли на боевом посту, и нам сегодня необходимо посетить тела указанных товарищей, находящихся в доме Красной Армии.

...Вопрос перед нами стоит о коллективизации всей земли, и выдвигая на сельскую работу лучших товарищей и там при исполнении своих обязанностей кулак, не желая идти в колхозы, убивает их, как классовый враг, и этим тормозит всю работу нашу, намеченную в исполнение 5-летнего плана.

Постановление

Мы, рабочие стройцеха, на собрании ударников заслушав информацию о событиях, имевших место в проявлении кулачно-бандитского налета на наших работников, выехавших на работу по организации колхозного строительства, глубоко возмущены такому наглому нападению со стороны классового врага-кулака, требуем принять самые суровые меры наказания.

1) Рабочие треб<уют> о выселении всех кулаков из селений и имеющийся инвентарь и раб<очий> скот, а также и земли отобрать и передать в колхозы.

2) Требуем принять активное участие в ликвидации классового врага и кулацко-бандитских выступлений.

г) Просим вышестоящие органы обезоружить вплоть до ножа.

д) Раскулачить местное кулачество.

Верно. Секр<етарь> Мишечкин.

Мы объявили февраль орг<анизационным> месяцем, месяцем вербовки в ударные бригады.

Уд<арных> бригад 60

Раб<очих> ударн<иков> 683 и 25 ИТР.

Мы призываем хозяйственника быть единоличником и перейти цехам на хозрасчет. За хозрасчет в цехах.

12/III-30. Удар<ная> бригада ИТР.

В Райзавком Союза Metallистов
от каменщиков и подносчиков
бригады Алексеева в колич<естве>
15 челов<ек> строительного отдела.

Заявление

Ввиду увеличения программы по выплавке цинка на 10%, что связано с ремонтом и пуском в эксплуатацию цинков<ых> печей, мы, работ<ающие> по ремонту цинк<овой> печи № 3, объявляем себя ударниками. Для скорейш<его> ремонта печки № 3 мы, ударники, отказываемся от выходных дней до оконч<ания> ремонта цинковой печи № 3. Выходные дни мы отгуляем по оконч<ании> ремонта цинк<овой> печи № 3.

Просим райзавком в просьбе не отказать.

15 подписей

Резол<юция>. Как временная мера р<ай>з<а>вк<ом> разрешает производить работу в вых<одные> дни, но как систему этого производить нельзя. Группе каменщиков разрешить работать, чтобы неск<олько> дней без отдыха, с таким расчетом, чтоб по оконч<ании> работы отдохнуть день-два.

Печи Малетра — обжигат<ельные> печи, вручную.

Печи Перле — механизация.

Орг<г>руппа в феврале — было снято старое правление комбината

4000 т<онн> предлагали

Промфинплан довести было трудно из-за множества национальностей. Условия работы с националами тяжелые. Они приходят на приработки. (<Причины> Невыхода рабсилы на работу.)

Для выплавки цинка оппортунистич<ность?> правления.

Из доклада Ворошилова на VI с<еверо>-к<авказской> партконференции. Узким местом, особенно тормозящим развитие машиностроения и моторостроения, является также цветная металлургия. ЦК не раз специально занимался этой отраслью промышленности и совершенно перекроил первоначальные наметки пятилетки.

Так, первонач<альные> цифры по меди увеличены на 90%, по свинцу на 160%, по цинку на 250%. Но и все же главнейшими видами цветн<ых> металлов (медь, цинк, свинец) спрос нашего хозяйства будет покрываться от 15 до 50–60%. Гром<адная> вина в недостаточном развертыван<ии> падает на геологический ком<итет>, кот<орый> чрезмерно осторожными вредительскими запасами рудных <месторождений> преуменьшал цифры. Мы не можем пропускать всей руды, остается запас, надо расширять производство.

Дали по цинку 163%, парт<ийная> и союзн<ая> организац<ии> заметили, что завод идет не нагруженный.

Наследов. Сикоев 3 дня ходил к нему с телеграммой, где говорится о том, что рабочие берут на себя превышенную программу.

(После того, как я выразился, что это правуклон, и я заявляю в областную комиссию, он подписал телеграмму. Но когда уезжал, был убежден, что не выполним — «Я говорю — уезжай, не мэшай!»)

Сикоев рассказывает, как в 1928 г. его выдвинули на союзную работу. Он не мог добиться, что сделано по рабочим. Мастера выступали и говорили, что это есть недоверие рабочему классу. Это ж мы принимаем на себя!

80 пред<ложений> К<омитета?> К<омсомола?> и 25 раб<очих> предл<ожений> не были выполнены. Его послали — поди проверь сам, раз тебя интересует. Он: «Я очень расстроился, отношение к рабочим предложениям до марта м<еся>ца и после марта».

А+В+С = запасы (действит<ельные> + вероятные + возможные). Месторождения Севкавцинка стоят на 2 месте после Риддеровских, по посл<едним> подсчетам они обеспечены на 15 л<ет>. А бельгийцы брали концессию на 90 лет.

Мы не забываем ни на минуту свое пролетарское обещание перед Правительством и высш<им> парт<ийным> органом ЦК Партии: «Любая организация нам скажет неспасибо».

По вопросу «Профсоюзы лицом к производству» — созданы профессиональные цеховые комитеты.

«Холодок». Качествен пока не <Далее обрыв текста.>

<Орнаментальный рисунок.>

Работа производсовета — еще энергичнее проводить вопросы об узких местах, после того как партком и профорг хорошо с этим ознакомились. **Борьба с потерями.**

В сущности этой центр<альной> задачей занимались мало.

«Но есть, есть у нас холодок».

1) Вопросы рационализаторской работы.

2) Участие коммунистов в удар<ных> бригадах.

3) Массовая работа.

Потери   Отдельно

Мазут. Около механического и химического цеха стоит целое болото из мазута из-за неисправности труб, по кот<орым> идет мазут. Невнимат<ельное> отношение к мазуту.

Машины: небрежное отношение.

Комки, концентрация, с обжигат<ельных> печей. Ломка конденсаторов.

Вопрос о культобслуживании Отд<ельно>.¹

Клуб очень маленький, обслуживать не может, 3 года боремся, чтобы предоставили помещение.

А) План работ по Севкавказу для «Власти труда» исполн<ен>.

К 24/VI

I. Очерк о деятельности завода +

II. Капитальное строительство +

III. Вопрос о постройке рабочих домов +

IV. Вопрос о помещении для клуба, и связанный с ним вопрос о культобслуживании рабочих завода.²

V. Вопрос о потерях +

VI. Вопрос о единоначалии

¹ Помета рукой О. Ф. Берггольц по левому полю.

² Пункты III и IV объединены лигатурой по левому полю; помета рукой О. Ф. Берггольц «открыт».

VII. Вопрос о рационализации¹

Что еще детальнее узнать.

Хорошенько уяснить себе систему.

Какое количество рабочих нуждается в помещениях?

Сколько приблизительно рабочих покинуло производство в связи с жилкризисом?

Чем мотивирует от<дел?>ком<мунального?>хоз<яйства?> свою волокиту в вопросе о стадионе?

Текучесть рабсилы в связи с жилкризисом. Курсы для подготовки рабочих².

Вопрос о помещении для практикантов.

Ответ комхоза

Отношение от 21/IV 1930 г. (оконч<ательный> ответ) на запрос комхоза за № 4453 от 3/IV-30.

Ввиду отсутствия на местной окраине рабочих треб<ующейся> нам квалификации мы вынуждены приглашать таковых из разн<ых> городов СССР. По прибытии к нам они оказываются с семьями из-за трудности подыскания квартир в критическом положении. В таком положении оказался приглашенный нами из Ростова литейщик К. Богатырев, котор<ый>, не находя квартиру, вынужден был ночевать с женой и грудным ребенком под открытым небом.

1) Трубобой, чечены, приб<ывшие> в конце декабря, не имеют квартиры. Было сообщено:

Нужно построить 1 школу ФЗУ на 100 челов<ек>.

2) Общежитие д<ля> учеников и студентов в одном здании с расчетом на 175 чел<овек>.

3) Жил<ой> дом на 210 кв<артир> (155 д<ля> раб<очих> и 55 д<ля> техперсонала).

Проекты, рабочие чертежи и сметы по указанному строительству будут готовы не ранее июля тек<ущего> года, почему стоимость строительства не может быть указана ранее августа тек<ущего> года.

От 3/IV-30 Откомхоз заявил что Севкавцинк тянет волокиту — «[недопустимую] недопустимое отношение <к> решению столь серьезного вопроса о подготовке кадров и внедрении националов в производство».

¹ Пункты VI и VII объединены лигатурой по левому полю; помета рукой О. Ф. Берггольц «открыт».

² Два предложения со слова «Текучесть» и до слова «рабочих» взяты в рамку.

Переписка о помещениях с 14/ХІІ-29.

Осетинский исполком не имеет площади в пределах города. 853 от 10/ІІ-30 от 12/ІІ 858

Владикавказскому > Окружному Исполкому.

Рабочих 1485 раб<очих> и служащих, живущих в большинстве случаев на окр<аине> города (слоб<од> Курской, Владимирской и т. д.).

Требуется общежитие для 60 курсантов, повышающих квалификацию, 4 рабочих семейства живут в заводских постройках, подлежащих сноске. 4 стр<оителей>, высленных из гл<авной> конторы.

Непредоставление земельного участка грозит срывом намеченного строительства.

Сливается индустриал<ьный> политехникум и Таганрогский техникум, переходящие в ведение комбината.

Сентябрьский набор в ФЗУ под угрозой срыва. Студенты-практиканты и фабзайцы живут в скверных условиях.

60 чел<овек> рабочих-колхозников не могут подготовить себя как квалифицированных рабочих.

В Москве задерживаются проекты из-за того, что Севкавказ не может указать размеры земельного участка.

На телеграммы с предложением рабочих работать на заводе приходится отвечать отказом, т. к. нет помещений.

На земучастке распределен стад<ион> Динамо. После 12/VI тов<арищ> Неляпин 3 раза был в исполкоме и не мог добиться результата. А текучесть рабсилы доходит <до> 20%. Исполком. Горсовет.

Гор<одской> землемер Воробьев. Коммунхоз.

Уч<астник> пролет<культа> и 3 интернац<ионала>.

О вербовке в партию на Севкавказке

Последн<ий> набор [был одно время застой]. В лен<инские?> дни большой приток в партию, 140 ч<еловек>. Больш<ой> подъем рабочих, 22 — 1930 г. Элементы стихийности. Не гнал<ись> за количество<м>. 75 чел<овек>. +

К 16 съезду имеются еще 75 заявл<ений>. Метод вербовки — учет беспартийного актива.

Здесь сыграли большую роль перестройка парт<ийной> и проф<союзной?> работы, переноска центра тяжести работы в цехе на группы. Это сильно помогло в систематической работе по вербовке.

Приближение партруководства. Возле каждой печки создание группового угла. Основная задача — [доведение] обеспечение выполнения промфинплана.

1) Реш<ительный> поворот лицом к пр<оизводст>ву.

2) Перенос центра тяжести в цеха и группы.

Усиление работы производсовещаний, вся обществ<енная> работа расценивается как результат производств<енной> работы цеха. Основа угла — основ<ная> задача группорга — организовать рабочих для успешнейшего выполнения плана.

Груп<порг> изучает состав группы персонально, учет личн<ых> качеств рабочих.

Результат работы группорга. Выявление лучших ударников. Были настроения, что у них спец<иально> некого вербовать.

Была изучена партпрослойка. Высокий % прослойки — цинк<овый> цех. 20% были выявлены слаб<ые> участки работы — напр<имер>, мех<анический> цех.

В целом по заводу партпрослойка (из раб<очих> непосред<ственно> в цехах) 17,7%.

Роль груп<п>орга в вербовке и преодолении хвас<тливых> настроений.

Пр<имерный> стаж поступ<ивших> в Партию.

До 3 лет 50 ч<еловек> 26%

До 10 лет — 89 ч<еловек> 48%

До 15 от 10–11

От 15 до 20 <—> 10 ч<еловек>

До 25 — свыше 10 — 50 — 26%

<Далее цифровые расчеты процентов.>

27/VI-30

Какая-то усталость напала... Была вчера на сбойке на Гизельдоне. Какую радость большую пережила, какой подъем хороший. И как всегда, ощущала неловкость какую-то перед работниками, и жаль было, что сама непосредственно не участвовала в стройке. Каждый камень в тот день был полон для меня творческим значением.

Утром встретила Битиева, фотографа, похожего на большую умную крысу, мужчину яркого и разговорчивого. Пошли с ним вместе. Он шел по дороге и бесконечно рассказывал о каждом камне.

— Вот, видите эти скалы? Вот где ваша нога сейчас, этот камень над самыми плечами висел, ведь дорога возле самой реки проходила. А в этих пещерах часто ночевали, вон от костра на камне подпалина, видите?

Я с трудом восстанавливала дорогу, по которой шли строители. Когда рвали камни, копали дорогу, отрыли старинные могильники, древнюю утварь... Я собрала с камней кусочки черепков и ободков горшков, они трусятся у меня в кармане вместе с пудреницей и монетками.

А ведь строят по первобытному, как строили разрушенные могильники! К захватным сооружениям не было иной дороги, кроме плечей.

Я шла возле самого Пурта. Ну и Пурт! Издали воду его не отличишь от камней, валунов. А вблизи — серый, грязный, лежит клоками, как зверь, ну лучшего сравнения не подыщешь.

Вода трансформируется в какие-то шерстяные комки, взбитые, рычащие. Легчайшая радуга стоит над Пуртом, куски радуги бьются в воде. Водяная пыль обдает как радость.

Шли по трубопроводу, кое-где труба оголена, точно удав. <1 сл. нрзб> захватные сооружения трудно отличить от камней, наваленных в водопаде. Они крепятся на камнях. Трудно представить, как это строили. Фотограф говорил непрерывно.

— Тут камень был, ну точно человек на нем лежал! Ну, точь-в-точь, как вот в снегу бывает. Звали его — ложе царицы Тамары. Взорвать пришлось... Да, нет, нет здесь уже той первобытной красоты!..

Он «щелкал» всю дорогу.

— Ах, не могу пройти, красиво очень!.. Ну, работайте, работайте, дьяволы, снимать буду. Ах, дьявол, как лезет, заснять не успею!

Рабочие тотчас же бросали работу и смотрели в аппарат.

— Конечно! — говорил Битиев. Рабочие брались за работу. Тут он их и снимал.

— Надувать приходится... Иначе — позируют, встанут с такими идиотскими мордами.. Так вот надуешь — и живой снимок!

Шли дальше.

— Посмотрите, какая красота. Я вон оттуда снимал, вон камешек торчит.

И указывал на головокружительный камень. Как он туда <с> «марсианином» забирался — не представляю!

— Э, на той вершине святилище какое-то? Надо сходить, обязательно надо сходить...

...Горная роза — цветочек скромный, а пахнет как Роз-а-ля-Франс!.. Чудный запах...

Потом жаловался — что теперь «все как-то гадательно! Все как-то обусловлено!» (Диалектика!)

— Свободы печати нет — плохо вам, журналистам... Написал Сталин — раскулачить кулачество, и все газеты тотчас же затрубили — раскулачить, раскулачить! Хоть бы одна что-нибудь свое сказала! Так нет — все одинаково!

Я слабо возражала — меня забавляло все это.

— Индивидуалист вы.

— Да! Индивидуалист! Свобода человека выше всего. А на вас на всех — шоры надеты...

А рядом:

— Я на стройке с самого начала! Горжусь!

— Меня из университета за революционность выгнали. Дралась с союзом Михаила Архангела. Это такой монархический союз был, из студентов. Но ведь студент — марка! Раз студент, значит — против царя. А они — марку подрывали! Детали к нему. Э, часы-то стали! (Вертит спичкой колесико.) Ни направо, ни налево... Нет, не идут. Выходной день, наверно. А знаете, почему 5-летка в 4 года? Да потому что пятый год выходной!..

— «Нет преград рабочему энтузиазму»... Нет — и не надо!

— Приходят вечером в картишки наши профессора играть; с юмором вечер проходит, то расскажешь что-нибудь из жизни, то посмеешься, то чаю выпьешь. Очень хорошо!

«Оргвыводы».

Я не хочу быть, как фотограф... Отгораживаясь черным сукном от мира, снимать маленький его участок... Единственно, какую мудрость можно перенять у Григория Рожденовича, это принцип хождения по горам — наступать всей ногой и за счет быстроты беречь силу. И еще — надувать людей, когда пишешь их. Т. е. не писать, самой не участвуя. Как пишу и буду писать о Кавказе. Сталкиваясь с людьми, не становиться в позу разглядывателя (чтоб они не становились в позу) — ни словом, ни делом, ни, главное, помышлением. Перегонять непосредственное впечатление сразу в слово — желание законное, желание тут же создать его осязательность вне самого

предмета, но когда это желание обращается в какой-то тяготящий профессионализм...

Радость непосредственного переживания на какую-то часть скрадывается. Надо, как Левин косьбу, не ощущать работу центров, выделяющих метафоры и осмысляющих в образе все.

***

Я от Николая не забеременела. Кажется, нужно быть сугубо счастливой от этого. Ведь здесь даже хины не дают без рецепта, а если аборт... И все же не только радость, а известную горечь и обиду ощущаю я. Если это не по «той» причине, то неужели Николай сам... сам... смог сделать так? Мне это в самый первый раз показалось, потом — нет, но этот «рационализм» его, его намеки на свою «испорченность»...

Мне грустно и больно становится, когда подумаю, что под «испорченностью» он понимает.

Он красивый мальчишка, наверное, со многими жил... И еще одна деталь смутила меня тогда, совсем интимная. Тоска охватывает меня, как подумаю о нечистоте всего этого, дергается лицо как-то, и все кажется невозвратным. Да, невозвратным. Я не то что скучаю о нем, я думаю о нем, как он меня целовать будет, какой смуглый, мужественный и сильный станет, весь темно-золотистый. Я думаю о нем спокойно, капельку грустно. Иногда не думаю.

Очень много недоговоренного у нас.

Я сейчас противная стала. Красная, безбровая, глазки маленькие, волосы пучками.

Завтра на съезде, наверно, Гиоева увижу, хотел зайти. Когда уезжала с Гизельдона, подошел к грузовику.

Я говорю.

— Гиоев, поедem с нами.

— Завтра приеду.

— Заходи ко мне, а?

— Зайду. Зайду.

Интонация меня обрадовала. Он мне нравится. Может быть, и я ему тоже. Хотя если вообразить меня такую... Я почти не надеюсь на свою внешность.

28/VI

Сижу на съезде строителей, дожидаясь конца фракции. За свой очерк о Гизельдоне мне стыдно теперь, хотя большего — пока — я сделать и не могла. А *все-таки он многим нравится, хотя это не должно меня обольщать*. Основная опасность — впасть в эстетику, обсосать людей, сделать из строительства конфетку. Я не так, не так пишу, как хочу и как надо. Надо совсем-совсем строго, серьезно и просто, с каким-то внутренним сгоранием писать. А я сейчас пока пишу, как во сне бегают. Нужно убежать, нужно напрячь все силы, а вместо этого едва шевелишь ногами...

Как-то с Севкавцинком все разрешится. Завтра пойду, снесу материал Зангиеву, пусть посмотрит. Работа газеты меня не удовлетворяет. Темпы рабские!

П. начинает раздражать меня. У него страшное лицо, действительно дикое.

Сердце у меня надрывается. Гиеова на съезде нет, вдруг придет вечером, а меня и нет! Господи! Трагедия женщины — долг репортера. А Гиеов мне очень-очень. Остро тоскую по Ируне... Зверек мой, солнышко мое, роденька я...

Заметить Поближе познакомиться с Зиной Иголкиной и Соболевым. («Нечто вроде моральной поддержки».)

Еще деталь к Битиеву.

— Да и о чем теперь газеты пишут? Только о забастовках, да о бунтах, да где революция. Мне про весь мир знать хочется, а мне забастовку суют. Что, разве в мире одни забастовки?

[Доклады Бесланстроя, Гизельстроя

Прения

Рабочий Шук. <?>

Никитин объяснял общие неполадки строит<ельства>. Рабочим это известно. Глав<ное> бол<езненное?> явление — неувязка с кол<лективными> договорами. Бюрократич<еское> отнош<ение> администрации. Текучесть. Ячейка ВКП и постройкома не имеет авторитета.

Расценки. (Тарифно-нормиров<очное> бюро.) С этим надо уладить. Бюрократич<еское> отношение Чистякова. Квартирами обеспеч<ены> только техрабы. Снабжение можно было бы урегулировать. Абсолютно нет зелени. Треугольник склочничает. 500 конфликт<ов?> в пользу раб<очих?> 20 (за кварт<иры>). Со спецовками дело плохо.]

Соцсоревнование как будто бы есть. Но со стороны администрации бюрократич<еское> отношение.

[II раб<очая?>

Оплата за проходные часы. За 6 километ<етров> приходится ходить рабочим. Эти часы админист<рация> не <1 сл. нрзб>. Причина текучести.

Бывает, что компрессор работает на 1 бурщика. Ложится на себестоимость. (Машина бьется от неполной нагрузки.) Квартир<ный> вопрос. Рабочие развелись с женами. Жены во Владикавказе, рабочие на стройке. Квалифицирован<ные> — только семейные. Обеспечить жилищ<ным> вопросом.

III раб<очая?>

Админист<рация> обращала на все это мало внимания.

Недочеты в бетонировке. Смена чел<овек> 11-13, 40 вагонеток. Щебень был крупный, могли получаться раковины. Вовремя не было подвоза материала, бутового камня. Бетонщика сняли с работы, направили на бутов<ые> налож<ения>, расценки снизили, 20 чел<овек> сразу уволились.

IV. Еремин

Разведочные шурфа задержали строит<ельство>. Плотина, рассчит<ана> была на 50 м, на 16 м теперь. Кол<лективный> договор и расценки. Провал с кораблем.

V. 50-105 мил. 16-95 м кил. Бессилие перед природными условиями. Горняки брались.

Кругом горы, грозящие обвалами. Оба доклада плакались на недостатки. Говорит ли это о провале 5-летки. Прорыв — план 67%. Можно было добиться большего. ИТР на стройке. Весь ИТР — молодой. И ни одного нет участв<ующего> в общ<ественных> организациях.]

Ковыряется в собств<енном> соку.

3 групп<пы> инженеров.

Александров

Вопрос проектов тормозится из-за отсутствия проектов.

Замазывание ошибок недостатком материалов

Мы проводили там строительство, где редко залетали птицы.

Удобные моменты.

Отсутствие работанности треугольника.

От Бесланстроя <?>. Бесплановость, перестройки. Стр<оительств>во велось слабо, нерациональное использование материалов.

Борьба с текучестью. Безобразное снабжение. На все слабое реагирование окружкома.

Нет правильного единоначалия.

Санакоев

Гизельдон

Прав тов<арищ> о том, что на 1 буршика приходилась 1 машина, не было инструментов. Халатное отношение. Мы могли бы закончить проходку раньше на полгода. Дают наряды после окончания> месяца. Спят <в> парт<ийных> и проф<союзных> организациях. Соцсоревнованием не руководили. Частая смена стройкома. Много двойных работ, водопускной туннель 5 раз> расширили.

Но с <19>27 г. многое улучшилось.

Представ<итель> крайкома.

Наши профорганизации не пользуются должным авторитетом — слабость работы.

Гизельдон приступил к работе без планов, проекта и исследований.

Вопрос о сое на Беслани.

Крахмально-паточный комбинат.

Закрепление работников.

Отсутствие колдоговоров — пример бюрократизма.

Принять все профилактические мероприятия, что<бы> стройка Бесланстр<оя> проходила в норм<альных> условиях.

На Гизельдоне промфинплан не доведен до рабочих, склока.

Коммунисты стоят не на высоте, не выполняют директив.

Своевременно не было обрац<ено> внимание на расценки.

Недоучтено политическое> значение расценоч<ного> документа?> и зарплаты.

Условия для хорошего развития. Обеспеченность техперсоналом. 46 ч<еловек>.

Изжито <1 сл. нрзб>

Заклучит<ельное> слово

Вигулаев

Нет рационализации и пр<очего>. Основная причина — низкие ставки. По поводу неисполнения заказов были нажимы со стор<оны> администр<ации>. Распределение рабочих в бараках по цеховому признаку. Снабдить рабочих можно было бы лучше. Относительно <1 сл. нрзб>

Столовая в Хинцаге. Стол<овая> Кахтыр-Сэг¹.

ОСУРК урезал порции. Снабжение!

Никитин

Ассигновка на жилстроительство.

[Мы не имеем права.] По ассигновке [ождается] перерасход.

Переманивают рабочих. Кто? Основн<ая> причина — неравномерность расценок.

Лес<ные> заготовки <2 сл. нрзб>

Заявление артели 30 чел<овек>.

Культобслуживание очень плохо.

25,84–10,80 (себестоимость)

Роль хоз<яйственных> и профорганизаций в строительстве.

Вопрос о лозунге лицом к производству.

Бесланстрой

Отсутствие основн<ых> строит<ельных> материалов. Только 19,5% железа получено. 500 чел<овек>. Ячейки еще нет.

Работают, как один.

310 чел<овек> работает (исток строительства) сейчас.

(Если не приукрашивается побочными словами, то речь плохо слушают.)

Почему не начали работать.

Комбинат строится по последнему слову америк<анской> техники.

(Есть еще такая холерина. Хлеб такой, что скотина кушать не будет, рабочие приезжают в город, желудки у них поправляются, рабочие приезжают к нам — желудки расстраиваются.)

Момент такой уютный, что можно говорить с рабочими.

Поездка в Америку.

Америк<анцы> включили пункт, что они смогут приехать изучать нашу крахмальную технику. Договор с америк<анцами> — обучить 15 чел<овек> для изуч<ения?> крахм<ала?>.

Есть исключительное настроение построить к сроку.

1–70 Давид Борисович Ковзин <?>

[Вклад в строительство края 500 мил<лионов?> руб. Использовать вклад как можно лучше.

¹ Так в тексте. Правильно: Кахты-Сар.

Подготовка к строительному сезону была плохая. Недостатки прошлого года повторились несмотря на ряд мер. Строительство яв<ляется> кустарным, а не индустриальным, нужно добиваться, чтоб работа была постоянной, чтоб были фабрично-стр<оительные> рабоч<ие>.

В крае организуется сельстрой, штаб, откуда будут идти распоряжения.

Участие в коллективизации — посылка уд<арных> бригад рабочих, 9 бригад в кол<ичестве> 53 челов<ек>. Лик<видация?> тех<нической?>]

II Отчетный доклад облотдела союза строителей.

5 об<ластной?> съезд союза стр<оителей> 52. Ком<ната> 23.

Резолюция по докл<аду> крайотдела.

Крайправлен<ие> исходило из политич<еских> задач в выполнении и перевыпо<лнении>, стоявш<их> перед страной — призн<ать> раб<оту> ударной, а полит<ическую> линию правильной.

Из кустарного и сезон<ного?> превратить в индуст<риальное>.

Увеличить темпы, коренной пере<лом>.

Срочные меры по развитию ударн<ичества>. Не останав<ли>ваться перед роспуском профорганизаций, где соцсоревн<ование> слабо поставлено.

Соотв<етствующие> исправления в расценочном отношении.

Улучшение бытового <положения>, реальный план по подготовке кадров, за выдвижение <Далее обрыв текста.>

Специфич<еские> условия работы в нац<иональных> областях и недостаточ<ное> наличие подготовл<енных> работников профсоюза.

Внимание деревенской работе, сделать клубы штабами пролеткультуры. Использовать ИТР.

Резолюция по докладу областного <Далее обрыв текста.>

Ряд достижений, благодаря новым методам работы.

Работу признать уд<овлетворительной>, линию правильной.

Ряд недостатков: провести:

По Гизельдону — прорыв промфинплана.

К оживлению работы профсоюзов

Кадры. Труд<овая>дисциплина.

Московская. Сов<ет>проф<союзов>

Колхоз.

Союзн<ая> организация приняла недостаточное участие
Провести учет колхозников членов Союза.

Резолюция по Гизельдону

На строит<ельстве> ряд прорывов, 67% плана.

Отсутствие развит<ой> обществ<енности>.

Тариф<ная> реф<орма> не проведена. 53% текуч<есть>. 20–30%
недостаточность рабочих. Игнориров<ание?> районными расценками.

Добиться единства тарифной сетки в области.

Добиться ударных темпов.

Крепче контакт.

Обратиться к рабочим заводов, готовящим оборудование.

Бесланстрой.

Недостаточное обеспечение стр<оительст>ва раб<очей> си-
лой, <2 сл. нрзб> стройматериалами и т. д.

Развернуть соцсоревнование (на <1 сл. нрзб> соц<оревнова-
ние> разв<ито> слабее).

Кончить стр<оительст>во в установленные сроки

Состав правления 13 человек.

1. Козырев (Сов<ет>проф<союзов>) состав рев<изионной> ко-
миссии.

(Какие разговоры? Вместо ком<ментариев> вопросы)

Съезд прошел очень деловито и активно.

Улучшить условия.

Осетинск<ая>

Шалдонская

Курская

Владимир<ская>

Молоканск<ая> при избах-читальнях

Центральн<ая> (3 б<иблиотек>а)

Все 3 совета выд<винули?> ликвидаторов по разверстке сов-
профа, а основной работы по ликбезу не ведут.]

2 июля 1930 г. Владикавказ.

Скучно, скучно стало. Привыкла к людям, а людей нет. Мальчиш-
ки, с которыми живу, ни мне в достаточной мере неинтересны,
ни я им. Это очевидно. А я привыкла к людям. Хоть бы, действи-
тельно, Вайс взял меня под свое покровительство.

Недавно дико скучала, тосковала и плакала о Борисе. Все-таки еще открыто, еще сочится сукровицей. Боюсь вспоминать и петь что-нибудь «из того» периода. Недавно мыла руки, и они запахло запахом ильинско->заборской больницы, и сразу нахлынул яблочный запах той осени, и Борькино горе и волнение, и грозы, и все начинает крутиться обратно, как кинолента, и вот уж липы нижегородского кремля наступают, и все, все, что было тревожным, с горечью-счастьем... И, кажется, приедь он сейчас, легла бы с ним, чтоб, как тогда, перенести его грубые, тяжелые ласки и неистовство... Почему-то не «пристает» в моем сознании к нему его теперешнее поведение, наверное, живет не с одной... А меня все-таки он любит, я это знаю... И если я захочу, я верну его... Что это я опять реветь начинаю, дура... Нельзя этого допускать... Дура я. Просто без мужика скучаю... Как иногда тяжело... господи...

Все-таки я как-то себя потеряла, мне думается, что мне легко сойтись сейчас с кем угодно, т. е. из тех, кто мне нравится.

Я мечтаю о С. М. Хороший парень! Ум у него не блестящий, но тяжеловатый, медленный ум, но все же значительный. Он несколько ограничен, упрям, упорен, настойчив, скрытен. Он угловат — это то, что я люблю в людях. Его сразу не охватишь, не поймешь. Но в целом — человек богатый неосознанными сильнейшими движениями. Он прям и резок, иногда нарочито резок, из-за недостатка умной тактичности. Он привык себя держать в руках, привык к одинокому перевариванию громадных и угловатых своих движущих эмоций.

Колька «блестящей» его. Ум его гибок более. У него дар ориентировки. У него стремительность (пресловутая «лихость»!), страстность, соединенная с долей заносчивости и органической надменности. Доля надменности в людях — (не во всех) — хороша. Это самосознание. Правда, не всегда оно принимает одинаковые формы. Но важнее всего не чувствовать себя лучше всех. Так о чем я? Да, надо поехать по Кавказу... Л. П. Я. мне надоели. Л. глупее, чем он думает о себе, хотя в общем он не глуп. «Он меня страшит», как говорила Верка Ильян. Умнее всех, конечно, П.

Л. начинает раздражать меня. Ну их к ляду! Надо уезжать и работать. Я все мечтаю о человеке, который меня захватит. Он будет необыкновенно новым. У него будет большой угловатый ум, в то же время богато культурный. Он будет как магнит, чтоб я могла обогащаться, раскрывать в себе новое, тянуться за ним и расти, как

дерево в кадке у мага, но истинным чудом и всеми корнями. Чтоб это был человек для себя, а не для меня, т. е. чтоб мои переживания, получаемые от него, не реализовывались бы прежде всего во мне, а — в нем, чтоб не я создавала, а чтоб это существовало реально... Такого я полюблю и пойду с ним на «край света»... «Край света!..»

Ну, Вайс! Спасай! Хватит плоть убивать...

Женский день 1930 г. — в клубе прошло 1741 человек.

В среднем — 600–700 человек.

Обычный день — без зала — 319–350 чел<овек>, работают <2 сл. нрзб>. Общая посещаемость за февраль, март, апрель — 440 024 человека.

В читальне в среднем 45–50 чел<овек>. Зимой 80–70¹.

Комнаты отдыха нагружены полностью.

Библиотека, 80–100 чел<овек>.

I. Мимо этого важнейшего вопроса не должны пройти ВСНХ и <1 сл. нрзб>. Мимо и хим<ического>объединения.

II. Параллельно со строительством завод даст цинк.

Мальчишки идут, говорят о варьете.

— Она этого хотела бросить, другого взять. Этого бросить, другого взять. И так до двадцати.

— Ну, подарок ее выдал!

— Ступеньки ее доконали.

Андрей Георгиевич Гогичаев

Это председатель Союза строителей. Хороший парень. Друг Гюева. Вчера с ним гуляли долго, говорили. Ну, не сказала бы, чтоб было очень занято. Он совсем не глупый парень, но у меня ж паршивая закваска — жажда «интересного» собеседника. Однако «жить можно».

Перспективы, перспективы! Часть из них сорвал Лубин. Сволочь! Скоро кончу работать в газете. Хочу быть свободной.

Этот Гогичаев — дурак. Мне все опреснело.

[Междуведомственное совещание (Предст<авителей?> Исполкома Союзхлеба, железнодорожники) было сорвано исполкомовцами.

1 совещание состоялось.

Запас есть.

Подготовка пакгаузов, очистка от грызунов, и починка их.

¹ Числа «80–70» взяты в рамку.

24-25<-го> было общ<ее> собр<ание>, железнодорожников — работа уд<арных> бригад и привозка хлеба.

Из-за объединения <Далее обрыв текста.>

Подготовки массы к реорганизации не было. Ремонт и пр<очие> неувязки.

29<-го> Цеховые собрания были по 2 р<аза> в цеху.

Вопрос снабжения слаб<ая> работа.

Реорганизация транспортн<ого> месткома произошла без масс.

Вместо 6 служб. Служба С — движения зав<едающего> око-
лотком

Эксплуатационная работа.

Район обслуживания расширен.

Основная слабость — неподготовленность.

Вйна парторганизации.

Одновременно: разъяснительная кампания, — реорганизации

Порт.

Работа не перестроилась.

Отсутствие и загружен<ность> секретаря]

4. Вопрос о бандитах

В селениях есть такие личности, котор<ые> занимаются про-
вокацией, и они сумели напугать и сбежать в лес; бежавши, сделав-
шись бандитами, до сих пор скрываются в лесу, и мирные гражда-
не, боясь их, и не везут себе из лесу дров.

(Еще с тех пор, как стали [обра] организовывать колхозы, со-
здалась партия подкулачников, и сбежали в лес с требованиями на-
родной власти.)

Избрали неск<олько> лиц и послали вернуть их в село под
поруки всего об<щест>ва.

5. Вопрос о ширококолейных дорогах: проводимые по нашей
земле. (Дважды в день девятью табунами.)

Тут возникает много неудобств, если построить дорогу. (От-
ним<ается> земля, выгоны, расшир<ается> жилплощадь.)

Кукуруза контракт<уется> поквартально. Фрукты и ягоды
тоже контр<актуются> от 47 руб.

Контрактация в колхозах уже проведен<а>

Контр<актация> единоличн<иков> началась 6 июля.

Не менее 38 п<удов> с га.

Фрукты и ягоды сдаются полеводтоварищ<ам>.

Контрактация скота.

Вопрос прорабатывался по кварталам, на кажд<ые> 20 дв<оров?>.

Большая тяга в колхозы, как резул<ьтат> разъяснительной работы по контрактации. Единоличники вышли помогать колхозникам на поля.

Крысы, борьба с ними.

Село Христиановское

Приняли парт<ийные> и сель<скохозяйственные> организации, приняли оч<ень> плохо. Полная несговоренность парт<ийных> и сель<скохозяйственных> организаций.

Кр<уж?>ка физкультуры нет. Про <Далее обрыв текста.>

Разговоры с секрет<арем> о [со] проработке 16 съезда. Были проработаны на парт<ийных> и комсо<мольских> яч<ейках>. Связь в этом с бедняками и середняками отсутств<ует>. Слабая проработка тезисов.

Кр<уж?>ков при парткол<лекти>ве никаких нет.

200 парт<ийцев>. 400 комсом<ольцев>.

Раскулачено 200, ликв<идировано?> оконч<ательно> 160. Ошибки были.

Комбинат задания не выполнил, посев по колхозам перевыполнил.

Сначала все село было коллектив<изировано>, потом все отхлынуло, теперь втянуто 170 чел<овек> из 1000, не влитых в комбинат.

Громоздкость партаппарата.

Колхозники помогали единоличникам.

На комсомольском

Были пущены фейерверки и ракеты, публика сбегалась со всех концов деревни. Старухи — в окнах.

Сообщения Витта о Грознефти. Приветствия, уд<арные> бригады — Москвы и пр. Соцсоревнования. Ус<пех>.

Публика реагировала.

Выступление агитгруппы. Успех.

Летающие светлячки в горах...

...и летающие светлячки казались милыми огнями [(движущегося) (недалекого)] селения.

Селение [передвигалось] кочевало, оно возникало тут и там.

Портреты вождей из цветов.

На газонах пышно цвели огромные вожди революции. [Маргаритки клубились вместо седины.] Клубящиеся седины Маркса, избраженные маргаритками, [2 грядочки темных ноготков], резкие складки у рта Сталина темнели грядками бархоток, анютины глазки были посажены чересчур раскосо на зеленеющем лице Ленина.

Велопробег [Прибыло] Грозный — Тифлис — Грозный <1 сл. нрзб>, — Грозный — заврайон

новые промыслы
старые промыслы
город
жел<езная> дор<ога>
Сормово
Москва — Мытищи
Москва

Агитационн<о>-спорт<ивный>. Как выполняются директивы партии — по коллект<ивизации> и по (<1 сл. нрзб>) Тов<арища?> Куйб<ышева?>

По популяризации достиж<ений> и неудач <?> Грознефти.

Из Грозного 7 ч<асов> 1/VII, в <1 сл. нрзб>. Выяснилось, что о XVI <съезде> ничего никто не знает, 18 в<ерст> от Грозного.

Шали 3-го — чеченск<ий> аул, окруж<ной?> центр.

Изм<енения> в положит<ельную> сторону.

Обслуживали колхозы — пока ехали на работу, на полях.

Живая худ<ожественная> агитгруппа.

В Шалях — заключит<ельный> митинг. Вечером 3/VII. Директор заверил, что как можно больше втянуто в Грознефть. Колхозники заверяют в перевыполнении. Выступление горянки (на зак<лючительном> мит<инге> 1000 ч<еловек>).

Шатоя — крепость, окр<ужной> центр.

В Чечне помимо окр<угов?> 8 выст<уплений>.

Инициатива — за чеченский совет физкульт<урников> и чеч<енский> союз горнорабоч<их>.

В пробеге с Сормова участв<овали> те, кот<орые> делают оборудование для Грознефти.

К<репость?> Шатоя Мал<ая>. Военно-грузинск<ая> дорога. В Ш<атую> дорога. В Ш<атое> встретили комсом<ольцы>-чеченцы. Устали. Предоставили все, что имелось, несмотря на недостаточн<ое>

снабжение». Устр<аивали> игры, комич<еские> заезды на велосипеде. Активно участв<овали>.

9 ч<асов> утра 4 утр. <1 сл. нрзб> и <1 сл. нрзб>.

4/VII в 2 ч<аса> дня прибыли в некогда револ<юционный> аул Гойты, передвин<улись> дальше в Урус-Мартан (окр<ужной> центр). Поддержка со стороны парт<ийцев>. Митинг был вечером, игры, огромное впечатление на чеченцев. На поле, на работах выступление худ<ожественной> группы.

Тезисы Яковлева прор<абатывались?> только в Урус-Мартане.

Валерик: решили вытребовать спецчеловека для разъяснения и популяризации <1 сл. нрзб>.

Слепцовская, казач<ий> трудов<ой> центр. Здесь дело с холодком, твердого рук<оводства> не чувств<уется>.

К уб<орочной> кампании готова, молотилок нигде нет, заказы не выпол<нены>, сообщено про дождь. Нет четкости в контрактации.

Настр<оение> бодрое. 50 км в сутки справляются хорошо, но не легко. Сормовичи не <3 сл. нрзб>.

Дисциплина — отд<ельное> бузотерство.

В кол<лекти>ве рабочие-ударники, выбр<анные> на раб<очем> собр<ании>, состав партийно-комсомольский.

Вчера был дождь, пришлось машины тащить на себе — это особое значение, военизирован<ый> характер, намечена цель. 11 раб<очих> [частей] часов, шли окольными путями.

Влад<икавказский> Совет физкульт<уры> не встретил, помещение не предост<авил> и то благодаря Динамо. Ночевали в Д<оме>К<расной>А<рмии>, это было и в прош<лом> году.

К Шатою. Колхоз<ов> нет. Продов<ольствия> нет, живут впроголодь, строится дорога, Шатой — Шар<ой>, эта дорога свяжет горн<ую> Чечню с окр<ужным> центром, строится на 50% за счет населения. Работа должна быть приостановлена вслед<ствие> полного отсутств<ия> продуктов. Послали письмо чеч<енскому> ок<руж>ному ВКП, крайисполкому и центр<альному> совету автодорог, <2 сл. нрзб>. Население просило оказ<ать> поддержку.

Дальн<ий> путь.

Днем в Ольгино.

Пучковский.

Вечером на Кавцинке о Грознефти, Дмитр. о задачах физкульт<уры> на производстве.

По Осетии. <1 сл. нрзб>

На Цейсский <2 сл. нрзб>

(«гремели фаллопиевы трубы»)

(из реперт<уара? 1 сл. нрзб>)

[С 6 июля занимается.

С полпятого встают.

10 минут на самообслуж<ивание>.

С 6 часов — занятия.

Во время утрен<ней> зарядки производится преодоление по- левого городка.

Перед обедом еще раз преодолевают городок. Для аппетита. 8/VII 35 кил<ометров> переход, чтоб выявить физподготов- ку, за год.

С 15<-го> переходят к последней стад<ии> 5 учебн<о>-отрядное 3 и 9 уд<арные?>, 2 уд<арная?>, заключение договоров.

11/VII будет слет ударник<ов>, кот<орые> подведут итоги удар- ничества.

Проводятся беседы по уборке урожая, соревнование (вне за- нятий) по пулеметн<ому> и стрел<ковому> делу.

Политлотереи по вопросу <2 сл. нрзб> международному по- лож<ению> и т. д.

Занятие. Сколачивание <1 сл. нрзб> батальонов и т. д. Закан- чивают все окруж<ные> маневры.

Контрольные цифры для каждого бойца отдель<ные>. По- строиться с предельной быстротой, занятия, в минуту 140 шагов вместо 120.

Политподготовка — проработыв<ать> XVI съезд и писать об этом родителям.

Заканчивать упражнения без перестрелки, усваивать быстро и аккуратно распределять дистанцию.

Противогазовая тренировка до 1 ч<аса>.

50% ком<андного>состава уч<астники> гр<ажданской> войны.

«С этим мы уверяем наших старых братьев, что мы [обязыва- емся] оцениваем их завоевания и героические поведения 89 полка».

Лучший подарок будет повысить боевую подготовку в полку.

Мало дал полк в наборе на средн<ий> ком<андный>состав.

Бойцы легко-пулеметчики 9 и 2 роты провели боевой стрелковый день имени 16 партсъезда. 16 июля.

[Полк] Дивизия орган<изована> в <19>19 году под Казанью.

Свердловск — Царицын — Кубань — Баку — Армянск<ая> граница — в <19>22 г. в гор. Владикавказ.

С Колчаком, Деникин<ым>, с Дашнаками, арм<янскими?> мен<ьшевиками> и с бандитами.

Полк краснознаменный.

15<-го>, законч<атся?> 4 ступ<ени>, будет сбор всего полка, и будет праздновать 11 лет. Из стар<ых> организаторов полка осталось мало, тов<арищ> Соколовский, ком<андир> I бат<альона>.

26/VI «Подготовились ребята, постарались и дали 90% выполнения без перестелки по II упражнению.

Обмолоторный — амбулатор

Узкое место — стрельбище, хоз<яйственные> неувязки, венерические<е> болезни.

Переход к единоначалию почти закончен.

Подвзорная труба

Стационарное лечение

Договор на соцсоревнование 9 стрелков<ой> роты с 3 пульроторой на ночной маршрут с 5 на 6/VII-30 по послед<ующим?> пунктам.

1) Ни одного отставшего

2) Ни одной утери

3) Ни одной потертой ноги.

От 9 роты тов<арищ> Земляной забыл противогаз. На привале найден от 3 пульроты один с прелыми ногами, ехал на подводе.

Тимашев

Охвачена Чечня — самая горная часть, куда редко кто заезжает.

Чечня в общем с посевн<ой> кампанией справилась. Осен<ью> посев<ной> комит<ет> увеличит количество посевов.

В части проработки тезисов тов<арища> Яковлева Чечня еще не приступала.

Кавцинк. Выполнение на 47%.

Еще не налаженная хоз<яйственная> организация.

За ударные темпы.

Приветствие от Сормова

Приветствие от Москвы.

Доклад Пучковского.

В связи с переходом на механизацию сельского хозяй-
ства нефтяная промышленность приобретает очень большое зна-
чение, как топливо, снабжающее все предприятия.

27,7 миллиона тонн — Грозный 6,3 добывает, 13,5 мил-
лионов тонню.

В 1883 г. — начались первые вышки.

<1 сл. нрзб> П. национализирован в <19>20 г. В 10 лет добыто
24 миллиона пудов.

Старый район — и новый район.

Мы получили 12 горящих фонтанов, которые горели 18 ме-
сяцев.

С 20-23, 1,5 миллиона тонню. В <19>29 30 — 4,5 — I полугодие.

Улавливание газов

Священные огни

Бурение скважин.

Разведка

Майкопский район и Майкопский фонтан.

Поимка фонтанов

Керченские перспективы

Привет горнякам-чеченцам.

(Горняки?> взяли между свинцовыми горами, под песнями
отдельных стариков, которые молились отдельным часовням.)

Садон — Мизур — в <19>20 г. 90 г. 5-6 тонню.

<19>20 — 700-800

<19>30-31 — 1200 70 000 тонню.

Роль национальных областей в промышленности.

Выполняют по добыче 74

Капитальные?> работы?> 70

Разведка-подготовка 77,8

Горняки Садонских рудников должны подтянуться до до-
стижений Грознефти.

Шахтеры в день смерти Ильича взялись добыть 45 000 тонн.

Увеличить промфинпланы.

Горняки двух национальных областей должны быть
<1 сл. нрзб> нефть и свинец. Уход 53 рабочих в течение 10 дней
из-за питания.

Категорически настаивает на включении в план снабжения.

Ударные горизонты и ударных забоев, имени XVI <съезда>

8/VII

Сижу в лагере; живот надрывается. Спасу нет, как болит. Играет рожок.

Политпросвет

[Общее положение: учет почти закончен за искл<ючением> союзов швейн<ого>, электрост<ального?>, лесозаг<отовщиков?>.

Ликвидаторов выделяют печатники, медсант<?>, <1 сл. нрзб>.

Рабпрос — ничего не делает

Швейная ф<абри>ка — // —

Лесозаг<отовщики>, электрос<тальщики> не пров<одят> уче- та и не выяв<ляют> неграмотн<ых>.

По избам-чит<альням> приступлено к органам <1 сл. нрзб>. Шалдон<ская>, Молокан<ская>, Владимирка, Курская.

Совпроф не принимает решит<ельных> мер, контроля нет. Комсодов ни на одном предприятии нет. На Осетин<ской> слобод- ке комсод ничего не делает, задерживают списки неграмотн<ых>. Соцсоревнования и ударнич<ества> — НЕТУ. Установка дана. Про- верка — легкая <1 сл. нрзб>. Через членов Комсода, через метод <Да- лее обрыв текста.>

Комсомол окр<уга> обязан был организовать на 1000 чел<овек> кружки — ничего не сделано. Единственно было выделено 6 человек. Партруководство хромает. Установка дана. В Колхозсоюзе с учетом задержались, мнение на съезд.

3. Учет заканчивается среди неорганизов<анных>. Среди сою- зов, 4 союза отстали.

2. Смотр ячеек начался.

3. Вербовка 1000 поручена КСМ, КСМ ничего не делает, сейчас на 50% исполн<ено>. 50 ликвидаторов брошено.

4. Все идет через Совет.

Большой прорыв в смотре ячеек.

Свинцовый поход

Новый промфинпл<ан> (себест<оимость> повыш<ена>)

Пров<едение> в жизнь предложений уплотнения раб<очего> дня, борьба с прогулами, с потерями и т. д. Конкретные мероприя- тия. Агит<ационная> массовая работа. Практически взять текущий ремонт. Текучесть, выявить и т. д.

Мобилизовать несколько из сельских комсомольцев... Как срабатываться другие цехи. Доведение промфинплана. Задание кон- кретизировать, уточнить до печки.]

13 июля 1930 г. Они Грузия

Редакция откомандировала меня в поездку по колхозам Осетии вместе с велопробегом. А я взяла и поехала вместе с ними в Тифлиси! Тогда как надо было остаться в Садоне. И теперь совесть меня подмучивает. Сегодня что-то тоскливо. Но в общем весело и хорошо. Ребята хорошие в массе. Ко мне относятся внимательно и хорошо. Пучковский — моряк типа Уоллеса Тири. Еду в легковой, а хотела бы с велосипедистами — веселей и труднее. Да что-то сейчас ничего не пишется, хотя впечатлений до края. Уже знаю, буду работать до смерти над поэмами — Гизельдон и Велокросс. Какие они будут, думать не надо.

Скучаю и думаю о Беслекоеве.

Неужели это была его жена?! М... м...

Когда мы сидели в шахте

14/VII

Когда мы сидели в шахте... когда он разглаживал мне волосы, удивляясь их мягкости... когда освещал лицо фонариком... когда утром сказал: «пишите»..., когда вчера неск<олько> часов болела им.

Главное — увидеть все живым, живым, во плоти и противоречии. У хозяина, у которого я остановилась, было отобрано все хозяйство, как у кулака. А он партизан и хлеброб. Потом возвратили. У него какая-то пришибленная покорность, и мне стыдно перед ним. Пойду завтра по колхозам. Сколько писать, сколько работать. Когда я смогу работать над собой — много, упорно. Какие хозяева хорошие!..

15 Беслань

15 Лагерь

45 Кавцинк

2 корресп<онденция> о кроссе

Алагир — кор<руп>ция

Гизельдонск<ие> ударн<ики>

Гизельдон — сигн<ал> рабкора

Подготовка к перевозке хлеба

Думаю, думаю о Беслекоеве. До оскомины додумаюсь, и охотка отойдет... Мне я кажусь часто фальшивой, и моя «непосредственность» деланной. Нет, брошу ее — деланную.

1 и 2 На красную доску за перевыполнение (Проведение тоннеля, земляные работы, <1 сл. нрзб> бетона). Во многих были прорывы.

1) Лесопильный? завод В 1 полковине был на черной доске, производительность труда повышена на 16%, выпуск продукции на 18%, себестоимость снижена на 9,6% против плана, трудовая дисциплина — прогулы снижены на 40%.

Промфинплан перевыполнен. Брака нет. Был прорыв.

2) Суконная фабрика

Себестоимость на 0,6%, производительность труда — 1,9%, выпуск продукции 9,9%, прогулы снижены 99,9%.

Баритовская мельница

Себестоимость снижена на 18,9%, производительность труда увеличилась на 5,2%, продукция повысилась на 5%. Внесена на красную доску. Прорывов не было.

Кутаисский известковый завод

Себестоимость снижена на 4,4%, производительность труда поднята на 34%. Выпуск продукции увеличен на 33%.

Отстающие заводы

Модсазчетский известковый завод себестоимость увеличена против плана на 14,5%,

На 13% невыполнение по продукции 27%.

уголь

Тквибульские копи — на красную доску в 1 квартале 230 000 на <19>30–31 г.

Себестоимость снижена на 1,7%, производительность труда на 19,5%. Добыча на 13,1% против плана.

За все годы план невыполнялся.

Прогулы ликвидированы на 37,7% с <19>26 по 29 гг.

Отстающие фабрики

Марелисская фабрика гнутой мебели, 1 и 2 кварталы — невыполнение, себестоимость увеличена на 10%, выпуск невыполнен 3[7]1,7%, Производительность труда — невыполнена на 52%.

Сейчас начинают выправляться.

На 0,9% снижен выпуск продукции, 0,6% производительность труда 42%.

Объявили себя ударниками имени XVI съезда

Сукон<ная> ф<абри>ка. Кутаис<ский> лесопильный <завод>

Кутаис<ский> известковый завод

Баритов<ская> мельница.

Копи. Тквибульские

Уд<арных> бригад 126 (по всем предпр<иятиям>)

Охвачено 1814 челов<ек>.

Бригады им. Ленина, им. Сталина.

14/VII

Башка кружится... Вино... Господи... Нет, нельзя писать того, что думается... Только почему я считаю это скверным? Как монашенка, отгоняющая мысли о соблазне. Буду думать... Беслекоев... Беслекоев... Как его семья?..

1[4]5/VII. Кутаис

Нет, обязательно, обязательно еду после учебы работать на Кавказ. И на комсомольскую работу!! Мне нужно составить свой индивидуальный промфинплан и стать настоящим ударником!

Вот цифры — вводи на этом листке, как мне хочется видеть их не на бумаге — а налитых телом, думой, волей, противоречием, и не только видеть, а самой, самой участвовать в их выполнении.

О сколько тем!

Гизельдон — поэма. Очерк.

Велокросс — очерк в стихах. Очерк.

Садон-цинк. (Посвящу Беслекоеву.)

Очерк.

Горный милиционер.

Женщина — милиционер.

Как надо работать! Как работать! Просто я хватаюсь за голову! И это должны быть не мои... Гимназические, да, да, гимназические очерки, и не ползучие очерки Юрия — а действенные, увлекательные вещи, заражающие радостью стройки.

Печально то, что я говорю ходячие вещи о профсоюзной работе и т. д., имея в представлении только отвлеченности. Все это, налитое плотью, я видела пока еще мало.

Но слова «уйти на производство» для меня теперь встали во всей серьезности и трепетности — огромной трепещущей радости и тяжести своей.

Какая жизнь... Как жить... Здорово... Разве ж все это интеллигентские бредни?.. Как хочется все, что вижу, запечатлеть в слове... Как редко и бледно вспоминаю Николая... Как хочу огромного, радостного, сильного строителя назвать своим любимым, своим мужем, своим товарищем, единственным и всегдашним...

Борис — не строитель.

Беслекоев — строитель. И не дурак, примитивный как Гогичаев!¹

Да, когда я болела Беслекоевым — это значит, мне хотелось со всей силой, чтоб работать вместе, идти вместе, чтоб он учился, подтягиваясь до меня, а мне бы тянуться и тянуться за ним, за его опытом, за его силой.

Мне казалось, что это было бы великолепно! (Почему-то думается, что это слово — самое подходящее...)

О нем «как таковом» думалось тоже, до соли на глазах, но точно первый раз я ощутила эту жестокую разницу, радостную — в развитии, в мировосприятии, и в то же время необыкновенную близость.

Неужели он — женат? Неужели — ребенок? Тогда зачем же он заливал о женитьбе — в шахте? Врал? Это коробит и мучит... А впрочем — что ж тут такого?..

Лицо его забыла. Путаются сотни других восточных лиц.

Помню только загнутые ресницы...

В Садон поеду в середине или конце августа. В Грознефть числа 10<-го>.

На Алхан-Чурт поехать не удастся.

Я, наверное, обладаю поверхностно-радостным отношением, неглубоко-радостным...

Дарг-кох не полностью готов<ы> помещен<ия>. В пакгаузах в нек<оторых> мест<ах> имеются дыры в полу (грызуны). Пож<алуй>, пакг<аузов> не хват<ит>.

А Животноводсоюз Алагири не выкуп<ил> соль, загружает большое помещен<ие>.

Небезопасно в противопожарн<ом> отн<ошении>.

¹ Предложение «И не дурак, примитивный как Гогичаев!» взято в квадратные скобки.

Необходимо увеличить количество светящ<их> точек.

Елохотово. Начстанции С. отослал комиссию — идите сами. Подъезды, когда осенью будет грязь — то к складам не подъедешь. Ступеньки — ветхости. Еще не мостится.

Нач<альник>ст<анции> отговаривается тем, что имеется элеватор — насчет запасных амбаров — не беспокоит<ся>. Мало фонарей.

Муртазово. Удлинить 4 путь для удобной подвозки, к нему не приступлено. Связь имеет много битых изоляторов.

Лучше всего! Даже мелкие щели все позабыты железом. Инициатива О.Р. Дополнит<ельные> осветит<ельные> точки, главн<ым> образом, пути подъезда.

Нет противопож<арных> баллонов. Отсутствие бочек.

Мостовые. Везде плохо в пожарн<ом> отношении. Беслан еще не обследован. Считают, что «под боком».

(Подготовка к хлебу¹) Неуворуев завоколот<ком?>.

Беслан 05 со стороны администрации пом<ощника>нач<альника>станции, нач<альника>станции до сего времени не замостили подъездов, что может сорвать подвоз хлеба, там навалены кучи песка и камней.

Депо. Поворотный круг неисправен, не готов к быстр<ому> повороту.

Подготовка к хлебоперевозкам

По Беслану — неприкосновенный запас [1000 вагонов] — отремонтированы? исправных должно быть 100 в<агонов>.

7 вагонов — брак (выяв<ила> послед<няя> проверка, обращ<авшая?> серьезное внимание).

В осевой части, вагоны могли выйти из строя. Завремонтом Баев — это его халатное отношение.

Всего по Сев<ерному> Кав<казу>

Контрольн<ые> цифры переброски хлебн<ых> грузов — неизвестны.

Путевое хозяйство

9, 10, 11, 12 — срочно исправить, подсыпать балласт к вакуум-сушильному заводу. Если не буд<ет> подсыпан балласт, рельсы могут расползтись, и вообще это буд<ет> тормозить движение.

Паров<озное> хоз<яйст>во готово.

¹ Фраза «Подготовка к хлебу» взята в квадратные скобки.

Имеется недобросовестное отношение паровозных бригад к сохранению паровоза в надлежащем виде. «Упускают трубы».

Разъезды. Дасаново не открыт, что уменьшает пропускную способность. Через Беслан идут нефтегрузы, стройматериалы, обычное движение и хлеб...

Кадры. Не хватает младшего технического персонала (стрелочников, составщиков, сцепщиков).

Работают 3 кружка к осенней переквалификации. Комсомольцы недостаточно участвуют (71 человек) в переквалификационных кружках.

Местранс обещает обеспечить рабсиллой.

Вопросы снабжения

Не имеется рабочей столовой.

ОСУРК должно подготовить столовую. Обеспечить продукцией и персоналом (помещение и кухня есть). Крестьяне.

Обеспечить грузчиков и крестьян дешевыми обедами.

Выделить бригаду. С радиофикацией плохо.

Очень большой дефицит в работниках (хлебозаготовщики, транспортников). Оказать помощь.

130 и 71 комсомолец — 15 человек в ударных бригадах.

ВОДА I

(Устаревшая водонапорная сеть — задерживает паровозы.) Капитальные затраты. Вода не фильтруется, с песком идет в паровой котел. Конфликты с населением, — нужно будет урезать отпуск воды.

Административные органы размагнитили соревнование. Не было должного учета, не следили, не руководили. 2 ударные бригады — имеются определенные успехи.

Вновь о перестройке ударных бригад.

Осенняя и зимняя перевозки под знаком ударничества.

Коренная болезнь — замариновываются рабочие предложения.

<Геометрический узор.>

Беслан. Узел в области коллективизации, отсутствие клуба.

Должен построить дорпрофсоюз. Забыл Беслан

Необходимо культшефство, руководство.

Осипов — старый буфетодержатель — заведующий беслановским буфетом. Отсальных за бездеятельность сняли и заменили выдвиненцами — 2 рабочих + работницы.

Займ 5 в 4 г<ода>. Постановили подписаться всем на полумесячн<ый> вклад (депо).

2 школы спец<иализируются?> по съезду, и для бесп<артийных?> 1 шк<ола> при клубе.

20/VII.

Вот и все кончилось. Грузия, все люди остались позади. Даже не верится как-то. Думается, сейчас появится Колька, или Жорка, снова затарахтим, поедем, и грустно, грустно, дико даже, и не верится. Как в смерть. Была 11 дней вырвана решительно ото всего прошлого своего и крепко во все включена. Дарьяльское ущелье просто проспала. Ночью Жорка руку целовал, ворочался, в общем — страдал. Мне ж дурака валять не хотелось, пацаненок, дурачок.

9/IX-30

Я вспоминаю — я думала, что первые дни буду дико скучать. Так и вышло. Я была, как неживая. А сейчас тоска прошла и осталось только тягучее воспоминание и недоумение: неужели все так быстро проходит?..

Завтра на почте спрошу писем, и если их не будет — ощущение позора нахлынет на меня. Наверное будет приступ.

12/IX-30

Писем от Али еще не получала. Наверное, письмо затерялось. Не может быть, чтобы он не захотел написать мне...

Не может этого быть!

Я все жду — его... Как глупо, господи.

Он тускнеет и покрывается воспоминанием как ржавчиной. Сердце, все же, саднит..

Ой, Али... Лучше бы я первая перестала писать тебе, чем ты мне.

Но если письмо потеряно — что тогда?..

Или Кадзоев насплетничал ему? Или он сам не то, что я думала?..

Нет, нет, он не мог притворяться — так!..

*Беслекоев прислал письмо, оно шло ровно 5 дней из Алагир-
ра... Славный Харитон! Надо ответить ему...*

*Однако Николай самый хороший. Я все дальше иду в любовь,
не оставляя лазеек для обратного выхода из нее...*

По воде шумят колеса
Взяли на борт якоря
Буду, буду я матросом,
Я поеду за моря!

Будет с лентами фуражка,
Воротник с полосочкой,
И рубашка нараспашку,
Белая матросочка!

Мама скажет:
Ты куда же,
Петенька мой славненький?
— Оставайтесь!
Петя скажет —
Буду в дальнем плаванье!..
Папа скажет —
— Это даже
Очень даже хорошо.
Отправляйся, папа скажет,
Плавай лучше, корешок!..
Папа сам матросом был,
[В Красном флоте он служил,]
На «Авроре»
[В Красном флоте] он служил,
На «Авроре» он служил,
Бомбу в Зимний запустил!
[А потом краскомом был.
Ледокол в поход водил,
Скажут сестры мы с тоб]
А сестренки заорут:
[Скажут звонко Петя, Петя]
Мы с тобой, братишка!

В Красный флот *теперь* берут [девчонок]
 Не одних мальчишек!..
 Отправляйтесь, скажет папа
 И проводит нас до трапа...

На первенство промфинплана вас не известили.
 Городской Сов<ет>проф<союзов> к 1 мая организовал, вас
 не известили

Севкавказ. Железнодорожникам.
 Областной комитет Осетии
 Герасимова, машинистка
Горсовет не отчитывается

Сядьте — ей-богу
 Что да кто?

Фактически эта площадь, здание пустовало весь <19>29 год,
 относится к клубу.

Яслей нет.

Просить стали с <19>25 года. Организовали подведом-
 ствен<ную> комиссию, недавно созвали совещания, без приглаше-
 ния представителей Алагирских орган<изаций>.

Закреть <1 сл. нрзб>.

Обслуживает весь

Дикая сырость, инструменты ржавеют, полы гниют, оружие
 ржавеет, <Обрыв текста.>

Ольга Берггольц. 1930 год¹.

За высоту ж этой звонкой разлуки,
 О, Пренебрегнутые мои,

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц на форзаце дневниковой тетради.

Благодарю и целую вас, руки
Родины, робости, дружбы, семьи...
Лето 1930

Так каждому сердцу кладется любовью
Знобящая новость миров в изголовье.

...Так значит и впрямь
Всю жизнь удаляется, а не длится
Любовь, удивленья мгновенная дань

Знобящая новость миров в изголовье

Ну, вы, Полумухи!
Не мылься, бриться не будешь
Мельница

Вербовка в Партию¹

9/VIII

Сегодня выехала с велокроссом.

9/VIII-30 Садон

Однако таким образом я много дела не наделаю. Сегодня целый день тупо отдыхаю. Думаю, что все наверстаю, с приездом Беслекоева. То общее, что заставляет людей понимать друг друга — найдено между нами.

То, что я продумываю, слышу и т. д., завтра должно получить окончательную подчистку. Странное дело, мне кажется, что у меня очень мало материалу! Неправдоподобно мало выйдет... Нет, эта моя работа должна получить определенную окраску — в результате. Мои предложения должны не висеть в воздухе, а со всей конкретностью быть проведены в жизнь. Завтра я все наверстаю. Вчера, в Мизуре,

---

¹ Со слов «За высоту ж этой звонкой раздуки...» до слов «Вербовка в Партию» записи рукой О. Ф. Берггольц на авантитуле дневниковой тетради.

чувство одиночества и ужаса охватили меня, когда деловод, руководитель трама и нач<альник> военизированной охраны оглушали меня кооперативными сплетнями и брызгами склок. Что такое нач-военохранины? Отвлеченно — это нечто общественно ценное, конкретное — лютый обыватель. Дико, дико... Плохо!

Однако прерву себя и пойду в Галон. Хорош вечер.

10/VIII

Написала письма — много писем. Беслекоева еще нет. Ох, как многое я теряю в отношении работы! Как с таковым-то — хрен с ним. Но вот показатели ударного горизонта комсомольского — где они. У него? А он? В городе.

Утка в море, в утке яйцо, в яйце иголка. Приедет? Не приедет?

11/VIII

Ну, приехал... Вчера вечером часа 4 ходили в луне, в горах... Ой, смех!? Не могу без хохота (довольно-таки глупого) вспомнить вчерашний вечер. Ну, как по-писаному было то, чего я ожидала, чем болела 2–3 дня в Кутаисе. А ведь буквально болела тогда; что писала, о чем думалось — это все более чем возможно, и совместная жизнь в Ленинграде, и любовь и пр. и пр. И — ничего этого мне уже не нужно... Вот оттого-то и смешно. Я вспоминаю дорогу от Они... Меня чуть не лихорадило. А тот вечер в Кутаисе и тот графин переживаний? Но стыда я не ощущаю. Или я развратилась настолько, или это ужасная «взрослость»? Вчерашнее «гнуснейшее предложение» Беслекоева меня мутит до тоски, до белой тоски в глазах. Бррр ух. Идиот какой... Но конечно, если б это сказал ВВ, например, я перестала бы с ним здороваться.

А Харитон обалдел вчера до хмеля. У, какие глаза у него были... Какие у него губы ласковые, мягкие, нежные. Только «любовного разговора» нет у меня с ними, да и не надо его.

Вчера для меня Х<аритон> был чем-то нейтрализующим для Асл<анбека>. Пришла вечером в общежитие и, поедая сыр, хохотала: и Харитон, и Асланбек были мне больше не нужны...

Желание чего-то «глубокого». Желание сопротивления мне, что ли. Колька мой, как я люблю тебя. Нет, не дело я делаю, мучу ребят, они же коммунисты, хорошие работники.

Если Асланбека не будет в городе, или если он «разлюбил» меня уже, я не заплачу. Там еще есть Гиоев. Это человек серьезный... Фу, какое я барахло, как может показаться. Грязное дерьмо <?>

Я целовалась вчера с удовольствием, несколько даже разрядила себя, но ведь это все не то. Ведь если любишь человека, то вся задрожит, каждой кровинкой, его целуя. А тут — нет. Да, это все «между прочим». Главное — рудник, и чтоб была от меня польза. А то — хвалилась синица море зажечь.

Сегодня опять пойдем блуждать, на прощанье. А все-таки Харитон, конечно, хороший парень, красивый, не глупый. Есть — «себе на уме». А может, не идти? Опять будет «расстраиваться», а ты ему отказывай. Скучное занятие! Культурный человек не стал бы ставить себя и меня в неловкое положение. На собрании рудкома — дикая тоска. Беслекоев мямлит, как покойник — гроб. Сбежала! Займись с материалами.

12/VIII

Снова начались мытарства моего этапного следования. Сижу и мучаюсь — ну, как я не попаду на грузовик? Да нет, хоть лопну, а сегодня буду во Владикавказе! Ох, нудно, нудно... Нет, зубами буду грызться, а попаду на грузовик! Вот интересное известие! По той дороге, где мы позавчера гуляли с Беслекоевым, сегодняшней ночью стреляли в нач<альника> взвода.

Слушаешь и руками разводишь!

Лезет эта самая салтыково-щедринская, гоголевская — Россияшка изо всех щелей, как волос из старой мебели.

Вот эти самые валки, ниппеля, локомобиль — ведь тысячи, сотни тысяч потерь!.. Ох, сволочи, сволочи!..

Материалу — до черта. Продумать и организовать как следует.

Почему не печатают политехнизацию. Скучная и плохая наша газетенка! А могла бы я все-таки вести и наладить массовую работу! Могла бы...

Вчера Беслекоев спрашивал: «Оля, ты любишь меня?» — «А ты?» — «Конечно! Не любил бы, так не вышел» — и пр<очее>, что полагается. Ну, насчет мотивировки «вышел» — это положим. Но что все это могло бы стать тем, о чем мечтала те 2 дня, — это факт и ре-

альность на 80%. А я ласкалась к нему за счет тех дней, да, за счет дороги Они — Кутаис, вспоминая те дни...

Боже! Трудно воспроизвести то ощущение, я его только помню. Но что это было... На грузовик-то попала, а на кукушку нет. Изматерилась! Настроение подавленное. Надо бы поработать сегодня. Да, примусь. Все-таки я разгильдяйничаю.

Начинаю немного скучать о Харитоне. А, ну их всех к чертям.

Остановилась в Сов. Тур. <?> Халтуристы ходят стадами. Я чувствую некоторое превосходство и глубоко («остро!») презираю их... Еще бы! Я — полезный работник, еду из командировки (одно слово чего стоит — в нем чувствуется — командир, ответственность, кобура сбоку, которой у меня, увы, нет), я имею право злиться, как сейчас, и говорить о красотах природы снисходительно и пренебрежительно. Я — почти сторожил. Ох, и смех. Отчего это так, глупа я, что ли, или порода человеческая глупее меня?.. Представляю, что было бы, если б у меня еще была кобура сбоку! Я бы зазналась окончательно и наверное бы все время расплывалась в глупой улыбке. Однако следует подковать Алмазова на оружие, следует. Неужели сам не догадается подарить? Где-то он, Асланбек? Помнит ли?

Однако я отчасти знаю, что все это значит. Это реакция от Бориса, от Юрия. Юрий. Я помню, как ломала себя, как мучилась, когда стал ухаживать за Мусей. О! Я мучилась...

Николая я буквально завоевала... Я помню, как говорила себе: «Ну, уж если я Кольку не возьму, что я “за баба”»... — «Неужели я настоящий?»

Мне часто кажется, что я — не настоящая, что все — фальшь, фальшь. Что все — от какой-то надорванности.

Но нет... Быть может, это от переполнения жизнью, от избытка молодости, растрачиваемого, очертив голову. Прежде всего я комсомолка, и будущая коммунистка. Да, я буду в Партии. Остальное — функция...

Но скорее — во Владикавказ. Пойду, покрасуюсь у ворот. Глупо это...

13/VIII

Вот тебе и «не заплачу». Чуть не заплакала, да, когда услышала, что Асланбек должен уехать сегодня в Кентуши. Не поверила, пошла,

искала, звонила. Он здесь. Завтра увижу его. Милый, милый, мой Асланбек.

Я как дурная. Надо же работать, а тут за окном гитара, и тоска, и одиночество окаянное. Ведь я никого не люблю, ведь меня никто не любит...

Если б сейчас в окно стукнул Алмазов, я делала бы все, что он только хочет...

Надо съездить с ним куда-нибудь... Надо, надо, я не могу бороться с собой...

А вдруг я ему больше не нужна совсем?..

Я скорее локоть искусаю,
 В три погибели себя согну,
 Чем признаюсь, как я погибаю,
 Погибаю десять раз на дню...
 Как я оббиваю¹ все пороги,
 Чрез которые переступал,
 Как меня совсем не носят ноги,
 Как синь-порох из глаза пропал...
 Не признаюсь я тебе, чужому,
 Не узнать про это нипочем,
 Только вечером дойду до дому
 Да зажмурюсь, упаду ничком...
 Упаду, и локоть искусаю,
 В три погибели себя согну,
 Не признавшись, [как] что я погибаю,
 Погибаю десять раз на дню...

Разродилась этакой мурой. Пусть. Пот нехороший проступает.

14/VIII

Асланбек в командировке — дней на пять. Состояние у меня отчаянное...

Я люблю его... Он приедет, и я скажу ему это.

---

¹ Так в рукописи.

Кузнецкая улица д. № 16 кв.
 Каболов Петр.
 Заводская ул. д. 47. Кочиев Алексей.

15/VIII-30

Ха! Ха! Ха!

С меня всю вчерашнюю дурь как корова языком слизала!..
 Что я, обалдела?..

Ведь это же все — временное, на пока, можно ли серьезно
 увлечься до степени бешенства матки?.. Дура я!

Вчера гуляла в саду с Кадзоевым, с мальчиком со змеиными
 глазами. Красивый! Немного посмеялась, спела (довольно гнус-
 ным голосом) неск<олько> частушек — а он-то уж и разомлел, и за-
 дрожал, и стал глупеть на глазах у изумленных зрителей.

Ведь своими же глазами видела, что написано в биографии —
 женат, а заливаает тоже.

Господи, все они одинаковы, нечего и «расстраиваться»...

Ночь темна

В степи морозной,

Золотистый, золотой...

Полюбил меня, да поздно

Не качай, брат, головой...

Живот чего-то болит... Слабит... Ну ее к чертям, всю эту ро-
 мантику!

Надо помучить Кадзоева как следует, чтоб не воображал. За го-
 род я с ним, конечно, не поеду — пусть отложит печение.

Интересно, как будет вести себя Асланбек, когда приедет?

Но если в дверь мою [ты постучишь] он постучит,

Мне кажется, я даже не услышу...

Меня беспокоит Садон. Материал явно еще раз требует пробор-
 ки. Да, приду в редакцию, пробегу еще раз. Очерк напишу хороший.

Скоро, скоро в город. Николай, милый. Учеба, книги, работа,
 театр... музыка, Ирочка. В Ленинград, в Ленинград...

<Приложена открытка «Ленинград. Петропавловская крепость. Вид с Дворца Искусств».>

В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно сердце мы похоронили в нем,
И блаженное, бессмысленное слово
В первый раз произнесем...

Где-то Борис? Гнусно я себя веду... С Алиханом целоваться не стоит — он товарищ Алмазова.

Какую я сумасшедшую записку послала ему вчера... Дура... Но скорее бы он приезжал...

Назначила Алихану свидание, но сама хочу в кино. Надо увлечь его на это дело. Пошлю маме деньги нынче.

Черт знает что. Пришла на завод, а тут все фриштыкают. Жди тут, а задание опять не выполнишь!

Во суки-то!

Гогичаев уехал в Москву. След Гюева потерян.

Пятилетка в 4 года.

Заем идет вяло. На заем сильно влияет текучесть. Как идет подписка у строителей — рудкому не известно. В конторе подписка идет вяло — подпишутся, а потом отказываются.

На подвесн<ой> дороге нет уполномоченного, на турбине тоже. Уполномоч<енные> центр<ального> и ходск. <?> участка не дали до 11 ч<асов> сведений о ходе подписки. Комсод бездействует.

К. С. П. — Повести работу по казармам.

Перевыборная кампания должна закончиться к 1 сентября. Перевыборы фн <?> и дн <?> провалены.

День индустриализации.

Встречный промфинплан. День индустр<иализации> на Садо-не запаздывает. 20<-го> предполагается митинг с рапортом. Выделить отдельные ударные забой и не расформировывать их до конца года. (Шахта Артем<?> сидит 4 дня без воздуха. Запасных подшипников нет.)

Борьба с потерями и рабочие предложения. «Собрать письменно».

16/VIII

Материал почти весь сдан. Березин сильно сократил его, и, по-моему, стало хуже, не крепче. Завтра сдам еще более ответственный. Березин не хочет посылать меня на Гизельдон, а Польского. Неужели они считают, что я работаю хуже всех?

Это меня огорчает, очень...

Я считаю, что я работаю не хуже их.

Березин составил статью, компилируя мои выводы. Статья общая и спешная. Песков — очень тусклый человек, он говорит, что материал слабый. Неверно, он ничуть не слабее того, что пишут Яроцкий, Польский и др.

Предзавкома диктует резолюцию деловоду. Он плохо говорит по-русски, Деловод, изнывая от жары, злится и торопится. Предзавкома медленно выбирает слова.

— Пиши: Прорывы по работе...

— То есть какие прорывы? — язвит деловод.

— Ну, пиши, прорывы работы.

— Да как же я буду писать, то так, то эдак диктуете.

— «Прорывы в работе», ведь вот люди, — извивается секретарь.

— Ну, пиши — прорывы в работе... Рудника... Которые...

— Да что вы мне через час по чайной ложке диктуете! — хнычет деловод и извивается еще больше.

— Непонятно, в связи с чем умер?

— Трагически. А! Трагически! Понятно.

Протокол от 7/VII-30 комиссии по проверке соревнования и ударничества.

Соревнование и ударничество у нас пока только на бумаге.

Происходила организация ударных бригад, а на другой день управлением совершались переброски и бригады.

Вопрос соревнования и ударничества затушеввался бюрократическим отношением рудоуправления.

Переброска из разряда в разряд. Снабжение материалами. Креп.<?> лес. Бывает, что нет лопат, грузят шапками. Запасн<ых> молотков нет. Недостаточн<о> ремонт<ных?> буров. Коллективное питание сезонников.

Подготовка кадров и комбинат.

Обследование Мизурской ф<абри>ки.

Работа на секторе не переведена, фактически работает один председатель. Нет точного учета членов Союза. Отсутствует проф-актив.

Отсутствует учет ударного движения.

Бригады по проверке общ^ественных организац^ий не учитывались.

— По финансов^ой части имеются случаи нарушения дисциплины (268 руб. на закупку? париков и грима) без ведома рудкома. Пассивность ИТР.

Мизурская фабрика

Закуплено 26 шт. в <19>29 г. Фабрике в год нужно 2 шт. Значит, ф^абри^ка обеспечена на 12 лет. Кажд^ый 5500. Идет переброска из Алагира. Легче купить станок токарный.

Далее идет денежные подсчеты. Денежный товар.

II. Мешки на 3 рейсе теряют 6% концентратов. Делают от 5 р^ейсов^е. Между тем на складе 25 000 рваных мешков.

Отдел снабжения комбината.

III. Локомотив.

Средне-Азиатс^кая. Свинец.

Вопрос о закупке им старого оборудования мизурской ф^абри^ки.

Выяснить.

Ударный горизонт.

Обыкновенно с горизонтом мы связываем представление о пологом крае земли, моря, или сливающимся вдальке¹ небом. Но этот горизонт на Садоне заставлен горами. Глубоко в [горах <2 сл. нрзб> в земле] породе проходят [иные] садонские горизонты. Безлиственный лес подпирает их; грибы лепятся по стволам, на многих [местах] участках лес пора менять, но лесу не хватает. [Гнилой лес грозит обвалом — порода напирает сбоку.] В шахте Артем почти тихо, и кое-где сквозь землю слышно пыхтенье компрессора, звон бура.

На четвертый горизонт шахтер спускается 180 метров по узеньким колодцам, цепляясь руками за железные перекладины лестниц. [180 метров вниз — 180 наверх — после работы, вот.

¹ Слово «вдальке» взято в рамку.

На четвертом горизонте подземный дождь, сырость.] Четвертый горизонт удар

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
а	б	в	г	д	е	ж	з

Играет рог, [встает] блестит зоря,
Пора проснуться в лагерях,

Сегодня пятое звено
Дежурить на поле должно.
Смотри, чтоб скот [не шел в] не ел овес,
Чтоб волк ягненка не унес,

И пастушатам про Китай
В веселый полдник прочитай
А пастушата

16/VIII

Очерк совершенно не пишется. Мне очень тяжело, что ребята находят, что мой материал плохой.

Вечером.

Мне нехорошо, точно тошно. Кадзоев целовал меня, и я боюсь потерять Алмазова. Я... «не хотела» этого. Сволочь я... Сволочь... Асланбека я не люблю, конечно. Но скорее бы он приехал, о, если б он приехал 18<го> — я была бы счастлива. Асланбек, приезжай, приезжай, приезжай скорее...

17/VIII

Алмазова еще нет. Меня лихорадит им. То жарко, то холодно.

Сегодня пойду с Польским к Балимотову <?>, пора отставить всяческих Алиханов, Асланбеков и др. К тому же Алихан — гм, гм. Ну скажем, неприятный тип...

19/VIII

Алмазов приехал 17<-го> и сразу же с вокзала позвонил мне. Да ведь он же любит меня! Встреча наша потрясла меня... И сейчас я даже насильно не могу вызвать перед собою образа Николая. Какой это трудный, прекрасный человеческий материал. Али¹. Я радостно улыбаюсь, вспоминая его. Он хочет освободиться от меня, как я хотела освободиться от него. Он говорит об этом прямо. Но не легко дается ему это освобождение! Это я отмечаю с удовлетворением, хотя мне и жаль его. Это постановочка! Что называется — начистоту.

20/VIII-30

Алмазов любит меня... Это вне всякого сомнения... Я в данное время люблю его. Какой он красивый, стройный, горячий и умный... Как он хочет учиться, какая упорность в нем. Ой, да что я.. Нельзя, нельзя все это... А Колька? Как же я теперь с Колькой... 23<-го> в Ленинград... Еду в Ленинград... Но Колька, Колька, что же делать?

16/VII с 1/VIII по 1/X

Около 120 предлож<ений>. Перед комис<сией> поступ<ило> в бюро рационализации.

Создана спецкомиссия по борьбе с потерями. Она просматрив<ает> раб<очие> предложения.

Были проведены подготовит<ельные> беседы.

Тов. Беляков напомнил о крыше цинкового цеха, где в большом количестве собирается цинковая пыль. Месяцев за 5 можно получить тонн 15 цинков<ых> концентратов.

Жулев

Теперь установлена норма кокса (до сих пор была не установлена) для разжигания агломерацион<овых?> котлов, котор<ая> даст 2000 руб. экономии в год.

Финкин мастер ж/д путей.

¹ Помета рукой О. Ф. Берггольц по левому полю.

Предложил ввести сдельную оплату для возчиков (мусор, строй.материалы), что даст неск<олько> тысяч рублей экономии. Это дало возможность не брать 10 машин.

Лубченко. Провести узкоколейку от котельно-сборочного до механич<еского>. Раньше 8 чел<овек> рабочих тащили из цеха в цех тяжелые предметы. Теперь большое облегчение и ускорение.

Лучистая теплота. Ширмы были очень неблагоустроены, было очень тяжело работать, теперь Ремизов предложил механизацию ширм. Что дало большое облегчение.

Раб<очий> Коновалов к подъемник<у> в керамич<еской> прибил железку, чтоб не набегал ремень.

Энергобаланс. Энергобюро.

Заказ<аны?> приборы, но они задержаны.

Не выделено энергобюро. Цветметалзолото точно не сообщило, что сделано.

Проводятся новые нефтепроводы. Уже приступили к его устройству.

Экономиста

План проведения 2-х месячника.

1) Сейчас идет

Подготовит — оперативно-переключ<ит> на пост. борьба. Все доклады — силами ИТС.

Организация ячеек Т<ехнических> Р<аботников>.

В каждом цехе организ<ация> спец<иальной> бригады по сбору раб<очих> предлож<ений> ИТР.

Сбор ценных предметов — арматуры, болтов, сбор ценных матер<иалов> с кладбища <?>. Сводки готовятся.

Участие профсоюза и партии недостаточно.

Завклубом до сих пор не сделали.

Конденсаторный бой. Мы уже писали о том, сколько пропадает концентратов на дворе завода; из них до сих пор получалось 40, а то и меньше, % концентратов; студенты-металлурги Лунев и Зайцев в лаборатории, прodelывая опыты над конденсаторным боем, добились 90% извлечения концентратов.

После опытов на мизурской фабрике они добились 80,4%.

Исходные продукты (битые конденсаторы) 701,7 кг — колич<ество> концентратов — 250 — % извлеч<ения> мет<ал>

лического> цинка, 76,94% + 3,1 пр<оцента> после вторичного перемола — 80,4%.

Обеспечить выполнение рабочих предложений. Спецсовещание по топливу.

Рабочие электростанции с 1 авг<уста> взяли на себя инициативу борьбы за экономию топлива.

Совещание всех лиц, имеющих отношение к топливу. Член Т<ехнических> Р<аботников> предложил не создавать бригаду, чтобы «не создавать бригады (чтоб не было П работы)». 4/VIII

Опережение.

Бригада создана, работает 6/VIII

Постройка башни. Хим<ический>цех. 2 пол<овина> июля, начать <?>.

Рабочие цинкового цеха отработывали по 2 смены, перерабатывали. Глобородко, рабочий строит<ельного> цеха, в очер<едной> отпуск работал в цинков<ом> цехе. Цинкачи.

Бригада из выходных — помощь цинкачам, на работу, ремонт кончали не в час дня, а в 10.

Рабочие-выдвиженцы работали с сегодн<яшнего> дня (16/VIII).

Вербовка рабочих — прибыло [60] 70, по 5–6 дней не получали хлеба по карточкам. Правление завода и кооперация бюрократически отнесл<ись>.

В правлении [при] по прибытии рабочих все сваливали друг на друга, пришлось заниматься комсомольской секрет<арю> ячейки.

Каспцинкад <?> по 7 по 10 дней задерживают материал в типографии. Верстка!

За индустриализацию.

Реторты от работы пропадают, каждый реторт стоит 4–5 руб. До 15 шт. на тонну! Доходит замена реторта.

Из-за чего? Масса для реторт. Самое больное место.

С 11–12

Тов. Лапшин

Нач. цеха Калачев

Банковский

Сурцев

Ширмы

Вчера набор 60–55 болв<анок?> до 60 шт. недополуч<или>.

20/VIII-30

О чем я очень жалею, так это о том, что нам с Али негде и нельзя провести ночь! Эх, жаль... Как бы, как бы хорошо было... Наши краткие минуты меня не удовлетворяют. Какой он милый, родной, любимый.

Электростанция.

Ангушт

Работает 25 000

Выявлена кулацкая агитация. <1 сл. нрзб> угрожают. Дело замято.

Привозят чинить плуги. 2 уже починили.

Убороч<ная> кам<пания> начнется в сентябре месяце. Торжеств<енные> праздники. Бригада ездила в 4 м<еся>ца.

22/VIII

Завтра еду. Завтра еду. Сердце екает. Али... Ничего и писать не могу от этого. Сегодня последний вечер с ним...

Я поступила очень и очень глупо. Я напрасно отдала ему то письмо, которое писала в Садоне. Да. Напрасно. Как же исправить все то? Хотя, там ничего нету.

Как там написано: «Это человек, которого я любила 4 дня, находясь вдалеке от него. Теперь я совершенно равнодушна, но мне хочется посмотреть, кто же мучил меня 2 дня и 2 ночи?» Как он поймет — мучил? Наверное, буквально. Али пришел сегодня пьяный. Говорил: «Я, милочка, все забыть хочу»... Говорил: «Я очень тебя люблю»... Потом пошли в прокуратуру. И все заверте<лось>... Сейчас я почему-то странно спокойна. И прощались сейчас спокойно как-то, а он мне читал что-то из политграмоты, и советовал «быть человеком» и «быть в состоянии»... Это оттого, что он плохо говорит по-русски.

А письмо мое?! Дура! Я его потеряю... Э, да что я трушу?.. Подумаешь!..

Только одно я знаю, что Николая я НЕ люблю... И жить с ним не буду.

Интересно, как-то у меня теперь обойдется.

Я, наверное, сильно оскудела, удовлетворяясь такой «любовью»... Письмо, письмо.

Ох, только бы он не уехал... Поговорить с ним, доказать ему все... Асланбек... Али... Солнце ты мое.

23/VIII

В 8 ч<асов> 5 мин<ут> отходит поезд... Мы сговорились с Али встретиться в 5 ч<асов> в прокуратуре. Я покрутилась около нее 20 мин<ут>. Его не было. Я пришла в редакцию, жду его звонка. Его там нет. Не знаю, идти ли снова к прокуратуре, или ждать, когда позвонит? Подожду до 6. Эх, надо было бы ждать там. «У тебя нет никакой гордости». И пусть нет. На черта она мне сдалась. Хочу, хочу его видеть напоследок... Хочу его увидеть. Хочу его у-видеть... Его живые, влажные глаза, худые щеки, твердый, колючий рот... Мне надо его видеть. Неужели он не придет хотя бы на вокзал. Через 10 мин<ут> позвоню.

У него доклад? Он должен был быть вчера еще... В чем дело? Неужели НЕ придет?..

<Запись на придуманном языке в виде знаков.>

Звонила. Ответил. Еще увижу...

24/VIII

Еще одной дорогой меньше

И больше осенью одной...

25/VIII

Земная скука вплоть до атрофии мыслительных способностей. Свербит на душе... Сосет тоска. Все тускнеет.

Одно желание — попасть в Ленинградский вагон. Впрочем, есть еще желание — съесть хорошее яблоко. Нет, два яблока. Вялость в членах. Грязь на оных. Мне будет тяжело, когда я только что приеду в Ленинград. У-ох, как... Когда все останется за горами.

Писать, писать. Работать, упорно и радостно.

Мечтаю об Асланбеке.

26 <VIII>, что ли? Еду как бы вне времени. Рядом лежит дыня. Она пахнет сладостью и прохладой... И прокуратурой...

Все-таки удовлетворения — полного — я не получала... А как мне его надо!.. Как давно я не испытывала этого прекраснейшего ощущения. У-ох! Для чего я устроена так... Мне надо составить свой промфинплан и выполнить его. Довольно обломовщины. Если еще раз все обойдется благополучно, я уеду более чем счастлива.

26-е, но уже в 10 часов.

Устроилась с удобствами в Ленинградском вагоне. Надо вывести человека, тихо и пламенно мечтающего о социализме. Вот, увидит у кого-нибудь хорошенький галстучек-киска и подумает: «Вот, при социализме, у всех будет такая киска». Пойдет в «Европейск<ую>» и потом скажет: «Вот при социализме все будут обедать в “Европейской”». Чем нелепее, тем лучше. Умиляется до слез. Счетовод-партиец.

Гортеатр Дунганскому

Ред<актор?> стар<ший?> или Фото<редактор?> кино<редактор?> тех<редактор?> или иной

Там я возьму себя в руки настолько, чтоб много работать... Али, ты первый мужчина, который в глаза говорил мне, что не хочет любить меня, не хочет обо мне думать; мне было и горько, и в то же время приятно: так откровенно можно говорить только с товарищем.

Заводить чинок

Рабочий первой руки, второй руки.

Другой, страшно хлопотливый, озабочен правилами внутреннего распорядка при социализме. Взмахивает руками и, хлопая руками по бедрам — удивленно негодуя: «Ах, господи! А как же это при социализме будет?» Эва какой! А при социализме тоже так будешь?

Кондуктор или железнодорожник.

Дождь. Если поезд будет стоять до 4 или 6 — съезжу к Ханину, возьму аванс.

Что ж мне делать с Колькой? Почитаю, что напишет Алмазов, потом узнаю. Все, только б не аборт. Я его боюсь. Выгляжу я сейчас оч<ень> хорошо.

27/VIII-30

Подъезжаем к Ленинграду.

Кладбища, пути и уже Ленинград вдалеке мучительно напоминают мне что-то недодуманное... Тяжко, тяжело.

Кавказ кончился...

Вот я и дома. Да, вот я и дома. Никого еще нет...

Кто говорит, что я очень похорошела, кто — растолстела и по-дурнела.

31/VIII

Я скучаю, я мучусь, я болею Алмазовым, и он кажется мне приснившимся.

Али... Я вызываю его образ, и он кажется мне нереальным.

Али. Я согласна. Я согласна на все, чего ты потребуешь.

Николай стал плотным, здоровым и каким-то несколько противным.

16/IX-30

Я сейчас омерзительная. Глаза режет. Все тело болит. Был Колька сейчас, и часа 3 прошли на широкой постели Юрия превосходно... А «того» у меня опять не было. Он не удовлетворяет меня. Мне кажется, что никогда я уже не испытаю дикого восторга того. Это меня угнетает и злит. Сейчас я равнодушна к Н<иколаю>, я вся исчерпана. «Присушить» его до того, чтоб голову потерял? Присушу... Мне что?

А вот с Али-то — провал, говоришь? С глаз долой — и с сердца вон?

Ну, что ж? Ладно!.. Переживем как-нибудь и этот кризис...

А завтра — полный работы загруженный день... «Путиловец», очерки, стихи... Сейчас бы надо поработать и абсолютно не в силах... Ну, в край истоцилась...

18/IX-30

От какой малости может скукожиться человек. Соседи по комнате Юрия сделали мне замечание, чтоб я не ходила через их комнаты в уборную. А! Об этом надо было подумать раньше... Кроме того, неужели они заметили, что я иногда брала у них? Нет, я брала такую мелочь, что ее и в микроскоп не разглядишь. Они коммунисты. Но они относятся ко мне явно недоброжелательно. Зелевенская и ее муж, так сухо, что во рту дерет... Ну, да хер с ними. Сама виновата. Надо было быть тактичнее...

Сегодня видела похабный сон и испытывала необычайное наслаждение, которого не испытывала с апреля-мая... Совершенно вдовый сон!.. Как мне хочется все же не во сне пережить это. Почему я не испытываю той кульминационной точки? Природа наградила меня пылким воображением и глупым устройством... Последний

раз с Колькой чуть-чуть и было бы то, но он поторопился. Я злилась. Колька сказал наивно, что «ожидаете всегда большего». Неужели и он-то не удовлетворен. Все-таки он мальчишка. Отметил «назойливость». А сам того не понимает, что это не назойливость, а просто горит человек, как прут, нет, как солома... Он не чувствует, что ли, что может сделать со мной все, что ему угодно?

Сволочное у меня устройство. Будь он деспотичнее, грубее, ведь я бы влюбилась по уши... Как истая баба я уважаю силу, грубость и т. н. «мощь». Черт подери, в конце концов, я рискую так многим, а получаю так мало! И сейчас опять мне чудится, что моя счастливая звезда меня выручит. И ведь все шансы за то, что я могу забеременеть.

Черт, как дерет в горле от замечания Матлиной... Ой, проклятие... Буду работать. Завтра «Путиловец».

Хочу работать вовсю. С буксиром «Правды». Дела много. Вот где настоящая работка-то. И, как назло, начало занятий в институте.

А Николаю не буду звонить ни сегодня, ни завтра. А «назойливость»... Так вот тебе! Ведь люблю-то я тебя не горазд сильно, казак. Не горазд, говорю, сильно... Да, чувство временности меня не покидает. Это еще не то... Это еще не то... Почему-то думаю, что настоящая моя любовь будет неудачной...

От Али — ни слуху, ни духу... Я испытываю недоумение. Ну, что же это?

Не могу, не могу, хочу во Владикавказ!!

Странно подумать, что там сейчас жарко, а тут холодина стоит, что там ходят по трэну, цветы, виноград... Я от корки до корки перечитываю старый № «Власти труда», и ничего так не хочу, как владикавказского тепла и духоты Инг<ушской> прокуратуры.

Сердце мое надрывается от одиночества. Хоть бы Слепнев пришел скорее...

У-у-о-ах! Плохо!..

Сволочь я. Мелкая, мелкая, как лужи в заморозки...

Теперь жалею, что не целовалась с Кадзоевым. Какой он красивый парень и как чудно сказал тогда: «Ну, что ж, придется прибегнуть к партизанщине!..»

Азадов — сука болтливая. Ник<олая?> — ненавижу.

А Колька-то позвонил мне сам! Ой, солнце, солнце мое, радость моя, как мне хорошо, до чертиков хорошо! Буду работать, работать.

24/IX

В первых числах октября должно же, все-таки, придти письмо от Али?

Как скучно, господи... Нет, не люблю я, наверное, Николая... Только бы и на этот раз «пронесло», тогда все в порядке.

16/X-30

Только бы не расхвораться — очень плохо. Не могу заниматься экономполитикой...

Время уходит зря — много. Хотя, впрочем, нет...

От Али письмо получила 30/IX. Больше не писал, наверное, в командировке.

Я люблю Николая, я люблю моего казачонка, по-настоящему, и это не кажется мне, а отчего я иногда дико — минутами, тоскую об Асланбеке...

Асланбек. Асланбек... Но как я люблю Кольку. Солнце мое золотое...

19/X

Нет, пожалуй, завтра не сдам экономполитику. Скучно и нудно.

Завидую Прокофьеву, которого похвалил Стенич... (?! Докатилась!) Стихи мои кажутся мне бездарнейшим подражанием решительно всем. А мне кажется, что я не ошибаюсь в конечном итоге. Мне думается, что я дурнею и глупею. Никто из знаменитостей не увлекается мною. (Ведь это все пародийно, к сведению для будущих историков.) Но, впрочем, не только пародийно.

Что у меня сию минуту основное? Зависть к талантливым людям.

Разочарование в себе.

Злость к Машковой за Николая.

Равнодушие к оному

Презрение к себе за мелкоплаванье.

Гроб!..

23/X

Если 27<го> я сдам последний зачет, я буду трубить победу.

Странное, перемежающееся состояние. Николай не оценил моей диссертации. Мне она казалась умной.

Теперь — надуманной, «умничающей», самодовольной. Ну, да, конечно. И мне кажется, что Колька как-то разочаровался во мне из-за нее...

А как. Я. Его. ЛЮБЛЮ.

Как хочу и жду.

Как хочу и жду.

Как хочу и жду.

Какой он у меня умный, красивый, сильный.

ОН умнее и красивее меня.

Гроб!

5/XI

Кончаем университет. Последнее, решительное собрание с дачей характеристик.

Ожидаем кровопролития.

Коля <1 сл. нрзб>. Я им горжусь и люблюсь. Люблю его.

— Коля! Меня, наверное, пошлют в провинцию.

— Ты хочешь работать в Леногизе?¹

— А что? Я хочу работать в заводской печати или где-нибудь на такой.

Проходит довольно гладко. Мы ожидали драки.

У меня хорошие отзывы с 2 практик, они не упомянули.

И мн<огое> др<угое>.

Как ты считаешь мою харак<теристику>?

Можно только сказать, что она не полная.

Городецкая

Голодец

Зотова

¹ Запись сделана Н.С. Молчановым.

<Рис.: геометрический узор, профиль женщины, цветы, ветка, голова в шляпе.>

Полную пригоршню чистого цинка с небольшой части огромных куч, [лежащих недалеко от обжигательных печей] громоздящихся на дворе. Это уже пахнет вредительством.

Битые конденсаторы также грядками тянутся по двору. К конденсаторам прикипел чистый цинк. Дождь [размывает цинковые белила] уносит металл, [конденсатор] рабочие не справляются с оббивкой цинка, а потери растут, а себестоимость не снижается...

Уже 4 года валяется на дворе цинкопрокатный стан. Отдельные части машины проросли травой, машина ржавеет, портится, и все 4 года до нее никому нет дела.

Да и к машинам в цехах наблюдается небрежное, халатное отношение, как со стороны самих рабочих, так и мастеров, [иногда рабочие заявляют <1 сл. нрзб>, что машины <2 сл. нрзб> так же как и к концентратам преступное отношение <3 сл. нрзб> к концентратам. Растрачиванию <2 сл. нрзб>] машины портятся ежедневно. И много еще никем не учитываемых потерь несет Севкавцинк. На заводе есть потери, которые происходят из-за того, что оборудование старое или недостаточно: например, у многих конденсаторов крутятся беловато-синие огни — это значит улетучивается, горит цинк[овые белила]. Это оттого, что печи старой конструкции. Часть дыма пропадает. Это оттого, что нет 2-го Glovera.

<Утрата части листа.> выше никем

Но потери, перечисленные <Далее обрыв текста.>

не оправданы, кроме халатности и невнимания [администраций и парторганизаций Кавцинка] хозяйственных и общественных организаций Кавцинка.

Немедленно нужно повести широкую кампанию по борьбе с потерями, вовлекая в нее каждого рабочего.

Немедленно нужно действительно повернуться лицом к производству, несущему тяжелейшие потери.

О. Берггольц¹

---

¹ Запись со слов «Полную пригоршню» до слов «О.Берггольц» выполнена рукой О.Ф. Берггольц на отдельном листе.

29/IV-31¹

Мне полезно было бы вести дневник, да нет ни охоты, ни времени, отвыкла.

Что у меня сегодня в активе? Любовь к Николаю, которая выросла в радостное, огромное, мировое. Жажда роста — небывалая. Может быть, рост.

В пассиве — аборт, газетные неудачи, очевидно, стихи, здоровье, то, усталость...

Все преодолеть, всего добиться, чего хочу, — вот программа-максимум, и минимума не может быть.

Не может быть

Противная девка Нахимова <?>.

<Узор из крестиков, голова человека в кепке.>

По трамваю и водопроводу программа выполнена с превышением.

Водопровод

Вып<уск> продукции ув<еличен> на 29%, сниж<ена> себестоимость на 83,2%, по прибыли 80,1% сверх плана. По трамваю: <1 сл. нрзб> в продаже билетов 14%, себест<оимость> снижена на 96,5%, по прибыли 50,6 сверх плана. С 16/VIII проверяет работу ударников и соревнования.

<Далее цифровые расчеты.>

По предложению рабочих пассаж<ирского> парка был проведен митинг

Отчета хозяйственника> не было. Отрабатывали по 8 ч<асов> в выходные дни.

¹ Запись от 29 апреля 1931 г. сделана на отдельном листе.

Заем.

ФЗУ- 1590 руб. Не подписались? 12 человек?>.

Мехцех

Кузцех — все подписались.

Сведения регулярно не поступают.

Товарные?, пассажирские и пр.

Предполагается отработка Завком трамвая. 22 человек уже отработали по 7 часов.

Контрольные? цифры не проработаны?>.

70%. 10% подписались за дни индустриализации? 3785

Вызвали на соревнование по подписке — водопровод, ассенизационный обоз и вызвали трамвай.

Стоял отчет хозяйственника.

В Ленинградское отделение Литфонда¹

От члена Литфонда О. Берггольц

Заявление

Ввиду моего срочного отъезда в Казахстан на постоянную работу и необходимости обеспечить мать и ребенка, прошу Литфонд выдать мне <Далее обрыв текста.>

В ленинградское обязательств <Далее обрыв текста.>

---

¹ Заявление в Литфонд написано на отдельном листе и вложено в дневниковую тетрадь.

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions. It emphasizes that every entry should be supported by a valid receipt or invoice. This not only helps in tracking expenses but also ensures compliance with tax regulations.

In the second section, the author outlines the steps for reconciling bank statements. It is crucial to compare the bank's records with the company's ledger to identify any discrepancies. Common reasons for differences include bank fees, interest charges, and timing of deposits.

The third part of the document addresses the issue of budgeting. A well-defined budget allows a business to allocate resources effectively and avoid overspending. It involves setting realistic goals and monitoring actual performance against these targets.

Finally, the document concludes with a reminder to review financial statements regularly. This practice provides a clear overview of the company's financial health and enables timely decision-making.

ГОД

1932

Ленинград. 1932 г.
Берггольц.

Габбе — 218—88
4-(20) (33)
О. Берггольц¹

Электросиловский блокнот².

7/1-32

Называю эту тетрадку электросиловской, потому что действительно хочу Главное внимание уделить «Электросиле». Наряду, конечно, с явлениями другого порядка — ЛАПП, книги, творческая работа, материал, Николай, другие.

Усталость — сейчас — главное, неодолимая. Не справиться с ней. Мне от такой усталости всегда совестно — по существу, результаты дня бесконечно малы.

Заказ № 23—1077.

Я не пришла в этот раз на завод с настроениями интеллигента, боязливого и робкого, считающего себя виноватым перед рабочим за образованность, за незнание производства, за картавость и т. д.

Пришла и осталась, потому что хотела работать вместе со всеми за днепростроевские, рионские, свирские, уральские заказы. Потому

---

¹ Со слова «Ленинград» до слов «О. Берггольц» записи рукой О. Ф. Берггольц на обложке дневниковой тетради-блокнота.

² Запись рукой О. Ф. Берггольц на обороте обложки дневниковой тетради-блокнота.

что хочу написать по-настоящему, без подлой лакировки о всех этих людях, меняющих лицо мира. Надо писать, значит, знать и участвовать. Обычная аксиома. Если говорить практически, то просчиталась: проигрываю во времени, главным образом на усталости, пока — на утомительнейших блужданиях в общих фразах, потому что еще не знаю, не изучила людей, условий, механизма, верней, организма предприятия. Работа злейшая. Опасность ее — в фиктивности. Надо поднять авторитет и действенность газеты, которых она абсолютно не имеет. Надо втянуть актив хотя бы, о массе пока не говорю. Надо поставить самые острые и конкретные вопросы комсомольской работы. Надо, чтобы партком и зав<едующий> организации начали считаться с газетой.

Что пока в наличности. Слабые комитетчики, которые и не могут быть иными. Много фраз, много декламации. Огромный, негибкий коллектив. Додзин говорил вчера: «Ребята в цехах не знают, что делать». Это возможно, хотя уже мне видно, как много кругом дела и какую, действительно, громадную пользу могли бы принести в значительной мере фиктивные комсомольские контрольные посты и т. д.

Итак, заказ Ураломеди. Вот, реальность: Ураломедь с середины декабря ждет моторов. От получения их зависит 1<я> плавка.

28/XII <1931 г.> приходит на завод парнишка из «Смены», на заводе он первый раз, начинает агитировать за ускорение заказа. Хорошо, идем с ним в 47 отделение. В конторке наводим справки, в каком состоянии заказ. Выясняем, что заказ в 47 — на обмотке, на последней операции — а потом на сборку.

Секретарь партячейки говорит: «Бросьте, пустая затея, ничего не выйдет». Берем секретаря ячейки ВЛКСМ. Он говорит: «К бригаде статорщиков подбросим контроль, пусть дает темпы, а старики работают, на ротор поставим своих комсомольцев, о! 5 <января> даем статора и ротора на сборку, 10 <января> с завода уходят машины».

Хорошо, пишем с Осиповым декламационную заметку, дело сделано. Сменовец уходит с полным сознанием исполненного репортерского долга. Ура, ура, комсомольский задор!

Я работаю как будто без руководства. Никто не учит меня приглядываться к производству, рассчитывать и соизмерять. Но это — замечательный урок. Лестно было написать этакую декламацию, но ведь оказалось-то дело — липой. Пусть бы действовали таким липовым образом репортеры, объективно, мне это — непростительно.

Потому что надо было проверить состояние заказа детально. Надо было установить сквозной контроль и в 45 <отделении>, и в 49, в 40, в 48–57<-м>, в литейный, наконец, чтоб ребята тормозили, узнавали, двигали.

Предварительно много этого сделано не было. И вот, результаты: ротор задержали в 49 <отделении> на балансировке на целые сутки. Ко II рот<ору?> 43 отд<еление> держит обмотка — держат. Оказалось, что ряд деталей путешествует по другим цехам...

Теперь я бегаю, спрашиваю, нажимаю на ребят, но, конечно, доля моего участия — минимальна.

Свободин — обмотчик. Стройенький, чернокудрый паренек. На его белую кожу, ясные черные глаза и сияющие влажные зубы — смотреть вкусно. Напоминает внешне пасторального персонажа. Говорит ровно, с самым юным достоинством. Наверное, нравится девчатам и сам это чувствует, иначе бы не было у него такой спокойной, широкой улыбки. «Пожалуйста! — сказал он мне сегодня, — я вчера выходной день на этот ротор положил... Раз ударный заказ...» — небрежно от смущения, едва заметного. «Вот статорщики подводят... Мы уж и так к ним бегаем, и администрации надоели с этим заказом... Со вторым ротором плохо, — его черные длинные глаза смотрят серьезно, — 43-е держит. Нажми вот там»...

— Ну, Свободин, — неумело говорю я, — а от работы в «Молодой» “Электросиле”», как же, отказываешься.

— Нет, знаешь, — дружелюбно и даже насмешливо улыбается он, — ну, буквально не могу... В сутках 24 часа, и т. д.

Я злюсь, уходит из рук такой хороший парень. Ничего, еще приборем...

В 49 <отделении> — Мурашев — длинный, с ординарным лицом парень. Этот полунинтертен. Насколько заинтересован и инициативен Свободин, настолько как-то глуповато растерян Мурашев. А его дело было бы — взять на себя — проследить за наличием всех остальных деталей в 49-е, к моменту подачи туда статоров и роторов. Завтра придется его накачать еще раз, или послезавтра.

Арсурпавключ — этот нелепейший псевдоним (чуть не написала «фундамент», потому, что действительно, фундаментально!). Принадлежит двум парням из 48<-го>. Оба одутловаты немного, загружены и поэтому чувствуют себя самонужнейшими людьми. Ребята хорошие, немного дубоваты. Эти взялись за заказ ничего.

Но что страшно неприятно на меня действует — полное равнодушие комитетчиков ко всему этому заказу и какое-то все-таки отсутствие энтузиазма.

Ударники, конечно, не кричат: «Ура! Обеспечим! Да здравствует!» Они не стучат молотами в пустую наковальню, мускулы их не топорщатся, как удавы. Все это блевошные лакировщики и акровцы придумывают. Вот Свободин — ударник, Арсурпавключ — ударники. В них нет ничего праздничного. Но все таки нужных темпов не дают... И то сказать! То кольца лопнут, то еще деталь запорят, как трудно идет процесс рождения машины. Видела, как работают обмотчики на статоре. Ведь почти вся работа с генераторами — ручная. Пухлый желтый старик медленно и крепко обматывает неизвестные мне жилы машины.

— Что ж так медленно, товарищ, — тоскуя в душе, спрашиваю я вежливо, — когда кончите? Обещали к пятому...

— Когда кончим, тогда и кончим, — невозмутимо отвечает старик и молчит.

— Машина добывающая или двигатель просто, — спрашиваю я от неловкости.

— Машина добывающая, — сердито режет старик, не глядя на меня. — Машина неизвестная. Рази ее скоро сделаешь? То-то! Мне ваши комсомольцы надоели, бегавши.

— Что ты ворчишь, старик, — говорит какой-то неизвестный мне парень и глядит мне прямо в губы, ласково и усмехаясь, и я чувствую в нем союзника, — ты свое дело делаешь, она свое: пришла проверить, как работа идет, подогнать...

— Подогнать, — неопределенно говорит желтый старик, — а ты спроси, когда подали машину в цех...

— Понимаете, — говорю я, чувствуя неловкость от того, что парень смотрит в губы, — на Урале Первая Плавка задерживается...

— Молодец девчужка, — говорит он ласково, а я злюсь.

Нет, буза. Послезавтра крепко возьмусь за это дело. Схема контроля:

47 <отделение> — Своб<один> Тоширо<?>, Осипов

↓

45 <отделение> —?

↓

49 <отделение> — Мурашев

↓

43 <отделение> — Липкин, Точаров, Яковлев
Вернее.

<Рисунок-схема контроля за цехами.>

1) 45-му — обмот<ка> держ<ит> (43)

2) 49<-му> — шейки <?>, кольца <2 сл. нрзб> и смазочн<ые>, вентиляторы и др.

Ладно. Так пойдет. Пожалуй, обмотка держ<ит>. Уже сдали. Эх, завтра придется съездить.

С активом пока еще туманно. Проясняется слабо. И сама виновата. Но прямо не успеваю. Надеюсь очень на практиканта. Вот, был набросан план. И пока не выполнен. Пойду домой, там напишу обращение относительно комсомольского Костра, а также письма.

В ближайшее время.

1) Провести читки — 2 до 25/I-32.

2) Сдать 1 № до 1/II-32.

Работаю над «Глубинкой». Надо сделать хорошо. Буду работать и думать сегодня много. Есть какие-то скрытые недовольства — денежными делами, Муськиными делами, задержкой «Углича», временем, как таковым: его меньше всего. Приду домой, стану работать. Пошехонов — «Кр<асный?> треугол<ьник?>». Евсеев Ф. П. Буду — действительности ради, практиковать вырезки. Думаю, что поможет.

Прикреплюсь к ячейке 62 отд<еления>.

8/I-32

«Костры».

1) Поговорить с авторами. Т. Шилейко говорила, м. ч. н. и выд., Слепнев, Вишневский, Черненко, Уксусов, Витязев 83-19986к 26 Пр<оспект> 25 окт<ября>, Мирошниченко?

2) Написать обращение.

3) [Послать к Маршаку курьера] V

4) Позвонить в истомол (Скоринно, в связи со ст<атьей?> в ПМ?)

5) Написать письма Безыменскому, Б. Иллешу

6) [Исправлять «Уд<арный> горизонт»]

10/I-31¹

Ни с чем несравнимая усталость, невозможность работать. Очевидно, заболела. Как паршиво... какая-то пассивность, растерянность. Захлебываюсь на «Электросиле».

Завтра надо будет сдать хорошую полосу. Боюсь только вспышечкопускательства, которое развито в коллективе и подчас подменяет работу. С лапповской работой на заводе ничего не делаю. Не могу.

Завтра должна быть большая запись об «Электросиле». Завтра переезжаем в Д<ом>К<ультуры>.

От Л<еши> ничего нет. На Шипке спокойно. Но очень часто злюсь и раздражаюсь.

14/I-1931²

В 2 ч<аса> 30 мин<ут> должно было состояться совещание юнкор-фабзаучников — ни один не пришел. Наверное, Гинзбур и Светлов ничего не сделали...

В 5 ч<асов> должно быть общезаводское совещание юнкоров. Неужели сорвется? Все ребята оповещены хорошо. Но черт их знает! Вчера день был занятный.

1. Разговор с Кисляк, культпроп парткома. Характерен тем, что она не дала мне ни одного конкретного указания. Потребовала план работы, обещала защищать наши интересы на парткомиссии. И это неплохо, нужно сделать хороший план, нужно, чтоб было создано мнение партийцев. В общем, те общие замечания, которые она делала по работе странички — правильные, но мне ничего не дали. Однако, когда стала говорить с ней о Лапповской работе и об истории заводов, то почувствовала, что напрасно шла с затаенным настроением «спасать Электросилу» по линии истории заводов. Как это она сказала? Что-то о том, что парткомиссия решит. Конечно, решит и выполнит, если б я тут вовсе и не появлялась.

Но очевидно, полезна я все-таки буду. Надо завтра быть на парткомиссии, связаться с Николаенко.

2. Вчера хорошо и дельно говорила на кружке. Очень жалкий кружок — 3 человека. Наметили созвать совместное совещание

¹ Вероятно, ошибка в датировке. Правильно: 1932 г.

² Вероятно, ошибка в датировке. Правильно: 1932 г.

с редколлегией, поставить принципиальный политический доклад о истории заводов, наметить план действий, зачитать план. По-моему, это правильный путь проведения лапповских, напостовских установок, вербовки в кружок, плановой работы. Только бы удалось! Затем будем привлекать участников создания истории заводов. Но какая это тонкая и сложная работа!

Говорила по телефону с Николаенко. Как будто бы интересный парень. Я представляю себе дело так, что актив, создающий историю заводов, будет лапповским активом, что с ним нужно будет проделывать воспитательную работу, работать над повышением или созданием напостовского их мировоззрения.

Оказывается, в план их записан и доклад комакадемии, и прочее... До чего, все-таки, Бродский бюрократ лапповский!..

3. Томилин на кружке читал вчера безобразный рассказ. Парень, безусловно, исключительно талантливый. Читает с увлечением, поет, где есть песни, сам смеется удачным репликам своих героев.

Лицо, сжатое в себе, острые, какие-то сверлящие глаза, недовольные — недоверчивые. А рассказ — гниль, эмпиризм, безысходное упадничество — «О быте».

Критиковала его жестко и жестоко. А он говорил: «У нас все кругом лакировка! Хватит, полакировались...» «Так ведь это ж — сама жизнь!..», «Маяковский так же писал, а он самый пролетарский поэт, я говорил это три года назад, а через 10 лет об этом все закричат!» Самодовольный и не особенно умный, но очень занятный парень. Пишет с 22 года. Хорошо, что ищет, что отказывается от лакировки, но идет совершенно в другую сторону, во враждебную. Эмпирика губит. Интересно (и нужно) узнать его поближе, кто, учился ли, происхождение, жизнь. Когда его спросили: «Какую ж ты идею проводишь?», он ответил: «Ну, вот, парень соблазнил девчущку», — и стал рассказывать сюжет.

Хороша лаконичность речи, какая-то вольность в обращении с языком, переходящая порой в потрясающую неграмотность.

4. Леин. Розовый, черноглазый парень притащил в редакцию кучу актов, рапортов, заметок о том, что закончил монтаж силовой и осветительной сети по ФЗУ. Руководил монтажом он. Сидел, следил, как я правлю, что вычеркиваю, какие даю шапки и заголовки. Принимал активное участие в их составлении. Когда подписала его заметку «инженер-комсомолец такой-то», возмутился: «Это

для детей, это для детей». Все знают меня. Зачем такая самореклама. Я устыдилась. Поехали домой.

— Погоди, — сказал он мне, — зайду в проходную, захвачу сервис...

— Сервис?!

— Ну да, мне, как ударнику, премию выдали: грамоту и вот, сервис чайный, огромный... Зачем мне сервис, — сказал он с шуточной грустью, — я холостяк.

Сервис сберегал в трамвае двумя руками, округло их расставив. Все подшучивал над сервисом, ласково. Рассказывал о монтаже, не хвастаясь, но очень довольный, удовлетворенный, что вот такую тяжелую работу, которую надо делать в 3 месяца, сделал в 20 дней.

— А как ты работал, что основное было, — спросила я его.

— Ну, самое главное, — собственное участие (глаза у него круглые и доверчивые). Понимаешь, не было многих материалов. На ходу нужно было делать перерасчет.

18/1

Пустой день. Ходьба, которая меня доводит до озлобления, по магазинам, где ничего дельного нет, все какая-то баклажанная икра, парфюмерия, масса ненужных безвкусных вещей, дурно сделанных, а нужных, простых — нет или за ними обидные, нудные хвосты.

Народ какой-то жадный, тупой. Ясно, вполне закономерна эта жадность, желание простых, хорошо сделанных дешевых галош, ботинок, белья, чтоб без очереди, без давки, без траты нужных нервов на такую глупую вещь, как приобретение галош.

Очень заждались этого люди, и не только обыватели, очень нужно — поскорее — эти вещи, главное хорошие. Такое тяжелое, досадное чувство поднимается от сознания — какой брак прет, сколько позорного браку дает наш завод! Волосы шевелятся. А эти кривые уродливые туфли, паршивая жратва в электросиловской столовке, сквернейшая бумага, текущие через пятидневку — галоши... Очень правильно, что налегли на качество, уж верно — лучше меньше, но лучше.

Почему это — такая волна браку? Общие объяснения есть, но как-то уж не удовлетворяют эти общие объяснения...

Настроение вредное, раздраженное. Надо приняться за нервы, а то докачусь до ручки. Холодные обтирания? Физкультура? И главное — воля...

18/1 Общий упадок энергии, как-то она идет не то что искусственно, но волнообразно.

Со страничкой — плохо. Косность у ребят большая, недооценка. У комитетчиков — явно формальное отношение. Спаянности с ними я еще не добилась, такой рабочей, дружеской спаянности.

2[0]1/1. 1931¹

Что нужно

1) Собрание редкол<легия>. С обсуждением плана работы на февраль 28–29/1. Позвать <1 сл. нрзб> редкол<легия?> 213, Козина редкол<легия?> 125, Бахтина редкол<легия?> 173.

Собрание актива 1–2/II

План на февраль. Составить к 28<-му>.

24/1-31²

План февраля.

I. Учеба — Смотр<еть> Заочн<ое?> политб<юро>.

II. Произв<одство?> Рейд-проверки

1. хозрасчет

4. шефство³

2. в<ыполнение?> ус<тановок?> Сталина

3. качество

5. планир<ование?>

6. рацион<ализаторство> и изобрет<ения?>

III. Тех<ническая> учеба

IV. Культбытплан

Политмин<имум>

4/1 — СМИ, сводка, сведения о проработке письма, вопрос политмин<имума>, переработка программы

¹ Вероятно, ошибка в датировке. Правильно: 1932 г.

² Вероятно, ошибка в датировке. Правильно: 1932 г.

³ Пункты 1 и 4 объединены лигатурой, помечены О. Ф. Берггольц словом «ДиП».

2) Уд<арные?> заказы

8/1 Смотр учебы в разряде посл<едней> уст<ановки>, сводка

14/1 Состояние политеучебы на 10/1. Проверка заметок о парт-конференции.

6/1 [<1 сл. нрзб>] ДИП и качество, техучеба, овл<адение практикой?>

12/1 [Проверка хозрасчета] Мол<одая> и лакир<ованная> бригада

2 февраля

Поганое состояние, скверное состояние, я бы сказала — оппортунистическое. Сознание того, что не справляюсь с работой, что она убегает из-под рук: на заводе, в «Кострах», дома. В чем дело? Колька сегодня жестко и правильно сказал: «в неумении работать». Что ж, мне хочется найти какую-нибудь объективную причинку?

Но может быть, она в физическом — очень ощутительном недомогании? Это есть. По всем признакам — я беременна.

5/II

Сижу в выборгском р<айонном?> к<омитете?>, жду культпропа, договариваясь насчет «Костров».

рудник мизура завод завод завод + 1
ФЗУ

1) Бесплатные завтраки — подготовляем рабсилу беспланово¹.

<Далее отрывочные записи в конце дневниковой тетради.>

Выборгский район Дмитроченко

1. Светлана

2. зав<од> Сталин<а?> — Турбина

3. Р<усский> Дизель

4. «Кр<асная?> заря» — телеф<он?>

5. «Кр<асный> выборжец»

6. Энгельс — тр<и?> части Срок

¹ Пометы рукой О. Ф. Берггольц на обороте листа.

7. Свердловва

(обратиться к Евсееву) 28/1-<32>

2) Секр<етарю> райкома РК ВКП — Гайцхоки РайДКО

П. Истомол:

Собрание со стенограммами.

П. Смородин

Тютиков

Соболев

Сорокин

Румянцев

Жив

Скорынка

Лысаков

Данйлов

Ликов Срок, Редацион<ная> коллегия при юбилейн<ой> комисс<ии> ВЛКСМ

Для профессий

1) Тихонов — писатель

2) Слонимский — врач в колхозе

3) Дмитроченко — изобретатель

4) Берггольц — чумогоны

5) Семин — повар в Кр<асной> Армии (сапер)

6) Котов — текстильщ<ик>

7) Павленков — зажигат<ель> домен

8) Золотовский — водолазы

9) Горбунов — тракторист

С/Х

1) Тракторист

2) Комбайнер

3) Рационализатор

4) Милиционер

5) Педагог

6) Инженер

ирригатор

мелиоратор

строитель

7) радисты

8) диспетчер

9) машинист

10) директор совхоза.

Капица

Литейщик

проф<фессиональный?> революц<ионер> (Дзержинск<ий>, Ленин)

Зоотехник

агроном

психотехник <?>

пионер-вожатый.

1) Тверской (много профес<сий?>)

2) Профработник

3) Вагоновожатый

(Римский папа)¹

Произв<одственные> вопр<осы>

1) О хозрасч<ете> и план<ировании> в 43 от<делении>, в 94 отд<елении>

2) планирование в 62 отд<елении>

3) об удар<ных> заказах и Уралмашстрое – постановление бюро
Итоги <19>31 г и задачи <19>32 (пост<ановление> бюро и заметки)

4) О кол<ективном> договоре

5) Сталин<ский> поход (декадник)

Став<или> вопр<ос> об ав<торской> роли. Сорвали показ 94, 125, 173 <отделения>

Марк<систско>-ленинское воспит<ание>

1) о письме <1 сл. нрзб> о пол<ожении?> в СМИ

2) Страница

3) Отд<ельные> подборки

52 Старков, Афанасьев, Панев.

Выд<ано?> до черта, никто не ходит. Петров/Поплавский, Егоренков, Гурович.

108. Курочкин и Бурцев

83. Назаренко и Бреусова

<Цифровые подсчеты.>

¹ Строчки со слов «1) Тверской» и до слов «(Римский папа)» взяты в рамку.

1. Жилстроительство

213, 94, 125. ФЗУ 25 — с 6 ч<асов>. 24/1-31 К 10 ч<асам> утра райком
25<-го> прислать юнкоров в рейд. Для рейда

Бондаренко 52

Липовцев

Гурович — 173 — ТК

Курочкин Бурцев 108 пост

Назаренко, Бреусова 83

Богданов, Вуколова 154

Ольга Берггольц¹
1932 (завершающий)

Тро<и>цкая 7, кв. 30

Жилплощадь — 33 кв. м.

Состав семьи

Муж — Н.С. Молчанов

Жена — О.Ф. Берггольц

Мать (теща) М.Т. Берггольц

Дочь И.Б. Корнилова

Приметы владелицы тетради (со слов мужа) — хорошенькая, белая,
хорошая, дорогая моя, заботушка, изъян на левой ноге.

Год кончен. Но что это был за год!

Он полон соревнованья...¹

¹ Со слов «Ольга Берггольц» до слов «Он полон соревнованья...» записи рукой О.Ф. Берггольц на обороте обложки дневниковой тетради.

14/II-32

Собственно, нужно бы: подобрать очерк, написать статью в литстраничку. И — ничего не могу делать: усталость, раздражение, безразличие ко всему, — оппортунистические мысли.

1. Газета. Кое-какой материал, кроме 2-х — 3-х заметок, ни для кого не обязательный. И вообще не обязательный. Потому что мало кто считает пока газету — силой. Мне хочется сказать, что газета в таком виде — служит просто какой-то ширмой, протоколом...

Она не действует. Среди комсомольцев нет слов — «Молодая “Электросила” пишет...», «В Молодой “Электросиле” то-то писали». Это меня угнетает. Я думаю, что поднимет газете авторитет организация ДиП’а, ударн<ые> заказы.

2. Как вполне честный комсомолец, я должна сказать, что наш комитет по существу — оппортунистичен. Или я перехлестываю?

а) ДиП — недооценивают, ничего по нему не делают. Ходила сегодня сама, к главному инженеру, был глуповатый разговор.

б) Шефство — чистейшая фикция.

в) Cos fé, энергоячейки — фикция.

г) Планирования комсомольского — почти нет, 2-3 единичных случая.

д) Система Лейбова — комитет не заикнулся о ней ни словом; и т. д.

Но вот сегодня читаю, что нашим заводом приняты заказы комхоза «при активнейшем участии комсомола». А утром показывала вырезку, где «Электрик» вызыв<ает> «Электросилу» последовать примеру в размещении заказов комхоза, и Сигалев <?> сказал — «будем делать...». Липа. Жолтизна.

18.II

Через несколько дней Николай уезжает. Надолго, надолго.

(Опять берусь за дневник. Постараюсь быть регулярной, жизнь интересная, ее надо осмысливать.)

Как-то смутно на душе сейчас. Наверно, потому, что Коля в Детск<ое> село уехал, а я не могла с ним ехать. В 2 часа совещание на «Электросиле», по расстановке комсосил.

Это верно, что на решающих участках у нас комсомольцев мало. Опять же, взять хотя бы шефство...

Все-таки я считаю, что комсомольская активность у нас слабовата. Возьмем вопросы — моторы углю, импорт, ДиП и т. д. Здесь комсомольского лица не видно.

Вот сегодняшнее совещание, оно, конечно, большое значение будет иметь, только боюсь это поговорят-поговорят — и все.

23/II-32

Как я плохо, безобразно работаю. Особенно плохо сейчас с массовой работой. Те юнкоры, которых завербовала, кроме 2-3 — не работают. За время обмена комсбилетов они у меня все выпали из рук, опять-таки кроме некоторых.

Нет, пора взяться за дело как следует. Завтра составлю точный список всех молодежных бригад, цехов и станков. Организую на них свои посты, дам им конкретные путевки.

Теперь, собственно, в моем распоряжении все основные нити комсом^ольской жизни завода. Знаю — где, что, знаю конкретные пути овладения ими.

Нехорошо, халтурно работаю — нет ровности, повседневной равномерной энергии.

Оправдания: сквернейшее физическое состояние, очевидно в связи с беременностью, а также переутомление, запущенный зуб, почки и т. д.

Политико-моральное. В нем главная брешь то, что исключили из Союза Кольку. На меня это произвело совершенно кошмарное впечатление.

Вот конец веселенькой романтической истории с Лешей Авербах^ом. Когда это дело теперь предстало передо мной во всей его неприглядной антипартийности, барском душке, интриганстве и пользовании ширмами — как мне жестоко противны стали мои поездки в Москву, все эти автомобили, Тимоши, Цеце, Мишкины истерики и пр.

Он был, конечно, искренен. Но как можно было все-таки ТАК втирать очки...

Я чувствую себя отчужденной от него, от ребят, от РАППа, как организационной единицы, сост^оящей из опред^еленных людей.

Мне думается, что я, как таковая, никому из них не нужна, не интересна, и вот мне надо изо всех сил расти творчески и идей-

но, чтобы доказать, что я действительно пролетарский писатель, ТАЛАНТливый пролетарский писатель, большой, перспективный писатель.

Думы и работа над «Глубинкой» отвлекают меня от всего — основательно. Хочу сделать умную, интересную, большевистскую книжку. Что-то скажет Еф<им> Добин о «Глубинке». Почему-то кажется, что ему не понравится. А может быть — наоборот.

Как-то уладится с Молчановым... Сердце болит... А 5 <марта> — через 10 (десять!) дней он уезжает... Ой... страшно об этом подумать.

25/II-32

Очень скверно себя чувствую, очень скверно. Трещит голова, болит горло, тело. Работаю как в дыму, как сквозь сон, обычно в таких случаях соображаешь не рассудком, а какими-то остатками его.

Соня (техсекретарь <?>) сказала, поглядев мой комсо<мольский>билет: «У, к бабьему дню в партию будем передавать!» Сердце у меня замерло.

Неужели, действительно, передадут? Как-то страшно даже.

26/II-32

Сейчас заполнила заявление о приеме в партию. Сегодня возьму рекомендательные бланки, анкету.

У кого попрошу рекомендации? 1) Мишка Чумандрин, 2) Юрий, 3) Махнов, 4) Костя Каримов — хорошо, если б Леша Волков и Дийков, но они плохо меня знают...

С «Электросилы» я старых партийцев почти не знаю. Багров? Пумэ? Нет, к ним страшно подойти.

Еще что нужно будет? Рекомендацию бюро. Характеристику из университета. Есть характеристики из «Власти труда» и «За коллективизацию».

Возьму характеристику еще из «Молодой гвардии». ЛАПП, конечно, ничего не даст, сволочи какие, до сих пор не восстановили...

Да, что-то будет? Вдруг «воздержатся до полного выяснения лица».

Придется нажать на Лапповских ребят. У Лешки рекомендации просить не буду...

28/II-32

Пора составлять план на март. Центральные задачи.

1. Поднять ряд серьезнейших производственных и полит<ико>-восп<итательных> вопросов.

2. Окончательно сколотить актив, провести 2–3 серьезн<ых> рейда, 1–2 слета.

Основн<ые> темы.

1) Книги райпропконференции <?>.

Раскатать очковтирателя Кизина за «5000 обучающихся», за проработку решений XVII п<артийной> конференции, за слабые темпы перехода на политминимум. Тут же — об истории КСМ.

2) ДиП, письмо Севкабелю в порядке. [Переход] борьбы за качество.

3) Планирование

4) Техучеба¹

5) Выполнение обязательств

6) Шефство над «Днепром» (изруг<али?> комитет)

7) Расстановка сил

8) Моторы углю

9) Жилстрой

10) ФЗУ

11) Культбытослуживание

12) Военная работа (эсминец «Войков») физкультура

13) Хозрасчет — опыт мол<одых> бригад.

14) Основной упор — взять: шефство н<ад> «Днепром», расстановка — качество — проверка обязательств.

Ох, сколько работы — гроб!

Надо выискать энтузиастов, чтоб помогли (Трухтанов, Соснер, Воингартен, Ковалевский, Векшин, Берлин, Казарновский, Брискин, Чапельников, Павлов, Бочаров, Димнис <?>, Забежанский, Косьбо, Хайкинд, Лалин.

1. Марксистско-ленинск<ая> — 29 <февраля> — 2 <марта>

2. Женская (и ФЗУ) 4 <марта>

Система Лейбова и расстановка сил 7<-го> (или 9<-го>)

3. ДиП письмо Севкабелю 7 или 8<-го>

¹ Пункты 3 и 4 объединены лигатурой, помета рукой О. Ф. Берггольд по правому полю: «заваленные у нас».

4. Техучеба планиров<ание> 10<-го>
5. Расстановка и итоги пленума по 172–173 <отделениям> — 11–13<-го>
6. Жилстрой
7. Культбытбслуж<ивание> (быт<овой> ком<итет>)
8. Моторы углю
9. Шефство
10. Первая проверка

29/II-32

Сижу без дела.

5 марта

Сегодня уехал в Алма-Ата Молчанов... Очень тяжело было его провожать... Но вела я себя хорошо.

Мой единственный он. Никогда не будет того позора, что осенью. М<ожет> б<ыть>, завтра-послезавтра придет Лешка. Уж и отолью же я ему овечьи слезы! Конечно, если будут на то известные стимулы. В обиде я на тов<арища> Авербаха. За то, что партийную линию поведения дискредитировал... Нет, не ханжу я. Главное — вот именно в этом.

Чувствую себя совсем одной.

Работать, работать. Поднять историю комсомола на «Электросиле», поднять страничку, поднять комсомольские костры. Дотяну ли «Глубинку»? Дотяну! Завтра попытаюсь кончить ее...

Потом — «Силос», пьеса, «Застава», «Соль земли»...

Потом снова Николай, ребенок — хорошо бы сына; хорошо бы в апреле на Днепрострой съездить. Эх, подниму страничку!

А потом — за быт, за книги! Все будет так, если не война.

Сегодняшняя передовая в «Известиях» — ой-ой! Если документы — подлинные, — угроза реальна, как никогда. Трудно что-нибудь писать о войне... Страшно думать...

Как-то еще Колин отъезд просто не освоила... Сейчас лягу одна. Глаз его милых около не будет.

6/III

У меня состояние того, что наступила какая-то новая — очень серьезная и подлинная эпоха жизни. Уж не отделаешься полумерной работой, половинчатым отношением к писанию, газете, «Кострам». Надо глубоко все очень брать.

Демобилизации с отъездом Ник<олая> — пока не наступило, как я ожидала. Точно он рядом. Поднялась только ответственность за жизнь и дела.

Эх, не успел мне Коля толком сказать, где шовинизм в «Глубинке». Я за это беспокоюсь, могут ведь поднять хай, да и самой неприятно, что классовый нюх изменит. Он у меня безусловно есть. Взять хотя бы дело с Хармсом и Введенским. Вчера читала заключение в П. П.

Надо собирать характеристики. До декрета должна быть принята в партию.

7 марта

Страшное состояние потери, утраты. Уже пахнет весной, вечера подледенелые, пронзительные, с простудным дыханием. Состояние пустого города, бреши в нем... Колька мой.

Неужели это индивидуализм проклятый, гадость, что нет ничего дороже мужа?

На заводе охватывает иногда апатия... Сквозь горение, активность — пробивается желание — отдохнуть. Это я называю оппортунизмом...

Политредактор снял «Гектар обороны» в «Звезде». Я подавлена и удивлена. Неужели это вредное враждебное стихотворение? Неверно. Просто глупость редакторская, и не больше. Что там могли усмотреть? Militarизм? Ничего не понимаю. Напечатать такую уйму сквернейших стихов на военные темы — Бориса Корнилова, и задержать... Гм. Что ж ошибались Юрий, Мишка, когда хвалили?

С трудом заканчиваю «Глубинку». Порой книга кажется мне лакированной, неубедительной, различные рассуждения — детским лепетом. Помню, что я всерьез говорила и думала о своих стихах <19>27–28 года... Ай-я-яй! И теперь будет так же...

7/III

Ход проведения технических комс<омольских> конференц<ий> по качеству. (Борьба с неком<петентностью?>)

51 от<деление> — Богданов

172-173<-e> — Забежанский — Сикоров

49<-e> — Мурашев

41<-e → Векшин

62<-e → Шарпи

43 отд<еление>

2. Ход конкурса на лучш<ую> профгр<уппу> и уч<астковый?> комсоорган.

114 <отделение> — Иванов, 124<-e → Москвин Трухтанов, 47<-e> — Осипов, 43<-e> — Павлова

3. О работе Бригад ДиП

108 <отделение>

4. Итоги перестр<ойки> комсополитсети по политмин<имуму>.

6. Выполнение обязат<ельств> при обмене комсобилетов.

151, 51, 94 <отделения>

10/III

Очень больна Ирина. Возможно — скарлатина. Ужасно. Ужасное состояние.

Так тяжело было, а у Юрки в квартире повешен телефон. И вот — тяжело ребенок болен, сама полубольна — и некому позвонить. Совершенно некому. Стою у телефона, держу трубку — и нет друзей. Очень стало страшно. Позвонила Лебедеву — не отвечает. Позвонила Тихонову — в Москве, попросила к телефону Мар<ию> Конст<антиновну>. И что-то плачущим голосом проговорила. Ведь некому звонить! Ревела — кажется, не плакала так с год. Жалела себя, страшно было одной.

Так хорошо, что Ваньки пришли.

Поговорили о Казахстане... О войне, близкой, безусловно. Очень плохо в Казахстане. А ты как пешка, да еще лакированную книгу пишешь... Это, конечно, самоклевета.

Не могу писать ни про завод, ни про что. Ирочка вся в жару, лежит серьезная, нервная.

Сегодня как подумала о том, что могу потерять ребенка, дочь — так страшно стало, и ощутила себя как-то особенно живущей: дети, будущие люди, сознательные, те самые, что будут продолжать наше трудное, тяжелое, разнообразное дело. Это Я их родила, это мое тело...

Ведь еще второго жду. Я хочу его. Знаю, что оторвусь наверно. Но сделаю до родов книги, войду в партию — могу спокойно месяца четыре заняться семьей и учеьем, писанием. В партии быть я имею все права и должна ее добиться.

Только бы Ирина поправилась. А Колю, наверно, не отпустят. Коля мне сейчас — как сон, как несбыточность...

12/III

Ирине очень плохо. Состояние — демобилизационное. Вчера так волновалась и мучилась, как никогда в жизни. Не могу писать книжку — Ирина мучит.

Как плохо, что Николая со мной нет.

12/III¹

- 1) Выполнение заказов черн<ой> метал<лургии>.
- 2) Выполнение заказов Б<ольшого?> Днепра, Свири, Невдубстр<оя>.
- 3) Состояние научно-исследо<вательских> групп.
- 4) Полит<ическая> воспит<ательная> работа по ФЗУ
- 5) Итоги месячн<ого> шефства
- 6) Ход работы по ист<ории> КСМ
- 7) Выполнение обязательств при обмене комсобилетов 71, 125, 213, 172, 34 <отделения>.

13/III

Ирке плохо, плохо. Лежит и стонет, и кричит. Температура — 35,8.

У меня внутри все как-то приостановилось — одна мучительность. Больна совершенно определенно — очень нехорошая голова.

¹ Записи от 12 марта 1932 г. выполнены О. Ф. Бергольц в двух дневниковых тетрадах.

Очень тупое состояние. От Лешки нет ответа на письмо о высылке бумаг Молчанову. Не пишет. Чем больше проходит время, тем с большим стыдом вспоминаю я осень. Как я была глупа! Господи, как была мешански — глупа, наивна, самодовольна.

Я — опять-таки мешански — мечтаю о том, как я отолью Л<ешке> — (если удастся!). Нет, подло все это, и глупо.

Учиться, писать, расти, как в сказке, работать, чтоб сбросить с себя всю коросту, чтоб предугадать все «случайности», чтоб отделаться от тяжелого внутреннего «царства необходимости», чтоб стать действительным завтрашним днем человечества.

И пусть меня любит один Николай!

14/III

Ох, как болит голова, все ломит. Ирина спит и спит, неужели поправляется? Второй день не езжу на завод — наверное, Володька Сталев будет ругаться. Ну, и черт с ним. Не люблю я нашего от<ветственно-го> секр<етаря>. Коля сегодня приехал в Алма-Ата. Жду 18-17<-го> телеграммы. Что-то будет?.. Надо кончать «Глубинку» и просто не могу, точно она вытянула из меня все соки...

Надо кончить сегодня «Глубинку», надо, надо. Надо дать что-нибудь такое, что вынесло бы меня из глубин неизвестности.

Я утратила хорошее отношение к Маруське Чум<андриной?>, к ребятам-сапожникам. Т. е. я отношусь к ним по-прежнему хорошо, но без той преувеличенной (явно) нежности, что была у меня [весной], осенью.

Я иногда спрашиваю себя — почему Маруся Чум<андрина?> пользуется авторитетом и уважением ребят — а я нет? Ведь у Маруси буквально никаких «заслуг», а между тем — отношение это к ней совершенно справедливо. Дело, ясно, не в «заслугах», а в общем поведении.

Ладно, возьмем все крепости.

1) «Глубинка»

2) «Силос»

3) Электросиловцы

4) Книга для малограмотн<ых> о наркомпросовской пятилетке (ох, хорошо было бы написать ее!).

17/III

Из Москвы приехал Миша Чумандрин. Я с ним послала Лешке записочку — просила сообщить, что сделано для М<олчанова>. Мишка ответил:

— Все сделано, Лешка при мне звонил Салтанову..

— А бумаги?

— Не знаю.

Ну, значит, опять ничего не сделано... А ведь даже не прислал мне записки, ну и хрен с ними... Чувствую себя оплеванной и противопоставленной всем «им» — как никогда...

Работать, работать! Как я буду счастлива, когда сброшу с себя гнет этот, озлобление и горечь...

Конечно, с «утверждением редколлегии» — очередная липа?

А сравнить все это с осенью... Что же могло так оттолкнуть Авербаха от меня. Я не жалею, иначе не могло быть, но неужели же у него не осталось ко мне даже теплого товарищеского чувства?..

19/III

Ничего-ничего неохота делать.

Николай 30<-го> едет на границу..

Не могу писать, все время теряю нить...

Очень оппортунистическое настроение!

21/III

Озлобление. Противное бюро комитета. Скомканный и испохабленный вопрос истории комсомола на бюро. Может быть, я загибаю? Может быть — так действительно нужно? Но — с активом Володя Сталев просто сглупил. Как он мне был противен сегодня, просто гроб. Демагог все-таки, а не вдумчивый работник. А НИС? А шефство над ударными заказами? Комсомол тут явно ни при чем!

Нет, не понравилось мне бюро...

Отношение ребят к ЛАППу меня огорчило. Вот так фрукт. Вот так призыв ударников... Ах, темнота чертова...

Ведь это надо расшибить. 23<-го> посоветуюсь с Федоровой.

Попытаюсь завтра поговорить с Володькой...

24-25<-го> будет письмо от Коли... Неужели, неужели не выслано ему письмо с бумагами от Ав<ербаха>. А я дохожу до психоза: мне иногда кажется, что Лешка тут, а от меня это скрывают. Это, конечно, психоз...

Нет, нужен какой-то перелом в сторону более оптимистической настроенности.

Она бывает, когда думаю о сыне...

Как мне невыносима мать, до брезгливости. Совсем нет чувства благодарности за Ирку. Свинья я...

27/III

Очень плохое физическое состояние, мешающее работать: головные боли, грипп... Состояние — глубокой амплитудой: от напряженно-рабочего, почти энтузиастического, до глубоко безразличного. Необъяснимо.

Задачи остаются те же. Комсомольские костры, электросиловцы, партия.

Страничку немного «распустила», хотя справляюсь легко.

В мае еду на Днепрострой. Через Москву. Увижу Ав<ербаха>. Должна увидеть его как победительница, предстать перед ним в завидной рамке молодости, побед, роста, независимости и равнодушия.

К 1 мая должны быть готовы «Костры», «Электросила».

Это меня как-то стимулирует. Неверно, да?

А Молч<анова> я встречу сплошными победами: книгами, ребенком, пригожестью, силой, и ростом, ростом, самым глубоким ростом. Для этого нужно, чтоб вышеуказанные стимулы не были стимулами... А что? Участие, активное, заметное — в стройке, и так остается главным, и тут я не ханжу.

Завтра

1) Дать индив<идуальные> задания по истории комсомола — Храпову, Дмитриеву, Пантелееву, Карпову, Степанову, Дарышевскому, — нажать Парье-Ильину; объяснить бригадам — 62 отд<еления>, 94.

Добраться до Шамрея <?>, Якобсона, Чижова, Перова.

Договориться с Якиманск<им> насчет 6-ого.

Стащить с чердака последн<ий> архив и просмотреть его. Сост<авить> план и путевку работы с архивом.

II. Сдать полосу. 62 <отделение>, ДиП, выполнение программы, посл<еднее> бюро, шефство <над> «Днепром».

II. Наладить отношения со Сталевым. К черту! Хватит атмосферы <Далее обрыв текста.>

3/IV-32

Ну, что я сделаю, если сквозь все, сквозь настоящее горение — тянется холодная, пискливая ниточка, желание «кончить, кончить», «не то все это», «скучно»...

Эта ниточка, нотка эта поганая — не всегда, она — редко, но настойчиво. Как тогда одиноко! Как сейчас.

Мечусь по людям, иду к Молчановым («тут жил Колька») и, наверное, смотрю на людей по-собачьи, заискивающе. Мигает лампочка. Приехал Юрка, он хороший, но оказалось, что не ближе остальных... Впрочем, ближе и не бывает. Ближе близкого только Николай.

Юрий сейчас сказал, что у Мишки какая-то бумажка от Кольки, где он пишет о «происках некоего Авербаха», о своем разрыве с ЛАПП и т. д. Ничего не понимаю! Совершенно не похоже на Кольку, и с чего бы это он, вдруг. Если она пришла к Мишке на днях. Нет, Впрочем, сперва выясню у Миши, потом... Очень расстроена. Если действительно так написал, то зря, зря, и как-то стыдно за него...

Сегодня Миша будет звонить Лешке, м<ожет> б<ыть>, мне разрешит сказать ему два слова...

Как скучно, как нехорошо...

10/IV-32

Отчетно-перевыборная в комсоорган.

Выездное бюро р<айонного?> к<омитета?> на заводе.

История комсомола.

«Костры».

Не злюсь только на заводе, хотя что похоже на шаблон — «Надежда уходит к корпусам». А верно, только на заводе успокаиваюсь, киплю по-настоящему, хотя все время хочу домой, к книгам.

А приедешь — и такая усталость адская, и времени не остается — просто злость опять берет, что на себя противно.

12/IV

Вчера и сегодня ждали (и ждала) Лешку. Не приехал. Очень обидно. Любопытство мучит меня — а что дальше? Как дальше пойдет дело... И, в сущности, страшно одиноко. Не знаю, куда пойти, что делать с собой. Работы до черта, но делать ничего не охота.

Куда деться? Я кажусь себе лодырем и прогульщиком...

До чего хочется пойти на «Онегина» сегодня. Ольга наверняка дома, да Колька К. врет. Ужасно не люблю эту плешивую морду...

180 525 525 1500 700 р. + 170

30 400 375 900 5

54 009 25 р. 900 600 р. 875

700 — Глубинка

300 — Углич

600 — Комс<омольский> костер

1800 руб.

[525]

<Между 12 и 22 апреля 1932 г.>

Ну, что это?

Непригодность? Молодость?

Нет, неужели полная непригодность, и никогда-никогда не сделаю я ничего такого, что бы дало мне право себе самой поглядеть в глаза, не так, как я гляжу сейчас, на подкрашенные ресницы свои, а в самую, в самую глубь взглянуть, и вдруг увидеть там человека нового, человека из будущего, организатора и бойца, равносильного сильным?..

Во мне от будущего — крохи... Да нет, хотела возразить, и тотчас же возражаю возражению. Мы знаем будущее. И из будущего во мне ничего нет. А может быть — вообще нет людей будущего? Что за сволочь! Есть, и в каждом почти есть эти элементы, в каждом — за исключением меня.

Я не организатор еще, и не была им.

Мне мешает быть организатором — собственная неорганизованность. Не успела приехать, а уж свалилась на руки к Николаю со своими сердечными припадками, давыдовскими сварам, с плохой правкой...

Плохо, плохо. Больно, обидно...

Налажусь. Налажусь. Я сильная, мне, думается, никто даже не знает, какая сильная, несмотря на свою розоволикость. Я умная. Я талантливая. Я ценная. И это узнают все.

22.IV

Вот и любви пришел какжк,
Дорогой Владим Владимыч...

Нет — это-то еще нет...

Но когда же, кто же будет меня любить так, чтоб никаких воспоминаний, никакой тоски о «чужой», что кроме меня — никого и никогда...

Колька сказал, что «несколько дней был влюблен в Ирину М<олчанову>».

Я ведь все это предчувствовала еще в Алма-Ате... Ох, знаю: много мне еще из-за него будет самого настоящего человеческого страдания. Да, да, как давно намечала — так и надо добиться — никого не любить крепко, никого не делать самым дорогим. Нельзя этого. Надо самой собой жить — ни любимым, ни детьми — самой собой, ходить самой по себе...

Тогда будет легче и лучше...

Так и надо сделать, надо этого добиться, и начать добиваться этого теперь же...

Но как убежать мне от газа, от касс,
Что будет со мною, старинные плиты?

Надо меньше его любить, надо, надо, сквозь заботу о нем, сквозь влюбленность к нему — надо этого добиться... Я же сильная, я хитрая, я это смогу. Все равно, я лучше всех, кого он любил и будет любить...

Но как убежать мне...

Что будет со мною, старинные плиты?

Значит, Карфаген все еще не разрушен?.. Ерунда — детство, романтизм, уверенность в своей силе надо мной, детство, детство — это не страшно... Конечно, любовь рациональным теориям не поддается — и «теоретически» к чему-нибудь придти нельзя...

Ладно, посмотрим, кто-кого...

Но главное — меньше любить. Меньше, меньше по существу, а не по виду.

Увидим, «который которого наиграет...»

Вот, в такие дни мне кажется, что вся, вся жизнь прожита.

<Обрыв текста.> ним огорчает и раздражает меня.

Но ничего, ничего, говорю я себе теперь, — теперь он никуда не уйдет от меня. Отчего я говорю так? Оттого ли, что мне его стало нужно меньше, или оттого, что то, что он целовал меня — придает мне какую-то уверенность и ликование — «он <меня любит?»>

Ведь это еще ни о чем н<е> говорит, конечно, но <2 сл. нрзб>¹
<Далее обрыв текста.>

Ольга Берггольц. 1932 год.
Электросиловский дневник²

29/IV

1. Когда-то, в <19>28, все мои дни начинались и оканчивались — «тоска», «тяжело». Что же, и сейчас этот рефрен? Почему? Не избыть тяжести, пятый вечер гибнет без работы, даже без мыслей. Болтаюсь. Дошла до того, что ходила в театр малых форм: дохлятина, смеяться разучились, приспособленцы. Идти не к кому, всех стесняюсь.

¹ Запись сделана рукой О.Ф. Берггольц на оторванной обложке дневниковой тетради, часть текста утрачена.

² Запись рукой О.Ф. Берггольц на обложке дневниковой тетради.

Вообще, весь апрель работала плохо, не по-большевистски, как нельзя, с неохотой. Дни отдыха должны быть переломными. Поеду в базу. Оторвусь от дома. Убийственно.

Завод. Молодежный цех, из которого неохота уходить. Дневник, конечно, отнюдь не электросиловский; с мая перелом, перелом. Май решит все.

Будет книга о молодежном цехе. Хорошая. Ух, как хочу работать, как грызет честолюбие, хорошее честолюбие и вместе с тем — не хорошее. Надо вести электросиловский дневник. Писать разучиваюсь — видно на «Пимокатах». «Пимокаты» будут последними. Потом сразу, ожесточенно, трудно буду писать «Силос». Эта книга выведет. После нее — стихи и молодежный <цех>. Затем — пьеса и «Застава». Надо честно работать... Надо думать. Я плохо и лениво думаю. Я тоскую — неизвестно как, нет ни равновесия, редко мелькает радость.

Пойти, что ли, к невропатологу? А то еще родится какой-нибудь злой чертенок...

А мне бы надо жить философской, радостно-суровой жизнью, как живет, наверное, Колька. Да нет, это будет, будет, отдохнуть бы только, а потом за работу бы так, чтобы щепки летели.

Несправедливо и подло, что у меня такое состояние. Не от чего, не для чего, зря.

2/V-32

Второе мая, праздник.

Вчера ходила с «Электросилой», с 62 <отделением> — очень хорошо было. Ребята довольные, приодетые, от некот<орых> мальчишек пахло водкой, но пьян никто не был. Собирались на «проспекте Шибакина», тут же на этом проспекте, в ожидании, пока тронемся, пели и танцевали. Ходила по заводскому двору, вела умные разговоры с Козовским. Хороший парень, немного воображает. Влюбить его, что ли? Давно не наблюдала влюбленных в себя особей...

Сегодня опять тоска, все время слезы на глаза навертываются, и что делать с собой — не знаю. Нужен невропатолог, не хочу объяснять свое состояние иными причинами, ни при чем тут отсутствие друзей и все такое. Есть большая работа, радостная работа, есть разные планы, которые нужно обязательно осуществить, есть громадное ощущение материальной, нужной жизни. Но в том-то все и дело,

что подчас теряешь это ощущение, сам себе становишься не нужен и никому не нужен. Вот как сейчас.

Я влюблена в Николая. Перечитываю его письма, дрожу за него, обижаюсь на него — ревную. Самый мой лучший, красивый мой, любимый. Завтра пойду к Ирине в порядке самотравли.

Посмотрю, кого он любил.

15/V

1. Жив говорил сегодня в горькоме, что он читает всего 2 часа в сутки, потому что у него переутомление мозга. Не у меня ли оно? С ужасом думаю о рассказе для костров, до чего неохота писать! До чего охота писать свои, «независимые от материала» вещи.

Еще месяц напряженной мозговой работы, которая чем ближе к концу, тем напряженнее, потому что мозг у меня, как только я дома, становится на простой, саботирует.

Сегодня нужно заставить себя работать. Отделаться от комсомольских книжек — буду работать медленно, думать, радоваться...

2. 13<-го> было очень хорошее бюро. Говорили о людях. Мне было очень хорошо — вот то, о чем больно думалось, болелось, на что обидно было. Заговорили о товариществе, о творческом активе, о культурном обслуживании ребят. Говорили о выковывании нового человека — как решила 17 партконференция. Всё понимают! Сколько радостной, настоящей работы, как ей нужно отдаться, и сколько много можно было бы сделать. Я с удовольствием работала бы культпропом, по совести говоря. Буду помогать ребятам — Кулеву и Соколовой, как могу. Ведь помочь могу много, только нужно взяться без лени и равнодушия (приступов).

3. Постановление оргбюро — и оргкомитета. Удаление Лешки из литературы. Как зуба! Я говорю себе — не может ЦК, руководящее мировой революцией, ошибаться. Верно, здесь не ошибка — проба. Но вдвойне будет тяжело, если без «нас» справятся. Нет, порю. При чем тут «тяжело»? Справятся, значит, зря бухтели. Однако трудно представить литературу без Лешки. Он же не подает признаков жизни. Очень бы хотелось, чтоб приехал сюда, очень. Говорят, его пошлют в Швецию. Гм? Странно... В общем — нужно писать. Писать самоотверженно, зло, глубоко, как самолету, забирать потолок <Далее обрыв текста, часть листа оторвана.> конечно, толковый»...

Это было грубо и как-то так, точно срывал он с Кольки что-то... Я обалдела и подумала: «А ведь похоже»... Я вспомнила его «партизанщину» и прочее. Есть, конечно, в нем эта романтика, есть. Я проверяю все его высказывания и поступки, сличая его с обидными Мишкиными словами. Да, романтик! И взвинченность есть. Почему это мелкобуржуазно — такое паскудное слово...

Ведь он был для меня образцом поведения, я в полной мере почувствовала это, когда так сказал Мишка. С самого начала мне нравилось и прельщало в нем все.

Что же — произошло срывание масок? Три дня эти Мишкины слова не давали мне жить.

Сегодня получила от него письмо, и опять сначала.

Ну, что же, есть, потому что очень молодой он, Коля. Но он прекрасный, правильный — единственный, он самый правильный.

Было бы дико, если б оказалось, что вся эта его правильность оказалась бы сплошной неправильностью.

Что это было — сигнал к критическому отношению к Кольке?

Да, индивидуалист, и подчас нехороший индивидуалист. За это говорит все его отношение к РАППу. Он писал: «Да и ты, кажется, мой характер любишь». Люблю! Норов люблю, упорство, верность... Буду и отрицать теперь кое-что. Ведь и во мне многое нужно жестко отрицать и выкорчевывать.

Опять говорила с Кулевым и Соней С<околовой>, составляли план культработы. Нужно составить хороший план, нужно написать письмо, вдохновить ребят. Завтра попробую пойти на обед в 62 <отделение> на совещ<ание> по культработе.

А отделение опять стоит. Все из-за 37<-го>. Как мы паршиво работаем!

Интересный тип — Быков, надо его лучше раскусить. Из девчонок заняты Сиверова, Косьбо <?>. Сейчас надо приняться работать — сразу охватывает лень и сонливость — неохота писать.

17/V

Я все это думала, и мне все это казалось ужасной, страшной правдой.

Чуть какая, плешь... шизефрения, как говорит Миша. Специфическая шизефрения...

Сижу и строчу, ожидая, пока перепечатают мой материал.

В след<ующий> [№] даю о подготовке к 7 п<артийной> конф<еренции>. Надо бы расчесать комитет за бездействие в подготовке к юбилею.

22/V

Подготовка, с перед<овицей> «Правды».

Еще вопросы, кот<орые> нужно было бы осветить — культработу, в том разрезе, как мы говорили на бюро.

Эх, плохо работаю, не оперативно. Вот что. 22<-го> — бюро, где эти вопросы будут обсуждаться. 23<-го> созвать маленький актив юнкоров, объяснить, что им делать.

Числа 28<-го> сдать хорошую полосу. Или к райконфер<енции>? А письмо — проблемное, м<ожет> б<ыть>, написать юнкорам?

Крепко нужно взяться за юбилей.

Если еще предложение о проверке соцсоревнования пройдет — надо будет весь пыл <?> убить именно на это, разработать план рейдов, обследов<аний> и т. д.

Пора сделать свою страничку проблемной и передовой.

Итак, соревнование, подъем его на действительную высоту, беспощадное разоблачение всех лжеударников, всяких лжедоговоров и т. д. Если нам удастся сделать это — сделаем действительно важное дело.

24/V

Я в буквальной панике, у меня даже сердце замирает: я завалю «Костры», комс<омольский> сборник, потому что не могу работать.

Какой это позор будет.

Но вот сегодня. Купила комплект «Правды» за 1917 год и не могу оторваться, читаю, горю, волнуясь. Напишу обо всем этом хорошие стихи... Как надо, как хочется писать. Как неохота писать что-то для райгазеты, для «Костров» — просто думать даже неохота. Ой! Зашьюсь, зашьюсь. «Пимокаты» будут просто халтурой, и все это почувствуют. Господи! Читать, медленно работать — по абзацу, по строчке — когда же это?

Вчера в 94 <отделении> должна была проводить информацию о займе. Положение на заводе такое, что сильно и неправильно

снизили расценки, упали заработки, в связи с этим нездоровые настроения у рабочих, даже у коммунистов и комсомольцев.

Плеханова (ныне — ул. Казанская) д. 42 кв. 29 с черного хода Нашивочникова. Я сидела и волновалась — как сказать, как «агитировать»? Пришел Невинский, информировал сам. Он даже не стал «агитировать», а просто поставил вопрос о том, как лучше расставить комсилы, чтоб обеспечить подписку. Он счел согласие коммунистов делом совершенно решенным, и он был прав. Я училась, буквально училась у него большевизму.

На этом же пленуме вскрылась одна такая вещь, которая заставила меня почувствовать крайний стыд за работу нашего комитета: в бригаде Руадзе, которой мы гордились, которая ставила мировые рекорды, оказались такие факты: трое ребят бросили работу, двое из них — комсомольцы. Один из этих комсомольцев преспокойно сидел на пленуме, в то время, как ему надо было работать.

Он оправдывался американскими стеклами, нарукавниками и т. д. Факт — безобразие. Факт, что безобразно затянули пересмотр леваческих расценок. Но бросить работу, комсомольцу. Невинский весь посинел, когда орал на него. Правильно орал. Когда началась закрытая часть, Розов взял за плечи этого парня и, неловко усмехаясь, сказал ему: «Ну, брат, ты тоже уходи... Знаешь, прогульщиком здесь как-то неловко быть...»

После распределения комсил, опять вернулись к этому вопросу. Партийцы стали говорить Невинскому: «Зачем ты так резко», и другие стали защищаться — тот же Руадзе. Невинский отшил их крепко. Ребята сказали, что жалованье упало вдвое. Невинский сказал задумчиво: «Ну, хорошо, 160 рублей. Так скажи, мы, как коммунисты, подохнем с голоду, что ли?» «Не подохнем», — весело отвечал Чухарев. Он мне очень понравился. Он первый напрямик сказал, что ребята ждут только получки — а потом уйдем. Комсомольская бригада — наша гордость!

А где мы были? Ведь дело-то идет с марта месяца, а мы это время только и делали, что хвалили бригаду.

Вот потому-то и стало мне горько, что увидела — в сущности, плаваем-то по поверхности, фетишизируем вещи, эдакий нефетишизм: статор Свири сваривает бригада! Статор Свири!..

А что в том толку, статор-то сваривают, а чуть трудность — по-обывательски ничего не видят, кроме своей трудности и обиды.

«Мне стекло не дали». Не в тебе дело, а дело в том, что мастер политику срывает. И вот ребята буквально бродили, разлагались, и комсомольство их всплыло на поверхность. Вот качество нашей воспитательной работы. Оргработы. Нашей бдительности. Надо заставить сделать выездное бюро 25/V не в Трам, а в 94 <отделение>. Да наверно Володька так и сделает. Я с интересом наблюдаю Володьку, и он начинает нравиться мне, хотя некоторые черты (чванство, администраторство, порой ограниченность) отталкивают от него. Определенно, мы начинаем срабатываться, хотя я делаю уступки (не совсем резко поставила вопрос о VII-ой, имея в виду его и т. д.). Это пока. Когда мы достигнем полного понимания и доверия, буду говорить ему очень резко, что я думаю о комитете и наших работниках.

Я считаю, что он и я — сильнейшие работники комитета, и хочу ему помочь, как могу. («Спасательское» настроение. Проверить себя.)

Козин — баракло, он почти вреден. Другие ребята — ничего, но слабые. Очень разочаровал Кулев — говно! Он на 6 день отказался от работы — струсил. Мотивировка — не имеет возможности справиться человеческие потребности, к которым привык, как квалифицированный рабочий. Очень характерно, я обрадовалась даже, как радуюсь еще всяким характерным явлениям, как профессионал.

Надо позвать Владимира сюда и поговорить как следует. Все-таки очень толковый парень, прекрасный материал, нет — что надо.

Письмо от Кольки как-то не отозвалось во мне, даже не понравилось немного. Нельзя так, мне грустно стало, похоже на потерю его самостоятельности. Мне грустно, правда, стало главным образом из-за того, что вот он какой цельный, а я вдруг (да не вдруг, а уже) не оправдываю всего этого, огромного, радостного.

Вот, например, Сашка зол на меня, решил, очевидно, поставить точку, и я знаю, что все это ordinarily и пошлово, но мне охота снова этой игры, щекотки, тумана...

Неужели сегодня ничего не выйдет с Сашей, жалко?! Придумываю, как мне держаться. Занятно. Это плохо, наверно, это бабья психология, нужно во что бы то ни стало писать рассказ для Костров, и просто рука не поворачивается.

Да, но зачем же вся жизнь — как вино,
Как огонь, как стрела?

26/V

На душе тошнит — самое точное определение. Вот именно — тошнит, даже страх какой-то появляется. Не то, чтобы мучила меня история с Сашкой... А скорее все вместе. И это, и в основном то, что Молчанов выбыл-таки из КСМ. Нет, надо бороться. Напишу, скрипя зубами, к Авербаху. Нельзя, ничего не выйдет у него с работой, если он будет вне Союза. Господи, как он должен чувствовать себя. Ведь ни за что, из-за моего сволочизма вышибли... Колька мой! И верно — все сломал. Конечно, можно было бы обладать все, если б его не заело. Можно было бы взять дело с собой. Эх, да что кулаками махать.

В общем, надо бы хуже, да нельзя.

С дачей для Ирки ничего не выходит, а отправить ее срочно надо — все время прихварывает. Я вчера писала Коле, что хочу всего в полную силу, а это верно, но обратно получается, что на каждое дело уходит не полная сила, а кусочки. Кусочек на Ирину, кусочек на писанье, кусочек на завод. Плохо. А расходую сверх отпущенного...

Разве не ехать сегодня на завод? Нет, нельзя.

Итак.

Сейчас напишу для райкома. Поговорить о Ник<олае> с Верой Рождеств<енской>. Она очень хорошая, чуткая девчонка, она правильная.

Затем — пройти в ГИЗ.

Затем — на завод, на пленум не останусь.

Затем — в истмол. Надо, пожалуй.

Затем, выкачанная, конечно, злая, приеду домой, надо писать для «Костров», пишу вяло, скучно — придумываю.

Эх, не дело. Эх, на душе тошнит, отдохнуть от забот охота.

К С<ашке> больше не пойду, хватит, наигралась (!). Да и ему, наверное, волынка эта надоела. Тем лучше. После пятидневного «взрыва» и «игры» снова погружаюсь в мрачное отчуждение и злость. Тем лучше. Чем хуже, тем лучше.

Обязательно поеду на Беломорканал. Как-то отнесется Сталев к сегодняшней полоске. Будет злиться, наверно. Нет, недостаточно веду я борьбу с липой. Права я, помещая эту заметку. Безусловно. Значит, принять его сварливые замечания — с отпором.

29/V

1. Опять очень гнусное состояние. Подписка в цеху идет среди парт-части — хорошо, но я, конечно, играю тут совершенно ничтожную роль. Главное — в спокойном, высоком Розове. Хороший парень — секретарь 94 <отделения>!

2. После нескольких написанных страниц для Костров, написанных в пол-, в четверть силы, опять затор, и невозможность писать, зато много стихотворных, почти удачных отрывков.

3. Отношения с Сашкой зашли в тупик, сама знаю, что веду себя глупо и непоследовательно, надо бросить к черту, пока нет возможности подлого осадка.

Кажется, нравлюсь Рафаловичу, и он мне нравится, умный, острый.

4. Скучаю о Кольке, о его ласке.

Скучаю, скучаю... Милый мой, чистый мой, хороший, не стою я его...

31/V

1. Как мне хотелось бы быть йогом! Бумага не передает интонаций, а я вкладываю в эту фразу их чрезвычайное многообразие: от сардонии до неподдельной грусти.

Считаю вопрос с С<ашкой> в основном конченным. Осуждаю себя, «без классовой ненависти». В общем пошло. Эта волюночка выдвинула передо мной ряд вечных проблем, которые нельзя разрешить в силу их вечности. Грустно!

Но основное — люблю Колю и никакая «быв<шая> интрига» не заслоняет его от меня, не мешает мне любить и чувствовать его, моего лучшего, моего верного.

Ну, к черту, к черту Шурку! Цикл завершен.

2. Завтра с Козовским должны будем составить мировую по-лоску о пятилетнем плане ГОЭЛРО, о наших электросиловских проблемах — реконструкция, АШ, обмен опытом и т. д. Надо поставить вопрос об электрошефстве. Надо много прочитать. Мы (!) комсомол выдвигаем вопрос о Волге.

Как мне полюбился сегодня Козовский, когда говорил со Сталевым. Деловой, умный парнишка. А Сталев начал сомневаться относительно реконструкции, Волги и т. д.

Неверно — надо, надо выдвигать это дело!

Эх, с такими ребятами, чего бы наворотить можно было. Плохо мы работаем.

Сегодня меня и Цапуля вызывал к себе Касимов, делал указания относительно постановки внутрипартийных вопросов у нас в газете.

Я подивилась и радовалась — вот что значит настоящий партийный руководитель. У него вырезки, он все знает. Он точен, чисто одет, говорит так, что нельзя его не слушать. Молодец Юсуф!

1 июня

1. Июнь пройдет так оголтело, что я его не замечу. Значит, по существу остается июль-август-сентябрь, и затем Николай. Очень жду его. Когда он придет — начнется новая, верная жизнь. Как я буду любить его. Как плохо, что он периодически «исчезает» из меня, когда уезжает.

2. Вчера была у трамовцев. Говорили о книжке к 15-летию, я увлекалась, рассказывая материал. Все мы увлекались. Какие хорошие ребята, просто удивительно. Нина Зегжда занятно. Еще не знаю, кто она. Училась в ГИИИ. Теперь работает там. Панов, Сморгин — умные, простые ребята. Я опять «разболталась». Читала им свои стихи — им очень понравилось. Я была довольна. А домик их — убогий, и все еще убого, косо, сыро — пьесы, постановка, но какая воля к творчеству. И Воля к творчеству — вот правильное слово. Ребята горят, думают, переживают — среди них нет равнодушных.

Я всегда радостно вздрагиваю, получая новый материал, новое подтверждение нашей невероятной энергии. Здорово. Вчера был хороший день: Козовский в комитете (сказал Сталеву с удивлением — «Что ты, ведь Камышино должно быть закончено к <19>37 году!?!»), Касимов, трамовцы в своем жилье. <Далее обрыв текста, оторвана часть листа.>

1/VI

Очень плохо себя чувствую — устала, болит спина, апатия. В 9 придет Козовский. Вечером к ребятам не пойду. К Сашке больше тоже ни ногой. Хватит.

3/VI

Вчера были митинги по поводу займа. Все было разыграно как по нотам. Выступила я, потом ребята, чьи бригады уже подписались. Выступали просто, говорили, как о необходимости. Тяжело, конечно, приустал народ от нехваток, от баклажанной икры в магазинах, от очередей.

Мне очень заскребло на сердце — группы рабочих во время митинга играли в домино; нет всей газеты, но меня на все это не хватает. Полоса о второй пятилетке вышла не такая горячая, как я хотела, но деловая.

После поездки на Белморстрой, перед уходом в отпуск поставлю дело образцово. Надо собрать юнкоров, провести то, о чем говорил Касимов.

1) Смотр политучебы (агитация, пропаганда, союзный день), нет, эту полосу сделать шире — политико-воспитательная работа.

2) Надо собрать отклики на нашу полосу.

Московский и др. у ребят (Быков, Хайкинд, Мурашев, Шапиро (47), Гринберг (47), Штукин и т. д.)

С Сашей кончено, крепко, по обоюдному молчаливому соглашению. Вот уж истинно: «была без радости любовь, разлука будет без печали». В общем-то, пошлово.

На душе грустно. Надо делать историю комсомола — рук не хватает.

9/VI

Как я люблю Колю. Много <?> его люблю и тихо.

Сейчас в моей комнате спит Женя, жена Штейна. Она очень славная, острая. Забавно! Она мне очень нравится, и я не чувствую почти никакого смущения. Сашка держится эдаким мопассановским мужем, ну да мне наплевать на него, просто забавно.

К концу повестушка пошла явно слабее. Сегодня кончу — а завтра за «Электросилу» возьмусь.

14/VI

Демобилизация, усталость, слабость. Т. е. такая усталость, что единственное правдивое желание — «в траву попадать — спать»...

Вчера читала у Маршака. Что ж, сделал правильные замечания, я еще удивляюсь, как хоть что-нибудь получается — пишу не головой, не мозгом, а затылком, явно халтуру, причем халтура эта заключается в том, что пишу с сознанием, что над тобой висят.

Заем на заводе. Хождение по цеху, разговоры с каждым неподписывающимся, убеждения, упреки, демагогия, слова, уже стершиеся от употребления. Иногда нахожу и нужные, горячие слова. Иногда стесняюсь и чувствую себя пришлой, хотя в основном — этого чувства нет.

Устала, устала, злюсь. Дома мать устраивает совершенно невыносимую жизнь — целый день какая-то суетня, беготня, писк, мышинный топот... Ох, гроб. Скорей бы отправить их на дачу и жить одной, скорей бы кончился ремонт, и все такое.

Я жду первого июля, как избавления, а ведь оно может и не наступить, потому что все зависит от моей работы. Я же разбрасываюсь, и не могу заняться ни тем, ни другим. Кончено! Сегодня последний займовский день, завтра — до 18/VI, «хвораю», т. е. работаю дома. В условиях ремонта, конечно, трудно, но надо, надо все преодолеть, чтобы с честью отдыхать, наслаждаться бездействием, ждать в чистую, культурную квартиру — Николая.

Опять тоска по нему... медленная, упорная, неизбывная.

Опять одиночество, некуда девать руки, не на ком остановить ласкового взгляда, не к кому прижаться.

Влюблю в себя Козовского. Смешной паренек. Помучить его как следует, сбить спесь... Да скучно...

От Авербаха — до Козовского... Смешно.

Один, один мой любимый (знаю) — мой высокий, мой золотоглазый, Николай.

Как скучаю по нему. Июнь, как напоминает Алма-Ату, путь к дому правительства, горы, арыки.

Как хочется из города — в степь, в жару...

16/VI

Никак не уляжется крови сухая возня,
И нет для тебя ни названья,
ни звука, ни слепка...

Нет, есть: неврастения.

26/VI

Думала, что прошло гораздо больше времени, а оказывается только 10 дней.

События.

1. Разумеется, событие — приезд Анка. Я так обрадовалась ему, так хлынуло тепло, и уже через сутки утомилась. Я думала об Анке все время, о рассказе «Цирк», где хотела для себя психологически отделаться от него. И вот он подсказал логическую концовку — вышел из комсомола.

Он меня как-то затуманил, сбил с толку. Но нет, ясно, чудной, вредный, жалкий парень. И все-таки, теплота к нему, жалость.

Сегодня пришел его товарищ ко мне, неужели он зачастит? С трудом договорила с ним сегодня.

2. Письмо от Авербаха. Официально-ласковое, иначе его и не квалифицируешь. В основном — ничего. Так-таки и ничего. Приветствовать.

3. Приемочная комиссия в партию — сегодня. По III категории. Отвечала хорошо, а по сути плохо. Спекулировала (как бы) Казахстаном. Нужные и точные формулировки пришли позже, как водится. Очень понравился дяденька, тот, что принимал, и было как-то неловко перед ним за свою «образованность». В общем, недовольна собой. В чем дело? Плохо вскрыла теоретические корни «леваков», недостаточно. В общем-то, конечно, можно было требовать от меня большего. Не сказала о взысканиях в редакции — выговорах. Но ведь они же были идиотскими? Ясно.

4. Уехал Козовский. Хотелось поговорить с ним по душам, больше для того, чтобы его поразить, зацепить. Не вышло — и лучше, все равно было бы неискренне.

5. Работы на мертвой точке, в безвыходье. Не представляю, как совладаю с ними. Надо, надо и надо справиться, иначе я — говно. Самоотверженно примусь завтра.

6. Завод, залезший в прорыв, — отсюда злость и горечь.

7. Самоанализы и сплошное недовольство собой, по всем линиям. «Замечаю» себя, — плохо...

8. Тоска по Николаю и боязнь, что он уменьшится, как знакомое место, куда приезжаешь после долгой разлуки.

9. Скорей бы, скорей бы кончить работы. С удовольствием отказалась бы от электросиловой книжки.

27.<VI>

Бедненькая рыбка,
Маленький карась.

Где ваша улыбка,
Что была вчерась.

Стоит диванчик,
Мы с вами тут,
У нас романчик
И вам — капут.

Память, не ершись! Срастись со мной!
Уверуй
И уверь меня, что я с тобой одно.

1/VII-32

Пожалуй, самое целесообразное, что я могу сделать — это снова лечь спать. Работать не могу абсолютно.

Завтра с утра — за историю. Что выйдет, то и будет. Все равно. Попробовать съездить на электроаппарат. Сходить в публичку. Конец «Костров» — утро 3<-го>, после «разгона». Плохо и холодно выходит.

От Молчанова три дня нет писем, и я уже дико скучаю.
Солнце мое, как без него одиноко.

3/VII-32

1. Глупейшее, я бы сказала, самодовольное письмо от Молчанова. Пишет, что подал докладную. Значит..? остался на сверхсрочной?

Это... головотяпство или вредительство. Нет, серьезно.

Как же он думает уехать оттуда. Для меня ясно — его там задержат.

И вот сразу, когда прочла, поднялась обида, горечь, разная муть. Почувствовала, что я связана, — «нарожала ребят», теперь мне никуда не податься, вечные заботы, вечный призрак за спиной — дети.

Дети — от двоих, ушедших, — неудачных...

Все это неправильно и несправедливо, но непонятно, горько, зло берет...

Ну, ладно. Увидим, что будет. Но устала отказывать, отказывать, отказывать себе...

2 ч<аса>

Я злюсь на Кольку.

И кажется, что вовсе не такой он хороший и необыкновенный, как думалось раньше. Я не довольна, что будет второй ребенок.

День сегодня опять прошел впустую — совершенно. Уже два часа ночи, не стоит браться за «Историю комсомола». Так, почитаю только. Завтра с 11 часов сяду, как следует. До вечера должна сделать почти все, и конец «Костров».

5/VI — Весь день «Истории», съездить на завод.

6/VI Тоже весь день «Истории».

7 <VI> должна сдать все, что будет готово — в «М<олодую?» гв<ардию?».

Не позвать ли к себе 6 ребят — Плисса, Руадзе. Стоит подумать.

Ну, вот, до <19>29 года — будет готова глава завтра.

<19>22 г. — открылся ФЗУ.

Отметить особой главкой.

<19>21–23 г. — культработа, особая главка.

<19>21–23 г. — эконом<ическая> работа, положение завода, переход к стр<оительст>ву гидрогенераторов. Политическое состояние кол<лекти>ва, борьба с меньшевизмом.

Конец <19>23 — использовать документы. Рост. Исп<ользовать> воспоминания. Грамота — к пятилетию. «Вожди». Самое характерное — восстановлен<ие> завода, эпоха НЭПа, время организационного укрепления кол<лекти>ва.

Нет, придется разыскать Перова. Съездить, или созвониться на 6/VII.

Это обязательно.

О ФЗУ — 5/VII догов<ориться> с Цимбергом.

К Фриде — установить хронологию вождей.

4/VII-32

Злость, злость и злость.

На маму, на Николая, на — Луку. Луку — просто видеть не могу. Смешно. При чем он-то?

Обидно, что в К<омсомольской> П<равде> не упомянули о моей странице. Правда, за последнее время она испохабилась, но все же неплохая была. За июль опять подниму, как следует. Ой, как давно не была на заводе. Соскучилась. Надо позвонить туда.

*И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк постыдных не смываю...*

Весна 1936

<Далее отрывочные записи, выполненные в конце дневниковой тетради.>

22/[I]V — итоги конференции

2[3]5/[I]V — [К пр<о>изводственной> конф<еренции> ФЗУ] Подготовка к юбилею и летняя культработа

2[7]6/[I]V — К произв<одственной> конф<еренции> ФЗУ

29/[I]V

Подвойский

1) Комплекты газет

2) Архивные бригады

1) Узнать, кто прикреплен и как его достать

2) Узнать, где помещ<ается> картотека, когда можно узнать и что

3) Где помещ<аются> архивы бригады

К 1 июня закончить сбор материала, к 15 июня — сдать книгу.

Мительман и Чумандрин

Обещали сколотить бригаду по области ист<ории> комс<омола>.

По истории комсомола

Организовать вечер со стеногр<аммой?> Якобсон Никитин Перов

16/V

1. Просмотреть старые комп<лекты> «Электросила»

«Смены»

«Ю<ный?> прол<етарий?>»

3. Добиться консультанта в истмоле

4. Собрать рукописи.

Реально

Чижов

Степанов

125 от<деление?>

Вахомский

Плисс

Казарновский

Парве Яким

Попов

Степ<ан> Полунин <?>

125 р/п

Блюм

Период <1 сл. нрзб>

26/IV

1) <1 сл. нрзб>, договориться о комсом<ольских> книгах

2) Завод. Ист<ория> комсомол<а>

27/IV

28/IV

Получить деньги

29/IV В 5 ч<асов> собрание в доме Глерона.

План книги, как он есть сейчас

Во 1-х, история самого завода разбивается на 2 резкие периода.

До турбокорпуса, и после его постройки, после перехода

на крупное турбостроение.

а) до <19>22 года — 1 период

б) до <19>24 г. — ленинск<ий> приз<ыв?> — оргпериод

в) до <19>27 г. — поворот к хозяйственным

г) пятилетка и ее выполнение

1) Первые молод<ые> большевики

1) К пятилетию комсомола

Канал Грибоедова 103 Партархив

Привлечение стар<ых> рабочих Федин, Личков, Никифоров,

Бюллетень Истмол

Положение рабочей молодежи до революц<ии>

23/IV

1. Сдача полосы до 4 ½ ч<асов>

2. [Редколлегия ист<ории> КСМ 4½ ч<аса>]

3. Группа «Кр<асная> звезда» — 7 ч<асов>

(Была на райтраме <?>)

Молодцы трамовцы

24/IV День отдыха

1) Красить пальто

2) Дом, работа, ИНИ

3) Мариинский театр

Постановление ЦК о РАППе¹

25/IV

4 ч<аса>— редколлегия

4½ ч<аса>— бюро

9 ч<асов> — [КДКМ] Райапп

Берггольц 1932 год²

27/VII-32 г.

Могу ли я считать себя победителем? Нет. Может быть, оттого, что жара, духота и фактически — недоедание, оттого вот эта размагниченность и усталость во всем теле, и отсюда — скрадываются все достижения.

1. Ну, что ж, сдана «История комсомола». Для печати, для того, чтоб ее читали — она сделана % на 80%...

Для настоящей книги — на 50, на 40. Это в смысле качества. Но дотянуть ее до 100% качества — не было никакой физической и психической возможности.

Считать, что этот пункт выполнен — не могу. Формально — да, могло ничего не выйти, могло совсем сорваться, а по совести — нет. Единственное успокоение — возьму «Электросиле» настоящей книгой о новом человеке. Дело в том, что основной недостаток книги — в недоборе живого материала, отсюда суконное оформление.

¹ Фраза взята в рамку.

² Запись рукой О. Ф. Берггольц на обложке дневниковой тетради.

Господи! Да причин — до черта. Приедет Молчанов, прочтет и боюсь, что скажет: «халтура!». И Мишка, и Леша...

«Пимокатов» надо еще переделать. Господи, какую повесть можно было бы сделать!.. Но сил нет, нет энтузиазма. Понижение интеллектуальной деятельности — явно. Надеюсь, надеюсь — все исправит отдых в Грузии.

Где же еще победы?

Партия? Партия — это да. Вот он мой кандидатский билет — № 220769, стаж — 1 год. Ошибка? А вдруг правда? Ну, все равно. Но это — здорово, это завоевание...

А еще? И это все? Ах, какая я расквашенная сегодня...

Послала почти «признательное» письмо Аверб<аху>.

Думаю опять о встрече. Ничего не будет. Я знаю, что будет: приедет Николай и начнется настоящая любовь. И повысится интеллектуальная деятельность.

Он любит меня. Я принимаю это спокойно, но не как новшество. Когда он приедет, то это станет новшеством.

Работать не могу. Попробую читать...

6/VIII

Интеллектуальная деятельность продолжает понижаться...

Завтра в «М<олодой> гв<ардии>» все узнаю относительно «Истории», надо будет ее все же доработать.

Решительно отложу «Пимокатов». Не хочу делать халтуры. Книга должна быть лучше «Углича». Если не придется работать с Маршаком, то тем лучше: ну его на хер, надоел мне этот безалаберный, чужой человек.

Думала, что дневник будет электросиловским, а получается он опять ненужным и узким. Очевидно, впечатления откладываются, не желая фиксации.

Да она, пожалуй, не нужна. В деревне напишу об «Электросиле» много...

Очень не понравился по последним письмам Молчанов... «Так вот он какой», — подумалось, и потянуло, как тошнотой. Опять не то выходит, что ли?.. Ну, увидим, когда приедет.

Я не могу жить с ним, если им не гордиться, не радоваться ему, быть неудовлетворенной им...

Расстояние-расстояние... «Мещанские» мечты — о быте, о себе...
Для работы же нужно отдохнуть и восстановить волю...
Она будет. Будет-будет большая работа.

18/VIII-32

И вот он — отдых. Я отвыкла отдыхать. Все время ощущаю какое-то беспокойство и временность.

Наверное, оттого, что надо еще дорабатывать «Пимокатов» и ком<сомольскую> книжку, надо еще организовать квартиру, наклеиваются денежные затруднения.

Здесь раздражает — всем, всем, — мама.

Сплошная удача — Иринка.

Много думаю о «Цехе фантазеров». Книга будет называться именно так.

Наверно, начну писать «Силос», когда перееду в Ленинград и почувствую твердость в устройстве жизни.

Как мечтается о работе, о медленной, со вкусом. Каждое явление отливается в слово, все готово войти в тебя, как в форму, все ладно прилаживается.

Меня немного испугала неудача «Пимокатов», «Углич» был определенно лучше, а ведь писала в еще худших условиях. Наверно, потому что материал биографический был, а этот не вошел... А если от общего упадка интеллекта? И очень может быть! Это меня испугало. Надо приняться за нервную систему, пока не поздно.

Письмо с фото от Кольки.

Милый какой он на карточке, даже ощутила телесную теплоту к нему.

Верю, что все наладится. Я уже по опыту знаю, что отчуждение проходит, как только он приезжает. Но эта разлука многое сказала, не в смысле «разочарования», что ли, а в смысле его понимания. И опять я чувствую себя старше его...

Когда придет — все образуется. Все образуется. Вижу Авербаха во сне, и мечтаю о нем, и порой тоскую, и даже строю планы. И иногда думается (когда семья Молчановых осыпает меня ласками): «Как я подведу вас всех, добрые люди»... И очень часто ощущаю чуждость всего молчановского клана и через них — Кольки. Даже

не то, что чуждость, а инакость. Читала его письма к матери обо мне. Все совсем не так, совсем не так... Чудачок Коля. Много еще над тобой поработать придется...

Внезапно захворала Иринка. Всегда, когда она хворает, становится очень страшно, все внутри останавливается: ведь действительно, нет никого дороже и ближе ее...

21/VIII-32

Совершенно не могу приниматься за «Пимокатов». Лень, что ли, такая напала, или непривычность сельской обстановки? В общем, даже приниматься страшно — ни малейшего желания.

Вялость в мыслях и членах... Какое-то странное ощущение страха — от чего? Специфика беременности, что ли? Лицо одутловатое — определенно это следы беременности.

Что-то пишет Молчанов? Наверное, в Ленинграде есть письма от него. Как-то будет он реагировать на мои «пробирочные» письма.

Скорей бы устроить все в городе и придти в рабочее, творческое состояние.

Я не знаю — что такое?

Хоть бы книжку мне прочесть.

22/VIII-32

Пожалуй, домой <?>

22/VIII-32

Сижу на ВКК, сегодня иду в «законный» декрет. Остается, значит, неделя 6–5, конец сентября, так и есть.

24/VIII-32 Ответ Молчанову.

Оригинальность Володиных настроений. Корни этих настроений.

Письмо Ворошилова.

Ненавистный мне аскетизм Молчанов<а>.

Зубы.

О III конф<еренции>, о кот<орой> я думала плохо.

Наилучшая комната.
Мамины разговоры.

Ирина

1. «Это радуга? А почему радуга? Потому что она радуется?»
2. Когда мы сошли с горки в ложбинку — сказала: «Наш дом умер. Его нигде нет».
3. Читали про то, что у одной женщины была всего одна курица. Заметила на это: «У некоторых людей бывает всего одна курица, а у некоторых людей много». Сообщила как открытие.
4. Никак не могла попасть руками в рукава правильно, и сказала: «Если б у человека было 10 рук, то можно было бы запутаться».

570[✓]

Билет матери и с собой	80
Членские взносы	25
Зарплата Лене	15
Профсоюз	35

725

1075

— 725
350

Мобилизация

1) «Кр<асная> новь» — 150. 2) Зак<лючение> дог<вора> 4×300—1200
1200:60—780 руб.

Исп<ользовать?> «Юн<ый> пролет<арий>»

26/VIII-32

Все-таки Ольга Форш на секунду права, когда говорит о том, что для работы писателя нужны устойчивые бытовые условия. Я вот, например, не могу тут, в деревне, работать: сознание временности не дает мне сосредоточиться.

То, что рядом со мной за одним столом сидит мать, и то, как она жует, и то, что она любую минуту может сказать какую-нибудь глупость (непременно глупость — о, это восхищение Климом Самгиным,

разговоры о колхозной торговле!) — все это совершенно лишает меня возможности сосредоточиться.

Нет, сесть за свой письменный стол, и знать, что все устроено (вплоть до колпака к лампочке), и когда под рукой хорошее перо, и нет над ухом противно жующего звука (мать жует и пьет очень противно!), и вот сначала час-два почитать и подумать, оглядывая вещи, стоящие вокруг тебя, и потом медленно начать писать... (Когда мать кончит жевать? В моей неприязни к ней есть нечто патологическое.) Я даже должна закурить, чтоб не слышать ее жвачки...

Как пишет Дос-Пасос! Я просто с завистью слежу за технологическим процессом его писания. И главное, интересно, интересно, интересно! В каждой строчке — сообщение, новость. Я ловлю себя на том, что строчки о половых приключениях его героев особо заняты, он пишет как-то очень цинично обо все этом (я бы так не могла), и я думаю, что Стенич с особым удовольствием переводил эти места.

Нет, как пишет!

По сравнению с ним Юрочкина «бригада Власова» написана неинтересно. Особенно досадны всякие «тихие грозы» в глазах директоров... Это все очень отвлеченно. И «алчные жадности» — когда герои говорят о себе. И «нарастание той самой силы». Это все очень обесценивает вещь, это все очень литературно... Я читала его отрывок, и не было радости от чтения — как-то все это не удовлетворяет, нет необходимой драматичности, жизненности в вещи. Слишком много вот этих отвлеченностей, «ласковой силы», и нет того самого колорита людей, что у Дос-Пасоса, о котором он говорил сам...

<Между 21 августа и 10 сентября>

Попробую без прикрас подсчитать расходы!

1) Квартира в Вуолах, с 21/VIII по 8/IX 17 дней

еда — 12 р<ублей>

молоко — 10 р<ублей>

пища хозяевам — 25 р<ублей>

<Итого> 47 р<ублей>

Всего на дачу с переездом — 55 р<ублей>

С 10/IX — всем еда до 1/X-32 — 250 р<ублей>

Квартира июнь-июль — 120 <рублей>

Матери курорт — 145 <рублей>
<Итого> 570 <рублей>

29/VIII-32

Ну, так и есть, на двухчасовом мамаша явиться не соизволила. Теперь припрутся часов в 12 ночи — «усталые, измученные», потому что дома было «все грязное, все рваное»... Начнется ее визгливый рассказ о ленинградских делах, охи, ахи, причитания. Брр... ненавижу...

Ни малейшего желания приниматься за «Пимокатов». «Вдохновенья» нет... А ведь великое дело — вдохновение, ни хера без него не получается. Ну, рискну все же...

30/VIII-32

Вчера они совсем не приехали. Я страдаю от злобы на мать, как от зубной боли, и ненавижу ее до того, что становится ее жалко...

Ну мало ли что повесть совершенно не подготовлена, но ведь она-то знает, что мне надо было уезжать сегодня в 12 часов?

Нет, кретинизм совершенно законченный: наверно, «рвалась и металась» с уборкой, когда там дела от силы часа на четыре, наверно, ездила за эту дохлую заставу...

Брр... Тяжело жить с такими людьми... Нет, пусть с осени работает, а то окончательно поглупеет и превратится в бич божий...

Ирина

*) Посмотрела в ледник и говорит: «Там — лед, значит там зима».

*) «Этот кот — кухненный» (пришел с кухни)

31/VIII-32

Все исполнилось,

Что он думал,

Даже нечего было желать...

Да, вот и ремонт кончен, и как-то грустно в очень чистой и точно необжитой квартире. Сколько мечталось (!) о том, как что будет стоять, как будут выглядеть комнаты, вот все, и я боюсь зажечь

огонь, потому что великолепии окружающего меня подавляет! Остались мелкие заботы — гвоздики вот нехорошо торчат на портретах, да куда поставить новую полку для книг, да как бы обить диванчик, да стоит ли вешать карту... Потом — разобрать нежирную свою библиотеку...

Нет, еще много мелких и смешных домашних радостей.

Весь вопрос упирается в дензнаки. Просуществовать до седьмого-восьмого, а там вылезу...

От необходимости квартиры — не рабочее еще сегодня на строение — все еще тянет «устраиваться»... Чудно...

Болтаюсь как бы по делам... Поеду сейчас к Рожанковским.

Была у Марии Машковой. Она занятая и совершенно неизвестная.

<Далее отрывочные записи в конце дневниковой тетради.>

Комсомольский сб<орник> 5

1) Маре, кр<асная> армия

а) Лавренев

Субоцкий¹ Кудряшова («Смена»)

2) Колхоз

3) Новостройки

Искать

колхозный

морской

Редактура по «Кострам»

1) Монгольский рассказ. Кудров

2) Стенограммы Юденича

интермедия с Белых Рожановский

Первая сцена — вокзал. Очередь у входа на перрон. Опрокинуть сразу на зрителя дикость и серость отъезжающей, собирающейся в путь России. Ругань. Грязь. Плевки. Сплетни и стоны. Тупые морды. Мешки с сухарями... Надо пойти в очередь на вокзал.

Символика — пускай. Образ.

Входят 25-тысячники. Сразу видно — особая порода...

Семен и его жена. Прощанье.

¹ Слово «Субоцкий» взято в рамку.

Переселенцы, село. Когда ехали — мечтали: «рай, сам-со-рок». Где село? Выбрать край, изучить его с/х специфику. Усть-Каме-ногорск? Сибирь? Приехали — нет земли. С 1 картиной — лейтмотив — открытие земли, путь.

Как ее открывают, овладевают производительными сила-ми, стихией. Открытие земли — преодоление, подчинение стихии — философская тема пьесы.

Феня в сельсовете. Пишет объявление о сапе <?>.

Феня-Семен.

Умный кулак (Петр Ампадистов)

Комсомольцы.

Кандид<атская> ячейка

Где узел?

Двадцатипятидесятники — на пр<оизводст>ве и в районе.

Слет 25-тысячников. Песня «по долинам».

К истории комсомола

Труд и Свет — начало орган<изации> в июне 1917 г.

СССР — 31 августа 1917 г. (фон)

Холодная рассудительность, железная суровость, величай-шая отвага и самопожертвование. Вот требования, которые предъ-являет к каждому поэту-пролетарию наша эпоха.

Листок содружества. М. 1919 г.

Юки — ор<ганизация>.

Организация юных коммунистов Юки. М. 1919 г. Шк<ольно>-сан<итарный> отдел Наркомздрав<а>.

Прочсть в «Ю<ном> ком<мунисте>»

<19>21 г. — № 3–4, к дискуссии о сущности Союза молодежи, о дунаевцах и дунаевщине

№ 6

Школы раб<очей> молодежи (просмотреть матер<иал>). (Во-обще еще раз комплект <19>21–22 <гг.>).

Троцкий —

«Комсо<мольская?> неделя» № 4

Кабы были сизы крылышки,
Серебряный полет,
Улетела бы я, девушка,
Где миленький живет.

У меня милых-то два,
В том конце да в этом.
Одного люблю зимой,
А другого летом.

Во всей деревне рубят срубы,
Все меня ребята любят.
Тот тащит, другой тащит,
Только юбочка трещит.

Милый на ногу ступает,
Все характер узнает.
Он до тех пор не узнает,
Пока замуж не возьмет.

<Лето 1932>

Работа, быт, соревнованье,
Обычай верного труда...
Лишь о тебе воспоминанье
Мне жить мешает иногда...

Какой-нибудь пустяшный случай,
То чья-то реплика, то звук
Вдруг начинают сердце мучить,
Кровь останавливают вдруг..

Как будто я стою босая
На казахстанском злом песке,
И нет воды,
И все не знают,
Что жизнь моя — на волоске,

Что в моментальном бездорожье
 (Пускай на сутки, на пока)
 Нет в мире ничего дороже,
 Чем о тебе моя тоска...

Все-таки что же делать. Как я напишу историю комсомола, костровскую повесть, когда решительно ничего не хочется делать, когда — усталость, усталость, усталость...

Вот и сейчас. Сижу в Мишкиной комнате, лезу к нему в ящик, точно за тем чтобы почерпнуть какой-то бодрости, читаю патологические рассказы Замятина, и нет воли приняться за костровский рассказ, который нужно дописать, чтобы от него отделаться, чтобы самоотверженно приняться за обещанную всему коллективу комсомола — историю заводской организации.

Завтра — ехать в Гарболово. Какой кошмар — куда-то двигаться. Я способна только на рефлексию, на чтение сексуальных романов, на лежание. Безобразие. Опять одиночество. Козовский. Вислоух. Ой-ой, как вислоух и молод. Даже на интригу не годится. Надоело, в самом деле, возиться с мальчишками. Авербах не вспоминается, — очевидно отмер. Гляжу на Штейна — и удивляюсь: как я могла. Ну, буквально, ничего выдающегося... Брр. Хорошие, нежные, серьезные думы о Кольке. Настоящие. Настоящий. Мой. Вот когда-когда он приедет, пройдет вся эта нудность.

Вот как любим, как поём и ходим...
 А когда налюбимся дотла —
 В обе стороны нам путь свободен,
 Он прямой и ровный как игла...
 Что ты, что ты, мой золотоглазый,
 Разве я на отклик оглянусь,
 Разве нашу молодость и радость
 Окриком нерадостным — верну.

Никого не люблю, кроме Коли. Хороший мой, золотоглазый. Должна из-за тебя все сделать, чтобы потом на равных правах отдыхать с тобой, чтобы любить тебя, милый, милый, милый...¹

¹ Со слов «Работа, быт, соревнованье» до слов «милый, милый, милый...» машинописная запись на отдельном листе без даты, датируется предположительно, по содержанию.

11 сент<ября> 1932.

Ко мне никто не придет. Мне не с кем и не о чем говорить. Все неприятно. Страшно расквашенное состояние. Уходит нянька, у нее с первых же минут начались стычки и склоки с матерью, мать ежедневно по несколько раз докладывала мне о кознях няньки, а нянька жаловалась на мать... Гроб. Надо искать другую. Пожалуй, это будет сложно. Вообще жизнь сложна. Ее усложняет мне тупая и глупая мать. Ну, ладно, как-нибудь вылезу.

Сегодня состояние паршивое, угнетают все эти бытовые передряги, самодовольство окружающих, отсутствие обуви, тяжелые перспективы в смысле денег на будущее... Пока совсем не работаю — только думаю, и не знаю, как приступить... Чувствую себя очень нервно и одиноко.

Молчановы — Ольга и М<ария> Г<ордеевна> — становятся трудновыносимы, даже со всей их любовью и семейными чувствами. То, что вчера Вовка рассказывал об Ольге — страшно не понравилось, стало противно: подумает, какая критически-мыслящая личность! Тфу! А на самом деле — обыватель... И стала она мне просто отвратительна со своею музыкой, пронзительным голосом, и лояльностью по отношению к советской власти. Ну, М<ария> Г<ордеевна> — старуха, этим уже все сказывается, по Мишке Чум<андрину>. Вовка — хороший, но мне трудно быть в роли воспитателя, а он — я чувствую — моложе меня во всех отношениях, и ничего не вносит.

Чумандрины. Сейчас, начистоту, мне кажется, что мне никогда не была близка Маруська и что той осенью вся наша дружба была чистой случайностью. Мне претит ее авторитетность, практичность, какое-то узкое самодовольство... Вот, например, факт с толстовкой. Ведь, конечно, мелочь, а меня это почему-то больно ударило...

12/IX-32

Надо бы приняться заново за книгу о комсомоле, да нет никакой энергии. Нет под руками людей, которые могли бы помочь. Письмо от Молч<анова>. Я боюсь, что мне трудно будет жить с ним, оттого, что я не буду любить его... Странный он человек... По-моему, он боится, что хоть сколько-нибудь будет поколеблен его авторитет...

По-моему, он не любит меня, и нам время расходиться.

Очень гнусно на душе, мерзко все, и нервно как-то...
 Лучше спать, спать, спать, и не видеть снов...

15/IX

Нехорошо. Первое и главное «нехорошо» — Ирина. Как она орала и капризничала сегодня, каталась по полу, кусала и рвала все в остервенении, бросалась на меня, и кричала: «Дура, ты дура, дурная, нехорошая, уходи прочь...» Очень больно было видеть в маленьком, любимом ребенке такое остервенение, и обидно было на ее злость, я даже заплакала от настоящей обиды и горя. Она совсем по-борькиному засовывала в рот руки, совсем по-борькиному упрямылась, и это было особенно неприятно... Главное — злость в ней была какая-то сознательная: «Буду ходить в мокрых штанах, попрошу, чтоб на меня одели все мокрое», — ведь надо дойти до такого программного противопоставления! Ай-я-яй...

А девчужка такая дорогая, уж после, когда успокоилась и обнимала, чувствовала, что нет ничего ее дороже, этой милой белесой мордашки, распухшего носа, рученок...

Как-то сегодня первый раз пережила такое настоящее материнское огорчение, вот, ведь надо воспитывать ее... И почувствовала тяжелую ответственность, заботу надолго-надолго...

2-е нехорошо — деньги... Неужели и завтра, и 17-го не будет денег? Страшно подумать.

3-е нехорошо — «Горе от ума». Очень пустой спектакль... Смотрела-то ничего, как будто даже и нравилось, отдельные артисты удивляли, а в целом — не то, не то... Пусто и как-то ненужно. Я думала, да вправду ли мне нужно это самое политическое значение? А оказывается вправду, потому что без него нет «духа живаго», нет зажигаемости...

И предчувствие новых, сложных и тягостных забот. И проблема няньки. И проблема денег. И желание ровной, большим потоком идущей работы, и уж сознание, что ее опять не будет.

Этого нет. Нет работы. Очень долго, оказывается, нужно брать разгон.

В соседней комнате орет Ирка, говорят мать, Муська — мешают.

Кидаюсь от книги к книге, ни одна не увлекает... Паршивое, паршивое состояние. Как хочется ровного, вдумчивого, радостного настроения, и главное, чтоб «выходило»...

3 октября

Родилась сероглазая дочка. Майка. Я очень рада, что ребенок и что девочка. Я наполнена материнством до отказа. Когда я кормлю ее, мне кажется, что я перебираю ушами, как кошка, и шевелю хвостом. Я довольна дочкой. Она доставляет мне фактом своего существования невероятное наслаждение. Приятно смотреть на ее уродливость, гримасы, даже на облезающую кожу.

Нет, хорошее это дело — дети.

Когда она родилась, я торжествовала: наступило большое моральное облегчение: вот, все, все сделано. Леша, я отгородилась от вас вот этим орущим тельцем... А когда прочла его записочку, чуть не разревелась и куда-то понесло, потемнело все перед глазами, все было «неправильно». Майка, Колины письма, любовь его невероятная... Так вот было. А сейчас — нет. Все ясно, все правильно. Господи, я ведь люблю, люблю Николая, а все, что касается Лешки, ведь это надумано, припсиховано, все это от подлого моего тщеславия — вот охота, чтоб Авербах любил... А в сущности — что мне Гекуба? И как хорошо, что еще раз (в который?) все кончилось, все кончилось...

Теперь ждать Кольку, моего верного, моего смуглого, умного, умного...

Нет, больше не расставаться, только бы не расставаться...

Леша, я встречу вас просто и весело.

4/X-32

«Глубинка» задержана Главлитом. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день... Ох, гроб. Настроение сразу упало. Неужели же книга не выйдет? Это будет большое огорчение, чтоб не сказать — горе. Какая бы сырая она ни была, я предпочла бы, чтоб она вышла... Говорят, что сообщила я там подробности относительно казахстанского хозяйства, которые нельзя было сообщать... В чем дело, не пойму... Или это в той части, в МТС?.. Но ведь она же печаталась? Значит, в «проблеме мяса»... И неужто ж угробят весь тираж из-за какого-нибудь пустяка? Надо позвонить вечером Гринбергу и узнать досконально... есть ли еще надежда на ее выход в свет.

Чувствую себя утомленной, голова потрескивает, а спать не могу. Заботы, деньги.

Ну, все это исправимо, вот только бы не зарезали книжку...

Маечка — прелестная. Скорей бы начали топить, скорей бы отпал у нее пупочек, чтоб можно было начать купать ее. Боюсь еще, нет ли у нее грудницы...

Времени свободного, в сущности, много, но не работаю. Обдумываю. Надо бы взяться за «Пимокатов», нужно думать о деньгах на будущее, и т. д. и т. о. Если только пройдет «Глубинка», вздохну с облегчением, и буду работать зверски. А не пройдет — будет труднее работать.

14/X

Устаю, все-таки. Угнетают деньги. Но состояние ровное. Села сегодня за «Пимокатов», хочу через пятидневку кончить... Потом — «Силос» и электрос<иловская> книжка. Это все нужно провернуть до конца отпуска. Надо еще много прочитать. Скоро приедет Колька. Скорей бы. И скорей бы — разрешение главлита на мою книжку... Очень будет Колька этим обескуражен — книжка ему нравится.

15/X

Грудница, температура, совершенно запутанные денежные дела. Аборт у Муськи. Все очень гнусно. Охватывает большое равнодушие ко всему. Разговор с Вовкой, пожалуй, так можно было бы и не говорить с ним. Правильно — хочу быть умнее ЦК — глупость... Приедет ли через 20 дней Молчанов? Приедет ли в конце месяца Лешка? Впрочем, мне он не нужен вовсе.

16/X

У Ирки на виске — вскочил нарыв. Ясно, от недоедания. Я перманентно ощущаю голод, потому что кормлю и очень плохо ем. Я говорю в таких случаях: «мы-то еще в привилегированных условиях», но мне надоело жить впроголодь и надоело быть Иисусом Христом.

18/X

Все-таки очень много времени отнимает кормление, пеленание и т. д. Очень мало работаю.

Хватит, полодырничала. Хорошо бы до выходного получить все деньги. А к празднику бы — и по договору. Как бы я оправилась духовно!..

Майка доставляет мне все больше радости. С нетерпением жду ее первой улыбки.

27/X

Приехал Маршак и говорит, что Горькому понравился «Углич»... Горький сказал, что много срывов и т. д., но что безусловно талантливо... Писатели, написавшие плохие книжки, — утешаются, когда только слышат магическое слово — талантлив. Я знаю, что я талантлива, иногда я думаю, что только я это как следует знаю. Но все, что я писала до сих пор — было почти плохо. «Глубинка» в какой-то мере слабее «Углича», и в дальнейшем я в основном пойду по линии «Углича».

Удался бы «Силос» и издать бы его в издательстве писателей.

Надо написать его к Новому году. А со второй пятилетки взяться за «Цех фантазеров». Завела себе тетрадку, специальную по «Цеху фантазеров» и «Заставе». Ух, какие это должны быть книжки! В первую я вложу всю молодость свою, всю громадную жажду Жизни, во вторую — всю ненависть к остаткам капитализма... Это должны быть зрелые книжки... Рассказать во второй, как меня калечили, как людей калечили.

Горький прислал мне с Маршаком 300 руб. Чувствую себя глупо! Что такое, господи... Вот!

Ольга Берггольц.

Работа.

Электросиловский дневник 1932/33 год

Ленинград¹

<Между 27 октября и 5 ноября 1932 г.>

Цех фантазеров

Считать началом работы июль 1932 года

Купить книги

Комар — первый

50 тысяч рублей>

Завод — ВТУЗ им. Сталина

Рапорт электропром<ышленности>

Прочеть книги

И. Степанов. Электрификация

[ФССР] РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства.

ГИЗ, 1922.

«План электрификации РСФСР». —

Степанов-Скворцов>

Эту тетрадку отвожу специально только для мыслей, материала, цитат и набросков книги — «Цех фантазеров».

Ничего не определять, не обдумывать «вплоть до скуки».

Электрификация — молодежь — молодость страны — молодость мира.

Проблемы — молодежи и стариков, не в любовной или семейной ситуациях, а конкретно — комсомол и партия, со всей остротой. Молодежь и молодость, как «движущие силы» революции.

(Я суеверно боюсь записывать подробней — «расхочется» писать, не будет открытий.)

Троцкистская установка в данном> вопросе.

И еще много.

Генеральная задача — молодой человек эпохи пролетарской революции. Честолюбивые замыслы! Пускай.

Люди, о которых тут буду записывать, уже проектируя их в повесть, продолжая их. Возможно, многие отпадут.

Володька Сталев

¹ Со слов «Ольга Берггольц» до слова «Ленинград» записи рукой О.Ф. Берггольц на обложке дневниковой тетради.

Бахтин Валя

Павлушка Осипов — нацмен, айсор.

Инге (Ну, Инге ты не поблагодаришь)

Быков Николай (Батура)

Левка Хайкинд.

Козовский! (Да, да, Козовский.)

Базиновский

Нюра Сиверова

Батенина

Резван

Пышноград

Козин

Соня Соколова.

Касимов. (Труднее всего изобразить секретаря парткома.)

Невинский

[Семенов (62 отд<еление>)]

Валька Виноградов

Анк (войдет, как часть Инге).

И еще их будет много. С ними нужно ХОРОШО сойтись, со многими — по-дружески.

Да, еще интересны —

Кейлин, Сашка Светлов (оба скрыли соц<иальное?> происхождение! 5/XI-33)

Вера Рождественская, Нина Зегжда.

Кольников

Кацнельсон

Боря Штукин — маленький, яростный «волчонок»...

Франц Войнилков

Андронников

Соня Свиридовская

Финик

Междуглавия

Ленин и Уэльс.

Что было бы с ребятами при капитализме. (?)

Газетные вырезки — о Днепрострое, — паводок через гребенку, основные моменты строительства (бетонировки) м<ожет> б<ыть>, пуск. («Правда» октябрь 1932 г 10/X-32 — письмо ударников накануне пуска, статьи, — причем в м<ежду>главиях возмож-

ны статьи об узлах, отрывки из стенограмм по втор<ому> пятилетнему плану электрификации, отрывки из первого Плана ГОЭЛРО, газетные сообщения о стр<оительств>е Волховстроя (в междуглавие о Ленине, его же цитаты там и т. д.) «За индустриализацию», «Известия», эк. жизнь, посмотреть местную газету.)

Вопросы автоматизации в молод<ежном> цеху, в связи с организацией ДиПа. Роль автоматизации, машины, у нас и на западе.

Ребята работают в условиях, несравним<ых> с американскими.

Мистер Шредер сказал: «Ваши мальчики и девочки делают чудеса. Ни один наш рабочий не стал бы работать в подобных условиях».

М<ожет> б<ыть>, внести иностранного рабочего? (54 от<деление?>)

Возможен сюжет, подсказанный Вольером.

Ручной труд, от которого у нас стремятся избавиться. Ручной труд при кризисе на западе.

Циперович, стр. 23, цит<ата> из С. Чейза. «Машина-зверь».

Названия будущих глав.

Пробой

Митинги

Одна любовь

«Комсомольское сердце разбито».

I. Фантазеры и циники. (Это будет первая глава.)

Обиды.

Проба на разнос.

5/XI

1. Вчера была у Касимова. Комнаты с большими цельными окнами, пустые темные стены, очень мало вещей — хороший шкап с книгами, лампочки яркие без абажуров и колпаков.

Касимов гордится комсомолом:

— О, какие у нас ребята. Мальчишки зарабатывают по 300–400 рублей... Наша молодежь — 5, 4, не ниже 3 разряда. А девочки, погляди-ко на них в театре, не скажешь, что работница. У нашей молодежи и запросы выше.

В квартире у него всегда живут ребята, видела там Резвана. Глуповатый парень, надо сознаться.

Касимов выписывает «Литературную газету», следит за вопросами литературы. В шкафе — книги по истории и теории литературы.

Говорили о культурно-политической работе, предлагал ввести для комсомольцев изучение истории. Устал, видимо, потому что зевал. Поехал в 12 часов ночи на завод:

— Сегодня у нас ротор разгоняют, ротор Большого Днепра.

2. Ротор Б<ольшого> Днепра. Кантовка ротора, разгон его. Ротор живет на заводе, среди остальных машин, как особо важное лицо. Что бы ни делали, больше всего говорили о роторе. Им интересовались; выводили, как выводят животных, новую породу машин. Огромный, тяжеловесный, ротор перекочевывал из цеха в цех, и его делали руками, его несли — огромный, тяжелый, на вытянутых вверх руках люди, напрягаясь, болея, радуясь.

3. (Касимов знает Лешку, работал Лешка в Баку, когда он был секретарем ЦК Азербайджана. Я сказала обрадованно: «Это мой большой приятель», он кивнул головой: «И это знаю, что твой большой приятель». Откуда?)

5/XI-32 г.¹

По разговорам — пленум Оргкомитета — историческая веха. Да, так оно и есть. ТАК ОНО И ЕСТЬ. Ну, что ж, прекрасно!

Говорят, что Сталин сказал: «Для нас писатель важнее, чем строитель танков, потому что танки — орудие смерти и разрушения, а писатель — делатель человеческих душ, человеческая душа — дороже танка...» Черт возьми, это же совершенно новое качество писателя, новое отношение к нему... Все-таки это совершенно гениальная штука — ликвидация РАППа. И прав Николай, когда говорит, что только за ЦК остаются политические обобщения.

8/XI-32

Пятнадцатилетие и его день! Юрий, я и Муська бежали навстречу нашей колонне. Она шла на нас, сначала издали увидели одни знамена, люди были скрыты ими, и знамена шли как бы сами, острокопечные, темно-красные, со скупым золотом.

Они надвигались, было что-то грозное в шествии самих знамен, а Московские ворота за ними были как из тумана, как квадратный при-

¹ Записи от 5 ноября 1932 г. сделаны О.Ф. Берггольц в двух тетрадах.

зрак. Потом стало видно, что знамена несут люди. Обыкновенные, им было трудно нести знамена, потому что встречный ветер надувал их.

Бумажные яркие цветы, очень грубые — у всех на руках. Касимов, весь черный, был похож на ветку, нет, на корзинку с цветами. Он все хлопотал: «цветы на руки», а половина колонны свои цветы растеряла.

Тверской выпучил глаза, когда я сказала, что во главе колонны м<олодых?> р<абочих?> идет табачная ф<абри>ка.

— Не может быть? Вот ерунда. Что ж они, план, что ли, выполнили? Странно, странно.

Из Кузнецка вернулись ребята, — Мертвинский и Козовский.

Первый советский ротор показал блестящее качество! (Шефство комсомола над ним. Рассказ Малкина, ротор ведь был пробит.)

62-тысячный блестяще выдержал испытания.

Завод выполнил Октябрьскую программу. Не выполняли же ее с мая. 5 месяцев.

Ко мне подошел Валька Бахтин — стал рассказывать о комсомольских делах. До чего милый парень. Сейчас инженер в 62 отд<елении> по военным машинам. Придут завтра. Козовский с оттенком превосходства говорил о встрече с Эренбургом. Чудак. Потом говорил, что читал порнографическую книгу и что она «художественно написана». Характерно!

Вечер на Неве. Рев пароходов. Мосты. Вода. Площадь.

Воспользов<аться> книжечкой к XV <годовщине>, где указаны маршруты, гулянья и т. д.

9/XI

Праздники кончились, на улице уже слышна средневековая дудочка керосинщика.

Все спрашивали друг у друга: «А вы видели трехосный автобус?»

12/XI

Надо написать так, чтоб книга была открытием и толкнула к открытию...

Изобрели нов<ый> мотор. Надо только обосновать технически, для чего овладеть техникой, изучить тип PRV. Материал — борьба за АИИ.

Надо дать перспективу и диапазон строительства, электрификации. Ребята (к примеру) возвращаются со строительств<а>, рассказыв<ают> или пишут.

Гизельдонстрой

Днепрострой

Свиристрой

Волховская ГЭС

РионГЭС¹

На з<аво>де распределяют площадь в новых термоблоковых домах.

Они въехали в новый дом. Все еще не устроено, еще полно незаконч<енным> стр<оительст>вом. «Начало хазы»...

Цех — кузница кадров.

Соня. Ой, Лелька, ну, как живем! Ха-ха! Понимаешь, свету нет, воды нет! Хаха! А в уборных уже навалили — воображаешь? Такая гигиена, ха-ха!..

13/XI-32

Ой, как жду Молчанова, как жду.

Представляю, как он будет доволен, хазой, новыми книгами, Майкой, мной...

17/XI-32

Сегодня 17-е, неужели завтра будет<т>, да что я пишу, — дней через 7–8 приедет Колька? Господи, как я его жду, и побаиваюсь встречи с ним, и жизни с ним...

Будет или очень большое счастье, или плохо...

Но Лешка... Фроман (в сущности, пи...) говорит, что на попутчиков произвел удручающее впечатление разрыв ребят с Авербахом, продажа его ребятами.

Вчера была у Касимова... Когда я уйду от таких людей, мне всегда кажется, что я много чесала языком, как бы хвастаясь, «бли-

¹ Слова «Свиристрой Волховская ГЭС РионГЭС» объединены лигатурой по левому полю. Помета рукой О. Ф. Берггольц: «Побывать там самой».

стаю» умом и эрудицией и поэтому произвожу впечатление хвастуны и выскочки. Но, пожалуй, ничего такого не было. Касимов спрашивал, когда выйду на работу, уж не хочет ли он нагрузить меня юнсекцией и т. п. Я боюсь, что не совмещу этого с кормлениями. И вообще работа адская. Но я и не боюсь, хотя, чертовски трудно. Увидим. Работать хочется; вчера ночью разгоняли 62 000.

20/XI

Ужасные новости с пленума Оргкомитета.

Лешка хотел опереться на группу для «завоевания власти»! Лешка политиканил, подготавливал мнение против Фадеева, не передавал ему писем ребят и т. д. Опять (как с ЦК!) пользовался всеми методками для личных, честолюбивых целей... Вчера и сегодня днем было такое чувство, что «в доме покойник». Утрата, растерянность, горечь.

Сегодня пошла в ГИХЛ и прочитала статьи Саши. Правильные, большевистские, мужественные статьи. Если Лешка принципиально против них, он неправ. Если беспринципно против, ради собственных целей, если склочничал — неправ, плюс гад. Вопрос о сохранении группы для меня пока что приоткрыт. Но, пожалуй, прав Саша. Прав даже в том, что не поставил статей на обсуждение группы. И чего возмущался Юра по приезде из Москвы? А Валя-то, дура. Саша дает правильные указания...

Ясно то, что группа в том виде существовать не могла.

В общем, надо ждать Юру... Но Лешка-то, Лешка? Неужели оправдывается все самое скверное, пережиточное, что предполагалось в нем? Неужели — ячество, самость, как говорит Горький, неужели большевистскую принципиальность это подменило, или прикрывается ею?..

Еще раз как-то теряю Лешку... Впрочем, надо узнать все досконально. Может быть, ребята неправы.

Хоть бы Юра завтра приехал.

Очень больно — с Лешей. И все вспоминается прошлая осень... И отношения к нему имеют уже не узко-личную окраску...

Эх, Леша, Леша... Эх, Леша, Леша...

Куда бы деться? Вот, Маули придет... Хоть бы скорей она пришла, Маулиша.

Стихи¹

Дружба

Товарищ, мне нечего говорить,
Про все [что] уже было говорено:
До смерти, до старости, до каждой зари
Мы вместе с тобою, и заодно.
Над нами крыша — повсюду одна —
Высокое небо в солнце, в грозе,
Сильн[ейшая] как дружба — наша страна,
И партия — договор лучших друзей.
Условимся — дружбе конец тогда,
Если один свернет с пути,
Изменит, обманет или пр[о]едаст
Как перебежчик, как дезертир.
Тогда не жалей меня — догоняй!
И может, немножко еще любя
Окрикни[,]... А лучше, не медля — стреляй.
Я сделаю так же, теряя тебя.
Но это немыслимо, потому,
Что нет у нас иной судьбы...
А если не выдержать одному...
Но этого тоже не может быть!

Будет весело тебе со мною,
Если ты со мной захочешь жить:
И спою, и расскажу смешное,
Руки протяну тебе — держи!

Поведу к товарищам, к подругам,
С ними всё — хорошие дела.
— Вот, — скажу — еще нашла вам друга,
Самого хорошего нашла.

Жалуйте, любите — не робейте,
Он упрямый, ласковый, простой...

---

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц на обороте дневниковой тетради.

Но прошу, подруги — не отбейте.
 Я сама отбила у чужой...
 Вот что я товарищам сказала б,
 Вот как жили б весело с тобой,
 Без обиды, горечи и жалоб,
 Без прощаний в полночь на вокзалах.

28/XI-32 г

Колька на работе, в «Кр<асной> звезде». Сижу дома, все собираюсь начать работать, и все как-то рассыпается время — то, се, Майка...

С Колькой — хорошо. Друг друга нашли быстро. Он в основном такой же, заботливый, ласковый, милый. Очень хорош с девчушками. Много говорим с ним. Я его люблю, в этом нет ни малейшего сомнения. С ним очень плотно стоять в жизни, легко идти по ней... Любит он меня хорошо и много.

Когда он приехал — я вздохнула, как после долгих слез — теперь всё, всё, теперь будет легче, ясней, проще, теперь только работать — хорошо, самоотверженно, много...

И вот, со вкусом, хотя и помалу работаю над «Пимокатами», много думаю над «Зернами», «Цирком», «Томчаком»... Эта книжка будет настоящий трамплин, настоящий.

Мне еще «вздохнулось», когда Мишка Чум<андрин> «признал» «Глубинку»... Завоевание.

Авербах исчез из меня совсем. Мальчик был, но его совсем не стало. Когда читали «Бесы», была оскорбительная и неправильная аналогия с Петром Верховенским. Это уж лишнее, надо сохранять объективность.

Но если в дверь мою он постучит,
 Мне кажется, — я даже не услышу...

Первого — на работу. Очень заботит, как увяжу я все это с кормлением. Да и оторвалась настолько, что не хочется как-то постоянной работы, а вот, читать, писать, думать. Но это еще не заслужено и рано. Ну, берусь за повесть.

И вдруг — письмо от Лешки! Оно мне кажется лживым от начала до конца. И не мне оно написано. Отвечать?.. Нет, пожалуй, не надо...

1/XII-32 г.

После долгого перерыва — снова на заводе. Ну, пошла писать губерния. Но дело в том, что н<Далее обрыв текста.>

Ой, псо — какая ты милая... Это правда-правда-правда: очень, очень хорошо жить с тобой. И будет еще лучше. «Клянусь честью». Николай

9/XII-32

Сердце щемит, что не поехала на партдень. Но — буквально: не хватает энтузиазма ехать второй раз в набитых трамваях, без галош, без перчаток, в слякоть и холод. Страницу сдам завтра... Иванов напирает с постоянной работой. Отказывать неудобно, а не успеваю. За 8 дней ни разу в цехах не была — позор. Страшно нервничаю, что так мало бываю на заводе. Ну еще месяца полтора, а там стану прикармливать, смогу быть дольше. Страницу хочу поставить как следует, пока беру разгон. Пока идут «обязательства» — ох, и надоели же они мне, а потом буду проверять, и показывать людей. Новый секретарь — Кольников. Сказал сегодня: «Ну, как, Леля, не справляешься? Ты скажи, мы коллективно поможем». Я ответила: «Трудновато, но пока ничего». Что это — форма недовольства моей работой?

Вот кретинизм, — забыла в редакции блокнот.

Завтра:

1) взять стенограммы политзанятий у Кужелева

2) сдать полосу

3) подготовить полосу на В.

Р. Книгер. — строк 150

Соня Соколова 80

4) взять статью у Керьянова 100

клише 100

<Итого:> 430

13<-го> — культработу

17<-го> — Политзанятия. Статейку у Тверского.

Учеба активна.

21<-го> — показ бригады Ануфриевой — 200 <отделение>.

Встречный <план> в 47 <отделении>

Ударники в 43 <отделении>.

(Знаете ли вы ваших ударников?)

15<го> — хотела дать ФЗУ. Придется союзный день.
Надо сходить в учкомбинат.

13/ХІІ-32

Написать, как из среды рабочего класса растут таланты. (Мысль Ленина о массе талантов, кот<орые> губил капитализм.) Соня — поэт. Художник, вырастающий из фотографа-любителя: он ходит, фотографирует жизнь, монтирует ее живые куски и создает картину, где нет ни одной детали неправдоподобной, а в целом — совершенно особая картина, художеств<енное> произведение; символические картины.

Литератор — с первого взгляда маньяк, только и пишет, что историю своей жизни. (Взять за основу Андронникова и того парня, что выступал у нас на лит<ературном> кружке.)

Сегодняшнее бюро. Обсуждалось выполнение программы молодежного цеха. В ноябре был глубокий прорыв — 50%.

Быков: с круглым лицом, резкие желваки на щеках, к ушам, неровные брови, умные, утомленные глаза, рот, добродушный, хорошо очерченный, вдавленный по уголкам. У Быкова лицо — кошачье; главное, что оно круглое, кругловатый, небольшой нос, прямые к шару головы русые волосы, круглые серые глаза, готовые любую минуту стать снисходительно-смешливыми. Шалка-ушанка тоже детски-круглая, с шишкой и тесемочками. Голос низкий, с приятным рокотом на букве «р».

Он говорил на бюро излишне спокойно, с достоинством ответственного, заслуженного человека. Он говорил не «у нас в цеху», «мы выполнили», а просто — «у меня», «я выполню столько-то»... «Я дам машины», «37-е мне не дает обмотки».

Трахтенберг: «У нас изолировщица делает 4 катушки в смену...»

Быков (насмешливо, спокойно): «Народу не хватает? Я дам вам моего народу».

Трахтенб<ерг> — «Сиди со своим народом».

*

В ноябре молодежный сделал 50%. Делали машины нового типа для Сахаротреста и Союззолота. Машины все горели и держали заводы Сахаротреста на 30–20% производительности. Прислали обратно все машины или задержали на заводе. (? Узнать подробно — или

сделать новые того же типа?) Надо дать 24 машины Сахтресту и 21 Союззолоту. Кроме программы цеху нужно сделать и эти машины — завал.

Режим, на кот<орые> рассчитывались машины, согласно данным Сахтреста, оказался меньше реального режима на предприятии. Невиновен <?> завод.

Машины стали пересчитывать и реконструировать, испытывать в ОБИСЕ. Вследствии этого, — т. е. переделки машин заново — образовались узкие места на мелких станках — сверлильных и токарных, потому что на этих машинах много сверлильных работ. Ребята на этих станках слабые, только что кончили ФЗУ (как они растут на ликвидации прорыва — шк<ола> кадров).

Кольников (продолжает хранить традиции Сталева): «Что ж, Коля, может быть, тебе субботничек устроить?»

Быков. «Что ж, я не против субботника. Давайте. Давайте».

Нажимали на Трахтенберга, чтоб давал обмотки на 2 машины в день.

Трахтенберг — с крупными мокрыми губами отпихивался от сроков, которые ему навязывали.

— А если тебе дадут пресспланки к 16-му?

— Это ускорит дело, но только на 8 катушек в смену.

— А если будут давать каждая не по 4 в смену, а по 6.

— Ну, тогда сможем дать раньше, чем и 24<го>...

21/XII — и ничего не сделали. Сорвали, кроме того, 5 машин.

Бригада Лебедева, вложить свою корресп<онденцию>. Лебедев — его незначительное лицо, ровный, спокойный, уверенный в себе энтузиазм. Говорит не торопясь, незначительно. Изобретает формы соревнования, подогревает бригаду изнутри своим ровным, сильным огнем. Ребята сначала и не замечают этого. Приспущенные плечи, серая рубашка, аккуратный галстук.

*

Быкова называют:

«Товарищ Быков» — администрация соседних цехов.

«Николай Адрианович» — комсомольцы на бюро, особо, когда отчитывается.

«Коля, Колька» — товарищи по давней работе.

«Быков» — ребята в цеху.

А Быков бывает очень простым Колей. Дотрагивается поминутно до серой с оттенками кепки — точно поправляет — нервная привычка. Говорит весело (когда не устал) — просто, с шутками, картавя и косо улыбаясь. Говорит — на щеках ходят желваки.

Быков — да вот случай: перегорел мотор. Ну, перегорел, и пусть... Так нет, все комсомольцы бросают рабочие места и — бегут. Во главе с секретарем комсомольской ячейки...

С места явный авангардизм!

Финкильштейн — маленький плановик. Его зовут — Финкель, Фин, Финик. Проекты благоустройства цеха совершенно дикие. Н<a>пр<имер>, предложил давать сигнал включением и выключением света.

<Далее отрывочные записи в конце дневниковой тетради.>

Эту книгу можно еще назвать «Скифы»

- 1) Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
- 2) Мы любим плоть, и вкус ее, и цвет,
И душистый, смертный плоти запах.
- 3) Значит, время быть веселым,
Стиснув зубы крепче.
- 4) Встает передовая
Молодняка волна
И свежих дней кривая
Ему поручена.

23/XII

Люди живут плохо. Плохо живут люди. Колька приехал с этим рефреном, а я его оспаривала.

Верно, верно. Люди живут плохо! Я точно закрываю глаза, рукой, в утомлении, говоря это.

Тяжело жить. Злюсь и раздражаюсь, и недоумеваю.

Общее положение — нехорошие слухи о консервировании строителей, сокращение, угроза безработицы; очень недоуменно,

и почти никаких объяснений. Стихийно ползешь в правый уклон. Бестолковая, неудовлетворяющая работа, дерганье, нервированье, необходимость дать отпор посягательствам, и неумение его дать

Денежные неувязки. Вязнем в долгах, как в болоте. Невозможность радостной творческой работы, мало времени, мало сил. Отсутствие жиров для Ирки. Сама жира не вижу, а значит, и Майка. Колин припадок третьего дня ночью. Явная эпилепсия или около нее. Возможность потерять его каждую минуту. Прихварывает и бледнеет Ирочка. Вот невеселая картина моей жизни. Конечно, неверно, что есть одно невеселое. Радостна та же работа, Коля, ребята.

Но сейчас выперли тяжести.

И от этого плохо, плохо...

27/XII

Налажусь, налажусь с работой в январе. Сейчас какие-то неудачи, недовольство комитетчиков (не без оснований), ломаная машинка и скверный выпускающий в редакции, время, время! (кормления).

Но что меня радует — так это то, что я хочу работать, и хотя мне трудно и пока однолошадно, я все-таки выдумываю, изобретаю и в этом маленьком открываются действительные перспективы.

Довольна, как вышло со страницами политобразования, хотя увязли ноги — штурм и прочее. Но тут скорее виновата не я — была бы хороша полоса к выездному бюро, да редакция подкачала. Потребители, черти, по отношению ко мне. Тут придется много бороться, и это изнурительно.

Январь — фундамент настоящей работы.

Хочется горячо и крепко (чтоб глаза горели) кончить «Пимокатов». Но времени для этого почти нет, и это тоже раздражает.

Напрячь, напрячь все силы! Окончание «Пимокатов» — отдых (передышка перед решающим «Силосом» и еще более решающим «Цехом фантазеров»), деньги, которые сильно заедают..

Мысли идут вразброд. Хочется упорной, радостно-трудовой жизни. Составлю план на январь — что сделать, что прочесть, куда пойти. Буду стремиться выполнять его.

А <Обрыв текста.>

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records. It emphasizes that proper record-keeping is essential for ensuring the integrity and reliability of the data collected. This section also outlines the various methods used to collect and analyze the data, highlighting the challenges faced during the process.

In the second part, the authors describe the results of their study. They present a detailed analysis of the data, showing the trends and patterns that emerged. The findings indicate that there is a significant correlation between the variables studied, which supports the hypothesis of the research.

The third part of the document focuses on the implications of the study. It discusses how the results can be applied in practical settings and what lessons can be learned from the research. The authors also address the limitations of the study and suggest areas for future research.

Finally, the document concludes with a summary of the key points and a final statement on the significance of the work. The authors express their gratitude to the funding agencies and the participants who made the study possible.

The authors would like to thank the following individuals for their assistance and support during the course of this project:

Dr. John Doe, Department of Statistics, University of ABC
 Ms. Jane Smith, Research Assistant
 Mr. Robert Johnson, Data Analyst

The authors also wish to thank the participants who provided their time and data for this study.

This document is a preliminary report and should not be used for legal or financial purposes.

ГОД

1933

4/I-33

Ну, системочка! Гублит и горлит разрешили «Глубинку», зато теперь ее держит Горком ВКП(б). Конвейер! Долго ли это будет тянуться? Да, рабочее, но с изрядными бюрократическими извращениями! А тут еще перспектива, — могла бы, изрядно ее переработав, переиздать в И<здательстве> п<исателей>. Ну, нет, добьюсь своего. Что я, классовый враг, что ли?!

Вот тупицы-то, прости Господи! Трусы чертовы!

Положа руку на сердце, считаю: запрещение «Глубинки» несправедливость, противоречащая нашей системе по существу. Как коммунистка, должна с таковой (несправед<ливостью>) бороться хотя бы и в смысле самоцели.

10/I-33.

Сижу поздно. Все спят. Дочки и Колька. Живу с трудностями, часто с раздражениями, злобой на трудности, но с охотой. Только иногда мучит неизвестно почему появившееся чувство кратковременности жизни, ее бесконечной преходящести. Отсюда — новые философские — для себя — установки, попытка как-то органически и цельно осмыслить жизнь, чтоб не чувствовать, что она когда-нибудь кончится. Отчего это — не знаю. Но это трудно сформулировать, и это только для себя, и не мешает ничему, а только все подвергает каким-то новым лучам.

Забираю высоту (еще помалу) в работе на заводе. Ведь я там — авторитетное лицо, и это не самообман.

Боюсь ночью припадков Николая, и все жду и добиваюсь полной силы ощущений. Здесь надо бы много писать, да не хочу оставлять шкурки на постели, как царевна-лягушка.

Шкурка не тяготит меня — жизнь короткая, надо жить и поступать, как хочешь. (Для всех других эти строчки — бред.)

Скоро кончу «Пимокатов» и примусь (обязательно с вдохновением) за «Силос». Хочется учиться и не работать на постоянной работе. Ох, как бы я читала и училась!..

Николай такой дорогой, что трудно выразить это словами... Как можно отрицать «надстройки!..». Да... Вот и отрицай их после всего этого... Было время, когда мне вся моя особа казалась сплошной надстройкой...

<Черновик письма в тексте дневниковых записей.>

Леопольд, получила твое письмо. У меня такое впечатление, что оно не мне и не для меня написано...

Я не могу и не буду тебе отвечать по всем вопросам, которые ты там поднял. По многим причинам, Леша...

Если когда-нибудь увидимся, то, наверно, поговорим. Да, обязательно... Надо так... Я тебе только скажу пока, что никогда у меня такого горя не было, как в дни пленума и после него!..

Ольга

Речь Сталина. Как говорится — не подкопаешься. Ясно, МУДРО, мужественно и просто. Будем работать, стиснув зубы, преодолевая раздражение на то, что нет молока и жиров не то что для себя, а и для детей. Да, будем работать — иного выхода (слово не то) — нет.

А писать надо о людях, о людях и о людях, о вечной жизни в конкретных формах сегодняшнего дня.

О радости надо писать, о борьбе за радость кратковременной единичной жизни...

Очень устала — большая ночь.

Завтра куча работы, папиросы, завод, надоевший маршрут... 15<-го> приедет Авербах, который ушел из меня совсем...

Как странно! Как грустно и удивительно! «Нам ли, брошенным в пространство...» Действительно!

Когда-нибудь напишу прекраснейшие стихи.

14/1-33

Владислав Невинский.

Угловатая, четырехугольная голова рахитика, красное лицо, расплывчатый нос, белые брови и ресницы, часто воспаляющиеся глаза. Лысина и белые, жирные волосы, размазанные по лбу. Левый глаз почти всегда подозрительно прищурен.

На заводе у Владислава — нерушимый авторитет. ОН ЗНАЕТ ВСЕ. Он приходит в цех, зная его подноготную, даже то, чего не знают сами рабочие. Когда говорит — берет одни факты, конкретнейшие факты, и на них строит речь.

Ни в одной речи, ни в одном выступлении не обходит он вопроса классовой непримиримости и бдительности. Он багровеет, когда говорит, с лысой головы ползут капли жирного пота. Он задыхается от ярости и ненависти, и руки у него начинают трястись.

Сегодняшний пример с анонимной запиской. Вместо общих фраз так — он указывает сразу — вот враг, ловите, держите, травите его, и все готовы по зову этого большого, уродливого человека — ловить и травить, и все, выступающие вслед за ним, начинают так же задыхаться от ярости и видеть конкретные факты, и дрожать.

А говорить он начинает всегда с шутки, прикидывается протачком. Сегодня сказал: «на трех мушкатеров торопитесь», — и всем понравилось, что он сказал неверно, — «мушкатеров», все засмеялись... А ведь он мог бы правильно сказать — явный прием.

После того, как скажет, озирается немного виновато и довольно, точно выполнил большую работу, и оттирает жирный пот, бормоча: «Ну и сказал... вот так сказал...»

Надо собирать комплекты газет и все выступления Невинского.

Союзный день в 108 <отделении>. Выступление Веселова. Парень по виду — кавалер. Говорит, внутренне подбочениваясь, поматывая головой и сдвигая брови: «А ну, дайте-ка скажу. Я так понимаю: ну, ты комсомолец, сполняй свой план, плати там ну членские взносы, ну и все там что полагается. Ну, а возьмем дбсуг. Вот я — ну, как я свой дбсуг? Ну, приедешь с работы, все сам, пойдешь по очередям мытариться, пошамашь, ну там потом ясно идешь в кино. У кого какой интерес! Может, и с барышней идешь, конечно. А насчет вечеринок. Почему ж — нет — домашняя вечеринка? Почему ж только

цеховая? На домашней вечеринке ну, конечно, и выпьешь — можно, это можно, маленько выпить, это комсомольцу не запрещено. Ну там и барышень ребята своих подберут, люди молодые, известно, куда дело идет... А что я на цеховых вечеринках — какую я барышню, тут все знакомые в цеху глаза намозолят! Вот Нюра раз сорок на работе мимо меня пройдет, чего мне с нее? У кого какой интерес! А губы красить, ну, почему ж и не красить? Да может, они у меня какие синие, а я хочу, чтоб красные! А насчет перстней. Есть перстень, вещь красивая, надел на руку и носи! Это у кого какой интерес!»...

Ребята смеются, но слушают сочувственно.

20/1-33

Соня — солнце — солнечная энергия, обращенная в энергию страны. Огромная любовь. (Концепсия¹ начцеха.)

Романтики делали своих героев физически красивыми, прекрасными, сильными. У нас обратная тенденция, рисовать их незначительными, обыкновенными. Ведь это же неправда. И Соня, и Быков — физически красивые, ладные люди... Герои «цеха фантазеров» должны быть внешне привлекательными.

Распустили бюро ячейки молодежного <цеха> — за бездействие.

Я заметила, меня занимает уже не столько реальный цех, сколько «мой» цех и «мои» герои.

Пышноград — секретарь яч<ейки> молодежного <цеха>. На нем видно, как болеют за партийное дело. Очень забавным делает его пенсне. «Раскачивает» всегда пленумы. Обращается ко мне: «Ну, что с ними делать? Не говорят, бьюсь, бьюсь... Ах, народ!»

— Разве это отжившие чувства, нежность, верность, гордость, любовь? Капитализм торговал ими, все было продажное, и ничего не принадлежало себе, и не было щедрости в этих чувствах... Обменивали и обсчитывали. Только теперь они стали свободны и очищены от купли-продажи. Только сейчас время для большой верности, любви, и суровость жизни не должна мешать нежности, а наоборот. Время гордых людей.

¹ Так в рукописи.

Все время обмеривали и обсчитывали, и боялись того, что надуют.
 — А хозрасчет?
 — Это учет, а не торговля, не боязнь надувательства.

Время шекспировских масштабов чувств.
 Машина — дура. (см. ту тетрадь)

24/1-33

Ехала в трамвае с Дудкиным и Кацнельсоном. Занятный народ! Интересен адм<инистративный?> восторг Дудкина: «У меня бригада Лебедева второй встречный приняла... Смотри? Видишь? Администрация 20 смен, а они? Видишь? Видишь? 10 с половиной смен?.. А?» И сам удивлен.

Говорили о работе комитета. Жаловались на Кольникова — зачем кричит, почему не создалась атмосфера товарищеской взаимопомощи «в аппарате»...

Теперь я начинаю «взад» или «обратно», как гов<орил> Зоценко — терпеть не мочь Сталева. На фоне Кольникова, подражающего ему, — виден Сталев: одиночка, зверски-самолюбив, отсюда — очковтирательством не брезгует. Любит внешнее — пуф, бум. Иногда становится неожиданно и неловко задушевен; помню, как сказал — «Я, ребята, сознаюсь, сам какой-то индивидуалист. Забился бы вот в свой угол и сидел».

Своими попытками «подойти» он меня страшно подкупал.
 «Нелюбимый секретарь», которого бояться.

«Лева Хайкинд».

«К слову»

А что, собств<енно>, делает наш производств<енный> сектор? Где ударничество? Соревнов<ание>? Хозрасчет? БРИЗ? Планирование? Единств<енное>, что вижу — пока как будто МТС. Шефство н<ад> заказами?¹

Создать совершенно новый тип вдумчивого, умного, тихого (вернее, негромкого) комсомольца. Он овладевает знаниями и тотчас же отдает их практическому делу. Он много думает. В противовес «Козовскому», — в интересах ограничен. Любит Маяковского. Много

¹ Записи рукой О. Ф. Берггольца по правому полю внизу листа, отделены лигатурой.

о себе не говорит. Накаляется медленно, но жестоко. Тогда как у «Козовского» — каждое чувство всплывает на поверхность, у него все кипит внутри. Он слит с коллективом органически; он не может учиться без него, жить, думать, т. е. в мыслях у него всегда: «А как передать и рассказать это ребятам»... «А что бы сказали об этом ребята?» Вот, может так быть или нет?

24/1-33¹.

Сейчас обнаружила, что у Ирки — аскериды. Вот от чего она нервничает и капризничает. Помню, как они в Угличе меня мучили. Помню, как у себя обнаружила маленького червячка и решила, что обязательно умру, что меня едят черви. Надо экстренно лечить дочурку.

Дочки у меня хорошие... Очень. И Николай хороший. И дом был бы большой радостью, несмотря на деньги и маму, если б не сырость...

Сырость угнетающая. Одурачивающая. Грозная черт ее знает чем... Смешная жизнь!

Живу не то что бы равнодушно, а как-то не расстраиваясь особенно по поводу ее горестей — «стоит ли?..». Конечно, безденежье, и одета я ужасно, и выдрой стала... Но все, все пройдет... Какое-то странное, спокойное равнодушие охватывает иногда, ироническое равнодушие, добродушное...

Неужели пропадет мое увлечение жизнью — самое лучшее, что было? Нет, это просто недостаток жиров...

Плохо, что недостаток жиров падает на годы, когда — вот вот — должен наступить творческий расцвет...

Ничего, справимся. Но волю к жизни надо иметь большую, и очень твердую уверенность, на фоне хлебных очередей, отсутствия спичек, без-сапожья...

«Пимокатов» еще только проштопать, так их можно считать законченными. Теперь — за «Силос» и чтение к роману «Цех фантазеров». Запрет с «Глубинки» все же снят. Теперь скорее бы расходилась, и переиздать в исправленном виде в Изд<ательст>ве писателей.

¹ Записи от 24 января 1933 г. выполнены О. Ф. Бергтольц в двух дневниковых тетрадах.

Но как же писать о волнующей жизни, преисполняясь ироническим равнодушием?.. Но я наверно клевету на себя, и это равнодушие у меня только к вечеру, после работы, с налитым животом (пью для молока).

Ох, как мне надоела мать, Муська и все остальные...

26/I-33

Приехал Авербах... Никакого эффекта! То, се, трогательные позы и лентации, но «не то, не то»...

Гораздо больше огорчило меня то, что пришла с конференции по истории фабрик и заводов домой, а Молчанов оставил записку: «Буду под утро»... Что это? Что это, товарищ Молчанов?

Неужели вы по-мальчишески испытываете судьбу, «бросая меня в объятия Авербаха»?

Ну, ответьте мне! Неужели — действительно какой-нибудь этакий «надрыв»?

Или это моя бабья логика, и у вас работа спешная? Но почему же не приписать причины, почему «под утро» — «работа, к товарищам»... ? Вот теперь буду беспокоиться всю ночь, и ты мне будешь мерещиться нехорошо, хрипящий, несчастный...

Ну, как это меня огорчило... Ой!

4/II-33

Соня — туристка!! Она путешествует по Кавказу, по северу (к примеру). В ней сосредоточена жизнерадостность победителя пространств, хищность и цепкость авантюристки, в ней перекрещиваются дороги Союза, в ней — ветер просторов и пространств, потому что она сама жизнь, песня, движение...

*

И обязательно — Володьку Молчанова.

4/II¹

Неудовольствие жизнью. И кажется жизнь барахловой и какой-то нудной. Перманентное безденежье и невылазные долги. Боль в затылке, прострация и безразличие к вечеру. Хожу оборванная, а хочется нарядиться, пока есть что наряжать.

В «Мол<одой> гвардии» нет бумаги. Книг по истории комсомола издаваться не будет — весь этот весенний пуф и бум провалился. Наверно, моя книжка об электросиловском комсомоле так света и не увидит...

В ГИХЛе бумаги нет, сперва надо написать книжку, затем, если ее одобрят и примут, она будет печататься...

Все это хорошо, все это несомненно повысит качество продукции, но... Простите, что ж я буду «кусать», пока буду писать?

Придется подрабатывать на очерках, детских штучках и т. д., а я не хочу сейчас их делать — устала от напряженной работы над «Пимокатами», хочу СПОКОЙНО работать над «большими» книжками...

А этого мне не позволяет делать работа, завод. Там все пошло так, как мне не нравится: связывают мою инициативу и навязывают всяческий официоз. Пытаются нагрузить всякой ерундой — финансовые и военные подборки.

Надо уходить с завода... Думаю, что в июле уйду.

Скучно как-то жить стало...

Скоро пятилетку будут вспоминать как годы гражданской войны..

Это я плешу <?>. Как мелкобу... вздор, причем тут мелкобуржуазность?

10/II-33

Временно снимают с «Мол<одой> “Электросилы”» и дают партийную работу — главу (ответственную) в книге «Московская застава», а потом, может быть, и ее редактору.

С работой хочу справиться хорошо. Рада тому, что будет передышка от завода, потом будет вкуснее за него взяться снова; хотя на очереди — интереснейшие [статьи] полосы «Мол<одой> “Электроси-

¹ Записи от 4 февраля 1933 г. выполнены О. Ф. Берггольц в двух дневниковых тетрадах.

лы”». Тема главы — «Первенцы пятилетки, освобождение от иностр<анной> зависимости, освоение техники, вклад в сов<етскую> индустрию». Хочу сделать все это политически. Придется много читать — это тоже хорошо, а то теоретически «заиндивела», не расту. Хочу взяться за это дело продуманно и ответственно...

Одно беспокоит — а как же своя работа?.. Пора бы уж..

12/II-33 г.

Сила убеждения.

У Достоевского какой-то капитан говорил: «Если бога нет, то какой же я капитан?» В наших условиях надо говорить: «Если революции нет, то какой же я мастер»? (Лева). (Это — очень глубоко. Чтоб дошло.)

Теперь — вариации того же:

Если революции нет (т. е. «термидор, перерождение») — то какой же я мастер? (писатель, начцеха, рабкор, кр<асный> директор и т. д.)

«Если бы революции не было, то какой же я был бы мастер? (писатель, начцеха, инженер, студент)...

В январе — в молодежном прорыв. Причина — планирование. Как я убедилась — планирование у нас на заводе — источник всех зол и бедствий.

Кроме того — осваивают новый тип машин постоянного тока.

Соня Свиридовская, похудевшая и с каким-то прибитым видом и с жалким голоском (она теперь ПРБ молодежного) говорила:

«Ой, Лелечка, я так измучилась, так измучилась, просто стыдно раздеваться, какая выдра стала... У нас такие неполадки с этими машинами постоянного тока — никто еще к ним применить не может. Быков — злой... Вчера так орал на мастеров, ну что ж, конечно, их дело освоить машины, а если подходить по-человечески, то, конечно, они не виноваты...»

Быков должен дать статью обо всех этих делах.

Быков гордится своей должностью начцеха и своим цехом, и иначе не может быть, потому что тогда, если нет такой личной заинтересованности, то непонятен его энтузиазм.

Люди — не жертвенники. Работают на себя и на свою мировую революцию.

Опять нелады с генератором Б<ольшого> Днепра. Зашили детали к маслопроводу. Из-за этого не можем смонтировать генератор на месте. Иванов сказал — сели <?>.

14/II-33

Была в молодежном <цехе>. Быков дал статью не такую, как хотелось бы, мне думалось, что-нибудь вроде Свиридовской статьи, она информ<ационного> порядка, но дельная. Отсюда нужно начать кампанию, заставить перечисл<енных> ребят рассказать о своем быте <?>. Завтра будет хороший номерок.

У Быкова лицо помятое, усталое, под глазами морщинки. Старет парень. Надо скорее писать его, пока в воображении он — молодым.

Его очень дергали с паспортами.

Распоряжается он прекрасно.

Видела Леву Хайкинда. Очень умное лицо, мягкий голос, глаза вспыхивают насмешливым огоньком. Поступил на 2 курс ЛЭМи, первый обязался сдать в течение месяца. Леву выдвинули начальником планового отдела машин<строительного> завода.

Распрашивала Финика о его работе. Лева, усмехаясь, сказал: «Леся, ты знаешь, Фин — порождение наших безобразий... Если б у нас было лучше дело поставлено, то всем этим могли бы вертеть три-четыре человека на заводе...»

Финик, похожий на лягушонка, кивал головой: «Да-да... Да-да... Он верно говорит...» Фин называет Леву — Лёвчик. Очень хорошо. Так и оставлю в повести.

Лева подтрунивал над ним: «Ты еще недавно на материнском паспорте значился, Фин...»

— Ну и что ж!? Все мы там значились, верно, Леся?..

Я немножко боюсь, что буду писать по программе. Программа-то повести уже готова. Основные (ли?) коллизии тоже. Ну, посмотрим, когда возьмемся.

Ввести. Женятся «Быков» и «Соня». В ЗАГСе очередь. Соня уходит на минутку из ЗАГСа, в это время их очередь подходит. «Быков» мечется, над ним смеются, «Соня» задерживается, страдания Быкова уже всерьез.

Громкоговоритель в комнате, как третий сожитель. Будит по утрам. К нему привыкают.

Или громкоговор<итель> — у Левы.
Надо позвать их всех к себе.

14/II-33¹

Пока райком и партком дерутся за меня, — создалось состояние временности, мешающее взяться за работу.

Однако необходимо установить рабочий, вернее — творческий режим, и следовать ему. Все-таки хорошо было бы, если б меня сняли с работы — это дало бы разгон.

Пока переделываю «Ночь в “Новом мире”», но пока все — как в тумане, трудно вылезти из «новомирской» эстетчины и литературщины, трудно нащупать то, что мне хочется — скупой, глубокий, как бы граненый язык, где выражение адекватно тому, о чем пишешь, т. е. пресловутая буквальность.

Да, за творческий режим!

На заводе — ничего. После пленума ЦК состояние — «нам чего-то не говорят» — сгладилось. Наступила большая уверенность. Хотя иногда проскальзывает как бы некоторое «пресыщение энтузиазмом», некоторая ироничность, цинизм... В общем, я чувствую, что становлюсь на пороге политической и житейской зрелости, и этот момент нельзя упускать. В прежнее время отсюда (а то и раньше) начиналось окостенение. Ах, как охота читать, изучать, видеть! Рамки молодежной страницы мне уже узки, хотя страница с прошлого года определенно улучшилась...

Теперь неск<олько> строк в электросиловск<ую> тетрадку, и в постель, почитаю о селекции...

23/II-33 г.

Партийный день в молодежном <цехе>.

Коля Пышноград в засаленном черном комбинезоне, из-под него выглядывает старая красноармейская гимнастерка. Над плывеющим лбом курчавятся редкие волосы, а к затылку идут гуще. Ребята собираются медленно — Коля самолюбиво мучится перед ожидающим докладчиком Башкардиным (почти Корневой).

¹ Записи от 14 февраля 1933 г. выполнены О. Ф. Берггольц в двух дневниковых тетрадях.

— Вот копаются-то, а? Поживей, поживей.

— Здравствуйте, что, заработались? Зря ели, жарко будет.

Ну, ну, рассаживайтесь...

Башкардин делал доклад замечательно, сам колхозный работник, все иллюстрирует фактами собственного опыта, лицо во время доклада не тупое, а умное, хитрое, — вспоминает пройденный путь, раскрывает его перед сидящими молодыми коммунистами, как опыт.

Коля Пышнограй говорил о реализации решений январского пленума, тоже хорошо говорил. Он говорит очень просто, без общих мест, например: «Сколько времени этот маленький статоришко мотали наши девчухи? — смотрит вопросительно, многозначительно. — А?! Вот то-то! Вот что оно значит — новая-то машина! РRV-то статор мотали в 3 часа, а этим, вот таким (показывает руками) — три дня. Тут наши девчухи и заплакали — ну, что ж, конечно, заработки на время понизились, плачь не плачь, а осваивать надо...»

Я смотрела на них всех, и думала: «До чего я их всех люблю, как с ними хорошо и крепко себя чувствуешь — с простым, веселым Колькой Пышнограем, с рыжим Бакушевым (новый секретарь комсомольской ячейки, хороший, веселый, дельный), с солидным Колей Быковым. Семья — и такой внести в повесть».

Да, запомнить еще — все поправляли часишки-ходики на стене, двигали их справа налево, пока маятник окончательно не остановился. В повести — Соня, прибежавшая поправлять маятник...

Выводы из партдня — для повести.

1) Освоение — трудность его, овладение спецификой, нервничанье ребят, и радость победы, все уменьшающееся время. М^{ожет} б^{ыть}, не успел цех наладиться, как «Лева» предложил перейти на новый, нужнейший тип машин. Фантазия! Но фантазия реализовалась.

2) Рационализация. — Как рождается т. н. «рацпредложение». Рационализация Левы — я помню, как он говорил мне, сдержанно радуясь и улыбаясь длинными еврейскими глазами: «А ведь мы американцев догоним, даже без их условий! Догоним в смысле того, что машину будем делать в то же самое время, как и они, не имея ихнего конвейера. Этого мы достигнем за счет сокращения времени, которое тратится даром: заметь, за паяльником нужно делать пять шагов. Мы подтащим паяльник, чтоб нужно было только руку протянуть. Я подсчитал, в день это даст экономии полтора часа. А тряп-

ки — у нас сколько времени надо для того, чтоб тряпку найти? Обеспечим тряпками каждое рабочее место...»

Но всего этого было недостаточно — и вот уж опять родилась идея — рационализация всего цеха, подтягивание к американскому типу. (Фантазия № ...). Цех вначале нерентабелен.

Для всего этого надо:

а) подробный разговор слевой, как бы продолжение «того» разговора.

б) изучение книжки Быкова и разговор с ним о рацпредложениях.

Еще герои.

Дядя Саша — старый рабочий. Только не рождественский старик!

«Золотая». Сливаётся — та девушка, что видела в поезде — смуглая, круглые карие глаза, золотой зуб во рту, два крупных золотых шарика болтаются в ушах, около круглых смугло-румяных щек. И — та, что видела когда-то в трамвае — вся обшитая золотым галунчиком...

Уже ясна концепция романа... Только не «додумывать», до скуки. Чтоб были белые пятна на работе...

Возможно, что в эту тетрадку вносится не «главное», а только намеки.

Да, с Б<ольшим> Днепром сели — это верно. Никуда не годен — мотор-генератор. Из-за этого нельзя пустить агрегат. Явное вредительство — для меня несомненно... Что-то будет.

Разогнали вторую «Свирь» — 50 000. Прошло хорошо. Надо обязательно побывать на разгоне.

27/II-33 г.

Начала работать по райкомовскому заданию, была на Егоровце сегодня, завтра еду на карбюраторный и, наверное, на какой-нибудь из мелких. Идет накапливание материала, но почему-то оказалось, что «нечего читать»? Это неверно. Но темпы моей работы — ленивые, прямо сказать. Обрадовалась возможности не ездить в редколлегию, где все страшно надоело и раздражает, особенно Иванов с его

потогонной системой. Говорят, что по возвращении мне кроме «Молодой Электросилы» дадут еще ОРС. Нет, дудки! Это уж на принудительный труд смахивает.. Решила: хорошо сделаю райкомовскую работу и лирически поговорю с Касимовым. Желая работать над собой и писать. «Бароны пируют, бароны воюют», Юрий Герман прославляется, а я все в той же позиции на камне сижу. Не выйдет это дело.

[Завтра]

2/III-33

Глупый, пропащий день. Моталась на стандартник, редколлегия отнеслась угрюмо, завтра буду говорить с директором. Завтра должен быть большой рабочий день, посвященный райкомовской работе. С утра — стандартник, часов до 3-х — библиотека «Электросилы» — журналы.

Если не подведут Егоровцы и «Знамя труда», дело выйдет, и выйдет к сроку.

Сегодня заехала вместо стандартника в совхоз «Индустрию», забрела в сельсовет какого-то колхоза — ! как во сне... На стандартнике — игрушечные домики, совсем не индустриальный вид, всюду лес и доски, и специфика своя — носаки, плотники, столяры, дерево. Думаю, что в конце работы подведу итог с плюсом для себя.

4/III

Вчера Маршак забраковал «Пимокатов». Говорит — скучно, неинтересно. Враки и ерунда! Очень противно было сидеть вчера у Маршака — эти девочки, окончательно потерявшие лицо; Осинковский, глупо поддакивающий Маршаку. Абсолютно ничего не понимающий Маршак, и действующий, как сомнамбула... Попытка совершенно выхолостить книжку политически и свести ее только к «дрейфусиаде» с педагогом... Что ж осталось бы от нее? Фига! Это ерунда, что книга плохая. Есть, конечно, отдельные слабые места, есть и очень правильные замечания со стороны Маршака и девчонок, но ведь они хотят свести ее буквально на нет, ту идею, программу, которую я хотела вложить. Да, программа! А с каких пор писатель должен отказываться от программы, которую он хочет вложить в вещь? И не дело ли редакции помочь автору выполнить ее, если идея действительно цен-

ная, а в том, что она ценная — нет никакого сомнения. Тупые идиоты! Вещь я переделаю еще раз, по-своему, а потом буду говорить на ком-фракции Оргкомитета обо всем этом деле. Вот.

Еду сейчас к Чудакову. День опять невыполнен и разбит.

Вчера ночью у Молчанова опять припадок. Милый, милый, бедный мой. Ночи мои ужасны — почти не сплю. Достаточно Молчанову зашевелиться — как меня точно кипятком обваривает — и сердцебиение...

6/III-33

Б<ольшой> Днепр — все-таки победа, хотя и сели с мотор-генератором.

М<ожет> б<ыть>, послать кого-нибудь из молодежного на Днепр?

10/III-33

«Инге»:

— А разве мы говорим о женщинах? Куда делись разговоры о женщинах среди юности наших дней? Где самая мечта о Женщине? Уж это не отношение к женщине эпохи гражданской войны или первого нэпа, а какое-то безразличие, какое-то глубокое равнодушие к женщине».

§ 2 — ... «и не только к женщине, — ко всему человеческому. Нам некогда о человеке думать, мы социализм строим — вот как у нас!». (Пыхтин — «теперь самый дешевый материал — человеческий».)

Инге — абсолютный путаник, былинка на ветру. Сегодня он может быть правым, завтра левым. В сущности — глубоко враждебен. На словах — левый. Под видом критики слева пытается утверждать нашу несостоятельность. Продуманного у него ничего нет — он «легкомыслен и беспринципен»... Он сегодня требует гильотины, завтра — кричит об «ужасах Соловков». Талантлив и самоуверен. Теряется от неудач.

Лева — бывший мальчик «паять-лудить».

Быков и его жена встречаются перв<ый> раз на субботнике, на разгрузке досок в порту. Люся (его жена) — дошкольница. Каж<ет>ся, об этом писала.

10/III¹

Как у меня все не получается!..

Теперь уж даже подумываю — не забросить ли даже самую мысль о том, что «вот все организуется, пойдет какая-то особая, глупо-боко-сидящая в идеях, чтении и творчестве жизнь...» Сегодня я читаю (не торопясь) то-то, завтра то, эти дни у меня уходят на писание только этого, а тот месяц я посвящу <Далее обрыв текста.>

11/III-33

Володька Молч<анов> вчера сказал:

— Мы — навоз... Время ли тут думать об индивидуальном самоусовершенствовании? (Прекрасно для «Инге».) Айо

Я ему возразила:

— Отлично, будь навозом, но зачем же быть говном? А ворошиловское требование о личном примере? А тип коммуниста, о котором говорят Сталин, Ленин, Косарев?

Два столкновения, два понятия об индивид<уальном> самоусовершенствовании, об организации нового человека.

Нельзя, строя новое общество, не бороться за себя, как за нового человека, за нового человека в себе. Ответственность за себя: ведь в будущем каждого из нас будут изучать, как человека великой эпохи.

Наоборот, только теперь появляется возможность самоусовершенствования, чего не мог достичь Толстой при той системе.

12/III-33

Вот еще сюрприз: Липе дали срок 10 дней до выезда из Ленинграда. Итак, останусь без домработницы! Придется сниматься с работы, тем более что, может быть, и Муськину домработницу отошлют. Невозможно же оставлять детей на мать!

Господи! Вот не было печали-то!..

Неужели ничего не выйдет с обжалованием?

Да к тому же, кажется, захворала Майка...

¹ Записи от 10 марта 1933 г. выполнены О. Ф. Берггольц в двух дневниковых тетрадях.

13 <?>/III в клубе молодежный <цех> прорабатывал книжку Быкова.

Основные достижения в электромоторостроении — замена протяжной обмотки — американской и литых конструкций — сварными. В начале организации молод<ежного> цеха была протяжная обмотка. Теперь случаи, когда приходится работать с протяжной обмоткой, расцениваются как «ссылка».

Одна из форм вредительства на «Электросиле» — сопротивление введению американской обмотки.

Взаимозаменяемость деталей — одно из достижений молодежного цеха. Взаимозаменяемости достигли путем борьбы за мерительные приборы и правильного их применения к деталям. (Фантазия № ...)

Работа по улучшению технологического процесса серийного производства двигателей сред<ней> мощности. Этой работы почти не ведется.

В книжке у Быкова очень много неразвитых намеков, но огромной важности: стандартизация, типизация, специализация завода, ритм работы и т. д. Подробнее — буду тут конспектировать его книжку. Книжка в этом плане — не удалась. Сведена к техническому описанию типа PRV246. Всю ее законспектирую, она мне будет оч<ень> полезна.

Итак — процесс организации цеха, «фантазии» — не успел цех organizоваться, как уже взялся за разрешение вопросов ОБЩЕСОЮЗНОГО и мирового (технического) значения, поставленных в книжке Быкова.

Техника и политика. Политика техники.

16/III-33

<Наброски литературных произведений в конце дневниковой тетради.>
«Инге»:

— Наша молодежь не умеет мыслить. Ее не мучат мировые, проклятые вопросы. Психологическая, вернее, идеологическая ее жизнь идет ровненько и спокойно. Даже в рассуждениях на тему о социализме нет масштаба революции. Нет взлетов и падений... Нет «мировой скорби»... Наша молодежь просто тупа.

Лева:

— Чего же ты хочешь? Чтоб нашу молодежь мучили проклятые вопросы, чтоб она расходовала на метафизику свои лучшие силы? Не для того ли была революция, чтоб освободить молодежь от непроеводительных накладных расходов на жизнь, на рост, на радость и молодость.

«Инге»

Этот накладной расход — мировая философия...

Лева

У нас есть своя философия, достаточно объясняющая и изменяющая, т. е. помогающая нам изменить мир...

Инге.

Да, философия лентяев, освобождающая их от необходимости думать.. Я не о марксизме, я сам марксист, но марксист именно потому, что преодолеваю проклятые вопросы путем марксизма...

И в то же время, Инге:

«Разве наша молодежь умеет веселиться? Разве она знает, что такое веселье, хотя на всех углах комсомольцы кричат об “организации досуга”, а на всех плакатах у комсомольцев рот до ушей. “А комсомол смеется, смеется, смеется и все вперед несет к коммуне мировой”. Апофеоз тоски! Молодежь погрузилась в изучение марксизма-ленинизма и прочих измов и не видит за измами жизни... Вот раньше умели думать, умели и пить...»

Одна линия

Лева — Инге. Оба фантазеры. Но Инге — герой революционной фразы, прикрывающий ею свою крайнюю беспринципность.

Инге — студент-практикант в мол<одежном> цехе, он берет-ся готовить Леву в ЛЭМИ, они сближаются, Лева растет под влиянием Инге, но, т. е. в противовес к нему, растет в противоречие ему, Инге помогает ему осмысляться.

Инге — из спецовской семьи, м<ожет> б<ыть>, в прошлом неповский сыночек, но его не трогают из уважения к брату, к отцу — крупн<ому> спец<иалисту>, и м<ожет> б<ыть>, вредитель; Инге засыпается на каком-нибудь деле молодежного цеха — на какой-нибудь «фантазии», Лева видит его нутро и разоблачает его перед ячейкой института. Инге гонят.

Мать Левы — домохозяйка — строительница социализма («есть старенькие-старенькие мамы»...)

Лева мечтает о женщинах.

Лева — очень страстная натура, но дисциплинирован.

Вторая линия

Быков — его жена — Соня. Быков — Франек. Тут разногласия не столь этического, сколь политического характера. Франека взять, как он есть: раз навсегда внешне ушибленного, ушедшего в себя, внутренне не согласного, но по существу работающего образцово. Быв<ший> троцкист.

Вопрос для меня — врач ли он?

Мне все время кажется, что «он был не такой»...

(Конец I-ой тетради.)

«Застава»

Отец.

Дед.

Бабка.

Мать.

Бабка — Грустилина

Авдотья, прислуга

Львовы — Егорушка Варвара

Семья Берггольц, ее история

Грустилины

Юсовы

Ногин. Изучить биограф<ию>.

Паль — завоеватель.

Бабушкин — изучить его биографию, книги.

Мелкие домовладельцы, владельцы пивных, лавочек, фотографий. Фабриканты. Купцы. Рабочие. Кликуши. Блаженные [Марфа] Матрена-босоножка. Иван Чуриков.

Как создавалась застава I часть

Как пересоздавалась II часть

Дядя Голя Дядья — Шура, Коля

Дядя Володя

Тетки — Варя, Полина, Анастасия, Поля.

Я

Фабрика Паля

Макселя

Торнтон
Варгунина

Смоленка, — фарфоровое.

Семянниковский

«Большевик»

Пролетарский

Зав<од> Ломоносова

Стеариновый завод

Изучить историю заставы — подобрать библиографию в П<убличной> б<иблиотеке>.

Соч<инения> и выст<упления> Бабушкина, Ногина

Для работы над этой книгой нужно будет включиться в создание истории ф<абри>ки Паль.

А может быть — Торнтон?

Познакомиться с Палем.

Книги к «Заставе»

Ленин — «Развитие капитализма в России»

Маркс — «Капитал», особ<енно> первонач<альное> накопление

Туган-Барановский — «История русск<ой> ф<абри>ки»

Энгельс — «Происхождение семьи, частной собственности и государства»

«Володарка» (купить).

Поискать старых книг за Невской.

Энгельс — о коммун<альном> хоз<яйст>ве.

Выступления и сочинения Ногина, Бабушкина.

Шагинян — «Ф<абри>ка Торнтон».

...И он стал перебирать в воображении лучшие минуты своей приятной жизни. Но странное дело, все эти лучшие минуты приятной жизни казались теперь совсем не тем, чем они казались тогда.

...Ему пришло в голову, что то, что ему представлялось прежде совершенной невозможностью, то, что он прожил свою жизнь не так, как должно было, что это могло быть правда. Ему пришло в голову, что те его чуть заметные поползновения борьбы против того, что наивысше поставленными людьми считалось хорошим, поползновения чуть заметные, которые он тотчас же отгонял от себя, что они-то и могли быть настоящим, а остальное все могло быть не то...

К отцу.

(Толстой «Смерть Ив<ана> Ильича»)

Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен... Теперь все боль и все страх. Теперь человек жизнь любит, потому что боль и страх любит. И так сделали. Жизнь дается теперь за боль и страх, и тут весь обман.

Теперь человек еще не тот человек; будет новый человек, счастливый и гордый.

Кому будет все равно, жить или не жить, тот будет новый человек. Кто победит боль и страх, тот [будет] сам бог будет. А тот бог не будет...

(Достоевский «Бесы»)

Черная сотня. Участие в ней деда. Выяснить.

Я помню, как читала Вересаева — «Живая жизнь», кажется, о Толстом и Достоевском. И как меня поразили эти слова: «Будет новый человек, счастливый и гордый». Это было в разгар незрелости, нудных домашних скорбей, в одиночество отрочества, начинающего себя сознавать (одиночества).

Я рада, что БУДУ, БУДУ все-таки новым человеком, счастливый и гордым.

Я счастливая. Я — счастливая.

Ольга Берггольц
Электросиловский дневник
Цех фантазеров
 Тетрадь вторая.
 Для главной книги 1933 г.¹

16/III-33 г.

Вчера и позавчера «Электросила» стояла; работала только литейная, котельная, кое-какие станки в турбокорпусе на заказах ПГ. Причина — 1 ГЭС не дает току. Не подвезли на ГЭС топлива. ГЭС, работаю-

¹ Со слов «Ольга Берггольц» до слов «Для главной книги 1933 г.» записи рукой О.Ф. Берггольц на обложке дневниковой тетради.

щая на торфе, угле, дровах и чуть ли не на дерьме — без топлива!? Явно, что кто-нибудь уже сидит.

Больно и страшно идти по полутемным, мертвым цехам. Нет людей, нет работы — бесцельность и бессмысленность машин.

У директора в кабинете выдавали ток цехам. Столпились около сияющих телефонов, лица взволнованные, нервные усмешки, как всегда у людей в беде.

— 219? Изоляционные? Дежурный? Выключите все силовые установки... Да, да, все. И микафоль машину. Да. Оставьте только свет. Что? Да не могу позволить, дорогой товарищ, уже три раза выключали.

— Литейный? Ну, что у вас? Ковш висит на крану? Сколько? Шестьдесят пудов металла? Разливайте, даем вам сто кватт..

— Это Акуратнов? Акуратнов, выключи свет на ОНМ. Не работаете? Не надо... Ничего не знаем. По карточке вам полагается 200 киловаттампер.. Ну, милый мой, всему заводу надо 1500, а дали 500... Нет, нет, ничего не могу. Проследи, чтоб ни одна силовая установка не работала.

Так шло распределение. Было даже как-то страшно. Сегодня народ ходит понурый, смены сбились, заработки падают. Гроб.

Один раз в молод<ежном> цехе выключили свет. Сели, стали петь — «И боец молодой»... Поет Сонин голос — Быков влюбляется. Поют, поют, смеются, вспоминают пройденный путь, а свет все не зажигается... Беспокойство. Потом простой — три дня, в самом начале цеха...

«Страшна “сухарежка”, которая живет в душе и действиях каждого мелкого хозяина. Эту сухарежку надо закрыть. Эта сухарежка есть основа капитализма» (Ленин)

Сухарежка — в душе у Инге, у Андронникова (торгует талончиками на мясо и промтовары).

«Фантазер-Инге» — бюрократический и интеллигентский прожектор.

19/III

Вовсю работаю над райкомовской работой. Дело спорится, дело идет!.. Но уже не сходится бюджет времени, время в дефиците, а вижу все пути создания действительно ценной вещи.

Продумывание, отыскивание особого сюжета, проявление политической линии в конкретике — любого завода, все это идет. Рас-

полагай я бóльшим временем и объективными (да и субъективными) данными для лучшего его использования — было бы лучше. Но все-таки вылезу с победой.

Итак — завтра с утра проявляю статью Картавова, оформляю Егоровец, и почти все готово. Выйду на работу числа 23<-го>, хотя очень ждут раньше.

Утром — опять припадок у М<олчанова>. Как на него воздействовать?.. Все время боюсь сорваться в психоз — сама.

20/III-33

Тоска. Ночью — бессонница, «дырявая ночь»... С утра тоска, недомоганье и раздраженье...

21/III

Кажется, «Пимокаты» проваливаются и у Мишки Чумандрина. Неужели, действительно, книга плохая?

Нет, нет и нет! Я не спорю — в ней много недоработанного. Еще раз переработаю и насквозь пройду ее. Книга будет жить и читаться. Книга — в основном — хорошая. Ведь Мишка Чум<андрин> ругал «Углич», а «Углич», что бы о нем ни говорили — книжка интересная, свежая. Предстоит разговор с Мишкой. Очевидно, Мишке не нравится именно то, что специфично для детлитературы. И, между нами говоря, он в ней ничего не понимает..

23/III-33

Обязательно вывести, как Маяковский читал в цеху или на рабфаке. Маяковский и Лева.

24/III-33 Партконференция

1) Судьба Протоцкого, того, предзавкома, при котором был построен турбокорпус.

(Иванов, 113 отд<еление> говорит однообразным голосом.) Тов<арищ> Иванов не должен был говорить, что, мол, он сомневается в изготовлении этих крестовин... А раз получил заказ с надписью

«Москва», то должен его сделать, освободить страну от этого импорта, а не говорить рабочим — я сомневаюсь.

...Между прочим, на пути у нас есть ряд трудностей.

Лукка. Отношение к качеству заводуправления сказывается и на настроении в цехах. Напр<имер>, отправили 50 штук 94-тысячных генераторов без испытания. Запомнить. А Лукка — в «Ленправде», декабрь — январь. Невыполнение парт<ийных> документов. Не завер<шенное> пр<оизводст>во.

Трухтанов — молод<ежные> бригады 113–114–124.

Они хотят перейти на хозрасчет 113, 37, 114, 124.

26/III

Необыкновенно раскисшее состояние. Разочарование в себе. Неудачи. Безденежье.

Фу ты черт, как паскудно.

Недовольство образом жизни.

Почти судорожное желание — работать творчески.

31/III-33.

Партийная конференция.

Невинский делал доклад о перестройке партработы в связи с реализацией решений январского пленума.

Он пришел на эстраду, заговорщицки и смущенно улыбаясь, с полными руками свертков. Свертки аккуратно выложил на табуретки, видно было, что они тяжелые. И потом стал делать доклад. Когда дошел до вопросов качества, голос его сделался злорадным, и чуть шипящим.

— А вот я принес конференции... подарочки, — сказал он с внешне-запной ненавистью, совсем защуря один глаз.

— Вот эту деталь делал коммунист 43 отделения. Вот, смотрите. — Он затрясшимися руками развернул один сверток. — Вот, гайка... Сорвана резьба. Брак этот получился от невнимательности коммуниста N к производству. А ячейка?.. Ячейка ничего не сделала... А вот еще, вот еще... Этот брак сделал коммунист 74 отделения...

И пошел, и пошел. Все посмеивались, но всем было стыдно..

А кончал он призывом и иллюстрацией партийной бдительности. Он передавал свой разговор с одним коммунистом, интонируя его и придавая репликам того коммуниста жалкую и скверную интонацию, передразнивая его лицом.

— Так будем же смотреть товарищи, — начал кричать он, — будем смотреть, не стоит ли рядом какой-нибудь такой «коммунист», который вредит нашему великому делу, делу пролетарской революции, и не только у нас в свободном советском союзе, но делу пролетарской революции во всем мире, которая приближается с каждой нашей победой на фронте индустриализации, и...

И он не мог остановиться, он потрясал угловатой рукой, качалась его плешивая, лысая голова рахитика, и он кричал без запятых, все забирая и нагнетая, — о мировой революции — страстные, убедительные слова, и еще уж он не кончил, как зал покрыл его слова аплодисментами, не в силах сдержаться, и он докрикивал сквозь аплодисменты, не в силах остановиться.

И когда кончил, все были возбуждены радостно, все понимали, что он не мог остановиться, и эта неостановившаяся страсть, разбег сообщили движение всем, кто был в зале, и все чувствовали этот разбег, когда стали говорить с эстрады сами.

То, что Владислав Невинский человек огромной классовой ненависти — видят все, и чувствуют все.

Мне это и Коля Пышноград говорил. У Невинского была очень трудная жизнь, особенно трудное детство, раннее. Отрочество свое он провел в детдоме, где организовал комсомол. Ненависть свою он принес с самого детства.

Узнать его биографию досконально. Инге (настоящий) взял его биографию и ничего не написал, наврал, что послал мне (для истории неевского комсомола).

«Топоров... был вполне уверен, что народ состоит из существ совершенно других, чем он сам, и что для народа необходимо нужно то, без чего он очень хорошо может обходиться...»

(«Воскресенье», Толстой)

Я думаю, что подобное настроение характерно для некоторой части партийного и комсомольского актива. Напр<имер>, у какого-нибудь партийного бюрократа давно нет чувства энтузиазма,

он считает это ерундой, но говорит об энтузиазме, полагая, что для массы это необходимо, а что он сам давно перерос это, потому что умнее... Он стал глубоким циником и в душе посмеивается над «энтузиазмом» и прочими вещами, не понимая или перестав понимать их истинную сущность и значение.

«Знаем мы, что никакого энтузиазма не существует, да ведь надо же что-нибудь говорить, раз люди не могут работать без побрякушек», — улыбаются они про себя.

Они негодуют и гонят комсомольцев за непосещение политучебы и воен<ных> занятий, а сами не учатся и не умеют стрелять, считая, что они и так умны и все знают.

Они говорят о коллективном дне отдыха и т. д., но сами считают это абсурдом.

Тип чванливого, холодного, циничного, ханжеского работника.

До некот<орой> степени — Володя Сталев. Он может получиться очень интересным, тип комсомольского бюрократа.

Но — характеры, и только характеры, поставленные в хорошо известную мне среду, — только так может писаться книга, только так нужно писать.

1/IV-33 г.

Но уже и желание работать творчески — отпадает. И страшно, страшно того, что впереди — безвыходное удушье, апатия, потеря мыслительных способностей...

Что ж это?! С весны прошлого года — ничего не сделать, обновиться на «Глубинке», а разве «Глубинка» — не наспех, не вполсилы? И с тех пор — ничего, ничего, ни одного хоть маленького шага — вперед, ведь надо же сознаться себе в этом, ведь это же — так и есть.

Потому что «Пимокаты», при всей неправильности общей оценки Мишки — все-таки не вышли, и я это чувствовала, но думала, что «не заметят»...

Потому что не было ни одного хорошего — кроме, условно, «Детство», стихотворения.

Короче говоря, ничего не было...

«История комсомола» — в счет не идет. Так нельзя было работать. И правильно, что она не вышла.

Райкомовская работа, от которой Исерлис «в восторге» (бедняга!) и которую хвалил наш Иванов, меня может удовлетворить только по линии мелкого партийного тщеславия. По мне она сделана неважно, хотя имелись все возможности (во мне), а не в условиях, не во времени — сделать ее хорошо.

Итак, за год (больше) — ничего! За год — бесконечная трата нервов, мечты о большой работе, продумывание и передумывание рассказов для «Ночи в “Новом мире”», и сыпалось, и тратилось время, и ничего, и очень мало прочитано...

И написать рассказы я смогу, только взяв себя в руки, только почувствовав к ним новый вкус... А прежний утрачен уже... Да что! Я начинаю терять вкус к ненаписанному «Цеху фантазеров», да и ко всему, ко всему, вплоть до Майки и Ирки, и Кольки...

Ох, плохо, Берггольц, плохо. Плохо.

И Н<иколай> — мрачный. Нехорошо. Особенно в связи с безденежьем и общим трудным тоном жизни... Надо уйти с завода... Все равно — 200 руб. не деньги. Да к тому же ситуация запутывается — отнимают «Мол<одую> “Электросилу”» и сажают на общезаводск<ую>.

Нет, спасибо, еще сначала испробуем все силы на фронте литературы, а потом уже захряснем в партработе.

А «Байга» не понравилась Н<иколаю>. Один Юзька хвалит... Апологетическая инерция!

Колька сказал: «неинтересная, не вызывает никаких эмоций»... Обидно. А мне он нравится. Нравится, и нравится... Ничего, что пошел бракераж... Только в пользу. Зато уж в <19>34 никто не посмеет замалчивать... Очевидно, судьба и фортуна все-таки существуют.

7/IV

...«в нем есть нечто, всегда возбуждающее у меня желание кричать всем и каждому: смотрите, какой удивительный человек живет на земле».

(Горький о Толстом)

Вот и мне хочется крикнуть так о моих героях — Быкове, Соне, Леве, Люсе (жена Быкова) — смотрите, какие удивительные люди живут на земле!..

«Человек всего человечества...» (?)

Молодежь и Сталин.

Талант — это любовь. Кто любит — тот и талантлив.

7/IV-33

Не-пре-кра-ща-ю-щаяся тоска, сосущая исподволь.

Больной Колька, вчера опять припадок. Зря сказала ему об этом, не надо было его расстраивать... Больше не буду говорить, может быть, пройдет скорее, если будет уверенность, что все кончается.

Настроение совершенно похабное — тоска, доходящая до физической тошноты.

Прочитала «Поднятую целину» — очень хорошо. Прочитала «Воскресенье» — и было чувство раздирающей досады и бессильной злости на Толстого за его банкротство в выводах.

Хочу переходить на историю заводов — штатно, не знаю, что получится. Это меня устраивает больше, чем страница, надоела газета до потери сознания.

Работать, работать. Нет никакого желания умножать собой ряды Иволгиных, Евсеевых, Дмитриевских. Сделать большую книгу «с воздухом»...

15/IV-33

Верстаю номер к конференции в 5 наборной.

16/IV-33

Инге чувствует свою неполноценность. Отсюда — завистник.

Он видит физкультурников и начинает ощущать свои руки без бицепсов и мускулов, и завидует им. А ведь и он мог быть таким — только надо иметь силу воли, но ему лень.

Он завидует самостоятельности фантазеров, их спокойствию и ясности. От того, что завидует, усиленно подлипает к ним, иногда приспосаблиется.

Настоящего Инге — «не принимали» комсомольцы, сторонились его. Настоящий Инге — действительно скрыл свое социальное происхождение.

И молодая кондукторша на каждой остановке автоматически дергала веревочку сигнала, и выкликала, как кукушка —

«Расстанная! Расстанная! Расстанная», — пока пожилой бородатый пассажир грубовато и ласково не сказал:

— Забылась, дорогая? Уж мост переехали... А у ей все Расстанная. Молодость!

Соня ехала в трамвае, плакала, не замечая этого, повторяя за кондукторшей:

— Расстанная! Расстанная! Расстанная. — А все, кто был в вагоне, следили за ними, ласково и тепло ухмыляясь. Соне не казалось удивительным, что кондукторша кричит одну и ту же остановку.

Разговор Федина с фабзаучем:

— Что ты, из дикого леса приехал... Когда ты железную бочку разбивал, безобразничал... Тебе пожилой человек стал говорить, а ты ему грубишь... Ты не верти, не верти, он мне все говорил...

— Он же мне за дисциплину тройку ставил...

— А разве за дисциплину тройку ставят, а? Пятерку надо ставить... А тебе двойку надо... А с двойкой тебя держать нечего...

— Да, а чего ж он меня за рукав схватил... даже затрещало...

— Не верти, не верти, у него самого дети старше тебя... Нечего на пожилого человека сваливать...

— Конечно... У инструктора большая ответственность за нас. Только чего он меня схватил, как жандарм раньше.

— Не верти, не верти, ты жандармов не видал, нечего так говорить... Я прошлый раз за тебя заступался, а ты меня не оправдал... На, бери пропуск, а все-таки тебе попадет на пряники, голубчик...

Федин

1879 г. р. Нарва. Семья человек 11 детей. Отец лет с 7 был принесен <?> на фабрику суконной мануфактуры, оставил руку в машине. (Штиглиц.)

Стал работать с 12 лет, на той же фабрике. В сортовой, разбирал шерсть. Конечно, там преимущество было женщинам, но стал прививаться и мужской труд. Хозяин набирал ребят, тащил мальчуган.

«Нас было много ребят, человек 20, Мишка Казаков. Женщины были бедовые, говорить не приходится. У нас была пожилая женщина, учительница Кукушкина. 10 ч<асов> работ. Поработал до 15 лет.

Те, кто был посправнее, пошел на завод. Я тоже стал просить матку отпустить на завод, батька был сердитый и отчасти набожный. Пошел с маткой на завод, там даже карандашом отметили, что нет еще 15 лет. Пришлось поплакать. Как же, другие мальчугашки работают... Стал дома плакать, ушел с фабрики. Наконец, на завод поступил, есть даже карточка, переснял дыры.

Квартиры, каморки были с фабрики, вызвали батьку: «Раз ваш сын не хочет работать, уходит с фабрики, пусть освободит квартиру. Пришлось вот так крадучись жить. Раб<отал> на зав<оде> 4 года (работал на токарном станке, не меньше 10 часов) 3 месяца без копейки, а потом — 15 копеек в день.

Разругался с мастером, хотел молотком ударить его, ну меня и уволили с завода.

Потом приехали в Питер, хотели поступить на Семянниковский завод. Приехали с товарищами, Кюдель Сашка, другой был столяр — Пернер Володька. В одной месте не устроились, пошлялись только, приехали в Нарву. Тут батька трепку дал... Стал просить механика устроить меня на прядильную фабрику. Батька токаря Краснова угостил, тот тоже помог. Там работал я до самого призыва, до 1900 года. Вот, в 1900 году пошел служить, потом попал в японскую кампанию, в 1904 году. Из артиллерийских казарм на Басковом отправили на Дальний Восток.

Вернулся оттуда в 1906 году, был в осадной артиллерии... Война была страшная, но была она безобразная. Привозили туда сахар, который стоил 16 копеек, а мы за него платили по рублю.

После японской войны был приказ, что мастеровые могут там остаться, в Манжурии, остались в старом Харбине, в бараках...

Когда ехали на войну, плохо нас очень кормили. Я грубо обругался — везут, говорю как свиней, сволочи. Ну ко мне хлоп двое со свечами, и в землянку. Хотели отправить обратно, но свои солдаты вступились, стали врать. На Сименс-Шуккерт поступил в 1914 году. В <19>14 была забастовка, ходили в лес, в Румянку, срубили его в тяжелое время на дрова...

Ходили на собрания, ждали все время Бадаева... Был там такой Фролов, бедовый, говорил, «нам надо организоваться, время наступает». Ходили в дом 1, в дом 18. Все вместе.

В <19>14 взяли было в часть, но как токаря-специалиста оставили.

Был членом больничной кассы; в <19>16 году работали в гранатной мастерской (62!) под винтовками.

С <19>14, <19>16 пошли забастовки. Особо выступать мне не пришлось. <В> <19>17 г. в Красную гвардию вступил с первых дней; помню, выступали около обмоточной — довольно, говорят, терпеть голодным.

В феврале 1914 г. вступил в партию. В <19>17 г. был в первом составе завкома.

Я работал в Гранатной у самого входа, мимо меня пробегал человек, говорит, бросая взгляд.

Мы шли в город, в февральские дни. Схватились цепью за руки и двигали народ от Московских ворот на Дворцовую площадь. Пришли на площадь числа 24–25 февраля, точно не помню... А на следующий день опять пошли в город. Пошли через Садовую, через Невский, к тюрьме. Нигде было не пройти, везде конница. (Мы шли с лозунгом, долой голод, долой самодержавие...) Один раз испугались автомобиля, бросились в дом, а с автомобиля кричат — товарищи, да что вы, свои. Рвались на Литейный, там громили окружной, шла стрельба.

Шли обратно, за Моск<овскую> заставу, там уже тоже шла стрельба. Откуда — черт ее знает, не понять. Тут — кто куда. Вдруг откуда-то кричат — конница едет, это я припоминаю. И верно, слышу топот. Которые шли из города, старались к заводам придти, а тут шла стрельба. Мы давай коннице кричать — «Товарищи солдаты, нас рабочих бьют». Я снял кепку, кричу, машу ей. Передний меня что-то спросил, я кричу — «Товарищи солдаты, наших бьют». Они и повернули назад... Идем дальше, а из окон полицейские бьют. Идет солдат с винтовкой, я к нему — «Тов<арищ> солдат, дай винтовку». А он говорит, «зачем, я сам». И бах с колена в окно. Зашли мы в чайную, жрать хотелось. Вдруг шум, крик — околоточного с крыши вытащили, где он стрелял, и втоптали в снег..

Потом стали организовываться, привезли целый автомобиль винтовок. Это прямо как воскресенье было, когда оружие привезли... Орг<анизовали> Кр<асную> гвардию. (Столовая.) Мне дали отряд, молодежь одна попалась, стал я их учить стрелять. В столовую приносили вести об убитых, и тут же вспыхивали митинги, пели — «Вы жертвою пали», а потом уже хоронили. Отряды несли охрану возле складов от мародеров. В это же время был членом завкома. Тогда партий было много: один выйдет — Мишка говорит, другой, другой Ванька говорит, и все как бы заодно... Много спорили, говорили,

кто же прав, в чем дело? Были тут старые большевики, с ними пришлось толковать часто, ну и дотолковались...

Ребята стали говорить, что ж, Федин, ты такой парень, а не в партии? Особенно Вольфринг со мной толковал. Ну что ж, в чем же дело? Рассказал, как что... Они меня приняли.

В начале 1919 года стал председателем Завкома. Здесь было очень много меньшевиков. На собраниях все еще за войну говорили.

Был мобилизован на фронт, на Полоцкий. Вернулся в <19>21 году. На фронте был красноармейцем, а потом компродом. Вернулся, три дня пробыл дома, а потом пришел на завод, сразу попал на собрание, перевыборное, стали сразу в завком выбирать. Я говорю — неверно, вы меня не знаете, дайте мне на производстве поработать. Стал работать, пошел в райсовет <?>, дали мне хлебушка, селедок, покурить. Все-таки мне долго работать на станке не дали, выдвинули в завком. До <19>22 года. Потом назначили организовывать фабзауч.

Начали организовывать, собирать тиски, станочки, помог мастер Александров. Станочки брали из бывшей гранатной, из столовой, где был хлам.

И с клубом пришлось возиться, стали клуб собирать. Нашли художника — декорации писать — лес там, избу. Стали своими силами ставить концертики маленькие, постановки. Около клуба все больше молодежь группировалась... У меня всегда шляпу брали — играть. Пробовали всякие люди ходить, безобразничать — разорять, но мы их поуспокоили... (Заведущий мастерскими)

Сегодня:

— Соберешь группу, потолкуешь, почему они так живут, не помогают друг другу, а если слабый какой парень, плохо дома живет — скажешь, надо ему помочь...

Пилицын

Прошел Перекоп, тихий парень.

Кран испортился, все было открыто, кран выбыл из строя чуть не на всю ночь.

Бригадир средних генераторов. Иногда любит упираться. Организовалась на сборке в <19>27 году, во враждеб<ном?> окружении ударная бригада «Колхоз». Федя как только узнал, встал и чуть не заплакал. Был чернорабочий, лазил на кран. Крановщиком стал

самодеятельно. Посещал школу. Слезал с крана, учился на тисках, стал слесарь.

Крюков

Везде попевал, клин застрял — забили его, надо было вытащить, он не дошел. Кран пробовали — тросак лопнул, неудачи с пресовкой. Саша залез внутри ротор<а> и сидел там три дня, запрессовывая его.

Клинья полюсов — надо было снять полюс. Надо было вытащить клинья и снять полюс. Под клином полюса остался кусочек оправки.

Крюкова держали на тяжелые случаи. Надо было лежать сутки на спине высверлить оправку, сверху сыпались опилки, масло. Главное, никогда не унывает... Парень большой производственной культуры.

Чапельников — его называют комсомольцем, — расторопный, боевой, живой и алкоголик — был первый председатель антиалкогольного общества.

На демонстрациях всегда говорит — ну, вы тут все старики, пойду к комсомольцам... А ну, комсомольцы, пойте, пойте!

Куликов. Инженер¹

«Поменьше политической трескотни, побольше внимания самым простым, но живым, из жизни взятым, жизнью проверенным фактам коммунистического строительства — этот лозунг надо неустанно повторять всем нам, нашим писателям, агитаторам, пропагандистам, организаторам и т. д.»

(Ленин, «Великий почин»)

«Диктатура пролетариата — ...не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда, по сравнению в капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной, полной победы коммунизма».

(Ленин — там же)

¹ Строка взята в рамку.

«Коммунизм есть высшая против капиталистической производительности труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих».

(Там же)

Обязательно ввести в роман первомайские праздники и парад! Гулянье на пл<ощади> Урицкого.

Сонино лицо все в огнях ракет, ее неодолимый смех, и музыка, и она всем подпевает, подхватывает брошенные ей слова, шумит, прыгает, плещет в ладоши...

Быков старался всю жизнь уйти от любви, и не было человека, столь способного к любви, как он. А любовь шла с ним неотвязно.

Быков выработал себе некие схемы, которые все время, все время разбиваются. (Немного Колька.)

М<ожет> б<ыть>, у Быкова был отец, которому он с детства старался следовать в поведении...

И вот, когда все схемы и условности разбились, он почувствовал себя по-настоящему новым человеком, счастливым и гордым.

Вопросы: ввести ли в цех Федина? Или Чапельникова?

Андронников, который все время описывает свою жизнь, и Федин — тоже. Они читают друг другу то, что написали.

Какого-то «старика» надо... А может быть, это форма, и достаточно одного Вл<адислава> Невинского?..

Юра Либединский вчера хорошо сказал, что вот пишут романы, а проблема над людьми, как свод. Верно. Надо сделать так, чтоб каждый человек был проблемой. Я еще не знаю, какая проблема будет в романе. Покажут люди, работа.

Юра Герман так же хорошо сказал, что нельзя написать роман об «овладении техникой», об «укреплении кооперации»...

Можно ввести такую форму.

Например — забежав вперед, рисуется бегло первомайский праздник — где Соня и пр. — это в главке о Быкове.

Но потом рассказ перебивается, и действие начинается сначала. А потом, в главке о Соне — повторяется то же, только подробнее, и с точки зрения Сони... Нетрудно заметить, что это вроде как бы Дос-Пассос, но не так все-таки.

А пользоваться нужно всем, что видишь, и знаешь, и читаешь.

Говорили с Юрой Германом о «правдах». У Войнилкова, у Инге должна быть своя убедительная и настоящая правда.

16/IV-33

Прекрасные разговоры с Маркушей Колосовым — творческие. Исключительно хороший вечер; после него — огромное желание работать, писать, творчески соревноваться. Марк говорил, чтоб держала связь с журналом на предмет выдвижения моего, печатания и т. д. Это хорошо, конечно, ухвачусь.

Принял 2 стиха и «Байгу», указал, как надо переделать. Конечно, переделаю, и будет совсем хорошо! Писать ли рассказ «Самолет» — после фильма «Одна»?.. Поговорю с Колей. Что-то долго его нет. Устала адски. Не могу развязаться с райкомом, мой очерк стяжал мне такие лавры, что валят сейчас и «живых людей», и все прочее...

С воем взялась за «живых людей», с тяжелым воем, потому что Исерлис не дает работать так, как хочу, но стала говорить с ними — т. е. «живыми людьми» и увлеклась. Очень содержательная беседа с Фединым, Луккой и Бабновым — их следовало бы записать, да не в состоянии... Такие освежающие, «присковые» беседы.

Какой у нас народ хороший все-таки. Как любят друг друга и гордятся; конечно, я знаю и слышала много, как не любят, как отзываются плохо... Вот, Быков, интересно, он почти ни о ком не говорит хорошо... А Лукка на ходу беседы стал гордиться уж и мной: «Такой-то?.. Она знает его...» «Ах, это ты про Куликова! Ну она его знает». Он уже решил, что я их знаю, и говорил это Бабнову с горделивой интонацией... А я как раз и не знала этих ребят...

Ну, только бы сдать к 1 мая.

а) «Пимокатов»... (ох, горе мое!)

б) Сказку в «Чиж»

г) Рукопись «Байги» послать в Москву...

А там — свободна... Писать «Ночь в “Новом мире”». Трамплин — выход в свет.

Приезжал Авербах. Кажется мне или нет, что очень легко вернуть его? Говорит — любит... Нежен, внимателен, вид влюбленного минутами...

Но — за что любить меня Марките?

Не надо.

Статья его мне не понравилась...
 А может, мальчика... Нет, еще увидим.
 Что ж Колька так долго?

<Далее отрывочные записи в конце дневниковой тетради.>

Выявл<ение> самодеятельных сил

Вместо 8–15 в 7 смен, 47 от<деление> кр<асный> уголок в 4 часа> 45 мин<ут> политкружок¹.

151 <отделение> — собрал<и> всех играющих, заинтересовали всех взрослых — струн<ный> оркестр — из 20 человек>, руковод<итель> — Старницкий, свои инструм<енты>.

44 от<деление> — орг<анизовали> 2 орк<естра> в 8 чел<овек>, все комсомольцы;

74² <отделение>— 8 чел<овек> оркестр, собирают деньги 58 руб. Два раза выступали в кр<асном> уголке, в обед.

108 <отделение>— орг<анизация> струн<ного> оркестра, выступали на вечере самодеят<ельности> 5/XII, часто соб<ираются> в кр<асном> уг<ол>ке. Пела Кожарская, около 100 человек.

Вообще провели вечера самодеятельности 37, 108, 124, 123 <отделения>, II тех<ническое> зд<ание>, 203 <отделение>, <2 сл. нрзб>.

Агитбригад — нет. Союз<ная> бригада самодеят<ельности> с 37 <отделением> во II тех<ническом> здании. Массовики слабо организуют бригады.

По 114 от<делению> в трам завербовано 14 чел<овек>.

В цеху не ведется систематич<еской> работы, напр<имер> громких читок. (В 125 <отделении> читают систематич<ески>.)

Учет только что начался.

В 37 от<делении> после вечера самодеят<ельности> 7 чел<овек> подало в комсомол.

В работе получилась разбросанность.

Кружки

Укомплектован заново трам, нов<ый> руков<одитель> Липков.

Хор — струн<ный>?, недостаток инструментов>.

¹ Со слова «Вместо» и до слова «политкружок» пометы рукой О. Ф. Берггольц по верхнему полю в центре.

² Числа «44» и «74» объединены лигатурой по левому полю.

Секретари ячеек не рук<оводят> массовиками,

1) отс<утствие> делов<ой> квалификации

2) Конкретн<ые> планы на основе памятки состав<или> только 2-3 яч<ейки> (108, 54 <отделения>, II т<ехническое> з<дание>).

Освобожд<енный> актив слабо участ<вует>.

Ирина

1. Майка ручками гуляет, эропланов хочет поймать.

2. Мама, мама, что я нашла под умывальником: моя старая вешалка, кофейник, чашка. Ах, как там интересно, я хочу под умывальником жить...

3. Мама, посмотри, какую я старость нашла: старые гвоздики, старые перья.

(Так слово старость изобретено ею самостоятельно. Оно сказано первый раз в жизни.)

4. Смотрим, а там идет первое мая. (О демонстрации.)

5. Саша: А у меня есть дядя Коля.

Ира: А у меня — просто Коля...

Ира: Вот ракушка — на сапог похожа!..

Саша — Не ври, не ври — на туфлю.

6. Ира: Мураша, это у тебя что за резинки: русские или финские?

Мурашка: Никакие.

Ира: Нет, ты скажи: русские, финские, или, может, эстонские?

Мур<аша>. Никакие!

Ира: Ну, я позвоню Котенку, скажу, чтоб он пришел тебя взял.

Мур<аша>: А у вас телефона нет.

Ир<а>. Нет, есть, только ты не видишь... (Делает вид, что говорит по телефону) Але!.. Котенок? Это Ира говорит... Котенок, приди возьми Мурашу, она не хочет говорить, какие у нее резинки: русские, финские или эстонские.

Ник<олай>: Вот это буква «я», «я», понимаешь? Ну, какая это буква.

Ира: Это буква «ты».

Первобытные люди.

Какая Майка животное: она на животе лежит.

28/X

В папиросной будке сидит старик, ноздреватый, сизый. У будки — неопределенная личность. Старик говорит шипящим злым голосом, с оттенком горделивости и удивленья: «Ну, это они оспаривать не могут — ну, голодовка, верно, что голодовка... А смотри зато сколько Они настроили... Дом Романовых столько за триста лет не настроил, сколько они за пять лет... Одних дорог сколько они настроили... А вот еще какая какой они отгрохали... То-то...»

В трамвай ввалился пьяный. Такой, которых называют пьянчужками. Итак, в трамвай ввалился пьянчужка: «А... Вот где оскорбленному есть чувству уголок...» Сели прямоугольные сеньовцы. В финках, в облупленных кожанках. Пьянчужка дребезжит:

— Эге, запахло Охотными рядами.

Торговец: а вот и ошибаетесь: пахнуло морской глубиной.

Дают кондуктору деньги — тогда еще у кондуктора были разноцветные билетки, и сказали:

— До конца. До самого моря.

Ирина

— Мама, полицейских убивали?

— Убивали.

— А куда их мясо девали?..

— Мама, почему я не родилась, когда был [бог] царь и поп?

— А зачем ты захотела родить Майку?

— Мама, а как я делалась?

Поэт: «Мы буржуев не боимся...» А можно и про офицера: «Мы офицера не боимся...» А можно и про генерала... А можно и кулака... И можно и попа...

Броня из 37 отделения. Обещанные книжки.

Селекционная станция — деланки и посевы для размножения.

Для «Зерен» прочесть¹: «Молодая гвардия» № 11 за 1931 год.

Человек и природа.

¹ Выделено лигатурой по правому полю.

31/X

Переписала сегодня свои стихи — плохо, плохо. Придется их оставить надолго, чтоб вызрело новое. Дело не в рифмах — в манере и философии.

— *Что ж тебе, плохо?*

— *Да, при царе я бы давно в тюрьме сидела.*

1. Гектар обороны
2. Диктатура
3. Биография слова
4. Действо
5. Запевало
6. Рука Москвы
7. Солдатки

«Ночь в “Новом мире”»

«Силос»

	Предполагаемый размер	Задумано в	Дата окончания рассказа
а) Ночь в «Новом мире»		июнь 1931	II вариант — февраль 1933 г. рассказ — июнь — август 1934
1) [Силос]	[1,5 л.]	[июль 1931]	
2) Зерна	1,5 л.	июль 1931	
3) Отец яблок	0,5 л.	август 1931	март 1934
4) Цирк фактический? 4,5 листа	2 л.	Октябрь 1931	июнь 1933 — март 1934
5) Бай	0,5 л.	ноябрь 1932 г.	<u>март/5/33 года</u> апрель 1934

	Предполагаемый размер	Задумано в	Дата окончания рассказа
6) Верблю<д>	1 л.	июнь 1932 г.	
7) Томчак и Федин	1 л.	Август 1932 г.	
8) Переход через Мамиссон	0,5 л.	июль 1930	

<Итого:> 8 листов

Прочитанные книги по этим рассказ<ам>.

- 1) Кондратьевщина в борьбе за кадры.
- 2) Селекция кукурузы.
- 3) Научные достижения в колхозы и совхозы.
- 4) Курс садоводства.

Включить сюда же «Ночь в “Новом мире”», переделанную в рассказ, очищ<енный> от эстетства. Ею открыть книгу.

Может б<ыть>, и книжку назвать — «Ночь в “Нов<ом> мире”».

От Москов<ских> ворот до Обводного выключили свет. Ток. Трамваи остановились. Граждане везли на себе трамвай до того места, где идет ток. Везли дружно, с прибаутками, со смехом. А по панели устроили собачью демонстрацию — бежали какие-то грузчики (ломовики) и кричали: «По-советски работаешь, по-советски руководишь!..»

«Ура, да здравствует советская власть!» — крикнул чисто приодетый, в пенсне...

А граждане довели трамвай до места, где уже может он идти током, влезли в трамвай, уселись и поехали, дружные, веселые.

«Кондуктор, а с тебя приходится, ведь мы тебя бесплатно везли».

Извинялись друг перед другом...

Трамвай бежал бойко, ходко...

Машина — что? Человек не машину любит, он самого себя в этой машине любит, ум свой, догадку, свою быстроту и проворность, свою точность. Ведь последняя деталь сделана руками человека. Беречь машину — беречь и уважать себя, человека. Машина — дура.

Человеческая живая, неуловимая речь. В трамвае две хохотушки:

- Подругу, подругу мою — тихонько!
- А что твоя подруга? Не расколется.
- Концерт Пирогова. Фамилия-то какая вкусная!

Какая-то женщина крикнула тому, что ее толкал.

— Ну, ты! Осторожней! Пихается, как зверь морской... *Так говорит мама-крестная. Апрель>1934*

— Ах, у меня от этого прямо луна на сердце.

Съездить на опытную станцию в Детском селе. *Была, декабрь 1933 г 30/VIII-1934.*

Эпиграфы к «Ночи в "Новом мире"»

Я не запомнил, на каком ночлеге
 Пробрал меня грядущей жизни зуд.
 Качнулся мир.
 Звезда споткнулась в беге
 И заплескалась в голубом тазу.

Багрицкий

«Зерна»

Реутов — поклонник Еклезиаста.

«Суета — сует» — чистая наука, чистое познание, стоящее над «суетой и томлением духа», любовь к скрупулезности, к анализу...

Не вышел бы он только чрезвычайно примитивным...

Боюсь, что у меня не хватит ума для написания книги.

Марья Иванна — спасала зерна во время нападения бандитов на семенную станцию в гражданск<ую> войну, хранила их, берегла их всхожесть, высевала и ухаживала сама за ними, голодая, дрожала и боялась, чтоб их не съели.

Природа гораздо более враждебна человеку, чем дружественна ему. (?) Горький. Селекция людей, настаивание на этих чертах характера, на новых. Марья Иванна настаивает на определен<ных> стонах в Ане.

Генотип — наследств<енная> конституция организма.

Фенотип — производное от взаимодейств<ия> наследств<енной> конституции и среды.

Наши гербарии полны фенотипов. Все внимание селекционеров должно быть фиксировано на отыскании соотв<етствующих> генотипов.

«Самое большое, что имеет место в некоторых случаях прямого воздействия среды на ближайшее поколение — это т. н. “последствия”, но не изменения наследств<енной> структуры».

Сочетание гамет (2 исходн<ые> половые клетки) у особей, полученных путем гибридизации, подчинено законам вероятностей.

Доминирующие и рецессивные (подавленные) признаки. Упор на рецессивные признаки может дать новый вид, нов<ые> свойства.

Группировка и перегруппировка генов.

Летальные гены — опред<еление> нежизнен<ных> особей.

Мутация (возможность получения новых форм искусств<енным> путем, путем воздействия на зародившуюся плазму).

Вид. Гибридиз<ация>. Биометрия¹.

«Творение новых форм» — для Реутова самоцель.

Опытно-зональные станции должны им<еть> изобр<етательские> бюро и вести массов<ую> работу.

Реутов — Гегель, речь, том 1.

Логика — последняя страница о юношестве... (не находится в плену предвзятых целей).

Из цикла «Семья»

Не досыпали.

В семь часов — кормление.

Ребенок розовый и мокрый просыпался,

И шло ночное фыркание, кряхтение,

И кислой плотью пахли одеяльца.

Теплым жиром... кисловато...

Топорщилась и тлела на постели

Беззубая улыбка... [— и соска...] А пока

Стоял декабрь,

Светало еле-еле,

Недолго оставалось до гудка.

¹ Пометы рукой О. Ф. Берггольц по правому полю.

Рассвет, рыжее утреннего чая
 Антенн худую рощу озарял.
 Мы расставались, даже не прощаясь,
 Шли на работу — проще говоря.
 А вечером, как поезд, мчался чайник,
 На всех парах кипел среди зимы.
 Друг заходил, желанный и случайный,
 Его тащили маленького мыть...
 Друг, — весельчак, испытанный работник,
 В душе закоренелый холостяк
 Завидовал пеленкам и заботам,
 Был умилен нехитрою заботой
 И уверял — что это не пустяк.
 Потом маршруты вместе составляли,
 (Уже весна прорезывалась с силой!)
 И весело окачивали дали,
 Крик поезда сквозь город доносило...
 И все, чем жил любимый не на шутку
 Большой Союз.
 И все, что на земле
 Свершалось на протяжении суток —
 Переживалось наново в семье...
 Так дочь росла,
 И так версталась повесть,
 Копилась песенка про дальние края,
 И так жила, сработана на совесть
 В ту зиму — комсомольская семья.

- 1) Сценарий из жизни милиционеров (сов<етский> детектив)
- 2) Рассказ, повесть — «Лесовики», о заводе станд<артного> до-
мостроения, история неск<ольких> домов (Т-2 и т. д.)

К рассказу «Верблюды».

Кончить так — «Товарищи, да здравствует наша великая со-
знательность и вождь ее или (пролетарской сознательности) Сталин!»

План творческой работы на II пятилетку.

I) «Ночь в “Новом мире”»

Сборник комсом<ольских> рассказов, о новой интеллигенции, об овладении стих<ийными> силами природы. Срок выполнения — 1933 год, первая половина.

I) «Цех фантазеров»

Вторая половина 1933 года.

II) «Слава»

Пьеса о колхозн<ом> движении, об овладении стихийными силами природы, о царстве свободы.

Срок — 1933 год, на конкурс, или первая половина 1934 года.

III) «Городской архипелаг»

Сборничек очерков о Ленинграде и его пригородах: 1) «Город над нами». 2) «Что будет весной» 3) «Завод городов». 4) «Люди городского цеха», 5) «Моя милиция». 6) «Колыбель урожаев» и т. д.

Между делом в 1933 году.

5) «Застава»

Роман о прошлом Невской заставы, история н<евских?> семей, история формирования мелкой буржуазии, история распада мелкобуржуазной семьи в наше время. 1934–35 год.

6) «Большая Ангара»

Роман о будущем строительстве электростанции в Сибири. 1934–35 г.

7) Сборник стихов — в 1934 году.

8) Сценарий о милиции. (Если пойдет.)

9) «Соль земли». Роман о студенчестве

12/V

Завтра записать разговор Борьки Бакушева и Быкова о займе.

Соня:

— Ну, такой шикарный митинг был!.

— Жуткая драма — Королев подписался на 100 рублей.

Употребляет в неподходящих случаях слова — «шикарный» и «жуткая драма»... Ну, до чего я люблю свою Соню! Хотела бы сама быть такой — вложить свое желание такой быть.

«Золотая»... — красавица. Проблема красоты. Бывш<ая> проститутка.

Броня — деловая, спокойная, упорная.

Бакушев — рыжий, толстые приятные черты лица, молодой бас.

— Ну, вот, Быков, не дотянули 195. Надо подкинуть... Уж подкинь, сколько можешь.

Быков — Это обязательно? В порядке партдисциплины.

Бакушев. Не-е, это уж в порядке сознательности... (улыбается хорошо).

Быков (холодно, чуждо). Сколько же мне подкинуть. 195? Что ли?

Бак<ушев> (настораживаясь). Зачем? Разве я прошу 195? Сколько можешь...

Быков (холодно кипя). Сколько можешь? Интересное дело... Я свое задание выполнил: партия дает задание — подписаться на пять недель... [Бол] Выполняю я партийное задание или нет? Выполняю. Больше ничего я «подкидывать» не имею права, это уж нарушение партийных постановлений, — понятно...

Бакушев (очень спокойно). Постой... какое же нарушение... я прихожу и говорю тебе — недовыполнили 195 рублей, надо вывозить цех, прибавь сколько можешь...

Быков — Дорогие товарищи, так не действуют! Вот у тебя не хватило, ты берешь сумму... Раскладываешь ее на активистов... Собираешь нас и говоришь: каждый из вас должен дать по 25 рублей...

Бак<ушев> (насмешливо) — Так зачем же тебя обязательно заставлять, Коля? Значит, есть партийное решение — ты сможешь, а нет — отказываешься...

Быков. В данном случае я подчинился бы партийной дисциплине, и все тут. Могу, не могу — должен. Скажут, Быков, ты в порядке партдисциплины должен взять на себя 195 рублей — я возьму... Это вопрос принципиальный.

Бак<ушев>. А по сознательности — как партиец, — не можешь, да?

Бык<ов>. Дорогие товарищи, не надо изображать рабочих, как сверхперевер<х>ударников! Нет у нас свер<х>переверхударников, нет... Нет партийного решения подписываться на 2 месяца, и я его выполняю... И это не значит, что тут несознательность, срыв, непартийность, как вы постараетесь, конечно, изобразить.

Бакушев (спокойно, махнув рукой, с состраданием). Ну, вот, ну — пойдут сейчас оскорбления и все такое...

Быков — У нас нет сверхпереверхударников!

Бакушев — Ну, зачем столько слов, Коля... Зря. Зря... И ты начинаешь меня оскорблять, а посмотри, кто себя вел выдержанней сейчас, ты или я?..

Этот Быков выпадает из моего образа — хотя — догматик. Вилял, пытался отойти за форму. Брр...

Зато какой выступил Борька Бакушев — спокойный, уверенный, тонко-понимающий. Золотисто-рыжий, ходит в матросской форме, плотный, добродушная физия... Хороший, хороший...

С цехом сперва — парятся. Быков самолюбничает, хочет все один. На помощь идет партком...

5/VI-33

Какие-то были важные мысли, и за горями ускользнули.

М<жду> п<рочим>, думала, что легче и художественно вернее получится, если изображать в каждом самое себя, развивая свои отдельные качества лирически дальше. Олеша прав в том смысле, что каждое изображаемое чувство надо выращивать в себе.

А классовую враждебность?

Но ведь и она складывается из определенных чувств — ответственности, ячества, индивидуализма и т. д.

Инге будет продолжать мою мелкобуржуазность, беспринципность, мои сомнения. В нем я разделаюсь со всеми этими делами, — в себе. Книга будет иметь еще и то значение для меня, что я должна на ней выковаться, как тип нового человека.

1. Милованов

2. 62 отд<еление>

3. 47-45 отд<еления>

Конкурс

Техпромфинплан

Невинский не может остановиться

У нас еще с три короба разлуки,

Ночных перронов,

Дальних поездов.

Но как друзья,
Берут нас на поруки
Республика, работа и любовь.

У нас еще — не перемерять — горя...
И все-таки — не пропадет любой:
Ручаются, с тоской и горем споря,
Республика, работа и любовь.

Прекрасна жизнь,
И мир ничуть не страшен,
И если надо только — вновь и вновь
Мы отдаем всю молодость — за нашу
Республику, работу и любовь...

17/III План подг<отовки> к конф<еренции>
Мулло 37 отд<еление> дал встречный по 23 нормам.
Гусева 124 отд<еление> подняла производ<ительность> труда
на 17% после пересмотра норм.
Фролова 124 <отделение> — перевыполняет новую норму, при
задании 3 статора в день делает 4.
<Далее стихи без дат, более поздняя приписка.>

Побудка

*[Как зуб молочный белая фанфара
Зори проре[зывает]жет мягкую десну.
А лес ворчит,
Закутав уши паром,
Что не дают проспать и всхрапнуть.
Лес разминается]
И лес ворчит почесываясь потягиваясь грубо.
Спросонок хнычет каждая сосна
Но все упрямей лагерные трубы
Все невозможней в мире тишина.*

*[Там пионер, прижав к фанфаре]
И октябренок, вытянувший губы,*

На цыпочки привставший сгоряча,
 Трубит подъем.
 (Едва сменились зубы
 У рыжего, босого трубача.)
 [Тут] И сигналист, подтянутый, плечистый,
 Трубит подъем.
 И [радостный] молодой встает.
 Под зоревую песню сигналиста
 Мой призванный — одинацатый год..
 Как будто [вся] бы земля [поет] [трубит] гудит! Как будто
 В любое утро [праздновать должна] празднует она
 Свою красноармейскую побудку.
 [Очаг и лагерь — ранняя страна] вся моя
 Как будто лагерь — целая страна.
 Вся моя
 [Подъем свершил]
 И вот она встает..
 (Сменились зубы
 У октябрят.
 Бойцы смуглей сосны)
 К ногам горнисты опускают трубы.
 К труду и бою приступить должны.

Роса и сон
 Брезент палаток волгнет.
 2. Роса и сон. Рассвет ползет по дну.
 1. Рассвет крадется по речному дну.
 И вдруг фанфары петушиный возглас
 С налету оглушает тишину!..
 [С налету — резкий, радостный, высокий,
 Крушит росу]
 Фанфары, к небу вскинутой высоко,
 Повитой в блики, в солнечный огонь!
 Разбуженная чешется осока,
 Стреноженный, неловко скачет конь,
 прядет ушами.

[Путешествие, Путевка.
 Изучение пути.
 И на каждой остановке
 Так и хочется сойти.
 Так и кажется — тут лучше,
 Веселее люди здесь,
 Зеленее каждый лучик,
 Больше дела, чем везде.
 Ночь. Висит в окне вагона
 Безбилетница звезда.
 Безымянные перроны
 Пробегают поезда.
 Поезда меридианы
 Перешли наискосок
 Бьются ложечки в стаканах,
 Точно кровь стучит в висок.
 И бормочут враз колеса,
 И поют в любом купе,
 [И несет] И у самого откоса
 Золотая кружит степь.
 В полдень — еду, в полночь еду,
 Одиношенька-одна,
 Только дым летит по следу,
 Только легкая весна.
 Если просят — запеваю,
 Не попросят — помолчу..
 Ничего не вспоминаю
 И открыток не строчу..]

Путь

Путешествие. Путевка.
 Изучение пути...
 И — на каждой остановке
 Так и хочется сойти.
 В полночь еду, в полдень еду,
 Одиношенька-одна.
 Только дым летит по следу,
 Только легкая весна.

*[(И в пути приятно думать,
Что во все концы, звездой
Так же едут, с дымом, с шумом
Сотни дальних поездов.)?]
И висит в окне вагона
Безбилетница звезда,
Безымянные перроны
[Пер Миновали] Пробегают поезда
Поезда меридианы
Перешли наискосок.
Бьются ложечки в стаканы,
Точно кровь стучит в висок.
И бормочут вслух колеса,
И поют в любом купе,
И от самого откоса
Золотая кружит степь.
Если просят — запеваю,
Не попросят — помолчу.
Никого не вспоминаю
И открыток не строчу..
Не гуди ты, сердце злое,
Ты свободно, ты одно!
Перестукнется с тобою
Встречный поезд за окном...
Только поезд, — мы не встретим
Ни зазнобы, ни тоски,
Только марево, да ветер,
[1. Да горючие пески...]
Зеленые огоньки...*

[2. Зеленые огоньки]

Жена

*Я опять тебя покидаю —
Не знаю сама — на кого.
Еду по дальнему краю
На зов ремесла моего.*

Портфель, папиросы, карта,
Блокнота сухие листки
Уже отбирают плацкарты
Угрюмые проводники.

[Я тихо лежу] Качаюсь на верхней полке,
И долго не спится мне.
Я думаю: — «мало толку
В такой, как я, жене...»

[События, сводки, лица,—
Газета ждет материал.
Ты бродишь один в столице,
Как будто что потерял...]

В какую-нибудь отлучку
Случиться большому злу.
Другую возьмешь под ручку,
Другую по ремеслу...

Она никуда не [уедет] поедет,
[Сча Но] А я мечтаю давно,
Чтоб вместе [ходи] с тобой обедать
И вместе ходить в кино!

Меняются панорамы
В моем вагонном окне.
И шлю сперва телеграммы,
Чтобы не забыл обо мне...

Но с ног валит и качает
Работа на посевной.
[И] Я [уж] даже не отвечаю
[Тебе строкой — ни одной.]
Даже строкой одной..
Обратный путь, и ветер,
Обратный пейзаж в окне.

*Я думаю — «он не встретит,
Что толку в такой жене?»*

*Но поезд еще не замер,
А ты ужеходишь в вагон.
Ты скажешь только глазами,
Как горд ты мной и влюблен...*

*И празднуем мы победу
И встречи и посевной,
Мы вместе [идем] садимся обедать
И вместе идем в кино!*

Завязь (название книги)

*Пройдет весна, в садах окрепнет завязь,
О землю брякнут круглые плоды.
Врагам на удивленье и на зависть
Мы растим¹ плодovитые сады.*

*Мы нянчим каждое зерно. Упорно
Выхаживаем каждый черенок.
Мы приучаем листья, травы, зерна*

Бороться вместе обороняться с нами заодно.

Майя

*Как маленькие дети умирают..
Чистейшие [огромные] веселые глаза
Им влажной ваткой тотчас [за] прикрывают*

...

*Четыре дня — бессонница и жалость,
Четыре дня республика сражалась
За девочку в удушье и жару,
Вливала кровь свою и камфору.*

---

¹ Так в рукописи.

Я с кладбища зеленого иду,
 Оглядываясь часто и упорно
 На маленькую красную звезду
 Над грядкою сырого дерна...
 Но я — живу. [Мне надо] Я так должна работать,
 [И надо жить, учиться и работать,]
 Чтобы [страна] республика сумела одолеть
 Как равная, сведя с природой счеты,
 Болезнь и смерть и старость горе на земле.

Республика — или страна?

6/VIII-33 г.

У меня очень тяжелое состояние: неврастения, тоска, растерянность. Доченьки не дает покою. Николай мрачный, нетерпеливый, какой-то отчужденный. Если б я могла ему все сказать. Не стоит — уж лучше буду одна.

На заводе — паршиво. Связана по рукам и ногам отсутствием Войтоловской.

Завтра чистят. Как пройдет — по-моему, в сочувствующие не переведут...

Очень угнетенное состояние.

Разговор со Стеничем вчера. Сегодня о нем (разговоре) думаю. В общем надо бы наплевать на Стенича, я не глупей его. Но у меня мало апломба.

Но он говорил много интересного...

25/VIII-33

Итак, надо начинать новую жизнь. Надо очнуться — все кончилось, все должно отходить.

Маечка, девочка моя, радость моя — прощай, не мучь меня больше, сделаю все, чтоб ты снова жила...

Надо с ровным энтузиазмом сделать хорошую историю завода. Книгу рассказов, хотя Коля настроен против. Ну... И пока все. Стихи уже пишутся туго — книга исчерпывает сама себя. Сделать бы еще строк 200 — и все.

Потом будет другое.

Какая отвратительная погода. Очень угнетает.

Такая форма дневника — тоже на прощанье. Дневник будет беспощадным самоконтролем. Если вообще будет.

Август 1933 год¹.

Чем больше живешь, тем, вероятно, меньше счастья. Как я была счастлива прошлый год, вот в это время. Год, год! Такой же линолеум был чистый, и я сидела с большим животом за столом, смотрела на полки, на выкрашенные стены, и в окно так же грохотало и тянуло уже осенним, легким, грустным морским холодом. Я ждала возвращения Кольки из армии, ждала Майку — да ведь я была счастливая тогда! Господи, какая тянущая, остренькая тоска, как жалко себя, как доченьку жалко, где это все?

Осень, осень. Остренький холодок в окно, холодноватосто² во всем, я и Колька — какие-то одинокие... А квартира пахнет так же, как прошлый год...

9/IX-33.

Рабочий мой день совершенно не уплотнен. 99% времени пропадает зря. Ну, уж завтра... Нет, без иронии.

Впрочем — продумана электросиловская книга, первая часть, значит, исходя из моих особенностей, сделана основная часть работы. Конечно, еще будет продумывание, но фундамент заложен.

С Колькой очень хороши, люблю до болезненности.

Все остальное — для ради психологии.

Книга стихов сдана, завтра досдам еще два новых. Не знаю, а она мне мила. Как отнесутся к ней — интересно.

Буду читать Ленина.

---

¹ Запись выполнена рукой О. Ф. Берггольц на отдельном листе.

² Так в рукописи.

19/IX-33

Шаткость. Сердце щиплет. Была благая мысль — писать дневник истории завода. Надо это и сделать. Только бы составить первую главу. Надо обязательно к концу месяца.

21/IX

В литературе ко мне относятся, конечно, несерьезно. За исключением, разве, «Молодой гвардии». Я стою на глубоком отшибе от плеяды признанных — Корнилов, Прокофьев, Гитович и др. Имя мое упоминается, только когда говорят о детской литературе. Обо мне ходят анекдоты как о приспособленке. Высмеивают мой «энтузиазм», «увлечение заводом». Сегодня Б. Корнилов сказал: «Что я слышал, будто бы у тебя было где-то напечатано стихотворение

Лаской вымолила у Вани я,
Чтоб вступил он в соревнование?»

Пускай. Торопиться нельзя, нельзя выказывать желание «признания» — ни словом, ни делом. Я иду честным и очень трудным путем. Я буду заниматься историей завода, буду отдавать ей свою лучшую энергию, то мизерное пока еще мастерство, которое у меня есть, буду работать над «проблемными» рассказами, над «женскими стилями», над детскими книгами. Меня вывезет жизнь, мое не литературное участие в ней, моя принадлежность к партии. Я не сомневаюсь в том, что я талантлива. У меня нет культуры, нет жизненной закалки, нет глубины ума. Все это будет. Я сделаю книги, нужные и любимые теми, кто будет их читать...

23/IX

Была вчера у М. М. Шкапской. И утром, пока не обнаружила, что заболела — было ощущение, что получила какой-то замечательный, яркий и легкий подарок, — так хорошо был проведен вчера вечер. Говорили об истории заводов — больше всего.

Как хорошо и правильно я поступила, когда пошла работать над историей завода! Инстинкт почти никогда не обманывает меня — где и с кем надо работать, а часто также совершенно правильно под-

сказывает — как работать. Меня сильно ободрило то, что она (я готова писать Она) одобрила мой план.

Да, да — так и сделаю первую главу, высказывание Энгельса — поворотный пункт к рабочему движению. За первую часть главы — техника и прочее — отвечаю, но хорошо бы покрепче сделать и часть — революц<ионное> движение.

Подарила она мне две книжечки своих стихов. Хорошие!.. И очерки ее — в них видна кропотливая женская работа, ласковая тонкая. Мысли о женском творчестве: оно в основном безымянно... Говорят о том, что нет великолепных художников и скульпторов-женщин. А вышивки — всех национальностей, ковры, ткани — работа преимущественно женская. Где имена этих художников?

Литература... А устная лирика — на 70% женская, и лучшие, прекраснейшие образцы — женские, и тоже, имен их мы не знаем. Женщина — родоначальница земледелия... Потом еще — мысли об очерках, в связи с началом ее книги о Д<испозиции> Б<оя>. Вот, большинство пишет в очень оптимистических тонах, «нет трудностей», или — «трудности нипочем», впечатление, что они легко преодолеваются, или описание трудностей, такое, что они не кажутся трудностями. Ведь когда-нибудь будут на основании этого говорить о мироощущении эпохи, людей опр<еделенного> периода. Оно закономерно, и с ним трудно что-либо поделать: открывшиеся перспективы — оправдание этой уверенности, этой не боязни трудностей...

Но сегодня — усталость, тяжелое состояние: больна...

Интересно, что скажет <1 сл. нрзб> о моих стихах? Тихонов еще не видел книжки целиком... Как-то пойдет редакция с ним?

15/X-33

Целый вечер провела в обществе трех стариков, которым в общей сложности 200 лет. В. А. Шелгунов, Бруснев, Карелина.

Нового фактического материала получила от них не очень много. Но ценно другое. Ценно становящееся ощущение эпохи, хотя и трудно будет проецировать их в прошлое. Они были молодыми... А Бруснев теперь седой щетинистый «старикашка», с немного вывороченными красными веками и синеватыми губами. И только по характерному шевелению большой нижней губы можно представить его молодой рот, и как он шевелился, тогда во время бесед!.. Шелгу-

нов слеп (ослеп в 1905 г!) и неистов. Вид патриарший. Когда он ослеп, ему было 39 лет... Он не видел своей бороды, своей лысины, не видел, как она седела и желтела, он 28 лет не видел себя и не узнал бы себя теперь... А он ездил в Сочи, загорал, исправно лечился. Старички говорили о пенсиях, о сердечном припадке, о лечении. Они разгорячились и кричали, вспоминая имена, адреса, выражения, споря друг с другом...

Удивительной мягкостью и обаянием веет от Веры Марковны. И смех у нее молодой, звонкий, совсем не старушечий. Я ее хорошо вижу в узком и темном коридоре прошлого. Буфы на плечах, гладкая головка, восторженность, которая в ней осталась, некоторый формализм, — подвижничество и ощущение его, милость, мелкие домашние заботы, нудные и тяжелые... «Верочка Карелина» — да, я ее такой вижу...

А какие они глубоко, по существу — культурные люди!..

Итак, работа по истории завода меня совсем поглотила. Живу очень интенсивно — все время думаю, все время делаю маленькие открытия для себя...

16/X-33

Весь материал о звене Осипова в 113 отделении целиком отнести к «Цеху». Будет очерк, тогда вложу его сюда. Работа над историей завода — громадная база для романа. Будут настоящие старички. Надо установить преемственность — их жизнеспособность, воля к жизни — целиком, прямо-таки физиологически передается новому поколению. Цепь жизни. Ее бессмертность.

19/X-33

Только хреновина какая-то со здоровьем. Жутко похудела, ночью — кошмары и сны, не отличающиеся от действительности...

Наверно — грипп, потому что очень кашляю, трудно дышать и слабость. И апатия.

Очень боюсь умереть. Не хочу.

Надо бы все-таки режим и разрядить рабочую атмосферу: а то завод, завод, опять завод — и кроме истории завода, и завода — никаких интересов...

О, доченька, все связано с тобою:
 Морской весны первоначальный цвет,
 Краина в дыму, трамвай с бою,
 Холодный чай, нетронутый обед...

Вся белизна, сравнимая с палатой,
 Вся тишина и грохот за окном,
 Все, чем перед тобою виновата —
 Работа, спешка, неуютный дом...

И все слова, которые ты [не] знала,
 И [не] как скворец могла [еще] произносить,
 И все, что на земле зовется — «жалость»,
 И все, что хочет зеленеть и жить...

И странно знать, и невозможно верить,
 Что эту память называем смертью...

22/X

Вот я сегодня дома. Как-то непривычно даже. Кругом — очень чисто. Майки нет. Господи, я уже забываю ее!..

Работа над историей завода подошла уже к такой стадии, что нужно только писать. И вот тут-то стало страшно и как-то даже неохота...

Сегодня буду все окончательно систематизировать и окончательно выяснять, чего еще не хватает. Собственно, следовало бы еще дожидаться работы архивариуса.

Нужно сегодня позвонить Борьке Великину и М. М. Шкапской. В. М. Карелиной — Зельштранту.

Хорошо бы докончить рассказ. Надо читать «Что делать». Систематизировать материал. Что вперед? Дома — и не знаю, что делать.

- 1) Систематизация — до обеда.
- 2) После обеда — рассказ.

Да, два вечера у Гриши Корабельникова. Парень хороший и умный. Но «внезапно проснувшаяся в нем нежность» ко мне —

напомнила мне те времена, когда я была «в моде», а отсюда поднялся осадок — досадливый и нехороший.

Гр<иша> Кор<абельников> хвалил мои стихи. В добрый час! Очень хочу, чтоб скорей вышла книжка. Уж думаю, что кому напишу на ней. Кольке — «Разве не весело, что мы вдвоем? И в этой книжке — тоже».

27/X-33

С 23 по 25/X — Л<еопольд> А<вербах>, 25-го провожала, вчера и сегодня ощущение <19>31 года.

— Что делать, сердце, мне с тобою?..

Уж чересчур терпка жизнь... И пока один вывод — не философствовать, не заниматься самоанализом...

4/XI-33 г.

Отвратительное настроение — пропащий день. Юбилейный вечер, отвратительно организованный. Юбилейная скука. (А ведь 15-летие ВЛКСМ!)

Разговоры с Быковым, Бакушевым, Бахтиным. Рыжий Бакушев пишет стихи! Это находка. Только надо определить, какие.

К<оля> Быков говорит о сотоварищах в большинстве случаев — плохо, пренебрежительно. Вот и в интервью с Галиным это проскользнуло — рассказал, как не доверяли ему старшие и старые инженеры. Ну, обычно — как в очерках — «администрация сопротивлялась», «администрация недоверчиво относилась к энтузиазму комсомольцев»... («Ох, уж эта администрация!»). Конечно, задеть эту сторону нужно — опять в плане двух поколений.

Коля Быков — честолюбец. В романе будет дана проблема честолюбия.

Колины отзывы о товарищах — что это — повышенная требовательность к людям или только честолюбие (тщеславие)?

Например, Валька Бахтин рассказывал о Сыровайском: при вступлении в партию скрыл социальное происхождение. Потом подал в РКК «чистосердечное раскаяние». Когда поступал в В<ысшую> э<кономическую> академию — опять скрыл. Перед чисткой — попытка на самоубийство, но выстрелил так, что пробил легкое; ребята говорят: «С расчетом, попугать захотел». — «Ну, а теперь что», —

спросила я. «Ну что? Выздоровеет, исключат из партии и выгонят из академии».

Быков добавил: «Я таких бы людей достреливал... Ну, куда ты лезешь, дерьмо, куда ты лезешь в партию, с такой трусостью, с таким характером? Я таких людей называю говнюками».

Партия требует от человека моральных качеств, характера, человеческих опре<деленных> качеств.

Хорошо входит в роман прошлое Быкова — его участие в отрядах чона, в укоме — вся эта комсомольская романтика глухого уезда и дезертирских банд, и чоновских отрядов.

Отец — хуторянин. Быт.

Быков будет все-таки — ДОЛЖЕН, должен быть героем, «молодым человеком» нашего времени. Юноша, знаменитый юноша XIX века, завоевывающий мир, волнуемый страстями, но до конца наш. Вложить сюда листки с чистки 62 отд<еления>. Быков и Франек. Как Быков вел себя на чистке.

Использовать как литературную форму — самоотчеты коммунистов на звеньях.

Шефство ребят друг над другом.

Может быть — тему Сыровайского дать Инге? После того, как его разоблачил Лева, — он хочет самоубиться, но стреляет с намерением жить. Эдакий Ипполит, из «Идиота», только в сто раз гаже.

Горячая, «настоящая» проповедь Инге: «Мы не отвечаем за отцов... Это библейские штучки — на нас кровь ваша до десятого колена... Я принципиально скрыл свое происхождение, я хочу честно и самоотверженно работать и не хочу, чтоб мое прошлое висело надо мной, чтоб ко мне относились подозрительно. Я ненавижу и проклинаю своего отца. (А сам только на словах.) Я предлагаю организовать ассоциацию скрывших социальное происхождение. Мы — Каины». Инге говорит, что он протестует против того или иного мероприятия Сов<етской> власти потому, что он умен.

«Ассоциация имени Каина». И сам — Каин. Инге — говно, мразь. Стенич в популярном издании. Молодой человек тоже, но уж не то. У него своя горечь, своя боль.

Наша дружба, наша разлука, наши встречи, наша ответственность друг за друга.

5/XI

Плохо — отбилась от работы. Шью себе, теряю время. С завтрашнего дня — по-иному. К концу месяца сделаю главу во что бы то ни стало.

9/X¹-33

Праздники. Трибуна, парад, гулянья на Неве и площади, вечера в доме, новый радиорепродуктор в кр<асном> уголке, — все плотно входит в жизнь, а следовательно (теперь у меня уже так), и в литературную работу.

Плохо — перевешивает вторая чашка весов — хочется писать рассказы, думается о них, и меньше — историю. И совсем не хочется писать историю комсомола. Честнее было бы от нее отказаться.

Собственная работа разрывает меня на части. Куда кинуться? И глупое чувство — чуть не поработаю над историей — кажется, что зря получаю и деньги. И хочется все поскорей.

План совершенно обязателен. Сейчас составлю, только еще две фразы.

Сейчас сидела в кр<асном> уголке, Левка И. ловил станцию — и выковалась «Ночь в “Новом мире”». Да, так и сделать — робкая радистка — Феня (вторая революция в деревне) — вмешательство страны — радио в заседании о себе. Не будет, не должно быть натянуто. Чуть по-тихоновски, но это видимость.

Слушала переключку Москвы с Свердловском, — как здорово. А какая могла быть переключка в начале 31 года? Поискать — найду.

Итак, план.

Общий, на ноябрь.

1) Глава, хотя бы кусками и вчерне.

Начинаю писать 12<-го> — твердо.

11<-го> — старики.

2) Журналисты и «Ночь в “Новом мире”»,

3) Ист<ория> комсомола (Ох!)

Получается много, особенно, если будет дом отдыха. Но будет ли?

Конкретизирую.

10<-го>, т. е. завтра.

¹ Вероятно, ошибка в датировке. Правильно: 9 ноября.

Утро: звонок к Карелиной (Ильин — Зельштрант).

«Электросила». Деньги, отчет, будет ли бюро.

Оттуда — звонок на Козицкий; поездка туда, отдача матер<иала> в перепечатку, разговор с Кабановым, звонок или заехать в «Ист<орию> заводов».

С 5 <часов> — бюро, или если нет — работа. История, развит<ие> капитализма. <1 сл. нрзб>, кончить рассказ — обязательно.

11/XI-33

С утра — библиотека, завод.

Работа дома. Вечером — 2 вариант рассказа начинаю переписывать.

Работа над комсомолом...

12<-го> и 13<-го> — хорошо бы только работа — ист<ория> завода, и вечером переписка рассказа.

14<-го> до 3 <часов> — библиотека

с 3–7 <часов> — кружки

с 7 <часов> — отдыхаю.

Чтение

10, завтра — «Разв<итие> капитализма».

11, 12 и «Что делать».

Ох, как тяжело вклеиться в историю.

Висит рассказ.

Нет, надо отложить все, кроме истории и стихов...

Но как? Тянет!.

15/XI-33

М. Колотозов говорил об ЭПРОНе. Л<еопольд> А<вербах> — Садко, над которым трудится целый ЭПРОН. Едко и здорово! Но скребет все это по сердцу крайне неприятно.

Л<еопольд> А<вербах> — не любит меня, что бы он ни говорил, это бесспорно.

Я не люблю его — это тоже бесспорно.

Я люблю Николая — очень.

Рассказ переписываю — удастся, конечно.

Историю начну, пожалуй, завтра.

Бюро было глупым, и ничего мне не дало, и не даст, если не приложу руки.

Все.

12/ХІІ-33

Прижимаюсь щекою к воронке
Завитой, как улитка, зимы...

И мне грустно-грустно.

Дни большого неверия в себя; все плохо у меня. Плохо танцую фокстрот, плохо играю в шахматы, плохо руковожу кружком, плохо пишу стихи и рассказы, плохо пишу историю завода, плохо, неинтересно работаю... И все вдруг кругом стало какое-то тяжелое, недружелюбное... Неужели это оттого, что Стенич вчера на вечере (скучнейшем, в нашем доме) ругал меня за стихи? Не оттого, но оттого, что — чувствую, в словах его есть доля правды. Я ничего еще не успела... О, как снедает меня самолюбие и как нужно ему сопротивляться.

Судьба средненького, вечно-способного писателя? Не лучше ли рожать, заниматься журналистикой?..

Нет, ведь знаю, что все это так, и мелкобуржуазно. Упорно работать, упорно работать, отбросить тщеславие до конца...

Стыдно сказать, что я завидую Карелиной и Гитовичу. Ведь я не менее талантлива... Брр, какой маразм... Стыдно, Берггольц, позорно так думать, не только фиксировать..

Буду сейчас писать «Историю», потом честно готовиться к кружку.

Альманах «Год шестнадцатый», приезд и рассказы Юрия Германа о «Беломорской книге» — напоминает о Лешке. Никаких чувств! Ни обиды, ни сожаления, и, — куда там — любви!

Смешно подумать...

— Еще одной дорогой меньше...

Я просто ленива, неорганизованна, ну — и все такое.

Колька. Его разговоры о других женщинах — с совершенно другим «мужским» оттенком. Тревожусь и ревную — за пустяшные разговоры! Это тоже стыдно сказать...

— А у перепелочки грудка болит...

Ты ж моя,
Ты ж моя,—
перепелка!

Может быть, будет ребенок...

Нет пока еще живой радости... Но опять калечиться? Нет...

15/XII-33

Сижу одна. Немножко тошнит, неприятно. Нет, пусть, пусть будет ребенок!

Как-то странно мне. Грустно и радостно в то же время...
Но, пожалуй, больше хорошо, чем плохо.

23/XII

Как трудно подается «История завода»! Не слишком ли я размахнулась? М<ожет> б<ыть>, уничтожить трансатлантичес<еские> кабели, а от того места продолжать только Россию? Не слышу и не вижу текста. Плохо. Нет, буду писать все, перечитаю — увижу, выбросить сумею всегда. Какой еще недобор? Вот, подошла к мосту, и связке: Индо-европейский, <18>80<-е> гг, динамо — и на 6 линию... Но тут провал — проваливается русская часть. И вообще-то, это не похоже на историю завода. Ведь настоящее-то начало — с <18>80<-х> гг. ...

«Журналистов» считаю хорошими. Интересно, что скажут Тихонов и Левка Л<евин>. Мне кажется, в рассказе есть наш, ненавязанный материал, органический дух времени. Стихов не пишу.

Скоро приедет Авербах... Поживем — увидим.

Франкфурт <?> — <1 сл. нрзб> глупого Яши Грузинского.

1933 г.
Черновики стихотворений
О. Берггольц¹

Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования? А между тем наши страдания — почки, из которых разовьется их счастье. Поймут ли они, отчего мы, лентяи, ищем всяких наслаждений, пьем вино и пр.? Отчего руки не поднимаются на большой труд, отчего в минуты восторга не забываем тоски. Пусть же они остановятся с мыслию и с грустью перед камнями, под которыми мы лежим <?> уснем: мы заслужили их грусть!

Герцен «Былое и думы»

В книге «Цех фантазеров» должно быть «все пережитое, и все, чем я еще живу». Должно быть как-то о прежних людях. Вот, например, я думала, что должен быть какой-то старик, который неприязненно, холодно относился к молодежи, зачем «зубоскалят», а потом понял, что это он для них, для них жил и работал, что его прошлое и настоящее — в них, что только ради них вынес он свою отчаянную, кошмарную жизнь.

И его охватил восторг. Вторая молодость.

Много места хочу я уделить Люсе, жене Быкова. Тип тихой, беззаветно преданной делу социализма интеллигентки. Ее дети. Люся и Соня. Может быть, встречаются. Потом Соня с ужасом думает — «Как он мог полюбить меня?» А Люся — «О, конечно, он мог полюбить только ее...»

Быков сначала раздваивается, мучается; потом думает: «За что же любят меня эти две удивительные женщины?...»

---

¹ Со слов «1933 г.» до слов «О. Берггольц» записи рукой О. Ф. Берггольц на обложке дневниковой тетради.

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions. It emphasizes that every entry should be supported by a valid receipt or invoice. This ensures transparency and allows for easy auditing of the accounts.

In addition, the document outlines the procedures for handling discrepancies. If there is a difference between the recorded amount and the actual amount received or paid, it is crucial to investigate the cause immediately. This could be due to a clerical error, a missing receipt, or a fraudulent transaction.

The document also provides guidelines for the frequency of reconciling the accounts. It is recommended to perform a reconciliation at least once a month. This helps in identifying any errors or irregularities early on, preventing them from escalating into larger issues.

Furthermore, the document stresses the need for confidentiality of financial information. Only authorized personnel should have access to the accounts, and all data should be stored securely. This is essential to protect the company's assets and maintain the trust of its stakeholders.

Finally, the document concludes by stating that consistent and accurate record-keeping is the foundation of sound financial management. It is a key factor in ensuring the long-term success and stability of any business organization.

The second part of the document focuses on the role of the accounting department in providing valuable insights into the company's financial performance. It highlights that the department should not only record transactions but also analyze them to identify trends and areas for improvement.

By conducting regular financial statements, such as the balance sheet and the income statement, the accounting department can provide management with a clear picture of the company's current financial position. This information is vital for making informed decisions about the company's future operations.

Moreover, the document notes that the accounting department should maintain a close relationship with other departments, such as sales and marketing. This collaboration helps in understanding the financial impact of various business activities and ensures that all transactions are properly recorded and categorized.

In summary, the document underscores the significance of the accounting department as a key player in the organization's financial health. It is responsible for ensuring that all financial data is accurate, reliable, and accessible to those who need it for decision-making.

ГОД

1934

1/1-34

Как непривычно всегда первый раз писать дату с новым годом...

Встречали вчера новый год у Ю<рия> Г<ермана>. Так, ничего. Ни особенно дружественной теплой беседы, ни особенного пьянства, ни особенного веселья, а в общем — мило.

«Одолею» ли я Ю<рия> Г<ермана>? Но, в сущности, для чего мне это? Чтобы попробовать, как он целует? Ведь большего-то мне не нужно! А кроме того, не хорошо было бы расстраивать мальчику налаженную заново семейную жизнь. И, кроме того, не пошла бы я дальше скромного флирта. Ведь я очень люблю Н<иколая>, и еще с ним хорошо, хорошо. Блудливая у меня натура.

Много дней, даже слишком много — ничего не делала. Отдохнула. Теперь примусь за трудовую жизнь. Надо серьезно поставить «Историю». Надо как-то уладить с партнагрузками. Интересно, как будет перестраиваться наша партийная система после съезда? Действительно, аппарат был слишком громоздок. Как хорошо, что не будет культпропов!

«Журналисты» были перечитаны Ю<рием> Г<ерманом> и Н<иколаем> М<олчановым>, и оба справедливо отметили, что рассказ не удался. Да, надо много переделать, последняя часть без тормозов, Калганов глупее Банко, Тоня и Орешин просто неудачны. <1 сл. нрзб> и всех, лучше, лучше, и больше отбора, м<ожет> б<ыть>, кое-чем пожертвовать, кое-что расширить. В общем, передо мной пока январь, Тихонов принял, ему очень нравится, я довольна. Буду писать эти рассказы.

Приехала Валя Г<ерасимова> — противная. Я не совсем понимаю, отчего я ее не люблю, от зависти, что ли? Если это так, то это плохо для меня. Наверно, оттого, что я считаю, что а) Валя незаслуженно

пользуется авторитетом и известностью, б) Валя считает себя ведущей фигурой в литературе и соответственно держится. А в общем, это подло и мелко! Работать честно и без спешки! Мы свое возьмем.

Скорей бы вышла книжка стихов, и приняться за другую. Интересно, заметят ли ее?

Но для меня неразделимы
 С тобой — ночь и мгла реки,
 И застывающие дымы,
 И рифм веселых огоньки...
 Не будь и ты со мною строгим
 И лаской не дразни меня,
 И в темной памяти не трогай
 Иного — страшного — огня...

*

Упрямый, милый, кареглазый,
 Не хочешь ты меня любить
 Но знаю с первого я разу,
 Что нам любовниками быть
 В предчувствии живу я пряном,
 События не тороплю,
 Ты сам придешь ко мне, упрямый,
 Ты первый скажешь — «я люблю».
 Как удивлюсь и как отвечу!
 Как даже виду не подам,
 Что я с тобой эту встречу
 Разучивала по складам!..

(Типичнейшая эпигонщина Ахматовой — упражнение)

4/1-34

Невралгия, злость, сонное состояние. Плохо с «Историей», не работаю. Пора взять себя в руки. Ведь в январе нужно много сделать:

А) Переделка «Журналистов». Хвалил искренне Тихонов. Я даже почувствовала к нему давно забытую сексуальную симпатию из-за этого! Но Юрий и Никололай> правы — Калганов не вышел,

вторая часть спущена без тормозов. Я не согласна, что с цирком плохо — прощание, так можно оставить, но вот Калганов — резко лучше, и Орешин тоже, и Тоню — умнее. Юрий не прав, когда говорит, что Тоня слишком глупа. Но надо дать ее рост.

b) Биографии чекистов.

c) Глава — обязательно.

d) Хотелось бы сделать «Ночь с НиколоаеМ<олчановым>»

18, что ли, января 1934 г.

Начиная с карандаша, все убийственно и раздражающе-неудачно (химера — писать таким карандашом)

1. Лежу больная, под угрозой выкидыша. И положение какое-то — ни шаткое, ни валкое. Лежу уже 12 дней, и все еще показываются кровоотделения. Очень тягостно. Все стоит — «История», повесть, злосчастный кружок... Ввиду моей болезни, приближаемся к давно забытому финансовому краху. И настроение у меня какое-то безнадежное: думается, что беременность все равно не удержится. А очень хочется Маечку. Господи, как я вспоминаю о ней. Смерть ее точно всю кожу с души ободрала. Вот это воспоминание, память эта, когда помнишь все — глазки, стоны ее, ну все, все — наверное, это и называется муки.

Хочу Маечку. Пусть будет такая, я уберегу ее.

1) Чапельников — узнать

2) Стулова

3) Кудрявцева

4) Личкова

5) Мызнинов

Поздняк<ов> — Петроградская сторона, электротехнический институт, электротехническая лаборатория, механик.

«Ведь это была вся жизнь»

В <18>84 г. поступил в партию. Смирно мы прожили в <18>86 г., Балт<ийский> завод забастовал, выбросили несколько человек руководителей. Оттуда ушли Савельев, Морозов, Вшивков Павел Евграфович, Пашин, народоволец. Они поступили в партию, как знакомые с судостроительным делом. Это были социал-демократы. Панин был народоволец, говорил: «А чтоб у тебя не дрогнула рука убить Николая». «Вот удобный момент — при спуске корабля бросить бомбу в царя».

Они стали работать с нами, молодежь отвлекать от пьянства, агитировать за чтение книг. Как получим получку, приглашал на квартиру, поставит закуску, водочки и <прессует?> на политику; не порядки в мастерских. Так длилось до <18>87–88 годов. Были мавки за Московской заставой (очевидно, путает с <18>91 годом) — между двух железных дорог, на пасху. Были выстроены патрули, говорил Иван Егоров, из-за Невской заставы. Дали сигналы, как только окружили жандармы. Стали расходиться, зашли в чайную, компания разбилась, чтоб не подавать виду. В чайной начинаются разговоры: «Знаешь, сейчас нигилистов ловят: в цепи заковали». Мы слушаем. Евграфов говорит: «Расходитесь по одному в разные стороны». Разошлись по одному. Через некоторое время они были арестованы — Евграфов, Савельев, Лопатин, Пашин, Лопатин.

В это время мы распространяли листовки по поводу низких расценок, был зав<едающий> Верховский. Заклепки — за сотню заклепок дюймовых платили 6 рублей.

На каждой работали 3 человека и мальчишки. Держальщик, клепальщик. Сделали стачку (1889–90 гг.).

В толпе носились отклики. Толпа была озлоблена — кричали Верховскому, «тащили его на веревке в Неву, как собаку». Вдруг раздается крик «великий князь едет» — мчалась какая-то лошадь. Мы расступились, Верховский вскочил на пролетку и уехал.

Раздался гудок на обед. Начались обыска. Некоторых арестовали. Стачка была проиграна (агитаторы не знали друг друга и агитировали в розницу — такая была конструкция).

Мы — я, Зельштрандт, Князев, Пармос, Б. Зиновьев. На другой день — это была наша ячейка. Познакомился с Сильвиным. Он посоветовал создавать кружки. Начали создавать кружки, в течение последующих лет. Мы выбирали холостые квартиры. Квартировали у Неляндера и других. На Петроградской стороне познакомились с Фишером, Кейзер, Яковлев. Собирались у Фишера (<18>92–93 гг.). Ввел в кружок П. Евграфов. Евг<рафов> свел в Елизаветинский институт на вечеринке. Ввели в кружок Ильина, Князева.

Угол Б. Спасской и Колтовской — там жил Фишер. Он жил с Яковлевым. В кружок Фишера — Кейзер, Яковлев, Ильин, Князев.

Первая тема разговоров — как идут заводские дела, потом занимались политэкономией. Завели кассу взаимопомощи. Помогали Красному Кресту — помощь заключенным.

Из порта Ильин ушел, поступил на завод к Яковлеву. Там работали Яковлев, Ферсов и Князев-Тарелкин.

Случай с защитой товарища Ильиным. Поддержал товарища, которому не хотели выплачивать выходных — обвиняли в краже инструментов, доказал у судьи, что тот не виноват, получил расчет.

Инцидент с мастером, которого чуть не убил — удержал за руку Яковлева Иван. Вывели с двумя сторожами.

Яковлев (хозяин) сам выдавал деньги, хватался за книжку — пытался выхватить книжку, а деньги не отдавал. Фишер ушел от Яковлева — к Сименсу, потом ушел Яковлев, Ильин. Яковлев милый человек, но любил выпить. Сестры — портнихи; в Гавани жили. Жили там чиновники на пенсии, домики с палисадниками. Снял на взморье целый верх — нелегальную квартиру.

От Яковлева ушел, поступил в Арсенал, проработал года два (<18>92–93 гг.). Там был из порта слесарь Люйси <?>, познакомился со Снетковым. Там со Снетковым составили кружок. Наши кружки носили названия марксистские. Входил в наш кружок один молодой рабочий, очень религиозный, знал наизусть Библию и сделался после хорошим пропагандистом, библией же и докажет.

Пошел к врачу — «чувствую слабость». Врач задал вопрос: «Сколько Вы спите?» А он вставал в 5 часов, а ложился в 3. Все свободное время съедала работа — надо было обходить по всем кружкам и заставам.

С Арсенала перешел на Сименс-Гальске в <18>94 году, в регулярную мастерскую, собирали амперметры, проверяли динамомашины. Процветали немцы. Я высмеивал многих, сошелся только с Вороновым. Поступил на 20 копеек в час, потом — на 22 копейки. Оплата посменная. Я сделал 3 машины, мастер сказал: «У меня старые рабочие делают 2 машины». Зарабатывал больше 2 рублей в день. Создали кружок — Воронов, Дейч, Русс, Поздняк<ов>, Зельштрандт.

В <18>91 г. был кружок у Астафьева, которым руководили.

Собирались у Астафьева, один раз был Ленин. Собирались у Зельштрандт (жили у Карелиной с Поздняком). Входили туда рабочие патронного завода? Митя Кузин. Читали Лассалья, политэкономию читал Сильвин. Ильин ходил с Ильичом на кружки, Сильвин познакомил Ильина с Лениным. Первый раз встречались в день смерти Александра III. Ленин составлял опись заводов. Мы с ним повздорили, в каком году возник порт. (Верховский бросал фразу: «Куда вам

деньги») Ленин говорил, как получилось, что капитал сосредоточился в одних руках, о движениях на западе. Мы говорили: «Доживем ли мы до революции?» Ленин говорил: «Это ваше дело».

Центральная рабочая группа обсуждала план действий — связь с Союзом Борьбы. В группе этой был Неустроев, Соловьев, Шамарин. На 6 (7) линии жил Яковлев, там собирался кружок, туда ходил Ленин.

Я получил брошюры для порга. Приехал к Яковлеву сдать брошюры. Приезжаю — моргает хозяйка, а на лестнице стоит какой-то человек. Пошел в трактир, там Зельштрандт, а я нагруженный, а Яковлева арестовали.

«Сытый элемент». Стронуть их было туго («семеновская интеллигенция»). Мастер Шателен. Был какой-то юбилей — на заводском дворе раздавались речи. Один рабочий взобрался на бочку и сказал: «Есть у нас один мастер Шателен, а остальные все сволочи».

Ильин работал на заводе с 1894 по 1896 годы. Арестовали в 1897 году 22 августа. Предупреждали друг друга — за тобой следят.

В мастерской работал с Ильиным Семашко. Делал мелкие пакости — заколотил Ильину в реостат гвоздь, чтоб его сжечь, когда Ильин станет вынимать. Семашко — подхалим, подлиза. Во время выставки Ильину дали расчет (1896 г., перед Рождеством). Семашко донес.

В рабочей среде к социал-демократу относились хорошо. «До полочки люди добрые, а с полочки с трудом выколачиваешь каждый грош». Верстаки были обиты сукном.

Чернорабочие получали по 60 руб., наградные для месячных служащих были распространены. Разработали план, как отвлечь рабочих от пьянства и привлечь на политические вечеринки. Были кроме кружковцев и безпартийные семеновцы. Устраивали вечеринки вскладчину — мужчины по рублю, часть денег отдавали в организацию. Вечеринки устраивались 1 раз в месяц, в гавани человек 60–70. Задались целью устроить побольше, на 200 человек, пришли в столовую «Общества трезвости» (на Гаванском поле).

Захотели создать самостоятельный театр. В столовой мы поставили «Скупого рыцаря», «Тесть любит честь» и т. д. За вход брали 2 р. с мужчины, 1 р. с дамы. Собрались человек 200, были несколько агитаторов (1896 год).

Первый акт прошел хорошо. Вдруг в двери ломаются. Ильин играл слугу — вышел во всей амуниции, он не был распорядителем.

Вошел пристав (при первом стуке мы сказали агитаторам — удирайте). Спросили — есть ли разрешение. Разрешения не оказалось. «Вы знаете, что это уголовное дело, что вы устраиваете такие сборища?!» Пристав разрешил продолжать, но поставил трех шпииков.

Мы наострили барышень подслушивать — шпиики говорили между собой: «Что вы за дураков их считаете, они теперь подпольную работу вести не будут, надо было последить, кто выходил».

Стали мы играть. До 4-х часов они сидели. Кружок знал, с какой целью делались вечеринки и также, что Поздняк<ов> любил играть на бильярде.

Вообще, пользы от них извлекали мало. Часть денег уделяли в организацию.

Прения на вечеринках.

Первые директора.

Плинер — Григ<орий> Давыд<ович>

Ул. Перовской 9, 214-19

У М. И. Московск<ого> — технический директор, электр<ик>, пр. Майорова 26

Ольга Берггольц
1934 год
Ленинград¹

4/II-34 г.

Опять полоса несчастий и неудач.

1. Был выкидыш; хотела сохранить, и, когда уже наметилась угроза его — особенно захотелось ребенка. Живого, теплого, сосущего. Лежала с 6/I, 19/I отправили в больницу, и там переходила от надежды к безнадежности, пока Окенчиц не назначил на скоблежку.

2. 24/I пришел в палату Л<ешка> Авербах, [главное, в это время захотела на судно]. Потом он сидел и целовал мне руки, а я была

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц на обложке дневниковой тетради.

потная, красная, на груди все время расходилась рваная рубашка, [и руки у меня, наверное, пахли мочой]. Унизительно! Но сейчас пишу это совершенно спокойно. Все равно ведь, все равно. На другой день после [скоблежки] посещения Авербаха были врачи, потом Окенчиц назначил на скоблежку, и мне казалось, что «Авербах подкупил его» и что именно из-за Авербаха сделали мне аборт. А беременность была живая, хотя надежды на то, что она удержится — не было... Нет, я не лицемерю, я хотела родить, несмотря на то, что предвидела трудности, из которых самая страшная — нянька — моя мать, Колины припадки.

2. Ирина тяжело больна. Она стала капризной, злой, издерганной. Всю зиму она сидела дома. Мать не умеет обращаться с ней — «спасает» ее. Мать — сплошное мучительство. Потому что брезгливо жаль ее за ее запуганность и забитость, и противно, и раздражает до бесконечности глухой своей глупостью, барством, тупостью. Мать вырастает в проблему. Что если она проживет с нами еще много лет? Вечное раздражение от присутствия ее в доме, и сам себе становишься омерзителен, когда начинаешь кидаться на нее. Не замечать — трудно.

Ирина болит во мне.

О, как все плохо, как плохо устроена жизнь! Да, когда спала под наркозом во время аборта, видела во сне абортарий при социализме (!). И снилось, что не для чего нам было подвергать себя лишениям, терзаниям тела и духа, потому что, в конце концов, ничего не изменится, все по-прежнему будут человеческие недуги, болезни и горе, и по-прежнему будет плохо, плохо человеку, неизвестно для чего живущему на земле. Все это — бред, ерунда, наркоз, неверно, будет материнство сплошным счастьем, двинется вперед наука, уменьшится горе, но вот так чувствовалось, и редела, когда проснулась. Явно — истерика после наркоза.

3. Колька без меня во время припадка свалился с постели, разбил висок. Вылечится ли он?

И как странно я живу! Ирина, Николай, самое дорогое — каждую минуту хочет уйти от меня. А Майки уже нет... Но ведь так у всех, такая жизнь и есть, рождение — гибель — рождение, это ее «основная жила», обрастающая дипломатией, социальными категориями, литературой. Как надо быть проще, животней что ли, и (ведь), чем выше интеллект, тем животней человек! (Мысль как будто и не моя, а «бан-

ковская», или «колчаковская».) Не животнее, нет, а проще. М<ожет> б<ыть>, примитивнее? (Да, это нужно вложить Банко.) А ведь мысль правильная. Именно — проще.

Но на всем этом фоне моей внешней неудачной жизни — все интенсивней и собранней становится жизнь творческая. Я чувствую себя переполненной материалом, словами, образами, готовыми вылиться точно и твердо. Вот где и когда нужен упорный труд, без валянья в постели, без лишних разговоров. Я чувствую, что способна именно сейчас сделать что-то замечательное, замешанное на горечи. Нервы обнажены и, как фотопластинка — восприимчивы. Но можно засветить ее...

И вот, все-таки! Думалось, что стихи, которые складывала в палате — хорошо, и Колосов взял их с восторгом, а у меня чувство, что я опять кого-то надула. Кроме — «о, доченька», — все посредственно, как сказал Пашка Тонберг, комнатно, и (я никому не говорю этого) — не обязательно.

Написать о родильном доме. Смело и так просто, что как будто и нет мысли о том, что это литература. Горечи, горечи, чтоб лучше чувствовать радость жизни! Нужна горечь в литературе. Она засахарена. Благородные плоды всегда с горчинкой.

Итак, роддом. Я люблю бывать там и вспоминаю больницу всегда с хорошим чувством. Пахнет серым мылом, теплой водой, и медперсонал кажется высшими существами. Шапочки на врачах, как у гномов. Доктор, как бог деторождения: усы, борода, желтые с проседью, шапочка пирожком на пушистой голове, над рыже-красным лицом. Высокий, плотный, даже толстый, значок Г.Т.О. Ругается, женщинам твердит «ты» и по именам. «Рожать, рожать надо»... Кругом женщины. Как они понимают друг друга, и все что-то знают о жизни — невыразимое. Собранные здесь, они чувствуют себя искупительницами грехов и страстей человеческих, они знают, что они лучше, самоотверженней и бесстрашней мужчин. Даже абортчица здесь чиста; здесь нет бесстыдства, все обнажено, все разоблачено от литературы, предрассудков, наслоений. Здесь обнажается корень, источник, начало жизни как процесса вечных рождений. Женщина остается здесь сама с собою, как с женщиной.

Февраль или март, течет вода, течет кровь, все влажно, все набухло — груди, почки, простыни. Вечное начало, страшный, кровавый корень жизни, бытия, существования. Казалось бы — сама извечность. Но так не бывает. Радио передает музыку, написанную о радости и го-

речи жизни — для радости. Радио передает физкультурные упражнения — для дошкольников, для школьников, для взрослых. Передачи XVII съезда. Гибель стратостата. Они падали, обледеневшие, они чувствовали свою гибель, покрываясь ледяной коркой.

Женщины не говорят и не думают о вечных процессах. Они говорят о самом мелочном, о самом бытовом: керосин, выдачи в ЗРК, сношения с мужьями, роды, боли, дети. Они бытовые, большинство — пошлые.

Там лежала санитарка из красноармейского госпиталя. Лицо неприятное, замкнутое, тупое. Живет плохо — в общежитии. Беременность скрывала, не брала даже декретного отпуска. Не знает, сколько лет мужу — случайность, какой-нибудь выздоравливающий красноармеец, где-нибудь в углу, в уборной, в пустой палате. Родился ребенок, недоношен на 3 недели. Она хотела погубить его. Наваливалась грудью — задушить, не кормила. Заметили. И вот, стали приходить врачи, сестры — следить за тем, как она кормила, стали стыдить, уговаривать, ободрять. Она молчала. И женщины — пошлые, мелочные, в большинстве не изжившие понятий — «законный брак», «гуляла», крестившие детей два-три года назад, стали следить за каждым ее кормлением, наострив уши, хищными глазами. Их «радовало» это, как развлечение от больничной тоски, и возмущало, но уже не как трусливых мещанок, а как женщин советской республики. (Тут очень трудно, и «объяснить» ничего нельзя и не надо, а только показать...) Они говорили: «Ну, кто ж теперь смотрит — законная или просто гуляла? Теперь не такое время. (Жизни легче!) Получишь декретные, приданое, в ясли будешь носить, потом через два года — в очаг, не заметишь, как и вырастет. Потом самой приятно будет, придет из очага, станет песни петь...»

Женщины говорили об очередях, жаловались на жизнь, а когда приносили Вериного недоноска, начинались разговоры о яслях, об очагах, о летних лагерях. Врач, приходивший к Вере, говорил: «Смотрите, какой хорошенький! Жизнеспособный ребенок, здоровый, ушные мочки ясно выражены. Красивый младенец». Вера первые два дня кормила его плохо, блудливо озиралась, не смотрит ли кто, и отнимала грудь. А женщины говорили об умерших своих детях, и все плакали, и все помнили до малейшей детали, как умирали дети.

Ночью — все спали, я не спала. Вере принесли ребенка, я следила за ней, притворяясь, что сплю. Это было на четвертые сутки по-

сле того, как ее обрабатывали. Вера отыскивала грудь и шептала: «Кушинькай, кушинькай... Кушинькай, кушинькай».

Потом, на другой день улыбалась некрасивым, сморщенным лицом, спрашивала, как устроить ребеночка, рассказывала, как ее «обманил» красноармеец. «Что с него взять?»

И дело тут не только в «нашем культурном росте» или «росте материального благосостояния...» Это — частное выражение, суть в том, что снимается с жизни тяжесть, что проще и легче становится самой жизни.

Няня — широкобедрая, пышет здоровьем.

— Ах, вы, свиньи, свиньи, — говорит она больным, — грязи-то за вами скоко!

— Погоди, нянечка, и ты тут полежишь.

— А я что? Мышка овес точит, да и то хочет, а я живой человек.

Любовные истории, семейные драмы, которыми пренебрегает наша литература, а они живут. История 2-х маркеров.

Адюльтер — «Где ж они теперь встречаются? Раньше хоть в баню или в гостиницу ходили, а теперь-то где? Под воротами трутся»... Адюльтер и жилплощадь.

Мария Чехоновская со своим «Степкой».

— Седенький мой! Шлепоносенький мой! На палку похож...

Ольга Ковель — 19 абортгов. Ее сны — «маленькие гробики, маленьенькие, а в них ребятки, совсем маленькие, и все гробики в воде плавают. Я смотрю и думаю: «да ведь это все мои абортные дети!»»

Мария ей отвечает: «Да ведь это не в воде они, а в слезах! Это слезы, значит, твои да ихние».

Нинка Осокина: три года живет с мужем, не только на разных квартирах, но в разных пригородах. Муж не знает даже, что она в больнице. Она бравивирует перед бабами: «Так и лучше еще, ругаемся меньше». А ночью бормочет в бреду: «Не буду я больше с тобой гулять...»

Бредят еще и так: «Ох, несчастье, несчастье, какое несчастье...» «Ах, дети, деточки...» Дама-кошечка, лепечет: «Тяй, нянечка». Дома у нее — две постели, покрытые покрывалами и накидками. Детей нет, «не хотю...»

«Положительная семьянинка» — стерва и деспот. Авторитарно ставит диагнозы. Бой-баба, говорит все откровенно, все своими именами, весело. Видимо, любит. Работница.

Женщина 37 лет, родила впервые. Сутулая, некрасивая, с жилистыми ногами. Сознательная, к материнству относится благоговейно.

6/II-34.

И как-нибудь внедрить старые тягостные песни, которые вполголоса поют женщины, выключая радио, по которому передаются в массе засахаренные, слюнявые передачи о том, что все благополучно, прекрасно, замечательно. А жизнь на самом деле трудней и лучше. (Переговоры со Шпицбергенем.)

Песни:

1. Я сегодня решила покончить с собой,
Моя милая, добрая мама.
Жизнь зло посмеялась, увы, надо мной,
И, о, сколько позора и срама.
Помнишь, бедная, милая мама моя,
Эту светлую майскую ночь?
Как красавец один увозил от тебя
Твою ненаглядную дочку.
Он клялся ее любить и ласкать, и жалеть,
Он клялся... с нею
А потом он вдруг начал ее притеснять
И выгнал на улицу в шею...
А потом и пошло, и пошло, и пошло
Разгульная жизнь удалая
Свет догорает, как жить тяжело,
Прощай же, моя дорогая.

2. Что за чудо парочка
Старики твердят..
Жизнь моя веселая
Как река текла..
Помоги, родная мать,
Соперницу сгубить
Или сердцу моему
Прикажи забыть.
Не могу, родная дочь,

Соперницу сгубить
Как умела полюбить,
Так сумеи забыть...

3. Нам пора расстаться
Мы различны оба
Твой удел — смеяться
Мой — страдать до гроба.

4. В глухом городишке
В старом домишке
Свеча перед иконой святою горит
Старушка седая
Малютку качая
На злую погоду сердито ворчит:
«Спи, моя милая
Деточка хилая,
Мало видала ты радостных дней.
Ночи безумные,
Ночи бессонные,
Мчитесь, летите вы ветра быстрей.
На фабрике рядом
Своим жгучим взглядом
Твою мать пленил инженер молодой.
Клялся любить ее верой и правдой,
Беспечно они ворковали в саду.
Но жгучий красавец
Был сильный мерзавец:
Оставил одну он с тобой на руках
Не снесши позора,
С моста несчастная
Жертва напрасная
Бросилась в воду,
Чтоб смыть свой позор
Скончалась скоро (Людей приговора)
Твоя безрассудная мать (не помню точно)
Спи, моя милая
Деточка хилая,

Мало видала ты радостных дней.
Ночи безумные,
Ночи бессонные,
Мчитесь, летите вы ветра быстрей...»

6. Позарастали
Стежки-дорожки,
Где проходили
Милого ножки
Позарастали
Мохом — травую
Там, где гуляли,
Милый, с тобою.
За ширмочками
За уголками
Стоит кроватка
С подушечками.
На той кроватке
Маня лежала,
Правою ручкою
Друга ласкала...
Пришел мой милый
С городу пьяный
Стук-стук в окошко
— Я ваш коханий!
Милая Муся,
Я не боюсь
Воры нагрянут
Я отобьюся.

9/II-34.

На левом глазу — пияск. Морда старая, от больного глаза — страшная, опухшая. Ведь надо же было, черт побери. Так больно голову, так неудобно смотреть одним глазом, просто гибель.

7<го> и вчера на заводе. Читаю ижорскую историю, «16 Заводов». Что это, излишняя самонадеянность, или правда, что мне кажется, будто бы моя «История» будет лучше? Пока-то она похабная,

ни одного абзаца, от которого можно было бы оттолкнуться, как от литературно законченного. Неужели не выбиться из среднего литературного, фельетонно-журналистского языка?

И вот, надо бы работать, но глаз и возня с Ириной — не допускают. Мать еще дурака валяет. Господи, как я ее ненавижу! Нет, последнее слово даю себе не заводить с ней больше дискуссий, глупых и никчемных, ведь все равно не убедить, не переубедить ни в чем — ее невозможно, только тупая и зряшняя трата нервов.

Дали массового работника, наверно, сговоримся и сработаемся, только я не умею распоряжаться людьми.

Написать, скорей написать главу, да время бы, чтоб успеть <к> сроку сделать «Журналистов»! При всех ее недостатках — даже если «Колька».

14/III-34.

Ночью два припадка у Николая. Поэтому сегодня разбита и угнетена, точно у самой был припадок. И страшные сны, ставшие серийными снами, — его сумасшествие. Когда все это кончится?! О, как плохо жить.

19/III-34.

Ну, вот, кончила ту часть «Истории», над которой корпела. Это еще не совсем то, но уже около того. Надо еще добрать материал у Ильина, надо еще раза два прочитать, и тогда выйдет.

Мне не нравится, как пишет Шкапская. Слишком литературно, слишком самоцелью становится — прием, показ, как боя. И, верно, нет развития.

Теперь срочно сделать «Журналистов». Но еще не набрала дыханья. Маршак предлагает работу — биографию Дзержинского, и дом МОПРа (детский) в Москве. Обе темы очень интересны, но не очень надеюсь на свои силы, очень много работы, и ведь Ирине нужно будет уделить максимум внимания. Очень скучаю о ней.

Книжка стихов встречается довольно тепло.

О, как замирает сердце. Разбирала фотографии. Вот портрет Авербаха, ведь я его долго, долго не увижу, а давно ли <19>31-й год, Европейка, Москва. Вот портрет Кольки, в папахе, в фуражке, это до того,

как стал он кричать и синеть по ночам, это армия, Майка, счастье и горе... Ведь жизнь проходит... Жизнь проходит. Милые, милые... Кто? Не знаю. Но так замирает сердце, так жалко чего-то, так горько...

20/III-34.

«Журналисты» переделаны. Как будто бы получилось ничего, но чувство неудовлетворения, разочарования уже легко начинает грызть меня.

Пожалуй, все-таки не удался Калчанов.

И почему Николаю не нравится повесть? Меня это очень огорчает, я верю ему больше всех. М<ожет> б<ыть>, потому, что он недоволен в повести «собой»? А может, и верно — повестуха дрянь? Есть ли в ней проблема?

Перестройка мелкобуржуазного сознания? А я и не хотела об этом писать. Скучно.

Пожалуй, центральная фигура — все-таки Банко. Значит, пустая вещь? Что-то там не то. А что — не знаю. Надо будет поговорить с Гринбергом, Фридманом, Тихоновым... даже Юрием Либединским... Если б Колька сказал мне все откровенно. Если б она ему понравилась... нет, пускай как есть. А Мишка Чумандрин, наверное, охаял бы всю.

23/III-34.

Занятный случай. У Люблинского — сборище: Гринб<ерг>, Лев<ин>, Герман и другие знакомые. Меня не звали. Герман проболтался, и мы решили идти туда. Пока я ехала к нему, он позвонил Люблинскому и выяснил, что там Корнилов, который немедленно пожелал уйти, как только узнал, что я приеду. Я, конечно, не поехала.

Но кроме нежелания Корнилова, здесь было и нежелание жены Л<юблинского> — Шуры. Юрочка был страшно смущен, старался меня всеми мерами задобрить, чем немало меня растрогал. Милый мальчик!

Говорил, что Корнилов всячески хаает и поносит меня. Смешно! В чем это я встала ему поперек дороги?! И вообще смешно, и противно. В конце концов, что мне Гекуба?

Юзька, Левка и тем более Корнилов? Разве у меня самой по себе нет никакой ценности? Э!.. Да они все еще увидят, что я могу. И мно-

го могу. Корни у меня крепкие, глубокие; и уверенность в своих силах дает мне принадлежность к партии, не формальная, а по существу. «Выдет» — или «не выдет» из меня писатель, а коммунисткой-то быть я не перестану. И дело в этом.

25/III-34.

Сдала «Журналистов». Нет, как будто бы вещь получилась действительно интересной. «И увидел бог, что это хорошо». Вчера с Николаем правили ее, и она ему понравилась, признал. Это меня радует. Может быть, это и не так уж отлично, но не хуже Германа, и уж ясно, ни в какое сравнение не идет с Гором, Островым, Димтроченко, о которых говорят серьезно. Там много теплоты, есть характеры, много живой, нашей плоти. Теперь надо сделать «Зерна».

Главу читают Иванов и в обл<астной> редакции.

С завтрашнего дня берусь за дальнейшее. Сегодня надо успеть приготовить полосы.

Вечер.

Была с Колькой у его врача. Нужно большое мужество. Режим.

Жизнь у меня неудачна. И, иногда, кажется, что она уже прожита, будущее известно до конца, и ничего не изменится. Если бы Коля и Ирка были здоровы — как бы я была счастлива. Совсем, совсем.

27/III-34

Узнала от Торы, что будто бы Николай говорил своей матери о том, что его в армии контузили ручной гранатой. Неужели это правда, и он не сказал мне этого? Почему? Разве это прибавит что-нибудь новое к тому, что есть?

Но знает ли обо всем этом врач — о контузии (если это было сказано не в утешение матери), о травме, которая у него была в армии, — он глухо упоминал о том, что пришлось участвовать в какой-то операции, в подавлении восстания или в ликвидации бандитской шайки...

Надо об этом разузнать, а также говорил ли он это своему врачу. М<ожет> б<ыть>, это прольет известный свет.

Колька мой! Вот, на всю жизнь — одна любовь к тебе, и пусть не будет другой.

Был Бабенцов, хочет работать над одной из глав — годы подъема. Я как-то боюсь подпускать к «Истории» других — но ведь это тщеславие, мне одной очень трудно будет справиться. Каждый раз, когда говорю об «Истории» — по-новому заряжаюсь. Конечно, конечно, все, что написано, очень бледно, еще очень не так, но добьюсь и сделаю как следует. Приступаю к труднейшей части — 1905 год. Она крайне интересна, но и невероятно трудна.

Перечла несколько страниц материала о <19>12 годе. Нет, боюсь отдавать Бабенцову! И жалко. Ну, все равно придется переработать. А тогда зачем платить ему деньги? Посоветуюсь послезавтра в Обл<астной> редакции.

29/III-34.

Очень теплое, хорошее письмо от А. М. Горького, о книжке. Это, собственно, не литературная похвала, не паспорт, но хорошо.

А Стенич сегодня счел долгом заявить, что ему «очень не понравилось». Признаться, хотя Стенича я не люблю, но к нему все-таки прислушиваюсь: сволочь, пустота, но человек с громадным литературным вкусом. Его многие «обожают», он создает мнение. Значит? Что? Добиться признания Стенича? Унизительно! Пусть болтают и говорят что угодно.

А все-таки чувствую себя жуликом, и даже думаю — искренен ли старик? «Выудила у старика похвалу»... Ведь стихи тихенькие, узкие, робкие... Ах, если б навзрыд, навзрыд, полные женским голосом! Будет ли так? Не знаю...

Где Колька? Ушел куда-то, а не видала его с утра. А сама пришла с пленума писателей. Доклад Юдина элементарно скучен. Ничего нового, ничего, что бы зажигало, ни одной острой, блестящей мысли. Все, что мы уже знаем. Пожалуй, выступление пьяного Алексея Толстого — самое интересное. Интересно о жесте, о слове, о жестикуляции писателя согласно со средой.

Очень бледно — Федин, какой-то обход вопроса. Нехорошо, стыдно — Дмитроченко и Мамин. Мальчишки! Сопливые притом. И вообще, плохо как-то в литературе. На благополучном фоне — холяж, трусость. И эта статья Безыменского в Л<итературной> Г<азете>. Ведь плохой же поэт, а лезет.

Какая-то неприязнь поднимается против Юры Либединского. Начинает казаться узким, самодовольным, и все-таки он — лапповец! Останавливаю себя: м<ожет> б<ыть>, во мне говорит просто зависть? Но человек занимает место и положение, явно ему не принадлежащее. И эта авторитетность, с которой он говорит, осуждает и т. д. Хочется сказать: «Дорогой товарищ, да ведь ты плохо, очень плохо пишешь». А раз плохо, то может ли это быть значительно, интересно, содержательно и т. д. А! Надоело мне это все. Надолго подальше от литературы. Вот Ирку надо брать из больницы, прибавится куча забот; как я буду держать ее в сырой квартире, при маме!!

И с деньгами очень туго. Очень.

31/III-34.

Вчера пленум — гораздо благоприятнее, чем 29<-го>. Были хорошие выступления, и даже появилась некоторая бодрость. Мне надо много, очень много работать, пока я буду что-то значить. Надо запастись терпением, настойчивостью, и, главное, не ощутить, что вот это — твой предел, что это так хорошо, что дальше уже нельзя лучше писать.

Нет, плохо, плохо, и письмо А<лексея> М<аксимовича> ничего не значит! Не Геннадий же я Фиш, чтобы опубликовать его, носить по редакциям, и тем зарабатывать себе шаткий, не настоящий авторитет.

В общем, много работы.

- 1) Рассказы
- 2) Дзержинский — для детей
- 3) История завода.

М<ежду> п<рочим>, в областной редакции одобрили! Конечно, указали, что черновик — это совершенно верно, очень верно, но я приободрилась. На заводе встречают отлично. Значит, начато верно. Работы еще невпроворот — приступаю к 1905 году, и надо добирать материал у Зельштранта, у Ильина. Буду работать одна, Бабенцова подпущу только к сбору материала, так сказали в обл<астной> редакции.

Скоро выйдут «Пимокаты» — уж забыла, как выглядит...

4/IV-34.

Страшно устала, больна, ничего не могу делать.

Вышла «Зима-лето» — прекрасно.

«Пимокаты» совершенно испохаблены в издательстве. Противно брать в руки.

Вообще, меня грабят и надувают. За «Зима-лето», за 50 000 дали 300 рублей. «Пимокатов» обещали издать в 30 000 тираже — издали в 10 000. Никаких материальных стимулов для работы. Браться за Дзержинского в таких условиях очень трудно. Подписала договор на историю. К 15/XI-34 книга должна быть сдана. Надо напрячь все силы, чтобы все выполнить. Стихи не идут. Начала писать «Отец яблок» — не идет. Наверно, я бездарна и могу работать только на биографии.

Послезавтра беру Иркут. Очень рада, что увижу ее.

Моя доченька!

6/IV-34.

Ирка дома. Я ею не очень довольна, у нее, по-моему, все-таки есть отдышка. На восстановление ее придется потратить еще много труда. Очень бы хотелось только этим и заниматься: кормить ее, рисовать с нею, увести куда-нибудь, где бы все ее радовало. Она милая такая, поумнела. Немножко чужая.

«Отец яблок» надо переписать, строго проверить насчет пей-зажества <?> и сладости, и кажется, тогда выйдет. Хорошо — печь в дыму, и Лиза в дыму <1 сл. нрзб> Гурия. Написано пока крайне конспективно.

Вечер

Что-то ничего не могу делать, точно ожидаю чего-то. Иришка научилась читать. Милая такая!

Не могу взяться за историю — очень много растрчено рассказов.

13/IV.

За весь апрель ничего не делала по «Истории завода». Даже дум, и то мало. Как-то неудержимо сыплется время. Написала «Отец яблок», как будто бы ничего... Думаю о «Ночи в новом мире» — это будет рассказ о Маули. Потом — «Зерна», «Роддом»...

Закончу сбор материалов по <1>905 — числу так к 21<му> и начну писать. Все, что уже написано, кажется скверным и похожим

на Великина <?>, к стыду моему. Этого мне не хочется. Кроме того, в последних главах много просто неточных фактов, и вообще, много придется переработать... Беспощадно вытравить всякую «иронию — ширпотреб», великинщину, больше тяжести, меньше периодов.

Конференция по истории завода была плохой, и даже ничемной.

Разговор у Ю<рия> Германа — беспокоящ<ий>. Они ведь во многом правы, эти «взбесившиеся беспартийные».

Стихи не идут, все не то. В общем, какое-то томление духа.

Л<ешка> А<вербах> — секретарь Уралмашстроя в Свердловске. Когда узнала его точный адрес — вдруг, затосковала и отправила ему письмо.

17/IV-34.

Прямо и не знаю, как охарактеризовать свое состояние. (Часто я думаю, что это глупо. Но мне самой писание очень помогает — попишу, попишу, а потом примусь за работу.)

Так вот — настроение, требующее выводов.

1) Нервозность, беспокойство за Ирку, у которой желтуха. Бешенство на мать, состояние временности, столь нетерпимое мною оттого, что надо отправлять в санаторий Иришу, боюсь за нее — инфекции, будет ли обеспечен уход — ведь ее очень долго придется держать в полулежачем состоянии. Доктор сказал, что «она останется у вас инвалидкой». Приятная перспектива...

2) Весна, должно быть. От этого — настроение бесшабашности, «Все — возможности». Выгляжу хорошо... Числа 25<-го> будет в обл<астной> редакции обсуждение моей главы по «Истории».

Глава — чудовищно плоха, что бы о ней ни говорили. «Я знаю, я...»

А как ее переработать, как выбить эту приспособленческую фельетонность — ума не приложу...

И так неохота работать — охота писать рассказы, стихи, для детей.

Чувствую себя — специфически неважно. Ирка, Ирка моя...

18/IV-34.

Была в Детском, ездила узнавать насчет Ирки. Все-таки, при всех колоссальных преимуществах, боязно отправлять ее туда, не сорвали бы ей сердце. Если с 11/V — то еще ничего, к этому времени начну немножко спускать ее с постели, и вообще окрепнет. А может быть, потом переведу в специальный санаторий — вот было бы хорошо. Только не с мамой — она ее разлагает.

В Детском очень хорошо. Сады — серовато-зеленые, наверху — страшный крик галок, кричат, как собаки, не птичьими грубыми голосами, около прудов на корточках сидят дети и рассматривают открывшийся в воде мир — всякие травинки, листья, затонувшие на дно, черепочки; вода холодная, зеленоватая, по-ледяному прозрачная.

Сады — дымчатые; сады сквозные.

Обратно шла с какой-то женщиной, которая, плача, рассказывала мне, какой у нее «муж — паразит», «каменный человек», как ей трудно, какая девочка у нее (которая в санатории, открытым туберкулезом) — умная и ласковая-ласковая... А ведь когда дети заболевают — узнаешь, что они были ласковые. И у всех, оказывается, хворают самые ласковые дети, такие ласковые... Господи! Ничего-то нет лучше этих ласковых детей. Надо с завтрашнего дня все бросить и заниматься только Ириной. Ведь она тоже ласковая-ласковая...

Пришел в голову сюжет — образ. «Мама-крестная, или баба-кока». Бездетная, небогатая женщина, очень любила крестить детей. Страшно умилялась во время обряда, такая простая-простая, «цельная» женщина, широкое круглое лицо, белесые волосы, добрая улыбка — я ее очень вижу. Всеобщая кума, все ее называют — даже взрослые, баба-кока или мама-крестная. («Отец — Андреев»)

Ну и вот, накрестила человек 15, до революции, обо всех заботилась, как могла, потом они разлетелись — кто мотался на Гражданской войне, кто куда. Крестила она и после революции, может быть, один раз даже была на октябринах, ведь у нас не описаны октябрины. Жизнь у нее была ужасно трудная, неудачная. И все ее крестники вышли, как на подбор — коммунисты и комсомольцы, многие встали на руководящую работу. Не знаю еще, как будет разворачиваться сюжет — и не могу об этом знать. Может быть, маму-крестную забыли, наступило у нее страшное одиночество, нужда...

А потом, у нее собрались все ее крестники, все разные, все настоящие — летчики, директора, герои Севера, ударники, научные ра-

ботники, — цвет человечества, краснознаменцы. Может быть, привели чужих людей — сказали, что это ее крестники, старуха поверила, конечно, кто ей не крестник. Может быть, первую пятилетку — опять она их кормила, поддерживала — сама была героем Советского союза — домохозяйка-героиня. Новая ее комната, сборище крестников, Невская застава, ночной жилмассив...

25/IV-34

Обсуждение моей главы

Мои задания

1) Слушать, но критически

Гессен (историк)

1. Недостаточно много имен для массового читателя, они не раскрыты (не верно), можно пояснить

2. Стилистические небрежности («немедленно»-иронично)

Непомерно-большие, радеть — **часто**

Телеграфические-магнетические — бросается в глаза

Инициатива идет от <Клейпяшкаля?>

(так происходило то и другое)

«Котомка за плечами» — стилистический прием. Перспективы — в двойном смысле. «Теплые отношения» — Карл прибыл в Петербург — а что же писать — «Кровавый бандит прибыл ... и т. д.»

«Отечественная связь» — плохо. Почему?

Наименование означало...

«Присвоение» Ерунда

Непомерно-огромное <1 сл. нрзб> часто

А.—?

Они тянут руки к карману, где дело принимает

Я не хочу восстанавливать против Сименса грубыми приемами агитки.

Война или революция (48-49)

«Телеграф входил в Россию вместе с войной» — верно.

Почему Варшаву.

Вполне заводской характер — рано (в смысле работы на рынок)

Николай I был ценителем — .... (7 стр.), неясно насчет сарказма

Работа произведена четко, срочно (неверное выражение)

Интеллигенты исчезали. Непонятно. Непонятно, почему его отпустили (Иогансона)

Крупные недочеты

Абзац насчет требования связи. Действительно, абзац вульгарный. А вышло, что Россия оборонялась. Линии чересчур выводятся из войны.

Правильно

Подчеркнуть насчет восстаний, подчеркнуть, может, политический, управление государством.

Задерживало крепостнич<ское> государство, а не отсутствие индустрии.

Проведение линии в Варшаву — политический момент (восстания, поддерживаемые всей <1 сл. нрзб> демократией)

Посылал неквалифицированных рабочих, пользуясь отсталостью России.

Сочувственно к Силину

«Местные евреи» — употребить один раз. Вольнонаемных было много. **NB.** Надо написать — дешевых¹

Сколько из 223 было по квалификации инженеров и т. д.

Вся деятельность Сименса являлась прекрасным использованием крепостной России. (мастерские — остров)

Исследователи — Африки-Австралии — раньше.

Годы 60–70 — не годы бурного расцвета капитализма. **NB.**

Сдельщина была введена **не только** на <аво>де Сименса². Пьянство — из некультурности, а получается, что из зажиточности.

Не среда, а приходит в среду (не появились бы эти люди, была бы организация капитализма)

Оглянемся на запад — меньшевистская установка.

Протест был против правительства, — но не только, а и против капитализма.

Много лишнего материала

Истории завода нет (NB)

История **фирмы.** А сименсов<ская> интелл<игентщина>.

¹ Предложение «Надо написать — дешевых» выделено лигатурой по левому полю.

² Предложение со слова «Сдельщина» до слова «Сименса» выделено лигатурой по правому полю.

Революционеры не связаны с условиями труда, и больше показать связь с другими заводами (Ильин). Истории завода НЕТ. Ведь по искусству это — экспозиция.

Радовский.

Автор не имеет сведений из электротехники. Слишком много было бы техники.

Я не говорю, что Сименс был плагиатор. Биография Сименса Не свет был главным явлением. Эрмберг

История фирмы (на немецком языке).

Главное — в открытии Фарадея.

Якоби был не единственным ученым.

Уваров писал, что его заветная мечта — отодвинуть введение электричества на 50 лет.

Кто такой был Шиллинг — офицер, вошедший в Париж со знаменами, отлично понимал требования армии — шпик, разгромивший декабристов.

Войтоловская.

Главным центром должен быть завод — сделать введение коротким.

<Рис.: прямоугольник в объеме.>

Царские чиновники тормозили развитие капитализма.

(источники)

Бледнеет эксплуататорская роль Сименса.

Документ в <1 сл. нрзб>

(русские, собаки и т. д.)

История завода или фирмы.

Не работали 16 часов все.

Детали не удачны

Увязка с Балтийским заводом¹.

Экспозиция. Мои трудности. 1) Источники. 2) Техника

Очевидно, придется резко сократить².

Идиллический быт. А дальше?³

«Возможность организованного капитализма»

¹ Предложение «Увязка с Балтийским заводом» выделено лигатурой по правому полю.

² Часть текста со слова «Экспозиция» до слов «Резко сократить» написана О.Ф. Берггольц по правому полю тетрадного листа и взята в рамку.

³ Предложение «А дальше?» выделено лигатурой по левому полю.

Рабочие Сименса жили на одной квартире. **Объяснения**¹. Фишер
Подтвердить связь Ленина (Ленин был связан с Центр<аль-
ной> группой)

1905

Подумай, какая революция, и ни одного случая нарушения
частной собственности.

Завьялов

Непропорциональное распределение.

Где описано само предприятие?

Возражение на документ о позоре завода — неубедительно.

Как делают.

Слабая периодизация.

Разница в положении рабочих по периодам.

Пестрота.

Выбросить целый ряд моментов.

Велосипеды. <18>80–90 гг.

Мы пишем историю раб<очего> класса на фоне техники.

Ольга Берггольц

1934²

5/V

Кажется, у Ирины рецидив эндокардита. Вчера вечером 39, сегодня по-
явилось вроде одышки, пульс 100. А завтра надо отправлять ее в Сестро-
рецк, все готово. Неужели — опять срыв, больница... Что ж это такое...

6/V

К вечеру сегодня температура у Ирки нормальная. Была в санато-
рии — там хорошо, специально интересуются ее болезнями. Господи,
пусть хоть советская власть выручит... Милая наша советская власть.

¹ Слово «Объяснения» выделено лигатурой по левому полю.

² Запись рукой О. Ф. Берггольц на обложке дневниковой тетради.

Мне бы тоже надо отдохнуть. «Стала желтой и припадочной, еле ноги волочу». Выбилась из работы. Бродят внутри стихи, но наружу лезет одна дрянь. Нет, книжка будет, будет, хотя и не скоро. Проскочат ли политическую редактуру «Журналисты»? Ими открывают 4 № «Звезды» — все-таки приятно. Было много фраз, слов, отрывков, и вдруг куда-то делись...

— «В телефоне доигрывали бисовые номера, кончали последние арии»...

«Зелень была тонкой, как папиросная бумага, через нее просвечивали здания, люди, вода, улица».

«Он обладал чисто крестьянской боязнью всякого движения»

Гитара, невская застава,
Огонь зеленый на мосту...
О, что мне...

NB! были Германы, Колька явно поссорил меня с ним — или он искажил ему то, что я о нем говорила, и Юра явно обозлился. Наверное, я стала ему неприятна, он стал думать обо мне плохо, что я примитивна и вульгарна, вспомнил вечер у Канторовича и совсем отмежевался. Это все мне неприятно. Но я его все-таки дойму. М<жду> прочим>, после вечера у Кант<оровича>, несмотря на незначительность происшедшего, чувствую с ним какую-то связь, боюсь, что он замечает это. Нет, теперь другая тактика: прозрачно-дружеские, чисто-дружеские отношения. — «Разве что-нибудь было?», «Бог с вами». Ох, какая я подлая спортсмэнка... Ведь мне от него буквально ничего не надо!..

Пройдет, пройдет...

Прочла «Похищение Европы». Понравилось. Завтра с Фединым обсуждение на «Молодом Объединении». Выступать или нет? Если выступать, то только там, чтоб он обратил внимание, и познакомиться. Он интересуется меня давно — писатель, явно настоящий.

Составлю программу выступления на всякий случай.

Начала «Ночь в Новом мире» — очень плохо. Также хорошо только о крещении, и то конспект. Вообще — претензия. Этот псевдострогий стиль отдает фельетоном.

В стихах должна быть эмоция, доведенная до конца. В этом отношении хорошо «Друзьям». Перечитывала Эйхенбаума — «Анна Ахматова», ну, какие стихи у этой женщины! Надо сходить к ней.

Надо встретиться также с Запорожцем, м<ожет> б<ыть>, все-таки начну «Дзержинского».

9/V-34.

Отвезла Иришу в Сестрорецк. Там ей будет хорошо. А без нее — пусто, пусто.

Идиотское состояние демобилизации, совершенно не подходящее к моменту. Выгляжу отвратительно — никакая косметика не спасает. Надо отдохнуть и «поправиться», но как быть с деньгами? Очень туго с ними. Выплатит ли мне «История заводов»? Одна надежда на нее... Пока боюсь даже подсчитывать свой бюджет.

Видела в ГИЗе Ю<рия> Г<ермана>. Равнодушен абсолютно. Ничего у меня с ним не выйдет. Ну и наплевать! Левка К<анторович> вилял, говорил, что недоразумение. Ох, ну и скука, вот так скука дома!

Напишу хорошую, хорошую книжку, тогда они все «увидят». Уехать бы! На Кавказ, в горы...

13/V-34.

У Горького умер сын, Максим. Очень жаль старика, просто страшно за него. Да и Максим, что ж. Пусть бы жил, никому не мешал. Не хорошо, не хорошо. Подумаешь — и сердце сжимается.

Ирке в Сестрорецке хорошо. Теперь надо обеспечить ее пребывание до августа, и обеспечить себе поправку. Ах, как хочется на Кавказ. Как вспомню о горах — жизнь не мила становится. Ничего не надо — только бы лежать где-нибудь под облаками и смотреть на снежные вершины. Вот уж и счастье...

Читала автобиографию Сименса и заново возымела вкус к работе. «Нет, черти, мы еще живем!» Напишу интересную книгу, не по Покровскому, а по-своему. Слушать-то я, слушать буду, да не очень. Ведь и Завьялов — не художник, и его хорошая книга — за сто верст от литературы. На сто первой версте от литературы.

Скажу по секрету — мне хочется писать роман, где главным героем является электрификация. Писать совершенно свободно, как хочется.

Но теперь книга утяжелится, станет доказательнее, политичнее... Я люблю Вернера Сименса! А вот из революционеров — в том пе-

риоде у меня нет такого любимца. С 1912 г. — отец Андреев, Чапельников. А в 1905 г. — Соловьев! Брр... противный старик.

Не хочется писать «Ночь». Хочу «Роддом» и «Зерна». Я мечтаю о них почти благоговейно.

Вчера были с Юзькой в доме Уч<еных>. В окна видели огромную зеленую весну, хотела написать Неву, как в опере. Что-то непередаваемое. Хотелось, чтоб рядом был человек, который бы был влюблен, но еще ничего не известно, и «друга первый взгляд, взволнованный и жуткий...»

Измена Кольке? Его уже мало? Быт? Кто его знает! Знаю только, что от Николая не уйду, пока сам не выгонит. Но сейчас он какой-то... замкнутый, не очень ласковый, хмурый. И все известно. Хотя, ну чем же плохо, что я знаю, что вот часа через три мы будем с ним в постели, и, как говорит Шкапская: «будет медь звенящая и трубы»... Но все-таки пусть бы он был немного поизобретательнее...

На днях были Германь. Не знаю, что дало мне уверенность в том, что все возможно. И как только я представила себе, что возможно — стало сразу скучно и даже противно. Нет, телеологическая установка и тут не годится. Все дело в процессе.

Завтра куплю себе красный платочек и буду милашкой.

Со стороны я, наверное, противная.

Что же сейчас писать — «Ночь» или «Роддом»?

14/V-34

Припадок у Николая.

Нет, никто, никто, только он. Как он улыбается, еще не придя в себя, и тянется ко мне — откуда-то из тьмы припадка. Лицо у него, как у Святого, и хочется заорать или умереть.

Друзин очень хвалил «Журналистов», а Лозинский не взял «Отец яблок». Взял его читать Козаков. Странно... Неужели рассказ действительно плох? Нет, это отнюдь не хуже Острова, Пошехонова — я не говорю уже о просто смешных Вайсенберге и Марвиче. Ведь у них живого слова нет.

Конечно, равняться на них нечего, но... Говорят, что Лозинский дурак. Э! Все равно. М<ожет> б<ыть>, оставить его полежать, виднее будет. Деньги сейчас есть... Или попробовать послать Вовке Ермилову? Пошлю, попробую...

Будет прием в Союз Писателей. Я думаю, что меня должны принять.

Я думаю, что писателем я буду, и писателем хорошим.

А может быть, уехать в Кабарду? Очень бы хотелось. Если Коля не поступит в Институт, так и сделаем...

Наверно, у меня могут получиться рассказы только на биографии. Вот уже знаю, что «Роддом» получится. Да нет, получится все, нужно упорство и бесстрашие. Стихи совершенно не идут, но, может быть, по капле подбирается свое. Выступать ли в П<арке> К<ультуры>и О<тдыха>? Стыдно как-то, да потом — вместе с Корниловым, с Прокофьевым...

[19] 15/V-34

Вчера ночью, как обычно теперь, бессонница, и два стихотворения, которые ночью же мне очень нравились, утром уже было нехорошо, и не понравились ни Кольке, ни Юзьке. Колька сказал — «мелко». Ну, что ж, верно. Второе, и действительно, плохо. А на первом есть знак времени — только убрать «рабочий». Значит, стихи пока оставить. Буду писать «Ночи», потом — «Роддом», потом — «Зерна».

Примут ли меня в Союз? Должны бы принять. С 1 июля решила ехать в Гагры. Значит, до I/VII напряженнейшая работа. Сегодня составлю себе расписание-график и не отступлю ни на шаг. К 1<му> надо переработать всю часть и написать до 1905 года включительно.

Если «30 дней» и «Кр<асная> новь» возьмут рассказы, то не буду торопиться с другими. До Гагр надо будет еще побывать в И<нсти-ту>те растениеводства.

Завтра «прощальным гимном» пребуду на встрече в доме парактива. Затем отложу «обольщение» Германа до осени.

Надо поразить его чем-нибудь «глубоким», поскольку у него «правдоискательское» настроение. Но — ведь нечем?!

Общий план

К 1 июня — переработать 1 часть.

К 1 июля — до реакции.

Дробим

16/V 10 ч<асов> — П. Т. Ванаг

12 ч<асов> — парикмахерская, учеба и т. д.

Подготовка архива — 10 ч<асов>

17/V — Ин<ститу>т техники, 12 ч<асов>

Спорные вопросы, биографию Шел<гунова>, нов<ые> мате-
риалы.

8-ка, изучение и освоение архива.

18/V Музей связи

Чтение

19/V Музей революции

С 20<-го> начинаю писать.

19/V

Вчера и сегодня по утрам у Молчанова сильные припадки. Неужели начинается продолжительная падучая, а потом... даже не выговорить. Нужно принимать экстренные меры.

— И это все, быть может, что осталось...

Вчера совершенно внезапно, когда была на оргкомитете, решила, что «Мама-крестная» будет поэмой. Попробую. Не выйдет — напишу рассказ. А может быть, выйдет. Во всяком случае, это будет тренировка — здесь должно собраться воедино то все хорошее, что у меня есть. Это «моя» тема, и по теме это совершенно неповторимая вещь.

«Ночь» оформляется в сознании, м<ожет> б<ыть>, и выйдет.

Читала вчера душераздирающие рассказы Чехова «Скрипка», «Цветы запоздалые», «О, если бы так, только наоборот».

«Раздирающести» такой не добыть, конечно.

8/VI-34

Видела «Вершины счастья». Очень хорошо. Все эти «Суды», «Вступления», «Джой-стриты» — говно по сравнению с этой подлинной пьесой.

Вчера экспромтом ездили с Юрой Германом на острова, и опять, кое-что забрезжило. Но вечером, когда он ко мне приходил, на солярий — надо было проявить побольше инициативы.

А, впрочем, это ерунда. Сегодня кончу рассказ, а с завтрашнего дня за «Историю», но господи, как не хочется.

Впрочем, отложу все, кроме «Истории», и тогда, наверное, войду во вкус...

9/V¹-34

Рассказ дописан, смотреть на него неохота. Надо будет, при переписке, тщательно вытравить всякие «слепо и немо». Теперь надо — приняться за Сименса. Попытаюсь.

Отравляет жизнь то, что прошу через Г.П.Ч. устроить Ирине продление в санаторий. Бррр. Если 11<-го> не дадут ответа, то просто попрошу пропуск в Веселово и буду устраивать их там. Но, сколько будет расходов! А керосин. А вожение продуктов и хлеба... Бр!

Гуд бай! Пикадилли...

Хорошо, если б появилось напряженно рабочее состояние. Что для этого надо сделать? Отказаться от кошачьего настроения. Уладить все с Ириной. Главное — сила воли. А если ее у меня нет? У-ох!

Гуд бай, Пикадилли.

Все, ну все, способствует созданию чувства временности: неизвестность с Ириной и с дачей, прием в Союз Писателей (неужели не примут, или в кандидаты?); и вообще, какая-то неврастеничность. Чувствую себя перед Колей униженной. Он упорно занимается, а я, по существу, гоняю лодыря. Как мне начать «Историю завода»? — сейчас, чтоб легче писалось? С самого начала, или с биографии Сименса?

10/VI-34

Ну-с...

С Союзом пока еще ничего не известно, с Ириной тоже. Однако взялась за «Историю». Кажется, получается лучше, чем было, серьезнее... Но, все-таки, нет еще поворота.

¹ Вероятно, ошибка в датировке. Правильно: 9 июня.

11/VI-34

Ну, в Союз писателей я принята. На одной стороне души — поспокойнее. Все-таки приятней, чем быть не принятой. Принят Юрка Герман, а вообще, из молодежи очень мало. Не приняты Гор, Далецкий, Соболевский, Остров и мн<огие> др<ругие>. Не приняты Юзька и Левка! Т. е. они приняты в кандидаты. С горя Юзька проиграл мне вчера партию в шахматы.

Нет, конечно, их надо было принять за счет Костарева, Штейна и мн<огих> др<ругих>. А так, за немногим исключением — все правильно. Хорошо, что не взяли Малахова, Люсичевского и пр<очих>.

Вчера неожиданно зашел Юрочка Герман. Потом встретилась с ним на просмотре «Гармони», «Гармонь» — чистое говно. Господи! До чего у нас зритель еще бедный, просто жалость берет. На чае после просмотра приставал Левка Кант<орович>. Но я только с Юрой. Боюсь, кажется, отношение у меня к нему оформляется во что-то вроде... ну, не влюбленности, но, во всяком случае, излишней нежности. Впрочем, ерунда. Просто он очень хороший, красивый мальчик... Но я его дойму!... Ну, работаю.

<Далее обрыв текста, вырван лист.>

<...> аудитории, а потому что стишки не важные, и смешно было? Когда Володька Беляев, очень красивый, говорил «Творчество Ольги Берггольц». Не с чем, не с чем еще ходить в аудиторию!

Вчера из Петергофа вернулся Ю<рий> Г<ерман>. Я знала, я была уверена, что он зайдет ко мне, и он зашел в 11½ ч<асов> ночи. Пошли с ним на солярий и сидели там до 2-х часов, разговаривая. Он еще зеленый, сопливый. Имея правильные наблюдения и «гражданскую скорбь», делает слишком вольные обобщения. Основной его тезис — «у нас нельзя писать правду».

Ну, начистоту — можно? Не могу не вспомнить пример, приведенный Горьким об очередях. Можно писать все, но стоя на правильной, т. е. партийной точке зрения. Можно и нужно, иначе литература погибнет. Но что на практике очень и очень часто злоупотребляют политредакторским карандашом — это верно. Что критика требует (вернее, требовала) улыбки во что бы то ни стало, что уши у нас забиты криками об оптимизме, что как «клевету» встречают любую попытку изобразить отрицательные, горькие стороны нашей жизни — это тоже верно.

Невозможно питаться одним сладким, у питающегося вываливаются от этого зубы. А в то же время — вот плохо, плохо, плохо,

а жить все-таки радостно, а в конкретных условиях нашего союза — вдвойне. Может, это и есть — правда, самая лучшая правда, которую не все знают. «Да ведь правда, что жить прекрасно и строить социализм — замечательно», вот что должен воскликнуть читатель после прочтения самой «правильной», самой горькой книжки. Иначе в ней правды не будет ни на грош.

Правда о строительстве социализма — это рассказ о том, с какими трудностями, жертвами и самоотвержением строит пролетариат новое общество, и все-таки строит и радуется этому.

Если будет доминировать это, то никакая правда относительно очередей, голодовки, частных несправедливостей — не только не страшна, но обязательна. Этого не могут понять многие критики, политредактора, общ^{ественные} деятели.

Юрка говорит, что мы «отравлены официальной моралью». Надо было сказать ему, что если он отравлен, то у него это имеет форму диспепсии — детской болезни. Более зрелый организм справляется с отравлением более успешно.

Да, у нас мало «своего» мышления, мы однообразны, как китайцы, но это оттого, что мы мало знаем необходимую для нас общую систему мышления. Мы не плаваем в ней свободно из-за незнания схематики.

«Официальная мораль» и нормы, конечно, существуют, но это не одно и то же, что «официальное» наше мировоззрение. Оф^{ициальная} мораль — это статейки Селивановского об «я люблю» и весь шум вокруг него. Оф^{ициальная} мораль — это творчество Вали Герасимовой, высказывания Либединского — т. е. все схематическое, условно-социологическое (знаки), рационалистическое, роковым образом несущее привкус ханжества. Знаки, схемы. Но Юра считает, что все это декретируется ЦК. Я думаю, что наши хозяева, по правде, разбираются в литературе как приеме — средне, но ничуть не декретируют всего этого. Они же показывают нам образцы правды, взять XVII съезд, взять доклад Кобы. Однако на меня угнетающе действует орден, данный Бродскому. Меня возмущает «живучесть» Безыменского, Жарова, Уткина и пр^{очих}. Да много еще мурь! А Киришон!!! Нет, или я ничего не понимаю, или, вернее, там кое в чем ошибаются.

Верно и то, что орать о том, какая у нас прекрасная литература — вредно. Успехов сделано очень мало, и на 99% они условны.

Смешно! Когда Адамович делал на «Электросиле» доклад, я думала, что где-нибудь в Германии почти такими же словами говорят о нашем Союзе и нашем искусстве.

Люди, как глухие.

Горький отчебучил статейку по разным поводам. Старик рычит и ведет себя, как взбесившийся автобус. Очень часто — посредством глуповатых и досадных выражений — но во всем сказал истину, кроме абзаца о С<аше> Прокофьеве. Это грубо и нехорошо, ну просто гадко.

Пришла я с солярия поздно, Колька уже был в постели и злился, что я якобы не даю ему спать. Уснуть, действительно, он долго не мог. Злился омерзительно, а я сначала выдавливала слезы, чтоб его растрогать, потому что (не заслуженно) чувствовала себя наблюдившей кошкой, а потом и взаправду разревелась — очень уж было обидно. Не понимает он, бедняга и дурак, что подряд две ночи мучится бессонницей оттого, что перестал принимать люминал. Но, правда, надо и быт наш изменить. Вот получу деньги, куплю ему стол, все уберу.

Что-то плохо верится еще в то, что Ирку оставят на второй срок... Ох, если бы. А по ней иногда сердце рвет, как зуб.

15/VI-34

Вчера только взяла разгон — приперся Юрка Герман (ага! зачастили?!) и позвал к Левке Кант<оровичу>. Не могла устоять и, кое-как наладив отношения с Колей (который, кстати, сказал, что я недалеко ушла в быту от Павлов Васильевых, покрытых Галичем <?>. Это я-то недалеко ушла от таких мерзавцев! Спасибо. Это меня очень обидело) — итак, я все-таки ушла.

У Льва до смешного был повторен тот вечер — не хватало только Мики Блеймана с флажком. Юра ластился, очень постно и стерилизованно — нет, я этого не переоцениваю, я вела себя прилично, т. е. не блевала, как тот раз. Собственно, я не была даже пьяна. Как-то так опять вышло, что я защищала Советскую власть. А, ну их, говенные барчуки, откуда в них только это? Отвратительно гнетущее впечатление произвели на меня их издевки над соревнованием и ударничеством, хотя Левка изобразил это смешно. Может быть, я отгрызлась и аргументировала по-«культпропски», и, все-таки, это лучше, чем их барское высокомерие и издевательство. Происходит это у них

от совершеннейшего незнания жизни и людей. Посмотрим, посмотрим, как справится при таком настроении Юра Герман с «нашими знакомыми». Уж и сейчас элементы слащавости — очевидны. А их разговоры о положении с искусством при массе верных отдельных замечаний — тоже паршивы.

А, ну их. И Юра мне надоел, не буду встречаться с ними сама...

Эти дни будут днями напряженнейшей работы. К черту трепотню.

Коля, кажется, злится на меня и несколько ханжит при этом. А Юра — двурушник: как только Стенич и Горький покрыли его — видишь, сразу «потерял к ним нежность»... Гимназистик!

17/VI-34

Президиум Оргкомитета перевел меня в стажеры. С какой стороны ни подойди — это безобразие и гадость. Особенно, если брать сравнительно.

Почему контрреволюционеры Хармс и Введенский имеют право быть членом ССП, а я нет?

Почему Мирошниченко, книгу которого написал Маршак, имеет право им быть, а я нет? Васильева? И мн<огие> др<угие>.

Буду бороться. Пошлю письма в Центральную комиссию, Горькому, Маршаку.

Но каков Тихонов! Просто Иуда. Не он ли перед началом приема говорил мне, что если меня не примут — это будет глубокой неправильностью.

И неужели Маршак, когда меня принимали, не мог дать соотв<етствующей> оценки. Неужели, в конце концов, все, что я сделала, не заслуживает никакой самостоятельности? Неверно. Плохо.

Конечно, если даже ничто не поможет — писать я не брошу. Но ударило это меня сильно. Чудак Колька, знал обо всем вчера с утра и со страшной подготовкой сказал мне об этом только поздно вечером...

Ну ладно, увидим.

Съезд опять отложен. Прямо бардак. Пойду, попробую поговорить с Мишкой Чум<андриным>.

18/VI

Написала заявление в Центр<альную> комиссию, говорила с Маршак^{ом}. Может быть, и оставят в членах. Ну, а не оставят — смешно, не перестану же я быть писателем. Работать буду упорно.

Вчера Бюро по поводу «Истории», которое меня страшно раздражило.

19/VI

Вчера — ночь разговоров у Ю<рия> Г<ермана>, впрочем, очень неплохо. Перед этим — «белая ночь» на набережной, тоже хорошо, и все абсолютно внесексуально — разговоры, трепотня, споры.

А Юзья, приехавший сюда сегодня, сказал, что у Ю<рия> Г<ермана> роман с Женей Мустанговой, и дело чуть ли не пахнет «женитьбой». Обычный Юрочкин цикл. Ну, пусть. У меня к нему никаких чувств (честно), кроме сугубо дружеских.

Левка Левин вернулся из Свердловска, без письма. Леопольд счастлив, прекрасно работает, пользуется громадным авторитетом, любовью, вдали маячит орден. Хорошо, Леша, хорошо.

А, а как сердце щемит. Не увижу его долго, долго, а может быть — никогда.

Да, но зачем же вся жизнь как вино,
— как огонь, как стрела?..

Тяжело на душе, тоскливо, пусто, а тут еще Коля дуется, конечно, все время треплюсь.

Нет, нет, нет. Буду работать, не вылезая. Кончу к 5 то, что надо по «Истории», сегодня (сейчас) буду переписывать рассказ. Как трудно и тяжело жить, господа...

Леопольд зовет в гости, к себе. В будущем году мне будет 25 лет...

— Да, но зачем же вся жизнь, как вино,
Как огонь, как стрела?

26/VI-34

С 22<-го> — по 24<-е> включительно — три дня у пионеров. Читала с большим успехом, очень многое для себя вынесла, что закончу в ту тетрадь. Очень довольна этими двумя днями. Была в исключительно советской обстановке, которая пробудила много дум о литературе, о нашей среде, о жизни. Как хочется запечатлеть все это на всю жизнь, ведь это не повторится больше, ведь все это надо беречь и фиксировать. Какие хорошие ребята, врачи, вожатые. Я — не восторженно. Но отчего же нельзя и восторгнуться? Мне нравится фраза в «ночи» — «как же она не понимала, что время это так прекрасно, что нужно ценить каждую его минуту, радоваться ему и быть счастливой...» Вот это мое credo (Пожалуй, кончить этим кольцом — рассказ) — «ценить каждую его минуту, радоваться ему и быть счастливой».

Ночь в новом мире (Айне)

Легко проснуться и прозреть,
Словесный сор из сердца вытрясть
И жить, не засоряясь впредь.
Все это — не большая хитрость¹.

Б. Пастернак

Хорошо!

В лагерях же прочитала «Мичурин» — очень пригодится (вообще — «выписать лексику»), обрадовало и огорчило, что новый сорт сои называют человеческим именем — Хасан, т. е. так, как у меня должен был кончиться рассказ, переписывала «Ночь». А кажется, ничего, ничего. И даже новое слово. Колька говорит, что из рассказов не получается ничего чрезвычайного, ну это мы еще увидим.

А «Журналистов» встречают хорошо, главное — говорят, что интересно. Это уже немало.

Сижу за «Историей». Как мне сделать этот пореформенный период? Просто руки стынут. И опять получается «мало завода». Неужто дело в корпусах? По-моему, в деятельности фирмы до <18>80-х годов — главное. Наверно, выручит Кавказ. Сегодня — до «Сим<енсовской> интеллигенции» — обязательно. Резко сокращаю «конкурентов

¹ Четверостишие выделено лигатурой по левому полю.

круг»... До 5 удастся только переделать. Тоска. Сломала перо, Колькиным не могу. В члены же перевели Аф<иногенова> и Н. (Нет, кавандаш еще гаже.

<Далее обрыв текста, оторвана часть листа.>

Если б действительно принимали принципиально, а то всякой дряни напихано в Союз до бесконечности.

Есть еще, кроме этого, главное — работа, есть Ирка, Николай, есть партия, есть лес, море...

Но все-таки тоска. Не поэтому.

Все о девушке. Босоногой.

Я забыл, как ее зовут.

Хорошо пишет Борька Корнилов.

«Ночь в Новом мире», кажется, удалась, но уже грызут сомнения: не по-бабьи ли? Не сопливо ли? Не мелко ли?

Завтра, может быть, буду читать у Юрки Германа.

Горький прислал ему страшно ругательное письмо насчет «Бедного Генриха». На 99% — правильно. Я ему говорила, этому упрямому зеленому мальчику.

А Лебеденко говорил мне, что узнал о Юрке «кучу грязи». Это меня обеспокоило, хотя я к Юрке совершенно «остыла», тем не менее я его люблю, как Юзьку (нет, конечно, меньше) и Левку. Надо будет попытаться разузнать подробности у Лебеденко. Не верится, что Юрочка — сволочь и дрянь, не хочется, чтоб это так и было. Очень. Поэтому неприятно. Плохо разочаровываться в людях.

Сейчас буду работать над «Историей».

Взять бы ее с разгона — раз! Первого должна отнести в перепечатку, и займусь личными делами.

А потом — два дня в дороге, как хорошо... Потом — неизвестные люди (а может, известные?). Кого-то бог пошлет мне в Гаграх?

1/VII-34

Наполнена Ирккой. Какая хорошая у меня дочка, и как я рада, что она у меня есть! Такая большая, уменькая, милая-милая. Так рассудительно говорит: «Мама-мама...» Говорила-говорила со мной, потом сказала, что у нее есть очень красивые камешки. Деловито, на цы-

почках, на растопыренных ножках побежала куда-то и принесла в грязной, ветхой тряпочке самые бедные, самые простые камешки. «Видишь, какие красивые?» Я чуть не прослезилась и внутренне ахнула: ведь когда-то и мне они казались драгоценностями — в Финляндии мы собирали их на дорожках. Как обеднел для меня мир! А тут с Иришкой вдруг на минуту стал таким, и каким казался красивым...

Ириша, милая...

Потом рассказывала, как увидела Муську на пляже: «Вот идем мы с Людмилой Ивановной, все ребята вперед побежали, а я с Л<юдмилой> И<вановной> иду, думаю не увижу ли кого... нет, я просто так шла, мне около нее идти хотелось... и вот идем, море шумит, и вдруг подходит Муся. Я ее сначала не узнала, она немного пополнела, а потом вижу — Муся!»

15/VII <1934 г.>¹

Надо бы снова ввести в употребление дневник. Получился большой перерыв, за время которого шло сплошное горе: страшная болезнь Николая, ожог и болезнь Ирки, наконец, самое тяжелое — смерть Мачки... Это случилось в четыре дня, и было нелепо. И на всю жизнь — эти четыре дня в больнице, эти глаза любимой доченьки, и невозможность спасти ее... И главное, карточки ее нет. Уж слабо маячит в памяти зрительной, как сидела она за сеткой кровати, как улыбалась.

Господи, как она улыбалась!

Состояние все время почти истерическое. Креплюсь, иногда отхожу, но больше всего — плохо, сосет...

А смешно — за несколько дней до Майкиной болезни, даже когда Николай сидел у Бехтерева, было состояние счастья, как никогда в жизни, и все радовало. Теперь это будет нескоро... Что ж, жить как-то надо... Надо работать...

¹ Записи выполнены рукой О.Ф. Берггольц на отдельном листе, год записей определен по содержанию.

Стихи

1. Дети играют в веревочку.
(Мы тебя обережем, как счастье,
Наше будущее — плоть и кровь.
Мы научим жить *петь* и защищаться
Нашу песню, *детство*, дружбу и любовь).

1. Охраняют урожай.
(Подруга...)
2. Пасечник (старое, переделать)
Пасечники (молодые) — ?

3. Стихи про себя.
4. Садовый блокнот?
5. Любовь?
6. У молодежного цеха — знамя.

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions. It emphasizes that every entry, no matter how small, should be recorded to ensure the integrity of the financial statements. This includes recording the date, the amount, and the nature of the transaction.

The second part of the document focuses on the classification of expenses. It explains that expenses should be categorized into different groups, such as operating expenses, capital expenses, and non-recurring expenses. This classification is crucial for determining the correct accounting treatment for each expense.

The third part of the document addresses the issue of depreciation. It describes how the cost of long-term assets should be allocated over their useful lives. This process involves determining the asset's useful life and its residual value, and then calculating the depreciation expense for each period.

The fourth part of the document discusses the treatment of liabilities. It explains that liabilities should be recorded when they are incurred, regardless of whether they have been paid. This ensures that the balance sheet accurately reflects the company's obligations.

The fifth part of the document covers the topic of equity. It describes how equity is calculated as the difference between assets and liabilities. It also discusses the various components of equity, such as common stock, retained earnings, and treasury stock.

The sixth part of the document discusses the importance of reconciling the books. It explains that the general ledger should be reconciled with the bank statements and other external records to ensure that the accounting records are accurate and complete.

The seventh part of the document addresses the issue of closing the books. It describes the process of transferring the balances of temporary accounts to permanent accounts at the end of the accounting period. This process is essential for preparing the financial statements for the next period.

The eighth part of the document discusses the importance of internal controls. It explains that internal controls are designed to prevent and detect errors and fraud. These controls include segregation of duties, authorization requirements, and regular reconciliations.

The ninth part of the document covers the topic of financial reporting. It describes the various financial statements that a company is required to prepare, including the balance sheet, income statement, cash flow statement, and statement of equity. It also discusses the importance of providing clear and concise disclosures in the financial statements.

The tenth part of the document discusses the importance of staying up-to-date on accounting standards. It explains that accounting standards are constantly evolving, and companies must stay informed of the latest changes to ensure that their financial statements are prepared in accordance with the applicable standards.

ГОД

1935

О. Берггольц
Заметки при правке рукописей.
Реакция и подъем¹.

26/X-35

Сегодня утром шел первый снег. И сейчас, если выглянуть в окно, а из окна видны только крыши — снег. Все еще действует на меня первый день времени года.

И вот сегодня, когда снег падал — вдруг, пришло какое-то мирное, умиленное, щемяще-грустное состояние. Точно детство вернулось, и в школу. Точно жаль чего-то, и — нет, ничего еще не было. Вся жизнь вспоминается — грустная, хорошая, Майка, какой-то другой Колька, какая-то другая я, и что-то лучше, лучше, чем сейчас. Чище на крышах, уютней на улице, в мире, ощущается жилище.

Как неохота волочить войну и годы подъема. Хотелось бы уже взяться за чтение по 1907 году, а тут вытягивай из себя ультрапафосные вещи... Но я все-таки сделаю «Историю», хотя с утра только курю, думаю, бормочу, вспоминаю Виктора.

О, хорошо, хорошо, все хорошо...

27/X

Ожесточение.

Ни черта не выходит из работы — пишу затылком, не слышу и не вижу рукописи, халтура. Гнетут сроки, не хочу работать над этим периодом.

---

¹ Записи рукой О. Ф. Берггольц на обложке дневниковой тетради.

Ужасный переплет с деньгами. Дыры, дыры, везде. Разуты-раздеты, квартира, а я шью себе роскошное черное платье. Кретинка!

Тоска о Викторе. Ему плохо, если все, что он говорил — правда (разводится с женой) и т. д. 24<-го> был у Антонины, потом стояли на Фонтанке, и я говорила ему все, все было правдой. Но уйти от Кольки? Нет, я на это не способная, несмотря ни на что.

И точно детство вернулось и — в школу.

Завтрак, валенки, воробьи...

Это первый снег

Осторожный холод

Губы стягивает мои.

Ты — как мост, как весть, *гость*

издалека вестник

Что там делают без меня?

Чье там детство?

Чьи парты, снежки, уроки,

А коньки? А окна [рамы] в огнях?

Не столь тут его болезнь, депрессивное состояние и т. д., сколько просто то, что я не могу этого сделать. Люблю я Витю? Очень может быть, что это серьезней, чем сама предполагаю. Но если любит — пусть радуется одному моему присутствию!

Пойду на Бетховена, утешусь...

29/X-35

Вчера завод, райком. В райкоме меня встречали очень приветливо, а я слишком много барабанила, как-то стихийно хвасталась и опять недовольна собой. Надо признаться, что я не совсем свободно чувствую себя с ними — почему? Невинского я искренне люблю и уважаю; Науменко, что называется, хороший коммунист, но некультурен, груб, иногда хамоват. У меня к нему чисто демократическо-централистское отношение.

Исерлис, конечно, неумысел. Фальшивлю ли я в своих отношениях к ним. Положа руку на сердце — нет. Но плохо идущая работа по «Истории» завода создает чувство какой-то вины перед ними,

хочется доказать им свою полноценность, отсюда некоторая психологическая суетливость. Мне надо больше верить себе. И все-таки — это не моя среда. Среды у меня, собственно, нет.

Да нет, я много осмыслю, оттого и настроение такое.

Вчера помчалась в Дом писателя, передала Вите милую записку. Он торчал в биллиарде, потом пошли из Дома вместе, и вдруг у Каляевой улицы прощается и уходит. Чужой, злой, грустный. Я обалдела. Горе, самое настоящее, отчаянное. Все? Прихожу домой — плачу, задыхаюсь. Ванна не помогает. Звоню. Разговор этот вспоминаю со стыдом, потому что сразу, как только поговорила — отлегло, и хотя б ничего и не было. Это, знаю, оттого, что хоть и сквозь зубы, а все-таки сказал, что этот трюк не означает конца и что я родная ему. Это все я вынудила, ревя и всхлипывая в трубку. А потом сразу — ну, и наплевать. Неужели во мне настолько все омертвело? О скоро, скоро все — и райкомовцы, и любовники, и муж — поймут мою пустоту, мелочность, тщеславность и все откажутся от меня. Если я не настою на победе положительных моих качеств. Ведь все-таки — я искренняя. Ох, как я горевала вчера! А Витя-то прав: если любим друг друга, надо жить вместе, а остальное — блуд. Но разве я, даже осудив (а я искренне осуждаю) все это, трижды отрекаясь, не буду ждать встречи с Виктором, горевать и сердиться на его заподозренное равнодушие, желать его ласк, его слов, говорить ему об этом? Буду, буду, и все это будет подлинно. Вчера писала стихи, по-моему, хорошие. Утром звонил Д. М. Иванов — поздравлял с выходом книги. Милый, милый! И мне смешно: вот если он влюбится в меня (а я этого хотела бы) — неужели я опять не буду радоваться ему, отзываться и т. д.

Что это — разложение или богатство?

«Пингвинки не могли не идти навстречу своим похитителям, и в этом была их участь...»

За эти два дня сделаю войну, прочитаю материалы к 17<-му>, составлю к нему же библиографию. И это будет победа...

31/X

Все меньше любитя, все меньше дерзается,
И лоб мой с разбега время крушит.

Приходит страшнейшая из амортизаций —
Амортизация тела и души...

Витя сегодня предложил мне отказаться от «констебельского тона». Формулировочки тоже! Злюсь на него, злюсь. И, конечно, он прав во всем. Цельная натура. Но он мирится с женой. Что ж, ожидали.

Нет, он, наверно, не дорог мне. Сегодняшний разговор и прощание только озлобили, но сердца не разорвали. Наверное, я никого не люблю. За это и меня не любят, так, чтоб до смерти, чтоб на все решиться, чтоб в рабство впасть. Пожалуй, любит так меня один Колька, несмотря на третьегодишний разговор о разводе...

Ах так, В<иктор> В<асильевич>? Что ж, начнем все сначала, начнем с дружбы. Все дело ведь только в невозможности интимных встреч, не более того. При первой возможности быть со мной наедине все его концепции полетят к черту. Я не только равнодушна, я еще цинична. Ну, почему ж не дружба? Почему ж плохо думать о хорошем, серьезном, цельном человеке? Нет, он хороший, он настоящий.

Нет, пора, слишком пора относиться к жизни серьезнее. Пусть пока будет только один самоотверженный труд, без мысли и желания, чтоб кто-то был влюблен.

Да, да, отделаться от непрестанного желания, чтоб тебя любили и желали, быть проще, быть только самой собой, быть независимой, не болтливой, совсем, совсем простой, серьезно заниматься работой, серьезно расти, хорошо относиться к людям.

Просто приходите в клуб, поздороваться с Витей искренне и просто (и чтоб сердце не кололо), не пялиться перед ним, и чтоб все естественно и независимо. И радоваться музыке, книге, кружку, мысли, снимать шелуху слов с образа, оставляя только существо его. Да, да, так и жить, так и жить. Мне кажется, что я уже могу это.

Перед абсорбом съезжу на несколько дней в Петергоф — буду работать. Приедет Виктор — хорошо, не приедет — не плохо.

Вот и любви пришел каюк, Дорогой Владим Владимыч...

2/XI-35

Ничего, держусь...

Странно, а разве можно было бы не держаться? И лучше можно было бы держаться — работать. А я не работаю. Только сти-

хи пишу, почти не имея к ним отношения. То кажется, что хорошо, то думается — конец девятнадцатого века, Фюфановщина. И верно, некоторые строфы вызывают глубочайшее сомнение у меня — как будто пошло, не то смело. В общем, однообразно, многие слова нужно заменить другими. «История», «История!» Нет, сегодня преодолёю войну, пусть хоть кое-как, для них, и с трепетом начну 17-й. А потом? Страшно подумать...

Нет, полно, интеллектуальную, интеллектуальную жизнь! Довольно сексуальности.

А Витька еще вокруг меня попрыгает. Но господи, как не по-человечески и глупо. Ну, нельзя быть вместе, почему же не видеться? Он туп! Нет, он не туп, а я пошла, поверхностна, холодна... Ладно, молчание, молчание. Только бы отделаться от мысли о нем.

Умер Коля Дементьев. Трудно даже сказать, что жаль — страшно... Господи!

И к чему такая ширь,
Если есть на свете смерть?

«Что поэту до пороков и добродетелей человеческих? Разве одна их поэтическая сторона?»

5/XI-35

Вчера — «Пиковая дама». Долго фиксировать, как я клянчила билет у Шипиро, как я туда все-таки попала, если б я не относилась к этому с иронией и равнодушием (а у меня такое часто бывает — смотришь на себя как бы со стороны) — то я бы испытывала муки мелко уязвленного самолюбия.

Была договоренность, что ко второму акту придет Виктор. Он пришел, и мы довольно демонстративно тут же ушли из театра. Шатались по городу, сидели в угловом кафе. Витюша заявил, что сдался мне и согласен на любую форму отношений, хотя бы и адюльтер. «Наверно, я подлец, все-таки здорово тебя люблю...»

Я — почти никак.

7/XI

Ужасно беспокоюсь: Колька ушел дежурить в Академию — должен был прийти в 8–9, а сейчас около часу, а его все нет. Вдруг с ним что-нибудь случилось? Уснул, сделался припадок — убили. Попал под трамвай. Господи, просто не знаю, что делать.

Сегодня праздник. Демонстрация. Трогательные, смешные и милые детали праздника занесу в эту тетрадь, так же, как и собрание знатной молодежи. Вообще, много чего надо занести. Как я люблю все это, как горда и рада, что советский человек, что живу в такие годы. Просто иногда стеснение какое-то овладевает от гордости и радости, не хочется выражать это громко, как иногда совестно восхищаться вслух и словами красотой природы, точно боюсь оскорбить ее этим и разрушить то невыразимое, чистое, что в тебе возникло.

Немота, та самая немота, со спазмой в горле и сердцем, рвущимся от любви и умиления, и желания передать, рассказать это одним словом так, чтобы у другого это шестое чувство, третье измерение мира... Это, должно быть, специфика профессии, ставшей тобою.

(Но Колька?! Скоро час...)

Черное платье на мне и я в нем — прелестны... Этот цветочек на груди, рукава и плечики. Подводит живот, но я все время втягиваю его — сколько лет, и выхожу стройной, а на самом деле у меня уродливая фигура. Но все равно, очаровательно.

Два часа тому назад — звонок, Виктор. Зовет в угловое кафе. Я лечу. Там он заметно пьяный, и его любимый брат, Володя, циркач. Явно — хотел показать. Я в новом платье и как будто бы хорошо. Они ушли с семейного праздничного бала, показать, похвастаться мною хотел перед братом Витюша!

8/XI-35.

Это, с одной стороны, как-то растрогало меня, а с другой, вызвало тревожное, смутное и темное ощущение чужой жизни. Так бывает — вдруг увидишь на улице чье-нибудь лицо, или заглянешь в чужое окно, и почувствуешь, что близко, рядом, совсем не соприкасаясь с твоею, проходит чья-то жизнь, с любовью, с горем, с радостью, со всем, что есть у тебя, но совсем иначе. И это точно как бы и ты, но вне себя — так почувствуешь. До сих пор не могу этого выразить, а это бывает с самого детства.

И вот вчера почувствовала, что у Вити свое происхождение, свои обычаи, свой быт, одним словом, своя, чужая жизнь. Я заглянула в нее, как в длинный темноватый коридор, но заглянула и на минуту увидела. (Кстати, чувство ощущения чужой иной жизни — весьма неустойчиво, оно то пропадает, то блеснет.)

Брат зовет Витю — «Виктор Васильевич»! Были они оба немного пьяны, от Вити слегка пахло спиртом — надо сказать, что я люблю, когда от мужчин пахнет спиртом. И, как я понимаю, как возникло у него желание показать меня — семейное сборище, жена, брат, — все прошлое тут, весь быт, вино в той стадии, когда оно светочувствительно в человеке — и тоска обо мне, совсем не такой, как все вокруг (ведь тоже чужая жизнь), и вот желание видеть и показать брату — «вот у меня какая есть», и взглянуть на меня его новыми глазами... И вот выдумывается предлог, идет, звонит, я прихожу — хороша и недоступна, разъединена с ним.

Все это было мне как-то тягостно, разъединение это, параллелизм жизней, и он вчера как-то болел во мне. Всю ночь видела его во сне, тяжело.

И вчера праздник, мгlistая вечерняя улица, огни, флаги...

Виктор подарил мне торт. Вечером мы его ели с Колькой. Колька спросил, придет ли в Петергоф Виктор. Он странно держится — точно «все знает» и санкционирует, равнодушно и философично — «пусть баба перебесится». Или это только выдержка его страшная? Чувствую себя низменной? Я изолгалась, я просто кишу ложью, как червивый гриб. Но я буду лгать и беречь Кольку. То, что я лгу, тяжело для меня одной. Все равно, ложь моя принесет горя всем гораздо меньше, чем правда.

Опять несколько дней ни хрена не делаю, только думаю. Надо отряхнуть прах всей написанной «Истории» от своих ног, чтоб писать семнадцатый прозрачно, с вдохновением, по-новому. Ничего не знаю о Красине, но думаю, что он немного нового внес бы в это дело.

Как сценарий, как повесть. И если удастся — поверю в себя.

Очень хочу писать «Первороссийск».

Пока даже больше, чем «Заставу». Но сначала, оправдать все кредиты по «Истории». Плохо работаю. Суета сует и всяческая суета.

Ольга Берггольц
1935¹

10/XI-35.

И вот я в Петергофе.

Очень славный, скромный номер. Очень тихо. Одна. Холодно. Пустые, грустные парки... Бедная вы, Берггольц, бедная... Я приехала сюда главным образом потому, чтобы иметь возможность — быть с Виктором. Хотя он и говорил сегодня по телефону, что приедет, «если выберет время» (ну, не удивительно ли? Не глуп ли он?). Я знаю, что он приедет, и все будет так, как я хочу...

Должен быть очень хороший разговор — настоящее сближение душевное. Мне хочется быть откровенной, просто вывернуться перед ним. О чем я буду говорить ему? Об «Аэрограде», об «Идиоте», об «Истории», прочту последние свои стихи. Я скажу, что все <больше> и больше недовольна ложной жизнью своей, что чувствую, что живу и отношусь к жизни не так, как нужно — не серьезно, что я слаба, нерешительна, типичный двурушник и соглашатель, что могу быть хорошей, ясной — и как сделать это, как распутать себя?..

Пишу и знаю, что все это почти маневры. Вот я могу сейчас уйти от Кольки — все подготовлено к этому. Но замуж за Виктора не хочу. Не уживусь я с ним, и Колька во мне слишком глубоко сидит. Ну, а лжи сейчас почти нет. Коля почти все знает.

Что-то не так, что-то потянулось нехорошее, серое.

Вчера опять полусерьезно говорили с Колькой о возможных наших разводах и моем браке с Витей.

Как прекрасно начиналась и длилась любовь наша с Колей — а теперь? Самая возможность подобных разговоров не говорит ли об ее ущербе? Коля говорил, что последние годы мы все дальше и дальше друг от друга. Что почти не помогаем друг другу в работе, и т. д. и т. д., не считая лейтмотива о том, что он не обеспечивает мне материальное благосостояние...

Он любит меня, и я знаю, что я люблю его, но что-то не то, что-то не то, и точно вся жизнь прожита, и ничего уже не будет. Да, вот

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц на форзаце дневниковой тетради.

так. И я одна, и ни с чем, и нет ничего от прекрасного прошлого, кроме благодарности к нему и грусти.

Неужели так быстро прожила я жизнь, и вижу ее до дна, а дальше одно и то же?

Нет, это временное смутное время. Безвременье! Да, то, что я переживаю сейчас, лучше всего можно охарактеризовать как душевное безвременье.

Потому что — никаких полных, яростных, удовлетворяющих душу чувств. Не то что полная плешь, равнодушие и искусственное самоподогревание — нет, этого-то еще нет, но все как-то ущербно и не целиком.

Но послезавтра придет Витя и это будет праздник и жизнь. О, какой я буду!..

А сейчас — работать. Вот так попишу-попишу, и вижу, что не все до конца плохо. «Семнадцатый»!

11/XI-35

Вчера работала очень прилично. Но при приближении — материал «Семнадцатого» как-то... не то что тускнеет, а тяжелый, и обнаруживается масса всяких дополнительных моментов, утяжеляющих вещь. Сейчас идет очень кропотливая работенка по разности, сличению и т. д. материала, а потом — вдохновиться и писать.

Как бы начать все это снова, снова?

Обнаружена проживающим здесь Н. С. Тихоновым. А помнишь, несчастная, что ты была неравнодушна к нему? Ну и что ж, помню? Он очень мил со мной, разговариваем, причем я с удовлетворением констатирую большую свою свободу в отношении к нему — хорошо. Все-таки он премилый, обаятельный человек.

Ну, за работу, за работу! Очень хочу работать, и работать. Здесь чудесно. Э, нет, не вся жизнь прожита! Хочу показать Н<иколаю> С<еменовичу> свои стишки, но вдруг, после наших разговоров и осуждения ближних поэтов — стало страшно — подумала, что стишки — пошлятина. А на Виктора-то они, конечно, произведут сильное

<Далее обрыв текста, вырваны листы из тетради.>

28/XII-35.

Каркас «Семнадцатого» есть, и почти тот, но без дальше он не звучит, надо догнать до <19>23, тогда все станет ясным — что нужно для дальн<ейшей> работы.

Кружок — занятия веду хорошо и с удовольствием. Работаю помногу и интенсивно, хотя сроки нервируют.

Витя. Никакой инициативы с его стороны. Когда я с ним — ужасаюсь возможности его утраты до желания смерти. Рационально — понимаю, что обладаю сокровищем, Колей, которого нельзя утратить. Без Вити — то жуткая, опустошающая тоска, то равнодушные и говорит рацио<нальное>. Вчера — банкетец с Геловани, проводы до дома, моя комната с «все», и после всего — Достоевщина, но подлинная, до желания смерти. Витя: «Я запутался, я не могу сопротивляться тебе, но хотел бы, дома я устроил так, что не могу порвать» (о, только бы не ребенок! Ужасаюсь этому) и, в общем — отказ. Плачу, умоляю не покидать.

Сегодня в театре вижу его с женой. Бедно, очень бедно, но, что ж, может быть, «душа» и пр<очее>. В сравнение со мною не идет. Витя какой-то бедный. Он, теперь так: не надо? Ну, не надо. Всерьез. Устаю уже и злюсь. Он должен был бы быть счастливецем, самодержцем, богом — ах, не надо? Не надо.

Приползет на брюхе. Снова станет умолять о браке. Только бы без самолюбия — мне!.. Не оно ли единственное? Увидим. 30<-е>, Новый год... Увлечение французским, пока еще есть платоническое. Спать, спать.

31/XII-35.

Едем с Либединским встречать Новый год. Витя будет там со своей феей. Вчера видела его в биллиарде, читал все время, пока я играла, видимо ждал. Беспроволочный телеграф, т. е. переглядывания — смутны. Потом я, вдруг, разозлившись, когда он начал новую партию — ушла. Витя был все время мрачноват. Последний раз просил меня переменить часы обеда — все под флагом «отказа», а на самом деле в клуб теперь ходит обедать жена... Красивую позу принимаете, полковник? Ха-ха! Но плохо мне вчера было до ужаса — ревела дома часа два, потом написала два хороших стиха и успокоилась. Нет, проще, проще смотреть на вещи!

Только бы он был сегодня в одной зале с нами — уж я ему отолью! А если не дойдет? Если уже действительно разлюбил? Все равно, в виде страховки. Быть веселой, милой, прекрасной. Не любить, не злиться, не впадать в мрачность. Будут ли кавалеры? Это будет ужасно, если я не буду пользоваться успехом. Танцевать и кокетничать с кем угодно, но только чтоб видел! Поскучай, поскучай с «жинкой». А если... Ну, наплевать, надо ехать. Не люблю.

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions. It emphasizes that every entry should be supported by a valid receipt or invoice. This ensures transparency and allows for easy verification of the data.

In the second section, the author details the various methods used to collect and analyze the data. This includes both manual and automated processes. The goal is to ensure that the information is both reliable and up-to-date.

The third section focuses on the challenges faced during the data collection process. These include issues such as incomplete records, inconsistent formatting, and the need for regular updates. The author provides several strategies to overcome these challenges, such as implementing standardized procedures and using data validation tools.

Finally, the document concludes with a summary of the key findings and recommendations. It stresses the importance of ongoing monitoring and review to ensure that the data remains accurate and relevant over time.

The following table provides a detailed breakdown of the data collected over the specified period. Each row represents a different category, and the columns show the corresponding values.

Category	Value 1	Value 2	Value 3
Category A	1200	3500	2100
Category B	800	1500	900
Category C	500	1200	700
Category D	300	800	400
Category E	200	500	300

The data presented in the table above shows a clear trend of increasing values across all categories. This suggests a positive growth in the areas being tracked.

ГОД

1936

1 января 1936 года

Вялость в членах — не дали выспаться вечером. Вчера в клубе довольно мило, и почти полное выполнение программы: была хороша, оживлена, окружена рьяными ухажерами, и жена это видела. Она, вероятно, изрядно скучала. Столик: Витя с женой, Хаскин с женой — весело! Витя ни разу не подошел ко мне. Трусливо, полковник. Столкнувшись в бильярде, сказал: «Я выпил за тебя первый бокал и разбил его». Как когда-то, шутя, условились. А все-таки должен был бы, сволочь, подойти и потанцевать. Наверно злился, что за мной столько народу ходило.

Приехав домой, звоню в бильярдную и голосом, дрожащим от бешенства, поздравляю с Новым годом, новым счастьем. Растерянно: «спасибо», «спасибо»... На что такое он сказал: «нет», м<ожет> б<ыть>, ему показалось, что я спросила: «любишь ли, вместо желаешь ли?». Нет, любит. Это отход № 1. Все отолью.

Надо написать статеечку о поэзии. Перечла пушкинские заметки критические — что за глубина мысли, как все правильно, какой язык.

Довольно сексуальности, задвинуть на II план. Думать и работать. Мне предстоит сделать многое, очень многое, а я могу разменяться, растратиться до времени. О, если б жить только трудом и горением мысли, если б трезвость ума и холодность сердца! Как бы много я сделала. О, верно, верно у Пушкина — «для вдохновения нужно сердечное спокойствие...» А его у меня все нет и нет. И если будет оно, если буду работать и гореть, сами собою ко мне придут все, кого захочу. Только не нужно об этом думать. Но я слишком распустилась в этой истории, слишком проступило все женское. История была прекрасной. Я хотела бы, чтоб она длилась, но знаю, что

большого не будет. Я любила Витю, и люблю и сейчас, еще. Я извожусь, мне дыханье не перевести. Сегодня днем, когда засыпала — почти галлюцинировала разговором с его женой. Лишнее. Я слишком подчинилась ему и растворилась в нем. Я ценна сама по себе, безотносительно того, любят меня или нет. Да, так и жить. Вернуться душой и плотью к прекрасному моему мужу — Николаю. И если допускать, что мы с Витей, то только при отсутствии чувства с моей стороны. Буду работать.

5/1-36.

Стахановское движение, интереснейший мир, а у меня все будто бы одни мочеполовые вопросы. Но, например, к 8<-му> надо разработать методичку к стахановскому дню у нас на заводе, я буду трудиться самоотверженно, и уверена, что другие из нашей бригады многим воспользуются из нее. Так что я все-таки живу не только низом, а сейчас он как будто бы уже готов уступить свои позиции интеллекту.

В самом деле, история начинает приобретать все более унылый характер.

Я «пересидела» Витю: 3/1 — звонил сам, как потом говорил, 4 раза. Меня не было. Вчера, на поэтическом совещании — сам предложил сидеть рядом, предложил поужинать. Потом у меня, со все. Опять разговоры — «не люблю». Кокет! Я очень раскрутилась вчера и поняла, что тоска и отчаяние тех дней были благородными. Не стоило предавать их тем, что все рассказала о них — о снах, о невозможности дышать. Впрочем, оба мы были достаточно пьяны. Сегодня случайно увидела его в биллиардной. Когда вез до дому, был очень мрачен и говорил, что жена собирается писать мне письмо и звонить Кольке. Последнее было бы вовсе зря. Кажется, это из-за вчерашнего его посещения меня он говорил, что его «улучили во лжи»... Вероятно, дома у Витьки — типичная кабала и террор, и кроме того, его шпыняют коммунизмом. («А ты его коммунизмом, коммунизмом!») Витя говорил: «Как-то нехорошо вышло, ведь все трое мы — коммунисты»... ну, ясно, шпыняют.

Нет, хватит. Это становится смешно. Витя очень хороший, цельный мужик, настоящий мужчина и настоящий коммунист — но мало ли таких? Ведь у меня вначале не было установки на любовь, я поступила, как пингвинка. Я не люблю его, если даже это мне и ка-

жется. Может быть, никого не люблю. Не важно, будем жить одни. Закончим «Историю», книгу стихов, начнем «Заставу», родим Вовика или Майку, поедем. Дела до смерти много. Надо благородно отступить: желаю твоего спокойствия и счастья и потому отступаю. Интересно было бы почитать письмо Шуры, но звонок к Коле — это уже лишнее. М<ожет> б<ыть>, начать роман с моим псом? Он умен, благороден, талантлив. Надо оживить его, влюбить в себя с новой силой!

Конечно, благородное отступление тоже в какой-то мере маневр, вот когда Витя почувствует, что он меня теряет, тут-то он взмоется. И ответ Шуре нужно было бы именно такого тона.

Нет, история явно зашла в тупик и принимает скверный оттенок — по-настоящему. Или жениться, или дружбу. Жениться я не хочу: глупо. Я умнее и сложнее Вити, мне будет очень скоро скучно с ним. Вспомним его стишки, рассказы из жизни и т. д. Вспомним вопреки всему хорошему, чтоб забыть. Работать, и только работать. Восстановить вконец раскаченное декабрем здоровье...

Послезавтра, в новом платье — первый день благородного отступления. Только бы выдержать.

6/1-36

Я очень спокойна. Но только не надо
Со мной о любви говорить...

О, все еще будет. И любовь будет — самая настоящая, самая творческая — с Колькой. Мы сильно отошли друг от друга. Дома у нас неуютно, грязно, нежило... Все будет, все будет. Я снова буду веселой, буду трепаться и петь, как раньше, снова у Кольки будут веселыми его золотые глаза...

Сейчас попробую часов до 4-х писать о <19>18 годе. Надо написать так, чтоб сердце разрывалось от любви и жалости, и гордости к молодой советской России.

Снег, зимы гражданской войны, люди возле завода. О самом производстве знаю мало — придется потом говорить с людьми. Главное — это ощущение, а остальное приложится...

Завтра — подготовка выступления на поэтическом совещании и разработка методички.

8<-го> — Виноградова и совещание

9<-го> — ком<сомольское>собрание. 10<-го> — совещание.

8/1-36

Ночь идет, ждет работа, а я сижу и думаю почти ни о чем, но кажется, все о том же — о Викторе. Сегодня, после совещания Витя пришел в клуб с женой ужинать. Я знала, что вязаный шерстяной воротничок очень идет ко мне, и пошла ужинать. Я сидела одна за столиком рядом с Валовым. Они сели напротив. Потом пришла компания — Левка, Гринберг и т. д. и перетасили меня за свой стол. Лишний раз супруги могли убедиться, что я не остаюсь одна. Ловила на себе растерянные, *виноватые* глаза Вити. Ничего, ничего, замазывайте трещинки в семейном быту, я обойдусь без вас. Откровенничала обо всем с Левкой. Оттого, наверное, что что-то во мне омертвело. Я работаю и живу без биения счастья с себе. Точно орган какой-то умер во мне.

А что, если я люблю Витю, если отказываюсь от настоящей своей жизни? От своего настоящего... Нет. Мертво. Пройдет.

Мое благородное отступление, вероятно, уже не понадобится: там, наверно, уже решили все без меня... Вы думаете? Посмотрим. «А ну, иди»...

Мою методичку к стахановскому дню одобрили на парткоме и взялись обеспечить ее доработку так, чтоб политическое обеспечение к стахановскому дню все-таки подоспело. Это-то мне и нужно делать сейчас. Надо обеспечить, чтоб было хорошо. Придется, наверное, не спать.

Виктор пил. Придет домой и будет наверно жить со своей маленькой некрасивой Шурой. На ночь, наверное, она заплетает косичку. Он будет с ней такой же, как со мной. Только на мгновение это вызывает во мне отвращение и боль. Пройдет. Буду жить. А потом умру.

Заметка моя в «Лит<ературном> Ленинграде» вызвала всеобщее одобрение. Хорошо. Я окружу его собой. Может быть, делегируют в Минск. Едем вместе, и там? Но не лучше бы, чтоб умерло все окончательно, чтоб жить самостоятельной творческой жизнью. Лучше, Оля, конечно лучше. Бросьте тщеславиться, Оля. Не переживайте реплик гардеробщиков... Уважайте и цените себя больше, вы знаете что-то помимо любви и пр<очих> мужчин, и именно помимо нее-то и значите. Разрабатывайте методичку.

12/I-36.

Да, я буду готовить свое выступление по поэзии главным образом потому, что Виктор будет его слушать, потому что хочу, чтоб оно ему понравилось, потому что хочу вернуть его себе еще.

14/I-36.

Ну, так...

Третьего дня Коля сказал, что читал все мои тетрадки. Я до сих пор не могу поверить этому, и мне все кажется, что он трепался. Неужели, зная все, он мог вести себя таким образом? Господи... Господи... Меня просто холодный пот пробивает. Что же я сделала с ним, протасив его по всем этим тетрадкам? Мало мне всей моей теперешней муки, мало... Он говорил — я тебе могу выписки оттуда показать. Перерыла его ящики — выписок нет, но есть нечто вроде дневника — запись о Кате Абрашкевич, которая оказалась «блядью» и жила с мужем из жалости. А чем я лучше ее?

Верно, я не даю направо и налево и жила с Молчановым не из-за жалости, а потому что всегда ощущала его основой своего существования. Но все-таки — чем я лучше ее? Он не любит меня больше. Это факт. И хотя я еще утешаю себя, что, может быть, и любит, но надо смотреть в глаза правде. Он меня не любит. Коля меня не любит. Коля — прекраснейший, лучший человек из всех, кого я знаю. Завтрашний день человечества, по-настоящему. А за что собственно меня любить?

Я было пробовала обернуть в себе дело так, что, мол, это жестокость — знать, что я так кручусь, и как-то в стороне стоять. Господи — это мне-то еще сочувствовать, мне помогать? Нет, нужно, конечно, посочувствовать и помочь, нужно, я слабый, бесхарактерный, мелкий человечешко, но ведь есть же во мне за что уцепиться? О, есть!!

В этом письме о Кате написано: «Берггольц — ужасная баба, но хороший человек. Как бы от нее избавиться».

Я, наверно, еще не оценила всего ужаса своего положения. Был прекраснейший человек, который любил меня несравнимой ни с чем любовью. Я отняла от него всю веру, всю радость, эх, да что тут говорить!? Как это вышло? Сама теперь не знаю. Все, что я совершила — по внешности невероятно пошло и скользко. Он, как говорится, имел все основания разочароваться во мне, до конца... Все еще не верю — неужели читал?

Жизнь не получилась. Он уже мечтает о новой, о другой любви — не со мной. Не со мной. Что же делать?

Надо единственный раз в жизни предпринять какие-то решительные шаги.

Надо освободить его... от себя. Надо. Надо... И хотя подленькое что-то говорит мне, что все «образуется», что «и так можно жить» — умом и сердцем я понимаю, что так жить нельзя. Совсем надо быть блядью и сволочью, чтоб согласиться жить абы как... Люблю ли я его? Да, люблю, хотя иду сейчас в клуб, чтоб увидеть Виктора, но больше для того увидеть, чтоб доказать себе, что я его не люблю, чтоб убедиться в его черствости и ничтожности.

Да нет, это я черства и ничтожна, а не они... И если с Колей образуется — что, я опять не буду желать крутки с Витей. И не умна я вовсе, конечно. Поблядушка просто. Но жить одной, даже без иллюзии друга и мужа? Господи, как плохо...

Написать Коле все, все? Без мысли, что это вернет его мне.

Нет, врешь, теперь ничто не вернет. Нечего себя обманывать. Он вас раскусил, «Оленька»...

Остаться одной? Остаться одной...

16/I-36.

Так шел я, шел и умирал,
И снова шел, и возвращался
К ее рукам, как бумеранг,
И сколько помнится — прощался.

Коля проспал сегодня на занятия в Академию, и опять у меня чувство вины — и за это, и за всю его неудачную жизнь, которая неудачна глубже, чем внешне.

Частичная анестезия души. Мысли помимо себя. Равнодушие. Умом все решила, но рта не открыть — поговорить с Колей. Виктора не видела с 13<-го>, 14<-го> — мельком... Ирине хуже. Завтра еду с утра в Детское. Надо работать. Написала несколько неплохих стихов, нуждающихся в доделках. Выступаю сегодня в клубе на поэтической дискуссии.

...Что время. Что самоубийство ей не для чего.
Что даже и это есть шаг черепаший.

18/1. Детское Село.

Время для плача упущено, как в чеховском рассказе «Плакать, плакать», а слез уж нет.

На самом деле так: Виктор разлюбил и уходит. Николай тоже. Я делаю жалкие попытки уцепиться за Виктора — отправила ему отсюда письмишко, проблематично-искренне. С Колей не говорила.

Я сама не знаю, чего я хочу. Глядя 16<-го> на Виктора — думала: «люблю, и если только снова заговорит о браке — немедленно пойду». Вспоминая всю Колькину любовь, его самого — знаю, что это было единственное, однажды данное человеку счастье, и хочу вернуть его, и все еще не верю в его утрату. Но тогда почему я думаю о Викторе? Очевидно, мне хочется так: уверенность в нерушимой любви Коли и «ощущения» с Виктором.

Но так не выйдет, О<льга> Ф<едоровна>. Вы сами отлично видите и понимаете это. Нельзя без конца быть сволочью. Надо же, в конце концов, понять, что вы обанкротились, и не поможет ничто, ни серый костюм, ни что иное...

«Плакать, плакать»...

Но нет ни тоски тех дней, ни отчаянья — тупое ожидание, пассивное... Как и полагается типичному говну в проруби, каковым я являюсь. И весь ужас в том, что, сколько бы я ни отдавала себе в этом отчета — я им быть не перестану, пока кто-нибудь не решит за меня. Надо выбить из себя Витю и вернуть все с Колей. Только так может получиться жизнь — его и моя. Но если я, сделав так, поступлю только по уму? А потом опять начнется сожаление о Вите, и при первой его попытке опять пойду на все...? Ничего не знаю. Омертвело все внутри, опустело.

Подбирала книжку стихов. Что бы я ни говорила о «чистой», «интимной» лирике — громадное большинство из того, что у меня есть — просто мелко, вяло, плохо. Ужасная судьба «лирика» Б. Соловьева, Брауна. Я не убеждена в том, что это нужно, именно потому, что там «нет советской власти». Я не доверяю себе. Почему? Опять-таки, не знаю. Без внутренней убежденности в необходимости, в обязательности того, что я делаю — хотя бы потенциальных — нельзя

сдавать книжку. Впрочем, потенция... Что потенция? Потенция лая... Но ведь и перспектива.

Очень смущает «Рассказ о тринадцати». Как будто и то, как будто и не то, и не своим голосом, а чересчур «мужественным», концовка — пошлая, не ясно выраженная (а прекрасная!). Мысль, много шипящих букв. Слишком я облегчила свою поэзию, слишком стала она у меня условной. Но в «В» еще и ритм этот.

Хотелось бы показать все Кольке. Как-то он один там? Ведь ему плохо, ему еще хуже, чем мне, и отчужденность, наверно, от людей больше, чем у меня. Если б завтра приехать и встретить любящие его глаза, восклицания: «Лешенька», улыбку его милую — все, все было бы решено. Но даже в ответ на мой порыв — встречу сумрачные глаза, и опять тоска, тоска...

«Плакать, плакать»...

А какое плакать, когда надо гнать «Историю» — нет денег..

19/1-36.

Иришка очень плохо ест — боюсь, не передержали бы ее врачи без сердечного, не было бы опять рецидива...

Вчера работала до семи утра — «История» почти без единого проблеска, халтурнейшая. Впрочем, эта частица — так и должна быть, как перепонка.

Со вкусом сегодня начну описывать гражданскую войну. Клуб, фединская шляпа, <делающаяся?> «Застава».

Вечером уеду. Будет ли завтра пленум, подготовка к 20-летию? М<ожет> б<ыть>, буду говорить. На поэтическом совещании говорила ничего, но по себе — плохо, думала, что скажу горячо и страстно, но стало вдруг скучно, и плела вяло, кое-как. Все же это было одно из лучших выступлений, заметка всем очень понравилась, на меня ссылаются в выступлениях — м<ожет> б<ыть>, поеду в Минск!

Завтра выступать под углом — центр подготовки вовсе не книги «Соц<иалистический> Ленинград» и «Знатные Люди», а «личные» книги писателей — нагло скажу — главн<ым> образом молодых. Мысль, конечно, верная, хотя и вне лит<ературной> политики. От наших корифеев к 20-летию будет то же, что и к 40-летию. Т. е. как от козла молока. Литиздат, Союз, журналы должны действо-

вать вместе. Контроль за этой работой со стороны Союза. Проверка качества этих работ — союз ответственен за качество.

Оденусь под Сольвейг, вот где бы серый пояс достать, да были бы готовы туфли!

С Витей буду равнодушно-мила, после письма — «живу одна, никого из вас не надо»...

Но Коленька, Коленька мой?! Страшно боюсь всегда, что приеду, а он мертвый. Увижу его сегодня вечером.

Написала о Сталине — может быть, очень неплохо — мысли оригинальны, а изложение их, вероятно, под Безыменского...

24/1-36.

Comment — *ça va? ça va*¹ как будто бы и ничего, но все-таки ощущение неполноценности не проходит. Восстановлен контакт с Колей, спала с ним, и было хорошо, не могу я, наверно, без мужской ласки жить, милой и хорошей. Целовала его горячо и раза два всего воскликнула про себя: «Витя, Витя», точно совсем оторвалась от него, летя куда-то. Говорили обо всем. Нежность к Коле, преданность, но чувства влюбленности нет. М<ожет> б<ыть>, еще нет, потому что думаю о Вите... О нем думаю более спортивно, чем жизненно. И это, наверное, отомрет. Двадцатого после пленума довольно долго ходили вместе, говорили о литературе... Дружбы, пожалуй, не выйдет. «Что время?»... Но, в то же время, как-то побаиваюсь рецидива. Только-только начало приходить относительное равновесие.

Захотелось работать — к 20-летию СССР, по-серьезному, без скепсиса, добросовестно. Ведь все же — дата! И что была бы я — без Революции!? Люблю я нашу советскую власть. Хочу написать для «Соц<и>алистического» Ленинграда» — о стариках, для «Знатных людей» — о Мартехове, для «Двух пятилеток» — о Заставе, детях Заставы, о школе, для ребят.

О, много, много радостной, хорошей работы, много надо читать, много надо сделать. 590-26 Як<ов> Ол<есич>.

Последнее время опять получаю много комплиментов. Влюблен премилый лейтенант, и во мне заговорил спортсмен — покрутить мальчика?

¹ Как дела? Все хорошо (фр.).

Художник Акимов видел меня недавно и умолял Розенфельда познакомить меня с ним. Акимов — тончайший художник, тще-славия довольно.

Рашель Миллер вчера говорила: «Знаете ли вы, Ольга, что Вы очень хороши? Очень красивы?»... Я скромничала, но я сама знаю, что бываю иногда (чаще) — прелестной. Я давно разглядела и оценила себя!

Прибывают комплименты о рассказе, о стихах. Собственно сближение с Колей и началось после того, как он прочитал мои стихи и многое ему понравилось.

Написала хорошее стихотворение — «Я уеду, я уеду...»
А с какой негой сказано —

Дорогой усмешки этой,
Искры темно-золотой...

Сегодня постараюсь передать стихи Вите — посмотрим, какой будет эффект.

Мне показалось, что вчера он бегал от меня. Показать стихи, и — равнодушные... Э, полковник, вам такую не найти. Но не самоупиваться. (Говорю больше для самоуспокоения ведь.) Ну, такая и сякая, а Витя не любит, плюет. А лучший человек, которого я знаю — Колька — любит. Правда, говорит, что хотелось бы лучшего, но знает, что лучшего нет. Только от меня зависит его счастье...

27/1.

Жребий, о сердце, твой понят,
Старого пепла не тронь...
Больше проклятый огонь
Стен твоих черных не тронет...

БОЛЬШЕ ПРОКЛЯТЫЙ ОГОНЬ
Стен твоих черных не тронет..

Больше проклятый огонь
Стен твоих черных не тронет.

Ожесточение, нервозность страшная. Историю с Витей нужно считать законченной. Вчера на поэтическом совещании, верно, сел рядом, и взгляд мелькал ласковый, потом в 11 — «пойду ужинать». Меня не зовет. Я не иду. Возвращается в зал, сидит до конца. Я ухожу, не делая попыток идти с ним. Потом, в половине первого, пока меня не было, звонит — кажется он.

Итак, стихишки ничего не протаранили. Не в этом дело! Дело в том, что они просто плохие. Вот Заболоцкий вчера читал стихи — просто как подарок получила. Очень рада за него! Нет, настоящий талант в Советском Союзе не так-то легко утробить!

И. Виноградов очень хорошо говорил о поэзии. В общем, хочу трудиться, хочу быть спокойной и ровной, хочу много трудиться, соскучилась по дому, по работе... «Двадцатый!»! «Первороссийск!»! Ни малейших попыток к сближению с Виктором. Очень, очень плохо чувствую себя.

Много эти дни пришлось возиться с Ирккой.
Работать и жить спокойно, и любовь Коли...

Больше проклятый огонь
Стен твоих черных не тронет...

Даже читать неохота. И точно нечего читать, а на самом деле последнее время совсем не читаю, даже иностранную литературу, собственно, не даже, а вовсе не читаю.

Отстала. Слабость и одно желание — лежать без движения... Горения нет, жадности, счастья. Но отчего, отчего. Полежу и буду что-нибудь кропать.

28/1

Скоро в остатках бывшего
Я и сквозь дым разберусь.

Витя «заболел», на самом деле кончает сценарий. Сценарий явно идет плохой. Витя талантливый и одаренный человек, но навряд ли выйдет из него литератор. А может, он даже и не талантлив? А может, и не умен?

Нечего клеветать на человека, который тебя бросил. Но почему меня... все бросают? Лешка, Юрка, Витя? История с Витей была банальной... (Взглянем банальными глазами.) Держу пари, что едва жена отбудет, как он опять «сдастся» и позовет меня к себе. О, как мне хочется наговорить ему кучу оскорблений. Например — утверждение его, что жена гибнет, как жена Пьера Массубра, вранье, что об этом говорил с ним Ратнер. У жены растет зуб, у нее не в порядке щитовидная железа... К чему этот «романтизм!»¹ Это что-то новое в медицине, Витя... Я никогда не слышала, чтоб у человека вырастал зуб от семейных огорчений... Тогда у меня должен бы был появиться горб, как у дромадера...

Но это низость. Зачем, зачем? Будем благодарны Коктебелю, ноябрь-декабрю на улице Каляева, решим, что стоило жить...

Что не хотела обмана
Все остается со мной.

Да, да, найти себя помимо внимания Беспамятнова и др. Работать, завести тетрадки для «Заставы», для «Первороссийска», книга стихов, детям, вымахнуть «Историю», читать. Денежек бы только. Измучилась с денежкой.

29/1

Хи-хи! Только что звонил Виктор — ужинать. Из дома звонил. Что-с? Отольем слезки... О, только бы не предать все эти дни тоски и сегодняшней вечер мира...

31/1.

Самое скверное из всего этого то, что я совершенно выбилась из работы. В результате всего этого — перспективы самого отчаянного безденежья.

Мне, конечно, нечего было даже и пари держать. Тогда — «Европа» с водкой, и до 5 часов вечера следующего дня — у Вити. Любит? Да, говорит, что любит, и даже подумать можно, что любит. А жена —

¹ Так в рукописи.

в больнице! Я ему об этом говорила... И — ох, как это было похоже на Анненского скрипки. Была ли радость узнавания.

О, как давно; сквозь эту тьму
Скажи одно — ты та ли, та ли...

И да, и нет.

Все, все так. И отравление скорбью — тоже. Но уходя — думала: «нет, сердце — свободно». А вот сейчас, когда не позвал к себе — опять тревога и обида, как от любви. О, неужели люблю!? Кантовская конъюнктура довлеет же над ним, это очевидно, что же я... мечу бисер?

А если б жена не уехала в больницу — я разлюбила бы его.
Э, как все...

Но когда б и понял старый вал,
Что такая им с шарманкой участь,
Разве б петь, кружась, он перестал
Оттого, что петь нельзя, не мучась...

Разве б петь, кружась, он перестал
Оттого что петь нельзя, не мучась?

Нет, не перестал бы..
Пусть будет все, как будет.

1/II-36.

Болтанка достигла ужасающих размеров: ничего не могу делать, даже мыслей нет никаких. Нужно было бы, собственно говоря, полегчить и отдохнуть, но чувствую себя не вправе — добро бы от честного труда устала, а то от блуда. Ужасающая апатия, слабость, вялость, пустота. Позор. А еще проверку прошла. Э, вы, Берггольц, — сопля зеленая.

Витю иметь бы (и для души) как дополнение. Да вот не могу я так! Нет еще этой... «зрелости». Сегодня-завтра должна приехать Катя Абрашкевич. Если б Псо был влюблен в меня, как когда-то, если б не отпускал от себя, говорил бы разное такое, если б активно воевал за меня!

А, баба, баба и баба!

А «История» стоит. Весь январь — псу под хвост.

Нет, завтра с утра сниму трубку и все сделаю. Нельзя так, черт знает что...

4/II

Мне надоело констатировать, что я опускаюсь, но более чем когда-либо ясно, что «с этим пора кончать».

Колю из Академии не отпустили. Ему надо учиться. Надо, чтоб у него была радостная, удовлетворяющая его жизнь, семейная, рабочая атмосфера, чтоб он бросил свои лекции и кружки, отвлекающие его от учебы. Обеспечить это должна я.

При этом образе жизни, который я веду, при том состоянии, которое у меня — я могу быть, да и есть, только раздражающей по-мехой.

Пишу и думаю, что все равно не в силах буду все это видоизменить, и все это звучит как-то жалко и фальшиво. Нет прежнего ожесточения в борьбе с жизнью. Собственно, глупость. Надо попробовать прекратить дневник, лучше думать так. В чем основное звено, мешающее вытянуть все в цепь? Виктор. Ясно. Надо отказаться от него. Не тот он все-таки человек, из-за которого можно ломать и растрчивать жизнь.

Вчерашний разговор: «Я попал в переplet. Я (осенью) готов был все оборвать, но ты не пошла на это. Ты вела себя примерно, как на банкете весной, выбирая между мною и Германом. Я сказал жене, что никуда от нее не уйду и все прекращаю с тобою. Я знаю, что так и надо было бы поступить, но я не могу отказаться от тебя. Я мучу жену, я разболтался, мне тяжело, все это неправильно и т. д. и т. д.». «Я, я, я», «жена, жена, жена», а я? Преходящим обстоятельством.

А практика: 29-го везет меня к себе, и все такое. 31-го не зовет к себе, второго я напрашиваюсь сама, в лоб, прямо, а встречи организует он. Это последовательность, это борьба с самим собою — сегодня спать, завтра отказываться, послезавтра опять спать. Попытка, совершая гадость, представить себя мучеником, героем, и тем оправдаться в своих глазах: я не просто сплю, я перед этим колебания и мучения переживаю, я все-таки хороший. Никто не говорит, что этих самых колебаний нет, что они не мучительны — по себе знаю, а для Вить-

ки, может, и вдвойне. Но не верю и не допускаю я мысли, чтоб все это в таких уж размерах было. Раз убедился — отойти не могу, ну и живи, и радуйся, чем возможно, признай себя пораженным и будь честен в возможных пределах.

Нет, не тот, не тот. Злит и раздражает меня его поведение, бесконечная рефлексия, а не умиляет и не удивляет. И, enfin¹, я тоже не пешка. Что, в самом деле? Несешь человеку все, чем богат, а он еще кобенится. Я говорю ему — дома все лопнуло. С одной стороны, это ложь, а по существу, вероятно, все-таки правда. Ложь с обеих сторон. А м<ожет> б<ыть>, нечто, не совсем известное людям, нечто большее, чем адюльтер?

Не могу уйти от Кольки, как он от жены, не в силу привычки только, а с ним (со мной) совсем другое. Не совместительство. Но если это плохо — значит, заковать себя, ограничить, отказаться от целого нового мира? Ничего не знаю. Знаю, что надо работать, и сделать работу и любовь к действительности главным. Довлеть самой себе — вот что надо, а не жить постольку, поскольку кто-то любит. Довлеть самой себе. Как я предаю себя — ежечасно, ежедневно.

А Витя все-таки ограничен, и весьма. Уйти. Уйти. Довольно мне на него вешаться, все равно не ценит.

Если я в Минск не поеду, хотя и хочется, это будет только хорошо.

Злость к Вите, с которой начала писать, несколько опала. Надо, чтоб он уехал в Минск.

«Все утопить»

Примеряла разное старье и смотрела на себя в зеркало. Хороша стерва, хороша, на знатока прямо.

Коля пришел ласковый и вдруг взял меня так, точно я и не жена ему, точно и не жили 6 лет — вдруг, сильно совсем; я очень хотела радоваться этому, но я как притушенная сейчас. Ничего, ничего, поднимусь.

А все, что с Витей — все утопить.

6/II.

Только хорошо будет, если я не поеду в Минск. А я звонила зачем-то Тихонову — скажет еще об этом Витьке, получится неловкость.

¹ В конце концов (фр.).

Ну, что мне Минск? Толпа, открытие пленума, раздражающие и в основном ненужные разговоры, ну, Витя, да и то не наверняка. А тут — приду в себя, стану работать, может быть, опять стану веселой. Тонус абсолютно пал.

Хватаюсь за разные вещи, чтоб деньги, а выполню ли. На плохую стезю вступила. Но надо, надо все это выполнить. Ведь интересно же. И книгу стихов надо. Свою, как сказал Заболоцкий, «с живым человеческим голосом, чего не хватает много нашим маститым». Ни в Союзе, ни в критике со мной не считаются — раздаются лишь одинокие голоса ценителей.

Ничего, пробьюсь к читателю сама, я люблю его.

Работать надо, Оленька. Хватит жить в кредит и пользоваться славой блондинки.

Вчера ночевала у Вити. Милый он, хороший. Как ему тесно и плохо в нашем бездарном «писательском» партколлективе. Хорошо вчера говорил, действительно знаний бы ему побольше, мог бы дела делать. Да с кем? Не с кем. А Н<иколай> С<еменович> <Тихонов> тоже в отношении меня крутит. Конъюнктурист. А, ну их всех.

Начать отказ уже завтра? Не пойти на вечер поэтов, не показываться в Союзе 8-го — уезжайте, Виктор, уезжайте.

Сегодня вернулась из больницы жена. Опять начнутся сомнения и колебания. Все, все, что могла, я получила от него. Даже последние два раза и постель была не та, хотя был очень устал<ый>.

Нет, мне сама судьба с Минском трафит, а я еще ломаюсь. Сама судьба.

Витя: «А мне страшно было ехать с тобой в Минск, хотя я ничего не сделал, чтоб ты не поехала»... Констатирую, что влюблена в него уже меньше.

Нет, ну, хватит, хватит сексуальных переживаний — душу тошнить начинает. Что-то Коля мой долго не идет. Соскучилась о нем.

8/II-36

Все-таки основное очевидно в очень скверном состоянии расшатанного самую же здоровья.

Апатия, сонливость, вялость, нежелание говорить и встречаться с людьми — такие, что вчера даже дураки Володька Бух и Пророков отметили, что «тебя что-то давит»... Именно — давит.

Между тем много интересной работы, которую надо хорошо выполнить.

Коля верно вчера сказал: для литературы я еще ничего не сделала, дальше от литературщины, от лит<ературной> среды, ближе к жизни, больше любви к ней. Это я сама знаю.

Вчера читала отрывки <18>90 года на проп<агандистском> семинаре. Ой, до чего плохо, стыдно прямо. Но сейчас-то уж знаю, как сделать, чтоб заиграло. Верно, надо переделывать — и переделывать буду с охотой, уже отсеяв материал, заново любя его.

Погружусь в школы, завяжу связь с нашей электросиловой школой — комсоргом там Федька Морин, мой старый юнкор. Буду читать им историю завода. Свяжусь снова с Перкиной, со школой Энгельса. Сделаю для «Двух пятилеток», сделаю книжку о школе, попробую сценарий.

Мысль о том, чтобы «вылезти» и «утереть нос», конечно, существует, но она пройдет в процессе честной работы, встречи с людьми, а кроме того, добьюсь попасть на 10 Съезд Комсомола. Это поинтересней пленума!

Только бы вялость прошла подлая — надо подлечиться.

Да, я хочу, чтоб партия и комсомол знали и ценили меня. Мысль о том, что это может повлиять на мое положение в Союзе — конечно, есть, как и ряд вообще мелких тщеславных мыслишек ущемленного обывателя. Ну, что поделать — есть они, должна себе признаться, и знаю, что они пошлые.

Но вообще-то не это главное — нужно честно и самоотверженно работать для людей, для литературы, я это знаю, и так и буду делать, и в процессе работы и учебы (я серая и отсталая) страхну с себя всю пыль, весь прах тщеславия. Только работой смогу я чего-либо добиться, работой без мысли о том, чтоб возвыситься.

Пока есть эти подлые мысли. Но они пройдут, обида пройдет, я стану сама по себе, еще радостней, серьезней, умней и лучше. Брысь, брысь, подлые мыслишки!..

А Витя... Ну, почистоплюйствовал — «неудобно» ему было защищать мою кандидатуру, а может, и не хотел, чтоб я ехала... Думает таким образом «освободиться»... Пустяки! От себя не убежишь, полковник.

А я лучше, а я справилась, а я расту. И это подлые мыслишки, знаю. Пройдут.

Позвонит ли он мне перед отъездом? Нет, наверно. Вот, думает, какой я мужественный, суровый, стойкий.. Ну, и хрен с тобой. Цену твоей стойкости я знаю. Мена сокола на кукушку..

Сейчас все же отдохну, а с завтрашнего дня — новая жизнь и новая деятельность.

Даже боюсь, что Витя позвонит и скажет, чтоб приходила на вокзал ехать в Минск — я ведь поеду..

9/II-36.

Ни розою, ни былинкою
 Не буду в садах отца:
 Я дрожу над каждой пылинкою,
 Над каждым словом глупца.

Сегодня сопротивлялась страшной слабости и вертижам в голове, пыталась работать и думать. В результате, кое-какие стишки, которые нравились, потом прочитала последнее Коле, он сказал — плохо, и все показалось плохо, выдуманно, мелко, а прочтя прекрасные стихи Прокофьева — еще больше убедилась в этом, и уж кажется, что вообще все плохо было, есть и будет — во всем.

Стишки, написанные сегодня — холодные и жалкие, в них почти нет дыхания, это от ума...

Проработала статью Радека — серьезно подготовилась к завтрашнему кружку.

Разглядывала первый том «Истории Гр<ажданской> войны» и захотелось взяться за «Историю». Работоспособность же — ничтожнейшая. Это, наверно, от головы. Жужжит.

Коля часто дезориентирует меня, и вообще, относится ко мне сомнительно. Его же слова одобрения больше всего помогают мне. Но не должен же он хвалить меня за говно?

Ведь правильно же разгромил он меня за второй вариант «Зерен». Нет, я, верно, развратилась похвалами. И что за бабья особенность — искать опоры вовне. Нет, если не этот шум в голове — я выправлюсь.

До сдачи книжки стихов еще три месяца, но буду торопиться, буду писать только на дыхании. Пусть будет только любовные, ни-

чего не буду выжимать из себя, помимо того, что дышится. Неужели, только, я не буду писать лучше, чем писала и пишу, неужели уже исчерпала себя? Это все от несерьезного отношения к жизни. Завтра добьюсь Вайтли, Феде Морина.

Нет, только бы здоровье подтянуть.

И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется — я даже не услышу.

11/II-36.

Огорчена страшнейшим образом: парикмахер так подло подбрil брови, что вид у меня стал наипошлейший, какого давно не было, а я и так выдра выдрой. Лоб страшнейшим образом раздражен. Подло и обидно. А в 14 может приехать Витя — я хотела быть прелестной, в *pendant*¹ к новому моральному облику — одним словом, «я не знаю, где она»... Эх, как все не всерьез.

Прячу этот дневник под софу теперь. Но если Колька его найдет — мне несдобровать уже...

Впрочем, новая жизнь и впрямь задумана всерьез. Сегодня перестала жужжать голова, и с удовольствием поработала над рукописью «Дяди Кости» — выкопала кое-чего новенького. Завтра трудюсь целый день. Я одна, Коля в командировке, хорошо одной.

Была в электросиловой школе. Предложение читать историю встречено там с энтузиазмом, 14<-го> обещал приехать Федя Морин. Я добьюсь Обкома и Перкиной.

Ох, если б попасть на Съезд, вот откуда началась бы новая жизнь! Всерьез. Засиделась я дома, зачичерела в клубе, сузился мой мир, обеднела людьми... Попасть на Съезд, хоть разбиться в прах!

Да, да, работаю завтра, и над «Историей», и думаю над школой, и над «Заставой».

А жить можно и без Вити, еще и свободней.

А брови... лоб отойдет, брови побледнеют — кончики.

<Далее обрыв текста, вырваны листы из тетради.>

¹ В дополнение (фр.).

15/II

Детское. Рецидив эндокардита у Ирины — опять. Подготовилась к кружку — прилично, хотя надо будет прочитать кое-что Ленина. Читала по-французски. Иринушка, родная, что же ты, солнце мое. В связи с этим затор в работе, и как всегда в моменты подлинного горя — наибольшая творческая собранность, жажда времени и отчетливое сознание, как много не успела — точно сама собираюсь умирать.

В практической работе затор. Много и достаточно равнодушно думаю о Викторе.

Упрекаю себя в высокомерии и зависти, но доклад Суркова — ужаснул. Можно ли так говорить о поэзии? Ряд общественных мест, которые нужно повторять, чтоб они проникли в сознание — но не так же?... Хорошо, что вообще не поехала на пленум. Надо вообще меньше лит<ературной> среды.

К рецидиву Иркиному отношусь как-то спокойнее, чем прошлые разы, хотя отчетливо представляю себе, что это может кончиться катастрофой. Но ведь вылезла в прошлые разы? Нет, знаю, что может быть смерть, и конкретно представляю ее себе, но душа не допускает ее... Что время... Как у Стендаля, застыли ночи...

17/II.

Плохо, плохо дочке... Пишу больше для того, чтоб скоротать ночь... Сидеть около нее и держать пульс — мучительно, и, главное, давит сознание своей беспомощности. Но оказывается, даже писать не могу. Просто сижу перед бумагой. Папирос вот мало...

Странное оцепенение души. Как на вокзале. Пережевала все мысли о Вите, все варианты встречи. Думаю об этом в качестве отвлекающего, тоже для того, чтоб шли ночь и время. Конечно, не могу работать. Долги, завал работы, а главное, сердце Ириши, каждую минуту готовое остановиться.

24/II.

Жизнь остановилась. Тяжелое состояние Ирки... «Убейте Тигряшку! Тигряшке плохо». Сердце-то как когтями в пустоту потянет, но, главным образом, безразличие и оцепенение. «Ничего, обойдется. Время, время». Да и что другое делать, как не ждать?

Сознательно, сознательно занимаю себя всякие пошлыми, тщеславными, но приятными «мечтами». Главное в них — любовь Вити, мои литературные и покорительные успехи: Витя любит, ласкает, ревнует, все кругом хвалят, влюбляются, я красива, мила, хорошо одета. Но где «дум высокое стремлень»? В упоительных мечтах этих я касаюсь работы и Кольки, т. е. самого содержательного в жизни. Это не столько, наверно, по органической пошлости, сколько оттого, что голова тяжела и пуста, что время идет неудержимо и напрасно, что чувство временности преследует меня во всем, во всем.

Куда как временна Ирка. Жизнь ломается «до» и «после». Жизнь — «пока». Я «пока» не работаю, пока сплю одетая, у меня «пока» — все. Но «после» очевидно не будет, а будет выздоровление, короткая передышка, во время которой не успею я раскачаться, как опять заболит Ирка. И так будет всю жизнь. А тут еще ненавистная мне, но все-таки необходимая мать.

Еще причина моего покаместного, все время выжидающего чего-то сознания и бытия — Виктор. Нет, вот он позвонил мне, как только приехал, я пришла в клуб, мы обедали, играли в бильярд, потом ходили в холостяцкое кафе, потом таскались в кинохронику, все какие-то разговоры, не освежающие душу и не оплодотворяющие мозг, между ними, как бы шутя, проскальзывают фразы, вроде — я, иронически — «освободился?» — он: «нет, как видишь, да, а еще на пленуме»... Или — он: «я делаю все, что мне нужно — курю, пью, ем мясное и острое, люблю»... Зачем, зачем так? Зачем я спрашиваю ироническое, когда это единственное, что занимает меня. И тягость между нами какая-то, натянута, и лицо у него остановившееся, тяжелое, без искорки глаза, а у меня мордашка, наверно, фальшивая, с гипсовой улыбочкой. «Слепил перстом улыбочку...» Я говорю себе — все это «пока»... Все это «до»... До чего? До отъезда жены на курорт? Тускло. Тускло. Нет, полно, другую, другую жизнь. И такую, чтоб все, что я делаю — довлело само себе. Чтоб ничто не было для кого-то (доказать что-то Вите) и для чего-то (преодолеть Витю), а чтоб все, как раньше, было интересно само по себе. Это пока, нет, правда, это пока...

Можно ли вообще жить с такой болью в затылке, как камнем, как сейчас... Мне все же хочется что-то записывать, намечать какие-то характеры, положения, уходить за мелькнувшим образом, как в незнакомый длинный коридор. Их мелькает много. Образ моего лирического героя — т. е. самой себя, волнует и пленяет меня

больше всего. Стихи, которые думаются на этот счет — голы и программны. Нет, не декларированием.

О, если б Ирке стало лучше, и узнать, что она вне опасности, и, отделившись от всего мира, сидеть в своей комнате, курить, и знать, что время впереди много, что деньги есть, и работать — может быть, не писать даже, а думать, читать чужое, записывать и видеть — вот еще то и то надо сделать, а это так, а вот этот такой...

И узкое, узкое, узкое
Пронзило б меня лезвие...

Нет, невысказанная голова. Ночью. Все-таки писание лучше всего сокращает время.

Вечером, когда Ирка рассматривала журналы, смеялась и острила, я, несмотря на ее распухшее личико, была почти спокойна — ничего, переждет. Сейчас, когда она дышит прерывисто, и стонет, и точно не спит — вариант благоприятный становится невысказанным.

Написать еще одно неотправленное письмо к Вите?

26/II.

Мне кажется, что Ирке стало еще хуже. Да, да — сильнее отекли ноги, ужасное самочувствие, плохой пульс. Я не спекулирую ею ни перед самой собой, ни перед кем. Хотя иногда конкретно представляю возможную волну сочувствий и точно в ней нахожу какие-то силы. Но это уже помимо меня. Княжна Марья и умирающий князь. Я наверно потому так спокойно фиксирую все, что, очевидно, существует не разумная, а биологическая уверенность в том, что она будет жить. Но моментами, когда гляжу на милую ее мордашку, вдруг, нутро мое все понимает, и я начинаю сама умирать. Как сегодня днем, когда вдруг начал падать ее пульс, и меня точно обваривали кипятком. Не надо об этом писать. Биологически же (чувство самосохранения) — произвольно от разума я не даю себе сосредотачиваться на этих мыслях. Я понимаю, что это не сила воли, а скорей фатализм и эгоизм. Но иногда — тоже в глубине — я думаю, что это сила воли, и нравлюсь себе.

С<аша> Ш<тейн> прав: в каждом дневнике есть элементы смердяковщины. В моем — особенно.

Вчерашний вечер показателен в этом отношении, он показателен так же, как странное смешение лжи и правды, искренности и позы, и, смотря на себя со стороны, я удивляюсь человечеству, потому что мне начинает казаться, что даже теперешнее состояние мое не есть нечто исключительное, а нечто присущее всему человечеству.

1/III-36.

Уже март. За зиму абсолютно ничего не сделано. Приближаются сроки школьной книжки; связалась с «Двумя пятилетками». На мертвой точке с января стоит «История». В апреле сдать книгу стихов.

Был у Ирины сегодня профессор Тур. Обманывает он меня или нет, но сказал, что положение, конечно, очень тяжелое, но обнадеживает. Что же, только терпение. Только терпение. Сделано все, что можно. Надежда на жизнеспособность Ирки, надежда на жизнь — единственное, что мне осталось. Тур настаивает на больнице. И понимаю, что надо, и боюсь. Плюсы: отсутствие матери, медицинский надзор, мое присутствие с Ирккой, мое присутствие в Ленинграде, значит, возможность работать хотя бы по ночам, возможность видеть Виктора. Последнего хочу, но стыжусь этого желанья, как преступного против Ирки. А впрочем, не в этой ли центрбежности желаний — моя сила, позволяющая мне все это выносить столько времени?

Ночью сегодня (ночевала дома из-за Тура) — у Николая сильный припадок. Когда припадок кончился, я села около него, и руки опустились. Нет, уж изнемогаю. И озлобляясь, и ожесточаясь. Нет, довольно, не хочу, не могу так больше. Сознание, что я несчастна и стойка, доставляет, конечно, некое моральное удовлетворение, создает ореол в обществе (а я иногда — злясь потом на себя — рассказываю о своих неудачах) — но нет, довольно, довольно. Но и тут возможно только терпение — и ничего больше. Сокрушаться? А что толку? Однажды сокрушись, и примиришь потом, терпи. Что же будешь делать?

Вчера поехала в клуб, на дискуссию об успехе. Очень хотелось увидеть Виктора. Я думала, как скажу ему: «Витя, у меня умирает дочь, а я приехала, чтоб увидеть тебя». И это правда. Да, я осталась вчера в Ленинграде только для того, чтоб увидеть Виктора. Поза — в использовании моего горя. Но мне хотелось сказать ему об этом, хотелось, чтоб он чувствовал ко мне нежность, жалость и любовь в связи с этим, что ж тут такого. Хорошо, я только зафиксирую. Я была

красивой. Дома я вымыла голову, выстирала воротничок. Я была красивой. Состояние было ужасное, как бы я ни играла. Был Герман. Пришел Витя. Дискуссия. Все время тянет сердце мыслью об Ирке. Отчуждение от всех присутствующих. Витя пытается занять место рядом со мною, Никитин его опережает. Витя, как в игре в уголки, в глупом положении. Все смеются, Юра громче всех, страшно доволен. Ко мне даже не подошел. Человек, живший со мной и уверявший меня, что любит, в минуту страшного горя моего — чужд и враждебен. Витя все-таки мужественно занимает кресло возле меня, освобожденное Никитиным. Смотрю на его подбородок и чувствую, что люблю. Сидим рядом, отводим глаза при разговорах друг с другом. К концу появляется Витина жена. Ей-богу, при всем ее убожестве внешне в ней есть что-то милое, надо сознаться. Улыбка ужасно портит ее. Рот, шея — длинная и плоская, карликовый рост, все ужасно. Когда она вошла — я буквально похолодела, едва ли не в первый раз в жизни. Я, вышло, напрасно ждала Витю, напрасно сидела тут, корчась от воспоминаний об Ирке и страха. Но только на несколько мгновений сильно стучит сердце, а потом та же анестезия, которая царит во мне по отношению к Ирке.

— Что ж, если так?

Витя и жена идут ужинать. Юра в компании пошлых — Стенича и К<оли> Чуковского идет ужинать. Я сажусь за столик абсолютно одна, беру себе бутылку пива и заказываю шашлык. Сижу одна с бутылкой пива, ввиду Вити и Юры! Странно, но положение это импонирует мне, не потому что я думаю: «вот как трагично». Собственно, это, конечно, трагично. И я даже удерживаюсь с трудом, чтоб не заплакать, и даже быстро вытираю слезы, и мне больно и горько до мучения, столик-то философский! Но, в то же время, я гляжу нарзанным орлом и удерживаюсь, чтоб не смеяться.

Два любовника, один из которых, конечно, любит еще, а другой любил, и стоит только постараться, чтоб вернуть его, сидят в одной комнате со мной, а я, прелестная и молодая, сижу одна с бутылкой пива. Главное — бутылка пива. Не сомневаюсь, что оба они жалели меня, но это то, что меньше всего меня унижает и трогает. Я плюю на вас, хотя знаю, что в положении моем есть нечто жалкое и унижительное. Проходя мимо меня (сзади жена), Витя бросает мне не совсем естественным голосом: «Приходи в бильярд играть». Я что-то пробурчала, утвердительное, вероятно, он даже ничего не слышал. Когда

они проходили, я сидела с опущенной головой, с папиросой и ломала спичку. Может быть, следовало, нагло улыбнувшись, осмотреть их пристальным взглядом? Бравлада, так уж последовательная. Потому что ужин мой по отношению к Вите был бравадой, я могла бы обратиться в бегство. Но — бравадой естественной. Я не догадывалась о наглой улыбке, потому что была чрезмерно естественной: так, я поймала себя на том, что три раза брала в руки и внимательно перечитывала меню. Юрка это, несомненно, отметил как растерянность, что и верно. Но самое главное заключается в том, что после мучительных, но недолгих колебаний — в бильярд я не пошла.

А Ирке плохо, плохо. Вот она плачет сейчас от боли в сердце, а мы кладем ей лед на сердце. Глаза у нее какие, господи, за что все это...

Продолжение записи от 1/III-36/

Да, что же поделать, если сделано все, что можно? Все же надо решить с больницей. Все же буду продолжать борьбу за Ирину. Посмотрю дня два, потом решим. Может быть, отцовский соляргин поможет.

О, как мне, кроме всего прочего, надоела вся эта музыка — мать, ненормальная жизнь, отсутствие возможности работать, вечный страх, сосущий под ложечкой, вечное ожидание Вити и ожидание, когда он заявит о конце!.. О, как надоело!.. Нет, пора, слишком пора побережь себя, чтобы сделать что-нибудь стоящее. При всем моем эгоизме, который кажется мне подчас — неизмеримым, при всей противной любви к себе — я себя вовсе не берегу, растрачиваю, предаю. Пора быть суше, жестче, пора, вместо пошлого и платонического умиления перед самой собой, быть более хозяйственной. Отдавай, и дрожа, не тянись за возвратом, завет, конечно, прекрасный, но все-таки должен быть возврат, если даже к нему и не тянешься. Воспроизводить иначе будет нечего. Ну, вот, например, разве возвращает мне Витя хоть часть того, что я, при всей моей лжи, ему отдаю. Нет. Он в сто раз больше мучит меня, чем дает сам. Вчерашний разговор по телефону, даже с работы можно было бы сказать что-нибудь более ласковое. Он просто разлюбил меня, я берегу его еще, но он уже не ищет меня, не добивается меня... Нет, я не дам ему больше мучить себя. Довольно с меня моих двух инвалидов, на которых ничего не жалко. А ему-то за что? Сказал вчера — «Я пришлю тебе письмо». Очевидно, там будут стенания и тени по поводу того, что ах, какой

я несчастный, что тебя полюбил, затем морально-этические соображения и предложения дружбы. Нет, ясно же, что надо кончить. За муж он меня больше не зовет, да я и все равно не пошла бы... ну, что нам вместе делать? Ну, прекрасный коммунист и человек, писал бы плохие пьесы и стихи, а я поддакивай? Не интересно. Нет, надо кончать. Или относиться ко всем переменам в Витином настроении абсолютно равнодушно. Все-таки есть в его поведении некая тупость.

Сердце еще ожесточено сейчас, раздражено, все — «а, пускай!»! Хочу спокойной жизни, хорошей еды, спокойной, всепоглощающей работы, умных собеседников, хочу хорошую обувь, платья, здоровых Иру и Колю. И насрать я хотела на стойких товарищей... Все это пишу оттого, наверно, что Ирке внешне получше сейчас... Мне плохо, тоскливо, злобно...

2/III-36.

Был отец, впрыснул Ирине соляргин. Ощущение страшной раскованности этой инъекции не покидает меня, хотя отец гарантировал, и все такое. Потом выпили с ним мерзавчик. Посмотрим, что даст ночь и утро. Если все будет благополучно — добьюсь завтра ужина с Витей. Ужин этот нужен мне более (но не исключительно) для того, чтобы попробовать свои силы. Мне кажется, что всерьез — сейчас подводится итог всему прошлому периоду жизни и, если Ирина выздоравливает, начинается новый, который можно характеризовать как самоуглубление, т. е. одиночество и только работа. Главным образом — бескорыстная работа.

Я прочитала прекрасную книгу. (Вообще, все эти дни идет сумбурная, но неустанная работа мысли, которая, конечно, и есть работа.)

Сигуд Хуль — «Октябрьский день». Ну, конечно, Хуль буржуазен или мелкобуржуазен. Трагедия его героев — трагедия буржуазной ограниченности; история Турдис и Равна была бы иной, если б Турдис работала. Но слезы несколько раз кидались мне в глаза, когда я читала, потому что в книге не только про буржуазию, но и про всех людей. Это хорошо, хотя и беспартийно понимает Юрка Г<ерман>. И, прочтя эту книгу, я снова захотела общения с ним. Да, про людей. Не потому ли трогает это меня, что несу в себе остатки буржуазного? Но кто из нас совершенно свободен от него? И разве нет в «Буржуазном» — человеческого? Слезы кидались мне в глаза, ко-

гда читала, как после гибели Турдис Равн — мужья совокупаются с женами. Когда безрадостно и бесцельно Эллипир отдается Муну. Неправедливо и неправильно, античеловечески — вот что меня жгло. И более жгло оттого, что было ясно, что иначе не могло быть. И это жизнь. Полная вера в то, что написано. Только так и можно писать. Чтоб у читателя было чувство внутренней необходимости в том, что совершается. Горько, больно согласиться с тем, что происходит, но читатель чувствует, что иначе и не могло быть, и потому горюет и болеет. Или ликует. Вредитель должен перестроиться — но это еще не то. Это не литературная закономерность, вернее, внелитературная. В произведении она должна быть, что ли, еще удивительнее. Здесь она должна иметь еще особую закономерность. «Все, как в жизни» — еще не все для литературы. Это секрет, тайна производства — тайна проникновения в жизнь, опять-таки внелитературная, но обязательная категория. Все литературные тайны есть тайны проникновения в жизнь. У классиков мы, прежде всего, ищем тайны проникновения в жизнь.

Все, что я пишу — только порох. Мне он важен. Наши критики ведут все только от литературы. История Равна и Турдис очень поучительна даже для нас и, в частности, для меня. Да, мне нужно одиночество и отказ от самой себя во имя работы. Особенно — отказ от эротики. В этом отношении нет ничего лучшего брака с Николаем. Я записываю выводы вразброд. На деле они сложнее... Мне надо быть более «мужчиной». Я уже много раз писала — довольствуй себя. Бабье может убить во мне все, что я имею сказать. Отсюда историю с Витей из доминанты на данном отрезке превратить в произведение. Но Равн — органический механист, а Турдис — органическая буржуазка. В этом их трагедия, а не в извечной проблеме мужчины и женщины, хотя и есть в этом звено извечности. Бедные, бедные, жалкие люди! Каким могучим источником творчества должен быть и может счастливый брак — у нас. (У Хуля очень правильно взято — буржуазное искажает человеческое, извечное. У нас — напротив.)

Второе, что задело меня в книге — Маллинг. Как здорово показано самовлюбленное ничтожество. Ничтожное в самовлюбленности, самовлюбленное в ничтожестве. Увы, читая этого мелкобуржуазного писателя, я несколько раз думала (про Маллинга) — «это я». Читая большинство старых книг, человек приходил к выводу —

«я тоже подл»; «я должен смириться». Знаменитое — «все мы люди». Не должен ли наш читатель, читая книги наши, думать: «я тоже прекрасен». Не наступает ли эра примирения человека с самим собою — а ведь это центральная проблема жизни и литературы — ну, одна из центральных. Она грозит и часто оборачивается практически — самодовольством, равновесием; нет, я не о таком примирении... Тут еще будет масса противоречий... И хорошо бы написать о нравственном самосовершенствовании нашего человека. Это должно быть сделано в «Цехе фантазеров». Быков, о котором я снова думаю и жалею, что взялась писать для «Двух пятилеток» о почти неизвестном мне деле, а не об этом. Жаль, что сейчас нельзя переменить. Но там я могу отделаться почти очерком, а в «Цехе» — нельзя. И в «Цехе» еще должна же быть Соня и Люся. Нехорошо, что я пишу — отделаться... О, я возьмусь за школу и за все такое прямо со страстью, едва полегчает Ирине... И за «Историю» тоже.

Вот у нее пошла моча. Спасет ли ее соляргин. Скорее бы шла ночь. А завтра? Встретить разговор с Витей, исходя из новых позиций — не для него, а для себя...

О, как я думаю о «Заставе» — сладостный период зачатия. Расспросить отца о войне. Успеть записать все от бабки и Авдотьи. Надо писать книгами. Книга предков. Книга Поли. Ее линия может быть прекрасной. Использовать «Успех», Дос-Пассоса, «Войну и мир». Надо писать о радости так, чтоб люди содрогались и плакали от радости. Человек освобождается, и читателю мучительно от радости. Вздор, что страдания облагораживают. Они искажают человека. О, работать, работать...

Как-то пройдет ночь?

8/III-36.

Все-таки просто теряюсь — вести Ирину в больницу или нет? Доктор настаивает на больнице, отец — против, а у меня какое-то первый раз чувство страха перед больницей — точно помирать ее туда вести. Посоветуюсь еще с людьми в Ленинграде. Состояние ее неопределенное. Перикардита как бы нет, но сердце ползет... Я уже прямо как-то почти не живу.

Сегодня упадок сил особенно острый. Шестого был вечер с тюрками. Банкет, на котором сама подседа к Вите. Потом, одни иг-

раем в бильярде, я мажу позорно. Шатаемся по улицам, обнимает и целует, любит, любит! Приходим ко мне. Колька в своей комнате, с температурой. Витька пытается... не знаю, как написать. Но я сдерживаю его все время, хотя одно лицо его, искаженное от страсти, милое, любимое, сильное лицо, которого ни у кого другого не знаю, как не знаю никого, кто бы так погружался в страсть, так забывал обо всем на свете, хотя одни руки его, большие и сильные — приводят меня в трепет. К сожалению, я была больна, что удалось объяснить ему. Жаль мне его было ужасно. Потом он уснул, а я как идиотка сидела рядом, вернее за столом, и переписывала стихи, потому что невозможно же было лечь с ним или с Колей. *Типичное положение Буриданова осла (дописано 10/III)*

9/III-36¹.

Гибель Ирины абсолютно реальна и, кажется, неизбежна. Лезут все в голову позорные посторонние мысли, помимо меня: что буду делать после с квартирой, с матерью, как мне будут сочувствовать, как буду вести себя. Почему это? Так защищается человечество от неотвратимого ужаса, или это неизмеримая моя ничтожность? Или это все-таки биологическое неверие в то, что должно быть? Вспышками, все более и более частыми, сжимает сознание, и реальные представления, как это будет, и это не поддается фиксации — ни в чем, ни в слове, ни в чем. А я анализирую свое состояние еще, и слежу за собою, и раздумываю над тем, кто я такая... Неужели так бывает у всех? Знаю, знаю же я, что не в этом дело, что все это мелочь и ерунда. Все ничто перед Иркиным состоянием.

13/III.

Десятого утром привезла Ирину в больницу. Но неужели, неужели она все-таки погибнет? Немыслимо. Вчера, около нее я как-то даже успокоилась, потому что она говорила о том, как вернется домой и будет клеить бумажные мешки, расспрашивала о Сталине и т. д. И даже надрыва во мне никакого не было, когда я слушала про эти бумажные мешки, ну конечно, будет клеить, и все опять будет так же.

¹ Запись выполнена на отдельном тетрадном листе.

Страшно, что жизнь может пойти как-то иначе. Во мне, очевидно, огромная сила инерции и привычки, кроме всего прочего. Но объективные данные — за смерть, и я понимаю это.

Кроме больницы я еще живу. Была на женском вечере в Д<оме> П<исателей>, где отвратительно бегала за Витькой, и все время точно собиралась утонуть при мысли об Ирке.

Потом Витька у меня, и опять после всего спит, а я изнемогаю от усталости и ложного своего положения. Не даю ему спать, он злится и все понимает, а я замазываю сущность вещей, кое-как все же замазала. Я ему лгу относительно Кольки.

Сегодня возвращаюсь из больницы, Коля в военной гимнастерке, красавец и умница, и немножко чужой, и говорит, что влюбился. О, неужели правда? Влюблена в Кольку. О, жить, жить! Работать легко и упорно! Влюбленность с Колей. Чтоб влюблен Виктор. А главное — работать. И здоровая Ируся... Нет, жить, жить во что бы то ни стало, в полную силу!!! Полная остановка с работой. Хотела использовать сегодняшний день, но тревога и тоска, плюс — беспокойство за утрату Кольки — не дают. Вот даже почерк гнусный... Вечером пойду на Федина... Ой нет, все очень плохо.

17 марта.

14<го> умерла Ириша. Сегодня я похоронила ее.

7/III-37.

Писала это все в те дни, когда умирала Ирина, и эту страничку — накануне ее смерти. Скоро год с того дня, а его как не было. Ничего и не жила с тех дней, несмотря на физическое и духовное время. И как я могла еще тогда страдать от отношений Виктора ко мне? Не верила — всей жизнью не верила в смерть Ирки. Помню каждую ту минуту...

26/IX-38.

Если б я верила в бога, то сейчас бы я думала, что он отнял у меня дочь в наказание за ту жизнь, которую я вела, и что наказание — заслужено мною. Боже, я же помню, какая это была мука — ее по-

следняя болезнь, я знаю, что ее нельзя было спасти, что я сделала все, что могла, и все же я виновата, я виновата...

16/IX-39.

Еще приписка к тем листкам. Последняя приписка почти ровно год назад. За этот год 6½ месяцев сидела в тюрьме, новая эра жизни. Немыслимо зафиксировать и выразить ту боль, которую приняла и несу в себе, как результат этих 6½ месяцев. Немыслимо, потому, что не измерить, страшно измерить эту боль — ото всего боль, и все боль. Еще даже не рубцы, а раны и язвы. И все-таки больше даже этой боли — боль об Ирине, боль огромная, спокойная, немолимая, потому что — я виновата. Было такое счастье, как Ира, а я... да вот, все записано!

Посередине стола — Ирочкин портрет, плохое увеличение с уличной фотографии. Она смотрит насупленно, с опаской, милая мордашка чем-то недовольна, неприветлива. Так и душа.

Ну, хорошо, пусть бы мне наказание, но зачем у нее-то отнята жизнь?

Виктор был арестован в конце 37 г, осужден. Я не чувствовала боли за него, так, иногда, чуть-чуть неприятно, хотя, вероятно, не виноват.. Вот жизнь. Что же она, все-таки? Где конец жестокости ее...

Страшно, пусто и холодно.

23/VI-1941 года.

Ее все нет и нет. Она никогда не вернется оттуда, она и в памяти опускается все глубже, а я все еще не могу понять, что ж случилось...

Может быть, я тоже скоро умру: вчера началась война с Германией.

Может быть, так же, как Иру, потеряю Кольку.

Страшно. Но вновь, как в страшные минуты после ее смерти, припоминаю ее агонию, и тогда страх заменяется последним спокойствием — спокойствием ощущения всеобщей смертности и, в особенности, своей. Может быть, очень мало — на самом деле — осталось жить.

О. Берггольц 1936 тетрадь¹

<Между 17 и 23 апреля 1936 г.>

Все-таки у меня нет никого, кроме самой себя. Мне страшно возвращаться к дневнику, как ко всему, что было тогда. Как я писала тогда, по ночам в Детском. Мне страшно — я теперь знаю почему, потому что вокруг кажется — все как тогда, значит, и снова тот пульс, и снова, и снова — смерть.

«Камфоры, камфоры. Сто раз камфоры...» Иногда я, когда одна, не могу не повторять этих слов, стараюсь говорить ее интонацией. Я не могу постичь, что — никогда. Иногда я спокойна, точно думаю — все вернется, образуется. Но — никогда. Сейчас я этого не понимаю. Я не увижу ее до конца своей жизни. Это и значит — никогда.

Девочка, зажмуривается от солнца, на фотографии — вот от нее уходили книги, игрушки, Мишка — однажды, я ощутила это за нее. О, неужели она это понимала — «зачем, зачем?!». А крик ее — полубредовый, уже оттуда: «а Коля? а Коля? а Коля?». Я еще тогда подумала: «Появляются навязчивые идеи, значит — смерть, как у Павлова...»

Прохожу мимо «Чижа» и, вдруг, не мысль, а что-то укладываемое на доле секунды — «Ирке». Всегда.

Зачем я пишу это? Я знаю это сама.

Теперь — Коля.

Опять сейчас не понимаю, как смерти Ирки, и потому — чуть ли не раздражение.

Короче, короче: Коля сошелся с какой-то бабой, в дальнейшем именуемой Машбиц.

Собственно, вот смысл философии всей. А почему нет? Такая жизнь. Такие люди. Так делают все. На этой шестидневке разговор: «Люблю, но как женщина ты мне не нужна. Люблю Машбиц, не хочу быть в отношении тебя свиньей, жить без тебя не могу». Я не испытываю никакой потребности в специфике вообще — так все внутри раздроблено, так все ни к чему, все, а не только это. «Тебя это должно унижать и оскорблять — то, что я не могу быть твоим мужем, и вряд ли буду». Да, сам говорит: «противоестественно». Унижать?

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц на обложке дневниковой тетради.

Почему? Не имею ничего против перерыва, в чем дело, даже длительного. «Ты выросла в моих глазах».

И потом хожу все время с тем состоянием, как у постели Ирины, тот же страх и состояние неизбежной утраты. И все не верится.

Вчера ночью долго его нет, и знаю, что там. Знаю наверняка, а не только так, по нутру, когда сказал, что поехал к Ваньке, пришел в 10 утра и свалился на постель — спать.

Кручусь и плачу от ужаса — ничего в жизни нет: две дочки были, был муж — теперь ничего, ничего. И все под руками, и стоит сделать 2–3 глубоких глотка. Берусь и не могу. Игра? О, нет, не игра. Потом приходит Коля и начинает рассказывать, почти бытовым тоном, что вот Соня выдумывает всякие сложности, и он на нее злится, а на самом деле все очень просто: дома одно, там совершенно другое. Я обмираю от этого бытового тона. Кому он говорит так? Так можно говорить только нелюбимой женщине, неужели он не понимает этого. Он рассказывает: «Она не верит, что я люблю ее...»

— Ты живешь с ней?

— Живу.

И вот, первый раз в жизни я поняла, как человек холодеет. Потом я реву, длинные, тяжелые разговоры, и его никак почти не трогает, что я говорю: «Давай вернем все обратно». Я никогда так не молилась. Потом он говорит: «Я не понимаю, почему ты, когда я говорил, что не буду жить с тобой — так не реагировала, а когда узнала, что я живу с другой — так реагируешь». Мужская психика и т. д. и т. д. И самое главное: «Эх..., да ведь и совершилось все после того, как я с тобой договорился о том, что ты не испытываешь ничего такого, от того, что я не буду жить с тобой».

Состояние полной гибели и почти ужаса, от того, что открылось. Он говорил — это противоестественно, и я понимала тогда. А сейчас знаю — это не только противоестественно, это чудовищно и как-то глубоко античеловечно.

Это мертвая схема честности, это честность теоретическая, безотносительная ко мне, мертвая. Он не понимает этого, потому что разлюбил меня и перестал чувствовать, как конкретного человека со всеми его особенностями. Это так: нет, сначала. Я до последней минуты была уверена, что не изменю Кольке. И то, что было — было катастрофой и неожиданностью для меня. Здесь же заранее подведена теоретическая база, «чтоб было честно». Утратив влечение ко мне

(в чем, не сомневаюсь, тоже достаточно теории и поспешных обобщений), испытывая другие, новые и неизвестные ему чувства — он сначала предупреждает меня, что не будет жить со мной, и затем, с относительно легким сердцем, получив некую индульгенцию, спешит воспользоваться ей. Т. е., может быть, не так это ровно, но в основном это так, хотя он, может быть, не отдает себе отчета. И думает, что я должна быть спокойна, зная все, и называет мою психологию мужицкой.

Да это ж омертвление, это садизм по отношению ко мне, и неужели, неужели он это не понимает? При чем тут честность?! О, я была в сотни раз честнее, когда врала. Я же не блядовала, история с Виктором мучила меня зверски, и я хотела столько раз поговорить с ним об этом, но я знала, что Коля — навсегда и единственный, и настоящий, а это, что с Витей — пройдет, и я кружилась, и презирала себя, но решила нести все одна и не говорить ему ничего, раз знаю, что пройдет — зачем же мучить его. Может быть, я была за это сволочью, но я оберегала его. Я не виновата, если он прочел мои тетради. Какая странная, какая странная честность. Честность ради честности, а не ради человека.

Что он думал, что мне будет легче, если я все буду знать? Он уважал бы меня, если б я спокойно выслушивала об его отношениях с Соней? Без мужицкой реакции, без бабства, без страдания? А как же он, когда знал про меня? Этого я никогда не понимала. И сам он говорит об одиночестве. Он сказал мне о Соне на десятый день после [смерти] похорон Ирки. (Господи! Опять не понимаю: ведь это Ирки, Ирку похоронили, Ирку... значит, ее больше не будет...) Нужно было обладать лишь элементарным чутьем, чтоб мне, даже не желанному физически человеку, не говорить этого. Или такой степенью равнодушия, чтоб сказать. (Теперь я подала ему идею обмана, сказать, и он воспользуется ей с опозданием.)

Чудно!.. Как все они прыснули от меня в разные стороны, как только случилась со мной катастрофа. Это не совсем справедливо: Колькиной помощи я за эти дни никогда не забуду. Но дико теперь, я думала, что несчастье это свяжет нас, ведь он был единственным, кто остался у меня, чтоб вылезти из этой ямы, в которой оказалась. А он поспешно прыснул в сторону, торопливо пояснив мне, что не может больше быть моим мужем. Ну, разве, впрочем, можно осуждать за это? Здесь — скорбь и усталость, и привычка, он знает меня так

давно, и предупреждения (господи, если б он хоть немного знал, как я шагала через эти предупреждения и аборт, каждый раз теряя и зажимая в себе что-то, а ведь делала бодрый вид, не погружая и не сосредотачивая его на этом, — одна это несла), а там неизведанность, новизна, интерес («самое интересное, что было у меня за последние два года») и т. д.

Старые хлеб-соль забываются — это тоже закон. Предупреждения и прочее могли охладить и оттолкнуть. Но ведь не отталкивало же меня то, что я убирала за ним, когда он ходил под себя во время болезни? Да ну... что тут. Все ясно — кончено.

Он осудил бы меня за то, что я пишу обо всем этом, как за сладострастие, за театр. Может быть, это так. Но я не могу оторваться от всего этого, как одержимая, и, придвигая к себе рукопись «Истории» или обращаясь к чему-нибудь обычному, вдруг погружаюсь в еще большее отчаяние. Это почти не объяснить. Все обычно — «История», дискуссия, а Ирины никогда не будет, и Николай ушел от меня. Если б все как-то кругом перевернулось, тогда — другое. Но все обычно, ничего не поделать. Ничего не поделать, а надо жить — без этого, что составляло гордость и основу жизни, которая когда-нибудь кончится.

После той ночи я провожала его в Академию и сказала, что хочу быть хорошим товарищем, и пусть будет так, как есть, пусть он ничего себя не лишает, я не хочу отнимать у него то, что ему дорого. Я говорила абсолютно искренне, и я так думаю. Нелепо предполагать, даже создав прекрасный и необыкновенный образ Колькиной верности, что в мире нет и не будет женщин, кроме меня. Дико и безобразно устраивать ему скандалы, отрывать его оттуда, эксплуатировать даже горе свое, даже все прежнюю прекраснейшую любовь, всю жизнь, все, что я делала ради него, я говорю даже, потому что это настоящее, на что можно опереться и что стоит теперешних его радостей.

Я многое знаю по себе, очень многое. Я понимаю все это и мирюсь с его «изменой». Но когда я дохожу до конкретного представления, как целует он Соню, как счастлив он с нею, я чувствую себя обокраденной, униженной, и все протестует во мне: я не хочу, не хочу этого. Он только мой, весь, с душой и всем своим телом. Меня физически сводит отвратительной судорогой, сводит от мысли о том, что он живет с кем-то. Он не понимает этого, а я ведь все еще не перестала ревновать его к Ирине Молчановой, сама удивляюсь своей глупости. А тут... и зная его... Э! Я готова жить с ним по-братски целые годы,

потому что мне не нужно мужика вообще, но зная, что он не живет с кем-то. Он не понимает этого. «Скотское, мужицкое» чувство — ревность, но его не преодолешь никакой теорией. Да, я хочу быть ему хорошим товарищем, и все понимаю, но мне от этого ни на йоту не легче.

М<ожет> б<ыть>, Соня — очень хороший человек. Я не знаю ее. Если это из серии Кати Абр<ашкевич> и Маши Маш<ковой>, и даже Мары — то это очень бедно. Я очень люблю Мару, она лучшая из них — но, в конце концов, что особенного у нее за душой? Неужели достаточно быть только хорошим средним человеком, чтоб быть достойным Николая? Моего?

И он не знает еще, что его ничего исключительного не ждет — объективно. Что все, что есть — привносится им самим. Что с той минуты, как он сошелся с ней — начало конца. Ну, сошелся, а дальше? Это начало лишь тогда, когда хотя б предполагаешь, что будет брак, когда не решен вопрос — кто? А если заранее знать, что этого не будет. Однообразие и скука возникнут быстро... Успокаиваю я себя. Все может быть. И все, что вырабатывается им самим — может быть дороже объективности и получить значение объективности. Он любит ее... «Вы — не пересекающиеся линии...»

Эх! Да вот он спит не со мной, а с ней, он желает ее, а не меня — вот и пересечение. Он еще этого не понимает, утверждая, что это параллелизм. Это взаимно исключающие друг друга вещи. Нельзя любить двоих. Кого-то не любишь или кого-то любишь больше. Он только больше любит ее. Он исключает «только» — брак.

О, неужели он забыл все, что говорил мне лучшими нашими ночами?! Допускаю и понимаю по себе утомленность друг другом, специфическую, — на время. Но абсолютно вычеркнуть это?

И чего я так подробно пишу все это — не могу сама понять. Но мне некому сказать это, и невозможно. Странно, сразу после первого разговора я стала стыдиться его. Когда он целует меня — мне просто кричать охота, ведь не то, не то. Разговаривая с Нюсской, с Миркой, мне кажется, что все всё знают, и я чувствую себя униженно несчастной.

Оказывается, разговоры о том, чтоб я выходила замуж — не были шуткой. На днях — фальшиво-игривым тоном он предложил мне обольстить историка. Дурачок, дурачок-теоретик...

Был для себя и у меня проект — пуститься во все тяжкие. Позор, но всерьез тянет на водку. Нет, наоборот! Не оскорбляю память

Ирины, человека будущего, никакой пошлостью. Не буду ни заливать, ни заезживать ее — вынесу всю меру горя. Всю меру. Преодолевая ежеминутно истерику, театр, отчаяние, тягу к смерти. Дочери мои милые, за несправедливую, бессмысленную гибель вашу расплачусь счастьем.

«Сестрица, и я привезу вам очень много цветов»... Тигряш любимый, все будет так, как ты хотела: будут цветы везде, везде будут здоровые, счастливые ребята, и — революция в Индии тоже будет... И я отдам все силы свои, чтоб это было. И я напишу прекрасные книги, чтоб, прочитав их, люди еще больше любили жизнь и еще больше ненавидели страдания.

Жизнью своей, борьбой за общее и свое — обязательно тоже свое счастье — расплачусь я за вашу гибель.

И Колька. Нет, я не буду никого обольщать, чтоб отвлечься от мысли о нем, от желания его, чтоб уничтожить любовь к нему, а я люблю его сейчас, как никогда не любила... Я страшно люблю его. Нет, наоборот: я порвала с Виктором в себе, и как только начнет он говорить о чем-нибудь со мной (а он начнет, он любит меня) — скажу ему, что люблю только Николая. Буду совсем одна. Я зачеркиваю все, что было за эти годы, противоречащее моей любви, я отрекаюсь от всего этого, как будто бы и не было ничего.

Мне никого и ничего не нужно взамен. Пусть он не любит и не желает меня, буду любить его, буду беречь и помогать ему. Буду честной с жизнью и сама с собою. Буду лгать ему тем, что не буду «преследовать» его, спрашивать его, не буду делать попыток сблизиться с ним, как с мужем, хотя, господи! Как я хочу этого, как мечтаю о нем, как ежеминутно, о чем бы мы ни говорили, хочется крикнуть ему: «Оставь ее, оставь немедленно, вернись ко мне, совсем, я страдаю ужасно...»

Но я очень много знаю... Насильно мил не будешь — я тоже знаю это. Я не могу планомерно и обдуманно завоевывать его снова, потому что для этого нужно известное спокойствие и даже равнодушные, я могу только любить его и — «терпеть, покуда терпится». Я могу бороться за него только всей моей жизнью, но не мелочами быта, туалетов и т. д. Все это было бы лишь жалостью.

Пусть. Пусть, так сказать, массы убедятся на практике... Пусть живет с Соней... ой! Господи... А если уйдет к ней?.. Но разве сейчас он уже не совсем утрачен для меня? Нет, кончаю.

Больше опять ничего долго писать не буду — это помогло как-то собраться...

Нет, я должна преодолеть жизнь, нет, я не дам ей себя сломать, я хочу жить, я хочу любви полноценной Николая, хочу, хочу.

Еду на съезд комсомола. Это как нельзя более кстати. Боюсь немного дороги — буду одна, а в дороге ведь все как-то острее бывает, когда ты вне времени. Уеду, а Колька тут совсем забудет меня с новой своей любовью «без сожительства». Странно, очень хочу, чтоб она исчезла как можно быстрее, и в то же время боюсь, что принесет она ему новые разочарования и опустошения. Довольно уж я их ему принесла. Но разве я не давала ему счастья? Если б он сердцем вспомнил о нем, он понял бы, что лучше и больше ничего не будет и не было. А как бы сейчас я любила его, как бы начала все-все снова — он даже не представляет. Я чувствую себя связанной с ним и видимо бодр, как и он, наверно, а внутри мрак.

Хорошо, что еду, беспокоит работа только, да и все время возникает не мысль, а опять то — «как Ирка без меня? Скажу, чтоб давали телеграммы» и т. д. Не могу отделаться; однажды, в детстве, мы вечером бегали на станции, в Финляндии, и вдруг меня кто-то ударил по горлу, больно, до потери дыхания, и главное, ни одной души рядом не было. Ужас был невероятный. Оказалось, что я налетела на протянутую проволоку — бежала с закинутой головой. Вот так и сейчас, как в ту минуту, когда не поняла еще, что проволока, — с Иркой.

Коля, Коля.. Коля, Коля, Коля — хочу к тебе, хочу быть единственной твоей. Выручи меня настоящей любовью, выручи на всю жизнь, мы же будем еще счастливы... Хочется сказать ему все это, чуть ли не на коленях, но знаю, что слова не дойдут, и не хочу, чтоб искусственно ломал себя, не хочу реставрации, хочу возрождения. И если ему хорошо так, я не имею права навязываться... Нет, ничего ни говорить, ни писать.

А!.. Ладно. Как жить не охота, не охота... Надо жить. Со съезда — подлинно начну новую жизнь. Но как — без Иры, без Кольки, без перспектив в этом отношении.. Нет, это круг какой-то...

Ох, с каким сердцем уезжаю... Но он не узнает этого. Вот милые письма его.

Все не могу оторваться, ругаю себя за это, презираю, и все не могу оторваться — вот пишу, читаю его письма, к вечеру разбита, как после слез, потому что весь день сдерживаюсь, чтоб не плакать,

а ночью реву и ужасаюсь. Если он переступил через все, что писал в этих письмах, значит, действительно крепко любит ту, и делать мне нечего. Значит, все утрачено для меня, что бы он там ни говорил. Вытравить его из себя? Уйти? Уж пускай все одно к одному... Верно, м<ожет> б<ыть>, уйти? В Москве видно будет.

Хоть очень рада я, что еду на съезд, но чувство такое, что никогда больше не вернусь сюда, никогда больше его не увижу, расстаюсь навсегда-навсегда, и даже как-то себя жалко, точно на смерть еду, а ведь еду на торжество.

Ничего, ничего.

23/IV-36

Вот записка, которую я прочла сегодня утром:

«В смерти моей прошу винить всех людей, которые слишком хорошо ко мне относились. Они тиранили меня, как могли: кто любовью, кто дружбой, кто расположением, поощрениями, одобрениями, уважением и даже поклонением. Они взвалили на меня груз тяжелейшей славы, хорошей славы. Они поставили меня в двусмысленное положение перед самим собой. А это невыносимо. И никто, никто не был моим другом, и никто не был моим врагом; никто не преследовал меня просто по-человечески — злобно, непосредственно.

На ненависть можно отвечать ненавистью. А на любовь и пр<очее> ненавистью и враждой нельзя отвечать. Это и обезоруживает. А кроме этого, хорошо относящийся человек полагает всегда, что имеет на тебя какие-то права, именно в силу своего хорошего отношения. Это — ярмо.

Мы будем счастливы тогда, когда любовь будет существовать в форме вражды, злобы, критиканства. Желая всем дожить до этих счастливых времен.

Н<иколай> М<олчанов>»¹

Вероятно потому, что я прочла это сразу после съезда комсомола, где так глубоко и прекрасно звучала именно любовь людей к друг другу, где так сильно заметно было, как вырос человек, как гордятся им и хвалят его, — вероятно, поэтому записка вызвала во мне — отвращение. Этаким зарвавшийся индивидуализм,

¹ Текст записки переписан в дневниковую тетрадь рукой О.Ф. Берггольц.

высокомерие, гордость, самомнение типа «уничужение паче...». Ему вражды надо! Врагов! Его тиранят любовью, славой! Он в ложном положении перед Самим собою, — вот в чем главное! Какая все это достоевщина, и как это все идет в полном разрыве с лучшим, что у нас есть... Эх... да ему заново надо жить начинать. «И никогда, никогда не было у меня друга...»

А я? Разве я не отдала и не отдаю ему лучшее, все самое лучшее...? Значит — все зря, и ничего не замечено?.. Он не любит меня и не полюбит никогда больше.

О. Берггольц¹

1 мая 1936 года.

Не хорошее, не хорошее в этом году у меня первое мая. Никогда еще такого не было. Первый праздник без Иринки. Как она всегда радовалась ему. Мне все хотелось готовить ей подарки, как всегда. Я не показала ей парада. Я ничего не успела сделать ей, ничего.

Больна. Ужасная, гнусная боль в правом боку, в спине и животе, почки. Разбита до последней степени, все внутри трясется от боли и разбитости. Но ходила вчера в филармонию с Колей, очень хотелось с ним послушать Бетховена.

А жалкая я — со всей этой музыкой, Тилем, цветочками, апельсинами и утренними и вечерними чаями! Жалкая, просто жалкая — и все. Наверно, как мама. Наверно, он чувствует это, и я ему, наверно, жалка и противна. А я просто пропадаю от нежности и любви к нему, и все точно так, точно он ежеминутно готов от меня вырваться, точно все — в последнюю минуту, точно на грани какой-то — надо к нему прорваться, что-то сказать, что-то сделать, и все будет хорошо. Истерия, наверно. Но иногда, когда подаю ему чашку с чаем или говорю что-нибудь такое — кажется — если только закрою глаза — упаду и умру.

Я ничего, ничего не выдумываю, я даже десятой доли не фиксирую того, как живу. Если я сойду с ума — это будет только законо-

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц на обложке дневниковой тетради.

мерно. Но вот так люблю, а не могу подойти к нему властно и просто (и как раньше и как-то по-новому) поцеловать его, обнять.

Несмотря на то, что 24-го ночью он лег со мною, как муж, и в ту ночь, и две следующие был со мною. А он говорит: «Для баб существует только половая любовь...»

Вот сейчас он поехал к своей Соне, хотя знает, что мне это — нож острый, хотя знает, что я больна, и хотел даже не ездить. Я понимаю, что он не может не ехать туда, и хоть убежала от него сейчас на улице (плохо, не выдержала), я все понимаю, и от этого мне еще хуже и дико как-то. Его тянет к ней, а со мной бы он был по обязанности. С этим ничего не поделаешь, и потому я униженно жалка.

Господи, ну, что же мне делать, что мне делать? Даже напиток-ся нельзя, а напилась бы!

Нет, ну, как же? Так и реветь все время в одиночку, как сейчас? Как он ничего не видит во мне, а если и видит, то вовсе не сердцем. Вот вчера он говорил: «Любовь с Соней у нас возникла на почве общей любви к библиотеке и строителям...» Она очень любит это дело... Я опять, как много раз за этот период, безмолвно подивилась, хоть и сказала, что это возможно. Удивительно, как мало земли человеку нужно! Так мало, что не верится в это, как в выдумку... После той общей любви, которая существует и существовала у нас — после Казахстанской (какой бы то ни было работы) работы, после общего горя о Маяковском, после общей любви к искусству — подлинной и требовательной, после рождения и гибели Майки — да что! После целого мира — увлечься на почве библиотечной работы среди строителей! «Соня ни о чем говорить не может, кроме как о своих строителях»... Не хочу допускать никакой клеветы и пренебрежения, но кажется мне что-то, что кроме этой «библиотечной работы среди строителей» у Сони за душой больше ничего нет, а остальное докладывает Николай, и, *может* *быть*, как всякая женщина, угадав, что привлекает в ней Кольку, доигрывает Соня.

Как мало, мало стало нужно земли человеку. Оскудел он, что ли? Нет, просто любовь зла... Вот он пришел к ней сейчас, он целует ее, он счастлив с нею — ох, как я все, все представляю, нет, не могу, не могу так. Умру! Надо мне от него уйти. Надо уйти, а не взывать к нему больше, как сейчас, раз ничего, ничего моего до сердца его не доходит. А Витька любил бы меня одну, пожизненно, если бы я согласилась стать его женой. Он берег бы меня, и боялся каждую

минуту утратить, и был бы счастлив и горд мною. Он и сейчас любит меня. И сейчас я могу сделать с ним все, что захочу. И все-таки это — не Соня.

А Колька Евдокимов пыжился от гордости, когда ходил со мной по залам Кремлевского дворца — я ничуть не самообольщаюсь, и в лице менялся, когда я ему что-нибудь просто хорошее говорила...

А несчастный Анд. Хв. звонит больше сюда, чтоб только увидеть меня... И сколько их... Э, да что тут... Не в этом дело. Не нужен мне никто. И не правда это все: вот кручусь одна — больная, несчастная, ревущая — и никому до меня ни малейшего дела... Противно, жалко... И Колька, нацелуется там, «наговорится», размякнет там и придет в четыре утра — будет жалеть. Противно. Только чего я пыжусь? Все это в порядке вещей. Люди не могут быть ни умнее, ни лучше себя, даже Колька.

А я думала, что женщина, которая заменит меня в преданном, верном и цельном Колькином сердце, будет такая, что я окажусь перед ней лягушкой. Я думала, что если Колька кого-нибудь полюбит, то... ну, я не знаю даже, как сказать, что жизнь расколется, что ли, перевернется что-то... А оказалось, что вышло все совершенно пошло, и совершенно так же, как у всех людей. И насчет того, что «двоих любить можно», и насчет его отношения ко мне — тоже обычно и пошло.

Сашка Штейн говорит, что он без Женьки жить не может и развода себе не представляет. Угаров говорит, что жена — его лучший друг и товарищ и что развестись с ней он не может. Мишка Чумандрин — тоже, по отношению к Маруське. И т. д., и т. д., и т. д.... А Юрочка Герман? Ему, кроме всего прочего, Люду «жалко»...

И ведь все они, пожалуй, кроме Сашки, переживают свои романы и мучатся тем, что жены страдают. Но «каждый думает, что он человек», и что таких переживаний, как у него — больше ни у кого не бывает. У других пошло, а у нас — нет. То — Сашка Штейн, то — Угаров, а то — я...

Может быть, теперь Коля «поймет» их и скажет, что это не пошло, а... жизненно, что ли... закономерно... Не бывает, не бывает той любви, которую я предполагала в Кольке, у нас — как и сам он писал — «любви без сожительства»... «Держи свое сердце чистым для настоящей любви, она будет». Так он писал в той записочке. Вот она рядом с ним — большая, настоящая любовь, моя, и ему не нужно ее. Слова, слова...

Или нашел ее в Соне? Тогда пусть идет к ней, пусть, пусть, не нужно мне жалости, супружеских обязанностей, благородства поганого, мертвой честности, не нужно мне всей этой шелухи. А если только она и есть?

Господи! Какие-то гимназические рассуждения — «есть ли любовь», уж не мне бы в них пускаться... Нет, есть и будет, и буду держать свое сердце чистым для нее, не буду пускаться в тяжкие, хотя это и помогло бы, я знаю... Если не разлюблю его до тех пор, как совсем вернется ко мне, будет такая любовь с ним, а разлюблю... ведь придет же кто-нибудь хороший, мой, кому буду единственной...

Вот я так кручусь, мучусь, жду любви и люблю, а ведь это наверно пройдет... Окостенею, стану циничной, станет все равно. Так со всеми же бывает... В жизни получилось главное — любовь, как у всех, и с характером тоже будет, наверное... Плохо.

Обнаружила только что, что не забеременела от тех страшных и радостных ночей.

О, что, если я себя искалечила навсегда и больше не будет дочки? А Майкина могилка — Колькиного ребенка — потеряна, даже не знаю, где. А потом все аборт, аборт... Как я всегда умирала, когда их делала, что он знает?! А ведь если б забеременела, как бы он встретил это... Неприязненно, не хорошо. Я вчера думала, что забеременела, и вдруг страх — как Кольке сказать, как бы он злился, наверно.. И как ужасно — всегда почти что встречали мы каждое мое зачатие как бедствие... Даже когда я была беременна Майкой — он у себя писал: «только бы она не была беременна»... Но ведь он хочет и хотел ребенка, вот в чем дело. Хочет! Неужели жизнь его изменила так?

Надо стоять над жизнью, верно сказано у Яновского. Надо работать, надо написать «Историю», не расхвораться бы — очень, очень мне плохо — боли страшные.

Уже десять часов, Коли нет. Может, мне надо было просто сказать — не уходи. Но он же сам говорил, что «если б не пошел к ней — то был бы глубоко несчастен». Ох, мне эта честность! Бревно теоретическое... Нет, надо постараться разлюбить его...

Но как без Кольки, без дочки...

На улице первое мая, м<ожет> б<ыть>, в Германии расстрелы, а я сижу и копошусь в области половых вопросов... Несчастливая! (Колька раньше хорошо и ласково так иногда говорил — «несчастливая».) Хватит. Хватит. Ни слова не скажу, когда придет. Факт — спал

со мной тогда из жалости, вроде отступного дал... «Решил удовлетворить...» Да нет, Коля мой хороший, я клевету на него... Хороший и верный, и только мой... Нет, не мой. Нет. Ушел. Надо это оформить в себе.

5/V-36

Я не живу, а тягочусь существованием. Вечером первого мая Коля пришел в два, немного поговорили, и я ужаснулась собственному падению и пошлости. Не он пошляк, а я глубочайшая пошлячка и действительно жалкая личность. Больше всего тронуло, нет прямо как-то перевернуло меня то, что он думал, что я беременна, и даже об обмене квартиры говорил в связи с этим, хотел этого. А я-то, сволочь, писала так об этом. Нет, Коля мой хороший, в сотни раз лучше меня. Солнце мое, солнце мое...

О Соне говорит как о дружбе. И даже сказал: «А что, если я с ней не сближался?»

Это меня настолько поразило, что я не стала ничего выспрашивать, но ничуть не поверила, что так могло быть. И очень долго потом не спала — тоска была страшная: это в первый раз в жизни было, когда я не поверила Коле, и я знаю, что теперь во многом, во многом не буду ему верить, и что он будет врать мне. Это просто убивало меня, это самое ужасное.

Второго приехал Анк. Он и его жена были у нас, в 10 Коля ушел, сказал, что пошел провожать В.П., и не являлся очень долго. Я была уверена, что он «там», я читала, пела и рассказывала Анку, как заводная, но скажи он что-нибудь ласковое — и со мной была бы истерика. Все время страшное нервное напряжение, явно истерическое. Так же нельзя жить.

Коля пришел, сказал, что был у ребят и вместе с ними на площади, принес даже книжечку от них, а я опять не поверила: «был с ней». Коля лег со мною и сразу уснул, а я ревела ему в спину... Жалко!..

Вчера стал собираться туда. Я опять сорвалась — сказала: «Ты был там первого, второго, идешь сегодня. Это дружба, да?» Он не пошел, и я чувствовала, что был разозлен и недоволен... И он даже ласково не взглянет на меня, не подойдет, ходит тяжелый, раздраженный, мрачный, а у меня все время замирает сердце, как от страха, даже вроде подташнивает, как во время болезни Ирки, вот-вот что-то случится. Не думала я никогда, что все это мне от Кольки достанется.

Я все вспоминаю, все вспоминаю всю нашу любовь, Острова — «отрок милый», и ту первую страшную весну, когда я выволакивала его из смерти и безумия в больнице Жертв Революции, и как он потом, бритый и страшненький, пришел со мной к Молчановым и обнимал меня, говоря матери: «Только б она меня не разлюбила... Я боюсь, что она меня разлюбит...»

Мне надо понять, что этого никогда больше не будет, как не будет Гарболовского озера, где я купалась сама и купала Ирку, и мы обе визжали и хохотали, и я ее чуть не утопила, а потом мы увидели в траве, в воде у самого берега маленькую щуку с рыбкой во рту.

Довольно, довольно. Я совсем потеряла себя, я жалка и растеряна, так нельзя. Ведь так много работы, так много нужно сделать. Надо собраться, надо завинтить себя на все винты, я стала неинтересным, бедным и несчастным человеком, любой библиотекарь интереснее меня.

Хорошо, если нельзя быть счастливым нам обоим (а я не смогу быть счастливой, пока не буду знать и видеть, что Николай любит только меня) — пусть будет хорошо ему одному. Нет, теперь подохну, а не скажу ему ни слова насчет Сони, пусть «дружит», пусть будет спокоен и доволен. Верно, что ему жизнь отравлять — ох, как плохо, когда человек несчастен, по себе знаю. Пусть, пусть ходит туда.

Буду работать, как говорится, стиснув зубы, выволоку «Историю», подготовлю «Заставу», буду много читать, ведь я так давно мечтала о напряженной, суровой, творческой жизни, восстановлю здорье, буду одна, ну и пусть, буду одна...

О, туши же, туши! Горячее...

6/V.

Итак, «ухожу в подполье»: ни одного звука с Колькой об этих делах. Ни малейшего жалкого вида. Если я ему не дорога и не нужна — ладно. Пусть меняет сокола на кукушку.

А может, мальчика-то и не было? Может, он уж вовсе не такой, каким я его себе создала? Верно, любовь и верность его составляли основу моей жизни; в самые скверные и никому не известные минуты жизни, когда не верила в себя ни на грош, когда приятели жестоко обижали меня, я думала «ничего, ничего, меня любит Молчанов». Это составляло гордость и оправдание жизни, это было залогом бу-

дущего. Все пресловутое мужество мое было в основном ориентация на него, на его уважение и одобрение. Теперь он выдернул из-под меня эту основу. Я прошу: «Полежи со мной». «Нет. Пойдем, погуляем». Нет. Вечером сегодня, кажется, идет к Соне. Ладно, пусть, пусть. Коммунистка я, в конце концов, или сопля зеленая. Нет, простите, все-таки коммунистка. Немыслимо столько сил и энергии отдавать на это дело. Я гибель Ириши вынесла, неужели тут загнусь? Ведь перестала совершенно работать, читать, даже думать о чем-либо другом, кроме этого, весь мир закрылся. Надо хорошо написать «Историю». Надо начать «Заставу». А школа? А для «Двух пятилеток»? Ведь обо всем этом думалось, все любилось, и вдруг исчезло. Из-за чего? Что ж я, действительно не могу «довлеть сама себе»? Могу!

Мне очень, очень трудно жить. Ни друзей, ни детей, никого. Ну и пусть будет трудно. Пусть, знаю, что буду еще много реветь и крутиться, пусть снятся сны, как сегодня утром, что пришел ко мне и был со мною, — пусть, я не могу, чтоб всего этого не было, я не могу перестать ревновать Колю, пусть будет все это, но я могу все это упрятать в себя, и сквозь все эти шипы и уголья работать, жить, а не влачиться! Не в том мужество и благородство, чтобы перестать ревновать и смириться с «дружбой», что-то, а ханжой и лицемерной я не была. Я не Маруська Чум<андрина>, обсуждающая с Мишкиными любовницами, как лучше устроить Мишино счастье, и не Женька Штейн, у которой атрофия полового аппарата соответствует атрофии ревности, и даже не Мара, которая терпит от Угарова все и мечется между Аркашкой и им.

Найду, найду в себе силы, чтоб жить. И даже не в себе, а в окружающем, в партии, в конце концов, это ж не слова для меня, и все, что сейчас пишу — не культпропский прием. Буду жить и работать, и сделаю хорошие вещи. Буду жить и работать, пусть через ожесточение, пусть через исчезновение своей любви, и выберусь, выберусь, и уж кажется, что выбираюсь.

Вчера опять забыла закрыть ящик, Колька положил мои письма рядом, наверное, читал все это, и наверное еще и оттого ходит такой чужой — злится, наверное, на все это... Эх, плохо все-таки. «Ничего, ничего — молчанье, молчанье...»

Больше вообще сюда писать не буду — давить змея, так давить.

17/V-36

Нет, взвидя,
 Что есть
 Любовная ржа,
 Что каши вдвоем
 Не сварить,
 — Ты зубы стиснь
 И, руку пожав,
 Скажи —
 Прощевай, товарищ!

Того же.

Какое мне дело, какое мне дело, какое мне дело?! До кружка испарта, кот<орый> будет прорабатывать съезд? До того, что Лозинский и «Кр<асная> новь» не печатают моих стихов. До Ром<ана> Львов<ича> с его свежестью. До Вити с его седыми пучками волос на висках? До Коли, который не взглянет на меня, тушит свет, ложась спать? Вообще.

Ирины нет и не будет. Ирка, Ириша, Ирочка. Я все вспоминаю. Когда я уезжала из Детского, она подходила к окошку и махала рукой. Я ее такой больше всего помню. Иринька. И одно успокоение — ведь я тоже умру. Ведь все всё равно умирают. Ириша, Ириша. Лучшего у меня нет и не будет. Ну, доживу как-нибудь. Ну, не любит Колька. Пускай. Все равно. Раз Ирки нет, то все, все равно.

21/V.

Вчера Коля вечером пришел злой, чужой и до сего часа все молчит. Из Академии он ушел в 10 (я звонила туда, думала, что он там), пришел домой в 12. Явно, был у Сони. Явно, опять его одолевают всякие проблемы о тирании — хотя сейчас буркнул сквозь зубы: «Мне до них нет никакого дела». Вот и прекрасно.

Усталость и апатия все больше и больше одолевают и меня. Нет, очевидно, к нему не пробиться уже и не дождаться его влюбленных глаз с той самой золотинкой. Иногда он ложится со мной, и я испытываю то, что казалось мне невозвратимым во всей силе — чувство страха и радости, оттого что это неожиданно, но желанно, и полноу

принадлежность ему, и гордость, и благодарность, которой не понять мужикам, и все, все — весь тот комплекс, без которого все это мертво.

Может быть, он потому такой мрачный, что изменил мне опять, вчера? А я уж не спрашиваю его ни о чем, я все время как-то сжимаюсь, сжимаюсь, робею и становлюсь, очевидно, похожей на маму в своей готовности хоть чем-нибудь услужить ему, вызвать его ласку. Мелкие, подловатые сомнения грызут меня, мелкие, ничтожные доказательства подкрепляют их, вроде вчерашнего звонка в Академию, вроде того, что, стирая его кальсоны, я обнаружила на них пятна крови. Мне самой это отвратительно, и я не имею никакого права досаждать ему этим, я, как прежде, знаю, что могут и даже должны быть кроме меня у него женщины и друзья (как и у меня же!), но мне все-таки не легче, и единственная разница с отчаянием тех дней, что безразличие, безразличие безнадежности охватывает меня все глубже: «Ну, пусть. Пусть, пусть, все равно...» Он спит со мной, ходит в филармонию, не видит или почти не видит Соню — и все-таки я неспокойней, чем прежде, потому что, формально, я не могу ни к чему «придраться», но только формально. Мне мало его, все мало его, мне не хватает его больше, чем в первые дни любви, чем перед отъездом в Казахстан, когда мне тоже вдруг сделалось мало его, и я утешала себя почти так же, как сейчас, что у меня есть все, кроме него. Но тогда еще была Иринка.

Я знаю, как он сказал, что я не центр мира. Вернее, я перестала им быть для него. О, зачем он сам так писал и так говорил мне о любви.

В том состоянии все разрастающегося состояния безразличия, я обнаружила, что хватаюсь за все, что не есть настоящая жизнь, вернее, отодвигаю настоящее, что требует жизни, жизни и жизни: работу. У меня нет сил для нее, говорю прямо. Объяснить это очень трудно; я говорю себе: «я должна, должна». На минуту загораюсь, думаю и, ничего не сделав, устаю смертельно.

Я знаю, что так нельзя. Я знаю, что нельзя центром жизни делать одного человека и из-за него ставить под угрозу все остальное: это значило бы, что я живу отраженным светом. Я все, все знаю и не могу собраться с силами, чтоб зажить полной жизнью, полной тревог не только из-за кальсон Коли, но из-за замысла, из-за главы «Истории» и т. д. Точно что-то сломалось внутри меня и не может срастись, за эти месяцы, с марта. Могла бы писать только «Заставу».

Нет, надо отодвинуть от себя эти заботы и еще глубже уйти в себя, жить одной. С июня, наверное, так и будет. Что делать, если я не отделяю, не делю своей жизни на «первые и вторые планы», а все, все, чем я жила до сих пор, было только первым планом, и все переплеталось, и одно не могло без другого. Пришло время делить? Означает ли это конец молодости? Приветствовать ли это или огорчаться этому? А жизнь такая коротенькая, так немного уже осталось ее, так быстро пойдет теперь время. Мне уж скоро тридцать. Смогу ли я еще сказать, гордо и радостно — «да, я живу, я счастлива»? А все, что было до сих пор, казалось временным, казалось «пока», за которым должна начаться настоящая жизнь, большая, значительная. Может быть, она уже началась?

«Мне хочется узнать — сколько ты стоишь и за сколько себя продаешь... Но я всегда боюсь передать.

И нет во мне стыда, и нет целомудрия, и нет сомнения (!)

Невидимая тень любовницы...

Самое страшное в одиночестве то, что нельзя узнать мысли другого человека...»

24/V.

Вечером Колька идет к Соне. Побрился. Впрочем, я не знаю, к Соне или нет — не знаю точно. Ах, да что тут — конечно, туда. Ну, что ж, разве я могу что-нибудь возразить, теперь, после того, как он спит со мной и говорит даже о возможности будущего ребенка. Когда он эти два дня был весел и приветлив, и, видимо, любит. А я думаю: это оттого, что идет сегодня к Соне.

Я ничего не говорю ему и не скажу, глупо, не можем же мы все время мозолить глаза друг другу. Я не мучусь, как тогда, но я злая, мне не хорошо, смутно, хочется наговорить ему колкостей. Подлая я и ничтожная. Дневники мои похожи на мамины листки, которая ничего не видела и не знала, кроме «Федюка», и ныла, ныла, ныла и писала о разочарованности в жизни. Испытываю же я жалость и пренебрежение к ее скудости, за эту ограниченность, а сама? Или ничего нового у людей и не бывает, а вот так и есть — однообразно, однообразно.

Он туда ушел, я совсем разбита, почти больна, нет, нет, не хочу. Слезы все время в горле, держу себя как в железном ободе

и устаю смертельно. Интересно, надолго ли меня хватит? Только-только днем начала работать, и вот сейчас опять — все омерзительно, ничего не могу. А подумать — из-за чего? Николай пошел к знакомой женщине. Нет, не так: Николай пошел к женщине, которую он любит и которая любит его. Она будет смотреть на него, на эти ресницы, на эти глаза, нет, больше — она будет целовать их, и он целовать ее.

Что из того, если они не будут жить? Что из того, если они даже не будут целоваться? Все рано, он будет желать этого, ему будет хорошо с нею. Когда я думаю об этом, мне хочется устроить что-нибудь отвратительное. Я не перестану ревновать его, вот так, как сейчас, мучиться и метаться, пока люблю его.

До сих пор не могу ничего сделать с собою. Но делать что-то надо. Я становлюсь инвалидом, я просто опускаюсь, и мне ничуть не жаль, что это так. Купила водки — напьюсь сегодня. Я боюсь разговаривать с ним (господи, до чего дошла — Кольки, моего Кольки боюсь, того, над кем такая власть была!). Напьюсь и скажу, что так не могу. Это все вызвало бы в нем отвращение, и, вероятно, законное, если б он знал все это.

Вот он мечтал о «любви в форме ненависти». Ненависть не ненависть, но глубочайшее ожесточение и неприязнь начинаю испытывать я к нему, он и не знает.

Господи, надо же настолько окостенеть, чтоб говорить мне: «Это у тебя мимикрия, это ты оттого, что тебя все оставили!» Дурак, как он ничего не знает, а еще врал, что читал мои дневники!

Ну, что ж, что он спит со мною. Спит — и только. Ни одного ласкового слова не скажет он мне теперь, разве он думает, я не помню, как он ласкал меня раньше. И даже, когда я спрашиваю его после: «любишь?», отвечает так, точно его передернет: «да». А этот иронический тон, эти якобы шутливые покрякивания? Да даже ночью — и отвернется тут же.

Нет, мне надо любви его, а не сожительства с ним... Он думает обо мне иначе, наоборот. Я знаю, что во многом виновата только сама. Что когда он любил меня и оставлял мне трогательные записки на своем столе — я бегала по ресторанам, являясь утром... Я бежала к людям, другим, мне было с ними «интересно...». Я знала, что он лучший, лучше всех, но мне интересно было и казалось даже, что люблю Витьку. Так, как у него теперь, точь-в-точь так, с принци-

пильной поправкой на характеры. А вот когда почувствовала, что он — главный — отходит, вот тут-то и узнала цену этому «интересно». С ним будет то же. С ним будет то же. Потому что я все-таки не мама. Потому что веревочка вьется не без конца.

Мне противно воздействовать даже на его жалость. Мне, наконец, надо жить, потому что я качусь и качусь неизвестно куда, никто этого не знает, если бы даже сказала кому — не поверили бы, но я качусь. Если бы были силы вообще прекратить существование. Приходит Коленька от Сони, а я на веревочку вешу, в нашей комнате, на трубе, против двери. Вот вам всем, сволочам! Соблазнительно, хотя и пошло. «Мертвые сраму не имут» — но это стыдненько и мерзко. Коля, наверно, полагает, что все «уладилось...». Как я могу верить в это, после того, как он мне рассказывал, что любит Соню и что «двоих любить можно», как целовался с ней («еще как!»), как он рассказывал ей, что не живет со мной как с женой...

Мне даже смешно становится — ну, я такая и сякая, и, вероятно, ничего особенного, но хорошие же у меня предшественницы и последовательницы: Ирина Молчанова, Катя Абрашкевич, Соня Машбиц. «Скажи мне, что ты читаешь...»

Нет, выход один, озлобиться и жить одной, а внешне жить так же, и м<ожет> б<ыть>, веселее.

Есть и еще выход — пить. Говорю без всякой позы: очень, очень вино помогает. Все становится каким-то легким, преходящим, несомым. Я испытала это раза три за эти месяцы, но этого-то и испугалась... И слезы тогда какие-то легкие, и главное, не жаль ничего, ничего...

Но знаю — Застава это во мне говорит, Застава сопливая, страдающая, покорная. Мамина кровь говорит, папино бессилие.

Лучше озлобиться, если нельзя радоваться каждому дню, пусть и тяжкому. Не дам себя одолеть Заставе! И все, что пишу — тут все заставой разбавлено.

Но ведь я люблю Кольку, я хочу с ним все начать снова, с ним хочу перестать болеть Ирккой — стыдно матери это писать и думать, но теперь хочу, хочу забыть все то страшное, что с каждым днем все острее и явственней. Иринushка, хочу забыть тебя, не могу больше.

Если б знать, что Коля любит меня одну, одну, что никто больше не мил ему, что никто не смеет думать, что может быть дорог ему. Вот опять все начинается сначала, нет, не могу.

28/V-36.

Интересно, пошлет ли Коля Соне то письмо, которое написал и показывал мне вчера?

24<-го> пришел в 9 часов утра — ночь у меня была страшной. Утром сказала, как только пришел:

— «Выбирай окончательно, больше не могу».

— «Я выбрал. Никуда я отсюда не уйду, ее больше не увижу».

Пишет ей жалкое, достоевщицкое письмо: «плюнь мне в морду, прости меня, Соня», и всякие «сложности» о лжи, и «пойми, что жена моя ни при чем».

Я никогда не подозревала в нем столько рефлексии и... трусости! Чужой всему его облику трусости. Удалось прочитать это письмо, сказать ему, что это недостойно, потом длинные разговоры. Вечером опять: «Как я буду рвать, да с чего, у нас просто хорошие отношения, она никогда не говорила мне, что любит», я говорю: «Выход один — скажи ей, что любишь меня и не любишь ее». Мнется, крутит, опять лепечет что-то глупое, что «это не связано друг с другом».

А ночью я читаю письма Сони к нему и пишу ему ультиматум. Встала я из-за стола в 6 утра вся в бурных пятнах, с ног до головы — отвратительно. Утром он прочел мое письмо и написал Соне в духе моего совета. К сожалению, у меня так сердце билось, когда он дал мне его прочесть, что я буквально на память ни одной формулировки не помню, помню только общий тон и смысл — что, мол, «Ольгу я люблю, мы начали с ней все сначала, о любви не может быть речи, но буду очень (подчеркнуто им) рад тебя увидеть, хотя ты осыплешь меня сарказмами, на которые ты такая “мастерица”», и что-то там — «почувствуешь себя опять затравленным зверем». Вероятно, формулировка Сони.

О, если б он послал это письмо! Если б только послал, пусть хотя бы и со стесненным сердцем, с болью и жалостью. Но пусть бы послал! Потому что и боль, и жалость его — пройдет, и он убедится, что «утрата» его — пустяки, и он еще будет у меня счастливым, потому что я люблю его, несмотря на огромную боль и обиду, которые узнала от него за эти месяцы, которые пройдут очень-очень скоро. Не то, что они лягут между нами трещиной, если он выполнит все, что говорил, тогда трещины не будет, и я знаю, что снова буду во всем верить ему, но я знаю также, что при воспоминании о Сониных «клеточках» и «порах», которые его, т. е. Кольку, «желают и чувствуют» — очень долго будет меня сводить.

Я поразила также Колькиному выбору — т. е. Соне. Всячески осаживала и осаживаю я себя — «ревную», «клевету» и т. д. Но нет, все-таки остро не понравился мне этот «просто хороший человек», как рекомендовал ее Коля. Конечно, нельзя судить о человеке по двум его письмам, хотя я все же придерживаюсь теории Аппелесовой черты. Но письма эти — о любви, о кардинальнейших чувствах, об отношении, собственно, к миру.

И вот Соня излагает там свое credo... В общем, обо всем писать долго — все письма, т. е. мысли в них — сплошь цитатные, интонации — сплошь цитатные. Почти все, с каким-то литературным вывертом, и самое страшное — ни одной непосредственной строчки, ни одной самостоятельной мысли, как и вообще ни одной мысли, впрочем. Нельзя же всерьез относиться к «постановке вопроса об одиночестве». Но если все-таки всерьез? Типично буржуазная, гнилая трактовка, исходя из представления, что люди только лгут друг другу. Отсюда все качества, отсюда торгашеская терминология и торгашеский подход к людям («за сколько себя продаешь»), и эта мещанская скудость и скупость души, боязнь передать, продешевить, это мещанское же недоверие, это интеллигентское «создание видимостей...». Она не в состоянии говорить прямо — о ревности, о желании, чтоб любили только ее, а ведь дело-то в этом!.. Ведь за витиеватостями стиля кроется одно (настоящее и хорошее) — «хочу, чтоб ты любил, чтоб жил со мной, чтоб был только моим...» Но ничего не сказано прямо, и, очевидно, ставится себе в заслугу эта «сложность», все это высматривание, взвешивание, балансировка, и хотя осуждается самой же, но осуждается так, что все-таки чувствуется — основное в этой балансировке, основное — в боязни чувствовать открыто, и главное, главное — «как бы не передать, не переоценить!»

Соня, конечно, не какой-либо особый представитель человеческой породы — это самый средний, ущербный интеллигент в худшем смысле слова, средний рационалист, средняя, мелкая душа. Я пишу о ней так много не с целью «растоптать» ее перед собой, а еще, конечно, и из профессионального интереса. Я встречала ведь таких людей, я бегло писала о них, это те, кто «бережет свои сердца». И я почти благодарна за то, что получила столь яркий образец «скупого сердцем». Может быть, я немного преувеличиваю, может быть, да наверняка даже, она способна и на непосредственность и т. д., но мне кажется, я не ошибаюсь, определяя ее доминанту как

скудость души, не от богатства скудость, а от бедности и ограниченности... Вот именно она осуждала в Коле то, что он, прежде всего, видит в людях «праздничную сторону...»

Как вся, вся эта система противоречит нашим устремлениям, нашему отношению к людям! Нет! — «Отдавай и, дрожа, не тянись за возвратом». И не бойся передать. И оттого, что, может быть, не получаешь взамен не только большего, но даже ничего не получаешь — все равно отдавай все, что у тебя есть, все, что чувствуешь, — дорогому человеку, дорогому делу. И, прежде всего, цепляйся в человеке за праздничную сторону, и сумей разглядеть ее, прежде всего, хоть и не значит это, что можно все простить за нее человеку. Иногда ее вовсе нет. И как я люблю нашу партию за умение ее находить в людях эту праздничную сторону, действовать на нее, опираться на нее. И ведь только опираясь на эту праздничную сторону масс, имеет она основания на жестокость и беспощадность. А ее доверие к людям? И опять-таки, только доверяя людям, можно требовать с них так, как делает это партия.

Ну, всего не запишешь. Я очень многому научилась в этой истории, и как ни тяжела она была, я выйду из нее, вероятно, лучше и честнее, чем была. 1935 года больше не повторится.

Ведь и во мне много аналогичного с Соней — в «создании видимостей» хотя бы. Но, главное, я никогда не боялась передать, никогда не подходила к людям с торгашеским нигилизмом. Кое-что я написала тогда Николаю о Соне, может быть, он отнес это только за счет бабьей ревности, может быть, кое-что понял.

Да ведь мелкий, обыденнейший человек — его Соня, скудный, ограниченный! И ей он предавал меня, целовал ее, говорил о любви! Умилялся ее строчкам — «пусть и тебе будет больно, за то, что нелегко ты мне даешься...» (это означает сомнения — за то ли он себя продает!). Пусть бы она провела с ним одну только ночь во время его длительной падучей — вот, может быть, она узнала бы, что значит — «он нелегко дается». И я одного только боюсь и боялась, и желала — чтобы именно ему не было больно от сознания, что он мне «нелегко дается...» Потому что как бы «нелегко ни давался», а ведь я его люблю — и значит, все равно, легко или нелегко, разве этим определяется любовь? И вот сейчас, до чего обидны его разговоры: «Тебе со мной плохо, трудно, почему ж ты живешь со мной?» Точно я жертвенница, точно подвижничая ради каких-то самолюбований, а не люблю сама, и не радуюсь ему сама... Научила ли я его чему-нибудь за эти дни?

А может быть, был и есть прав он? Нет, нет, как бы я ни старалась согласиться с ним — все равно не могу.

О, только бы письмо было отослано... «Тебе хочется добить Соньку», — говорил он, когда я предлагала эту редакцию. А за что и почему я должна жалеть ее? Ну, почему? Она писала все эти пошлости моему мужу в те дни, когда мы хоронили Ирку... А за что я должна жалеть? Ерунда и лицемерие было бы...

Ольга Берггольц¹

8/VI-36.

А я, наверное, все-таки сойду с ума.

Сегодня 6 лет нашего брака с Колей. Он сказал: «Чему же особенно радоваться? Ничего хорошего, одни потери». Я все еще не работаю. Зачем он так говорит? Он тяжелый, чужой какой-то последние дни, думает о чем-то своем. Дня два назад сказал твердым голосом: «Дорогая Оля! Меня все-таки очень беспокоит, что Марковна не звонит и не пишет мне»...

Я ему ничто, конечно. Я похожа на мопассановскую старуху. Ну, что, что сделать, чтоб вырваться и встать на ноги? Написать — некому, и, подумав — никто не нужен. Ирку все равно не вернешь. Колька как-то нарочно действует и говорит так, что ничего хорошего не было и нет!.. Появилась целая система его реплик, подчеркивающих, что все прошло и ничего нет, и мы уже не те, и молодости нет, и тон какой-то насмешливо-нигилистический, и все это в мелочах, и ежеминутно.

Неужели тут — все? Скорей бы приехал Ванька, чтоб напиться...

11/VI-36.

Случившийся нынче инцидент пронзает меня горечью и злостью. Наверное — так и надо, и хотя Колька говорит, что тут нет ничего унижительного для меня, все-таки, наверное, есть унижительное. Узнаю, что

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц на обложке дневниковой тетради.

у Сашки Шт<ейна> — Юрка и Виктор. Иду туда. Юрка с машиной, они собираются кататься. Я прошу: «Возьмите меня с собой». Юрка подсчитывает людей и говорит: «Поедем». Впрочем, как кажется мне, без особого энтузиазма. Но Витя вдруг говорит: «Нет, мы все не поместимся», «Почему? Как раз пять человек». Тогда Витя, заметно краснея, начинает лепетать что-то: «Ну, хорошо вы поезжайте, я вызову из Союза машину, мне надо заехать в одно место, мы не поместимся». Я машу руками и говорю: «Да что ты, зачем, я не поеду». Выходим из квартиры Штейна, Витя идет рядом со мной, сжатым голосом говорит, что я «побледнела, а на партсобрании была загорелой», да «что я буду делать» и т. д. Ничего не значащий, пустой и какой-то неловкий разговор, выходим во двор, я говорю уже совсем дискантом — «ну, что ж, поезжайте!», рукопожатие, я взглядываю на Витю, очевидно, зло, и гордо ухожу.

Во всем этом есть что-то оскорбительное для меня. В трогательных отношениях Юрки и Вити, которые бешено ревновали меня друг к другу. Мужская солидарность! В том, что я попросилась с ними и прибежала к Штейну. Нет, нет, как-то нехорошо, и смешно... Что ж, «вы в любых машинах проезжаете»?.. Дура же я была... Э, плешь. Как бы они ни относились ко мне, а я была и есть лучше и благородней их.

Нет, больше никогда не повторится историй, подобных тем, что были с Витей и Юркой. Вот они почувствовали, оба, которые столько распинаясь передо мной, что я им больше не нужна, и, м<ожет> б<ыть>, подумали, что я готова опять крутить с любимым из них. Нет, братцы мои, все это там, в прошлом. «Я не знаю, где она». И что это все перед тем, что меня любит Колька? А он любит меня, он такой ласковый и хороший последние дни, и я пропадаю от нежности, лежа рядом с ним, и как только подумаю: «Вот мой Колька, мой и муж», — просто сердце сожмется от любви и гордости. Ну, трудно с ним, ну беспокойный он, но ведь прекрасное, чистое сердце, благородство и рыцарство подлинное, а вся эта жестокость и окаменение, которые были недавно, — это же почти случайные, временные загибы характера. Мы будем еще счастливы с ним, и у нас будет такая любовь, что сами удивимся, и будет Майка. Иринushка, радость моя, прости меня за то, что хочу без тебя быть счастливой. Ведь все равно смерть, та же участь. Как-то совестно — неужели уже проходит горе, но вот несколько дней чувствую себя лучше, хочется работать, и вижу перспективы работы, только проклятая лень и расхлябанность одолева-

ют. С завтрашнего дня составляю себе твердое расписание и буду его придерживаться. До первого отделаю все, включая до <1>905, и дожду <19>17 год, а также поговорю насчет <19>27 — Шварц, Дубовский и т. д.

Надо сделать, наконец, «Историю», чтоб к маю <19>37 сделать выводящую в свет «Заставу»...

15.VI-36

Очень плохое состояние — вялость, лень, бездумье. Просто работать разучилась, Оленька, деньги легко даются. О, как мне осточертела «История»! Куда делся Колька — весь день его нет дома. Уж не несчастье ли с ним, господи. Так чего-то весь день тягостно на душе, точно что-то должно случиться. Хоть бы записку оставил... А может быть, он у Сони! Нет, просто делать ничего не могу — так беспокоюсь о нем. Прочитала сегодня своих «Пимокатов» — книжка, в общем, слабая, но столько находок! Неужели я деградировала? Надо написать для «Двух пятилеток». Вчерашний вечер с партактивом был плох, потом играли с Витькой в бильярд, потом он провожал меня. Зачем я язвила и кобенилась перед ним? Нехорошо, глупо и непоследовательно, и неискренне. Предлагают поехать куда-то в авиачасть. Поеду, хоть неохота оставлять Колю, думаю, опять начнет путаться с Соней... Смутное состояние. Об Ирке ничего не пишу, но как она мучит меня — теперь приступами, внезапно, до галлюцинаций. Где же Колька, где же Колька, где же ты?

17/VI

Немыслимо! Воспоминания о последних часах Ирины не дают мне покою, превращают меня в труп. Я не вызываю их искусственно, и вообще, не знаю, можно ли настраивать себя нарочно. А может быть, тут слишком тонкая грань. О, зачем, зачем так было?! Зачем ей нужно было перенести все это?

«Ай... я умираю»... Последние дни она все ругала меня, сердилась на меня, а тут, испугавшись, стала умолять, полагая, наверно, что умолит, что мы спасем ее... «мамочка, я тебя умоляю, позови доктора». И уже больше всего мучит меня то именно, что она понимала, что умирает. Ну, это-то зачем?! Шепот ее, уже под морфием: «хорошо жизнь отдать, или... или... или...» Она это «или» как-то стонала.

О, если б заглянуть куда-то и узнать, только бы узнать, знала она или нет, что умирает, что все уходит от нее, уходит несправедливо. Мне казалось и Витьке я говорила, что выкарабкиваюсь, но на самом деле, очевидно, продолжаю катиться.

Мысль о смерти больше не возмущает меня — ну, что ж, смерть. Это и есть, вероятно, умирание духа, что ли. Это не все время, я даже веселее, чем раньше. Надо кончить «Историю», хорошо бы, действительно, поехать в Ейск, посмотреть на жизнь. Большая радость — Конституция. И как хорошо сказал один колхозник: «Дети, вот наша настоящая радостная — Конституция». Но Ирка-то не увидит ничего и не порадуетя ничему, а жизнь все-таки есть...

23/VI.

Смерть Горького. Была в Москве, на похоронах его. Вот еще раз кончена молодость; еще раз под определенным периодом жизни — навсегда — подведена черта. Я вдруг тоскую о нем с тем же недоумением и непониманием происходящего, как об Ирине. И та же мучительнейшая бесслезность, как было в первые дни. Нет, невысказанно. В Колонном зале встретила Авербаха. Это все было похоже на серию снов, которые снились мне о нем когда-то: встречаемся, уславливаемся поговорить, потом никак не встретиться, опаздываю, уезжаю, не повидав. Это так и было, точь-в-точь, с тою лишь разницей, что мне было все абсолютно безразлично. И кажется даже, что если б встретились, то не о чем особенно было бы и говорить, кроме тех нескольких фраз, которые сказали друг другу в Колонном зале. Он ничуть не изменился. В Москве, 20-го, был и Витя. «Благослови же небеса», и ни слова теплого, и, главное, мне не нужно ничего. А потом, по правде, как вспомнишь, что за всем этим — «Горького нет», так прямо и сморщишься от какой-то брезгливости и равнодушия ко всему, что не это. Перечитывала его письма ко мне, какие прекрасные, умные и милые письма, точно только сейчас оценила их. «Не расточайте сил на “мелочи жизни”»... Нет, Алексей Максимович, не расточу, милый, родной Алексей Максимович! Нет, все-таки непонятно, опять непонятно. Он не прочитает «Заставу», я не посоветуюсь с ним о ней. Нет нашей совести, нашего сварливого, строгого и без конца дорогого старика...

Надо написать о нем в «Литературный Ленинград» и «Электросилу», и как-то стыдно, потому что в этом элементы саморекламы.

И хотя я думаю, что нет ничего позорного в том, что я хочу, чтоб люди знали, что ко мне прекрасно относился такой человек, как Горький, — все-таки как-то неудобно. Надо будет вытравить себя, оставив только его. Надо сделать «Историю», так как он хотел. Надо написать «Заставу» с его ненавистью к страданиям, с его взглядом из будущего.

26/VI-36.

После двух-трех дней напряженной и довольно плодотворной работы над «Историей», сегодня с утра — тяжесть в сердце и голове, угнетение, недовольство, воспоминания, неприязнь и презрение к себе, неверие в себя. Еще ничего не открыв, я уже научилась имитировать и подражать, и все, что я делаю, кажется мне имитацией. Воспоминания, и все какие-то больные и недоуменные, все, от Ириши до Севастополя. И как замыкается жизнь. Смертельно устала, весь день ничего путного не делаю. Хотела написать — ну, и что ж, потом вдруг возмущилась, кому-то ответив: «Нет, товарищи, я рабочий человек, я так жить не привыкла». Привыкла, привыкла, и все ты врешь, болтунья и бездельник. Разве что пока смутно думаю о рассказах для «Двух пятилеток». Кажется, напишу. Для работы: завтра вечер, до 4–28, до 8–29 (выступить ли на теоретической конференции в Д<оме> П<исателей>) 30 (не Дудергоф ли) — 1 надо сдать перемычку, и <1>905, там правки мало. Написала, верно, сегодня страничку о Горьком, как будто бы скромно и тепло получилось. Опять пришли менструации. Неужели из-за декабря я лишилась возможности иметь ребенка? Ириша, Ириша, милая моя...

28/VI-36.

Ан нет, то была ошибка — менстр<уаций> нет! Неужели беременна? Это хорошо, а Ириша? Точно измена ей. Милая моя, обиженная девочка... Воспоминания о ней возникают вдруг, внезапно и душат, душат. Как сейчас с мармеладом. О, как она хотела жить. Как радовалась, когда выходила из больницы — «трещоточка»... Как покорно согласилась на больницу в Детском, как хотелось ей поправиться.. Нет, не надо больше... Я изобрела целую систему «мечтаний», пошлых и плотских, сознательно загораживаясь ими от воспоминаний об Ирке...

С Колей сейчас хорошо, но ревность не перестает грызть меня. Стоило Левке Ц<ырлину> упомянуть о Машбиц, и у меня на два дня было испорчено существование... Теперь приехала Катя Абр<ашкевич>, и Коля ей рад, завтра они встретятся. Не могу я загораживать от него людей, в самом деле, но Соня мне ненавистна лишь за то уже, что было. За то, что она «так» вспоминает Кольку и т. д. И я иногда вдруг ненавижу даже Николая.

Несчастное я существо. Но много прекрасных и смелых мыслей о работе, «Застава», нашла дыхание для И<стории> З<авода> и не плохо переделала первые главы, а дальше пойдет совсем просто, вот только бы подобрать материал к 21–27, и о, если б до отпуска сделать ГОЭЛРО, и рассказ для «2-х пятилеток». Хорошо прошли 2 занятия политкружка. Хорошо выступала на партсобрании завода. Сюда, очевидно, заносится случайное, как пена или накипь. Буду сейчас работать, и образ больницы ОХ<раны?>М<атеринства и?>М<ладенчества> отойдет... Витя ведет себя глупо. Буду ноль внимания.

29/VI-36.

Ну, и что ж? Что же из того, что Коля поехал в Вырицу с Катей Абр<ашкевич> на ночь? Ведь он бы поехал с Нариными. Ну и что ж? Но, когда он вчера говорил мне об этом, что поедет с Волькой на дачу, и «что надо помочь товарищу», и это хорошо, потому что он не встретится с Катей, т. к. ему не хочется с ней встречаться, но что ехать ему тоже не очень хочется, я подумала совершенно отчетливо: «Он поедет в Вырицу с Катей, ага». Мысль эта показалась мне до того гнусной, а сама я себе в своем недоверии настолько подлой и уподобившейся Соне, что я не только не сказала Молчанову, но не записала ее здесь. Именно так и вышло. Он, может быть, не соврет мне, что ездил с Катей, но скажет, что это получилось стихийно. Нет. Это было договорено или задумано им заранее, я убеждена в этом. И зачем надо было устраивать свидание с ней у Аптекманов? Что это, господи? Зачем он начинает врать мне в таких мелочах, ловчиться и врать? «Бережет» меня? О, теперь меня «беречь» нечего... Сколько в нем наивности... Но ведь он любит меня, он почти целиком вернулся ко мне. Нет, нет, или все, без этих штучек, или ничего. Неужели он считает меня настолько мелкой? О, только бы он не врал, когда вернется... Я постараюсь сдержаться, не устраивать сцен, пусть сначала скажет сам... Увидим.

Юрка Либ рассказывал мне о Машбиц, ничего не зная. Я зло-радствовала — как я не ошиблась в ней. Эх, Коля, Коля... Вот счастья-то своего ты и не бережешь. Глупый Коля, маленький Коля! ты не только в детстве шил себе ночные колпаки, ты все время их шьешь... О, я хочу, чтоб он был влюблен, чтоб ревновал и почти насилывал. Может быть, чуть ли не первый раз за все шесть лет я люблю его с подлинной страстью, с той, которую не расскажешь, которая появляется как результат жизни. Вот когда я могу любить (и вообще), вот когда меня нужно любить, когда можно любоваться и восхищаться мною; я неисчерпаемая теперь, пока что. Я хотела бы поглотить его. А ведь я ничего не говорю ему в этом духе. Я могу иногда рассказать случайному человеку, к которому ощутила доверие, все подробности моей жизни, и в то же время (Яша был прав) — вряд ли есть человек, более скрытный, чем я.

Это не достоинство, и иногда сильно мучит меня.

Коля, твои Кати и Сони не более чем лягушки.

Обязательно свижусь с Соней. Юрка сказал очень приятное для меня, и подтверждающее мои догадки — в Соне нет того, чем женщина сияет. Нет, и не может быть, судя по ее письмам; все умеренно. Умеренный вкусик (тон и цитатность писем!), умеренный ум (вероятно, острит и «саркастична»), неспособность к подлинной страсти. У Кати — «сияние» искусственное. Ну почему, почему они дороги и нравятся Кольке? Непонятно! Или он «не тот»? Галка сияет подлинно. Она — прелесть (Галка), и слово это, обращенное к ней, звучит по-иному. В конце концов, холостая жизнь не так уж плоха. Вот выпили с Вольфом, вот лягу и почитаю Франсионо, вот завтра встану и буду одна целый день работать над рассказом. И напишу рассказ о ребенке: целый мир страстей в свернутом виде. Огромное семиречье. Присяга в полдень и трубы. Огромная Родина и перехваченное от счастья или рыдания горло...

20/VI¹

Вероятно и сегодня Молчанов не приедет на ночь... Как я раздражена на него. Весь день ничего не делала. Ездила с Маулишкой к ней за туалетами, в Дудергоф. Все время пребывала в каком-то оцепе-

¹ Вероятно, ошибка в датировке. Правильно: 30 июня.

нении, не хотелось ни говорить, ничего. Вспомнила, что по этой дороге ездила в Мариенбург, где жила на даче Ирка, когда я работала на Кавказе. Я привезла ей точеный полированный гриб, ей было около двух, и она говорила все время, еще очень сильно картавя, и точно одним словом: «Во какой у меня гып!» Мне хочется записывать о ней все, все... Не могу работать — такое нервическое состояние.

Взяла у Анны красную кофточку, чтоб пойти в ней на встречу с А. Жидом, где будут мои «бывшие» — точно меня это волнует. На самом деле, для того, чтобы встретить красивой Кольку. Прибралась дома. Смешно, смешно, дура. Лучше бы работала. Ведь завтра опять разбитый день, а 2/VII надо как следует сдать Роману экзамен, и 3<-го> перемычку, и когда же для «Двух пятилеток». С деньгами у меня очень бесперспективно... Теперь мне почему-то кажется, что на даче у Вольки — и Соня. Что Кольке важна не так Катя, как возможность через нее встретиться с Соней. Что Коля может сойтись с Катей — у него сознание, что он «пал», все равно нарушена верность, теперь можно; любопытство разбужено, незрелый нигилизм поддакивает. О, я все хорошо знаю. Вот Юрка изменяет Муське. Как это меня удивило и опечалило... Очень, очень пошла жизнь. Может быть, я меньше всех их имею право мечтать о верности, а я все-таки мечтаю о ней, о своей и Колиной. Об озаренном любовью и счастьем труде. Перехожу от казни к казни Широкой полосой огня... Ты только невозможным дразнишь, Немыслимым томишь меня. Да, не приехал. Наслаждается с Катей «высокой дружбой без сожительства».

Вот, сдал экзамен — а все время я так волновалась за него, острее его переживала его неудачи, но ничего не говорила, ободряла все время, кормила по утрам и вечера, а он первые же свободные дни отдал той самой Катюше, которую называл блядью. Нет, все-таки не самомнение — но неужели его непосредственно интересуется Катя, Маша Машкова, Соня, — все эти бабы, которые «ведут подкопы» под него, сплетничают друг на друга и т. д.

Не люблю я их, не люблю! И знаю, что меня они не любят, что Машкова еще в Университете говорила, что я Кольке не пара, что им всем всегда хотелось, чтобы он мне изменял, чтоб разлюбил, чтоб оставил меня. Что они жалели его за то, что он живет со мной. Катя блудит, обманывая мужа, Маша мечтает, как бы поспать с другим — да я честнее их в сотни раз со всеми моими пакостями. Впрочем, тут глупо даже полемизировать. Но Колька, Колька — две ночи

с Катей, зная меня! Эх, как никогда не обманывает меня сердце. Наверно там идут поцелуи, откровения и т. д. А может быть, он у Сони. О, если только он обманывает меня, как ни страшно это, я оторву его от сердца. Все равно, тогда того Коли уже не будет.

1/VII.

Тоскливо, тоскливо, плакать хочется все время, деваться некуда. Кольки до сих пор нет.

Глупо же так изводиться! Я уговариваю себя, стыжу, мне стыдно и противно, и все-таки грустно, тоска... Есть же жизнь помимо меня! Я не буду ни писателем, ни коммунистом, пока не перестану быть бабой. Я отчетливо сознаю это. Но как грустно сознавать, что вот он придет (только бы не врал!) и известие о том, что я беременна, не обрадует его... Лучше пока не скажу.. Ой, нет, как же все паршиво, лучше уйду из дома. Только бы он был здоров.

Звонила Машке Машковой: здоров, находится там с Катюшей, придет часа в четыре. Ну, ясно... «Высокая дружба» в разгаре. Нет, надо выбить из себя все эти страсти!

Как ни говорю я себе, что ничего особенного, пусть отдыхает и т. д. — все равно, меня гложет тоска, раздражение, ревность. Зачем, зачем нужно было говорить, что «очень не хочется ехать», «хорошо, что не встречусь с Катей», «постараюсь оттуда вырваться» — зачем вся эта фальшь, когда именно так и было задумано?! Что же я для него? Служба? Каторга? Ревнивая жена, надоевшая по горло? Нет, не хочу так. А, к черту. Буду заниматься. Я еще буду кому-нибудь нужна как жизнь и любовь. Вот уже 10 часов вечера — Николая нет. Может быть, он останется там на ночь или придет очень поздно.

Все понятно. Брак наш только фикция. Милым и внимательным последние дни он был от предчувствия встречи с Катей. Может быть, он попросится у меня поехать вместе с нею на Оку? Плохо еще и то, что он, не приехав сегодня, он не присутствует на комсомольском собрании, а собрание, наверное, итоговое, и т. к. у него неважные показатели по экзаменам (Алька Марголина сказала — «мы все поражены») — то это могут счесть за что-нибудь последовательное. Но он на все наплевал. Он знает ведь, отлично знает, что я извожусь, и хоть бы хны. Впрочем, м<ожет> б<ыть>, он думает, что я не знаю, что там Катя. А как довольна Машкова, сама Катя. А ну их в жопу. Я из-

мельчилась и исподлилась с этой любовью последнее время... Надо делать выводы... Пусть будет дочка, Майка. Буду ее любить, любить, не отдам смерти. Но Иришиньки не будет. Я больная этим три дня — жалко и противно. Что мне сделать с собою, чтоб быть равнодушной. Вот скоро час ночи — Коли нет. Я ничего не сделала, то стою на балкончике, смотрю — не идет ли, то лежу и реву... Нет, так нельзя... О, что он, что меняет на говно, на предателей. Неужели он не понимает, что со мною здесь? А, все равно. Уже два часа. Он не приедет. Не в состоянии даже заниматься, не могу. Лягу спать.

2.VI¹-36.

Вчера Коля не приехал, и сегодня — уже 2 часа дня — его нет. О, наверно, все-таки с ним припадки. Очень устала от этих дней, от борьбы с самой собой. Нет, он не сошелся с Катей, не предал меня, не рассказал ей о своем «падении». Нет, все это именно так. Может быть, они «нашли друг друга»... Но как бы ни было — нехорошо, что он так задерживается — он знает, что я волнуюсь и скучаю, и ревную. Он когда-то писал, что я — образец «огромной нелюбви к людям» и «обывательского эгоизма». О, он гораздо больше эгоист, и больше не любит людей, чем я. Плохи нервы к экзамену, стыдно будет перед Романом... Руки трясутся, сердце все время стучит. Только бы не устроить ему пошлого скандала, зачем отравлять эти дни, которые он провел. Но сказать надо все. Я не хочу так...

12/VII-36.

Ну, вот я и одна.

Отправила Колю в Таганрог. Болит сердце — не навсегда ли расстались? И ему так уезжать не хотелось. Предчувствие? Ведь, надо сознаться, я верю в него, и оно почти никогда не обманывало себя...

Не хотела Ирке стричь волосики наголо, когда привезли в больницу, думала: «Потом будет очень непохожа...» Нет, предала я ее, упустила, и оттого мне такое возмездие сейчас — безразличие к жизни. Оно стоит за всем, и когда я не чувствую, я знаю о нем. Это чаша. Ну, ладно. Жизнь все-таки есть. Если я уберегу его — у нас бу-

¹ Вероятно, ошибка в датировке. Правильно: 2 июля.

дет ребенок. Мы с Колькой были очень хороши последнее время, это не реставрация, а возрождение на новой основе. И он влюблен! (Тогда устроила-таки два скандала, совершенно невольно и искренне.) Только бы ничего с ним не случилось!

Вот, поджарила себе кабачков, съела. В квартире грязно и пу-сто, я некрасивая, жалкенькая. Как странно, что долго не увижу Кольку. Я как-то по-новому привязалась к нему. О, да я люблю его, и он любит меня, и это единственное, что дается человеку до самой смерти. Я — молодец, вообще, что сумела так сильно затормозить его историю и повернуть наши отношения и жизнь. Теперь я вижу, что на это нужна была сила, и что если б не было любви, то не было б и силы. И я даже немного горжусь собой.

И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется — я даже не услышу.

Нет, никого, ничего не услышу. Но я знаю, что если б я не заставила его вернуться ко мне — я бы, наверно, погибла... Читала Горького — о Толстом, Ленине, Гарине и др. Как он разнообразно жил, как много и огромно думал! А Толстой и Ленин! А мы? Так, морковный кофе... Но нет, я буду думать, работать и учиться ожесточенно и смело. Отпущенный мне зачем-то срок проживу с честью. Раз все эти люди так любили жизнь, значит, в ней есть смысл, и нужно делать ее, любить и беречь...

13/VII-36.

Скорей бы, скорей бы, скорей бы, а что — не знаю. Опять все пока и неопределенно: отвратительнейшее самочувствие, и самое неприятное — со вчерашнего утра кровянистые выделения, тогда как наверняка беременна. Правда, выделения незначительные, была вчера у доктора, сказал — покой, лучше полежать и может обойтись. Но у меня какое-то предчувствие, что опять я потерпела аварию. О, неужели больница, сорванный отпуск и прочее, и прочее. А работа, которую нужно дожать до отпуска?

Можно пожертвовать завтрашней поездкой в Петергоф с французами, но все прочие дела? Бедная вы, Берггольц, надоели вы мне со своими несчастьями!

Написала статью о «наших знакомых», которая окончательно охладит мои отношения с «мальчиками» — Юркой, Левкой и пр. Впрочем, не бесконечно ли далеки они от меня уже давно?

Сегодня все же схожу на партконференцию в Д<ом> П<исателей>.

Хочу выступить с блеском о партстроительстве, но перед кем? Перед Добиным (даже!), перед Брыкиным? Все они мне безразличны; но там будет Витя. Ну а хоть бы и Витя? Смысл моего выступления таков: вот, Витя, видишь, как я знаю и понимаю историю партии, вот я живу и познаю — без твоих отношений ко мне, мне наплевать на тебя и на всех вас, я умнее вас, больше вас знаю и т. д.

Все это не более чем мещанство, и не партийно. Но ведь действительно же, я знаю этот материал, я много думала над ним, предчувствовала его во плоти и движении.

И ясно, если буду в ударе, буду говорить о нем с увлечением и любовью, но на заводском собрании мне было бы интереснее говорить о нем, там бы меня внимательно слушали, там бы я что-то отдавала, а здесь? Сплошная формалистика, и вот потому стимулирует к выступлению не основное, а побочное. Критиковать или нет конференцию? Ох, я стала просто высокомерной воображалкой. Ведь там будет Сашка Прокофьев, Юрка Либ, Семенов, Олесич, — коммунисты не хуже, а лучше меня.

15/VII.

Вити не было, когда я выступала, но я выступала, и хорошо. Самочувствие без перемен. Выделения немножечко есть, с завтрашнего дня, если с утра что будет — ложусь.

Снесла статейку в «Литературный» Л<енинград> Ю<зьке> Гринб<ергу>. Сказал, что Юра изойдет — ну и пусть. А злиться он будет главным образом потому, что я права, потому что там много скрытой полемики именно с ним. А если он честный писатель, то увидит, что я права. Пожалуй, будут потешаться над «ортодоксией» — об основной трудности, о гуманизме... Нет, нет, я права. Не дело забывать об этом, не дело отказываться от литературного выражения того, что нас трепало, било и поднимало, и в жестокости, в беспощадности открывало перед нами сияющий новый мир. Это называется — классовая борьба, и не все мы сразу ей научились.

Юрка бежит от ее изображения. «Она занимает одну десятую жизни», — говорил он. Щенок! А насчет гуманизма — я тоже права. Его у нас обсопливливают. И нельзя орать о какой-то неопределенной «человечности» в то время, когда вокруг нас организуется блок фашистских государств. Беспощадное уничтожение фашистов — вот высокая задача советского гуманизма. Не вызывающе ли это?

Написала отрицательную статью об Юрке — а литсреда знает, что мы крутили с ним. Стихи, идущие в «Звезде», — поименованы — «Карадаг», «Феодосия-Симферополь» и т. д., а многие знают о наших отношениях с Витькой в то лето и то, что я ездила с ним в Севастополь. Сплетничать будут, потешаться и т. д. Но статья — умная, в ней есть мысль, есть эмоция, есть, наконец, партийность, и стихи — не плохие. Не боюсь никого. Вот вам. Где теперь друзья твои? Не знаю: Может быть, и не было друзей. Опять ничего не делала весь день, плохо.

19/VII-36.

Ах, все не так, все не так, все не так!.. (Получилось на мотив коктейльского фокстрота, локально.) Но действительно, все не так, и томительно.

Во-первых, угроза ликвидации беременности все-таки пока есть. Два дня ничего не появлялось, сегодня утром и вчера вечером — опять, правда, очень незначительно, но ехать в таком состоянии на юг, а там до Коктебеля — автобус, конечно, опасно. Надо бы лежать, но кто же сделает за меня все другие дела? Кто будет писать?

Во 2-х — неясность с деньгами. Денег очень мало, а обязательно нужно, кроме всего прочего — за 2 месяца в партию. В связи со всем этим плохо, конечно, работала. От одиночества, от неладов с беременностью — томит память. Опять пристально, с озлоблением перебираю по крошке Колькину измену, и мучаюсь, и не верю тому, что любит и все началось сначала. Ведь самый все-таки тяжелый период был после того, как мы снова сошлись, я перечитываю записи тех дней и удивляюсь своей кротости. Вспоминаю прошлогодний Коктебель, и тоже грызет и томит. Как преходяща, как временна жизнь, как все уходит.

Слишком много живу памятью. Не легкая у меня душа, злопамятная, неблагородная. Конечно, поездка в Коктебель (включая прак-

тические нелады с беременностью) — тоже какой-то вызов. И в первую очередь себе, проба своих сил, единоборство с собою.

Мне точно требуется лишний раз убедиться в преходящести жизни, в ее последовательном исчезновении; со смерти Ирки я как-то не могу остановить ее, и она, именно, не растет, не накапливается, а исчезает и уходит. Мне очень трудно изложить все это, но, вероятно, у каждого человека бывает в жизни такой момент недоумения, и попытка что-то главное понять, отвергая все предыдущие объяснения, душой понять жизнь и ее движение. Попытка удержать ее. Победить или сдаться. Тут опять нельзя объяснить. Победить — это значит жить, душой не веря в смерть, не думая о ней. Это значит каждый день приобретать что-то, а не терять. Это значит быть благодарным прошлому и мало думать о нем. Это значит чувствовать, что жизнь прибывает, а не уходит. Жить настоящим, вероятно, прав Ллевк Николаевич Толстой. Но не пассивность ли и в том и в другом случае? Запуталась. Лучше буду работать, потом пойду по делам, наверно не пойду на партсобрание, буду лежать...

22/VII-36.

Завтра еду. Как будто бы все благополучно, но состояние раздраженности — чудовищное, точно все кипит во мне. Злая нелюбовь к людям — все мерзки.

Не увижу Витьку перед отъездом, ничего, лишней сценой меньше, но жаль, если сорвется Днепр. А впрочем, тоже все равно. Скорее бы съехаться с Колькой и как-то внутренне установиться, совсем.

Видела во сне Иришу — как живую. И она — она зверей любила. Также вступит в сад. К тому, кто должен появиться, нет еще живого чувства, а даже смутная неприязнь, точно жизнь его куплена ценой жизни двух дочек. Это пройдет, я буду любить его.

3/VII¹-36. Коктебель.

Так иногда, в банально-пестрой зале,
Где вальс звенит, тоскуя и моля,

¹ Вероятно, ошибка в датировке. Правильно: 3 августа.

Зову мечтой я звуки Парсифаля
И смерть, и сон под маской короля...

Плохо.

Иногда радуется море, много острою, треплюсь и смеюсь (без натуги), но что-то идет все время за мною, как тень. Никак не отряхнуться, не зажить деловитой, деятельной жизнью, хотя бы и отдыхая. Тягочусь отдыхом. М<ожет> б<ыть>, когда приедет Николай, когда поговорим, когда увижу, что есть в жизни что-то живое, твердое, как опора, — отряхнусь. Первые дни — сплошь были ужасны, именно те, когда я снискала себе славу остряка.

12/VIII-36.

Приезжал Колька с Володькой и уже вчера уехал. Он не только любит — он влюблен в меня! И я все время была смущена и хлопотлива, как влюбленная. Да я и влюблена. И эти полтора суток — как сон. Мне хотелось нравиться ему, и было досадно, что была красная от загара, хотелось, чтоб понравилось ему море, люди, Коктебель. Не было теоретических разговоров, да, пожалуй, и ни к чему они были! Ночью, на скрипучей постели, рядом с Вовкой, было неловко, неудобно, жарко, но страшно и хорошо, как не бывало давно. Когда ждала его — думала, обдам его счастьем, как волной, но практически все было не так, и все-таки — так, и знаю, что уехал умиленный, счастливый и преданный. Я видела, что умиляю его, и иногда сознательно умиляла, но не было никакой лжи во всем, потому что счастливое смущенье связывало меня, и слезы подступали к горлу, как нечто невысказанное, чего и высказать невозможно.

А вчера получила извещение, уже после его отъезда, что 20<-го> высылают <в> командировку, и сегодня с утра была чуть ли не впервые довольна жизнью, сплошь морем, идущим мимо калиточки в глубине аллейки, утренней прохладой, своим загаром. Появилось деятельное отношение к жизни, захотелось многое записать, писать для «Двух пятилеток», много думалось о «Заставе», о будущем путешествии.

В период тягостной тоски, до Кольки — происходил интересный процесс: отпадало многое из прошлого, как шелуха от тела. Отпадало, т. е. представлялось вдруг в мелочном и пошлом виде или вызывало

отвращение и брезгливость. Так было со многим из романа с Виктором. И не предавая его, в целом, я все-таки почувствовала ко многому из него вот это самое отвращение, «что привело? Какая малость!» Да и в целом... Нет, я не зарекаюсь, что не будет никаких, подобных этой, историй, которая волновала и мучила меня, но, вероятно, подобного все же не будет. Как часто я была недостойной, нечистой какой-то, жалкой, пошлой...

Перечитав здесь эпопею Колиного отъезда в Вырицу, я тоже сморщилась от отвращения. Только не самодовольной, укрепляясь в настоящем облике, под знаком чистоты и строгости — я мелочна, тщеславна, эгоистична. С завтрашнего дня попытаюсь писать для «Двух пятилеток», только бы найти дыхание, потому что не очень хочется, потому что я не знаю армии, плохо знаю школу. Общее ощущение эпохи, и много из своей детской мечты.

23/VIII-36.

Эх, вся-то жизнь у нас с тобою поломатая, а тело женское предано судьбой. 16<-го> был выкидыш. Сейчас лежу, как будто с гриппом — т-ра, головная боль. А может быть, все это и не от гриппа. Вдруг умру, а умирать страшно. Ужасная головная боль, ломота во всем теле, нервы, боюсь завалиться или умереть нехорошо. Трусость, бабство. Лежу и прислушиваюсь к своим болячкам, и все пугает.

24/VIII-36.

Сегодня лучше, а вчера было совсем плохо. Сразу после аборта ужасно и непроизвольно плакала, от обиды и унижения, от какой-то растоптанности. Потом горе сменилось тревогой и страхом за себя, когда начала ползти температура. Но все время, хотя боялась и трусила, — острила, шутила и т. д. Без натуги, гордость очевидно у меня непомерная и жажда быть счастливой.

В то же время я рассказываю об Ирке — жалостливо и с видимым равнодушием, но в конце всегда — отчаяние. Читаю Л. Толстого, и отсюда, вероятно, склонность к самообличению. Я все черпаю из себя — героини «Заставы» будут целиком из себя, и пока их трудно разделить. Я или очень бедный, или очень богатый человек. Во всяком случае, много мыслей.

Процесс троц<кистско>-зин<овьевского> центра. Т. к. я знала об этом в основных чертах несколько раньше — опубликованное заключение не произвело на меня такого ошеломляющего действия, как на других. Теперь — сам процесс. Нельзя собственно назвать то, что испытываю — негодованием, в данном случае — это ничего не выражающее слово. Поднимается какая-то холодная и почти не эмоциональная ярость, которая физически душит. Иногда я останавливаюсь на грани понимания, и требуются некоторые усилия, чтобы представить, что это реально, настолько все это чудовищно. «Киров был хорошо обложен». Надо выработать в себе холодность и жестокость к людям, наряду с доверием.

Еще: стыдно, что в нашей партии произошло такое. Ощущение позора, почти личного, и какой-то ошибки: недостаточно решительно гнали эту сволочь? Или мало демократии? Но нет — ведь это «верхи». Они пятнали партию... А все-таки она — незапятнанна. Нет, суки, заёбы, и те, что на скамье, и те, что еще не попались, и те, что иронизируют и потирают ручки — не вам, не вам, суки, торжествовать и осуждать партию. Потом — самоубийство Томского, и др. Вот тут захолонуло — кругом!.. Совсем позорно. А эти правые — и взаправду могли когда-то говорить, обижаться, м<ожет> б<ыть>, случайно догадываются — но ведь надо было побежать и сказать. Преданностью до последней клетки, нетерпимостью даже к антисоветской дружеской шутке — отвечать на это.

29/VIII-36.

Ну, вот я и дома. Жива. Самое хорошее, что у меня есть — любовь Коли. Я просто купаюсь в ней, погружаюсь в нее, она окачивает меня, ну точь-в-точь ощущение радости, как от моря и солнца. Ждал, тревожился, бегал на вокзал каждый день. И сейчас — не можем насмотреться друг на друга, поглупели просто. О, еще будет счастье, еще будет. Тревожат меня его дела — Академию ликвидировали, у него неизвестно что будет. Наверное лишится, только не говорит. И что для него беспокойного придумать — просто не знаю.

Денег у нас нет, мои личные перспективы в этом отношении более чем туманные...

Боевая задача — написать для «Двух пятилеток».

Прислали оттуда очень нехорошее письмо. Надо, надо напиться — и сделать, хоть кое-как. Завтра засяду. В жизни — крутая

перемена: назначили завредакцией «Лит<ературного> Ленинграда». Это во всех отношениях паршиво. Отрыв от собственной работы, погружение в это подлое стойло — газету... Но конечно, раз посадили, нужно будет приложить все усилия, чтоб справиться. Буду стараться вести четкую, принципиальную линию, — боюсь, что с Гореловым мало удастся сделать. Но — о, господи! Как же «Застава»? Как же учеба — ведь хотела всерьез? Как же, наконец, «История»? Зашиваюсь, позорно зашиваюсь! К тому же на должность эту можно было кого угодно, но не меня. Думают — средн<ий> писатель — пусть повернется. А другие — пишут. А я пыхти. Но, назло надо все успеть и все сделать. Пусть только Горелов попробует меня обезголосить... Э, все хреново! Только бы написать для «2-х пятилеток».

30/VIII-36.

Ну, вот — опять, фактически прошел уже день, и ничего, буквально ничего не делала: спала. Очевидно, все еще очень ослаблен организм, да кроме того, вся эта история с процессом, все что после него началось — исключения в союзе, газетные сообщения обо всем этом, вчерашняя ссора с Юркой Либ<единским>, сегодняшняя статья в «Лен<инградской> Правде», собственные размышления обо всем, что связано с этим — положение в Союзе Пис<ателей> и т. д. — прямо деморализует. Стыдно, конечно, признаться в этом, в ответ на все это надо бы только хорошо работать, но вот выбилась несколько из колеи... Ах, паскудно...

Всех этих сволочей надо трижды расстрелять еще и за то, что внесли в партию недоверие друг к другу. Не то, что теперь совершенно «верить некому», но все же уже что-то не то. Вот завтра будет партсобрание в Союзе Пис<ателей> — надо говорить.

Раздражает, что о многих, о ком в свое время говорил и кого ненавидел — Лозинский, Ральцевич, Штейман и т. д., — теперь говорят, как о суках — все. Т. е. это хорошо, что в конце концов они открылись, но почему раньше, когда говорил, никто не обращал внимания? Надо сказать, пожалуй, о самой беспощадной самокритике, о внимании к мелочам в поведении человека, о пренебрежении к пиетету и т. д. В самом деле, пора раз и навсегда кончать с этой мразью. Будут «жертвы» — ну и черт с ними, в конце концов, пора работать и жить спокойней. Это не вопль о благодущии, а стремление к про-

дуктивной работе. Только бы раскачаться на «Две пятилетки». Пообедаем — попробую работать.

1/IX-36.

Как я всегда долго размозоливаюсь от брожения, прежде чем начать работать. Просто распушенность, от которой надо отвыкать. Но вот прежде чем начать писать ответственную статью о вчерашнем партсобрании — строчку здесь. Что ж, это не капитуляция, а, наверное, наше свойство — появилось желание работать в газете, наладить ее, сделать нужной советской власти. Опять — спасательские настроения, но, в самом деле, работать надо очень много. Как писать статью? Поразило меня то, что говорили о настроении беспартийных, сволочь Коварский: «Я теперь ни одному коммунисту верить не буду», другие, которые опасались коммунистов. Тон такой — да, ротозейничали, моргали, но все же это партия, бесстрашная и сильная, про вас, сволочей, мы знаем; за нами народ.

Служебные разговоры с Витей. Вполне, ну, что ли, лояльные, в отношении «прошлого». Впрочем, за обедом, когда говорили уже обо всем — второй, подспудный разговор. Инициатор — он. Вопросы о Коктебеле, о стихах, глаза. Я прислушиваюсь — разве? Опять? Витя хороший партиец, хороший человек. Я не люблю его только потому, что уже не люблю. Нет, мне все-таки нужно бы условиться с собой, что даже в том случае, если он потянет на рецидив, я не пойду навстречу.

Засим пишу труднейшую статью. То, что я хочу, чтоб она (статья) удовлетворила его — нет ничего специфического. Да, я хочу, чтоб он был доволен моей работой. Если говорить без дураков — я хотела бы, чтоб он был и влюблен, но это так, не активное желание. Очень хорошо с Колей. Очень люблю его и рада ему.

3/IX-36.

Уже три дня прихожу из редакции поздно вечером, конечно, не могу читать и писать. Тем, что делаю в редакции — пока довольна. Люблю себя на том, что пока что это все забавляет меня, льстит даже, нравится новое свое положение, импонирует вхождение в партийные тайны Союза, даже то, что пришлось так дико кряхтеть над статьями, очень ответственными и серьезными — о Лозинском и о партсобрании.

Положение вообще в Союзе не из веселых, по парт<ийной> линии много исключений, арестов и т. д. «Иду по трупам?» Нет, делаю то, что приказывает партия. Совесть в основном чиста. А мелкие, блошные угрызения — вероятно от интеллигентщины. По «человечеству» жаль Левку Цирлина, Женьку Мустангову, Майзеля, но понимаешь, что иначе нельзя. Ведь действительно, ни Женька, ни Майзель не поступали так, как должны были поступать — не отмежевались, не прокляли Горбачева, а когда я подумаю, что была с этой мразью 31 ноября 1934 г. на Свири, на одной эстраде, в одном купе, и 1 декабря, когда убили Кирова, а он знал, вероятно, о том, что готовится в Ленинграде, я сама себе становлюсь мерзка, хотя ничего, кроме злобы и вражды, между мной и Горб<ачевым> ни на секунду не было.

Нет, верно Николай сказал: «Они-то нас жалели?»

Да, еще «<Литературный> Ленинград» не стал для меня трудом — в смысле тяготы, хотя уже очень тревожно, что он забирает все время. Думаю, что потом наладится и смогу работать... Но трудно будет, ох, трудно!..

6/IX.

С «Двумя пятилетками» не движется, потому что я за них не принималась. Неохота писать. Честнее было бы отказаться, да уж отрезаны все пути к отступлению. Только не паникерствовать, сохранять спокойствие. Медовые дни работы в «Лит<ературном> Ленинграде» уже тускнеют. Вот Олейников не дал статьи, Добин. Мелкая, будничная работа, выдержка в ней обусловит реализацию все расширяющихся замыслов.

Острейший голод в людях. И надо знать совершенно отчетливо, что они не появятся скоро. Надо знать, что наскок ни при чем. Революция, но длительная. Надо знать, что наличные кадры не так скоро выгонишь, перестроишь и т. д. Очень много надо знать, и очень упорно трудиться изо дня в день.

Дома: Колька раздражает, и еще больше тревожит меня, нервен до такой степени, что уж и сам начинаешь дергаться и паниковать. Положение у него с Академией херовое, это факт. Не знаю, что, что советовать ему. М<ожет> б<ыть>, действительно — «Сталинец?» Мрачен, печален, весь как на шарнирах. Плохо. Просто не знаю что придумать. Ясно, что это отзывается на мне, но это уже второй план. Как бы наладить, примирить с жизнью — его?

В общем, все несколько туманно. Как только сдам рассказ — получу возможность более или менее (конечно, еще менее) легкого дыхания. Послезавтра поеду на завод. Что еще там будет?

7/IX-36.

Машина закрутилась, черт бы ее подрал. Пополам с необходимыми вещами, усиленно действует т. н. «пердячий газ». Газует Мишка, Юрка и пр. Объект — эта самая моя статья о партсобрании. Мишка и Ко считают, что в ней «подтасовка» — почему нет о Горелове, почему нет, что снят Майзель, и т. д. Витька и Горелов ничего не сказали об этом, что это надо, а сама я не знала, просто потому что совсем не в курсе дела, что об этом надо писать. Совершена ли политическая ошибка? Тут опять мое незнание дела и «качание», что ли! Когда говорила с М<ишкой> и Ю<ркой> — казалось, что да, надо о Горелове, а потом поговорила с Колькой и вижу, что собственно ошибка только в Горелове. А что касается отношения М<ишки> и Ю<рки> к Майзелю и Горелову — пожалуй, тут говорит в них старая групповщина больше, чем политическая бдительность. И вообще — нечего было в статье абсолютно раздеваться перед беспартийными. Горелов — как-никак секретарь Союза и редактор двух органов.

Моя роль в этом деле жалка. Я, конечно, исполнитель. Но дело не в этом. Дело в том, что поднимается буза в парторганизации, а сейчас, как никогда, ей нужно спокойствие и — главное, чтоб хоть кто-нибудь из коммунистов написал хорошие ведущие книги. А вот тут-то почти полная бесперспективность. Что, Мишка и Юрий сделают это? Они абсолютно и заслуженно безавторитетны как писатели. Юрка к тому же реваншист. Они шумят, орут, а где их творческое оправдание? Нет его! И это противно.

Обо всем этом нужно поговорить с Виктором, пока они не забегут. А черт их всех бей, я согласна говорить о книгах, о работе, а не о том, что ее облепляет. Нет, не подходящий я человек, для всего этого.

Вечно буду путаться и не иметь своего мнения в этих делах. У меня есть определенное мнение о книгах, о писателях, я знаю, в чем задача партийцев в литературе, и выполняю ее честно. А вся эта мешанина... М<ожет> б<ыть>, я рассуждаю как обыватель? Поговорю завтра с Витькой. Мишка и Юрий все-таки реваншисты и групповщины, и мне нужно говорить с ними тверже, чем говорю.

12/IX-36.

«Литературный Ленинград», разговоры, жизнь, а Ирины все нет и нет... Каждый день все больше отделяет меня от нее. Я иногда спохватываюсь и ужасаюсь, ведь, правда — все нет и нет, что же это такое?

14/IX-36.

Страшная головная боль в затылке; газета пожирает все время, и пока никаких ощутимых результатов. Раздражает ленивый Юз<ь>ка Гринберг, барствующий Юра Либединский.

Тоскую о работе за письменным столом. 20<-го> или посылаю в «Две пятилетки», или честно возвращаю им деньги. Сейчас надо писать передовую о конституции. Надо писать ее самыми сердечными и страстными словами, а головная боль мучит до ужаса, буквально — некуда от нее деться, точно клещами жмут. Не так я организую работу, что ли? Но должна я прочитывать весь материал? Должна. А это поглощает бездну времени. Срывается то одно, то другое. Сучусь, наверное, много... Ну, статья.

15/IX-36.

Передовая получилась очень неплоха, но беда в том, что в «Литературном» Ленинграде» не читают передовых, по причине того, что были они всегда построены на общих местах.

17/IX-36

Собственно, о чем же записывать? О гриппозном состоянии, донимающем меня? О том, что «Две пятилетки» нажимают, а я из-за газеты ничего не делаю?.. C'est tout¹.

20/IX-36.

Ириша, родненькая, да неужели ты вправду была?! Открою стол, где ее фото в гробу, и ужаснусь, и вдруг — нет горя, одно непонимание...

---

¹ Это все (фр.).

24/IX-36.

Муська лежит больная в Баку, после автомобильной катастрофы легкое сотрясение мозга. Легкое-то легкое, а все-таки страшно. Жизни нет. Все шатко и скверно.

Еду на футбол, где будет, вероятно, Витя с супругой. Интересно, как это будет, когда все прошло. Коля недавно говорил, что будто бы Машбиц после того письма была деморализована чрезвычайно, плохо работала и т. д. Я отметила, что у меня не только не появилось жалости, или подобия ее, но наоборот, было приятно это слышать. Пускай. Так и надо. Очень все же хочу ее увидеть. Все еще во мне кипит. Не попробовать ли вызвать ее в «Литературный» Ленинград», но это все-таки было бы гнусно. Интересно, с нами ли будет Виктор, или в другом секторе. Пусть он с нами. Я не видела его жены с марта. Я тоже что-то хочу доказать, хочу вдогонку еще обжечь ее. Также гнусно.

1 октября.

Вчера пили вино с Ленькой Анком. У меня сегодня страшная головная боль и головокружение. Был конь, да изъездился. Вообще, с нервами настолько плохо, так они все время напряжены, что уже не могу все время, как прежде, ободрять и тянуть Николая, и противопоставлять его нервозности свою «веселость» и ровность.

А он стал ужасно нервен, не ходит, а как-то бегаёт по комнате, сидя все время трясёт ногой... и т. д. и т. д.... И это очень часто раздражает меня. И вот мы оба нервно-напряжены, взвинчены, и все время ждем каких-то новых катастроф и несчастий. Надо выходить из штопора, этак жить нельзя (сегодняшний день не в счет, потому что вчера пила). Но и то сказать — печальна жизнь.

Неизвестность с Муськой. Последняя телеграмма была — осложнение на глаза. Это что ж, слепота?! Утешают — говорят, если и да, то временно. А если навсегда, это с 24-то лет? Лучше не думать, лучше не думать, пока не придет телеграмма от Юрия.

Жора тоже, как долго собирался. Все на словах, все сантименты, как говорил отец. Эх! Горько. Испания. Это как будто в доме кто-то умирает.

2/Х-36.

Томление, напряженность. Спокойней, спокойней.

С Муськой как будто бы все-таки благополучно, судя по ее последней телеграммке. Сегодня там уже должен быть Юрий. Не работаю, конечно, кроме газеты, где работаю много и напряженно. Но рассказ для «Двух пятилеток» опять застопорило, и уже опять нет желания возвращаться к нему, а начала — удачно.

Ох, господи... 5<-го> возьмусь, к 7<-му> надо закончить. Безобразная полоса «Смены».

Вчерашние 3 часа в кафе с Витей. Так, разговоры, но подводные есть — это память, она еще жива во плоти, вероятно, все может быть, но не надо.

Как оборачивается жизнь. Как хочется писать «Заставу». О, я буду писать ее с горящими щеками, и она будет пронзительной. «О жизни тленной, тленной и прекрасной...» Нет стихов. Надо написать передовую о детях, и ответ «Смене», Анатолий, вероятно, подведет.

Огромная любовь и иступленная нежность к Коле, тревога за него. Прекрасная «Мать» Перл Бак. Учиться, писать, читать, когда же, когда же...

6/Х-36.

И в темной памяти не трогай
Иного, страшного огня.

Опять как иногда бывает — не сформулированное чувство жизни. Как в ней много всего было и, главное, как много может быть, могло бы быть, будет оно или нет? Мистическое разнообразие вариантов, ощущение его. Невозвратимость разнообразного прошлого, вернее, неповторимость его. Единожды. И все это чувствуется вместе, прошлое и будущее, и возможности, которые могли бы быть, и чувствуешь, что им нет предела, этим вариантам.

Грустно и весело, сердце щемит и, в то же время, оно веселится... Севастополь — шли мимо каких-то домов, думали, это уже все, потом так и было, и теперь какие-то возможности. Но сердце свободно и безбоязненно. У меня будут прекрасные новый костюм и замечательное стальное платье, я буду в них стройная и красивая, я при-

еду в клуб, я увижу Витю, и ничего уже нельзя вернуть, а что-то было, но ничего нет, и «все возможно», и я красивая. Очень трудно сформулировать, даже такую мелочь, уже не говоря о главном.

Наступает зима, много работы. В Москве одобрили и весьма солидно мою «Историю». Старчак тоже говорит, что это самое лучшее, что ему приходилось читать. Значит, труд был не напрасным! Еще много, много усилий, хотя основная часть работы сделана, и книга будет, интересная, нужная книга! Нужно сделать эти усилия! Только бы кончить для «Двух пятилеток», а Мартехов войдет в «Историю» органично, так что это уже будет легче.

Соблазняют высокими деньгами в «Звезде», и есть для них темы, но нет, не соблазнусь, чтобы не было даже возможности спешки. «Обман», «Щуцбундовцы», «Старики» — все это могут получиться блестящие рассказы, хотя, наверное, «щуцбундовцев» введу в Мартехова. А то, что рассказывала Галка о горбатенькой? Это почти целиком в «Заставу», во вторую часть. Ведь книжка будет о горе и радости жизни.

Сегодня выходной, поедим — постараюсь «разойтись» и сильно подвинуть своего «Альтиста». С Колей — хороши. Отметила, что материнские чувства реализую в нем, но радости это не убавляет — и плотской даже...

Работаю в газете много, но это авгиевы конюшни. Будет ли легче, когда придет Добин. Ведь трусоват он, все-таки...

Вышла книжечка стихов — милая, но мой портрет там испорчен. Совсем другое получилось — исчезло индивидуальное, хитроватое, с умом и грустью в глазах — лицо. Ну, ладно, хрен с ним. Берусь за «Альтиста».

7/Х.-36.

Скверное самочувствие — каждый вечер меня подлихораживает, а температуры нет.

Колька сказал, что я стала менее красивая, чем прошлый год; жалко! Это верно, я меньше слежу за собой, чем раньше, я как-то надоела себе. Вот будет получше одежда, будет теплее в доме, приму надлежащее количество пилюль, стану спокойней работать — и, м<ожет> б<ыть>, снова расцвету. А м<ожет> б<ыть>, и нет. Ведь уже 26, скоро 30, скоро старость. Скоро — все заметней и заметней морщины, дряблость

лица. Я очень не берегла себя — курю, пила, недосыпаю, недоедаю. Нет, я не стара еще, и выгляжу гораздо моложе 26 лет. А когда хорошее самочувствие, то и совсем моложе, даже лет 20–22. Но очень часто бывает у меня теперь унылое, брюзгливое, уставшее до последней клетки лицо. Буду заниматься зимой спортом. Лыжами. Плаванием. Если забеременею — сразу стану лучше.

Что же, друг мой, перезимуем.
Перетерпим, перегорим...

Ощущение ссоры с Виктором, из-за того, что гавкнул мне на счет газеты — глупость. Не могли же мы в самом деле давать постановление о приеме в партию через 6 или 7 дней после его опубликования во всей печати. Или Балтфлот... Удивило же меня то, что он гавкнул на меня после того, как я предложила поставить вопрос о юбилее Тихонова. Неужели же ревность? Хотя и утешительно было бы думать так, но уж больно странно. Помню, как он дико и глупо ревновал меня к Тихонову год назад. Но теперь-то?

Страшно зла на него, а тут еще Олесич, да еще эти перепутанные фамилии в моей хорошей передовой. Гадость, позор! Ох, сколько, сколько еще делать, сколько будет неполадок, промахов, огрех... Хоть бы отпустили скорее... Переводиться в партию надо же? Оторвалась последнее время от своей парторганизации, от завода. Дадут ли мне рекомендации те, на кого я рассчитываю? Ох, сколько всего еще...

Вчера не работала, но поймала момент для главки об Альтисте — выйдет этот кусочек. То, что пишу, мало похоже на меня, чувствую что-то нарочитое, точно не своим голосом говорю. Надо медленно работать, и только об этом и думать. А у меня всем голова набита. И эта лихорадка, ставшая правилом... Что же, друг мой, перезимуем, перетерпим, перегорим...

8.X.

Возня со «Сменой», мелких правд пустая буря в Союзе, газета.

Меня все дальше и дальше уносит от Ириши. Девочка. Девочка моя. Уже я как будто меньше думаю о ней — о, нельзя, нельзя забывать ее... Разве вправду ты была у меня? Худенькими своими

пальцами щекотала мне шею, лукаво улыбаясь распухшим, больным личиком. Меня уносит, уносит, и на внезапном воспоминании о тебе вдруг останавливает, как на воронке, и чувствуется, что за этой остановкой — гибель. Так вот и забуду, и примирюсь с тем, что тебя нет, а ты была, и вдруг тебя нет, и все обидно идет без тебя, и это так и надо?! Нет, нельзя же так, надо протестовать, нельзя, чтоб текущая жизнь унесла тебя... Ириша. Иришенька. Как же это получилось так, что я живу без тебя, хлопочу, работаю, смеюсь с Колькой, шью себе платья, а тебя нет, и точно не было? Точно я не обнимала твое худенькое тельце и не подходила с тобой к зеркалу? Ведь ты же была живая, ты была живая... О, только бы не забыть тебя, только б вспоминать тебя всегда с мучением, отчаянием и болью. Пусть, пусть они не проходят, это все, что мне осталось от тебя.

10/X-36.

Просыпаюсь каждый день с тяжелой головной болью, с опухшими свинцовыми глазами, с неприязнью к миру. Отчего, отчего это? В доме грязно, постель набита тряпьем, я устаю в Союзе физически и морально — до рыдания.

Хочу писать «Заставу», хочу кончить для «2-х пятилеток», потому что уже полюбила мальчика-героя. Примут или нет? Получается интересно — сказкой, но плохое знание материала и спешка, конечно, лягут на вещь.

Будет обидно, если не примут. Потому что для переделки уже не осталось времени...

О, легкое жужжание
 В тяжелом шуме дня,
 О, милое страдание,
 Не покидай меня...

12/X.

Вот сидеть бы теперь долго-долго, и писать, потому что очень хочется писать для «Двух пятилеток», но если б знать, что не надо ложиться спать, а завтра рано вставать, идти клянчить деньги для Юрия, идти в Литфонд, в ГИЗ, в редакцию. И еще эти 2 несчастных имени

в передовой, за которые справедливо покрыли «Лен<инградская> Правда» и та же гнусная «Смена».

И тревожат еще Колины дела в Академии. Какое я для него «партруководство», я в десятки раз меньше его знаю, помогать фактически ему не могу. Потому что чувствую неуверенность свою в специальных вопросах. Некоторую иронию его и скептицизм я недостаточно парирую, потому что знаю, это оттого, что он болеет, и хотя спорю с ним, но не убедительно. Ох, как много мне самой нужно укрепляться и зреть, как коммунистке, а главное — знания, знания! Ни знаний, ни практической закалки у меня нет... Вышла книжка стихов — и это далеко не то, что надо. Мало страсти, мало открытий, коридоров, сверкнувшей искры. Только 6–7 стишков — туда-сюда... И портрет ужасный

Подарила книжку Вите, с прочувственной надписью. Потом, очевидно, прочитав ее, прибежал в редакцию и стал говорить какие-то деловые пустяки. Э, наплевать... Пищу.

19/X

И стало вдруг до боли ясно:
Жизнь прошумела и ушла.

О, да, да! Господи, что же делать?!

Нет, мать! Я задохнулся в гробе...
Молитесь и просите обе,
Чтоб ангел камень отвалил...

Я говорю себе, что дикая тоска эта — оттого, что известное недомогание. Но, может быть, хуже... Милые мои, родные, я горю, горю, скоро перегорю уже...

Разговор с Колей о «весенней истории». Говорил что-то неясное, будто бы «сболтнул, что жил, чтоб обеспечить свободу», что «дело было серьезное», «хотел разводиться, потому что надоели неудачи семейной совместной жизни», что смерть Ириши дополнила как-то это... О, разве я не любила ее всем сердцем, всей плотью? Разве не я с болью и мукой поднимала ее?

Верно, верно, я мало бывала с ней, но приходило ли мне в голову, доходило ли до сознания, что ее не будет со мною? Даже те минуты, когда я уезжала из Детского и она из окошка махала мне. И я думала: «А вдруг этого не будет когда-нибудь» (ведь и в периоды компенсации она висела на волоске!), даже тогда не доходило до сознания...

О, что значит — жил или не жил он с Соней? Когда неизвестно, зачем людям жизнь, не все ли равно, как они живут?! Сжег какие-то письма, и пока мы говорили, все утешал, чтоб я не думала в это время о «весенней истории», когда я сидела, с трудом удерживаясь, чтоб не кричать и не плакать, и было одно ощущение — неисправности несправедливости, конченной жизни?

Убрать со стола Иришин портрет? Надо же жить, если не кончать эту волынку. Во всем мне чувствуется измена ей. В том, что купила Кольке на костюм, в том, что легче с деньгами, чего не было бы, если бы она была жива... В приступах веселья, в работе, в посторонних мыслях... Ведь была — единственное, самое верное, девочка, девочка. Нет, нет. Если жить, то что-то надо делать.

24/X

Нет, никогда я так не жаждал жизни... Но не такой, как у меня сейчас. Неужели это закон — убывающая кривая, когда проходит молодость. Отметила, что появилось какое-то тяготение людьми, все более определенное и отчетливое. Ни к кому не тянет, а особенно к литературной братии.

Ну, вот, ни с того, ни с сего звонил вчера Юрка Г<ерман> — а я подумала: «хотела б я с ним встретиться, поговорить?..» Нет! О чем говорить-то... «Хемингуэй — прекрасно, Козаков — говено» и т. д. Какая тоска! И так со всеми. А ведь это плохо, когда в своей среде ни с кем не хочется говорить... Послала Виктору 2 № газеты, он отдыхает с женой. Мелькнула мысль — послать какое-нибудь такое, двусмысленное письмишко, чтоб жена взбеленилась?.. И сначала это развлекло; а потом сразу стало утомительно скучно: зачем, ну зачем, все это мелко...

Интересно — освобождается квартира Юрки Г<ермана>, та самая, которую хлопотал для меня Витя, а Юрка правдами и неправдами выдернул ее у меня из под носа. Я просила Аптекмана, не обменяют ли

они ее теперь на мою? Но оказывается, кандидат на квартиру есть, и кто же? Сам Витя!.. Этот пикантный мопассановский сюжет не так оскорбил меня, как развлекал какой-то очень содержательной своей циничностью, выходящей за пределы вопроса о квартире. Никогда, никак не была я связана с ними сердцем их, всегда была им чужой, посторонней, прошлой — это так ясно теперь. Учтем, друзья, учтем! Еще мотив для отчуждения от людей.

Двадцать второго на вечере в пользу испанцев пользовалась довольно шумным и едва ли не самым подлинным успехом. Но читала не важно, и не то, что надо было бы. Напрасно читала испанский перевод и «Проводы», надо было «Будет весело» и «Я хорошему». А в общем, еще не то, не то!

Колька зря говорит, что «много пошлостей», но эта не та еще подспудность человека, не те еще внутренние его комнаты, в которые страшно и весело заглянуть, которые, запечатленные и обнаруженные, вызывают смущение и тайно внутреннюю радость в каждом (сформулировать невозможно).

Интересно, позвонит ли тот композитор, что прибежал и попросил потом эти мои стихи для своей музыки? Мне часто кажется и теперь, что вот что-то копится во мне, и лопнет, взорвется, и будет небывалая свежесть и прозрение. Я встану над собою, над неудачной своей жизнью, все сложится, как у Кая из ледяных кусочков сложилось слово «любовь», и как-то отделенная от жизни, мудрая по-настоящему, я сделаю хорошие стихи и книги — «трагически-прекрасные», как говорил Алексей Максимович.

О, что перед этим ожиданием Витя с его женой, эта квартира, обиды, неудачи и суета повседневности? «Друзья, друзья! Быть может, скоро». Но ожидание — ожиданием, а газета идет как раньше, и я не изменила ее. Опять поток ни для кого не обязательных статей. Может быть, и всем, как мне, надоело говорить с литераторами? Нет, я недостаточно организовано веду дело, недостаточно жестко требую от большого до малого. Газета все еще подвержена случайности, инертности.

Сегодня составлю план, буду проводить его жестко, энергично... Сегодня буду много работать, пусть даже всю ночь — над «Двумя пятилетками». Как только сдам их — сразу будет все яснее. Буду кончать «Историю» и уже начну «Заставу».

30/X-36.

Что же ты меня томишь,
 Жизнь моя, изменница?
 Разлучаться не велишь
 Шепчешь — «переменится»...

Мы оба — я и Колька — тоскуем почти беспричинно, но тоска снедает нас порывами внезапно, особенно, когда после суетливого, трудного трудового дня ложимся в постель, неуютную, грязную. Не мимо ли идет жизнь? Не разбивается ли она <на> десятки неodusевленных мелочей, за которыми не всегда уже чувствуешь великое дело, которыми тяготишься и томишься, и озлобляешься? Или это проходит обычная молодость? Не хочу, не хочу так...

И нет, все нет и не будет Ирины. Если бы выплакаться, накричаться по ней, чтоб отступила. И этого нельзя и не будет. Ночью, почти каждый раз крутит меня, как жгут.

Хоть бы испанцы победили. И написать бы жгучую книгу (это Застава), где разъять бы себя по кровинке, чтоб самой что-то понять, и чтоб отступило. Очень хочется напиться. Слезы кипят все время, ежеминутно. И точно горит во мне что-то вдруг непомерно отчаянно и, в то же время, весело.

А на практике — нужно-таки кончить для «2-х пятилеток», нужно передовую (обязательно хорошую) для октябрьского номера, нужно деловую и вполне авторитетную статью по детской литературе, потому что это я начала тяжбу с маршакиадой и нужно если не на 100% выиграть ее, то не отступить ни на пядь. Я убеждена в своей правоте, и факты за меня.

2/XI.

Толстой начинал свои записи ежедневно: е<жели> б<уду> ж<ив>.

Мне надо тоже выдумать какое-нибудь обозначение. Например — с. у. а. — «страшная усталость, апатия».

Была в райкоме у Смородина. Кажется, была-таки «та улыбочка», хотя старалась быть не связанной. Подарила ему свою книжку стихов. Очень интересный человек, почти незнакомой мне породы. Наверно, будет ругать — по-чумандрински. И это будет тем обидней,

что в литературе-то определенно понимает, хотя и хвалил «Бедного Генриха».

Впрочем, я, по-гнусному обычаю своему, сначала пишу и думаю о себе, а не о главном. А ведь райком дал мне ответственнейшее и прекрасное поручение — написать приветствие Сталину от имени торжественного октябрьского заседания коммунистов и стахановцев района. Ох, если б посвежее голову, и не так хотелось спать! Надо написать своими словами. Всю свою любовь вложить. Только не напыщенно. Сегодня буду его писать, и надо бы сегодня передовую тоже. Уже час ночи. Октябрьский № газеты будет, наверное, плохой. Для статьи о детской литературе зреют мысли, но нет пока стержня. Особо надо будет обратить внимание на положительную программу.

12/XI-36.

1. Охватывает некоторая оторопь и удивление по поводу газеты: что же, включилась и плыву по инерции? Единственно, что удалось начать — это возню с детской литературой, поход против группы Маршака. 15<-го> и 14<-го> будет специальное правление. В этом № газеты — моя большая статья. Нет, я отвечаю решительно за все в ней, м<ожет> б<ыть>, напутала 1-2 факта, да нет, и то нет.

Но какие скорпионы посыплются на мою голову! Как взревет Маршак! Какую неблагодарность, зависть и пр<очее> и пр<очее> усмотрят в этом! А на самом деле — никакой, хотя я все время знала, что моя работа, мои книги в детиздании — не в плане карьеры Маршака, и поэтому не переиздаются, замалчиваются, издаются скверно. Но такое же положение с десятками других, а это уже вредная система. Конечно, статья не всеобъемлюща, много не покрывает, но это не под силу ни мне, ни одному человеку вообще. Мишка Чум<андрин> и абсолютный болван Гриша Мирошниченко — неправы, когда говорят, что надо было в первую очередь ударить по Маршаку и изобразить его главной опасностью в детской литературе. Это никто не позволит делать, да и глупо это; помимо ошибок, у Маршака есть заслуги и в его творчестве, и в редакционной работе. Удар же в статье сделан именно по Маршаку, по его методу, и если это понятно только писателям, а не читателям, это еще не страшно.

Ну, увидим, что даст правление. Был ли учет кого-то отколоть от Маршака в статье? Был, но недостаточный. Я и учитывать этой по-

литики еще не могу, да и это дело не одной статьи, а всей политики Союза. Это пока одно, что начать. Плохо, что я настолько изолирована, да попробуй организовать вокруг себя — ГЛАСНО — таких блядуг и трусов, как наши детские писатели. Надо все-таки устроить так, чтоб газета, наконец, была подчинена плану.

В области поэзии этим планом должна быть борьба с имитационной, канонической поэзией, поэзией условных формул, условных эмоциональных ходов, готовых мыслей, одического типа, нивелированных поэтов, эпигонства. Конкретно должны быть общие статьи об этом, должны они быть развиты на Алеше Суркове (разгром), на Н. Брауне, на ряде молодых поэтов, на журнальной поэзии, на М. Голодном, А. Безыменском, И. Уткине, Луговской, Сельвинский — особая статья. В области прозы — установка на создание характеров, героев с нарицательными именами, создание которых должно быть обусловлено расцветом личности у нас, на вещи проблемного типа. Надо составить такие же планы, как по Пушкину. Ох, много дела, и хочется все сдвинуть, и хочется поскорее уйти из газеты, чтобы работать самой и на практике реализовать свои установки.

2. Арест Майзеля и Старчакова. Самые смешанные чувства. Т. е. одно определено — изымать, так до конца! А М<айзель> — плотва или сверхъестественная сволочь? Вспоминая его в Коктебеле с его деликатной фигурой, изнемогающей от жары, с отношениями к Е. М., столь нежными и содержательными, с его смехом от многих остроумно — трудно представить его как контрреволюционера. Но глубокую брезгливость возбудил он во мне своей «саморазоблачительной» статейкой, деликатной и трусливой, и с этой стороны нет никакой жалости. Жаль, если можно так выразиться, за очки, за Е. М., за внешний облик... А впрочем, партгруппа, конечно, просрала это дело. Я кое-чего добились в его статейке, да и то, надо было действительно решительней... Но ведь была установка партгруппы!? Старчаков почему-то не удивляет. Но каков бардачок в той же газете. Олесич разоблачает троцкиста Перелешина, Старчаков — за троцкизм Олесича, Старчакова сажают... Брр.. Принципиальная линия получилась, нечего сказать, и сами же виноваты. Ведь сняли Старчакова из «Известий», надо было покопаться, а мы ему поручаем статью, да еще разоблачительную... Сами пердунны. Да и <с> Майзелем, с печатаньем его надо было пообождать.

Петька Федотов написал, разумеется, справедливую статью в «Смене». Возразить против нее нечего — либеральничали в газете,

и верно сейчас сказал Ефим — дело прежде всего в партгруппе. Но сам-то Петька — в пуху!

3. За всем этим так и не пишу для «Двух пятилеток» — все эти дела мучат, волнуют, загружают голову. А написать надо. Вот сегодня опять весь день псу под хвост — разговоры с Мишкой и Гришкой, звонок к Добину, волнения, писание (разумеется бессмысленное) дневника... М<ожет> б<ыть>, еще буду работать ночью — единственный выход. «Казарменного» материала не знаю — придется сочинять.

4. Разговоры с Фроманом о книжке стихов. Замечания его не все основательные, но узка, конечно, книжка — «человеческого, общечеловеческого» в ней мало, нет гнева, нет взлетов, головокружений. Из поэтессы надо вырастать в поэта. Надо писать об общеобязательных вещах, а не только за себя. Книжка слишком «за себя». Женское преобладает. Есть в ней, конечно, общеобязательные вещи, и настоящие, не «официальные», но этого мало, мало. Еще слишком коротко дыхание, эмоция не раскрыта. Будут ли иные, лучшие стихи? Не знаю. Нового, лучшего — пока нет.

5. Вчера видела Витю. Не то растолстел, не то опух. Неприятен. Разговаривать с ним нет охоты.

6. Мне идет перекрашенный костюм и зеленая блузка. Лицо милое, нежное, хотя и усталое, волосы прекрасны, перестала лысеть.

7. Вчерашний вечер с Колей: я нарядилась, пили ликер, обстановка была «любовницкая», торжество любви. Хорошо, и вместе с тем кажется, что есть в этом нечто темное, опасное. И было страшновато, и разговоры, как полагается в этом случае, не сами по себе, а вроде ожидания. Но часто практиковать, конечно, нельзя. И сегодня опять ожидание его, такое. На этом кончаю словоизвержение, потом сяду за рассказ. О, мне для него — три дня взаперти. Не захватить ли с 15<-го>? Но завтра дам телеграмму, что высылаю 16–17<-го>.

15/XI.

О, господи, господи... Вот, читала сейчас «Ночь под Рождество» и думала, что Ириша читала бы эту повесть. Я жила в предвкушении, как ей будет открываться мир, как будет читать она Гоголя, Жюль Верна. Ничего не исполнилось, ничего не успелось. Только не отходи от меня, девочка. Не становись фотографией...

Колька куда-то запропал.. Уж, верно, не влюбился ли он в какую-то там Гасконскую девочку.. А я видела сегодня Соню. Я испытала смешанное чувство довольства и, в то же время, смущения от того, что была по-настоящему элегантна, хороша, а она с бедненькой фигурой (очень некрасивой), в красной этой кофточке, некрасивыми короткопалыми руками, у которых малиновым выкрашены ногти...

У нее трудовой вид, усталое, не молодое, привлекательное и, в то же время, бесконечно стандартное лицо. Она неплохо выступала, хотя кончила наивно, но видно, что человек по-настоящему любит свое дело — это верно. Я хвалила ее, испытывая смущение от своей какой-то подлости, не подчеркнуто ли вышло? И больше всего говорила об ее выступлении... Когда она оделась, у нее был еще более жалкий вид, она ходит как-то боком, пальтишко худое, ноги толстые... Я села в 19 №, куда и она, вылезла за ней и глупо шла за ней до Некрасовской, глядя на ее некрасивую фигуру, пока она снова не села в трамвай. Заметила ли она мое глупое преследование?.. Я все думала — не заговорить ли, или не обогнать ли и не заглянуть в лицо с улыбкой, приветливой и победной? Но я не сделала этого. По дому писателя она шла как-то сжавшись, и мне мучительно вспоминается эта ее некрасивая спина с отставленным широким задом, а лицо расплывается — настолько оно неприметно... Очень <не> понимаю, как могла она нравиться Кольке, почему? Не испытываю и не испытывала почти ничего, когда увидела ее.

Кажется, совещание библиотечарей, созданное с тайной целью увидеть ее, — провела хорошо. Устала. Беспokoюсь, что долго нет Н<иколая>, не случилось ли чего?

16/XI.

Да, но как же так получилось, что встреча с Соней. Встреча, которая мне снилась в разных снах и вариантах и во сне всегда была мучительной, встреча, которую я репетировала, обдумывала, знала, какие жестокие слова скажу Соне (из ее же писем процитирую, хотя бы насчет того, что «я не подхожу к людям с точки зрения того, сколько он стоит и за сколько себя продает»), встреча, на которую я возлагала мстительные надежды, получилась именно такой, как была вчера? Или она была еще мстительнее, чем могла бы быть? И почему это заботит меня? Ведь человек одинок, некрасив, утратил человека,

которого любил, ей трудно жить, а она любит работу, любит сына. За что же мне мстить ей? За ее письма к моему мужу, письма, обнаружившие бедность души, подобную бедности внешней? За бедность ее души? За то, что хотела отнять у меня мужа, которого я сама тогда бросала? Она напишет нам статью, я помещу ее и постараюсь хорошо оплатить. В этом, я знаю, нет ни капли благородства, а одна моя подлость — мне доставляет удовольствие думать, что Соне Машбиц, из-за которой я столько томилась, которую «сломала» в Кольке, заставила его написать ей резкое разрывное письмо, Соне, которой я лучше, красивей и умней, — я устрою деньги, вынесу ее (действительно хороший) опыт на страницы газеты — значит, как-то помогу. Внутренне в этом нет ни капли благородства, объективно — оно есть. Впрочем, не одна и подлость, а смесь. Ведь это же будет тактично, и хотя хочется мне, чтоб она почувствовала, что это — я, жена Молчанова, это делаю, и я могу дать это почувствовать, — я, очевидно, этого не сделаю, как не послала письмо Вите, чтоб позлить его жену. Значит, я благородная и хорошая? Нет, нет...

А вот что делать с «Двумя пятилетками»? Не послать ли рассказ так, как он есть. Попробую еще работать завтра и послезавтра. Да, наверное, завтра в обком. 15<-го> там было совещание по детской литературе, главным образом по моей статье. Я выступала плохо. Детские писатели блядюжки. Надо бы съездить к Мартьянову сепаратно.

18/11¹.

Пишу на машинке, удобнее полулежа. Положение самое неопределенное, и, наверное, из беременности опять ничего не выйдет. Уж если с самого начала такая история, то где гарантии, что не скину на четвертом, на каком-либо другом месяце? Лежу с тупой упрямостью, неудобно, что не хожу в газету, и время трачу на сон, на глупые мечтания, на чтение разнообразных книг и даже своих старых дневников. Я довольно часто возвращаюсь к ним, желая найти в них подтверждение своего сегодняшнего роста и неправильности сегодняшнего поведения. Всегда, всегда, и теперь в особенности, колоссальное количество времени я теряю зря. Это даже не та необходи-

---

¹ Записи от 18 и 20 ноября выполнены О. Ф. Берггольц на отдельном листе машинописью, год записей определен по содержанию.

мая праздность и лень, которые нужны творческому работнику для инкубационного периода творчества, а просто черт его знает что. Или мы вообще отвыкли от этого досуга, лени, праздности, и я, как и все совестливые советские люди, пытаюсь его заполнить подобием «работы», вместо того, чтобы свободно отдаться мысли.

Я уже давно ничего не пишу, мне иногда кажется, что и писать-то «художественно» я уже разучилась, что остановлюсь, что ничего не открою. Почти год нет хороших стихов. Плохо, отвыкла.

Надо серьезно заняться организацией жизни и прекратить расточительную трату сил, надо сконцентрировать их на создание ценностей, надо попробовать посчитаться с жизнью большим счетом. То есть? Попробовать и медленно уйти из газеты. Со всем азартом сделать «Историю». Взяться за «Заставу», за «Дзержинского», за стихи, за образование. Конкретно, вот еще дней пять лежки. На что их употребить. Подбирать материалы — к «Истории», или заняться «Дзержинским»? Нет, все-таки лучше набросать хотя бы каркас гражданской войны «Истории» и плана, плана ГОЭЛРО, о котором мечтала все эти годы и ради которого была взята книга. Да, завтра с утра и буду над этим работать. Составлю список книг, попрошу их мне все принести и начну. То, что я не хожу на работу, конечно, неудобно, но ведь я же в самом деле серьезно больна. Надо же сделать попытку и с этой стороны доделать¹ жизнь.

Господи, мне уже под тридцать. Время идет, я скоро начну всерьез стареть.

20/11

У базы туристской — нерусский тополь,
Залив до крыльца, полотняный балкон...
Таким и запомню я Севастополь,
Морю открытый со всех сторон...

О, с детства любимый, и узанный сразу
Невиданный город военных легенд,
И, как перепутье, туристская база,
И дальнего паруса горький презент..

¹ Так в рукописи.

Сашка Штейн рассказал новость — Юра Герман развелся с Людой и женился на Тане Коварской. Колька, уходя, пошутил: «Ну вот, теперь размышляй над этими делами», предполагая, наверное, что мне будет неприятна или как-то болезненна эта новость.

Нет, ничуть. Совсем другое меня занимает и как-то странно печалит — именно то, что мне безразлична по сердцу эта история. А ведь не так, в сущности, давно, всего около двух лет назад мы были с Юркой все-таки близки, была, хоть и уродливая, хоть и на много выдуманная влюбленность. Ведь это же мучило, волновало, казалось значительным — и что же... Осталось одно воспоминание, в основном — равнодушное, томящее только фактом своей преходящести, как фактом какого-то общего закона жизни. И Виктор... То же самое, почти...

Я очень изменилась за этот год. Даже на разлучные стихи не тянет, и их не будет уже больше, наверное, как не будет уже — я убеждена в этом — романов...

Я ничуть не жалею об этом. Мне хочется создать мучительную книгу — мучительную по радости и скорби, где как-то освоить, передать это томление от преходящести жизни, и радость жизни, и грусть ее. А сама я как-то очень в стороне от всех волновавших еще в начале прошлого года страстей. Хорошо это или плохо — не знаю. Наверное, хорошо — я не ощущаю это как обеднение, как оскудение жизни, но скорее как некое приобретение, цены которого я не поняла, еще, быть может, сама... Не того жалко, что этого больше не будет, а того, что и то, что сейчас есть — пройдет... Нет, не выразить все-таки...

Одна есть в жизни непоправимая ошибка, одна утрата, от которой возникает чувство шаткости и неверности жизни — утрата дочерей. Она-то и дала мне почувствовать смертность жизни, своей и вообще...

Состояние на сегодня — физическое — как будто бы лучше — пусть был бы ребенок, с появлением его, очевидно, рассеялась бы та недоуменность, которая воцарилась с гибели Ириши.

Еще не работаю — все-таки работать надо сидя, за столом, без сознания неопределенности. Но надо бы хотя бы читать. Позволю в редакцию.

26/XI.

Вчера слушали доклад Сталина на съезде. Трижды будь благословенно время, в которое я живу единый раз, трижды будь благословенно, несмотря на мое горе, на тяготы! Оно прекрасно. О, как нужно беречь каждую минуту жизни.

И вот эта родина, эта конституция, этот гордый доклад, — ведь во всем этом и моя жизнь, раскалывающаяся на быт, на заботы, малодушие. Как бы мелка и неудачна она ни была — она оправдана эпохой, она спасена и обессмерчена ею, мне лично стало за эти годы жить горше и тяжелее, а жизнь в целом стала лучше и веселей, это правда, и я чувствую это. Как это выразить? Когда смотрела плохую «Салют Испания» и думала о том, чем для испанцев служит наша страна, — опять думала, какая это ответственность, что моя, моя жизнь, со всеми ее мелочами, поскольку она в общей жизни страны, — образец и мечта для других. Как надо быть лучше, честнее, самоотверженной, ответственной!.. Непрерывно быть... Из отдельных жизней, поведений, обликов складывается жизнь нашей страны...

Не хочется писать о другом (а его много и, большей частью, мышиный топот), а хочется только о докладе Сталина. Если бы суметь вложить все то, о чем так думается, в «Заставу»! Вот эту ответственность наших людей за себя, вот охватить, как из отдаленных, большей частью обыденных жизней складывается новая эра человечества, идет история... Приятно и радостно знать, что «кровь наших лучших людей пролита не даром». И какое спокойствие было, когда говорил все это. Да, все это неотъемлемо, неотъемлемо от души каждого человека.

30/XI-36.

...Чем же ты меня пленила,
Жизнь моя, красавица?
Одарила страшной силой,
Что самой не справиться?
...Не скупилась на нее
Ни в любви, ни в бедах я.
Сердце щедрое мое
Осуждали бедные.

...Радость мне — не утаить,
Горечи — не высказать.
Лучше, чем друзей томить,
В одиночку выстоять.
...Никого не берегла,
Никого не мучила...
Разлетелись сокола,
Что же? Может, к лучшему!
Что же ты меня томишь, жизнь моя, изменница?
Расставаться не велишь,
Шепчешь — «переменится»...

Выходной день, вечер. Коля пошел в театр — очень довольна, а то он заработался, как каторжный. Я одна. Вот, напеваю себе разные строчки, как-то томлюсь, думаю. Вероятно, подходит такой момент собирания и осмысления всего личного жизненного опыта. Поэтому перечитывала разные дневнички, и <19>26, и <19>32, и этот год. То, что отложилось там — печально, как много всегда я думала о себе, занималась собою. Ограниченность, самодовольство, тупость очень явны. Да и сейчас этого, наверное, хватает. Я слишком много «якаю». И еще странная черта — исключительная наивность... Страницы о Германе и Викторе перечитывала со свербящим чувством стыда. Я помню, ведь я действительно, искренне, всем существом увлекалась ими. Мне почти не вспомнить теперь это чувство сердцем. А сколько пошлости было, душевного окаменения какого-то, в последних месяцах романа с Виктором, например...

Как бы уйти из газеты? Все, все стоит — история, рассказ, чтение. Очень мучат и раздражают все эти склочки, «политика» в правлении, в партгруппе, глупость Гришки Мирошниченко, а главное то, что все это на 99% бесплодно.

Не стоит описывать историю с Маршаком, достаточно гнусную, представившую в надлежащем свете наше партруководство — Витю в том числе, потому что история эта кончилась нашей победой. Но не понимаю, для чего теперь нужна та статья, о которой мы говорили с Ефимом? Ведь если мы не отказываемся от установок моих статей, то она абсолютно не нужна. Боязнь, что «Комсом<ольская> Правда» упрекнет нас в недооценке комсомола? Но этого нельзя сделать! Ведь у нас же были статьи, подчеркивающие положительную

роль комсомола. Кроме того, это все равно — попытка свернуть дискуссию! Ничего не понимаю — беспринципность какая-то. И вообще не понимаю, как мне держаться среди всех этих фактов — того, что Юрку Л<иба>, Мишку, Сашку, Яшку не позвали на совещание с Лежневым, того, что Юрка Л<иб> бегал к Лежневу... По-моему, все это нарушает консолидацию комму<нистических> сил в Союзе — значит, надо всех их столкнуть. Юрка и Ко явно против руководства, но руководство у нас плохое, беспринципное... То, что Мишка обращается в Горком, не разрешая это в партгруппе, — плохо, но партгруппа — говенная. Ведь и мы с Ефимом хотели обратиться туда...

Не поговорить ли все-таки обо всем этом с Витькой, хотя мне неприятно вообще говорить с ним, и по этим делам в частности. Не лучше ли говорить прямо на партгруппе? И об Юрке так же? Он сочтет меня «блядью», а что тут «блядского»?? Или лучше, как советует Коля, обратиться к Ефиму? Пожалуй, лучше все-таки с Ефимом... Ох, как все это противно и глубоко бесцельно! Попробую поработать.

Весь вечер спала. Дочитала «Борьбу со смертью». Кстати, вот козырь в борьбе с Маршаковской теорией безгеройности — там все на именах. Борцы со смертью поименованы, мы их запоминаем. И еще: так значит, Иришу можно было бы лечить югом и солнцем? Нет, упустила, упустила я ее и нет мне прощенья от самой себя.

6/XII-36.

Я все еще летаю во сне, а в жизни открываю Америки и порох, и эти открытия ценны только для меня, но они почти не поддаются формулировкам — по имманентным ли их особенностям, или по лени и неподвижности моего ума. Не оттого ли так плохо наше искусство, что больше не нужно «брать кусок жизни, бедной и грубой, и творить из нее сладостную легенду», что жизнь сама стала искусством, стала легендой, а в арсенале средств искусства еще нет таких, которые могли бы сделать эту жизнь самостоятельным собственно искусством, продолжить ее, дать ей существование вне ее самой, воспроизвести ее не обедняя, а обогащая? Это я говорю потому, что чувствую сегодня бессилие изобразить в слове то, что было на демонстрации у электросиловцев, посвященной утверждению конституции. Я чувствую, что моя художническая задача — объединить эти факты, которые я наблюдала там. Может быть, начать прямо?

Шестого декабря электросиловцы, как и все трудящиеся Ленинграда, собрались на демонстрацию, чтоб отпраздновать утверждение сталинской конституции, записавшей наши завоевания. На каждом шагу нас окружает воздух победы. Мы уже привыкли к нему и часто, как настоящий воздух, вдыхаем его, не замечая и не представляя себе существования без него. Воздух победы прост, как всякий воздух. Здесь я не говорю ни о могучем, просторном Международном проспекте, залитом асфальтом, ни о высоких дворцах, домах, выстроенных, заложенных, строящихся. (Написала почти об этом в виде очерка, но очерк получился слабый, недопроявленный)...

11/XII-36.

От Муськи вчера узнала, что Мара Довлатова имела разговор с Юркой Либединским на тему отношений Кольки и Сони, показывала при этом Юре Колькины письма Соне.

Во-первых, я довольна, что снова имею доказательство безошибочности своих предположений, основанных на инстинкте, на тончайших наблюдениях, просто на знании человеческих отношений: ведь я уверяла Кольку, что Мара все знает, и что не может быть иначе, и что Мара всеми силами желает, чтоб Колька жил с Соней, и что она обозлена на меня, потому что я прекратила эту волынку. Именно так это и оказалось. Глубина Мариной неискренности и вероломства меня удивляет до непонимания этого, до веселья.

Если, в ответ на мою откровенность, она считала меня блядью, гадиной — то надо было об этом сказать, хотя бы в деликатной форме. С людьми, которые мне неприятны, я до сих пор не веду себя более нежели только вежливо. А ведь Мара расточала мне такие комплименты, так доверяла мне!.. Кто ее заставлял делать все это? Зачем? Не понятно!

Вчера я, несмотря на усиленные просьбы Муськи, сказала Кольке о том, что Мара демонстрирует письма его Юре. Это произвело впечатление, хотя я не подливала масла в огонь. Вчера же он мне досказал то, что не говорил раньше (м<жду> п<рочим>, я, ужасно неприятно самой, перестала по-прежнему доверять Кольке. Я ревную его к какой-то Ляле Чаквиани, думаю, что у них роман, и мне кажется, что не ошибаюсь...). Он сказал мне, что якобы в ответ на его весеннее письмо ответное письмо Сони примерно такого содержания: «Неда-

ром Мара говорила, что ты гордишься тем, что со святым лицом кладешь в постель к своей жене любовников. Когда тебе это надоело, ты решил ее вернуть, и для этого избрал форму — не вульгарную связь, а “высокую”, “настоящую” любовь. Ты занимался этим, пока она смотрела на это снисходительно, а как только она цыкнула на тебя, так ты сразу решил все кончить, струсил. Ты просто трус... Ты пишешь, что не рассматриваешь наш разрыв как ссору, но это именно ссора, и именно так тебе и хотелось... То, что я пишу, не сарказм, а правда». Злобная все-таки штучка эта Соня! Нельзя не признаться все же, что мне несколько польстило такое представление о моем влиянии на Кольку. Если даже посмотреть записи мои тех дней, то видно будет, что я сама смотрела на дело гораздо пессимистичнее, и не только в расцвет этих их отношений, но и много после. Когда Николай «вернулся» ко мне... Лелея мысль, что его роман имеет психологической причиной именно то, о чем говорила Соня, я все же понимала рискованность такого допущения, да и сам он уверяет, что это не так. Конечно, роман был реакцией на мое «распутство», на одиночество его, но это (увы!) не было приемом, чтоб вернуть меня. Поэтому мне потребовались усилия, чтобы вернуть Николая. Он отослал сегодня Соне ее письма — ну, и прекрасно! И потребовал у нее свои, и это здорово. Но надо устроить так, чтоб они побывали у меня в руках. История эта не мучит меня так, как весной, я вижу, что дело кончено. Но иногда она ноет во мне, как, очевидно, старые раны в дурную погоду.

А Сонину статью я напечатаю в этом номере, правкой попытаюсь довести до надлежащего, хорошего качества и попрошу оплатить повыше.

Хорошо бы было уязвить Маргариту, как-либо, но черт со всеми ними. Это уж «мелочи жизни».

Маршаковская группа трубит и воет. Глупая статья С. Безбородова в «Смене» очень на руку. Статья в «Известиях» совпадает с моими не только по установкам, но почти текстуально — большая поддержка! Посмотрю я послезавтра, какая рожа будет у Витечки, когда он ее прочтет. Ну, что, Витя, — это антипартийно? Антикомсомольски? Дезориентирует детских писателей? Да? Пошлите то решение президиума правления в «Известиях», в виде протеста! То-то, сучки. Может быть, «Известия» сводят личные счеты с Маршаком? Ведь к тому же говорится об отставании всей детской литературы. И об Ильине говорится — это тоже важно... Ничего, ничего, молчание, молчание.

Очень неприятна и гораздо существеннее сегодня статейка в «Смене» по поводу Добина. Да, Ефим свершил ошибку, не выступив сам с требованием изъять эту книжку. Хотя мне как-то непонятно, неужели она действительно до сих пор не изъята? Странно и глупо. Вообще, как-то кончится эта история с Гореловым — Чумандриним? Будут ли оргвыводы по Добину? Состоятельны ли угрозы П. Федотова Свирину? Доверяю ли я лично им? Позор, но пока не могу ответить точно. Скорее доверяю, политически, но что Горелов плохой руководитель Союза — факт.

13/ХП.

Коля вчера получил письма от Сони и не показал мне, — сжег тут же. Вчера — длинейший разговор — я, он, Муська, о Соне, о любви и т. д. Я подумала о правоте искусства: «У врат царства». Там женщина ревновала (к курносой прислуге, к очкастой даме), звала к себе мужа, оборудовала ему день рождения и уют, он оценил это только тогда, когда она ушла от него. Коля не гордится моей любовью: ему уже все известно, он полагает, что ничего не надо завоевывать, добиваться; ему неинтересно, вот главное. Ему все равно — лучший он для меня или нет. Ему хочется препятствий, «любви издали»; он хочет также моего благополучия, «богатого мужа» для меня, потому что не верит и не понимает, что я люблю его и в этом все для меня. Ревность моя для него — не более чем «хуйня». Он полагает, что если б «смотрел на мои окошки», был в разводе — и то было бы «интереснее» и лучше, и была бы любовь. Пресыщение? Мальчишество? Как сто тысяч других? Не могу понять. Еще вариант — вожжа под хвост. Я, только я знаю и представляю, во что обойдется ему развод со мной, кажущийся сейчас ему «интересным», облеченным в романтическую форму «неудовлетворенной любви». Я знаю это, потому что знаю его лучше, чем он сам. Он же реально не представляет себе, что это будет, как не представляла себе я смерти Ириши. Но я устаю уже бороться за него, против него самого же.

Завтра у него свидание с Соней. Соня будет заново обольщать его. Завтра же его деловое свидание с ней завершится бурными излияниями Сони, рассказами о своем одиночестве и отчаянии и т. д. Ну, ладно, пусть, пусть... Что-то во мне вчера сломалось. Я не спрошу его ни о чем. Уеду в Карелию...

20/XII

Два дня была в Петрозаводске и Кондопоге с бригадой пошляков (кроме Лившица и Кежуна очень смешного). Устала от пошлости и лицемерия Флита, Левитина, Тевелева.

Надо написать очень ответственную статью о Заболоцком. Пошляки говорили, что я пишу «наглогато»? Предел корректности, по-моему, за которым уже начинается елей и подхалимаж.

Очень нервное состояние. Тоскую о Коле — редко видимся с ним, и тревожит меня его неврастения дико. Опять не заберемене-ла. Мучит Ирочка. О, если б она была жива!..

21/XII

Абсолютная бессонница. Легла рано, а сейчас пять часов, и все спать не могу. Сижу босая, в платье одетом наизнанку, и строчу. Плохо. Когда же сосредоточенная жизнь и работа над книгой, вместо этой каторжной и почти бесплодной суеты?

Неразбериха в парторганизации Союза, в сущности, очень далекая от меня. Не вижу в ней ничего принципиального, или я обыватель? Завтра партсобрание, обещающее быть «историческим». Вообще, полная паника, растерянность и склоки в партруководстве, очень плохая газета, и ряд неплохих моих статей. Мне надо было бы быть полным хозяином, чтоб переделать газету. Но и так я работаю плохо, надо нажать сильнее. Но все же, хоть бы отпустили.

С какой бы любовью принялась я за «Историю», за «Заставу», за Мартехова. Из-за суеты — позор, не подала еще заявления в партию, хочу завтра ехать на завод, да, наверное, просплю. Разговор по телефону с Машбиц. Она несколько опалела, когда я назвала свою фамилию, стала говорить «резкости». Кажется, я держалась достойно, хотя она перебивала меня. Разговор шел о той статье, которую я взяла и которая залежалась. Слава богу, в этом № идет. Надо постараться дать наивысший гонорар. Опять-таки, в разговоре я забыла о тактике и не «оскорбляла», а чуть ли не оправдывалась... Иметь ли еще ультраджентельменский разговор, или поручить все Морачевскому, или послать записку? А, ну, она надоела мне! Подумаешь — проблема. Сугубо партийный и секретный разговор с Витей, где, сообщая мне одно дело, он выразил недоверие моей скромности. Я пристала, в чем дело — он сказал: «Ты информировала Женю

и Мару о наших отношениях». Бегло оправдавшись, я сегодня передала ему краткое, сдержанно-лирическое письмо, где писала, что он должен верить тому, что я никогда не предавала его, и попросила вернуть все мои письма. Результат этой записки не очень интересует меня — пусть бы действительно вернул, и дело в шляпе. А Мара и Женя — лишний урок мне за мою доверчивость, попросту именуемую глупостью и болтливостью. Я действительно никогда не предавала Витю. Ну, черт с ним. Если не кончу «2-х пятилеток» к 25<-му> — тогда просто не знаю, что. Попробую спать.

25/ХІІ.

Как выразить странное чувство жизни, — ощущение привязанности к ней, и более от ее преходящести и неповторимости? Это уже не первый раз, и последнее время все острее. И физически это чувство как бы выразить! Вроде как страх или ожидание, и сердце тошнотно щемит, ломит... Наверно оттого, что встала сегодня рано, утро при огне (всегда кажется, «как в школу») — опять это острое и болезненное ощущение. Детское. Вот такие же утра и всюду много снега.

Успела сделать Ирине первую елку (Постышев тогда ее только что легализовал). Приехали с Муськой тогда туда, в снег. Украшали елку. Потом зажгли свечи — пахло воском и теплой хвоей, и печкой, сидели только при елочных свечах, пахло воском и теплом — пахло нашим детством. А мы сидели уже обе взрослые, елка была для моей дочери, и чувствовали, что детство было давно... Потом последовала жизнь, со многим. Теперь и прошлогодняя елка — прошлое. Ириши нет. Вдруг, на мгновения — ощущение (как тогда — своего детства) того вечера, того запаха хвои, вижу и ощущаю счастливую Ирку, бегающую с любопытством вокруг елки, ощущаю ее пушистый свитерок, запах ее волос золотистых, мордашку ее — худенькую, живую... Этого не будет больше, никогда не будет. О, как бы выразить эту невыразимую привязанность к проходящей, тяжелой жизни? Силу этой привязанности, заставляющей нас уходить от умерших, переживать утраты, соглашаться на исчезновение самого дорогого, на бессмыслицу этих утрат? Только бы выразить и понять смысл этой силы, или, если смысл не выражаем, как (условно) не выражаемо единство бога в трех лицах, — только дать почувствовать силу этой привязанности — тогда и смерть не страшна, и исчезновение. Книгу

эту посвящу Ирине. Ее нет, а краткое ее существование живет во мне, открывая мне все время что-то новое... Иринушка! Родная, родная...

Смерть Николая Островского.

Гордая, гордая жизнь! Вот сила привязанности одной жизни — ко всей... Не как писатель, а как человек он — прекрасен и неповторим...

Два вечера подряд — партсобрания. Тут тоже нужно что-то примирить, вернее, понять и усвоить, но не отбрасывать — уж больно неприятно все было. Придется, все же, вероятно, всю жизнь беспокоиться, если не пытаться поскорее и поудобнее все уложить.

А Князев, Мирошниченко и иже с ними не укладываются в мое представление Партии, высокого понятия партийной бдительности, партийного руководства. Я не могу понять, что практика Мирошниченко и др., как практика Кривошеевой — это та самая, настоящая партийная практика. Они глупы, тупы, действуют от ущемления, от догмы. Они некультурны, не талантливы. Это ли руководство Союза писателей? Не потому я это говорю, что Витьке дали на вид, хотя можно бы только указать. Дело в самом подходе к этим вещам. А Брыкин и Никитов? Это — партия? А Трускинов? И все же, поскольку они в партии — это партия. Социализм мы строим со всякими людьми, и большинство из них — дерьмо.

В общем — тяжелый осадок от этих собраний. Парторганизация так и осталась разодранной. Газета очень плохая. А тут еще эта неприятность из-за сволочей Короткова и Клячкина, с Островским. Нужно их гнать сегодня... Надо было сделать это раньше. Масса неприятностей, цепляющих сердце, волнующих все время, как-то киплю. Нервы в ужасном состоянии. Я одна знаю меру их раздерганности — это на грани ежеминутных истерических припадков. Как во сне — всюду опаздываю, ничего не успеваю, а главное — писать не могу. Люди неприятны, теплое и бережное чувство только к Добину (не считая, конечно, Кольки).

Вчерашний разговор с Мартеховым, по телефону. Выпивший был, или нет, но говорил много, утеплавшего сердце. Хвалил книжку стихов, говорил, что она очень нравится другим ребятам, что он и Скоробогатко пили вчера за меня, спрашивал: «Ну, скажи, за что тебя так у нас на заводе любят?»

С кем ни заговорю — все хвалят!!

Конечно, многое он выдумывал, но кое-что, очевидно, правда. Ну, как писать о нем — живом человеке — во всей правде, для «Знат-

ных людей», потому что только правдивая вещь может быть равноценна ему. Писать, что он пьет? Что жену бил? Что оглушен своей славой? Что некультурный, малограмотный, пьющий человек, в то же время стесняющийся всего этого, жаждущий вырасти культурно — «ликвидировать разницу между умственным и физическим трудом», человек коммунистического общества. Как дать его пафос вместе с пьянством и малограмотностью, а дело-то в этом, он герой и человек будущего вместе со всеми своими недостатками, появляющейся от славы некоторой хамоватостью и прекративший из-за славы бить жену.

А для книжки «Знатные люди» он, прежде всего, знатный человек. Нельзя о живом герое писать, что он пьет. Очень трудно. Писатель должен иметь здесь полную свободу действий, а тем, что он «живой», мне связаны руки.

Днепропетровск Артемовская 25, кв. 8. Ю. Саповский Т. 621-22.¹

Не исключена возможность, что он будет приставать ко мне, как, например, герой и орденосец Коля Евдокимов... А это от серости.

Литература даже о живых не должна быть одической; напиши я правду — могут сказать — «клевета». Конечно, нужно подчеркнуть ведущее, коммунистическое. Встала я, собственно, для того, чтобы писать для «Двух пятилеток». Рассказ будет называться «Мечта», и закончен будет именно так, как решила. Тогда может получиться.

О первом мае будущего
 Такое нужно им сиянье,
 Такие краски, б<ыть> м<ожет>, найти
 Чтоб видел дальний марсианин
 И звездоплаватель в пути.

Юрины деньги.
 Получено 7/X-36 — 702 р.
 Отдано 7/X-3670 — М. Ив.
           230 — в Детское
 [3] 9/X-36100 — Тат. Вл.
           100 — Нюше
 11/X-36135 — Машинистке

635 р.

¹ Пометы рукой О. Ф. Берггольд карандашом по нижнему полю.

28/ХІІ-36

Когда Ирина умирала, она, поводя по сторонам глазами, милыми, голубыми, расширенными от удушья и бредовыми от морфия, — шептала: «Налево ровняйся, во фронт — строиться!» И потом, совсем шепотом: «Хорошо жизнь отдать, или.. или... или...» Она, говоря первую фразу, как-то особо, напряженно повернула голову на подушке, на бок, и на расплывшемся от отеков, синеватом от веяния смерти личике выражалось подобие гордости. Я вспомнила первую ее фразу дословно, я записала ее не дословно — она отдала какую-то команду, там были слова «фронт», «ровняйся», «строиться»... В эти дни она приходит, возвращается ко мне так, что я слышу ее голос. Чувствую в руках ее тельце. А ночью вижу сны, как она умирает, превращаясь в какого-то оборотня. Я зря записываю это. Даже не угадать по словам, что это такое.

Я, конечно, иду куда-то и все чаще останавливаюсь, пораженная недоумением — да что же это такое?! Не плачу, но понимаю, что значит: «хотелось биться головой об стенку». Только теперь понимаю, и действительно, так и хочется... Ужасные наши партсобрания, в ССП эта непревзойденная тупость Мирошниченко и др., которая почему-то властвует на правах подлинной партийности. Почему? Кто допускает? Конечно, удастся ей противостоять каким-то образом, но какой ценой! А Осипов? Почему он — член партии? Стараюсь быть объективной, а все же считаю, что точка зрения Ефима, моя и другая, более партийная и принципиальная, чем «их». Ужасно все это мучает. Мне не «жалко» Виктора, но надо же быть хоть немного справедливыми и учитывать, что имеешь дело с людьми...

Статья Бубекина против меня — из ряда тех же недоумений. Как можно отбросить всеправильное, что было в моих выступлениях по дет<ской> лит<ерату>ре, и демагогически защищать Ильина? Это самокритика? Это, не дай бог — система? Но Мирошниченко с его «бдительностью» и статья — почти в одном ряду... Буду писать Бубекину, а смысл этого? Непонятное поведение Молчанова. Волька только что говорил мне, что он вел себя с организацией нехорошо, он скрывал это от меня.

Теперь — история с комсомольским билетом. Мне и раньше казалось, что билет он сам уничтожил, а сказал, будто бы потерял. Заявление подал безобразное. Я только что сейчас узнала об этом от Вольки М<олчанова>. Что с Колькой делать? Он явно психует, явно

деморализован, явно «усомнился», явно обобщил до вывода о ненужности своего пребывания в КСМ, а м<ожет> б<ыть>, и шире. Я не могу не сказать здесь, что у меня все чаще и чаще (за последнее время) появляется желание признать многое пустяками, появляется «страстное желание простой обывательской жизни», но я сопротивляюсь этим настроениям и не считаю их достойными большевика. Уродств у нас еще очень много. Надо бороться с ними во славу партии, а не приходить в область равнодушия.

Но как поступить с Н<иколаем>? Как поднять его явно павший дух, усугубленный психозом?! Кто бы знал, как мне трудно жить...

1. The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records in the financial sector. It highlights the need for transparency and accountability, particularly in light of recent regulatory changes. The document outlines the various methods used to collect and analyze data, ensuring that all transactions are properly documented and reported.

2. In the second section, the focus shifts to the challenges faced by financial institutions in implementing robust risk management strategies. The text explores the complexities of identifying potential risks and the importance of having a clear, actionable risk appetite. It emphasizes the role of technology in enhancing risk assessment and monitoring, while also noting the limitations of current tools and the need for continuous innovation.

3. The third part of the document addresses the impact of macroeconomic factors on financial markets. It discusses how global events, such as trade tensions and monetary policy shifts, can influence market volatility and investor behavior. The text provides insights into how financial institutions can adapt to these changes by diversifying their portfolios and adjusting their investment strategies to maintain long-term growth and stability.

4. Finally, the document concludes with a call to action for industry leaders to embrace a culture of continuous learning and improvement. It stresses the importance of staying informed about the latest trends and developments in the financial landscape, and encourages collaboration between industry participants to address common challenges and drive positive change. The document ends with a reaffirmation of the commitment to high standards of integrity and ethical conduct in all financial activities.

5. The following section details the specific steps taken to ensure compliance with all applicable regulations. It describes the internal controls implemented to prevent and detect any potential violations, and the measures taken to promptly address any identified issues. The document also outlines the ongoing monitoring and reporting processes, ensuring that all stakeholders are kept informed of the organization's compliance status and any necessary corrective actions.

6. In the final part of the document, the author reflects on the overall performance of the organization over the reporting period. It highlights the key achievements and areas of strength, while also acknowledging the challenges and opportunities for future growth. The document concludes with a vision statement for the organization, outlining the strategic goals and the commitment to excellence in all aspects of the business.

ГОД

1937

1 января 1937 года

Это будет год двадцатилетия Революции. Год завершения второго пятилетнего плана, год, который «...сильными обещано изжитье Последних язв, одолевавших нас...». Хотелось бы дышать (полной грудью) воздухом великой эпохи, ощущая ее повседневно во всем величии.

Работая над Огромной, Главной Книгой. Жаль, что столько мелочей нервирует, тормозит, растаскивает иногда ощущение целостности. Ну, что делается у нас в парторганизации Союза. Ведь это же просто смешно — вчерашние разговоры Мирошниченко о том, что я проявляю групповщину, напечатав речь Беспамятного об Островском! Смешно и грустно. Грустно и глупо. Писателей все время обсирают, и Ц<ентральный> О<рган> и пр. — и поделом. Надо писать, а мы глупо суетимся, хватая друг друга за фалды...

Два вечера тягчайших разговоров с Колькой относительно его пребывания в комсомоле. Устал человек и болен, это, конечно, в основном, но и просто нездоровые настроения тоже есть. Конечно, много неправильного и уродливого в комсомоле, но глупость, что это система, и уходить поэтому из комсомола — позор и глупость. Не верила романам, где жена «уходит» от мужа, бросившего партию или комсомол, и конечно, в них все не то.

Но вопрос — «как же я теперь с ним буду жить, если он добровольно бросил комсомол?» — встал передо мной во всем его мраке, сложности, и я сказала бы даже — неразрешимости. Чувство, что я «не могу с ним теперь жить», не было основано на логике, но оно стояло именно как «не могу», а не как «нельзя»...

Но билет оказался дома (как я и предполагала), и все уладилось. Как бы в дальнейшем помочь ему жить, чтоб жилось хорошо ему?!

8/1-37.

Какая-то неопределенность. Хорошо хоть, что рассказ отправлен в «Две пятилетки», откуда пока что зловещее молчание. Жаль, если не примут. Хотя написала далеко не в полную силу, не вгрызлась в текст..

С партией все как будто в порядке — нужна еще одна рекомендация, но и она у меня есть; лучше было бы, если б был Невинский, и он согласен, но практически удобнее, чтобы был Скруль. Пожалуй, у него и возьму. Согласились взять меня на кинофабрику, но дело что-то заглохло.

В Союзе дело дошло до полного распада, разброда и шатаний. Общественность, как говорится, спит. Партком занят «групповщиной» и тоже никакой положительной работы не ведет. Ефима обложили в Ц<ентральном> О<ргане> — жестоко, чрезмерно жестоко, но все-таки справедливо. Его снимают с работы, он явно демобилизовался уже.

Витьку сегодня обложили в «Смене» и тоже правильно. Эх! Говорила я ему: «Не издавай этой пьесы, не лезь в писатели». Не терпелось, дураку. Конечно, все это, в конечном итоге, от неума.

Маршаки визжат теперь по поводу статьи Золотовского, всячески спекулируя на демагогической статье Бубекина против меня. Отправила Бубекину письмо, интересно, как отнесется? Вдруг разразится еще чем-нибудь демагогическим, еще более..

А, ну..

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Бежал он в этот свет, завистливый и душный?

Не я бежала, меня бежали.

Хочу докончить «Историю».

Хочу писать «Заставу» — о хороших, трудящихся людях.

Мишка Ч<умандрин> прав в некоторых частях, критикуя стихи и рассказы.

16/1-37.

Но не любил он...

Нет! Не любил он...

Ах, не любил он...
 Меня...

Дело в этих словах — с мотивом. Это о несбыточности, о неисполненности. Я все пою их, чувствуя неисполненность своей жизни. Скоро год, как нет Ириши. Боже мой, Год!

Все нет и нет Ириши. Живой Ириши, моей, и уже стало тому год. О, тут что-то не так вышло, господи, что-то не так.

Два дня подряд чувствовала ее как живую, все видела — живое, а не фотографию — ее лицо, когда она была в ОХММ и ей стало лучше. Она глядела на меня так радостно, удивленно немного, ой нет, не надо... Точно меня все время гонят, гонят, гонят... Может быть, временна. Еще не знаю.

Из «Литературного» Ленинграда» все-таки освобождают, надо кончать «Историю». И в кино, наверное, буду. Господи, а когда же «Заставу» писать? Когда же книги, рукописи, сказочное мужание духа? Проходит жизнь, расточаясь на мелочи... Скучно, злюсь, тоскую, не собираю, а трачу... Наряжаюсь, да как-то бестолково — слишком много дыр, и без особого увлечения... Все равно. Страшная стала...

Но не любил он...
 Нет! Не любил он...
 Ах, не любил он...
 Меня...

Ольга Берггольц. 1937 год¹

22/1-37.

Был ленинский вечер в Д<оме> Писателей». Как всегда, конечно, малоллюдно. Ужасные, неграмотные, без единой мысли выступления Мирошниченко и Князева, на уровне клубов 1926 г, и то заштатных. Господи — и это те люди, которые возглавляют партком писателей! Как печален наш ужасный ССП.

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц на обложке дневниковой тетради.

И — великолепный Джерманетто! Вот человек с большой жизнью, полный ею, знающий ее, обращающийся с нею в слове — как хочет, несмотря на незнание русского языка. Как он полон чувствами, как взволнован жизнью. «Город Турин! Я ведь родился там, я там работал», — голос его был полон в это время такой любви. «И вы знаете, что я ему сказал? Я ему сказал: “Здравствуйте, товарищ Ленин”». А богатство интонаций, мимики. Надо писать о людях, полных жизнью, как Джерманетто.

Потом показывали «Три песни о Ленине». У гроба Ленина стояли живые: Дзержинский, Фрунзе, Куйбышев, Киров, Луначарский, Горький... Их уже нет, они сами умерли, стали историей...

Неукоснительное движение жизни, величественная поступь Истории... Обязательно нужно писать так, чтоб чувствовалась История Человечества. Не только на фоне величайших событий, но неразрывно с ними, даже не описывая их. Не так: «Выполнилась первая пятилетка. Гудели в стране цеха. А в это время Анна ждала Семена». Не так, только не так. Но это нельзя записывать, это нужно иметь в инстинкте и в интуиции. У Германа эпоха разменена. Ее дыхания не заменяет деталь и даже колорит.

Ах, как хочется работать. И хотя меня заставляет думать и, конечно, неверие Кольки в меня, и объективные мои результаты — попробую, все-таки попробую первый раз всерьез, всей своей жизнью сразиться с недоброй тяжестью.

2. Похабщина в Союзе. Нужен Геркулес с его рекой сквозь Авгиевы конюшни, а м<ожет> б<ыть>, и он не поможет. М<ожет> б<ыть>, Союз не нужен?

Как дурной сон — собрания парторганизации. Трижды проверяю себя — нет, никакой «групповщины» и «личного отношения». Просто я говорю, как считаю справедливой. История с пьесой Виктора — жалка и постыдна не только для него (он виноват гл<авным> обр<азом> в том, что подался на атмосферу, при недостатке интеллекта, притом, а как я в свое время его предупреждала — и оказалась пророчицей!) — жалка и постыдна для парторганизации! С чего начали «борьбу за качество»! Как туп Гришка и Князев. Какой ужас — Брыкин и др. Ох, скорей бы уйти оттуда. Все это слишком бесполезно. Судьба же моя все еще не определена — завтра звоню Цильштейну.

3. Притом нахожусь под ударом: преступно перепутала цитату в статье. Позор, срам, прямо искажаюсь, когда вспоминаю. Боюсь, что хитроумная поправка не поможет.

4. Витя в частной беседе сказал, что ему было бы очень больно, если б мое отношение к нему переменялось в связи со всеми этими делами. Мне было приятно это заявление, хотя я давно уже свободна от него. Я сказала, что говорю на собраниях о нем то, что думаю; я «защищала» его, зная, что навлеку на себя обвинения в «личном отношении», и действительно, навлекла. Мне было приятно (как это не стыдненько) собственное мужество, но если б оно даже было мне неприятно, я все равно говорила бы так, как говорила, и держалась бы так же... Витя очень обыкновенный человек, я в этом не убедилась, это лишь подтвердилось, то, что я знала раньше. А коммунист он, всё-таки, настоящий.

Очень неприятен стал Юрка Либ — вельможа типичный, выскомерный до спесивости (было бы отчего; говно!), и, прав Витька — безобразно державший себя, т. е. устранившийся от всего во время самой тяжелой трепки организации. И жалок он со своим апломбом, «авторитетностью», глубокомыслием, как наш Канторович! Жалко Муську — она все еще смотрит на него как на монумент, и вообще она жалкая фигурка, а ведь хорошая.

5. Кажется, всё-таки беременна. Жизнь уходит, нужен, нужен ребенок.

Надо писать передовую о Ленине. Ее все равно не прочтут, но надо с любовью, а трудно — устала, поздно.

25/1-37.

Первый день процесса над «параллельным центром», вчера опубликованный в газете.

Очень тяжело, состояние личной опозоренности, очевидно, неправильное. В нашем государстве, в нашей партии — эдакое! Конечно, кучка, конечно, не массы, конечно, борьба, но все же!

Трудно, очень трудно.

Измена — где? Кто изменники? Люди, облеченные высочайшим доверием! Конечно, сволочи те, кто говорит «теперь никому верить нельзя», нельзя верить тем, кто в прошлом был замазан.

В общем, тяжело, тяжело. Стыдно.

А как они признаются!? Что это — растление, не имеющее границ, или не все печатают? Да, нет, если и не печатают, так какие-нибудь все же мелочи... Психологически все же непонятно поведение их. Ну, посмотрим, что будет дальше.

Трудно назвать свое отношение к ним — даже ненавистью, даже омерзением — это больше, чем ненависть и омерзение. Здесь уже стираются границы понимания.

Неужели еще не все взяты? Неужели еще гнездятся?!

30/1-37.

Не ожидала, что оставят в живых Радека и Сокольников. Ну, что ж, там виднее.

Последние дни столько ужаса вывернулось на процессе, что восприятие, достигнув высшей точки, отупело и устало от них. В конце концов, наступило правильное спокойствие, утвержденное спокойной речью Вышинского. Нет, дело наше подлинно не победило. Только бы не надо подольше подобных процессов, кончить бы с ними навсегда или надолго: уж слишком напряженно, нагруженно, взволнованно живут у нас люди, слишком массивны их радости и скорби.

За <19>36 год — конституция, Испания, процессы. Я не за то, чтоб все безбурно, но надо, надо большей бережливости. Впрочем, жизнь такая.

2. У себя — тоже немало волнений и событий, мелких по сравнению с общими, но едких. В сег<одняшнем> № газеты — статья Мирошниченко. Ее практическое назначение — абсолютная ненужность, конечно, «усилена» квалификация проступков Витьки и Горелова. Обруганы мы, т. е. газета, — обруганы несправедливо; особенно шулерническое место с цитатой! Про мои детские статьи сказано, что они «на очень низком теоретическом уровне, очень плохие, открыли “дискуссию”».

Эх, труперды! Себе же хуже делают, а не мне, особенно теперь. Ибо приехал директор Детгиздата Цыпин, говорил обо всем со мной, считает, что статьи мои совершенно правильны и своевременны (за исключением только Ильина, <1 сл. нрзб>), и Файнберг через него официально пригласил меня к себе, для разговоров о положении с детской лит<ерату>рой у нас в Ленинграде. Конечно, поеду, составлю предварительно «материал» и поговорю с Файнбергом откровенно.

5/II-37.

Больше всего беспокоит то, что не поехала сегодня на партком, в цех, где должны были решать о моем приеме. Ну, думаю, что 7<-го>, перед собранием, они бегло устроят партком и решат. Думаю так же, что угрозы Гришки М<ирошниченко> относительно того, что он перешлет мое заявление в партком писателей, Смородину, не повлияют на мой перевод. Заявление же я подала потому, что меня трижды приглашали к Щербакову, а потом Гришка вычеркнул. Явная подлейшая группировщина и ничего более.

9 февраля.

Теперь все идут годовщины.

Год назад в это время хворала Ирина, и ей становилось все хуже и хуже, с редкими проблесками на улучшение, когда она просила «дай мои камушки» или дрожащим голоском, улыбаясь, рассказывала о Гёке Фине.

О, боже мой, боже мой — что же это?!

Зима и морозы, как тогда, в Детском, наверное, много снегу. Она уже год как лежит в земле.

Сейчас так видна цепь ошибок, которые были совершены мною тогда, их не исправишь, ничего не вернешь.

Тоска, тоска, некуда деться...

И то, что, кажется, опять терплю аварию с беременностью, сплетется с этой тоской, с этой непонятной, невозвратимой, самой огромной в жизни потерей..

О, как же я не удержала тебя, как я мало была с тобой, Ира, Ирочка, Ирочка...

Обо всех других мелочных удачах (поездка в Москву и беседа с Файнбергом) и неудачах (партком, мерзкий Гришка) — не хочу писать.

Второй час, а Кольки все нет с работы. Вдруг он уже мертв, погиб, как недавно Гессен?

17/II-37.

Лежу, пытаюсь удержать беременность, но, очевидно, ничего не выдет. Жизнь не удастся, явно. Лежа, много читаю. Не могу приняться за философию — так надоел мне милый Роман Львович.

Мучительно надоел, и особенно противно то, что, кажется, влюблен или полувлюблен. Еще очень тревожит — не задержали бы перевод из кандидатов в члены, из-за этого идиотского моего заявления. И так все дело затянулось, а тут еще эти гниды — Мирошниченко и др. Вздумали меня «воспитывать» на этом деле. Экое гнусное лицемерие!

Должен был зайти Витя, но, наверное, не зайдет, хотя назвал по телефону «малыш». Гм? Хотела с ним посоветоваться относительно всех этих дел — рассказать ли обо всем Цветкову и Смородину, забежав и упредив, или ждать? М<ожет> б<ыть>, еще и не пошлют ничего. Посылать ли письмо Лукке?

Ну, в конце концов, отсрочат прием...

Ну, что ж. Отсрочен прием, отсрочен ребенок... Эх, нескладно, нескладно у тебя с жизнью, дорогая...

Эх, вся-то жизнь у нас с тобою поломатая,
А тело женское предано судьбой...

27/II-37 — 4/III-37.

Лежала шестидневку — все было хорошо. 25<-го> встала, съездила на завод, где рассказала обо всем Цветкову (он ничего не знал, и, формально, я себе «напортила») и, возвращаясь домой, почувствовала, что истекаю кровью. Думали, что уже все, но приехал врач, говорит: «матка закрыта», и — лежать. Лежать, говорит, придется около 2 месяцев, но гарантий очень мало. Основное, что меня беспокоит — ну, пускай, ну отсрочат прием, и это даже лучше, м<ожет> б<ыть>, ну, належу себе пролежни и пошатну заработок, но если в результате — неполноценный младенец?

В общем, все очень неопределенно, до раздражения, до плача. Надо использовать время для работы.

Был Цыпин — явно имеет виды на меня. Но, но! Шалишь — Мамонишь.

Но одно дело, которое он сообщил мне, чрезвычайно приподняло мой дух. Это сообщение о пленуме ЦК, о том, что там будет принято решение о всемерном развертывании внутрипартийной демократии.

Помимо всего прочего, мне еще очень приятно то, что одна из первых мыслей по поводу процессов у меня была мысль о необ-

ходимости, самой острой необходимости всемерного развертывания внутрипартийной демократии. Не помню, записывала ли я это, но с Колькой на этот счет даже поспорила — он считал, что наоборот, нужно увеличить централизм. Нет, сотни раз право ЦК — изжитие внутрипартийных неблагоприятных последствий лежит только на пути доверия, т. е. демократии.

То, что бегло рассказывал Цыпин — крайне взволновало и утешило. Но вот будет ли возможным теперь то, чтобы «простые люди говорили прежде Ц.К.», т. е. если б в резкой форме, кто-нибудь из «простых людей», ну, месяц назад, начал бы говорить о недопустимой слабости в<нутри>п<артийной> демократии — что бы с ним сделали? И это, несмотря на узаконенное положение о самокритике! Вот это-то и неправильно. Хотя «всякому овощу свое место», все же нужно как можно шире предоставить возможность низовому активу высказываться по всем вопросам партийной жизни, высказываться безбоязненно. Конечно, можно и нужно осадить человека (я не говорю уж о прямых вылазках) — но не распинать тотчас же.

С нетерпением жду решений пленума ЦК. А то, что я оказалась права — сильно поддерживает меня, значит, кое-что понимаю! Положение же мое все еще очень неопределенно, и Степа под вопросом. Время кажется мне неисчерпаемым, но дни идут быстро и бесплодно — т. к. не работаю над «Историей». Но много читаю и, кажется, много думаю. Стихи не идут даже через силу — не знаю, почему, но уж не буду тужиться. Терпение. Терпение, терпение.

Если жить, то Степа необходим, и даже лучше, если Степа.

О, Ира, Ира моя, девочка милая...

11/III-37

Первый день в больнице, в Институте охраны Матмлада. Там, где умерла Маечка, где дважды лечилась и один раз чуть не умерла Ира, получив все же отсрочку на год.

Все вспоминаю, глядя в окно на тополя и своеобразные здания института, и душа в каком-то безразличном, глубоком оцепенении. Целый день лежу так, не читала даже, не говорила ни с кем, дремала и просто так лежала... Время остановилось. Непонятно ничто. Беременность, очевидно, не удержу — все время густая, темная кровь.

12/III-37.

Жизнь очень отстает от своей сценарно-постановочной части. Ее физиологическая основа — ужасающе малоподвижна. Какие-то известняки, с отпечатками допотопных животных. Я не хочу сказать, что сценарно-постановочная часть — неправда. Она — правда, и оправданна, как искусство. Я хочу сказать, что писатель должен учитывать, что ли — нет слов... Не то должен писать, соотнося ту и другую жизнь. Иначе, если только одна часть — то получится неправда; когда я говорю «сценарно-постановочная» часть — я не хочу никого оскорбить или заподозрить в обмане. Это нужно, — более того, это необходимо: и торжественные съезды, и совещания, и высокие старты и речи, и даже наша, все-таки чересчур восторженная пресса.

Но вот второй день прислушиваюсь я к разговорам баб. Если не соотносить лучшего с этой жизнью (а так живут миллионы масс) — это чувствуется, то и лучшее, и праздничное — пропадет и не заблещет.

Страшная, темная, известняковая вещь — человеческая бытовая, единоличная психика. Потому что, вероятно, их общественная, практически общественная психика обгоняет бытовую: вот работницы и, м<ожет> б<ыть>, ударницы. Но и здесь то же.

Вот, например, разговор о том, какая работа лучше, что лучше всего работа заведующего лавкой, базой, потому что здесь можно «нажиться», «пожрать». Ничего тоже и приказчиком, тоже можно нажиться. Оказывается, разработана тончайшая система хищений и обманов; об этом говорилось с ненавистью по отношению к нынешним продавцам и с восхищением по отношению к прошлому и к самой себе, работавшей тогда продавщицей у хозяина.

В связи с запрещением абортотворения развилась бешеная самодеятельность: здесь лежат бабенки, вызвавшие себе кровотечение хинной. Очень довольны, что удалось довести дело до аборта. В соседней палате двое — одна всунула себе в матку куриное перо, другая напилась пороху... О, господи боже...

Открывают форточку — я лежу прямо под ней, и воздух совсем уже весенний, и в форточку видно небо, и сильная мускулатура тополя. Воздух весенний, такой же, как в прошлые годы, когда тут лежала Ириша, когда здесь умирала Маечка. Невозможно выразить мучительность вторичного переживания того, что уже однажды было...

Колька Шушк<анов> как-то говорил, что я привыкла к своим несчастьям и полюбила их (очевидно, как Н. Ф.). Нет, не так это, по-

жалуй. Мне все тягостнее и тягостнее своя печаль, превращающаяся в отчуждение и безразличие, затмевающая порой главное. Я давно уже пребываю в брюзгливо-недовольном состоянии, не радуюсь просто жизни, солнцу, людям — так, как недавно обрадовалась во сне. О, мне хочется этого! Но как вздохнуть свободно, когда за сердцем твоим стоят фигурки двух дочерей, и особенно одной из них, — то трагически-скорбный, то радостный, но и тот и другой образ мучителен, и все-все напоминает его...

Я не знаю, настраиваю ли я себя или нет, просто не могу не думать, само думается, но я загораживаюсь от них и смешно-честолюбивыми мечтами, и думами о книгах, и самым действенным — осмыслением.

О, душа моя! Проси забвенья!
Ты сама не справишься с тоской.

13/III-37.

Врачи сегодня осматривали меня и сказали, что если б не мое большое желание сохранить Степу, то они положили бы меня на стол. Жду еще 5 д<ней>. Иногда я слышу, как плачет ребеночек, которого носят в соседнюю палату. Плач беспомощный, уютный, теплый... Я знаю, что было бы лучше, если б был Степа...

А вообще сейчас я и не знаю, чего мне хочется. Ни в клуб пойти, выпить и в бильярд поиграть, ни видеть кого-нибудь. Надо работать, надо во что бы то ни стало кончить «Историю» — и на то энтузиазма нет. Читала сегодня в «Лен<инградской> правде» отрывки из истории разн<ых> заводов — и просто оледенела: что это, жанр держит или общая наша бездарность? До того похоже друг на друга, как клише. Ведь и у меня почти так, почти такая же размазня, глагольная обезличка, — «рабочие пошли», и даже язык — фаталистически, произвольно совпадает! Что делать?!

А эти безличные диалоги?! Брррр...

Бабенка, выпившая пороху, наверно умрет — целый час сегодня стонала, слышно было снизу. У нее — перитонит. Другая — тоже в тяжелом состоянии — вприснула себе соль.

Третья — слепая, ткнула в матку вставочку, обмотанную ватой в йоде. Круто, сволочи, повернули с абортами. Вспоминаю гнусную

морденку Маруськи Чумандриной, рассуждающей о том, что «женщины приветствуют», и о зажиточности. Я, как и при введении закона, считаю, что надо было в течение года-двух зажимать — верно, но постепенно, и запретить, когда бы еще более полегчало и с зажитком, и с культурой. Такой резкий переход в другую скорость принесет очень много жертв. Разумеется, это учитывали, м<ожет> б<ыть>, переоценили сознательность.

Мои подопытные тетки Канева и Шешилова принимали ванну и вернулись оттуда умиленные и примиренные с Советской властью. Я не замедлила попрекнуть Каневу, что, мол, она на Соввласть обижается, а сейчас говорит: «Вот еще 44 года могу жить». Она ответила: «Я на жизнь свою обижаюсь, а это — мне все равно... Как тогда работала, так и теперь». У нее умерло двое детей, правда, в 1916 году, ушел пьяница муж, предварительно порядочно измытарив ее.

Культуру счастья можно разрабатывать и варьировать бесконечно, у искренней скорби нет культуры, она одна, она одинакова. У меня несколько раз горло сжимало, когда я слушала тупые рассуждения Каневой, смотрела на ее известняковое лицо. Она тут развернула программу образцовой хозяйки, убежденно порицала театры — практический разум полунищего. С 1911 г. не была она в театре, «зато есть что одеть»... А надо было видеть, как слушала она Шешилу, которая вскрылась как страстная театралка и, захлебываясь, называла театры, оперы, спектакли! (Шешилова — типичная змея, баба, лицо с узким крикливым ртом, иссеченное заботами.) Противные и милые, милые люди...

14 марта.

Чувствую себя сегодня архиплохо. Всю ночь мучилась от укола — чудовищно болел зад. Выделения если и уменьшились, то в микроскопическом размере, а вернее всего — продолжается, как и было. Эх, Степа, Степа. Лихорадит, головная боль, расслабленность полная.

Ужасно, панически боюсь боли аборта, до тошноты боюсь. Если к 17–19<му> не прекратятся крови — значит, аборт.

Колька сегодня не приезжал — боюсь, не случилось ли с ним чего.

Год со дня смерти Ирины — год. Но годовщины у меня о ней и так каждый день, без даты...

15/III-37

Колька сообщил, что арестован Анат<олий> Горелов.

Первое чувство — недоумение. Рыжий — враг народа? Или тут перестраховка известных органов, или действительно надо быть исключительной чудовищности гадом, чтоб быть врагом народа, вдобавок ко всему, что мы слышали от него на партсобраниях. Не может быть, чтоб он был арестован только за то, что мы знали. Пока — непонятно.

Второе чувство — опасения за собственную судьбу. Если наши молодцы впишут мне в характеристику «мешала выявлению и разоблачению врага народа?», а с их рвения станет и такой нелепости. Но значит Свирин, Горелов и мн<огие> др<угие>, а в особенности Витка — уж совсем враги народа? Ну, будем ждать, призвав на помощь все свое спокойствие.

Из кандидатов меня не исключат — это и говорить нечего — не за что. Даже если на год задержится перевод — не страшно. Но совесть моя абсолютно чиста. Я не совершила никаких антипартийных поступков. Если я резко реагировала на то, что налипло к основному, то здесь еще нет криминала.

Да, я была в одной «группе» вместе с Виктором, с Добиным, с Гореловым, но откуда ж у нас у всех могла возникнуть мысль о том, что Горелов враг народа (а я так думала — вобла, вобла!). И вспомнить, как ориентировал меня Добин. Он, очевидно, все-таки политикан и двуличный человек — надо проверить это.

И вообще — черт возьми, м<ожет> б<ыть>, мы где-нибудь все и ошиблись? Надо все снова продумать, да, надоел этот негатив. Писать бы! Жить бы!

18/III-37

Сегодня Колька не пришел, а прискакала вечером мама, передав какую-то сомнительную записку — что она, мол, «у Рики» и зашла передать, что «очевидно, Коля у меня сегодня не был» и т. д. О, наверное, с ним что-нибудь случилось! Мать в записке уверяет, что нет, немного отлегло, но все же страшно.

Завтра будет решаться моя судьба. У меня самой настроение бесперспективности: с небольшими остановками кровь все время выделяется. Сама я ослабла до ужаса, похудела, постарела. Думаю, что если теперь и буду лежать, скину позднее, но все-таки скину. И самый

худший вариант — рожу больного ребенка, и снова его гибель... Ну, завтрашний день все скажет. Поверю еще раз в медицину.

22/III-37

Тогда мнения врачей обо мне разделились. Скробанский решил отложить еще на неделю, до 25<-го>. Матка выросла и несколько окрепла, молочные железы есть — за. Выделения садят все время — против.

Я очень извелась, ослабла, похудела (и это при беременности-то!), выделения не прекращаются. Мысль о том, что все это губительно отзовется на ребенке, — не дает мне покоя и уверенности в том, что делать: лежать и ждать или настаивать на скоблежке, совершенно отказавшись от мысли о Степе.

Ох, как не везет, как не везет в жизни! И мне как-то и ничего не хочется, и творческих мыслей нет никаких — ни стихов, ни рассказов, ничего... Убивающая бессмысленная апатия, и иногда — тщеславные, похотливые мечты...

<Рис.: дом и забор.>

О, какая тоска, какая тоска. Ну, что делать?! Вот пела сейчас потихоньку, и все вызывает слезы, сожаление о проходящей жизни, об обиженной Иринке, а с нею ушла, ушла молодость. О, что бы сделать? Написать письма Авербаху, Вите, обратившись к воспоминаниям, связанным с ними. Но все это так далеко, так мертво. Не удержат жизнь. И каждый звук песни томит. Ранит.

24/III

Нет, никогда я так не жаждал жизни!..

Вспомнила, как я и Колька ездили с Иринкой в Петергоф. Это было, кажется, в <19>33 году или <19>34... Ириша была в красненькой шапочке, и очень часто писала, и смущалась этого, и вымочила штаны. Фонтаны ей очень нравились. А какая она была кроткая добрая девочка, покладистая, общительная... Помню ее смущенную и довольную мордашку в тот день...

А как я вела ее в санаторий в Детском селе, так далеко мы шли через осенний парк, она все болтала и устала очень; идет-идет и вдруг присядет на корточки, и говорит: «Мама, у меня ноги ничуть не устали, ничуть...»

Коля любил Иришку, обижался, когда говорили, что она не его дочь. Последнее время она раздражала его, но все-таки он ее очень любил...

Я так люблю Кольку. Так хочется ради него родить ребенка. Он так осунулся и даже постарел за последние годы, глаза у него стали беспокойные, и лицо напряженно-беспокойное, это особенно видно на последних фото.

Мой милый, мой преданный, часть моего бытия..

Завтра опять будут решать обо мне. Скоблиться? Еще лежать? Все равно, я лежала бы, у меня нет никаких стимулов к деятельности. Но если неполноценное дитя? Патология при родах?

О, никогда я так
Не жаждал жизни!

25/III-37

Через некоторое время будет меня опять шупать и исследовать...

Покорюсь врачам; если велют лежать — то буду лежать. Жаль уже просто 2-х потерянных месяцев, заваленной «Истории», невыполненного Мартехова для «Знатных людей» (хотя, кажется, «Знатных людей» вообще не будет.)

Хочу ли я пойти в клуб, выпить рюмку водки за приличным ужином, поиграть на бильярде? Не очень. Хочу ли, чтоб кто-нибудь влюбился или чтоб «рецидивнул» Витя? Нет. Мне ничего не хочется очень, из жизни, кроме того, чтоб перевели в партию. Потом мне хочется придти домой и, отодвинув все, с мучением, обливаясь слезами — да, да, обливаясь слезами, писать «Заставу», так, чтоб она получилась гимном торжествующей, трудовой жизни.

Мне хочется домой, в огромность
Квартиры, наводящей грусть.
Войду, сниму пальто, опомнюсь,
Огнями улиц озарюсь.

Спешность и громоздкость работы по «Истории», а особенно ее спешность — несколько расхолаживает меня. Уйти бы от всех и создать. Между прочим, товарищи из Союза ничуть не интересуются

моей судьбой. Я уж не говорю о членах правления; нет, ни «писатели-коммунисты», ни партком, ни партийное руководство, ни даже бывшие «групповщики». Робко звонит, или вернее неск<олько> раз звонил Витя. Но не называя себя и не справляясь обо мне. Добин не звонит вовсе. Боится наверное (?). Ни Юзька, ни Левка, — никто, никто не справится. Союз не проявляет даже официальной «чуткости». А подохни я сейчас, небось, все-таки будут проливать крокодильи слезы.

Обидно не за себя, а принципиально. Впрочем, и за себя обидно и удивительно, хотя в плане недоумения и смеха. Ко мне «чудно относятся», большинство людей считают талантливой, мне часто говорят комплименты, целуют ручки, «Оленька, Оленька». Это все лишь внешнее... Меня никто не любит, кроме Коли и родных.

Иногда вспоминаю прошлогоднюю Колину историю и от бешенства задыхаюсь. Можно ли было быть таким болваном чугунным, как Колька! Задним числом мне хочется набить ему морду.

Иногда я задним же числом ненавижу его за это все. Мне хочется снова и снова слышать обо всем этом, расспрашивать до мельчайших подробностей, а главное, что он говорил Соне. О, как я злюсь, что не сумела овладеть его письмами к Соне, и какой он гад, что не дал их прочитать мне! Небось, предательствовал...

О, этот ужасный день 24 апреля, когда я вернулась со съезда комсомола.

Ужасно ненавижу Соню! Страшно хочется ей «отлить». Мое «благородное» поведение с ее заметкой, ее план сверхнормы, разговор с нею по телефону, когда она кричала на меня, о, все это не так было сделано...

26/III-37

Вчера Коля прислал очень милую записку — скучает, любит и говорит, что я «еще покрасивела» (он 23<-го> проскользнул ко мне). Милый, трогательный пес, это я-то покрасивела! Нос у меня весь в прыщах, лоб тоже, глаза ввалились.

Вчера врач Степы — Богоров смотрел меня и сказал, что матка во всяком случае не уменьшилась. Поскольку он же 19<-го> говорил, что матка не растет, я делаю скидку на профессиональное честолюбие, значит, беременность жива. С 24<-го> — выделений значитель-

но меньше, и чувствую себя несколько бодрее... Что ж, может быть, и оправдаются эти напряженные месяцы, и появится милое дитя.

Вчера ночью вспоминала Маечку.

Сейчас выписали домой. Как-то доберусь, и не пришлось бы поворачивать с дороги?

4/VI¹-37

Дома. Пока все идет благополучно, кровотечения нет, толстею. С Николаем — очень хороши. Люблю его до влюбленности. Но очень смутно и нехорошо на душе. Витьку исключили из партии. Он вел себя глупо и безобразно, — это верно. Но все-таки исключение из партии — это слишком. Это несправедливо. За человеком 18 лет честной и преданной партийной биографии. Никогда не участвовал он в оппозициях, ни в группировках, а боролся с ними. Нельзя одной, хотя бы даже грубой, ошибкой зачеркивать все, что было у человека. Должна, кроме того, сказать, что я что-то плохо верю в концепцию Мишки Чум<андрина> о столь стройной системе вредительства, которую он тут передо мной развернул. Что-то уж очень стройно.

Обо мне послан документ в мой партком и райком.

Ну, что ж. Надо отвечать начистоту за все свои ошибки, а ошибки действительно были. Я не имею оснований сомневаться в том, что Горелов — враг народа, а я, во всяком случае, не способствовала его разоблачению. И вероятнее всего, что в отношении Витьки нужно было вести себя иначе, не защищать его, а постараться доказать ему, где он был неправ.

Как тяжело и мучительно все это, Господи!

А что Витька-то переживает!

О, дурак, дурак — за то, что не выступал на пленуме, ведь это получилось демонстрацией солидарности с арестованным уже тогда Гореловым. Ясно — поступок антипартийный.

Если верить Сашке и Мишке — плохим было и выступление его на партсобрании.

Значит, правы Мирошниченки?

Да, как-то сложится моя партийная судьба? В партии я буду, не сейчас, так к 20-летию обязательно.

¹ Вероятно, ошибка в датировке. Правильно: 4 апреля.

Не посоветоваться ли мне с кем-либо заранее, до вступления? Не отложить ли самой? Нет, не буду. Пусть все идет, как идет. Не одна же у меня эта ошибка, иду я в партию не только с нею.

Позвонить ли Витьке?

Странно, что Добин и Штейн говорят: «Горком его обязательно восстановит». «Если его не арестуют, — прибавил Сашка, — если не вскрыется чего дополнительно, то его восстановят». Лицемерие какое-то. Впрочем, они не голосовали за исключение, кажется.

Ефим получил строгий выговор. Ах, Витька, Витька, как сорвался... Позвонить или нет? Сочувствовать — антипартийно, да я и не сочувствую, вел он себя безобразно, а сокрушаюсь и думаю, что тут нет ничего неправильного. Не радоваться же, что еще одним коммунистом стало меньше. М<ожет> б<ыть>, посоветовать ему, в каком духе подавать апелляцию, чтоб опять не натворил бог весть чего?

А мне надо работать, работать, видно, правильно Ленин говорил в свое время Горькому, чтоб тот писал, а не занимался политикой.

Неприятно, неприятно это мне подкатили с характеристикой, но думаю, что правда возьмет верх...

Разрешили врачи уже сидеть немного, работать. Надо начать... «Ничего, ничего, спокойствие, спокойствие»...

9/IV-37

Морщины от крыльев носа (и даже повыше) — на щеках. И какие-то тени, опускающие рот. Худоба, беременность, или старость — 27 лет? Все равно, что бы ни было — это обульдоживание.

16 апр<еля> 1937 г.

Ни розового сада,
Ни песенного лада
Воистину — не надо,—
Я падаю в себя...

Сегодня после амбулатории намереваюсь много работать, поэтому, прежде всего, надо разгрузить психику от «партийных» дел и мук. А нагружена психика до бреда, до того, что сны вижу только про это.

Факты: исключен из партии Ефим, правда с правом подачи заявления о восстановлении через год. Арестован Лешка Авербах. Ну, то, что арестован Борис Корнилов — не суть важно; тут у меня, как говорится, «чистая». Невзирая на вопли о «сведениях личных счетов», с <19>32 года, как могла, способствовала Союзу его выгнать. Арестован правильно, за жизнь.

Арест Лешки не удивил — думала еще при обмене, что ему не дадут билета, и, когда вставал вопрос — могут арестовать его или нет, отвечала себе — могут. В характере это у Лешки было. Его холодность, неукротимое честолюбие, политиканство были логические предпосылки к тому, что потеряет правильную линию, собьется, спутается со швалью, погрязнет, даже не имея, м<ожет> б<ыть>, субъективно враждебных намерений. Слишком уж средством были для него люди, отношения, и хотя мало у меня лично было к тому материалов, но так иногда думалось, и партия, и литература (это уже в свое время стало определенно ясно). Использовал. Ни жизнь, ни политика не прощают этого корыстолюбия, служения во имя самого лишь себя. Лешка отмер от души уже давно; уже давно, и еще прежде, чем отмер, были глубочайшие бреши в отношении к нему, как человеку и партийцу. Это можно проверить хотя бы по тем дневникам, там везде есть на то указания. Но ведь я была влюблена в него, даже, может быть, любила, и даже уже отлюбив, недоговаривала чего-то о нем для себя, не сделала о нем для себя, для своего отношения к нему окончательных выводов. Я не должна, вернее не могла сказать себе, определить — «это враг», но я могла бы и должна была определеннее назвать его для себя, хотя это не имело бы никаких практических результатов, связь, разумея ее широко, была порвана давно. Надо было решительнее произвести психологическое отсекование для себя. Не могу объяснить четче. Я не делаю этого в отношении многих, и это крупнейший мой изъян; я многое верно угадываю в людях, но не делаю психологических решительных выводов. Мне как-то жаль расставаться с людьми. И мое отношение к ним — колеблющееся.

Вероятнее всего, что это надо изжить. Вероятнее всего, что однолинейность Мишки Чумандрина по отношению к людям — правильнее, чем моя неопределенность. Значит ли это, что людей нужно отсекалть от себя, даже тех, которых определил отрицательно? Не знаю, но твердо знаю теперь, что в политических моментах это

определение должно быть, как бы это сказать? В общем, из него нужно делать все выводы.

Мои ошибки с Витькой глубже, чем думает Мишка. Эти ошибки свидетельствуют о моей шаткости, трусости, боязни решительных выводов. Откуда эта боязнь? Еще не знаю сама. Разве секретом были для меня самодовольство, самомнение и ограниченность Витьки, которые дали знать о себе во всей этой истории? Я знала о них как психологических свойствах его раньше их всех, из своей личной с ним истории, и в тех же дневниках писала об этом.

Как отчетливо вижу теперь (а кое-что видела и тогда) — они проявились резко во всей этой истории.

Конечно, со стороны Мирошниченко и др. было взвалено на него много несправедливого, и я защищала его от этого несправедливого, но ведь в его-то, Викторовой, самозащите прорывались черты и звуки самодовольства, я их слышала, и мне надо было сказать ему, при всех об этом.

Я должна была обязательно выступить о пьесе, и то, что я не выступила — единственный во всей этой истории субъективно-нечестный факт, потому что, даже совершая ошибки, я была абсолютно честна во всем остальном. Я должна была это сделать, и я горчайшим образом раскаиваюсь, что не сделала этого, жалея Витьку. Этот мой поступок, конечно, постыден. Неприязнь к Гришке и Брыкиным, из которых 9/10 сводили с Виктором на этом деле личные счеты за свои неудачи, — остановила меня.

Мишка говорит о Викторе: «самодовольство, тупость, чванство, зазнайство, обывательщина». Нет, я не сказала бы, что в нем — только это. Я думаю все же, что, несмотря на позорное поведение после ареста Горелова, в Викторе есть и «прямая честь», и качества коммуниста. М<ожет> б<ыть>, опять недодумываю, недоопределяю? Но ведь обо всех элементах того, о чем говорит Мишка, я догадывалась или знала, с неудовольствием догадывалась, но я не сумела или почти не сумела разглядеть их в Витьке во время «дискуссий», а заметив эти стороны, не имела смелости говорить о них.

Кроме того, то, что делали тогда Мирошниченко и др., по вести казалось мне не той партийностью, которая и есть партийность. Ведь много же, иногда слишком много было демагогии, подтасовок и прочего, несовместимого с понятием партийности! Или уж мы все так страшно заблуждались? Ведь если Горелов — враг на-

рода (а у меня нет оснований сомневаться в этом, и вариант «жертвы» столь же необоснован фактически), то при всех безобразиях, допущенных парткомом в основном, в политическом — прав партком.

Ведь хотя заметка о книге Добина носила отвратительно-демагогический характер — приплюсовал же горком этот факт к исключению Ефима?

Я звонила все-таки тогда Виктору, я говорила правильно с ним, но он ответил в том тоне, что, мол, его исключение и (я так поняла) чуть ли не арест Горелова — совершенно антипартийное дело. Я уже давно после этого разговора думаю, а прав он или нет, и отсюда, может ли он действительно снова быть в партии? Нет, при всех накладных расходах — не может все-таки быть, чтоб партком вкупе с райкомом и НКВД совершили антипартийную вещь — такого к тому же масштаба. Значит, Витя «зарылся» до клеветы. Значит, он действительно утратил способность критически относиться к себе и видит во всем только желание потопить его. Но зачем это нужно, все-таки? Нет, не может этого быть, как бы противен ни был Гришка, как бы ни погибал Мишка и др. Значит, Витьке, действительно, «нет возврата». Я говорила ему все верно, но дальше, дальше? Вот, если б решался вопрос о его пребывании в партии снова, вернее, перерешался бы, должна была бы я сказать об этом? Да, должна. Если условиться с собою — что это «угар», «отрава», «боль», что надо помочь ему перешагнуть через это, пусть при недопонимании, рассчитывая на то, что потом он все оправдает своей работой, то можно и не говорить. Если знать при этом, что не все могло быть «кристально» в линии и действиях парткома притом.

О, как все это сложно и трудно, как не хочется быть говном и как трудно не быть им... Дело в том, что я не решила — может или нет быть Виктор в партии... Ведь если брать в сравнении с нашими же писателями-коммунистами — он не хуже многих из них, со всеми своими позорами. Или нельзя брать сравнительно? Надо еще и еще думать обо всем этом, и буду думать. Мишка говорит, что я «вела себя позорно». Да, много, много было сделано не так... За многое стыдно... Но хотелось поступать, как лучше для партии, а тогда казалось, что лучше и правильнее именно так, как в основном поступал...

18/IV-37.

Был сегодня опять Мартехов и предзавкома Морозов. Они очень хорошо относятся ко мне; мне приятно, что темный, пьющий Мартехов, орденосец и коммунист настоящего качества, говорит, что когда он читал мой сборник рассказов, то «все время чувствуешь, что вот ты около стоишь, и точно вот и дыхание твое, и запах чувствуешь», что «это все ты», хотя говорит же, что это «не так хорошо, что все о себе пишешь». Но он малограмотный, не умеющий говорить, «запомнил книгу, как политграмоту».

Но я не могу сказать, что его общество — это то общество. Мне интересно с ним как наблюдателю, у меня исследовательский интерес к нему, а не непосредственный. Слишком велика разница в уровнях культурного развития, хотя он — стахановец, один из людей, активнейше двигающих нас к коммунизму.

Он и жена его по очереди рассказывают мне о своей семейной неурядице, тяжелый, совершенно старый («треугольник»), полный драм, тяготы, сцен...

Большая трудность писать о нем, потому что, поскольку надо писать о живущем человеке — придется писать только часть.

22/IV-3[6]7.

Вчера видела «Женитьбу», в кино, постановка Х. Локшиной. Отвратительно до слез! А Хesia — милая. Помню, как я провела у нее целую ночь, будучи влюбленной в Ю<рия> Г<ермана>, как мы с ней говорили и как вдруг за ее жалким личиком я увидела ее же, почти прекрасное лицо.

Была в «свете», в Гослитиздате. Все то же, хотя царит некоторое возбуждение в связи с самокритикой. Это вообще хорошо и вовремя придумано. Была в Д<оме> П<исателей> — видела Заболоцкого, который рассказал о детиздатовских делах; все, о чем я писала, с чем я первая выступила — получило полный ход, гласность и развитие. О моих «заслугах» не вспоминают, да, конечно, заслуг-то особых и не было. Но приятно самой, что есть нюх, и была все-таки немалая твердость и, если хотите, смелость в то додемократическое время настойчиво проводить свою линию.

Но все это тлен, как и то, что меня никогда не просят выступить с «чтением своих произведений», точно меня, как писате-

ля, и не существует, что за все три года ни разу, хотя бы не отдельно, а косвенно, не обсуждали того, что я делаю, это тлен, хотя это раздражает и огорчает меня.

Спокойнее! Который раз я говорю себе это, стыжу себя мелкочестолобивыми замыслами, осаживаю... Дело не в том, чтоб «выдвигаться», как Подзелинский — упаси бог. Нужно спокойно «раздаивать корову». Если есть во мне что-либо ценное — меня «заметят» и выдвинут, без кавычек.

Нужно только честно работать. Нужно предельно хорошо, насколько позволяет узкий, условный жанр, написать Мартехова, сдать «Историю завода» и к концу будущего года выпустить «Заставу».

Говорила с Л. Франкфурт. У нее застрелился муж. Кажется, он не был ни в чем замешан, а просто не выдержал. Таких, как он, вероятно, даже не единицы. Очень трудное время переживаем мы. Есть два психологических выхода: разрешить себе усталость, а значит — перестраховку, самоустранение из острых вопросов, и второй — предельно мобилизовать себя на честнейшую, все время собою контролируемую работу. Иногда, не скрою, хочется «устать», — но нельзя, нельзя. Нужно жить по второму варианту, — работать, не доверять многим видимостям, боль и огорчения обращая в накал для творчества...

Боюсь, что Мартехов получается скучно, хочется писать второй вариант, «свой» — о муже и жене, а это нельзя. Буду писать с предельной свободой, а потом несинаодальное можно будет удалить..

Рассыпается время. Рыхлое, сырое, вялое тело, мысль, существование... Ослабла за время газеты, болезни волевая мускулатура, претворяющая желание в дело... Напружиниться надо, воспрянуть!

Плохо с деньгами.

Степушка, кажется, уже шевелится.

28/IV-37.

Я работала сегодня целый день — так, как хотелось! Записала много мыслей о «Заставе», даже отдельных, отделанных почти сцен, записала кое-что из стихотворных отрывков. Мартехов уже почти решенный, но не готовый, был отложен, сейчас надо переключиться на него. Каким бы он ни был в жизни — в рассказах он должен быть обаятельным, и сама его жизнь дает возможности «вырастить» эти свойства героя рассказа. Как хочется поскорей приняться за «За-

ставу» — о, это будет подлинный труд! Все, все, чем я жила и живу, чем живут сотни известных мне людей, будет в этой книге. Она должна быть «ситом» такого же свойства, как «Клим Самгин», чтоб каждый человек мог себя просеять сквозь него. И конечно, из Мартехова многое войдет в Степана. Сейчас, сегодня нужно дописать в Мартехове самое главное — его апофеоз, все, что, копившееся в стране и характере — ослепительно расцвело в его рекорде. Потом пройтись по вещи, расставить «светики» и обеспечить повороты — и завтра перепечатывать, как бы типа заново. Работаю.

2 мая — 37.

Кончила, перечитала и отдала Мишке Чум<андрину> о Мартехове. Как будто бы получилось, смущает только самый конец. Если б писать совсем свободно, как бы вышло! Теперь «История», «История» — во что бы то ни стало.

С Мишкой опять о разном говорили. Все-таки большую и, в конечном счете, положительную роль играет он в моей биографии. Но слишком много прямолинейности, и переоценивает он, конечно, элементы «неустроенности» в моих стихах.

Я не хочу культивировать эту самую неустроенность, но иногда мне кажется, что я останусь действительно неустроенной до конца дней, с какой-то выбоиной, ущербиной, болью. Это — Ирина. Как она восклицала по ночам: «Ой, не могу больше жить»...

Что же меняется от того, в человеческом страдании, например, что «система не виновата». Разве оно становится от этого, само по себе, легче? О, если б можно было кого-то обвинять, проклинать, мстить, хотя бы богу...

Вижу мучительные сны о ней — все, как умирает. Очень плакала и кричала недавно во сне, так, как ни разу в жизни — когда умерла, превратившись в рыбку, и потом умирала рыбка, и умерла, и это была уже полная ее смерть.

Новый младенец шевелится во мне — жду его со страхом, боюсь взрыва отчаянья — окончательное прощание с Иришкой...

9/V.

Если я доношу Степу — это будет чистой случайностью.

У меня внутри все спеклось, как говорят.

Идет история с Авербаховщиной. В «Известиях» написано, что я была «самыми тесными узами» связана с Аверб<ахом> — от 8/V. На партгруппе 6/V я выступала 2 раза, рассказала все, но это почему-то не удовлетворяет ребят, и об этом написано в «Лен<инградской> Правде».

Вчера на собрании детской секции «Углич» и «Пимокаты» были провозглашены как контрреволюционные книги; правда, это говорил Серебряников, а остальные подходили ко мне и возмущались, но ведь никто не выступит и не скажет, что это неправда.

Еще раз буду расплачиваться за Авербаха, один раз расплатилась уже болезнью Кольки, страшной душевной травмой, неужели результат сегодняшних дел будет — утрата кандидатской партийной карточки? Не нахожу слов, чтоб сказать, как это было бы несправедливо!

Надо крепиться... Надо крепиться!

<Далее обрыв, оторвана часть листа.> <...>ову дали строгий с предупреж

<...>и. А ведь он до самого последнего

<...>с Авербахом, он помогал ему

<...>атуру.

<...>исключения меня — нет.

<...>кроет меня — знаю, что мне

<...>пле выдавливать из себя рабу-

<...>т о «цепочке» — тяге к гнили.

<...>е к гнили, а к людям, казавшимися

<...>, умнее меня: тот же Авербах,

<...>балась, я во время не делала

<...>об этом раньше; но ведь научусь

<...>ещих людей от поддельных, от

<...>ных лицах — Гришке, Мишке и т. д.

<...>учит организация, учит очень

<...>понимать и понимаю, что это

<...>только за то, что они знают,

<...>естно мне о себе — одной.

<...>ться карточки, — я все исправлю

17/V.

Меня исключили из Союза Писателей «за длительную связь с врагами народа Макарьевым и Авербахом, за несоздание в литературе ничего ценного», а партгруппа к этому присовокупила — «поставить вопрос о пребывании в партии, ...будучи сотрудницей “Лит<ературного> Ленинграда” фактически, вместе с Беспамятным и Добиным, помогала Горелову проводить вредительскую линию в работе газеты».

Я, наверное, должна сойти с ума по принципу одного сумасшедшего:

— Ну, хорошо, дважды два — четыре, но ведь я-то посередине?! Устала, и физически, и морально измучилась до предела.

Степушка, бедный! Его надо беречь, ведь, кроме всего прочего, есть жизнь, а за нею неизбежная смерть. Ничто не вернет мне Ирочку. Если я действительно писатель, я не выпадну из литературы и напишу хорошие книги. Если в советской стране есть справедливость, то я останусь в партии, даже заслужив и получив суровое взыскание.

Я уже писала — мне очень много гнили надо выдавить из себя, я думаю, что справлюсь с этим. Только бы остаться в партии.

Говорила с Цветковым и Смородиным.

Партгруппа будет оказывать, вероятно, сильнейший нажим. Не написать ли Щербакову, или Жданову, предварительно?

Ведь действительно, обвинения мне выглядят страшно.

Но разве я не работала самым честнейшим образом? Разве не пыталась улучшить газету? За партийным стажем Добино и Витьки я не видела шляп и путаников, но разве то, что я доверяла старшим и опытным партийным товарищам, — принципиально порочно?

— Дважды два — четыре, но ведь я-то посередине?!

18/V.

Завтра будет цеховое партсоборание и я выступлю с краткой информацией о своих делах, честной и решительной.

Страшно идти на завод, где меня знают с хорошей стороны. Воображаю недоверчивые глаза всех этих честных и хороших людей, их недоверие тяжелее мне во сто крат недоверия Брыкиных. Я буду бороться за себя до последнего минуты, не за настоящую себя — а за будущую.

Поверит ли мне рабочий класс или нет?!

Если не поверит? Если партком союза убедит их больше, чем я? Обращусь к высшим инстанциям. Если не поверят и там — значит, я не права во всем, и мне останется только понять и смириться.

20.V.

Я никогда в жизни не была такой страшной и старой, как сейчас. И физически чувствую себя отчаянно — слабость какая-то, доходящая до одурения. Иногда думается — вот сейчас, здесь, на улице лягу и уже не встану больше.

Мне надо понять, что многое я заслужила.

Но не в такой же чудовищной мере!

Буду ждать решений «Электросилы», и, в случае неблагоприятном, передам письмо прямо Жданову.

Терпение и выдержка! И — работать из последних сил над «Электросилой».

Мучусь за Кольку. Эта история повлияла на него страшно — заговаривается на тему о моем... аресте!..

Господи! Только бы не было с ним длинной падучей — тогда все погибло.

21/V-37.

Не заняться ли мне любимым занятием — писанием документов по поводу Авербаха?

Муська что-то вчера матери по телефону говорила, что в Москве пишут коллективный протест по поводу статьи Г. Мирошниченко о Юрии (подлой статьи!), и советовала писать в Москву. Завтра придет от нее письмо с разъяснениями.

Ужасная, убийственная слабость. Какая-то белая муть в голове.

А «История»? Просто не знаю, на что кинуться.

Однако напишу документ — пригодится.

23/V.

Просто невозможно жить с такой слабостью и головокружением, — убийственно плохо.

Вчера опять выступала по поводу Авербаха на собрании авторов «Истории Заводов». Не знаю даже, хорошо или нет говорила.

Что я могу сказать кроме того, что я жестоко, тяжело ошибалась и что постараюсь не повторить этого больше?!

«Все эти следы его жизни как будто охватили его и говорили ему: “Нет, ты не уйдешь от нас, и не будешь другим, а будешь такой же, как был: с сомнениями, с вечным недовольством собой, напрасными попытками исправления и падениями, и вечным ожиданием счастья, которое не далось и невозможно тебе”» (Анна Каренина)

Господи, точно про меня... Точь-в-точь про меня. «И вечным ожиданием счастья, которое не далось и невозможно тебе».

А потом — смерть, и вот вся жизнь. Так так ли уж существенны сегодняшние огорчения? А может быть, я зарылась в самодовольстве и все, решительно все — заслужила? И исключение из Союза, и исключение из партии?

Разве не знаю я давно сама, что я мелкий, самодовольный, хвастливый человечешко, больше всего ценящий (ценивший) свой бабий успех, в каких бы формах он ни выражался?!

Но разве уже больше года, после смерти Ирины, я не пытаюсь жить иначе?

Жизнь идет нескладная, раздерганная, и никто как следует не помогает ей. И все — чужды, если говорить о т. н. «творческой среде». Разве теперь, даже если останусь в партии, я поверю Тихонову, Фроману, десяткам других?! Всем, кто хвалил мои стихи, рассказы, меня и у кого ни одного человеческого слова не нашлось в мою защиту? Неужели все-таки я оказалась хуже и недостойнее всех?! «Но это говорили его вещи, другой же голос в душе говорил, что не надо покоряться прошедшему и что с собой сделать все возможно»...

27/V.

О-о, как мне надоело править свои стенограммы об Авербаховщине, ошибках своих и т. д. Какая это все-таки не настоящая жизнь. А настоящая жизнь не сможет быть полноценной, пока не разъяснится с этой, не настоящей. Во сне и наяву — пока только это.

Минутами уже охватывает равнодушие, как перед несправедливой, но неизбежной гибелью. Мысли идут по какому-то безвыходному, душному кругу.

Дважды два четыре, но ведь я-то посередине. Ведь я-то человек, я хочу жить и приносить пользу, хочу работать, хочу не бесплодно, а как-то осмысленно, удовлетворенно использовать кургузый отрезок времени, данный мне на существование, дыхание, движение.

Послала обжалование в ЦСП, и копию с письмом хочу направить в Ц<ентральный>О<рган>. Все равно, хуже не будет. Хуже может быть одно — исключение из партии. А если Ц<ентральный>О<рган>, вместо помощи, долбанет так, что будет не встать? Но за что же? Разве я не расписываюсь в своих ошибках, разве не говорю о них полным голосом?

Нет, должны же мне дать возможность доказать, что я способна на лучшее.

Да и по совести говоря, ведь объективный вред этих самых моих ошибок — разве он так уж велик? Сколько тут раздутого, ск<олько> фистулы.

Только бы остаться в партии, и я плевала на все. Я вытравлю все, и будет хорошая «Застава», и ее будут читать и плакать.

Терпение и спокойствие — не равнодушие, а спокойствие.

Ну, если даже не будет партии — останется жизнь. Кажется кошунственным говорить это. Вот здесь и начинается круг. Я не могу себя подготовить — ни логически, ни корыстно, ни, тем более, существом своим — к такому решению.

От всей этой истории я ощущаю какую-то крайнюю «несвободу» своей жизни. И что же, партия — это тоже «несвобода». Но мне нет ничего дороже и любимей этой «несвободы». Одно дело, если я и не вступала в нее.

Но пусть налагает самые тяжкие условия для жизни, для характера — я не хочу отходить от нее...

28/V-37.

Завтра решается мой вопрос на «Электросиле», на пленуме парткома.

Поверят ли мне большевики-электросиловцы? Сумею ли я выступить так, чтобы переубедить наших парткомовцев? Сколько их будет и кто? Будут, конечно, настаивать на исключении.

Я думала, что дело будет несколько отсрочено, но ладно. Успеют ли члены нашего парткома [переговорить] прочитать мои материалы? О, господи.

Мне надо понять, что если это и будет неблагоприятно, то есть еще [горком], райком, где понимающий Петя Смородин.

Спокойнее. Я заслужила наказание, конечно, но исключение — нет. С этим сознанием и надо мне завтра быть на парткоме, и выступать. Правда в Советском Союзе есть. Зря немного поторопилась с отсылкой письма Лежневу, но и это ничего. А если — оправдают! Оставят?

29/V.

Совершенно ничего не чувствую от волнения.

О, как боюсь за Степку! Что если расплатой за все это будет еще его уродство или психоз какой-нибудь.

Все равно, все равно, надо жить... Еще немного, еще немного и будет то или другое.

Цветков ездил в Союз. Воображаю, что ему наговорили. Будет «член партии и два коммуниста». Кто?

Надо понять, что даже партком — еще не все. Новых материалов у «наших» нет и не может быть. Все сказано мною. Разве что наплел Добин? Но что мог он сказать? Три часа, мне ехать к пяти.

У меня состояние умирания, все отодвинулось куда-то далеко, жизни нет.

Ничего, еще, еще немного.

В конце концов, люди же на парткоме...

3/VI-37.

29/V партком на «Электросиле» исключил меня из партии.

Я ни о чем не думаю, и не говорю, и не вижу ничего иного во сне, кроме этого. Живу как в бреду и иногда равнодушно думаю — надолго ли хватит меня? Идя недавно по улице, вспомнила вдруг сердцем, как Ирина, умирая, кричала: «Мамочка, умоляю Христом богом, дай камфоры», и все стало все равно.

Вот и сейчас как-то все равно, но умереть не хватит силы, а если жить, то надо бороться до конца — «идти по всем инстанциям».

Невозможно изложить ту кучу грязи, которую вывалили на меня на парткоме Брыкин, Капица, Решетов, — и электросиловцы поверили им.

Я — карьеристка, развратница, двурушница и т. д. Нет, и тысячу раз нет!

Смешно даже — о карьере. Я нигде никогда не давала ходу своему честолюбию и тщеславию, все время смиряя его даже в себе, а практически-то уж совсем никак.

Я многое заслужила из недоверия рабочих. Но не за «двурушничество», не за «разврат», не за «карьеру».

Я несерьезно относилась к жизни, я недодумывала многого — и вот она жестоко отплачивает мне за это.

Но я не могу быть исключенной из партии по тем формулировкам, которые мне приписывают — они не имеют оснований.

Да, мои отношения с Авербахом заслуживают кары, но какое это имеет отношение к авербаховщине? Никакого.

Мои ошибки в «Лит<ературном> Лен<инграде>» по существу очень малозначительны.

Смирягин, хоть и исходил из клеветнических выступлений парткомовцев — почти убедил меня в том, что я не могу состоять в авангарде.

Да, во мне много пережиточного, много гнилого. Но я изживу это — такие уроки даром не проходят.

О, да, я ничего связно не могу писать — настолько я перегружена всем этим.

Надо написать письмо Смородину — почти нет сил.

Иногда мне кажется, будь формулировки менее ужасны, я согласилась бы со своим исключением; но это малодушие. Надо идти до конца. Ведь поверят же мне где-нибудь, ведь взглянут же где-нибудь на дело трезво, а не в порядке «необходимости реагировать»?

Подлые людишки в С<оюзе> П<исателей>, подлые их душонки!

Я не в «обиде» ни на советскую власть, ни на партию, но людям я многого не прощу.

Колька К<ани>н говорит правильно: нервы и время. Наверное, надо прибавить и равнодушие. Но это было бы совсем плохо.

Но в конце концов, не все ли равно, как дожить! Мир от меня сейчас на страшном расстоянии. Я знаю, что он есть, и знаю, что люблю его. Но я только знаю это, а не чувствую. Нет, так нельзя. Надо бороться. Ужасно особенно то, что происходит с Ленькой Анком. Ужасно, как сволочь, сволочь вроде Алдана и Решетова, пользуются всем этим, и что они — неуязвимы!

7/VI-37.

Я вся в ничтожестве своем, как в парше. Перечитываю старые дневники, письма, — о, как хочется мне многое, почти все уничтожить! Я живу как перед отъездом, когда не осталось больше времени. Если отъезд совершится — в новую жизнь, в новую совсем, то буду я в партии или нет, буду писать или нет, сегодняшние дни все-таки будут оправданы — для меня, т. е. для одной человеческой жизни. М<ожет> б<ыть>, только она одна вообще и существует, как нечто неизменное во времени, реально и важное.

Эти дни будут оправданы тем, что я стану иной для себя и постараюсь совершить свое дело для других — написать книгу о жизни, о том, что жить необходимо и все-таки хорошо.

Мне 27 лет. Я жила, думала, у меня были дети, я любила, сближалась с другими людьми, работала, я казалась себе и нужной, и хорошей. Какой ужасный итог на сегодня и что остается от всех этих дел, встреч, жизни?

Нет детей. Они умерли. Это непоправимо до смерти моей. Я сама во многом виновата, что не сумела сберечь их. Я виновата здесь почти во всем.

Иринина смерть съедает меня, как никому неизвестная, тайная болезнь. Она неотступно со мною. Эта потеря никуда не уйдет от меня..

Люди, отношения с которыми так мучили, и радовали и волновали меня — от Корнилова до Германа. Что осталось от них? Ощущение собственного ничтожества, пакости, глупости — и только. Даже то, что я была всегда искренняя — никак не компенсирует чувства ничтожества. Наоборот. Сколько растрчено чувства, энергии, дум — на то, что не стоило и десятой доли; а сколько за это же время утрачивалось ценного? И эти отношения — лишь цепь утрат.

Работа. Я работала всегда честно, мечтая принести пользу партии, людям, но что осталось на сегодняшний день от всей моей работы, что из нее по чести я могу положить на свой партийный билет, чтоб удержать его? Почти ничего. Да, почти ничего. Кроме искренних и преданных своих намерений, кроме еще никак не реализованной преданности своей нашему трудному делу. И разве мало в самый мой труд влеталось мелочного тщеславия, гадкого честолюбия? Много.

Т<аким> о<бразом>, дело не в моих «ошибках» в «Лит<ературном> Ленинграде», а дело в том, что до сих пор я не сделала ничего особо серьезного и нужного.

— Я не успела, — хочется мне ответить самой себе,
 — О, я не успела еще! Дайте мне время — я успею.
 Но факт остается фактом.

Я нередко горько и обидно писала о себе на страницах своих жалких, самодовольных дневников. Почти всегда я все же думаю, что я все-таки — стоящий человек.

Сейчас у меня нет этого подспудного и утешительного сознания. Это очень страшно. Нет, я нестоящий человек, нестоящий коммунист. Я не так жила, не так. Я была ничтожна со всеми своими романтическими историями, разглагольствованиями, стремлением быть хорошенькой, удовольствием от того, что мной «увлекаются», меня хвалят, мне льстят.

Исключительное ничтожество и пустота. Мне не отделаться от этого — еще будет долго.

А как я вела себя с Колькой? Каким насилиям подвергала его самолюбие, гордость, любовь? Мне казалось, что раз я люблю его на всю жизнь, то кое-что дозволено, — я утешала себя так, когда мне скребло совесть (часто) — но ведь это — же не что иное, как жалкий самообман.

А из всей прошлой жизни остается только Коля. Он остается со мной, не потому, что я хорошая, а потому, что он — прекрасный. А может быть, остается потому, что ему все равно как дожить. Ясно, что он не любит меня так, как пять лет назад. Мое ничтожество явно ему, не меньше, чем мне, и вероятно, стало явно еще раньше.

Страшно признаться, но мне кажется теперь подолгу, что я не имею права быть в партии. И то, что в партии состоят люди и хуже меня — не значит ничего. Дело идет именно обо мне.

Два мотива побуждают меня бороться за себя в партии.

То, что я надеюсь стать иной, оставив в себе то небольшое хорошее, что было и есть во мне; то, что труд мой будет теперь совсем уже честен и чист, и что после такой встряски я смогу работать по-иному, и сделаю нужное дело.

И второе — это уже не столько существо дела, сколько вся его внешняя сторона. То, что «разоблачение авербаховщины» в Ленинграде — в значительной мере носит характер какой-то инсценировки, и я во всем этом — почти на 100% — случайное лицо.

Мотивы, по которым Брыкин и компания стремятся «изъять» меня — не существенны. Действительные интересы партии и литературы не выигрывают ни на йоту от моего исключения. Изъятие

Киршона — полезно и нужно по существу. Изъятие меня — бесполезно, конъюнктурно, нелепо. Поэтому я должна остаться в Союзе и партии. Но это второстепенный мотив.

Главное же то, что я изменю все свою жизнь и стану достойной коммунисткой. Главное в будущем, в возрождении, в реальном труде... Во имя этой будущей жизни, всей жизни одного человека я и буду бороться; я верну себе не только уважение Кольки, товарищей, но и свое собственное...

9/VI-37

В душе и в мире есть пробелы
Как бы от промытых кислот...¹

10/VI-37.

На фоне того, что происходит кругом, — мое исключение, моя поломанная жизнь — только мелочь и закономерность. Как когда падает огромная глыба — одна песчиная, увлеченная ею, — незаметна. Как взывать о доверии, когда у людей наступает недоверие черт знает к кому и чему?

Самоубийство Гармарника... 150 физиков и геологов, арестованных в эту зиму... Теперь — вот суд над военными во главе с Тухачевским (еще не читала). Слухи об аресте Постышева и Манульского — это, пожалуй, вздор... Тот же Ягода... Господи, что же это?!

Да, травить и выкуривать изо всех нор, и если во время этого нужного выкуривания задела, «выкурили» меня — что ж... закономерно; но сопротивляться нужно, конечно... Чудовищно — ни за что, собственно, оказаться в одном ряду с врагами.

Народишко знакомый подрастерялся от обилия измен и т. п., не могу сказать, чтоб я не испытывала недоумения, по меньшей мере. Как, вся военная головка? Хорошо, окружение. Но ведь, кроме того, люди сами что-то думают. Не родились же они изменниками. Работали же во славу страны...

Ну, и что ж? А потом — свернулись.
Необыкновенно трудно.

¹ Двустяшие выделено лигатурой.

Зато слова: цветок, ребенок, зверь
Приходят на уста все чаще...

12/VI-37.

Горек миндаль,
и скучен базар,
И жить начинать — поздно...

Но если б можно было еще раз, набело прожить, скажем, с <19>31 года. Прожить, ничего не забыв из сегодняшнего опыта.

Я перечитывала старые письма — свои и Колины, от <19>31–32 г. Да ведь я попросту, зачастую, почти всегда — была просто глупа. Глупа и самодовольна! И люди могли увлекаться мною, могли всерьез говорить со мной, а Колька — так любить, как сейчас он, наверное, уже не любит.

Дни бездействия, тяжелых раздумий, опустошенности. Мне кажется, что мне уже никогда не вернуться к непосредственному, радостному восприятию мира — все как будто затянута какой-то мутной пленкой.

Иногда мне, чуть не до психоза, да уж не психоз ли, кажется, что меня не стало — вот когда-то недавно не стало, и сейчас — это так, уж не жизнь...

Да, где-то жизнь приостановилась, на чем-то споткнулась, приостановилось даже и развитие.

А как во многом, во многом была я «Душечкой». Самостоятельные мысли всегда были, но кажется, только сейчас начинаю я думать самостоятельно. Ну и что ж? И все равно — смерть.

Мысль о ее неизбежности с новой силой одолевает меня. Очень бессмысленно устроена жизнь.

Однако что-то надо делать.

Попробую писать «Историю» — давно любимую главу, попробую написать ее хорошо, с новым сердцем. Собственно, не писала «Историю» больше года. Да и выпустят ли сейчас книгу? Все равно, надо кончить этот труд.

Буду писать рассказы, о которых давно думаю. Ведь, ну, через год, через два, дадут же мне печататься? Будет, что печатать. Начну

«Заставу», которую надо писать сердцем. Буду писать стихи. Да, пока что меня выбросили, за что же, все-таки, господи... Но если я настоящий художник — я вырасту снова, снова завоюю читателя.

Я — все о себе и о себе. Плохо...

13/VI-37.

Все-таки история с моей «авербаховщиной» — позорная и недостойная инсценировка, и я пренебрегла бы ею, если б дело не касалось партии.

Сейчас опять начнутся дни моих выступлений, рассказов, мучений.

Звонил мне из комитета КСМ завода Павлов, этакий белобрысый, курносый парнишка, сказал: «Вам надлежит явиться в комитет». Это «надлежит явиться» как-то грустно умилило меня... Чудаки! Наверное, исключать будут. Апеллировать к Файнбергу или нет? Я уж стара для комсомола, но не хотелось бы мне покидать его таким образом.

Обл<астная> конференция кончилась — значит, скоро общее собрание завода, потом райком. Хватило бы силы выступить убедительно и искренне, искренне не по-Брыкински, а по-своему, чтоб поверили, чтоб пощадили, что ли...

— Меня не надо вешать, — говорил финн «Семи повешенных»...
Меня не надо вешать!

Самочувствие — убийственное. Степа почему-то почти не шевелится, а если шевелится — то с болью, и кажется, уже низко очень стоит. А если он будет больной, уродик, псих?! Много думаю о жизни вообще. Не самое ли важное — одна человеческая жизнь? Но трудно выразить. Много читаю: Чехова, Толстого, Бальзака. Их герои жили, страдали, мучились, и жизнь каждого кончалась смертью, и у самих создателей был один конец — смерть. И как бы человек ни жил, что бы с ним ни случилось — все равно смерть. Я умру. Коля, Коля! умрет. Ириши больше никогда не будет, она уже умерла... Умерла! Боже мой! Страшно. Страшно...

Для завершения некоторых сюжетов, которые можно проследить по моим дневникам (если все же не уничтожу многого, позорного, чего страшно хочется), — надо записать следующее.

Я просила Виктора вернуть мои письма. Я давно прошу это его; после моего «разоблачения» попросила еще раз, думая, что теперь-то отдаст.

И вдруг он подал об этом заявление в партком союза!

Об этом говорил на парткоме «Электросилы» П. Капица, прибавив: «Письма эти, конечно, у нас в руках будут».

О, как подло, как подло.

А я-то так мучительно переживала отношения с Витькой, чуть не сломала семью с Николаем из-за него, плакала и любила... Да и он — разве не был искренен?

Нет, воистину никому верить нельзя, никем нельзя «обольщаться», никому нельзя безоглядно радоваться и раскрывать сердца...

Может быть, права Соня, насчет «праздничной» стороны в людях?

Я не только глупа и самодовольна была, во мне это зиждилось на каком-то глубочайшем инфантилизме душевном, инфантилизме, родственном кретинизму...

Гнать, гнать и смеяться над собою, беспощадно смеяться.

Я все — точно сплю. Проснуться бы однажды, почувствовать, что предварительная подготовка закончена, что теперь можно только жить.

15/VI-37.

О, исторгни ржавую душу!

Нет, я не уничтожу ничего из прошлых писем и дневников. Пусть они будут мне уроком... Разбираю старые Колины письма, из армии, и разные.

О, как он любил меня! Это меня-то! Как я смела не беречь и не лелеять этого богатства?! Что сделать, чтоб завоевать его вновь, мне кажется, что он теперь не любит меня, и эта последняя, позорная моя история, где я вся проявилась, как в парше, все выступило, что было плохого.

Родной моя Коля, единственный мой, единая моя опора и реальность в смертной жизни... О, если б еще Ирочку вернуть... Мне все равно без нее будет в жизни какая-то вечная, бездонная пустота в душе, как пробоина. Но я — что... Она жить хотела!..

Ужасно боюсь потерять Колю. Иногда проснусь — и кажется, что он умер. Бужу — нет, жив.. А эти припадки его, когда заговаривается! Так сердце и перевернется...

Лишь к твоей золотой свирели
В черный день устами припаду...

25/VI-37.

Сегодня мое дело разбирается на общем собрании «Электросилы».

Спокойнее, спокойнее... Но, господи, выступать с такой штучкой перед людьми, которые меня уважали до сих пор... О, тяжело все-таки.. Никаких иллюзий. Могут утвердить решение парткома. Мужаться и говорить спокойнее.

Отравлен свет и воздух выпит.
Как трудно раны врачевать!
Иосиф, проданный в Египет,
Не мог сильнее тосковать.

Вечер.

О, если б в этот миг
желанного покоя
Закрыть глаза, вдохнуть и умереть.

Общее собрание утвердило решение парткома. Меня пугает и мучит главным образом одно основное явление: почему люди, относящиеся ко мне хорошо, по всем признакам даже любившие меня, — не нашли возможность выступить хоть с одним хорошим словом обо мне? Хотя бы те, кто за 5 минут до собрания говорили со мной тепло и сочувственно?

Или я — никем не любимый отщепенец, и мнение о том, что на «Электросиле» хорошо относятся ко мне — очередная, разбитая теперь уже иллюзия?

Или — что не менее, а более страшно — народ настолько напуган, что боится выступить с защитой скомпрометированного «связью с врагами народа»? Это ужасно, тем более что очень похоже на правду. Ведь Амельченко, например (а он не один), голосовавший за исключение, считает, что я должна «идти до ЦК» и что я добьюсь восстановления. Он говорил мне это за 5 минут до того, как начала выступать я. Что это? Перестраховка, непонимание, страх?

27/VI-37.

Не знаю, что делать, а жизнь уходит. Написать письмо Фадееву? Обо всем, откровенно, как Человеку? Ведь все-таки это пакость — исключение меня из Союза, вопиющая пакость.

Ждать «под зонтиком», как советуют Добин и др.? Но это кажется мне цинизмом, хотя практически — это наиболее верно, я знаю. Я не могу примириться с одним — с исключением меня из партии.

Но что же, все-таки, значит, что не было ни одного громкого голоса в мою защиту? Это бьет меня всего тяжелее.

Надо, конечно, начать сначала — все: свою творческую биографию, завоевания читателя. Это не очень страшит меня: мысли о славе — все невесомей и невесомей.

Есть еще мысли о том, чтобы «показать этим сволочам из Союза», унижить их, возвыситься перед ними, но это мысли, я знаю, мелкие и недостойные, а главное — не настоящие для себя. Я знаю сейчас о жизни очень многое, и такое (пока невыразимое, несформулированное словами), перед чем отступают эти мысли. И не буду торопиться формулировать. Бренность же многих ценимых мною ранее вещей (хоть и с иронией и здравомыслием) становится для меня все-го очевидней.

Нет, не стоит жалеть о том, что в Доме Писателей не будут говорить мне комплиментов по поводу моей красоты и таланта, целовать ручки и называть Оленькой. Мне даже вспоминать об этом стыдно. И что перед этим факт, что никто не защитил меня на «Электросиле»?

Да, надо начинать все сначала, сначала завоевывать и подбирать вокруг себя людей. Это же возможно, никуда не уйдет от меня моя любовь к родине, к партии, а если и в этой любви появилась горечь и трезвость, то тем больше шансов в ее непоколебимости. Только Ирину никто и ничто не вернет мне. Идет лето. В <19>35 г. она жила на Сиверской. О, как я помню ее, когда она бежала мне навстречу, боясь быстро бежать и все-таки не в силах остановиться, бежала вприпрыжку с радостным, озабоченным круглым лицом, в матросочке. Когда она махала мне из окна или с балкона, когда я уезжала. Слышу ее голосок, вижу кривящиеся в быстром разговоре губы. А я так мало бывала с нею, хотя сердцем всегда с нею была. А я была черства и занята мыслями об Юре Германе, о Викторе — случайных, чужих мужчинах; не могу сейчас понять, как я могла столько душевных сил отдавать

им! Сердце совершенно не помнит этой любви (если можно назвать это любовью) — только память ума. «Да были ли мальчишки-то?» Мальчишек не было. А любовь к Ирине живет и мучится. Девочки мои, пенцы мои. Майка и Ирочка — всю жизнь своей виновата перед вами...

Иногда охватывает ужас перед родами, перед появлением нового человека как перед окончательным прощанием дочерей. Все время, к тому же, какая-то странная, почти покорная уверенность в том, что и на этот раз будет что-то неблагополучное. И страшнее всего, как это может отозваться на Коле. Когда он заговаривается, хочется кричать от жалости к нему, и страха за него, и разверзается бездна. Ничего, ничего, какова бы ни была жизнь — я все равно не найду в себе силы оборвать ее...

Счастливой же она, вероятно, не будет. Слишком многое, в личном плане, обесценилось. Повторяю, это хорошо и ничего не жаль. М<ожет> б<ыть>, будут другие, более высокие радости, м<ожет> б<ыть>, их тоже не будет. Очень хочется, мучительно хочется в лес, или к морю, или в горы, к природе. Как я далека от нее...

Очень много читаю, в поисках того же разрешения основного вопроса о жизни. И все очень резонирует во мне: все, что читаю, воспринимаю не как книги, а как жизнь, часто — как написанное обо мне. Четвертая книга «Клима Самгина», Бунин, Станиславский, Толстой, Чехов, Стендаль...

Нет, я все-таки не Самгин, хотя самгинские опасности есть и во мне — это по линии самовлюбленности, самовозвышения над людьми. И сквозь Самгина просеиваешь себя, как сквозь сито...

Очень хорош Бунин.

Не пойму, кого с тоской люблю я,
Кто мне дорог? И не все ль равно?
Счастья жду я, мучась и тоскуя,
Но не верю в счастье уж давно...

А м<ожет> б<ыть>, оно придет само, незаметно, в награду за ту новую жизнь, которую я сумею создать? Только нужно создавать ее естественно, и не создавать, напряженно осознавая и теоретизируя, а просто жить, органически ею жить...

Но к тому же, разве мой Колька — уже не счастье?.. Только бы не полюбил он никого...

И упиваясь красотой,
Лишь в ней дыша полней и шире,
Я знаю — все живое в мире
Живет в одной любви со мной...

«Знаю!» Но если б и чувствовать это! Потому что чувство это —
и есть жизнь.

И снова день меня разбудит,
И снова — чем бы ни был я —
Я буду жить и сладко плакать,
И славить радость бытия...

Ах, хорошо! И правильно. Да, да «и сладко плакать, и славить
радость бытия»... Да, еще будет долгая жизнь, но, господи, как обид-
но, как горько и терпко порой, и жаль себя, и точно прощаешься на-
всегда — не только с умершим в тебе — но с чем-то лучшим и свет-
лым, которого уже не будет... Молодость, Ирина, партия...

И счастлив я печальною судьбой,
И есть отрада сладкая в сознанье,
Что я один в безмолвном созерцанье,
Что я всем чужд, и говорю — с Тобой.

28/VI-37.

Н. Свирина — арестовали.

Ю. Либединского исключили из партии.

Обо мне в газетах пишут — очевидно, говорили так на оче-
редном собрании союза, что я (и Левка Л<евин>): «упорно не хотели
сдавать позиций» и «беспардонно двурушничая, проводили на прак-
тике враждебную авербаховскую линию, направленную к задержке
развития советской литературы».

По отношению к Левке и в особенности ко мне — это просто
бред, почти комичный. Я — пыталась задержать развитие сов<етской>
литературы! Я беспардонно двурушничала! Да если б я двурушничала,
то была бы сейчас в целостности и сохранности!

Господи, ну что же это такое? Если так пишут, то где у меня гарантии, что и о другом не такая же ложь и идиотское преувеличение, клевета?

Мне страшно уже не за себя. Мне страшно за то, что, например, версиям о моем «вредительстве» и «двурушничестве» в союзе беспартийные не верят, а только делают вид, что верят, а это-то и есть культивация самого тонкого двурушничества и подрыв авторитета партии — не внешний, а более опасный.

Свирин пять месяцев тому назад был назначен Обкомом в Союз. Об этом все знают. Сейчас говорится, что он «пробрался к руководству и подрывал работу Союза». Между тем по действиям Свирина в Союзе — этого установить никак нельзя. Арестован он, очевидно, за другие дела. Зачем же обязательно пытаться изобразить его вредителем в Союзе — ведь этому не верят, а потому утверждения такие компрометируют серьезность происходящего!

Идиотизмом было бы утверждать, что разоблачение врагов народа в литературе — не важное дело или что его не происходит в действительности. Нет, оно происходит, и слава богу, даже если я страдаю. Но, боже, волосы становятся дыбом, когда только представишь себе, какой вакханалией лжи, лицемерия, трусости, политической халтуры, пр<очей> мерзости — сопровождается это дело в Союзе т. н. «инженеров душ».

При всей боли, я не могу осуждать завод или злиться на него. Перед людьми было дело, созданное Союзом, и были достаточно убедительные для незнакомых со спецификой людей — факты. Но Союз, но писатели!

Я так начинаю думать теперь, приучая себя к мысли об утрате партии: у меня единственная возможность и единственный исход: жить и работать по-большевистски, продолжая считать себя коммунистом.

А отсюда — не снижать, а повышать к себе требования как к коммунисту. Да, и считать себя коммунистом! Только так я смогу, м<ожет> б<ыть>, вернуть к себе доверие людей, доверие партии, если не формальное восстановление...

А раз я так буду чувствовать, жить и поступать, то значит, нет неисправимой катастрофы, тем более, если через год — два мне можно будет снова печататься...

И пройдет сегодняшняя горячая боль, и «самые лютые человеческие страдания — страдания гордости»...

Но если приговор судьбы
 В боях пошлет мне смерть навстречу,
 На грозный зов ее трубы
 Я именем твоим отвечу...
 Паду на щит, чтоб вензель твой
 Врагам не выдать, умирая,
 И побежден одной судьбой
 Умру, Тебя благословляя...

Да, если не любить Родину, со всем «битьем», которое она мне расточает, если не работать на наше дело, со всей трезвостью учитывающая ее конкретную практику, то нельзя жить...

1/VII-37.

Ну, а тем временем я совершенно отбилась от работы. Даже как будто нарочно отдаляю ее от себя. Пишу кое-что для «Заставы», кропаю стишки, но это еще не работа.

Мучительное состояние — за что, собственно, взяться? Как-то нет задания. Писать «Историю», когда совершенно неизвестно, выйдет она или нет; а собственно творческого желания нет. Хочу приняться за «Заставу» — и боюсь: а не разучилась ли писать? Может быть, сначала сделать маленький рассказ, пару — другую. «Старость», «Обман», чтоб «разогреть машину», а потом «Заставу», а «Историю» пока отставить? Но она тяготит над душой — надо написать хоть до НЭПа. Ну, и начать писать, КАК ХОЧЕТСЯ, КАК СОВСЕМ для себя, забыв об обязательном «отображении» всех необходимостей... Надо начать с завтрашнего дня хотя бы. Ведь столько свободного времени, как сейчас, у меня не будет...

Колька пошел на вечер к себе в Институт, в новом костюме, такой красивый. А меня грызет, боюсь, чтоб не стал там целоваться с Лялей Чаквиани, а то и хуже. И очень это может быть. Наверное, он все-таки немного влюблен в нее, да, да, наверняка. А я все со скорбями своими, с ничтожеством, «столько раз нравившаяся», да еще пострашневшая сейчас... Плохо...

Как, все-таки, наладить жизнь?

Эх, опустилась я, глубоко опустилась душевно, размякла как-то...

Работать — вот главное! Но опять-таки — что? «Историю»? Рассказы? «Заставу»? Или все вместе сразу, чтоб тащило друг друга. Нет, не выйдет так. Ну, начать надо!

8–21/VII-37.

Здесь — была в больнице. Листки карандашом¹

11/VII 37²

Как кричат ребятки. Вот их принесли кормить матерям. А у меня забинтована грудь, чтоб скорее перегорело молоко³.

О, Ирка, Ирка, дочка моя, ведь ты была у меня, ты была такая ласковая и хорошая, как никто не будет из этих детей.

Помню, как я и Муська были в Детском (вот только в каком году это было) — и уезжали, а Ирка стояла на одной ножке, маленькая такая, беленькая, круглоголовая девчушка, у огромного дворца, личико ее было немного растерянно... А я приезжала с Муськой, как всегда, куда-то торопилась, была зла на мать. И, наверное, холодна с Иркой. Мы садились с Муськой на автобус, а она стояла у огромного дворца, маленькая на одной ножке, и, увидев нас, замахала ручкой, завертела круглой головой. И что-то шевельнулось у меня в сердце, что-то особое, что бывало только к Ирке — раскаяние, чувство вины и глубокой любви и жалости к ней. В каком же году было это? В <19>33? Только он не забыл ее лица...

Ее нет. Только это непоправимо и страшно, а остальное, даже то, что было 4–7/VII, — не важно, условно перед этим.

О, как мне трудно «разойтись» по утрам! Какое недовольство жизнью, какая неприязнь к людям, как ноют обиды, и брызжет желчь...

Отчего это? Старость? Глисты и недосып? Надо сначала проверить кал на глисты, а потом делать вывод относительно себя и бытия...

¹ Предложение взято в квадратные скобки. Упомянутые «листки карандашом» утрачены.

² Запись сделана на отдельных тетрадных листах.

³ Подчеркнуто зеленым карандашом.

О, господи, сколько еще неприятностей могут ожидать меня, если уже не ожидают: не восстановят в партии, плохо пройдут экзамены, расхворается Николай, не дадут путевки в Коктебель, запрет с деньгами, разозлится на меня Г. и т. д. и т. д.

Вероятнее всего, что это все так и будет.

Тревога, предчувствие горя редко обманывали меня. Или я все это уже сочиняю по инерции, из-за любви к собственному горю — до-стоевщина этакая...

Но с какой неприязнью думаю я о целом ряде людей... Почему так тянут с решением? Уж скорее бы...

23/VII-37.

Так значит — вся молодость басней

Была — и помочь не придут,

И день революции сгаснет

В неясном рассветном бреду?

Так значит — вся молодость басней

Была — и помочь не придут?!

Райком сегодня утвердил мое исключение.

1937 год. Ольга Берггольц «Знатные люди» Берггольц¹

Была ты всех ярче, милей и прелестней,—

Не кляни — же меня, не кляни!

Мой поезд летит, как цыганская песня,

Как те невозвратные дни...

Что было любимо — все мимо, мимо.

Впереди — неизвестность пути...

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц на обложке дневниковой тетради.

Благословенно, неизгладимо,
Невозвратно... прости!

Умри — и стань!

Геге.

Post tenebras — spero lucem¹.

...И счастлив я печальной судьбой,
И есть отрада горькая в сознание,
Что я один в безмолвном созерцании,
Что всем я чужд, и говорю — с Тобой!²

21/VIII

Жгучая анисовая водка. Как давно я хотела напиться. Вот напилась.

— Что жизнь? Ручей Зем-зем. Блеснул на солнце
И в трещине пропал...

«Заставу», иногда, надо будет писать под водку.

Надо пережить то, что буду писать. О, как это будет трудно — за нескольких людей пережить их жизнь. Что жизнь? Ручей Зем-зем. Блеснул на солнце...

В моче какие-то оксолаты и лейкоциты. Пишу Угарову. Точно кишку из себя тяну. Если бы ему — о жизни. О том, что ведь двух дочерей потеряли, плакать и биться о землю должна, а с меня еще спрашивают за какого-то Авербаха! Стыдно вам, стыдно, люди! Л. Толстой правее всех. «Жизнь, между тем, настоящая жизнь людей...»

21/VIII-37.

Исчезли даже те слабые сигналы, о которых предполагали, что это с «Н-209». Это — как пульс у умирающего. Страшно. К месту траге-

¹ Со слов «Была ты всех ярче» до слов «spero lucem» записи рукой О.Ф. Берггольц на форзаце дневниковой тетради.

² Со слов «...И счастлив я» до слов «с Тобой!» записи рукой О.Ф. Берггольц на обороте форзаца дневниковой тетради.

дии стягиваются корабли и самолеты. Страшно, страшно, и обидно до боли... Ох, если б они оказались живы — черт с нею, с помпой, и неудобством провала.

...Разберу свой стол, приготовлю бумаги и начну-ка писать «Заставу»! Уже пора, зачем откладывать. Попутно буду писать стихи и маленькие рассказы — «Обман», «Завтрак» — о щуцбундовке, «Старики» и др. Очень боязно браться за писание — кажется, что отвыкла, разучилась, деградировала. Потребуется, очевидно, большой труд и терпение. Буду очень требовательна к себе, только бы ухо не подводило.

«Заставу» — книгу о страданиях и радостях настоящей жизни, об освобождении ее — посвящу памяти дочери моей, Ирины.

О, девочки, дочки мои, Ирочка и Майка, ведь вы были, были у меня, какие ручки у вас были, какие ласковые. Все другое — тлен. Как могла я не беречь каждую минуту с вами? Как могла я уезжать от Ирины, так любившей и всегда ждавшей меня, — к Юре Герману, к Виктору, как могли быть мысли о них, хоть временно, важнейшими для меня?

Все мои «ошибки» и «преступления» — прах и ерунда по сравнению с этой ошибкой и преступлением. Боже мой, целая цепь людей всерьез рассуждает о том, «противодействовала» или «не противодействовала» я разоблачению Горелова, а о том, что я упустила Ирину — никому нет дела. Это мне простили, а Горелова — нет. Будет, будет время, когда самыми главными будут эти вопросы, взаимная помощь людей друг другу (она уже частью есть) в этих самых насущных делах.

Я чуть не заплакала от радости и волнения, когда Коновалов рассказывал, как помогала ему погранохрана найти профессора в пограничной зоне, чтоб спасти жизнь его жены — Ирины Молчановой. Золотыми буквами надо писать об этом.

А Ирина Молчанова, жена Коновалова, умирает от заражения крови после родов. Она — первая, сильная и романтическая, платоническая любовь моего мужа. Как долго, до последних дней, ревновала я Кольку к памяти о ней, к ней самой, ревновала, уважая эту память, и потому особенно сильно. Во время длительных припадков он называл меня Ириной, когда я десятки раз умирала возле него, спасая его, — мне было больно это, и немножко сладко от этой боли.

Теперь Ирина умирает, молодая красивая, когда-то любимая самым дорогим мне человеком. Вот жизнь. О, как я хочу, чтоб она выкарабкалась из смерти, как хочу! Даже сама не понимаю, почему так сильно хочу ее жизни, но хочу искренне и всей силой.

У Мариных, верных друзей наших, видела в течение вечера Соню, когда была там с Колей. Было как-то очень не по себе, и хотелось скрыть это, хотелось, чтоб она не заметила этого, и это было основным настроением. Была мила, мило гадала Маруське, чувствуя в это время на себе ее неприязненные глаза. Злобы против нее не было. А она, поди, радуется моему «падению». Нет, мы с ней еще не сосчитались, но счетов, очевидно, не будет. Тактичность, которая, конечно, во мне есть, помешает реваншу за те мучения, которые я перенесла тогда. Сейчас Колька говорит, что он не жил с нею, а сказал это так, чтоб «обеспечить себе свободу», «припугнуть меня». Врет, наверное, а очень может быть, что и не врет.

Очень люблю его и, наученная горьким опытом, переживаю каждую минуту с ним. Это еще потому, что жду отсюда удара, жду и боюсь смертельно утраты его — сумасшедшего дома, смерти его. М~~ожет~~ б~~ыть~~, это у меня психоз и инерция несчастья, но ведь есть же предпосылки реальные к этой боязни. Как мучительно, когда он заговаривается, сразу какая-то пустота вокруг тебя разверзается. Как он много терпит из-за меня, и как верно, как по-человечески любит! Как хочу ему счастья.

6 сентября.

МЮД

За окном оркестры, много молодежи, много цветов, осенних грубых разноцветных астр.

Что это — неужели прошла моя молодость?

Почему все время не стряхнуть с себя чего-то, как липкой паутины?

Хочется рвануться в радость, в безоглядный комсомольский оптимизм, и точно что-то держит как на цепочке?

Это — погибшие дети, это — утрата партии, крах, пережитый в самой себе, перенесенные оскорбления.

...Я чувствую как-то, что мне «нельзя» радоваться, я не вправе радоваться.

Или я умом слишком погружаюсь в это и уже создала культ страданий, и мне самой начало нравиться это?

Но и непосредственно тоже...

Но нет!

Я буду еще жить полной жизнью. Я еще пройду с этой молодежью.

Я чувствую, как ни печально мне сейчас, я еще буду радоваться. Буду победителем. И я напишу много книг о молодежи и ее радости, и главную из них «Заставу». И отделаюсь от давящей все время мысли о своей и всеобщей смерти и тленности, и страха этой своей смерти.

Или умирать сейчас же, или жить хотя бы в надежде на эту радость.

Никогда, никогда не сольются
 День и ночь в одну колею.
 Никогда не умрет революция,
 Не закончив работу свою!

Надо начать работать не только со «спокойным ожесточением», но и со спокойной надеждой на жизнь...

...«Не погибли (и вероятнее всего не погибнут) те коммунисты, которые не дадут себе впасть ни в иллюзии, ни в уныние, сохраняя силу и гибкость организма для повторного начинания сначала в подходе к труднейшей задаче»

Ленин

Что же, начнем, начнем все сначала!..

7/IX-37

Неоднократно все это время утешали меня слова: «Жизнь, между тем, настоящая жизнь людей со своими существенными интересами здоровья, болезни, труда, со своими интересами мысли, науки, поэзии, музыки, любви, страстей, дружбы, ненависти — шла, как всегда, независимо и вне политической вражды или близости с Наполеоном, и вне всех возможных преобразований»... Л. Толстой.

Это очень большая правда, и в то же время я буду писать книгу, полемизируя с этим, т. к. мне кажется еще, что у нас именно настоящая жизнь возможна для преобразований...

Разбираю свои ящики, готовясь для работы.

8/IX-37.

Ну, вот и ящики разобраны, и все, кажется, готово, чтоб сесть за «Заставу», и — страшно. Точно хочется оттянуть время. Боюсь разочарований, которые начнутся немедленно, с записью первой фразы: уже не так. Но ведь и первую фразу можно же будет переделать.

И — вечная судьба Буриданова осла: опять не знаю, за что взяться. Хочется писать «Заставу» и рассказы, «Обман», о шпунбундовке, о переходе через Мамиссон, о стариках, и кажется, что они могут получиться особенные, с особенным ароматцем своим.

Что же сначала делать?

Все же возьмусь за «Заставу», а на фоне ее — все остальное буду делать.

Еще хорошо бы для детей — Дзержинского, и то, что писала для «Двух пятилеток» — отредактировать и продолжить для детей, вышло бы хорошо. Завтра начну «Заставу», страшно. Ясно, что придется много раз переделывать, и трудиться много... Но от деклараций надо переходить к делу. Звонила сегодня Кетлинской. Она говорила со мной сдержанно и даже не пригласила к себе, хотя раньше всегда звала.

Ясно, она не хочет, чтоб я бывала у нее, я скомпрометированный, исключенный из партии человек.

Мое общественное положение — скверное, и долго будет таким. Я — точно отверженная. Меня жалеют, мне соболезнуют, со мною любезны и — меня сторонятся, жалеют нехорошо, как жалкую, и, наверное, несколько презирают, как брезгают.

Мне надо усвоить, что так будет долго. Конечно, важно — кто так относится. Литературная среда, в основном трусы и лицемеры. Пусть их. Я изолировалась бы от нее и не испытывала бы ничего. Но любопытство заставляет меня самое искать сближения с этой средой, в то время, когда мне этого вовсе не хочется; испытывая сильнейшее желание иметь только «чистые», честнейшие отношения с людьми, которые целиком мне по душе, я принуждена продолжать общение с людьми, или отмершими во мне (Герман), или просто противными, вроде «пузанчика-эксгибициониста» Изьки.

<Далее обрыв текста.>

Я ловлю каждую их интонацию и слово...

«Теперь никому нельзя верить» — этот общий возглас как-то разделяется внутренне и мною и, действительно, я верю сейчас очень и очень немногим из знакомых мне людей.

Из разговоров со многими людьми — мне ясно, что недоверие друг к другу сделалось чуть ли не основным чувством сейчас.

Это понятно, но и тягостно. Это необходимо, я знаю, но это, конечно, мрачит жизнь, нечего скрывать это.

Вообще, конечно, жить трудно. Нина Виткова сказала: «Как трудно, как безрадостно жить». Конечно, это ее выражение — крайнее, но жить трудно, и несомненно, ощущение это — почти всеобщее.

Недоверие друг к другу — при социализме! — разве это сладко? А бдительность явно притащила за собой недоверие, как ни вертись. Это не значит, что «бдительность не нужна», но тяжела именно не она, а это всеобщее недоверие...

Развелось, к тому же, много «бдил», трусов и шкурников, перестраховщиков, которые усложняют и без того нелегкую обстановку. Примеры — хотя бы безобразное дело Анка, возмутительная история с Марусей Машковой, увольнение из театра Муськи, «дело» Вольки, а сколько этих историй, помимо моих знакомых?! А Маулишка?!

Трусость и перестраховка нашли наиболее яркое выражение во втором возгласе — «пообождем». Все, кого я знаю, по крайней мере, «выжидают» («когда это пройдет, тогда увидим»), боятся ответственности, боятся поручиться за людей. «Выжидает» и советует мне то же — Шабанов, выжидают о Вольке, выжидает М. Довлатова, и т. д. и т. д. Нехорошо! Нужна бы именно смелость и смелость, чтоб общественное сознание не дезорганизовывать трусостью... Или у меня очень узкий диапазон наблюдений, и в сфере не гуманитарной это не так? Увы, и там то же.

Все это очень тяжело, конечно, и больно, не за себя уже, а больно потому, что не вяжется с желанием и представлением «счастливой и свободной жизни».

А радио и печать (менее, чем радио) — злоупотребляет патетикой, превосходными степенями, и все это так однообразно подают, что просто противен этот разрыв между «истинным настроением общества и прессой». Я не берусь определять это истинное настроение касательно всесоюзного его масштаба — «паническое», «неуверенное», «растерянное» и т. д. — во всяком случае, оно — серьезное, люди о многом думают, многое переоценивают, тревожатся, недоумевают и т. д., а со стороны газет и из рупоров радио почти одна барабанщина. Конечно, нечего идти за всякими настроениями мрачно-сти и т. п. Но нельзя же так поверхностно, безудержно оптимистично

подавать нашу действительность, когда она на самом деле в сто раз серьезнее, сложнее и труднее.

Одни эти «буржуазно-нац<ионалистические> клубки» чего стоят. Ведь это очень серьезно, у них, у бур<жуазных> нац<ионалистов>, большая база в отсталости, в нац<ионал->шов<инистских> чувствах.

Конечно, и с этим справимся, и союз останется нерушим и крепок, но больно и немного страшно за родину. И для большой ревности — нет особых оснований.

Да, переживаем трудное, очень трудное время.

Его трудность для общ<ественного> сознания усугубляется еще и тем, что вот именно чересчур много трубили об успехах, победах, счастье и т. д. И Сталин ведь говорил об оборотных сторонах успехов — так нет, не слушают его...

10/IX-37.

Собственно, нужно бы обратиться к доктору, со здоровьем что-то глубоко неладно. Все время болит поясница, головокружения, слабость и вялость, очень хуюею.

Или это просто лень и распушенность, ненормальный быт — встаю поздно и ложусь поздно?

В общем, что-то нужно делать.

Вчера с трепетом начала «Заставу». Пока что все не так: сдавленный, очень высокий голос, патетика грошова, и, м<ожет> б<ыть> — неинтересно.

Ничего, с началом всегда у меня не ладится, и к тому же оно может отмереть, как цветок при созревании [труда] плода.

Надо очень упорно трудиться, вгрызаться вглубь.

14/IX-37.

Что было любимо — все мимо, мимо...

Впереди — неизвестность пути...

Благословенно, неизгладимо,

Невозвратно... прости!

Ольга Берггольц

Начало 1930-х

Ольга Берггольц

Ленинград. 1930

На обороте фотографии
запись рукой Берггольц:
«Если бы поместилось,
то я написала бы здесь
все песни, которые тебе
пела...

Ольга.

“Остаюсь, остаюсь
Без любимого дружка!
Стерлась пряжка золотая
Где держалась рука...”
Июнь.
1930 г. Университет»

Николай Молчанов

Начало 1930-х

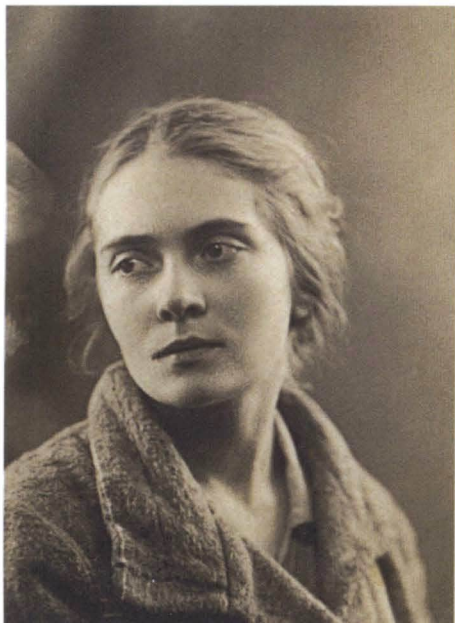
**Ольга Берггольц
и Николай Молчанов**

Начало 1930-х

[IV]

**Мария Федоровна
Берггольц**

Начало 1930-х

**Юрий Николаевич
Либединский
(четвертый справа)
на заседании РАПП**

[1930]

**Ольга Берггольц
(в четвертом
ряду, в центре)
со строителями
Гизельдонской ГЭС**

*Северная Осетия,
с. Кобань. 26 августа 1930*

Р. С. С. С. Р.
И. К. П.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

17. 10. 1937 г.

№ 9/222
г. ЛЕНИНГРАД
Университетская наб. П.
Тел. 279-35.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Выдано настоящее свидетельство гражданке **БЕРГГОЛЬЦ, ОЛЬГЕ ФЕДОРОВНЕ**, родившейся в гор. Ленинграде в 1910 году Мая месяца 16 числа в том, что, поступив в 1929 году в Ленинградский Государственный Университет она окончила в 1930 году Октября месяца 7 числа полный курс **ЛИТЕРАТУРНОГО** факультета по специальности **Журнально-газетной**, и ее были оданы экзамены по нижеподлежащим курсам и выполнены практические занятия по следующим дисциплинам:

Теоретические курсы

1. Исторический материализм	зачтено
2. Обзор современной психологии	зачтено
3. Французский язык	зачтено
4. Введение в языковедение	зачтено
5. Введение в поэтику	зачтено
6. Древне-русское художественное творчество	зачтено
7. История Бал. Европ. Лит-ры и памяти ХУ1-ХУ1 в.	зачтено
8. Метрика	зачтено
9. Английская литература	зачтено
10. История западн. литературы XIX в.	зачтено
11. Поэзия XIX в. спец. курс	зачтено
12. Древне-славянский язык	зачтено
13. Теория драмы спец. курс	зачтено
14. Библиография	зачтено
15. История России XIX и XX в. в.	зачтено
16. История русской лит-ры XIX в.	зачтено
17. Методология	зачтено
18. Организация газетного дела	зачтено
19. История России до XIX в.	зачтено
20. Литература XX в. в.	зачтено
21. Современный русский язык	зачтено
22. Русская диалектология	зачтено

Политические предметы

1. История партии	зачтено
2. Экономическая СССР	зачтено

-2-

3. Конституция СССР	зачтено
4. Курс политработы	зачтено
5. Ленинизм	зачтено
6. Семинар. политэкономика	зачтено

Практические занятия

1. Спец. семинар по истории русской лит-ры XIX в.	зачтено
2. Семинар по фольклору	зачтено
3. Семинар по газетной практике	зачтено
4. Семинар по методологии	зачтено
5. Практикум по критике	зачтено

Военные предметы

1. Тактика	зачтено
2. Стрелковое дело	зачтено
3. Военная топография	зачтено
4. Военная администрация	зачтено
5. Военно-санитарные предметы	зачтено

Настоящее свидетельство удостоверяется подписями и печатью.

И.о.директора ЛГУ *Евгений* /Б.Березин/

  Доцент Филологического факультета *И. И. Мещеряков*

Секретарь *Я. Мануйлов* /Е. Шапова/

**Свидетельство
об окончании
Ольгой Берггольц
в 1930 году курса
по журнально-газетной
специальности
литературного факультета
Ленинградского
государственного
университета**

17 декабря 1937

РЕДАКЦИЯ
газеты
„ВЛАСТЬ ТРУДА“

23/VII 1932 г.
№ 548

г. Владикавказ
Пролетарский просп., 29
Телефоны: редактор. 137
общий 48.

ХАРАКТЕРИСТИКА.

Тов. Ольга БЕРГГОЛЬЦ проходила практику в редакции газеты „Власть Труда“ раз'ездным корреспондентом. Литературно грамотный, политически развитый работник она умела в большинстве случаев в своих корреспонденциях ставить действительно важные вопросы производства. Отдельные ошибки, бывшие в работе тов. Берггольц, происходили от недостаточного критического подхода к материалу.

Отв. редактор *[подпись]* (Григневичий)
Отв. секретарь *[подпись]* (Лубан)

Характеристика
тов. Ольги Берггольц

Молодой газетный работник. В газете „За Коллективизацию“ работала три месяца. В работе проявила инициативность, при этом не лишена способности быстро узнавать о текущих вопросах. Всегда находчивой и умелой газетной работнице по литературной грамотности.

Отрицательные качества: Рассеянность в работе. Переохлаждение от одного дня другому не выходя из первого. Может работать при крепком руководстве.

В. редактор газеты
„За Коллективизацию“ А. Барухин

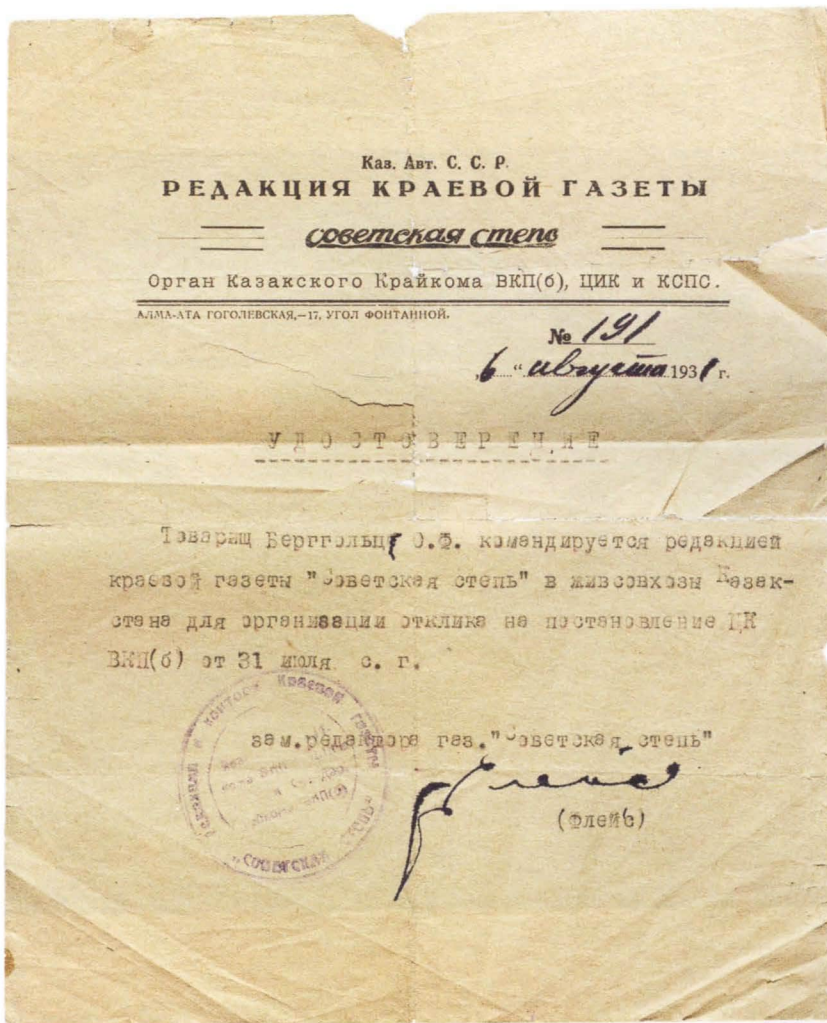

Характеристики,
выданные
Ольге Берггольц
редакциями газет
«Власть труда»
и «За коллективизацию»

**Ольга Берггольц
с корреспондентами газет
на VIII Всеказахском
съезде Советов**

На обороте фотографии
надпись рукой Берггольц:
*«Печать на 8 всеказак. съезде
советов. Сидят слева направо:
Марголин (Сов. степь, страшная
дура), Кинжаев (Энбекши
казак), Берггольц (Сов. степь),
Немчинский (Казроста,
б. секретарь “30 дней”),
Ерубеев (Энб. — казак.).
Ольга Берггольц.
Алма-Ата, 8 февраля 1931 г.»*

**Командировочное
 удостоверение,
 выданное
 Ольге Берггольц
 редакцией газеты
 «Советская степь»**

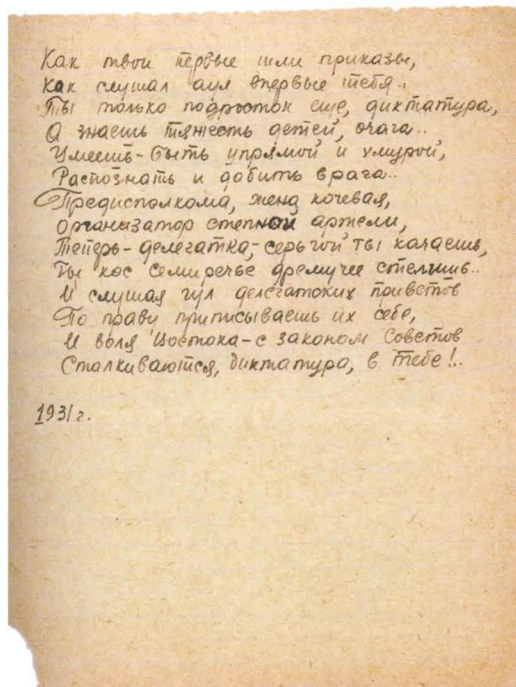
6 августа 1931

**Ольга Берггольц
в группе с рабочими
и комсомольцами**

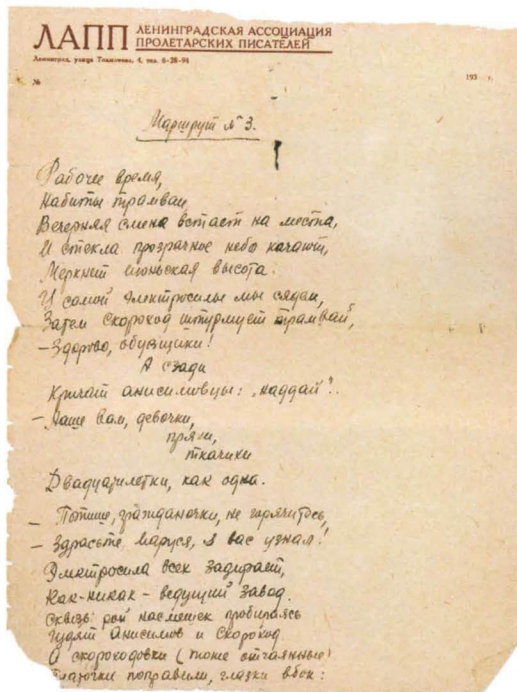
1931

Ольга Берггольц
 «Так вот какая ты,
 диктатура»
 Черновик стихотворения

1931

Автограф

Ольга Берггольц
 «Маршрут № 3»
 Черновик стихотворения

1931

Автограф

Свидетельство о браке № 1380

Видно в том, что Молчанов Николай Степанович (имя) (фамилия и отчество) (дата рождения) (дата и место рождения) и Берггольц Ольга Фредериковна (имя) (фамилия и отчество) (дата рождения) (дата и место рождения) в брак вступили в гражданском состоянии в 1932 году 2 числа марта месяца произведена соответствующая запись.

От сызульты гос. посылной	Фамилия после регистрации брака	<u>Молчанов Берггольц</u>	
Особые отметки			

М. П. С. М. К. Заведующий С. М. К. Делопроизводитель

**Свидетельство о браке
Ольги Берггольц
и Николая Молчанова
2 марта 1932**

**Николай Молчанов
Ленинград. 4 марта 1932**

W W

Менюшка!
фигура, абстрактная
на обороте, должна
возрастать, уловим
ний дельта пемовегств
в его ханкретной и качес-
ной, единичной форме.
Уменьшай хоть эдм,
гурей ханкроашито,
не стугай.
Как трудно тильо су-
дент - помни эво. Но ни-
де, никогда, ни е мн
в не слагать, в лаво е
Помни - мае сибельство.
Тому руку.
4/10 1932 г.
Ленинград. 1932 г.

Свидетельство
о рождении
Берггольц
Майи Николаевны
19 октября 1932

Свидетельство о рождении № 9841

Выдано в том, что **Берггольц** (фамилия)
Майя Николаевна (имя)
родилась (—лась) в 1932 году 17 числа сентября месяца

в чем в книге записей актов гражданского состояния О РОЖДЕНИИ за 1932 год, числа сегод. месяца произведена соответствующая запись.

От области гос. района	Родители	отец	Моицанов Иван Иванович	
		мать	Берггольц Ольга Федоровна	
	Место рождения	Город	Ленинград	Область
	Особые отметки	Сельские	Район	

Как документ

Введующий **Гельс** Де-коллебридатель **Богус**

Свидетельство
о смерти Берггольц
Майи Николаевны
26 июня 1933

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ № 3755

Г.р. **Берггольц** (фамилия)
Майя Николаевна (имя)
умер(ла) в 1933 г. 25 числа июня м-ца

о чем в книге записей актов гражданского состояния о СМЕРТИ за 1933 г. 26 числа июня м-ца произведена соответствующая запись.

Место смерти: город **Ленинград** район **Северный**

Возраст и причина смерти: **9 мес. Дебильный скелетный туберкулез**

От платы госпошлины освобождено.

М. П. Введующий **Гельс** Де-коллебридатель **Корень**

Зак. № 9844/7

работают над „Глинками“, много делают над „Зернами“, „Зирками“, „Толгой-Кам“...

Эта книжка будет настоящей игрой, истинной.

Мне еще „Вдохнулось“, когда Мешка при „Привал“ „Глухонку“. Завоевание Аврорах неслышима совсем. Маловато было, но его совсем не слышно. Когда читал „Бесы“, была оскорбительная и неграмотная аналогия с Петром Верховенским. Это уже мешка, надо скрывать об'едки кося.

Но если в дверь много он потянутой, мне кажется, и даже не слышит...

Первого - на работу. Очень задумит, как увлечь и во что с хоромнями. Да и оторвалась настолько, что не может

из как-то поспешной работы, - а вот читать, писать, думать. Но это еще не замечено и рано.

Ну, берусь за повесть.

И вдруг - письмо от Мешки! Оно мне кажется живым от начала до конца. И не мне оно написано. Отвечать?! Нет, пожалуй, не надо...

1/11-32 г.

После долгого бездействия - снова на заборе. Ну, пришла писать заметки.

Но дело в том, что и

во, но, - начал кто мена...

Это правда - правда - правда: огни, огни Харашо нести с мабаси. И будет еще лучше. „Клмуче гас-вако“

Николай

Страницы из дневника

Ольги Берггольц

Запись с припиской

Николая Молчанова

28 ноября 1932 —

31 октября 1933

~~Из Дома Радости~~
 Из Дома Радости, где дети кличут звонко
 Мишас не по дням, а по часам, —
 — В утробу без милого ребенка,
 Как тяжело пустырючили руками!
 Изд-одна. И мне стывает пелен,
 И мне твердый заглавца вена,
 Что невеселой будет наша встреча,
 Когда я в комнате войду — одна.

✂

В твоей комнате моей
 Погремушка, едальнице
 Такмущее все несней.

✂

О, доченька, всё связано с тобою:
 Морской вене первоначальней цвет,
 Окраина в дыму, травкам с вено,
 Холодный чай, кефирный обед..
 Все близко, сравнимая с палатой,
 Все пишима, и грохот за окном,
 Все, чем перед твоею виноватие:
 Работа, спешка, мушкетный дом..
 И все слова, которые ты знала,
 И как скверно, много произносишь;
 И все, что на земле зовётся — знаешь,
 И все, что колот зелёная и жидко.

И странно знать, и невозможно верить
 Что эту память — называли смертью..

✂

Ольга Берггольц
 «Из дома радости, где
 дети кличут звонко...»
 Черновик стихотворения

[1933]

Автограф

Ольга Берггольц
 «О, доченька, все
 связано с тобою...»
 Черновик стихотворения

[1933]

Автограф

↑

(12) (10) - 4

Вот этот документ

информация

4 → 15

— (7)

7/2-82.

Назваю эту кассетную магнитофонную запись, что действительно была, главные выкладки уделите магнитофону. Наряду, конечно, с любыми другими порядками - Л.А.П., книги, мемуарная работа, материал, Николай, другие.

Успехом - сила - главное, но одалживая. Не справился с ней. Что вы хотели Успехом - когда совсем - по существу, результаты вы далеко не малы.

Заказ № 23-1074

Я не пришла в этот раз на завод с настроением инициативы, должного и рабочего, отменяющего себя выговаривая перед работами за образованности, за качества производства, за карьерности и т.д.

Пришла и осталась потому, что хотела

Принципы всех стран, соединяйтесь.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОМУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ВКП(б)
Партийный Комитет Завода „ЭЛЕКТРОСИЛА“

Ленинград, Моск. Район, Московское шоссе, д. 4. Телефон 5-39-94, 97-95

10- Августа 1933 г.

СПРАВКА.

Дана настоящая справка БЕРГГОЛЦ О.Ф. в том, что она работает на заводе "Электросила" в должности Ответственного Редактора Истории Завода на ставке 250 рублей.

Зав. Обл. Орг. *БЕРГГОЛЦ*

500 и 500

Тел. по Ленинградскому району № 1285.

Принципы всех стран, соединяйтесь.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЭЛЕКТРОМАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД
„ЭЛЕКТРОСИЛА“

Редакция газеты „ЭЛЕКТРОСИЛА“

Орган парткома и завкома
Адрес редакции: Московское шоссе, 4. Тел. 467-00.

27/IV 1933 г. СЕНТОР

СПРАВКА.

Настоящая справка дана БЕРГГОЛЦ Ольге Федоровне в том, что она действительно работает в редакции заводской газеты "Электросила" на должности редактора молодежной странички.

Справка дана для предоставления в ИАКТОР

ИАКТОР *Иван*

С

Тел. по Ленинградскому району № 1285.

С. XVI (вверху)

**Листы из дневника
Ольги Берггольц**

7 января — 5 февраля 1932

С. XVI (внизу слева)

**Справка, выданная
Ольге Берггольц
редакцией газеты
«Электросила» о том,
что она является
ответственным
редактором «Истории
Заводов»**

10 августа 1933

С. XVI (внизу справа)

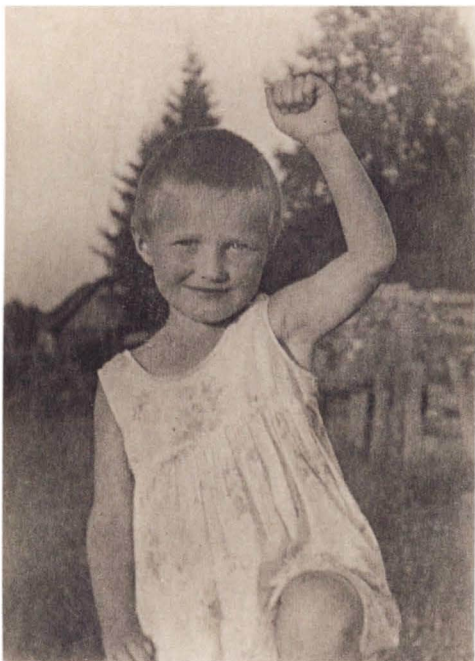
**Справка, выданная
Ольге Берггольц
редакцией газеты
«Электросила» о том,
что она работает в газете
в должности редактора
молодежной страницы**

27 апреля 1933

**Ольга Берггольц
с комсомольцами
газеты «Электросила»**

На обороте фотографии
надпись рукой
Берггольц: «Это бюро
5-го созыва. Я вышла
мрачно-торжественной,
к тому же испорченной
цинкографией.
Приветствую
вас от имени
электросиловского
комсомола! Оля.»
Ленинград. [1933]

[XVIII]

Ирина Корнилова

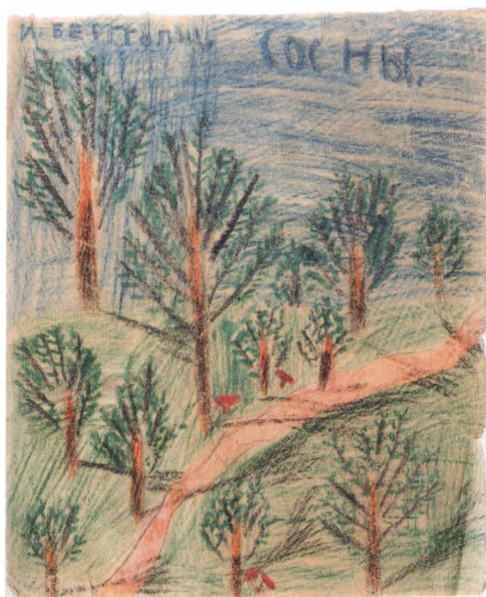
1932

**Ирина Корнилова
в группе с Николаем
Молчановым**

[1935]

Рисунки
Ирины
Корниловой
Начало 1930-х

[XX]

Ольга Берггольц

Сентябрь 1934

**Ирина Корнилова
на смертном одре**

1936

В Машинописные материалы Кандидата ВКП(б) В.К.И. (6)

от быв. кандидата ВКП(б)

А П Е Л Л Я Ц И Я

-БЕРГГОЛЬЦ, ОЛЬГА ФЕДОРОВНА.

Двадцать третьего июля с/р Московский райком ВКП(б) утвердил решение парткома и общего собрания парторганизации зав. "Электросила" о моем исключении из числа кандидатов ВКП(б), 29
~~исключении по предложению организации зав. с врагом народа Авербахом, и решение и Противоположные разоблачению троцкистско-враждебного руководства пен. совхоз писателей-Горелова.~~

Я считаю, что райком не учел целого ряда существенных обстоятельств и специфических особенностей моего дела, и вынес ~~неправильное~~ ^{справедливое} решение, не соответствующее действительным фактам моих ошибок.

Прежде всего об Авербахе и авербаховщине, и моих отношениях к ним. Товарищи, разбирающие мое дело, почему то не учли существенный момент во всем этом - а именно то, что еще в 1929 году я была выгнана на РАПЧ Чуманцами и Либетинскими, за то что по своему творчеству и взглядам не соответствовала этой "организации". Все танцовщицы в РАПЧ, а не только я, вплоть до его распада. Никаких постов в ЛАНИВ я не занимала, и работа в нем не вела. ~~С тем образом я никак не связана. Я не была членом РАПЧ, ни с авербаховской группой, и мои отношения с Авербаховым и некоторыми из членов ее были /Чуманцами и Либетинскими/ носили характер чисто делового знакомства.~~

С Авербаховым познакомил меня в сентябре 31 года те-же Чуманцы и Либетинский. До декабря 31 года был период дружеских, чисто личных отношений с Авербаховым, затем, уже после провозглашения ДК от 28 апреля я встречалась с Авербаховым дважды в 32 году и раза четыре в 33 году, во время его служебных выездов в Ленинград, ~~и последние несколько месяцев отношений историч. связи и разрыва, и провозглашения ДК 1934.~~ Последний раз я видела Авербаха в декабре 33 года. После отправки его на Урал секретарем парткома Уралмашзавода я общалась с ним письмами и с середины 34 года мною была прекращена так же и переписка с ним.

**Черновик апелляции
 Ольги Берггольц
 в Апелляционную
 комиссию
 Ленинградского горкома
 ВКП(б) о восстановлении
 ее в членстве кандидата
 ВКП(б)**

1937

Авторизованная
 машинопись

М.о. дело не в моих "ошибках" в Мит. Ленин-
граде - а дело в том, что до сих пор я не
сделала ничего всего серьезного и важного.

- Я же уехала - хотела же уверить самой себе,
- о, я же уехала еще! А вдруг мне врели - я уехала.
Но фанги осязаются крапивою.

Я нередко горько и обидно писала о себе
на страницах своих жалких, самоодвальных
дневников. Говили всегда я все-же думала, что
я все-таки - стоящий человек.

Сейчас у меня НЕТ этого подспудного и
унывающего сознания. Это очень странно.

Нет, я нестоящий человек, нестойкий коллеж-
ник. Я же так жила, не так. Я была не-
стойка со всеми своими романтическими исто-
риями, разлагалась, забывала, сбивалась, была
хорошенькой, удовлетворяла ей что-то, что мой
"увлекатель", меня хвалили, мне ласкали.
Величественное житие-жизнь и пустота. Мне не
отдавалось ей что-то - еще будней долго.

А как я вела себя с Колкокой? Каким насильем
повреждала его самолеты, кардосы, штыки?
Мне казалось, что раз я его столько на свою
жизнь, то как-то дозволено, - я читала себе

там, когда мне сердце свежее (часть) - но ведь
то же читю мне, как жалкий самоубийца...

И из всей прошлой жизни осязаются только Ким.
Он осязается со мной, не потому, что я хороша,
а потому что он - прекрасный. Я можешь быть,
осязается потому, что ему все равно как думать.
Лето, что он не любил меня так, как пять лет
назад. Мне невозможно было ему, не меньше, чем
мне, и вероятно, сейчас было еще раньше.

Странно признаюсь, что мне кажется теперь пора-
зи, что я не имею права быть в партии. И
то, что в партии совершил много и хуже меня - не
знаю ничего. Дело идет и много обо мне.

Два мотива побуждают меня бороться за себя
в партии:

1. То, что я надеюсь сейчас много, оставить в свое
то количество хитрости, что было и еще во мне; 2.
То, что труд мой будет теперь совсем мне нужен и
нужен, и что после такой безбразности я смогу
работать по плану, и сделать нужное дело.

И второе - это что не столько существо дела,
сколько все то вменяемое второму. То, что "разоб-
лаженные авраамовичи" в Ленинграде - в значитель-
ной мере мой характер каковы-то интуитивны,

Страницы из дневника
Ольги Берггольц
с пометами следователя
красным карандашом

22 января - 23 июля 1937

"Подлинная история человека
определяется не тем, что он совершил,
но тем, что хочет совершить".

П. Гарди.

3 января 1938 года.

Кашкуля. Читала несколько ситикофоретин, и
думала подбирать книжку, вне зависимости от то-
го, понравится ли или нет: „для одного себя“, сле-
довательно, правды во, и в отпущении всех.

„Людмила“ поправила Кольку, и, действительно,
это пошл и удало. Но все же, чудесно, нет в ней
того художественного огня, и м. в. лично не по-
няли его, как ищущий ища, слушающий каро-
лицу музыки. Не протить, - проститить.

Пишу письмо о Ленине, - на конкурс. Фрэнк советует
послать, но ведь все равно, не одобрит премия, если да-
же и заслужит - иль! Ничего, и творчество по-
рочно. Пока нечего не полагать, но имели сей. Но
вдруг ли это для песни? Как писать о? „Ох да-
да“, или в тиражиши истиннолитков? Письма
в Повесть?

К роману не приступала, но приступаю, и к ра-
славу Писмо. Завтра же всерьез и индустриально равном.

**Обложка и листы
из дневника
Ольги Берггольц**

3 января — 5 мая 1938

С. XXVII

**Черновик письма
Ольги Берггольц
И. В. Сталину
о партийных
нарушениях
в Ленинграде
и исключении ее
из членов кандидатов
ВКП(б)**

1938

Автограф

~~Кто-то повернулся~~ Товарищ Сталин!

Считая своим долгом сообщить вам о фактах вотнючего характера всех партийных и советских законов, фактах, связанных с делом **Копия революции**, происходившие в городе Кирове, со стороны Кировского завода ВКП(б) и

Эти факты известны мне потому, что "победил" к ним прислушалась мне "дело". В мае ~~месяце~~ 1934 года в ~~Томе~~ ^{Кандидат} советский ~~писатель~~, была исключена из ~~партии~~ ^{партии} за связь с врагами народа: ~~Копия революции~~ ~~и~~ ~~материалами~~ ~~находящимися~~ ~~в~~ ~~личном~~ ~~делу~~ ~~писателя~~. В настоящее время я восстановлена, без каких-либо оснований, ввиду того, что ЦКК ВКП(б) в ряде кандидатур партии, а также восстановлена в ~~лизах~~ ВЛКСМ, и работала народным учителем.

Но в мае месяце сведения о моем исключении дали до города Кирове, где, в газете "Кир. Правда" работала мой товарищ, ~~Полковник~~ ^{сообщение в мае} Дьяконова, ~~сообщившая~~ ^{сообщившая} ВКП(б). В том же г. Кирове работала ~~Секретарь~~ ^{Секретарь} ~~Союза писателей~~ ^{Союза писателей} некто ~~Иван~~ ^{Иван}, ~~именитый~~ ^{именитый} ~~профессор~~ ^{профессор} и ~~член~~ ^{член} ~~партии~~ ^{партии}, известный мне как ~~и~~ ^и ~~другой~~ ^{другой} ~~то~~ ^{то} ~~связан~~ ^{связан} ~~работе~~ ^{работе} в г. Аша-Аша, в 31 году, ~~и~~ ^и ~~работавший~~ ^{работавший} ~~небольшой~~ ^{небольшой} ~~рабочий~~ ^{рабочий} ~~машинист~~ ^{машинист} ~~в~~ ^в ~~моей~~ ^{моей} ~~известности~~ ^{известности} "Журналист". В настоящее

вспоминаю ввиду контроля ~~музыкальным~~ ^{музыкальным} ~~делом~~ ^{делом} ~~Иваном~~ ^{Иваном} ~~Дьяковым~~ ^{Дьяковым} ~~за~~ ^{за} ~~то~~ ^{то} ~~что~~ ^{что} ~~в~~ ^в ~~печати~~ ^{печати} ~~Иван~~ ^{Иван} ~~при~~ ^{при} ~~поддержке~~ ^{поддержке} ~~группы~~ ^{группы} ~~партийного~~ ^{партийного} "Кировского Правда" ~~нападают~~ ^{нападают} ~~дело~~ ^{дело} ~~против~~ ^{против} ~~своего~~ ^{своего} ~~товарища~~ ^{товарища} Дьяконова. Дьяконова исключают из ~~социалистический~~ ^{социалистический} ~~партии~~ ^{партии}, и выгоняют с работы и его (его старуха-мать, корректорша), за "связь с троцкистской-двурушницей" ~~буржуазной~~ ^{буржуазной} и за отказ разоблачить, какими методами она вредила в ~~личной~~ ^{личной} ~~работе~~ ^{работе} и как вербовала его, Дьяконова, в свою контрреволюционную организацию". Филиппову

В течение 10 месяцев Дьяков ходил без работы, его нигде не принимают - по указанию редакции, подвергнутой безобразиям ~~за~~ ^{за} ~~связь~~ ^{связь} ~~с~~ ^с ~~врагами~~ ^{врагами} ~~народа~~ ^{народа} "Дьяков" и "за" ~~связь~~ ^{связь} ~~с~~ ^с ~~врагами~~ ^{врагами} ~~народа~~ ^{народа} "Правда" и ~~идеями~~ ^{идеями} ~~своего~~ ^{своего} ~~солдатского~~ ^{солдатского} ~~во~~ ^{во} ~~того~~ ^{того}, что у Дьяконова ~~были~~ ^{были} ~~идеи~~ ^{идеи} ~~такие~~ ^{такие}, и не

27. II. 1939 г.

Настоящим удостоверяю, что 26/II 1939 г.
по направлению ко мне Литераатурного
франка Сатоя ССР (№ 23. XI) я обследо-
вал гр-ну О. ф. Берггольц и на основании
исследований и анамнестических данных
заподозрил у нее беременность.

Если мой предположительный диагноз
оправдался, то в настоящее время бе-
ременность у гр-ни Берггольц уже
достигла срока в 3 с лишним месяца.
Так как мне известно, что гр-на Берг-
гольц страдает хроническим токсикозом,
от которого она раньше лежала, ей
может грозить опасность кровооче-
ния на почве прерывания беременности.

Драф. К. Скрабанский.

**Заключение врача
о беременности
Ольги Берггольц
и угрозе выкидыша**

27 февраля 1939

В Ленинградскую Областную Прокуратуру
Ивану Каджору да органами ГОТБ НКВД

Молчанова, Н.С.

Кром. по чл. 57 Уголовного Кодекса

Заявление

14 декабря 1938 года органами Лен. Учр. НКВД по ордеру № 11/046 была арестована моя жена, кандидат НКП(С), член Совета Советских писателей — Ольга Средаковна Берггольц.

25 декабря я обращался в Прокуратуру с требованиями проверить условия содержания моей жены под стражей, принять во внимание ее болезненное состояние, и, по возможности, ускорить следствие.

Прокуратура приняла мое заявление, но обязались ускорить следствие не могла возмочь — по крайней мере

скаро истощается при месяце со дня ареста жены, а я до сих пор не могу добиться в чем (или по какой статье) ее обвиняют, не знаю ничего о ее здоровье, и не могу передать ей даже письма.

Я имею основания предполагать, что ее арест основан на недоразумении. Поэтому продолжительное следствие является фактом совершенно недопустимым, тем более, что состояние здоровья жены таково, в момент ареста, угрожающим.

Принятое соответствующим образом о состоянии здоровья жены, выданную профессору К.К. Скрябинскому карточку внимание Прокуратуры на возможность терапевтические последствий длительного ареста и длительного разлучения с моей женой. Прошу ускорить следствие.

Кандидат филологических наук,
членский секретарь Соц. Крестоминской
писательской организации и.ч. Саломея-Ивановна
4.12.1938 г.
Н. Молчанов.

**Черновик заявления
Николая Молчанова
в Ленинградскую
областную прокуратуру
по поводу ареста
Ольги Берггольц**

4 марта 1939

Автограф

Следователю Лен. Упр. ОГБ,
ведущему делу В. Ф. Берггольц

Моя жена - Ольга Федоровна
 Берггольц была арестована по
 вашей инициативе 13 декабря 1938 г.

Несмотря на мои многочисленные
 обращения (18 письменных и свыше
 10 - устных) я не имею никаких
 сведений о состоянии дела. Только
 администрация уведомила меня, что
 жена моя поставлена в условия,
 не способные обеспечить для ее здоровья,
 тем более какому-либо разумному
 лечению.

Но такие условия содержания под
 стражей не могут быть благоприятны
 ни для беременной женщины с
~~нарушением~~ ^{нарушением} равновесием нервной си-
 стемы.

Между тем, прошло уже 5 1/2 месяцев

Заявление
 Николая Молчанова
 следователю
 Ленинградского
 управления Отдела
 государственной
 безопасности об аресте
 Ольги Берггольц

... Я маленькая пташечка,
Родилась в маленькой стране.
Расскажи мне о людях,
Услышишь и обо мне...

А там я болела, маленькая,
Балетом в моем краю.
Расскажи о худших болезнях,
Услышишь и про мою.

Г. Рейне.

Простишь чужою - разве это
Сократишь адегалю его?
Он весь дитя добра и света,
Он весь сведет таркетто!

А. Блх.

15 июля 1939 года.

13 декабря 1938 года меня арестовали.

2/III - 39, вечером, я была освобождена и вышла
из тюрьмы. Я провела в тюрьме 171 день.

Я отчаянно мечтала там о том, как я буду
плавать, увидав Коло и родных - и не промла на
двой слезы.

Я нередко думала и высказывала там, что войду
на волю только зимой, зимой черной - но я только
подкрасила брови, лапы губы.

Я еще не вернулась оттуда, очевидно, еще не готова
было...

27X - 39.

Да, я еще не вернулась оттуда.

Встревала одна раз, я была в сборе со следователями,
с коллегами, в тюрьме - о тюрьме, о психиатрии, о судьбе
павшим мне "дело". Но встречалась тюрьмы - стихи,
события, разговоры с тюрьмой. Она стоит лагеря и
и жизнью. Я только не говорю силе, даже Коло всего не
знает. Но я была для района пташечка бр. пташечка к.

Страницы из дневника Ольги Берггольд

15 июля 1939 —

28 октября 1942

"

"

1

Мы привели в диком молчании,
 зуби цепей, охватив колени.
 Сердце мое стирожило выжиданье,
 разны - безумия цепкие плени.

Друз мой, иди спросить -
 - как же я выжила,
 как не лизилась ула, души?

Тело твоей милой всё время слышала,
 его кисти не могло
 зятецкише.

Ни станы друзей изверевней какою,
 ни скрип дверей и ни лязг замка,
 ни тиканье моей одиночки,
 ни злогой квадратного зретьека.

Все отомло, ничего не отдалось,
 молодость, счастье - всё факто.
 Голос твоей, Полный любви и жалости,
 голос отизма моей большой...

Ольга Берггольц
 «Испытание»
 Черновик стихотворения

Февраль 1939

Автограф

О, Ира моя, Ира, Ира... Ты отходишь все дальше, все дальше... Я не то что меньше тоскую, но боль становится тупее и — глубже. Зияние, оставленное ее смертью, удаляется и становится еще чернее...

Она — за всем, милая, обиженная, боль.

...Из горкома еще нет вызова, да уж все равно.

Арестован<ы> Габбе, Любарская, Безбородов, — люди, о которых я сигнализировала, как и вообще о Детиздате. Очевидно, и мои материалы, статьи, будут привлечены к делу, а я уверена, что многое нащупала верно. И приятно, что еще будучи в «Лит<ературном> Ленинграде» я начала поход против маршакиады, и держалась все время довольно стойко, несмотря на бешеный напор со стороны правления Союза, предательство Виктора и Мирошниченко, поход в «Смене» и «Ком<сомольской> Правде». А выступали-то против меня — Бубекин и Безбородов!

Нет, все-таки правда есть на свете!

Пишу «Заставу» — экспозиция — «Предки». Очень все сыро и бесформенно, но получается, получается!

Именно — жизнь, дикая, неправильная, «настоящая» жизнь предков. Уже вижу во сне то, что пишу. Увлечена трудом, перспективой переделки, чеканки языка, поворотов и ракурсов, проявлением смысла. Ах, как интересно и хорошо, и как много еще трудиться. Экспозиция должна быть почти библейской. Не нравится, мучит какая-то унылая, якобы чеховская интонация, наивность, неосновательность языка, много не своего, а уже однажды описанного почти так же, но получается, получается!

Надо бы писать без отрыва, но отрываюсь на домашние мелочи, а так как нервы ни к черту, то долго потом не могу приняться, наладиться. Вчера поговорила с Т. В., и потом всю трясло, как всегда от этих разговоров. Надо составить расписание и хоть пилюли какие-нибудь глотать, чтоб справиться с этой слабостью, головокружением и «трясучкой». Читаю у Коли Чуковского — обидно, что многое похоже на меня, особенно в языке — эта литературная интонация языка, средняя, и то, что много уже однажды сказанного. Читаешь — точно ешь суп с волосами. Почти невидимо, а мешает.

Вот сегодня — день уже пропал. Встала поздно, а теперь обед надо приготовить, поесть, а вечером — Волька Марин ведет в театр, на пьесу о шпионе. Довольно дикая идея — пойти еще и в театр, смотреть пьесу о шпионе! А на два часа садиться нет смысла, и разгон взять не успею. Так, только кое-что поковырять.

18/IX-37.

Какая-то тревога, тоска, беспокойство, точно нужно куда-то ехать, далеко... Одна, Коля ушел. Пою свои старые и новые стихи. А ведь много, много в них настоящего, человеческого, много щемящего и радостного, особенно в «разлучных». Вот я кого-то любила, печалилась о них, чем-то другим, чем сейчас, было наполнено сердце. Как все это далеко стало, несбыточно, почти не ощутимо. Какая-то я была другая, наверное, лучше, чем сейчас, все-таки, в смысле непосредственности, в смысле доверия к людям...

20/IX-37.

О, только писать и писать, медленно, с болью и радостью. Когда это будет? О, мне кажется, что если б мне дали возможность только писать — я принесла бы в сто крат больше пользы! (Опять начала о тех днях — но нельзя...)

...Надо начать писать хоть пока, хоть что-нибудь. Может быть, снова найду себя в работе.

Раздолбанно как-то живу, нет целостности какой-то в себе. Коплю? Теряю?!

А Иру вспоминаю с каким-то тупым мучением и непониманием жизни, и часто загораживаюсь от нее, и — страшно сказать, она за этими делами точно уплывает от меня, и, наверное, много забываю о ее жизни. Надо записать о ней все, что помню.

22/IX-37.

Меня не восстановят в партии — это ясно. Общая конъюнктура такова, что нечего и думать, и я это понимаю. Кроме того, точно умирая, я прихожу все чаще к выводу, что да, мне и нельзя состоять в ней. Не довод, что еще много в ней сволочей типа Мирошниченко. Мне нельзя состоять в партии, вместе со Сталиным, Ворошиловым, Луккой и другими, подобными им. Я вихлялась, недодумывала, беспринципничала и замазывала возникавшие во мне сомнения в тех, кто оказался, и я вижу теперь, и должен был оказаться за ее бортом. Я не проявила должных большевистских качеств — в тех же пунктах формулировки.

И не большей ли преданностью родине будет честно сказать: «Да, я не могу состоять сейчас в партии, я буду готовить себя к ней»,

чем лезть в партию во что бы то ни стало, чтоб иметь сомнительный авторитет в Союзе писателей? Сомнительный — в смысле подлинности моего авторитета и того, кто уважал бы меня только за членство в партии.

Партия не дворянство, а состояние человека. Я повышаю требования к своему состоянию, «отказываясь» от партии, потому что она для меня — высшее состояние человеческого духа.

И то, что в партии сейчас происходит, заставляет меня еще мучительней любить ее. Вот именно любить, как одного живого человека, и мучиться ее горем...

А происходит не то что вовсе непонятное, но необыкновенно трудное и — в таких размерах — неожиданное.

Хатаевич, Любченко. Процессы в нашей области. Хроники — ЛВО. Рассказы товарищей... Чудовищно! Это что же, все время, по существу, существовало две партии — большевиков и меньшевиков? Ведь все эти разновидности вредительства сводятся к реставрации капитализма — т. е. программе меньшевизма. Или — еще резче — фашизма? И это внутри самой ВКП(б)! Ой, нет, все-таки почти заболела, когда начинаю думать обо всем этом. Умом все понимаю, а сердце страдает. Не странны эти изменения — странно, как говорит Сталин, если б их не было. Неестественно не состояние борьбы, а состояние покоя. Люди ведь глухонемые, в основном. Но как же можно, живя в нашей стране — не понимать, что единственное правильное — сталинская политика при всей ее крутости? Допустить, что все они понимали, что она — на благо человечества, и все же шли против нее? Но тогда во имя чего же? Во имя — фашизма, т. е. благополучия немногих? Но как все они могли быть лично заинтересованы в этом? Или они полагали, что фашизм — большее благо? Но просто элементарно умный человек не может полагать этого!

Психологический ключ к этому отсутствует. Невозможно определить «ихнюю правду», нельзя понять, «чего им (лично) было нужно»?!

Ведь такого личного благополучия, такой народной любви — они нигде не получили бы.

А, выродки и бляди!

А «жертв», наверное, тоже немало...

23/IX-37.

Открыла для себя Ромен Роллана — читаю четвертый том «Очарованной души» — других не читала. До сих пор Роллана терпеть не могла. Очень хорошо! Настоящая, большая, человеческая литература. Приятно, что можно единоборствовать — целый ряд вещей отрицается, как факты и система — не чуждого, но чужого, иного — мышления. Много с радостью узнаешь, как свое, и притом тайное, хотя иногда и досадно, что «написано раньше меня». Это и приятно в то же время, что вот думала написать об этом, значит, верно, глубоко думала. Но главное, думаешь, думаешь, когда читаешь! Много возникло мыслей о написанной уже главе «Заставы». С ревностью обнаружила, что кое-где написано как бы «под Роллана» — тот же, так сказать, свободный психологический рассказ, без особых мотивировок — «так было, и вы должны верить».

Вероятно все же, буду расширять в этой части, и углублять ряд психологических характеристик — людей и их поступков. Боялась делать это, чтоб не утратить темпа, но зато получилось легко. Конечно, можно развить в «Детстве», особенно в НЭПе («Гибель»), но это нужно продумать. Едва ли не впервые, хотя, конечно, не впервые, сталкиваюсь с трудностями чисто техническими — композиция, экспозиция и т. д. Интересно!

Жаль, что общее состояние все-таки паршивое, и рассосредотачиваются мысль и дела на всякие домашние поделки. Надо настроиться, так, чтобы все время в этом лишь направлении работала мысль и при походах на рынок, и при варке супа.

И как-то расчистить определенное количество часов, когда бы ничто не давило и чтоб была протяженность времени — работаю, сколько хочу.

Но ужасно похудела. Жаль смотреть.

26/IX-37.

...Ну, что же — раньте душу, раньте!

Я тело в кресло уроню,

Я свет руками заслоню —

И буду плакать о Леванте...

Нет, все-таки слишком много плача о нем! «Реванш иронии и мечты» — тоже не удается, потому что и ирония, и мечта — направлены по той же линии, и отсюда — мелочны в большинстве своем. Мне все не отрясти прах незаслуженных обид и оскорблений (словом и действием), все не освободиться от них. Точно опухоль какая-то в сознании. Достаточно прикосновения «Лит<ературной> Газеты», какого-нибудь литературного случая (неизменные прикосновения!), чтоб опухоль начинало рвать, а давит она все время...

Да, все не освободиться. Я говорю себе: ничего, я буду писать, я буду героически трудиться над книжками, мое дело реализовывать терпкое ощущение жизни и свое особое видение. Я мужественна — ведь это так. Пусть «они» говорят лицемерные свои речи, заседают, суетятся, кого-то «выдвигают», издаются и переиздаются. «Не вокруг создателей нового шума, а вокруг создателей новых ценностей вращается мир: неслышно вращается он». Я говорю себе — я многое понесла справедливо, не за то, что все знают и в чем обвиняли, а за то, что знаю я о себе одна, о чем много раз писала на этих листках, поэтому можно не засчитывать несправедливостей. Я говорю себе — со мною мой дух, со мною вся жизнь, настоящая, а не декларативная любовь к родине, которая выражается в том хотя бы, что я не впала в ма-разм от этих ударов... Я не только говорю себе так, но и чувствую так... Но все-таки «довлеет дневи злоба его»... Но все-таки, все время почти что разговариваю об этом с каким-то воображаемым собеседником, обвиняя, оправдываясь и самокритикуясь. И больше всего таких разговоров с «человеком четвертого июля». Если б он знал, как я с ним разговариваю! Я злюсь на себя за это. Опять? Что мне в нем? Опять то, что уже подвело меня — создание из него особого, совсем лучшего человека? Мне хочется, чтоб он во всем поверил мне. Мне страстно хочется его доверия, его признания меня — настоящей меня, признания — с его стороны, нашего равенства, по меньшей мере. Его «над»-стояние» мучит и унижает меня, я не говорю уже о всяких «напоминаниях». (О, когда-нибудь я много, в открытую, хотя только для себя, напишу о том, о чем должна писать так, что это понятно лишь одной мне!)

Я возмущаюсь и этим: что мне в нем? Что мне в его признании? «Я-то знаю, что я — петух»... И все-таки — не могу отделаться... А, ничтожная, дрожащая, несамостоятельная и несвободная душонка! Вечное стремление к опоре извне! А если это «извне» — конкретные элементы жизни, родины? Но разве внутри меня — не эта же

родина? «Родина — внутри нас»... Это правда. Нет, надо освободиться от всего «этого», вырвать эту опухоль, старую рану тщеславия... На нее сыплется соль — наплевать. Пусть суетятся и переиздаются. Ты царь, живи один, а на шермака («на маршака») не проживешь... Нельзя ставить в один ряд, даже количественно, такие вещи, как тоску об Ирине и томление от обид господ инженеров душ... Ирина — жизнь, а это — шелуха жизни...

А Ирина снова каждую ночь снится мне, ее страшное умирающее. Читая Роллана, страницы о смерти Марка и переживания Аннет — я точно ступаю босыми ногами по битым стеклам... Надо погрузиться в работу, надо захлебнуться ею, затянуть ею дыхание, как петлей, не жалея, не жалея себя. Пусть это свершится нескоро — пока будем искать жизни в том, что доступно: в искусстве, в музыке, в милой любви Николая. Будем стоять над всем, что «не-жизнь», но чем приходится жить, к числу этой не-жизни относится сохранение некоторых литературных связей...

Я потому пишу обо всем этом, что сегодня узнала — Шушканов восстановлен в партии (Лузгин восстановлен еще раньше). Естественно — «за что же я-то выгнана?!» А потом — смущает разница в точках зрения на всю эту бражку в Москве и Ленинграде.

А, черт с ними, черт с ними, черт с ними!.. Я должна быть в партии «сама по себе», ни при чем тут Шушкановы и пр<очая> рвань. Если это мучит меня — это естественно: на огне, охватившем весь духовный организм, горит все, и некоторое смердит. Скорее бы оно прогорело. Очень, все еще, смердит тщеславие. Скорее бы только чистый огонь одинокого, большого труда. Если жить, примирившись (примирившись!?) со смертью Ирины, то жить только чисто и героично...

Долго не бралась за «Заставу», читаю Роллана, многому может. Много придется переписать, дописать (а потом, наверное, вычеркнуть). Ничего! Потом — «Детство». Очарование, волшебство, всемогущество детства, возникновение мира, как будто бы до него и не было этой грязной, пошлой жизни, (главы), люди прекрасны, те самые. А потом — разрушение его, рождение человека, иного. О, сладко, сладко!

...Думала недавно, что у нас, во многом, пока еще человек для политики, а не наоборот, как должно быть, по Ленину. Часто тяжело читать газеты. Переживем, переживем — и это переживем...

27/IX.

Исключили из комсомола Вольку Марина. Они только что были у нас и все рассказали.

Поругались с Колей, который, неизвестно почему, воображает, что «должен следить» за мной, и смотрит эдакими глазами, когда я говорю что-нибудь, и одергивает, будто я — мама наша... А я говорю и подтверждаю — «дело» Вольки и Маруськи — это провокация чистой воды, умысленная или неумысленная — другое дело. В одном случае (Маруська) — человеку ломают жизнь, отнимают любимую работу потому, что двадцать лет назад, когда ей было 9 лет, у нее расстреляли двух мальчишек-братьев (это провокация против конституции), в другом — собирается цепь абсолютно ничтожных фактов, искажается, раздувается, и — готова «бдительность». Подло, подло, и — против советской власти, а не за нее, хоть и по форме все ультра-бдительно.

Нет, надо писать Иосифу Сталину!

Не может быть, чтоб все это было «велено». Это — утрата чувства меры, утрата представления о жизни, или — или где-то работают руки провокаторов!

Страшно!

Вот мы все четверо, ведь я же помню, у меня же целы все те дневники и письма, мы кончали Университет, мы выходили в жизнь со страстным желанием строить социализм, мы желали одного — отдать этому делу все свои силы, всю свою, даже самую интимную жизнь, подчинить делу строительства. И что же? Мы теперь за бортом, мы лишены доверия, мы лишены творческой работы. Это — «не в системе». О, да, мы, допустим (в отношении себя это именно так), совершали ошибки, передоверялись людям, оказавшимся врагами, но ведь мы же живые люди, которым свойственно ошибаться и заблуждаться, особенно в молодости! Не ошибаются лишь бездействующие...

Неужели нас нужно отбрасывать как ветошь? Это — не в системе, это противоречит нашей системе, и вот почему я хочу (и буду) писать Сталину.

То, что мы на «вторых ролях» — не страшно и не беспокоит, не беспокоило нас. Но сознание своего незаслуженного отщепенства, вот что ужасно и что наполняет недоумением и горечью. Ведь мы же уже взрослые люди, способные работать, способные даже вершить судьбы нашего времени. А главное — воистину преданные люди, не до-

бывавшиеся портфелей и пайков, желавшие (и желающие) только — отдать свои силы великому делу, в которое свято верили и верим...

Нежизненность происшедшего с нами — поражает меня.

Нет, надо писать Сталину — и будь что будет.

Пусть даже ссылка — надо бороться за свое право — творчески жить. Пусть другие «переживают под зонтиком». Именно потому, что я не хочу переживать эдаким манером, потому что я [хочу] люблю Родину — я и буду писать.

Пусть Сталин одернет зарвавшихся трусов!

1/X-37¹.

Нет, подождем, еще подождем немного. Не из-за шкурного страха, не в ожидании для себя горькома. Проявим выдержку. Подождем справедливости — дела еще не завершены. Законно общее недоверие, законны щепки... Но больно, больно...

29/IX-37.

Был Волька с Маруськой.

Пили лимонную водку и играли в карты... Ничего, ничего, жить можно и не будучи членом ВКП(б)!...

Вчера были с Колей в ТюЗе на «Красной Шапочке»... Хорошо!

О, если б я могла придти туда с Ирочкой! Господи, какое бы чистое, совершенное счастье это было...

Вот, я пришла бы в театр, статная и красивая, с взрослой девочкой, с Ирочкой. Она все понимала бы. Она смеялась бы, баском, баском... Она радовалась бы, милая, родная, родная, родная...

Каким бы смешным и презренным было перед этим — (придти в театр с взрослой дочерью, на радость ей!) — мои исключения...

Мечта эта палит меня.

Ирина! Дочь, дочь...

Единственное несчастье — невозможность обладать тобою. Невозможность придти с тобою, умненькой и милой, и жаждущей жить в театр, для твоей радости и смеха...

Все остальное тлен.

¹ Дата взята в рамку.

1/X-37.

Кибрик не зовет меня к себе, несмотря на то, что я сама звоню ему и сказала, что у меня такое впечатление, что Вера не хочет, чтоб я бывала теперь у них. Обещал придти, но не позвал, и не стал отрицать, что Вера боится...

Юзька Гринберг обещал придти, но не пришел...

Звонила Брыкину — просила вернуть своего «Мартехова», он сказал: «очерк слабый, очень слабый, примитивный». Это неправда. Очерк был лучшим из тех, что были у Мишки. Не верю, чтоб появилось что-либо шедеврное. И сам по себе он был не плохой, конечно, не бог знает что, но честно, не плохой. Это говорится потому, что очерк не печатают из-за моего скомпрометированного имени...

Мне надо понять, что изгоем и отщепенцем я буду долго, что это «долго» — жизнь. И так, на такую неприязненную жизнь мне и нужно располагаться. Надо понять также, что у меня нет друзей, кроме Николая, Вольки, Марии, Анка и Галки... Может быть, еще Карл Лукка. Надо понять, что и это не плохо; что отсутствие друзей в литературной среде, даже отсутствие «добрых знакомых» — плюс, а не минус.

Вот они чураются меня, или оскорбительно сердобольны, унизительно внимательны, или сочувствуют, как калеке, или говорят, что я — бездарь («исключить за... несоздание ничего ценного!» Суки, сучьи дети!), и — кто, кто чурается, кто снисходит до сочувствия, кто судит!.. — пусть! У меня свой, личный счет с искусством и жизнью, свой баланс.

Отношение Брыкина ко мне не может, не должно идти в счет.

Эти годы (это будут годы, го-ды, слышишь?!) покажут, стою ли я что-нибудь для искусства, для литературы, или нет.

Это увижу я сама, увидит Николай. Ведь не Юра же я Либединский. Есть у меня и ухо, и вкус, и талант, и жестокость к себе. И сумею не стать графоманом, в конце концов...

Ничего, что не появилась в свет «История», «Мартехов», «Мечта» (для «2-х пятилеток»). По сравнению с Брыкиным, с Мирошниченками и т. д. — это, конечно, почти блестяще. Но — это ли сравнение? Это само по себе — средне, в лучшем случае, конечно, немного выше среднего. Добиваться печатания для каждой вещи, особенно для вещей, в которых сам не до конца уверен, — не чистоплотно, не в традициях большой литературы.

Я — не нищенка. Я могу позволить себе роскошь — печатать только то, что сердце и ум (мои) признают своей Победой, до конца, по крайней мере в те дни, когда это идет в набор.

И не мне все-таки Гр<игорий> Мирошниченко — собрат по перу, и индейскому петуху, или гусаку гоголевскому!

Терпение, время, и еще раз терпение, Кутузовское терпение.

Если б возможно было — абсолютно отрешиться от литературного мира, как бы его и не было. Или, невольно, будучи в его секторе, быть все же над ним, жить только в своем, деятельном, прозорливом, проникновенном любовном мире...

Но жажда деятельности всегда зовет человека в извне, из себя, к людям, а у нас особенно, и потому замыкаться так тяжело. Хотя и говенные люди, и подлейшая лит<ературная> среда, а тянет к ней, где же возьмешь других?! Надо справиться с собою...

Дай гневу правому созреть,
Приготовляй к работе руки,
Не можешь — дай тоске и скуке
В тебе копиться и гореть...

Переписываю «Предков». Много раздражает и уже кажется неодолимым. Боюсь, что не понравится Коле, и его отрицание будет для меня очень жестоко. Ему трудно будет читать, зная реальных персонажей — это будет путать. Это путает в писании и меня, хотя уже намного отрешилась от живых людей. Я уже писала, что «Мартехов» не мог совершенно получиться, потому что речь шла об обязательно живом человеке...

Я напишу о нем (но не подлинном) — очень хороший рассказ, когда-нибудь...

2/X-37.

Ночью большой припадок у Николая.

О, солнце мое! Любимый мой, прекрасный, добрый и мужественный человек! Как больно за него... Какое ожесточение берет на жизнь. [Мы] Я отказалась бы от всего, если б мне пообещали здоровье Кольки. В конце концов, единственная реальность у меня — это он.

Звонила утром из Москвы Маулишка, она приезжала в Москву по своим делам. У нее все утряслось, и даже стала полным корреспондентом «Ком<сомольской> Правды». Ну, отлично. История с нею была действительно — безобразной.

Рике Либединской сняли выговор за Юрия, конечно, правильно. Все это, конечно, — минимальная справедливость, но и это уже приятно.

Ничего, «образуется», козлиц от овец отделят. Крепко надеюсь на это. Надеюсь даже, что будут авторитетные указания на исправление перегибов, а они, явно, есть.

Очень нервное состояние, абсолютная трясучка, и опять — внутренние непрестанные диалоги и полемика с правлением союза, с определенным человеком и т. д. Прям психоз!

Вечером.

Завтра иду на партколлегия.

Не восстановят, конечно. Можно быть в этом уверенной, хотя бы по сегодняшнему разговору у Дз. Мучительный разговор! Нет, нет, мне поверят, мне поверят, должны поверить!

Я хочу, кроме того, чтобы он поверил по-человечески. Гордость (роскошь бедняков!) восстает и подсказывает, что это во мне старое стремление, равносильное желанию доверия со стороны тех, кто казался мне стопроцентными коммунистами, что это — несамостоятельность, что я не могу, как всегда, «довлеть самой себе»... Ведь «я-то знаю, что я — петух», я знаю свою подлинность! Пусть даже он не верит. Даже это неверие не отнимет от меня того, что есть во мне, потому что это только мое... Зачем же эта лирика с моей стороны, эта откровенность относительно моих семейных дел и даже насчет Ириши — ведь это как нищий выставляет свои культяпки, вымаливая милостыни! Мне хочется сквозь протокольное пробиться к человеческому. Да зачем, зачем же мне это самое человеческое?! Значит, надо отказаться от него. И там — в особенности. Официально, так официально... Пора зреть, трезветь, и — черствовать. Да, черствовать. Во имя себя же, во имя сохранения своего фонда тепла и любви, он пригодится для тех, кто будет верить мне.

«Умри — и стань!»

Умру.

Больше жестокости, больше черствости, больше хладнокровия — вообще, и, особенно, в частности.

Не жалеть, не застить глаза жалостью. Меня-то жалеют?! А жизнь — жалеет меня? А Ира? А Коля? Мериме говорил верно: «Наиболее любят человечество люди жестокие».

Умру. Во имя себя и дела.

Но стану. Всем, что не умрет во мне, а лишь глубже скроется. Умру.

Но — стану, стану, стану.

«Он узнал, что есть граница страданий и граница свободы, и что эта граница очень близка». Л. Толстой.

Он был, конечно, богом. На этой границе нужно писать. На этой границе, при условии правдивости с самим собою рождаются настоящие вещи. И у нас тоже. Самое главное в «Заставе» — наши люди.

Я думаю, что «Застава» получится, я стою на этой границе.

З/Х-37.

Благословенно, неизгладимо,
Невозвратимо... прости!..

Вдруг, как гроза среди зимы — Али Алмазов! Господи! Это же — тридцатый год, Кавказ, горы, первая упоенность конкретной работой во славу социализма, это маленькая, милая — вот как на самой лучшей карточке — Иришка, это золотые глаза Николая, и любовь с ним, еще полная неясностей и невыясненностей, это роман с Али, быстрый, горький, легкий, это я сама, двадцатилетняя, кудрявая, бесстрашная и бесконечно счастливая, настолько счастливая, что не сознаю этого счастья. Оно было жизнью, естественной, обыденной. И все было счастьем — самые невзгоды, мелкие и прекрасные.

Я слишком полна этим сегодня — запишу все завтра.

Я пришла с партколлегии — швейцар подал мне записку. «Если найдете возможным, то придите к подъезду Октябрьского вокзала к 6½ часам, в 7.55 я уезжаю во Владикавказ. Алмазов».

Конечно, я побежала. Я была одета изящно, но лицо было (особенно после партколлегии) — измученное и страшное, и старое, как никогда. Прихожу, стою у подъезда. Вдруг, подходит низенький и толстый кавказский человек:

— Извиняюсь, Ольга Федоровна, вы к Алмазову?

— Да.

— Он побежал вам звонить, он так боялся, что вы не придете.

— А как вы узнали меня?

— А он сказал: «Придет такая беленькая, симпатичная», я и узнал. Алмазов дал опознавательные признаки семилетней памяти и давности.

Маленький кавказский человек суетился, беспокоился, побежал, откуда-то из глубины вокзала привел Алмазова.

Али — такой же высокий и стройный по-кавказски, но лицо окрепло, возмужало, постарело. Морщины и тень под чудесными глазами. Стал, по-моему, красивей, в лице больше мысли, на нем зафиксирован рост интеллекта, оно осмысленнее, тверже, и потому — красивее.

И вот мы пошли в вокзальный буфет, взяли пива, и маленький кавказец радостно провозгласил, поднимая стакан вульгарного этого напитка: «За вашу красивую встречу, алла-верды». Плохо пишу — много рассказывала, писала ему.

Мы больше говорили о том, как рады мы встрече. Лицо Али становилось все лучше, все милее, знакомей — и иначе. Я не могла ошибиться в выражении его глаз, с настоящей любовью смотревших в мое старое лицо. Пусть это была минута, м<ожет> б<ыть>, водка, которой было немного выпито перед встречей, — это было правдой, правдой.

Оказывается, он был в Ленинграде четыре дня, искал мой адрес. Когда нашел — сразу пошел к нашему дому. Долго ходил около дома, страхась войти. Наконец, вошел. Я только что ушла на партколлегию. «Тогда я дал вашему швейцару 5 рублей, посадил его рядом и заставил его рассказать мне о твоей жизни все, что он знал». От швейцара он узнал о смерти моих детей. Швейцар дал ему телефон пустой квартиры Либединского, вместо моей. Он думал, что я не приду, и уже заранее старался оправдать меня перед приятелем, что не успею, вернусь домой поздно, волновался ужасно.

Я сказала ему о своих несчастьях и о партийных делах, и Алмазов, прокурор республики, партиец, достижение нашего строя — выразил мне полное доверие. Это — дар, а не подачка сопливого сочувствия, м<ожет> б<ыть>, самое ценное для меня в нашей встрече, особенно после наканунешней депрессии.

Он выразил это доверие естественно, без нажима, без аффектации: «Все будет хорошо, не сомневаюсь. Мы преданы советской

власти, мы ею воспитаны, мы должны управлять государством, наше поколение, и мы будем им управлять... У тебя все будет хорошо, только не сдавайся, иди до конца; и знай, что, что бы с тобою ни было, я всегда тебе буду верить и помогу всем, что могу».

Его самого исключали из партии, исключали те, которые потом были разоблачены как националисты и враги народа.

Об общем положении говорил спокойно и трезво, как подбирает партийцу: «Да, все что делается сейчас — необходимо, правильно, но много есть и перегибов, они будут исправлены директивой сверху» (все-таки нужно бы писать Сталину!). «Конечно, очень трудно, но ты подумай сама, если б у нас все было гладко и благополучно, разве было б интересно жить?!» О врагах говорил с восточной, чисто ингушской даже, ненавистью и экспансией, но отнюдь не декламационно. Нет, я спокойна за него на его чудовищно-трудной работе. Не опозорит лоно, из которого вышел — партию! Как вырос! Совсем свободно можно беседовать с ним, обо всем, кажется — вплоть до искусства.

Но свежесть души — все та же, сказывающаяся в угловатых формулировках, в особой ясности человека, только-только вышедшего из легендарного по отдаленности строя — прямо в социализм.

И еще говорил: «Я женат, у меня дочь, но все не могу привыкнуть к жене, все, как чужая. Самое лучшее, самое дорогое, что у меня было и навсегда останется — это те месяцы во Владикавказе. Дороже ничего не было и нет».

Я говорю: «Я постарела, Али». «Да», — говорит, — «постарела и похудела, и нервной очень стала — распустилась».

Я говорю: «Я страшная стала, Али, — верно? Я боялась тебе показаться»...

Он с такой любовью смотрит на меня, что у меня страх по сердцу проходит, страх и счастье. «Ты для меня осталась всего дороже... Мне ничего для тебя не жаль, сделаю все, что скажешь».

И перебирает мои, испорченные теперь от стряпни, пальцы, и закусывает чуть-чуть зубами мизинец, я вспоминаю мгновенно, «как тогда», такой смешной, диковатой ласки не было для меня ни у кого... А буфет вокзала шумит, музыка играет пошлятину, приятель-кавказец произносит пышный тост за нашу встречу и дружбу, и время остановилось, и семь лет прошло, и легли между нами, во мне, по крайней мере.

Он спрашивает:

— Скажи, ты мужа любишь?» (они видали Кольку, когда были у нас внизу, и приятель, Танеев, сказал: «Ваш муж произвел на меня очень серьезное впечатление!»).

— Люблю, Али.

— Любишь или только привыкла?

— Нет, люблю, Али...

— Но ты подумай об этом... Я приеду через три недели сюда, ты скажешь мне...

Да, собирается приехать. Хочу этого и не хочу. М<ожет> б<ыть>, впервые испытываю я такое радостное чувство человеческой, чистой любви, гордости за человека, бескорыстной и ликующей. Хочу показать ему мой город, хочу, насколько в моих силах, распахнуть перед ним таинственную для него, конечно же, неизвестную область искусства, живопись, музыка, театр... Пусть и горечь будет, и подспудное даже желание.

Но боюсь его страсти, искуса ее, размена ее... Тут ведь все должно иметь девяносто шестую пробу правды, это настоящая жизнь, настоящие чувства. Чудак — люблю ли я мужа Колю... Мне об этом нечего думать, наивный он человек. Любовь достигла незыблемости — не привычки, а жизни. В ней нет, конечно, страха новизны, головокружения неизвестности, фантастических «чудищ». Чудища реальны. Почти все известно. Но я не могу представить себе жизни или себя без Коли. Он незаменим, как воздух, как собственное мое сердце... И, в свете встречи с Али, я еще и еще раз увидела (я вспоминаю все эти семь лет) — что любовь моя с Колей — была и есть прекрасна. Самое прекрасное в ней — непрерывный духовный космос. Это абсолютно незаменимо. А то, что мы пережили вместе, особенно последние годы? А мое «возвращение» к нему? Вторичное завоевание его. Нельзя этого разменивать, особенно на подлинную драгоценную монету.

Но я же — пингвинка. Пингвинки, как известно, не могли не идти навстречу своим похитителям, и в этом была их участь. Подло, конечно.

Я приложу все силы, чтоб не поддаться своей женской жалости, снисходительности, которая, конечно, все от того же — от неумения довлеть самой себе. Пусть это будет жестоко, я объясню Али, и теперь он поймет. Он уже из письма должен бы понять, что не может быть речи о любви.

И все-таки — я честно говорю это — я боюсь его и себя. Я не хочу обижать Кольку.

Так пусть он лучше не приезжает! Пусть встреча эта так и останется, со всей горечью неисполненности. Что-то в жизни прошло мимо, хорошее, счастливое, оно есть, оно не реализовано — горько, но эта неисполненность лучше размена...

Благословенно, неизгладимо,
Невозвратно... прости!..

Конечно, я мечтаю о том, как он приедет, конечно, мне радостно и дорого его чувство ко мне.

Значит, не такой уж я пропащий человек. Я была счастливым ничтожеством, тщеславным ничтожеством, несчастным ничтожеством. Но были, значит, во мне и подлинны зерна благородного человеческого металла. Только теперь, конечно, создалось во мне то состояние, что я перестаю быть ничтожеством, превращаюсь в человека. Кончилась игра, началась жизнь. Взаимоотношения с Али — тоже испытания на человека... О, как я не хочу лицемерить с собою! Ни ради сознания стойкости, ни ради покоя...

Увидим, увидим... Заранее теоретизировать слишком — ведь это не поможет.

Но я благодарна судьбе за встречу с Али...

Вдруг голос издалека, голос от молодости, от счастья, в дни мрака и сознания утрат. Жизнь моя, я с тобою. Я вынесу тебя, я выстою. Я стою любви и доверия, что бы ни было со мною. Я запечатлею жизнь во всей моей любви к ней. Тигряш мой, Ириша, прости меня за жажду жизни, за то, что живу, останься во мне всем горем, всем живым ощущением тебя. Да, началась жизнь, как это есть прекрасное библейское выражение — «господь посетил его», кажется. Да, посещение Жизни...

На партколлегии <оварищ> Никитин был очень внимателен. Я недовольна собой — была как-то несколько суетлива в разговоре и объяснениях, мало было самоуверенности. Но, однако, отложил дело, не будет еще ставить на партколлегии, хочет дорасследовать, где-то поговорить. Просил принести ему мои разоблачительные статьи и книжку. Снесу все, что имеет хоть малейшую ценность в этом отношении. Это не обман, ведь работала-то я честно, только впуталась по восторженности в глупости.

Надежд, однако, очень мало. Станет расследовать, говорить, а ему скажут — нельзя восстанавливать.. Но в апелляции я была абсолютно честна, написала даже больше, чем в формулировке, по тем документам. И аргументация в просьбе о восстановлении — та же. Да и контакт, наверняка, имеется. Ну, ладно. Надо рассчитывать на то, что не восстановят. А вдруг? О, вдруг! Воображаю личико одного моего друга...

Нет, он мне в самом деле друг; он доверяет мне в меру своего [<1 сл. нрзб>] характера... Пусть лучше зуботычины и доверие, чем сопливое сочувствие и предательство типа Фрошек. Нет, это правильно, как ни тяжко. И это вынесу! Но надо прекратить с ним непрерывные внутренние диалоги, они гипертрофировались, они мешают думать о «Заставе», в конце концов, обворовывают меня...

9/Х-37.

Ночью опять припадок у Николая. На дню раза три заговаривался... Этого всего не могу комментировать... Проклятая жизнь, не сдамся тебе, пока он жив и не сошел с ума!

Очень взволновало меня то, что Волька Марин сказал сейчас, что по ГИЗу муссируется слух о том, что меня восстановят в партии... Вероятно, сволочь-Ходза растрепал об этом, потому что я взяла у него свои книги, чтоб отдать их партследователю, и говорила о своей беседе с ним. Вот сука-то болтливая! Очень нужно мне, чтоб это дошло до лиц, не заинтересованных в моем восстановлении! А это может дойти... А, да что там!

Из Союза не могут сообщить ничего больше того, что они уже там наворотили. В апелляции у меня самой дана самая крайняя формулировка моей вины, так что больше нее тоже сообщить ничего не могут. А захотят — и без слухов сообщат. Да в конце концов, условилась же с собою, чтобы не надеяться на решение вопроса в Ленинграде. Так что нечего и трепетать. Не восстановят, на это надо рассчитывать. А вот в Москве восстановили не только Лузгина и Шушканова — но и Кирьянова.

Больше того — была вчера у Мишки Чум<андрина>, за книгой хотела послать Али, так прямо рот разинула поговорить с ним: его, его восстанавливают, по крайней мере есть мнение в его пользу в партколлегии, и если материалы от Ставского придут благоприятные, то его

восстановят. Более же всего меня поразило то, что при исключении ему инкриминированы «нелегальные сборища после постановления ЦК», а на партколлегии это сразу отмели, а именно — «нелегальщину»... Но ведь дело-то не столько в том, что они носили легальную форму, сколько в самом факте — что они были! Значит, партколлегия считает возможным простить это, даже это, а также троцкизм в его книгах и пр<очее>? Не понятно. Мне — особенно непонятно.

Но если Мишку восстанавливают, то меня-то и подавно должны восстановить.

Но Мишку восстанавливают зря — шкура, двурушник, вредный своей бездарностью для литературы человек. Разговаривала с ним — внутренне корежась.

Нет, психологически — абсолютно порвано, отсекование произведено полное. То же, в еще большей мере, и по отношению к Либединскому. Конечно, ненужный для партии человек, и даже вредный. Жалко только Мишку, племянника, и Муську.

Но — непонятно. Особенно Чумандрин и то, что восстанавливается в Ленинграде. Но, может быть, еще врет, и все лопнет. Увидим.

Осторожность, хладнокровие, выдержка.

Не лелеять надежд на благополучный исход здесь. Все зависит — есть ли контакт. Судя по Ч<умандрину> — нет. Но я ничего не знаю, как делаются эти дела. М<ожет> б<ыть>, так нужно. Но слухи эти — абсолютно напрасны... Интересно, что даст очередное свидание? Больше выдержки и независимости.

11/X-37.

Хорошее творческое настроение. Читаю «Фому Гордеева», лежит к прочтению «Мать и сын» Р. Роллана. Чувство, что есть запасы сытой пищи, хлеба, на который нужны зубы, которым будешь сыт. Надо прочитать еще Кореванову, Грекову — это тоже хлеб.

Коля пишет хорошую статью об этих книгах, я с удовольствием впикиваю туда любимые идейки, которые в живых, движущихся формах думаю воплотить и в «Заставе». Занесла сейчас кое-что из этого в творческие тетрадки, которые, конечно, интереснее дневника. Это здорово — Бенвентутто Челлини — Степан! О, книга должна получиться, но как многое нужно будет приводить в ажур, как много трудиться, чтоб сказалось именно так, честно и безбоязненно.

Никаких оглядок на лицемерную нашу критику. Думать и думать, проверять себя всем арсеналом, и плохим, и хорошим, но не трюсить ради шкуры.

14/Х-37.

Была у Н. Канина. Все-таки он, кажется, хороший парень. Говорила с ним о партколлегии и своих делах. Очень волнуясь: когда узнал, что я дала формулировку в апелляции «оказалась включенной в антипартийную авербаховскую группу», — сказал, что это зря, что это «формулировка для НКВД» и что этим напортила себе, «тем более что в реальности-то это не так»...

Может быть, может быть, и напортила...

А! Я уже устала от этих дел, формулировок и т. п. Я не знаю, кто прав..., не понимаю, почему восстанавливают людей в Москве. Написала, как казалось честным, не оставив ничего недосказанного... Не умею я политиканить, рассчитывать и взвешивать каждое слово; не гожусь я, наверно, для политики.

Ну, посмотрим. Не возлагать надежд на ЛКПК! Дело решится в Москве. А формулировка эта... ведь сумеют же люди понять суть, а по сути-то, по жизни — я не виновата. Ведь не исчерпывается же дело формулировкой? Зря, конечно, но иначе тогда я не могла. Я и так тогда истерзалась.. Нет, правильно сделала... Пусть, никаких хвостов, нигде...

Ну, а не восстановят — даже если в Москве не восстановят? Разве уже не примирилась я, почти что, с утратой партии на данном периоде? Разве не поняла, что жизнь — моя и вообще шире, что она еще впереди, и «что сделать с собою все возможно?»... Создать нужную родине книгу, и все будет искуплено и заглажено.

А жизнь так уходит, и лицо еще красивое — стареет, надо же беречь каждую ее каплю. Немыслимо думать, что, оглянувшись назад, я увижу в жизни своей одни лишь апелляции, формулировки, диалоги, изнурение этим делом. Это же не содержание жизни, а оргвопросы ее... И так у меня невысказанно растрачивается время — дикий, по своей вине, режим, мелочи, эта непрестанная мысль о партделах, зудящая, тяжкая. Книга тоскует и взывает.

Надо взяться за здоровье — мне кажется, что от такой жизни я вдруг, в одну ночь — сморщусь, как воздушный детский шар. И все уже будет безвозвратно. Фетишизировать стоит одну лишь жизнь,

и ничего больше. Я сильная. Я выбьюсь. Я докажу, что достойна быть в первых рядах — докажу трудом, на деле, а не апелляциями и ловкими формулировками. Я не Мишка Чумандрин, ловкач и карьерист. Уже сейчас я с благодарностью думаю об этом жестоком периоде — он многому научил меня, многое во мне очистил. Я не умею ловчиться, меня легко обойти — это еще так. Ради себя я и не буду ловчиться. И это оценят когда-нибудь. Никто, конечно, не станет просить у меня извинения за этот период, похожий на переход в пустыне, мне и не надо этого, хотя иногда хочется. От одних — потому что я их презираю (писатели), от других — потому что я люблю их, и понимаю их трудности, и сама прощаю им свою боль...

Быть самой собой! Довлеть самой себе! Беречь жизнь! Быть Фениксом, стальной пластинкой. И если это даже никому не нужно — это нужно мне.

Предчувствую тебя, года проходят мимо.
Все в имени одном предчувствую тебя.
Весь горизонт в огне, и ясен нестерпимо,
И молча жду, тоскуя и любя.

Завтра потружусь над «Предками», там, где вижу пробелы, переписывать пока отложу, и возьмусь за «Детство». Очень трудно. Ах, какая это должна быть благоуханная, полная содержанием, горькая и сытная — глава!..

16/X-37.

...Как бы продолжа давнишний спор,
Он говорит: Под окошком двор
В колючих кошках, в мертвой траве,
Не разберешься, который век.
А век поджидает на мостовой,
Сосредоточен, как часовой.
Иди — и не бойся с ним рядом встать,
Твое одиночество веку подстать.
Оглянешься, а кругом — враги,
Руки протянешь — и нет друзей.

Но если он скажет «солги» — солги,
Но если он скажет «убей» — убей.

Только «коммунистические» институтки могли объявить этот отрывок Багрицкого — чуть ли не контрреволюционным. Все хотят, чтоб делать революцию в галстучках, чтоб все было «прилично», что это какое-то сорадование, безоблачность, сплошное «благорастворение в воздушных».

Но не самая ли жестокая вещь — борьба за всеобщее человеческое счастье? Глупо было бы отрицать, что «жить стало лучше, жить стало веселее».

«Доктор... Доктор, я вас умоляю, дайте мне камфоры... Мамочка... Скажи ей, чтоб дала камфоры... Мамочка... Я все, все сделаю, что ты только ни попросишь, все, все сделаю, только дай мне камфоры. Ну!? Ну попроси меня о чем-нибудь. Ну, проси...» Сестра: «Ничего нам, Ирочка, не надо, ты поправляйся и приезжай к нам, привози цветов». «Приеду. Обязательно приеду. И я, и мама, и Коля, и Мишка. У меня есть Мишка. И у него очень замечательная клетка, у него там и кухня, и столовая, и спальня... И у него есть горшочки, в которых я посеяла ему травку... Мама, покажи моими ручками, какие горшочки! Сестрица! Дайте камфоры... Дайте мне сто раз камфоры... Я очень люблю камфору»¹.

Но разве не видно, как это трудно дается? Мне очень много говорит этот отрывок, и в нем есть то, как во всяком подлинном искусстве, что невозможно прокомментировать словами, иными, чем в стихотворении.

«Твое одиночество веку подстать» — это может возмущать лишь ханжей-лакировщиков. «Как? — завопят они, — наши люди одиноки? Клевета!» Нет... Уже несколько лет подряд я слышу жалобы от разных людей на отсутствие личной дружбы, а в этом году — особенно. Отсутствие индивидуальных дружб, конечно же, сопутствует повышению значения коллектива, примата его, растворению личности в коллективе, охваченном единым трудным делом.

---

¹ Запись со слов «Доктор... Доктор» до слов «люблю камфору» выполнена на отдельных листах и вложена в дневник.

В чем же наш героизм, или дело легкое?

Требования его жестоки, м<ожет> б<ыть>, не всегда до конца понятны, но подчинение им, полностью, безоговорочно — свидетельство глубочайшей веры в его конечную правоту. Век, родина, часто она жестока, но путь один — только с нею, только совместный. Надо трезво и прямо смотреть в глаза ее, не отводя взгляда, не подыскивая оправданий — она не нуждается в них. Оправдание — ее задачи, ее дело. У нас многие бросаются в истерику по поводу «момента» именно потому, что не верят, очевидно, что все накладные жестокости будут оправданы. Иваны Карамазовы «не хотят будущей гармонии, раз была пролита слезинка замученного ребенка».

О, это верно — она жгучая, она тяжелее для сердца, чем тонны тяжести, но бесконечно правы те, которые глушат в себе жалость к этой слезинке. Они творят историю, а история никогда не считалась с отдельными жизнями.

Возмущается «Лит<ературное> обоз<рение>» особенно тем, что строки эти вложены в уста Дзержинского. А по-моему — правильно. Здесь именно его сила веры (именно веры), его сила самоотречения, рыцарская, страстно-романтическая и в то же время — трезвая. Как мне хочется написать о Дзержинском, и для юношества, и поэму. Чем больше я думаю о нем, тем пленительнее становится этот образ, наполняясь, очевидно, содержанием, усвоенным много от жизни вместе с ростом духа, знаний... Жизнь его — подвижничество, подвиг, конечно, в особенности, если учесть то, что он был интеллигентом формации 19 века, подобен был Горькому! Оба — человеколюбцы, неистовые и гордые. Да, у Дзержинского с Горьким общего много.

Была 15<го> на «Тихом Доне» — пригласил наш электросиловский коммунист Амельченко. Занятный объект. Чрезвычайно рвется к культуре, к музыке, конечно, много путаных понятий, безвкусицы, примитива, но тяга к культуре — подлинная, не напускная. Как будто бы не принадлежит к типу т. н. рабочих снобов, едва нахватавшихся кое-каких слов и жонглирующих ими. Конечно, рядом с ним резко чувствуешь свою интеллигентность (в лучшем смысле слова), иную свою структуру, но я уже не боюсь и не смущаюсь этой реакцией, как раньше, не чувствую себя за нее виноватой, время другое, очевидно, в этом дело. Говорю с ним свободно, и это тоже приятно. Конечно, превалирует, как и по отношению к Мартехову, не непосредственный интерес общения, а скорее всего профессионально-наблюда-

тельский. Но и это меня сейчас не смущает, ну, ведь верно, мы люди разных кругов и уровней. Общение взаимно-обогащающее, конечно, и я рада, что имела его на заводе, и укреплю его, если вернусь туда. Мне приятно было, что Амельченко, электросиловский коммунист, пригласил меня, хотя он тоже голосовал за мое исключение, предвзвительно неудачно выступив против него.

Как ни далеки от меня по уровню, специфич<еским> интересам и т. п., электросиловцы, я дорожу их кругом, их доверием и пр<очим> — в сотни раз больше, чем тем же самым со стороны т. н. инженеров душ.

Я буду рада, если вернусь к ним, хотя половина залы рукоплескала, когда меня исключали. У меня нет неизбывной обиды на них, — ведь 99/100 из них не понимали моего дела.

Заходил, 16<-го> днем, и К. К. Лукка. Мне очень дорого, что Карл, коммунист с <19>13 года, краснознаменец — не «порвал» со мною после исключения. Я верю ему, хотя иногда оглядываюсь на его рабочую оппозицию и нерусское происхождение. Это — от отравленности, вероятно. Нельзя не верить всем... Он рассказывал страшные вещи о заводе — много арестов. Очень неприятно. Больше же всего — неужели арестован Невинский? Неужели он действительно — враг народа? Страшно подумать! Он был для меня одним из несомненных типов коммуниста...

Но в «Заставе» будет «он», таким, как создала (очевидно, создала) его в себе...

Была недавно у Юрки Германа. Прошлое — не шелохнется. Читала ему «Предков». Очень хвалил... Гм, гм... Сомнительность этих похвал мне ясна, хотя [<1 сл. нрзб>] его советы — «как улучшить» говорят о принципиальной разнице наших устремлений. Нет, нет, только не писать, как он...

Вечером, после Молчановых, буду писать «Заставу» — ужасно непроизводительно живу. Надо пользоваться свободным временем, и писать, писать.

21/X.

Все время — отвратительная, неодолимая нервозность, точно перед отъездом, точно перед бедой... Возмутительно! Уж, кажется, преодолено все, совершен отказ от всего, и пришла мудрость. Ясен и четок

план жизни, и ее ведущие тенденции: терпение, независимость, смелость. Так в чем же дело? Б<ыть> м<ожет>, в физическом состоянии, о степени скверности которого не подозреваю сама?

«Застава» идет черепашьям шагом, нет длительных периодов работы, без отрыва, и так, чтобы руки дрожали от нетерпения. Но, кажется, находок много, да и что, в конце концов, торопиться? Будет пункт, вершина, с которого начнет катиться, а пока — медленное взбирание к этой вершине.

Можно даже отложить сцену юбилея Кристиана, она должна быть очень значительной, и отнюдь не в плане «И<стории> З<авода>».

Кстати, исключили из партии и отовсюду сняли с работы Л. Франкфурт. Весной у нее застрелился муж, зам<еститель> нач<альника> Ленэнерго. Теперь, когда выяснился весь этот ужас о Л<ен>Э<нерго> — несомненно, что самоубийство его не было результатом усталости. У Лии — двое детей. Мужа она очень любила, и его самоубийство было для нее ужасным ударом. Теперь он пакует ей и из-за гроба...

Все необыкновенно сложно.

Много думаю обо всем этом.

23/X-37.

У нас живет Али и его приятель Сергей. Али позвонил мне вчера. Я не испытывала никакой радости от факта его приезда, но лишь смущение и неудобство. Водила их вчера в Эрмитаж. Конечно, они очень далеки от искусства, не более, впрочем, чем сотни русских инженеров и юристов.

Вечером пили все вчетвером и играли в дурака. Кольке они оба, особенно Али, понравились искренне — они, действительно, хорошие мужики.

То, что рассказывал мне Али о себе и своих делах в Ингушетии — потрясающе, об этом запишу после. Но я не испытываю никакого специфического чувства к Али и даже не в силах этого скрыть. Он приехал ради меня. Он говорит, что любит меня — и верно, как будто бы и вправду любит. У меня даже тщеславие молчит. Вчера стал целовать меня — мне почти скучно. Он сразу почувствовал это и сказал мне. Сегодня утром — то же, и еще хуже, т. к. я поступила все же, как пингвинка. Я сама испугалась, настолько внутри без-

бурно и равнодушно. Опустошение, и специфическое, и общее? Что меня не влечет и не волнует, н<a>пр<имер>, Коля Канин — это понятно, но Али? Али, в которого я так была влюблена? Но даже воспоминания нет, сердечного воспоминания. Почему? Первые ответы, конечно: я не люблю его и люблю Колю. После весны <19>36 года для меня невозможно увлечение сердцем. Мне не хочется даже играть с Али... Из чувства бережливости, жалости к нему и собственной слабости, я целовала его; и не испытывала решительно ничего, даже удовольствия.

Я знаю, что честнее сказать ему об этом. Мне жаль его. Я говорю, но чувствую, что не доходит.. Смешно, что Али — нравится Колька, что он по-настоящему и по-кавказски благороден, но не считает, очевидно, плохим, то, что «пристает» к его жене. Это отсутствие сложности — положительно, или грубость души? Я же испытываю величайшее неудобство. А, впрочем, все равно. Я не чувствую себя виноватой, ни перед собою, ни перед Колей: я решительно ничего не отдаю, ни души, ни чувства, ни даже — чувственности. Тоже — опустошение? Не знаю. Байрон прав — добродетель свойство, чувство, но отнюдь не принцип.

Сейчас они опять оба придут, придут Марины, будем пить и играть в карты..

Под вино я становлюсь чувствительней. Мне почти хочется переживаний..

Когда они уедут, поговорю с Колей. Иногда я чувствую, что при всей нашей слитности у нас остается что-то закрытое друг от друга...

25/X-37.

Была ты всех ярче, милей и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни!..

Под выходной были Марины, мы пили, произносили тосты. Было по-настоящему тепло, по-человечески. Милейший Сергей, чудесный Али — понравились ребятам, а они — им, особенно Маруся. И все, все, что говорилось — было правдой: о том, что горести наши минут, что мы проверяемся на них, и что бы ни было с нами, останемся преданными партии и родине до последнего издыхания. Не было

во всем этом ни ложного пафоса, ни надрыва: «я здесь стою и не могу иначе». И все любили друг друга.

А вчера утром ингуши рано ушли, и до сих пор их нет. Видно, загуляли. Не думаю, чтоб у них были какие-нибудь темные дела, я абсолютно верю Али; кроме того, не испытывая ни малейшего угрызения — проконтролировала их сумки. Все в порядке.

Боюсь одного: не прочитал ли Али предыдущей записи (я забыла запереть ящик), не оскорбился ли? Он, несомненно, разочарован встречей. Но что я могу поделать? Их исчезновение несколько шокирует меня, но делаю скидку на непосредственность.

Очевидно, сегодня появятся перед отъездом. Хотелось бы, чтоб получился с Алмазовым сердечный разговор, но не знаю, выйдет ли? Он милый, милый такой. Говорил, что когда ехал сюда — в поезде вечером какая-то женщина попросила его уступить ей его нижнее место. Он отказал: «Утром разглядел ее, вижу, блондинка, на тебя немножко похожа. Я подумал, а вдруг это твоя сестра, и так мне стыдно стало, что не уступил ей место»...

Потом говорил позавчера, будто бы видел сон: «Я хочу спрыгнуть с высокого-высокого этажа, а ты стоишь рядом, и лицо у тебя такое равнодушное, а ты знаешь, что я хочу спрыгнуть».

Возможно, что это иносказание.

Нет, мне приятно, что он любит меня, и если душа не откликается на это, то что ж ее заставлять?

Пусть бы они еще появились, и провести еще вечерок с вином. Жаль, что я заболела (м<енструация?>) — вид очень вялый и пр<очее>...

Вчера очень интересно беседовали с Колей, очень содержательно. Ночью он много психовал, эти его пти-маль... Как боюсь за него. Дорогое мое, главное, незаменимое!..

О, как тоскливо! Все время хочу плакать, все время набегают слезы. Ау, Оленька! А молодость-то прошла!? Прошла, прошла! И с Али так, потому что прошла молодость!

Нет, так друзья не расстаются,

Как расстаемся мы с тобой...

Али звонил, все в порядке. Вечером, вероятно, придет. Если б ему все, все объяснить, перед разлукой, что самой непонятно мне...

И там, над старыми цветками,
У всей вселенной на виду
Мы обменяемся платками
И я на землю упаду..

30/X-37.

Я ничтожная, жадная, безвольная дура.

Три часа назад проводила Али: подавлена, разбита морально и физически — до удивления. Тоска давит — ужас. И, неужели я больше никогда не увижу его? Неужели он не любит меня? Зачем, зачем он уехал от меня?!

Я хочу, чтобы он любил меня. Хочу потопить его в себе... Хочу любви с ним.

Завтра уже, наверное, вернется равновесие и трезвость. Сегодня не хочу разбираться в этом — пенять себе, ужасаться на себя, приводить доводы против. О, я слишком знаю их. Они правы. Тем хуже для них. А вдруг равновесия не наступит? Вдруг не вернется спасительное равнодушие? Что тогда? Увидим... Но только еще этого не доставало... Увидим... О, как хочу к нему!!

31/X-37.

В сердце, как после пожара
Ходит удушливый дым...

О, тяжело! О, трудно, тоскливо... Зачем я не очаровала Али? Зачем выложила перед ним то, что оттолкнуло его от меня? Он не выдержит этого, его любовь не выдержит?

Зачем мне его любовь?

Я думал, что сердце из камня,
Что пусто оно и мертво.
Пусть в сердце огонь языками
Походит... Ему ничего.
И точно. Мне было не больно,
А больно, так разве чуть-чуть...

И все-таки — лучше довольно,
 Задуй, пока можно задуть.
 На сердце темно, как в могиле.
 Я знал, что пожар я уйму.
 Ну, вот, и огонь потушили,
 А я умираю в дыму..

Все это верно, и только про меня... Но сколько раз я обращалась к этим строкам? При Германе, при Викторе... Но мне кажется, что только сейчас эти слова правильны и правдивы. Зачем я в последний вечер с Али не сказала ему, что люблю его, а ответила правду. Он: «Скажи, ты понимаешь, зачем я приехал?» Я: «Да». Он: «Скажи, ты крепко любишь меня?» Я мямлю что-то, чего не помню сама, кажется, вроде: «Я еще не могу ответить тебе прямо». Он: «Вот, я так и знал... Ты не любишь меня. Знаешь, ты никого не любишь»...

Я вздрагиваю, т. к. мне казалось, что об этом иногда догадывалась и думала только я сама, и всегда отпихивала со страхом эту мысль. «О, нет, ты совсем, совсем не прав».

Послала ему дикое, нежное письмо, правду. Но не пишу, что люблю. Нет, наверное, не люблю. Уже сегодня, сквозь дым, ожоги, задыханье, мысль: «Нет, все правильно было, дальше развивать это — нельзя. Это <1 сл. нрзб> снова в ложь и сети».

Но хочу, хочу, хочу, чтоб любил, хочу слышать это от него, хочу удостовериться в этом..

Хорошо хоть, что Кольки нет дома, могу петь, голосить, плакать и бегать по комнатам.

Нет, я не стою, чтоб меня любили. То, что меня любит Коля — незаслуженное, случайное счастье.

1/XI-37.

Уже сегодня, против 12 баллов 30-го и 9 баллов вчера — волнение всего 7–8 баллов.

Призываю на помощь весь свой «опыт»...

2/XI-37.

Мертвая зыбь.

Нет, конечно, все должно было быть так, как было, и м<ожет> б<ыть>, еще жестче? Или немного праздничнее? Главное — я не лгала на этот раз. Если Али будет продолжать любить меня — приятно. Не будет — что ж? «Благословенно, неизгладимо»...

Надо настроить жизнь, как следует. Ах, как я транжирую свой «творческий отпуск».

Ведь бароны пируют, бароны воюют, а я?

Вот Л. Рахманов написал неплохую пьесу, люди пишут, издают, а я все мечтаю. Это, конечно, приятнейшая часть работы, но надо приниматься за сам мрамор. Как у меня много лени. Как сбегая от работы... Читала заметки об искусстве Л. Толстого и устыдилась. Нет, надо именно трудиться. Я очень расхлябана. Надо взяться за стихи, они не удаются. Писать так, как Рудерман и пр<очие>, уже не могу. Это хорошо. Ну, а где же следующая ступень? Попробовать для себя переписать то, что накоплено. Очень много плохого, знаю, но прочесть все это скопом, б<ыть> м<ожет>, обнаружится тропинка? Надо заняться. Надо написать стихи о Сталине, хотя к ним еще не найдено слова, вернее, оно еще не возникло.

Попытаться составить распорядок дня, взяться за здоровье — худею и дурнею ежечасно...

«Застава» должна быть очень плотной, сытной вещью, со множеством «бутонов», откуда мог бы развернуться цветок, но не нужно его разворачивать. Надо писать быстрее...

Написала сцену — пошляк, очень плохо. «И<стория> З<авода>» в худшем смысле слова. Это должна быть поэма. Энергичнее и меньше о Колобкове, больше пространства. Теперь трудно — Петр, отец. Главное — не считать ничего законченным. И еще дальнейшее укажет, что вычеркнуть, что добавить. Больше целых вариантов «Предков» не будет. (Исчезло из юбилея — удивление)...

Кстати об «И<стории> З<авода>», редакцию у нас — ликвидировали. Достукались, бездельники и трусы.

Серебряников (см. ту тетрадь!), обвинявший «Углич» в контрреволюции, — арестован. Ясно, он выступал по принципу — «держи вора», я это ясно почувствовала и сказала тогда. Хорошо!

Бубнов арестован. С удовольствием вспоминаю, как агрессивно всегда к нему относилась (впрочем, это отношение было всеобщим) и что он лично запретил «Пимокатов». Книжка была хоть и слабая (впрочем, не хуже десятка других), но политически острая и нужная.

Удивляюсь, почему так долго не звонит мне один знакомый?! Что он задумал и как его дела? Позвонить самой или не нужно?..

3/XI

Получили отчаянное письмо от Ленки Анка. Он все еще без работы, и его нигде не берут на работу. Буду сегодня писать Сталину. Так нельзя. Это мой, наш собственный долг. Пусть это будет тысяча первым письмом, все равно. Буду писать сегодня. Я не удивлюсь тому, что Ленка действительно кончит жизнь самоубийством... Все к этому в нем готово.

4/X¹.

Сегодня узнала, что недели полторы назад — арестован Виктор Беспамятнов. Господи, да что же это такое? Во что он мог впутаться? Оговорили «союзники», — сидящие из С<оюза> П<исателей>? Сам вмазался? Враг? Не может быть, чтобы враг. Нет, не может быть.

Странно. Вот был когда-то близок человек, сколько из-за него «пелестрадала», а жалости к нему нет. Мне на руку сейчас его подлость — его заявление в партком о том, что я просила обратно мои письма. Уже до этого факта, и с этого факта особенно, я отсекала его в себе совершенно. Жалости, м<ожет> б<ыть>, нет еще и потому, что слишком уж бытовым явлением сделались эти аресты. Количество их — потрясающе все же. Неужели все 100% арестованных — враги? Конечно, не все. Ряд — профилактика и т. д. Господи, а сколько страданий человеческих сейчас!

Проклятые гады, за одно это надо их четвертовать!

Я все еще санкционирую все, со всеми издержками, хотя издержки эти — дерут сердце. Но все же надо, надо было бы вспомнить слова Сталина об индивидуальном, чутком подходе к человеку, а их словно бы «отменили». Здесь я имею в виду Вольку, Анка, Марию, меня... А что делать с Али? Но там была явная контрреволюция. С Анком, например, скрытая, с Марусей — тоже. Нет, буду (и пишу уже) Сталину. И в таких тяжелых условиях нет смысла разбрасываться преданными людьми. Т. е. именно их надо беречь, помочь им испра-

---

¹ Вероятно, ошибка в датировке. Правильно: 4 ноября.

вить ошибки, научить их. А у нас — всех одним миром мочут. Нет, буду писать И<осифу> В<иссарионовичу>, и пусть будет что будет... Реально представляю, что и меня могут арестовать.

Господи, но ведь это же позор, позор (не для меня!), что человек, не знающий за собой ни малейшего проступка против родины, не предавший ее ни словом, ни делом, ни помышлением, предполагает, что может быть арестован! И я знаю — так думаю не я одна: так думает, например, Лукка, орденосеиц, коммунист с 1913 года, который десятикратно загладил свои три месяца в рабочей оппозиции 16 лет назад...

Народ, вообще, устал, утомился от всех этих дел. Но чему я рада — это аресту Цильштейна. Сука и двурушник, ничего удивительного, что попался. Теперь мне понятно, почему он так настаивал на моем исключении из Союза; ведь он же, когда я приезжала к нему в горком, прося освободить меня из «Лит<ературного> Лен<инграда>» — дезориентировал меня, говорил, что у нас в Союзе — травля, а не принципиальные дела, и он же шелестел, что я в «Лит<ературном> Ленингр<аде>» чуть не вредительствовала.

...Колька осуждает меня за «жилу», за то, что я много и часто говорю в нашей компании об этих блядах, верно, я не могу выйти из круга этих мыслей. Я ранена, отравлена ими. Сердце горит.

Свет мой, родина моя, скорей бы задушить твоих предателей и тех, кто им помогает — трусов, шкурников, перестраховщиков!

7 ноября 1937 г. Двадцатилетие Октября.

Да, двадцатилетие. Я решила идти с «Электросилой». Приехала туда. Ряд людей — Микелимов, Нинка Резникова, Комар, Козовский (с которым в <19>32 г. составляли план второй пятилетки н<ашего> завода) — встретили меня приветливо, хотя и не без тонко ощущенной мною опаски за себя. Сустов (член паркома) — не поздоровался со мною, Ванька Круль едва кивнул. Я все же пошла с ними, гордясь своим мужеством, готовая «все простить» им, чтобы пройти с ними мимо трибуны, в день двадцатилетия. Не доходя до Технологического, парторг техздания Угам подошел ко мне и сказал: «Товарищ Берггольц, оставьте колонну»...

«Почему», — спросила я, все уже понимая. «Так, оставьте колонну, т<оварищ> Берггольц, я вас не знаю»... Я продолжала идти,

не в силах очнуться от позора и оскорбления. Он снова подошел и снова настойчиво попросил меня «покинуть колонну». И около Технологического я вышла.

Колонны шли мимо меня; оркестры играли о «счастливой жизни». Я долго сидела на лавочке около Технологического, курила, давила в себе слезы.

Потом пошла к Мариным, рассказала им, выпили с ними тминной водки. От водки пришло то настроение бесшабашной, обреченной удали, которое почти всегда бывает у меня теперь, когда выпью.

Я знала, что мне не нужно было бы рассказывать этого Мариным, хвастаться этим ударом, бессмысленным, жестоким, глупым, я не могла не рассказать, я поторопилась также сообщить об этом Кольке, и даже Кольке Канину.

Достоевщина? «Наслаждение унижением и страданием»? Не знаю. Может быть, даже и это. Но скорее — желание разгрузиться от тяжести. Желание выслушать осуждение оскорбившим меня...

Поступок Угама — по существу антисоветский поступок. Ну, хорошо, а если б это была не я, которая понимает, что это не политика партии, и не допускает мысли о том, что это может быть «указано»? Куда бы, кому бы в объятия толкнул этот дурак и мерзавец человека, который, преодолев в себе боль и обиду незаслуженного исключения, пришел вместе со всеми продемонстрировать свою преданность?

Как реагировать на это?

Но оттого, что поступок Угама антисоветский — мне, лично, не легче, а вдвойне тяжелее... Ну, доколе же? Когда же будет сказано сталинское — «так нельзя!»? Дико, дико... С 12 лет только и жить любовью к партии и стране, и быть вышвырнутой из колонны идущих праздновать 20-летие революции...

А Угам, очевидно, «согласовал» свой поступок, навряд ли бы он сам решился на это. Бегал мимо колонны, где я шла, и курносый комсомолец Павлов, не здороваясь со мною, но видя меня, и очевидно, набдил. Но как же реагировать на это? Ну, прибавлю в письме к Сталину. Но этого мало. Написать еще Угарову?..

А если меня восстановят, как же они будут глядеть на меня, тот же Угам, тот же поросенок Павлов? Ведь им стыдно будет! Может быть, мне нужно было бы сопротивляться, идти к Ваньке Крулю, идти в свое, 203 отд<еление>. Но у меня просто сердце остановилось. Ох, как подло, подло...

Ну? Что же я буду делать?

Я буду жить. Ich kann nicht anders!¹

Это враги, радеки — искушают меня. Это их дело — мои теперешние беды. Они ждут, что я сдамся? Усомнюсь? Скажу — «все обман». Нет, не дождутся. Сдачи не последует. Выстою. Вынесу. Credo. Парикмахер, подстригавший меня, будет гордиться этим когда-нибудь. А не будет — не надо.

Я сильнее угамов, брыкиных, мирошниченков.

Нет в женщинах и в жизни постоянства,
Зато бывает очередь твоя.

Моя очередь придет. Трудиться, сопротивляться, в чем можешь, разоблачать, кого можешь. Глубже уйти в себя. Родить пленительные образы новых людей: Степана, Наташи, Анны. Быть пока — вне.

Вы обижаете меня сейчас? Вы будете благодарны мне. Вы не хотите знать меня? Вы будете жить тем, что я создам.

Вот уже сейчас почти нет боли. «Прости им, ибо не знают, что творят». Но если «велено»? Нет, не может быть. Прости — и борись с теми, которые, даже по неведению — творят вред.

Конечно, об этом больше никому не скажу.

Кажется, Козовский стал противным. Нинка Виткова звонила ему от моего имени, просила зайти ко мне. Он сделал мне замечание, прибавил: «Я думал, что меня проверяют»!. (?) Как отрусел народ! А, все равно. Жить. Читать. Работать. Ich kann nicht anders!

10/XI-37.

Завтра разбирается мое дело на партколлегии. Все-таки, очевидно, это будет новая чаша. Не знаю, что хуже: то, что я волнуюсь до оледенения рук и ног, или то, что злюсь на свое волнение, даже иронизируя над ним. М<ожет> б<ыть>, следовало спросить «что лучше»? Днем даже оглушила себя валерьянкой.

Завтра пойду туда не под валерьянкой. В открытую. Ну, и что же, если меня не восстановят? Если не восстановят даже в Москве? Мне будет только труднее жить. Но жить я буду. Я что-то знаю

¹ Я не могу иначе! (нем.).

теперь о жизни, что трудно выразить словами... Я буду жить. Сегодня Коля предложил мне, как говорится, покончить с жизнью сче-ты. Я, наверное, недооцениваю серьезности этого его намерения, не только внешне (внешне — наоборот, я отшучиваюсь), но и внутренне... Все, что он говорит, в какой-то мере справедливо... Да, трезвей, Оленька, трезвей. Жизнь, даже и в форме нашей системы — не такая приятная вещь — верно. Но даже и то, что она вообще неприятна — не интересно? Можно не шадить себя, вместо того чтобы умереть. «Можно, в конце концов, вооружившись добродушием и равнодушием, иронией и спокойствием (“все равно ничего не поделаешь”), встать над нею».

Может быть, мне хватит одной себя, чтобы жить. Каждая жизнь имеет права на существование, любая жизнь может быть полноценной. Не достаточное ли оправдание жизни в том, чтобы жить? «Твое одиночество — веку подстать»...

Но куча несправедливостей, количество которых ставит в тупик, цепь, однообразие фактов трусости, перестраховки, принимающих подчас характер какой-то паники, безвыходности... Отмахнуться от них? Невозможно. Оправдать объективной необходимостью в конечном счете? Уже трижды оправдано, а дальше? Жить, недоумевая и ожидая, что «барин рассудит»?.. А что мы сами?

Вчера, слушая Лялю М., студентку М.ГУ., я держалась очень ортодоксально (без приторности) — но хотелось всплеснуть руками и возопить: «Братцы мои, да ведь это молодежь, НАША молодежь, нельзя с нею так»...

Завтра на партколлегии буду держаться твердо и смело. Скажу все, что думаю о м<осковском> о<тделении> Союза писат<елей>, о своем деле, о гнусной травле, организованной вокруг меня, вплоть до изгнания с демонстрации — обобщая. Пора говорить об этом, где только можно, — я разумею авторитетные инстанции...

Да, держаться уверенно и смело, и говорить не только за себя. Dixi.

...Восхитительно было бы хлестнуть по морде м<осковскому> о<тделению> Союза своим восстановлением. Но надо помнить и чувствовать, что это — мелочная мысль.

Надо помнить также, что могут исключить, а потом — выслать. Надо быть готовой даже к этому...

Ты обойдет наградой. Позабудь.
 Дни вереницей мчатся. Позабудь.
 Небрежен ветер. В вечной книге жизни
 Мог и не той страницей шевельнуть...

11/XI. Утром.

При всем вышеизложенном я очень хочу, чтоб имя мое было реабилитировано, чтоб меня восстановили, дали возможность печататься и т. д.

Готовя себя к худшему, не проявляю ли я неверие в справедливость партии и советской власти. Должна бы была быть лишь одна мысль: «Я не сомневаюсь в том, что я, Анк, Маруся, Волька будут реабилитированы, потому что мы правы, а наша система — за правых». Но не одна эта мысль. Конечно, в конце концов так и будет. Но как глаза росой будут выедены...

Ну, еду. Итак — не только за себя.

Вечером, после вина у Мариных (выполнение слова, данного Али Марусей, при проигрыше на куриную дужку).

Была на партколлегии. Конечно, говорила не так, как собиралась. Неожиданно для меня, были вызваны на заседание Капица и Круль. Я была сбита этим. Все-таки я сказала почти все, что было у меня задумано, хотя не в столь боевом плане. Смяла «лирическую концовку». Забыла сказать о Чумандрине, опустила главное обвинение — Добина.

Впрочем, Петька вяло мямлил, Круль сел со своими «дополнительными обвинениями». Никитин изложил мое дело в благоприятном для меня плане. Общий тон был сочувственным; но все же я думаю, т. е. уверена, что я — исключена.

Ну, что ж, в Индию Духа, быть может, можно доехать и без плацкарты.

Буду завтра работать. 13<-го> узнаю у Никитина, как и что. Попробую поступить на работу, устроиться в школу. Подаю апелляцию в Москву. Съезжу туда.

«Жизнь, между тем, настоящая жизнь людей»... Напишу обо всем — Сталину.

И — все меньше любитя. Все меньше дерзается.

И лоб мой с разбега время крушит.

Приходит страшнейшая из амортизаций
Амортизация тела и души.

Пройдут годы. Я напишу «Заставу». Я воскресну, как Феникс из пепла.

Спокойнее, спокойнее. «Жизнь, между тем...»

Умри — и стань. Пока — умираю. Это тоже творческий процесс.

12/XI.

Села за «Заставу», что-то не идет — дорабатываю «Предков». Не нравится. Как непроваренная манная каша, — комками. Рассудочно. Плохо, плохо... неохота даже писать.

15/XI.

Хорошее, хотя и нервное состояние. Терпкое. Внешних поводов мало. Никитин сказал, что «трудно рассчитывать на благоприятный исход; дело не в связях ваших и т. п., а вообще в том, что в вас много обывательского»... Что же возразить против этого? Я сама знаю об этом, теперь догадались люди. Колька говорит, что то, что они называют «обывательским», мое доверие ко всем этим сволочам — является широким гуманизмом, но на данном этапе — это не нужное качество. Да, и это, но и обывательство в чистом виде, и интеллигентщина — все это во мне есть еще, и было — невпроворот..

Конечно, обывателей в партии уйма, но не по ним же равняться?

Буду апеллировать в Москву, конечно, м<ожет> б<ыть>, поеду туда сама, очень хочу восстановиться, но, кажется, договорилась с собою окончательно: партию завоюю заново. Заново, всей жизнью. Чем, собственно, до сих пор я завоевывала ее, а особенно в те годы, когда вступала? Мне был оказан кредит, не больше...

Успокоительно, вероятно, подействовала вчерашняя беседа у Дз. М<ожет> б<ыть>, скоро где-нибудь буду работать... Вообще, я живу сейчас хоть и очень трудно, но интересно. Совершаю очень тяжелый и высокий переход, полный колючих кустов и острых камней. Доли на жестокости тяжче всего дается мне. Зато как отрадны привалы Дружбы. Когда-нибудь напишу обо всем, и м<ожет> б<ыть>, даже по-

весть напишу. О человеке, по-настоящему понявшем и полюбившем родину, в те годы, когда она была к нему жестока и даже несправедлива. О человеке, увидевшем новый лик своих бывших друзей и ставшем к ним беспощадным... О многом, о чем сейчас нужно думать и нельзя писать.

Сейчас буду писать «Заставу», но от окон дует, окоченели руки. Детство. Ведущее начало — колыбельная песня, Утроба гнезда, мир и счастье первого познания мира. И подо всем этим счастьем — ложь и гниль, которая обнаруживается после. Ведь это интересно, а?

В «Предках» много наковыряла, прибавила нового, пока больше не буду трогать, чтобы не заостенело. Увлечена неудавшейся сценой мечты отца.

17/XI-37.

Сегодня на комитете комсомола «Электросилы» исключили меня и из комсомола.

Мне было грустно и немножко смешно. Курносый и белобрысый Павлов, говорящий «нам надлежит разобраться», державший себя с непомерной важностью, молодые ребята, не знающие даже, что такое РАПП, молодые комсомольцы, имеющие по 2–3 года стажа, поступившие в комсомол легко, легко идущие по жизни, — лишали политического доверия меня, женщину, родившую и похоронившую двоих детей, пережившую и в любви, и в работе то, чего им еще и не снилось.

Разве те ужасные страдания, слезы, преодоление тягчайшей власти любимых родителей, сопротивление среды — утробы, пережитое мною, 15-летней девчонкой, при вступлении в комсомол — известны им? И то счастье, та великая, подлинно-революционная радость при вступлении, то желание пожертвовать собою ради дела, ради революции? А знают ли они, как трудно было получить это самое высшее образование, которым они меня попрекают, мне — дочери служащего, ведь тогда это играло роль. Знают ли они, как я училась, работала, кормила Ирку, сопротивлялась Корнилову, тащившему меня из комсомола? А Кавказ? А поездка в Казахстан? А та же «Молодая Электросила»? И вдобавок ко всему горе, горе, горе, преодолевая которое не теряла веры в дело и желания служить ему.

Им не снилось все это, ни фактически, ни чувством... И вот они-то и исключают, и осуждают меня... Грустно и смешновато. Что ж?

То, что у меня было подлинного (а сегодня оглянулась и увидела, что было не мало!) — мое достояние.

Искренность, преданность и горение — действительно были, и комсомольский билет стоит их. Вернее, наоборот. Все, что было, было. Было и не плохо. Достоинно была проведена комсомольская молодость, по искренности достойно, несмотря на многие — не политические! ошибки, на тщеславие, на все, благодаря чему в той традиции я искренно назвала себя ничтожеством.

У этих трогательных в своей неопытности ребят нет ничего такого, чем бы они могли похвалиться предо мной. (Партия — другое дело.) Я не сержусь на них. Мне жалко их. Организация стала какой-то очень несерьезной. Они исключили меня вслед за партинстанцией, даже не пытаюсь подойти ко мне самостоятельно и как к живому человеку. Им это не нужно. Бедняги...

Еще раз ушла молодость...

Дорогие члены бюро КСМ, а я напишу книгу вам и о вас, чтоб она учила вас жить, любить людей, ненавидеть врагов, учила вас преодолевать горе, одиночество, свою же дикую человеческую породу.

Я все напишу о себе, о комсомоле, о том, как трудно и радостно выдавливать из себя раба

Я вызову к жизни прекрасные, гордые, жадные к жизни образы юношей и девушек, комсомольцев...

Ничего. Ничего. Не смущайтесь. Я напишу эту книгу — для вас и о вас...

1943 г Ленинград. 10/IX-43.

Я думаю, что, написав сценарий «Они жили в Ленинграде», о комсомольцах великой ленинградской зимы <19>41/42 гг, — я выполнила свое обещание, данное исключившим меня комсомольцам в <19>37 году...

1948 г Ноябрь.

А в этом году я выступила с вечером воспоминаний, как старая комсомолка и поэт, и новые комсомольцы стоя хлопали мне.

21/XI-37.

Никак не уляжется крови сухая возня... Мишку Ч<умандрина>, кажется, восстановили в П<артийной> К<оллегии>, теперь должно быть решение горкома. Он держится, как восстановленный.

А из партии исключают Галку — за быв<шего> мужа, с которым она разошлась четыре года назад — он теперь арестован за мальчишку-брата, который, будучи в Кр<асной> Армии, получил за что-то четыре года и которого она не видала больше трех лет. А Галка — с 17 лет в партии, поднялась до Кижя из самых низов. Теперь ее исключают из партии, как «не внушающую политического доверия», затем выгонят из Кижя, стоившего ей разлуки с сыном, с Ленькой, страшных трудов... Если за два месяца декрета ее не произойдет изменения в парт<ийной> политике — ее жизнь будет изломана совершенно. Сейчас пока что изломана наполовину: не выдержала Леньки, измученного историей исключения «за связь со мной», измучилась своей историей — и разошлась с ним. До ужаса жаль Леньку. Конечно, он чересчур «расползся», чересчур деморализовался, но не все же обладают моей трехжилностью... Вообще, случаев в Киже, подобных Галкиному, очень много. Исключили из комсомола и, вероятно, снимут с работы Клавку Анисимову, дочь прачки, комсомолку с 11-летним стажем, по совершенно глупым мотивам, культурнейшего, работоспособнейшего человека. Та же организация оставила в комсомоле Кольку Лесючевского — совершенно растленную сволочь.

Я воздерживаюсь от обобщений, я все еще не могу допустить мысль, что Галка, Клавка и подобные им — результат «веленой линии». Они — перегибы. Но случаи эти переполняют меня горечью... Неужели же, все-таки, нужно такое количество жертв, чтоб травить и выкуривать? Неужели забыты слова о бережливости к людям? Я не пишу Сталину, писать о Леньке значит писать о Галке, о Марусе и многих других, но количество этих других несправедностей наводит меня на мысль, что, вдруг, я буду протестовать не против частных, а против принципа? Т. е. что эти возмутительные частности являются неотъемлемой частью правильного принципа? Мне возразят: «А что же, значит, надо оставлять в партии людей, у которых родственники — враги народа?» Я знаю, что в принципе — нельзя. Я знаю также, что <во> всеобщем масштабе все это делается в интересах охраны моей власти, и охрана ее важна мне

по совести. Но Галкину жизнь преступно ломать. И Ленькину. И Марусину. И мою, в конце концов... А сколько таких?! Не знаю, как жить, не конкретно, а в общем.

Нет в душе мира. Жалко друзей и как-то совестно перед ними, точно я — главная виновница их бед. Коля говорит верно: «Мы все говорим, что за советскую» власть умереть можем. Сейчас от нас больше требуется — жить, вынести с честью эти испытания, доказать нашу преданность на деле». За себя и за него я отвечаю — у нас-то сил хватит. Но Ленька? Но Маруся? Но с оскоминой, но с оцепенением, с комьями в горле, но с тоской столько слов устаешь дружить...

Опять отбилась от книги, дикий режим, масса мелких дел по хозяйству. Завтра возьмусь снова. Надо быстрее ее двигать. Да, надо закончить «Детство», до «Углича». Или хоть экспозицию сделать.

23/XI-37.

Сегодня приезжает мать, новый объект для раздражения. Впрочем, попытаюсь с ней ладить, — надо жалеть людей. Потом, м^{ожет} б^{ыть}, она возьмет на себя стиральную, смогу до работы заняться книгой. А работать надо поступать, хоть в школу, Кольке одному трудно.

Муська звонила по телефону — Юрия, кажется, восстанавливают. Опять я в дураках осталась. И неужели известный т^{оварищ} путает и опутал меня? Впрочем, я держалась и держусь в основном правильно, и всегда подчеркивала свою особую точку зрения. Но в партии этим людям, и Юрию, и Мишке — делать нечего. Я не Левушка Левин, чтоб рассуждать, что «выгодно для меня». Они, конечно, не враги народа, но вреднее всяких врагов своей «ортодоксальностью», узостью, бюрократизмом, бесчеловечностью, догмой; они — типичные насильники...

26/XI-37.

В день приезда матери рассказывала ей о «Заставе», т. к. объясняла ей основную идею и ряд ситуаций — популярно, приспособляясь к ее уровню, то, вдруг, самой как-то стало все слишком ясно, просто — каркас весь готов, значит, только обтягивать его, мысль ясна, значит, открытий не будет, и стало скучно, как-то насупилась, точно на ко-го-то рассердилась, не захотелось писать.

Нет, мое суеверие не напрасно. Не нужно никому рассказывать, тем более популярно, а то выкипишь, выговоришься, обызвестишь мысль... Засела на «Детстве», очень трудно komponуется. Подводно продумываю композицию. Беспокоит вневременная повествовательность, как потом перейти к хронологии? К войне?.. Много слишком в раннем детстве, что неправдоподобно с точки зрения восприятия героини — 4-летней девочки... Да, здесь очень, очень многое зависит от композиции. Пожалуй — 1) описание дома, 2) описание родных, 3) Авдотья, 4) мать Степана, Степан, двор. В 2) Юрьев, отец-мать. Дома — редко. Меня раздражило также то, что мама, делая вид, что все понимает — подавала советы, особенно относительно ее образа Людмилы. А я как бы оправдывалась заранее в том, что «она» будет очень неприглядна. Это мешает мне вообще — трудно отделаться от живых, от сознания, что они «обидятся». Это злит меня — настолько это держало кисть, и только-только освободилась я от живых, как надо мне было извиниться перед мамой и попытаться оправдаться! Милочка должна быть жалка, и отвратительна, несмотря на все свои способности к самоотвержению и самопожертвованию. А мать — брр..., она говорила: «Да, да, она способна на это». Нет, никаких разговоров с ними, кроме нужных мне. Вчера и отцу стала хвастаться — самой трудной фигуре, «им» — к чему? Вот дурра-то... Пили — угощал отец, ночью неистовствовали с Колькой. Сегодня мне немножко стыдно и очень влечет к нему, как к «чужому», от того что вчера было... Когда-нибудь и обо всем этом запишу...

29/XI-37

В постановлении партколлегии по моему делу сказано: «подтвердить постановление райкома, исключить как не внушающую политического доверия». Не совсем понимаю — это что, новая формулировка? Очень боюсь, что меня вышлют; знаю, что боязнь эта оскорбительна, и для меня, и, в первую очередь, не для меня, но все-таки беспокоюсь. Уже желания мои минимальны: я хочу остаться в Ленинграде, жить с Колей, писать (главным образом — писать!) и работать.

Пусть идет года, даже без возможности печататься. Я сумею заполнить жизнь интересным для себя содержанием, вместо того, которое у меня отобрали. И — все равно, по существу, содержание будет то же: жить так, чтобы возможный, разрешенный максимум отдать

родине. Какие бы новые элементы трезвости, м<ожет> б<ыть>, частичного разочарования и т. п. ни появились в моем отношении к ней, к ее системе — все равно, мне другого пути, кроме как с ней — нет.

Эти годы придется, конечно, жить больше внутри, чем вне, больше копить, больше консервировать, чем отдавать, но не я виновна в этом! Мне не доверяют — отдавать максимум, не разрешают... А ведь подумать — я все же хороший, знающий свое дело пропагандист, квалифицированный журналист, наконец, писатель, которому есть что сказать. Ничего, все это пригодится. Пока солнце взойдет, роса глаза выест. Надо побереечь эти годы глаза. Не шорами и розовыми очками. Холодными примочками спокойствия, свинцовой примочкой.

Я думаю теперь, что и Ц.К. меня не восстановит. Ну, хорошо, хорошо, не выселяйте меня только из Ленинграда и не мучьте больше. Хватит с меня того яда, который уже есть внутри. Коля говорит: «В формулировке П<артийной>К<оллегии> нет ничего неза заслуженного. Наоборот, есть все данные думать, что ты, по своему характеру, вновь повторила бы те же ошибки, которые уже совершила». Я с удивлением думаю: «А ведь верно, похоже на то», и тут же возмущаюсь: «Я не внушаю доверия, а Мишка Чум<андрин> — внушает? Мерзавцы Мирошниченко и Решетов — внушают? Да, в конце концов, разве можно казнить человека, преданного и стремящегося работать, за ошибку, не причинившую никому никакого вреда?» Нет, забывают Ленинскую постановку вопроса о «погибших и непогибших коммунистах» в «Зам<етках> Публициста», игнорируют указания Сталина об «обучении на ошибках», или это игнорирование — с его же ведома? Очень противоречиво в душе и глубоко тяжело. Но надо перестать «переживать» по поводу утраты партии. Надо пока (несмотря на то, что подам апелляцию в ЦК) оставить мысль о восстановлении и спокойно жить и работать.

Г<енка> Гор забавно и соблазнительно говорил мне: «Зачем тебе торопиться? Успеешь вступить... Тебе незачем торопиться с восстановлением, тебе можно без партии... Вот Чумандрину без партии нельзя, без партии он ничто, он не писатель без нее, ему нужно восстанавливаться»... Только какая-то особая наивность и чистодушие Гора извиняет эти его слова. Но Левке Левину, который рассуждает: «Ты, Оленька, не импонируешь партии, а вот Чумандрин импонирует», и в то же время говорит: «Я очень не хотел бы, чтоб Чумандрина восстановили, он плохой партиец, но мне это выгодно — пусть вос-

становят», Левке извинения нет никакого. Экая бездна двоедушия! Экое подлое отношение к партии! Экое гнусно обывательское представление о партии: «Чумандрин — подл, отвратителен, но пусть будет в партии — раз мне это выгодно. К тому же, хоть он и подл по существу, но он и такие, как он — импонируют партии».

После последней беседы с Левкой, несмотря на то, что он внешне хорошо ко мне относится, так он стал мне отвратителен своим самгинским двоедушием, что уж окончательно стало не жаль его. Он — очень жалкая фигурка. Конечно — это родной брат Самгина. Это — сквозит во всем. «Ах, Оля, жалея себя, и никого больше»... Во всем, что он делает — ему важен только он сам, только отношение к нему; он, конечно, любит литературу лишь постольку, поскольку она дает ему повод для выявления своего ума, способностей и т. п. Все, что происходит — важно ему в первую очередь, как это отражается на его положении... Вот уж воистину —

И ненавидит он, и любит он случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви...

Искры «божеского» в нем микроскопичны. Чумандрин, конечно, вреднее его. Боже! Как могло мне хотя бы временами казаться, что Чум<андрин> — «настоящий коммунист» и т. д.?! Сомнение в нем почти всегда грызло меня, и я все-таки делала невероятные натуги, чтоб убедить себя в том, что Мишка — стоящий. Эти его теории о том, что «у нас невозможно личное горе», что об этом не «стоит писать», эта его последняя теория, что «нельзя серьезно ни о чем писать без изображения врага», «всюду враги», «трам, быт коммуны и т. п. — дело врагов», т. е. изображение всех наших исканий, ошибок исключительно дело врагов. Как это глубоко антиленински, убого, низколобо, хоть с виду и ортодоксально, на полвершка левее Кремля. Да, жизнь своя получается не такая, как мечтал о ней, скажем, в Первой пятилетке...

О, Мамиссонский перевал! Пресыщение счастьем, до того, что уже не чувствуешь его вкуса... А дневники мои, в <19>32–33 г. полны жалоб на плохое настроение, на тяготы. Это тогда, когда у меня были живы дочери, когда мне доверяли — я смела ныть?! Правда, тогда были свои тяготы — деньги и т. д... Но все же... И неужели я буду еще несчастней, чем теперь, и эти дни буду вспоминать как счастливые? Нет, я неблагоприятное животное: я же живу, я относительно здорова,

такое сокровище, милый и высокий такой человек, как Коля — любит меня, у меня есть приятели, и даже друзья.

Нет, от жизни нужно требовать мало, и очень, очень ценить то, что имеешь... А такая мысль: еще все будет! Это пройдет... Все будет, будет много хорошего, и тебе поверят, и полюбят тебя... О, умри, и стань! Умри, умри пока, чтобы потом — стать. Умри, и пусть в курган с тобою зароят твоё тщеславие, суетность, противоречивость. Нет, не с тобою, а сожгут отдельно. Чтобы, став, больше не пользоваться этим оружием. О, умри, и стань... Умри, умри, умри!...

1/XII-37.

А правда-то, матка-то — все-таки есть на свете, «Кость-то в нем все-таки есть». 29/XI в «Смене» появилась огромная статья против... Мирошниченки! «Смена» — орган, конечно, малоавторитетный, но «слово произнесено», это главное! Кончается статья: «Мирошниченко должен ответить за свою двурушническую, антипартийную деятельность». М<ожет> б<ыть>, я одна, или почти одна знаю истинное значение этого первого залпа; а также приятно, что некоторые моменты (кстати, наиболее острые) статьи совпадают... Ну, скажем, с моими выступлениями по адресу Мирошниченко на том же парткоме и т. д. вплоть до партколлегии. Нет, сволочи у нас все-таки не жизнь! Это приятно. В тот же день в «Лен<инградской> Правде» раздробили Брыкина, за его бездарные, контрреволюционные книжонки. И об этом я говорила — еще на райкоме! А сука, приехал исключать меня, захлебываясь слюной, орал, что я — «карьеристка», чуть ли не шпионка, на, получай! Нет, я все-таки вела себя правильно. Да, срезалась в «Лит<ературном> Ленинграде», и мудро было не срезаться в этом нужнике, но вела себя и тогда, и потом — честно: говорила и поступала так, как подсказывала партийная совесть. И лучше ошибка, чем двурушничество, а я не вступила на этот путь, как ни грозил мне Гришка. Я «защищала» Беспамятнова, это ошибка, но зато я не сделала другой ошибки — не пошла с кликой быв<ших> рапповцев — Либединского, Чумандрина, Гришки, чутье верно подсказало мне, что их позиция не принудительно-партийная, а политиканская, двурушническая.

Податься тогда было некуда, требовалась исключительная партийная опытность, ее у меня не оказалось, и за это я плачу (чрез-

мерно, чрезмерно все же!) — теперь. Я рада, что не участвую теперь, прямо, во всем этом, что поднимется там. Мне брезгливо жаль Брыкина, Гришку и прочих жалких людей, ущемленное самолюбие которых вопиет, которые вертятся сейчас, как ошпаренные, запутались в собственных силах. Беспощадно жаль, т. е. жаль, как гадов, которых нельзя пощадить. Не лезь в писатели посредством саморекламы, потопления других, искусство знает только один путь — труд, и требует таланта.

Еще раз прочитала сейчас мучительную повесть Достоевского — «Кроткая». Как интересно, все больше и больше берешь от искусства с годами и опытом, все больше радуешься его неисчерпаемости... И не только берешь, а и больше проникаешь, и больше проникает в тебя. Как там этот закладчик говорит, после потери жены: «Что мне ваши законы? Я отделяюсь». Вот, вот, именно! «Я отделяюсь».

Это — то чувство, которое возникает во мне, когда возникает во мне Ирка (теперь реже, но еще удушающее). «Я отделяюсь», я остаюсь одна в пустоте удушья — «что мне ваши законы?!». «Что мне теперь ваши законы? К чему мне теперь ваши обычаи, ваши нравы, ваше государство, ваша вера?.. А я закричу ему: “где у тебя теперь такая сила, чтобы я послушался? Зачем мрачная косность разбила то, что всего дороже? Зачем же мне теперь ваши законы? Я отделяюсь”. О, мне все равно!» Свет мой, девочка моя, неужели ты была у меня, неужели жила на земле? ...

Я работаю лениво, не упорно. Роман очень сопротивляется, разрыхляется, распадается, а я не вижу пути переработки, переделки его. Мне вообще кажется, что на этот раз я пишу так, что переделать будет нечего, и удивляюсь, как это я несколько раз, в корне, переделывала «Зерна»?! Это, наверное, пока, а потом будет виднее. Хотелось бы написать еще два задуманных рассказа — «Обман» и «Переход», выправить для детей «Мечту»... Хотелось бы пожить хоть месяц, только в чад у работы, быть одержимой ею, ни о чем другом не знать и не думать. Неужели такого не будет?

Видела сегодня во сне одного человека, сон был любовный. Такие сны на меня имеют удивительное действие — как-то начинаю думать об увиденном человеке, — темно, со специфическим любопытством, тянет к нему, кажется. Что уже странно связан с ним... А этот человек играет совсем особую роль в моей жизни, сколько внутренних диалогов я ему посвятила! Как бы он хохотал, узнав об этом сне.

Но и моя ирония настороже и наблюдает, добродушно и трезво... это в самом деле — «Зеер комик»... «Ничего, ничего», как говорил Поприщин: «молчание, молчание»...

9/XII-37.

Была ты всех ярче, верней и прелестней...
 Не кляни же меня, не кляни!
 Мой поезд летит, как цыганская песня,
 Как те невозможные дни...
 Что было любимо — все мимо, все мимо...
 Впереди неизвестность пути...
 Благословенно, неизгладимо,
 Невозвратимо — прости!

Точно я стою на какой-то границе прошлого и будущего, а настоящее — только время между вздохом и выдохом... И многое вспоминается с любовью и трепетом, даже то, что совсем недавно казалось плохим. Была ли я когда-нибудь хорошей? То кажется мне вдруг — о, да, была, была, всегда была хорошей, то грустно усмехаюсь — каким суетным ничтожеством, ничего не понимающим и не любящим была.

Сегодня кажется — была лучше, чем сейчас, много лучше. Прошла ли уже молодость? Кажется, прошла, а я ничего не успела, даже не насладились ею. Все казалось — это пока, времени много, и вдруг его не стало. Но сердце еще чего-то чаёт, особенно последнее время, сама не знаю, почему.

Порой опять гармонией упьюсь,
 Над вымыслом слезами обольюсь...

Надо использовать это терпкое терпение для того, чтобы писать. Попробую написать о счастье, о переходе через Мамиссон... «Старики». Надо писать «Заставу». Поскорее бы дорваться до нашего времени. М<ожет> б<ыть>, писать сначала его? Ведь время уходит... «Плакать, плакать...»!

12/ХІІ-37.

Ну, голосовали сегодня за своих кандидатов — Калинина и Угарова. Еще вчера было какое-то предпраздничное, торжественное настроение. И сегодня было очень приятно. И Иосиф Виссарионович сказал хорошую речь, очень. Приятность настроения увеличивается, очевидно, потому, что прочитала книжку Л. Фейхтвангера «Москва». Какой он бедняк, этот европейский, талантливый, культурный писатель, и какая я богачка, несмотря на все свои глубокие и несправедливые беды! Он не выдержал бы нашего мощного усыновления, нашего высокого, колючего при дыхании, то разреженного, то густого воздуха.

Книжка обрадовала меня как факт политический: «До чего советская власть окрепла!» Я не переоцениваю ее как симптом: нашим не позволят так писать. Но, очевидно, это скидка на бедность Фейхтвангера. Все же некоторые вещи — очень немногие, например об искусстве, лучше, если бы говорили мы сами. В этой области необходима большая свобода мнений, чем ныне. В остальном — все мы просто умнее.

Эх, если бы мне побеседовать со Сталиным! Я сказала бы ему вещи в сотни раз более интересные, глубокие и острые, чем этот писатель. Я написала бы также более интересные и нужные статьи... Еще напишу, знаю. Книжка оскорбила меня сама по себе, и только снисходительность к бедному Фейхтвангеру не дает особенно бушевать возмущению. Этакое снисхождение европейца к «наивным» москвитам! Смешно и жалко, что этот человек, начиненный пред-рассудками буржуазной демократии, судит и рядит свысока, смотрит на огромный народ! Европейский космополитизм — не такая уж грандиозная вышка... Главы же «Сталин и Троцкий», о процессах, для меня, как советской гражданки — просто уже всю оскорбительны, несмотря на их удручающую нелепость и глупость. Само сопоставление имен (я не говорю уже об аналогиях и т. п.) — звучит кощунственно. Понятно для нас, и объективно; для Запада, вероятно, закономерно. Эх, трудно, трудно там будет делать революцию. И как, в сущности, мало понял у нас Фейхтвангер! Трудности наши серьезней, и победы наши огромней, и «стандартизованный оптимизм» опасен, и «культ Сталина», по существу, а не по отдельным формам, способен шокировать только ничтожество. А, да что там! В основном очень мало умного, хотя на Западе книга будет полезна.

В полезности же ее у нас, для широких масс читателей — сомневаюсь. Нет, пусть нам дадут самим говорить абсолютно все — конечно, в пределах платформы.

Я не чувствую себя так, что у меня «заткнут рот». Но постоянная оглядка на Мирошниченко и Ко, говорящих при этом от имени «инстанций», очень нервирует и вяжет. Надо плевать на них, и надо постараться стереть с лица земли всех «подхалимствующих дураков»... А партгруппа-то «отстояла» своего вождя — Гришу. Ну, ну... Посмотрим, что будет дальше...

Писала стишки, м<ожет> б<ыть>, что-нибудь получится. Буду сегодня писать роман. Двигается очень плохо. Я ленивый, распушенный тип. Или мечты о романе доставляют такое наслаждение, что невольно длишь их.

14/XII-37.

Юрий Либединский восстановлен в партии. Так, так, О<льга> Ф<едорова>, вы остаетесь в дураках. Так-так, М. Я! А вы? Посмотрим. А в общем — к черту! Пора жить настоящей жизнью, независимо от официального состояния. «Вы вне учреждений? Тем лучше!»

Я хочу разобраться, что влечет меня в партию. Я знаю, что мне «выгоднее» быть вне партии, как писателю. Большая свобода действий, большая гарантия, при моем характере, от новых и новых ошибок и трепок, следовательно, большая возможность плодотворной работы в пользу народа. Я не перестану быть марксисткой, ленинкой, сталинцем — даже не обладая партбилетом, который как бы дает в этом гарантию. Все равно, я отдам максимум, специфика профессии позволяет делать это, если ты даже не в партии. В этом преимущество профессии перед всеми, или многими другими, для которых партия — необходимое условие отдачи максимума.

Гражданство страны социализма — общий и самый фундаментальный залог — неперемногого участия в строительстве нового мира, даже и вне партии. Вопрос, сколько, в количественном и качественном выражении, отдавать этому делу — решается самим человеком, его силами и т. д. А не только принадлежностью к организации. До Октября — иное дело.

Почему же я страстно, настойчиво хочу состоять в партии? Тщеславие? Право, зафиксированное документально, именоваться

членом передовой, лучшей, прекраснейшей, организованной части человечества, иметь это право? Чтобы все знали о нем? Это не такое плохое «тщеславие», конечно, но если оно одно, то, наверное, это плохо. Но оно наличествует. Желание разделить все деяния партии, не ограничиваясь лишь деянием своей профессии? И это желание — огромно. Но, вероятнее всего, самое сильное — это первый пункт. О, сознание, что ты принадлежишь к партии Ленина-Сталина, ведь это же не просто тщеславное сознание, это окрыляющее, творческое, дисциплинирующее сознание, это сознание своей высшей человечности... Но «возьмите-ка подвиг великодушия, трудный, тихий, неслышный, без блеску, с клеветой, где много жертвы и ни капли славы, где вы, сияющий человек, перед всеми выставлены подлецом, тогда как вы честнее всех людей на земле, — ну-тка попробуйте-ка этот подвиг, нет-с, откажетесь». Не откажусь. Не откажусь, потому что теперь знаю: негласно социализм требует и таких подвигов...

23/XII-37.

Как всегда, когда начинается настоящая жизнь, полная труда вовне — я почти перестаю заниматься дневником. Отсюда, дневник лишь отдушина в одиночестве. Отсюда, очевидно, его минорная однобокость.

Я уже шестидневку работаю преподавателем русского языка и литературы в шестой школе Московского района, на все 100% используя свое право на труд. Но мой, любимый, желанный труд — пока нет, снова отставлен. Для него не удастся урвать, наверное, ни капли времени. Это горько. Передо мной очень почетная и невероятно трудная задача. Предметы эти в школе — запущены, обюрокрачены, обездушены. Целую четверть у ребят их не было. Дисциплина — ниже среднего. Мне нужно научить ребят любить наш язык, нашу великую литературу, научить их владеть языком, значит, развить их человеческие и социалистические задатки, научить их лучше мыслить. Это подлинная инженерия душ. Я рада ей. Я работаю очень добросовестно, примерно по 18–16 часов в сутки, т. к. по языку все забыла и иногда остро чувствую в классе свою неуверенность.

Конечно же, острейшим образом ощущается отсутствие педагогического опыта. Пропагандистский опыт тут ни при чем. Я не довольна этой шестидневкой. Я за нее мало дала ребятам, особенно по языку. Приходилось повторять и повторять. Шестые классы

чудовищно запущены. Я строю уроки еще нечетко, не плавно. Несколько дергаю ребят. С седьмыми — лучше, и хуже в то же время: повторения им дали мало. С литературой — лучше. Пожалуй, победа в том, что овладеваю дисциплиной. Ведь 7<-й> устроил мне совершенно обструкционный прием. Их наказали, подтянули. Потом, вероятно от завуча (дурака), ребята узнали, что я «писательница». Это сильно содействовало моему авторитету, тем более, что еще до этого мне удалось взять их на уроках литературы. Сегодня, например, в 7<-м>, да и во всех остальных классах, было очень хорошо. Так, что я уже суеверно думаю, что это долго не может держаться. Но нужно воспользоваться этим интересом ко мне, этим не педагогическим авторитетом, для того, чтобы как следует забрать их в руки и увлечь, по мере возможности, предметом. Тут у меня «планы, планы и планы», а конкретного плана — нет. Пробел. Продумаю все до точки и составлю во время каникул. Буду чувствовать себя уверенней, и времени будет больше. Заведу на каждый класс особый дневник.

Работа увлекает меня, хотя иногда шевелится чувство: «а ведь так будет изо дня в день»... И главное — досадно и обидно. Что не могу работать над романом. Что то терпкое соединение ощущений жизни, которое должно было двигать роман, придать ему дыхание — как бы отходит. Я думаю — не было ли основным из этих ощущений ощущение неблагополучия, бренности, горечи жизни? И не лучше ли, что оно как бы рассасывается, заменяясь деловым, обыденным, менее интересным, но, вероятно, более здравым и нормальным? Не знаю пока ничего.

Очень боюсь за роман, как за покинутое дитя. Не отвыкнуть бы от него! Не потерять бы к нему вкуса. Не растрясти бы терпкости. Чем больше я читаю критических статей, тем больше убеждаюсь, как правильно, нужно, остро задумывался роман, какие возможности таит он в себе. О, если он удастся мне, как он будет дорог и нужен. О, какого колоссального труда, какого накала и смелости требует он! И вот опять я в вечной роли Буриданова осла. С одной стороны — замечательное дело, которое требует тебя всю, и хочешь отдавать ему именно всю себя. С другой стороны — роман, который тоже требует всю. Эти оба огромных труда для меня пока — параллельны.

Я еще почти ничего не получаю в школе, чем можно дополнить роман, слить оба труда, хотя бы в душе. Единой жизнью я жила все эти кошмарные месяцы — все, и переживаемое, и читаемое —

обращалось к роману, и роман обращался ко всему. Опыт души целиком вливался в роман.

Казалось бы, возобновленная социальная практика должна действовать более оплодотворяюще. Но пока — нет. Трудно пересказывать будущее. Но повторяю — это практика настолько требовательна, что не оставляет времени ни для писания, ни даже для размышлений... А потом скопом пойдут тетради и т. д... Ну, увидим, увидим...

Я не хочу отказываться от писания — и романов, и рассказов, и стихов. Даже если творчество будет перебиваться школой. Надо писать на каникулах, чтоб взять большой сильный разгон, чтоб получить инерцию. Скорее бы дорваться до советской части. Но только не спешить! Помнить, что даже длительная пауза в печатании — не страшна... Хотя мне хочется приготовить что-нибудь для печатания, напечататься, удивить «их» и т. д. Гнать, гнать эти скудные мыслишки! Я возьму свое, возьму, но не торопить его. Главное — не потерять аппетита к роману. Хоть понемногу, но двигать его, в том же настроении, с тем же непрерывным желанием и волей к его созданию. Вот, все-таки мне не выразить, что беспокоит и тревожит меня, по отношению к моей работе. А может быть, тревога напрасна? Обида, что не могу и не могу заниматься своим трудом — незаконна? Может быть, следует даже отказаться пока совсем от романа, чтоб отдаться только одному делу, а уж летом (если выдержу до лета) — целиком отдаться ему? Ну, практика покажет. Мне надо написать роман до ребенка. Ведь нужно же успеть родить ребенка. А Ирка... Обиженная моя, ты вопиешь во мне... Ну, погоди, не кори меня, я ведь тоже умру... О, боже...

Очень устаю. Страшна до невероятия. Личико все в морщинах. Этот год состарил меня ужасно. Все равно. Ведь и то — через два года с половиной 30 лет. И ничего не успето.

29 декабря.

Снова мучат и раздражают меня мысли о моем исключении, о несправедливостях, учиненных надо мною: Либединский получил официальную выписку о своем восстановлении... Должно быть, я очень оскорблена, больше, чем думаю, и в сотни раз больше, чем кому бы то ни было говорю... Мое исключение из Союза Писателей — конечно, антисоветское дело. Никогда, никогда и ничем не загладится

во мне чувство презрения, отвращения и злобы по отношению к ленинградским «инженерам душ». Даже сознание своего величайшего морального превосходства перед сборищем этих трусов, лицемеров, двурушников и жестоких дураков — не успокаивает меня. Нужно внутренне плюнуть на них, но, к сожалению, не могу. И остро обидно за человечество. Факт моего исключения из Союза позорен не для меня.

Вот мы помогаем Аркашке Аптекману и Маре Довлатовой получить квартиру Либединских. Разумеется, это чистейшая филантропия. Мне стыдно смотреть на Аркашку, как на человека, совершившего подлый поступок: ведь он ни словом не обмолвился в мою защиту, отлично понимая, что меня исключают **зря**. Сейчас он дает мне советы, как мне апеллировать, говорит, что убежден, что меня восстановят... А!.. Нет, надо плюнуть на них... Ведь есть же жизнь, полная содержательных и подлинных радостей.

Приятно, что наступили каникулы, можно передохнуть. Работа моя в эти дни была похожа на аврал, за время каникул надо будет осмыслить этот опыт, подучиться в методкабинете, на конференциях, составить план. Надо наладиться так, чтобы предвыходной и выходной были посвящены творческой работе. За время каникул хочу урвать несколько дней, посвященных только ей: «Мамиссон», поэма о пустыне, глава до Углича — из «Заставы»... Ах, если б это выполнить!

Нет, плюнуть, плюнуть на обиды... Ужасно, что снова придется вернуться к ним, когда буду писать апелляцию в Ц. К. Возможно, что восстановят. Но не делать из этого проблемы... Я очень, очень много поняла за эти месяцы. То страстное и искреннее самообличение, которое царило в июне — июле, не осталось, конечно, бесследным, но, кроме сознания своих ошибок, появилось теперь и сознание того, что многое во мне было и есть правильно, что я была мужественна и буду мужественна. Единственная утрата — <Далее обрыв текста.>

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records and the role of the auditor in ensuring the integrity of the financial statements. It highlights the need for transparency and the potential consequences of non-compliance with accounting standards.

The second part of the document focuses on the specific requirements for the preparation of financial statements, including the selection of accounting policies and the application of the accrual basis of accounting. It emphasizes the importance of consistency and the need to disclose any changes in accounting policies.

The third part of the document discusses the role of the auditor in providing an independent opinion on the financial statements. It outlines the scope of the audit and the types of audit procedures that may be performed. It also discusses the importance of the auditor's report and the potential consequences of a qualified or adverse opinion.

The fourth part of the document discusses the importance of internal controls and the role of the auditor in assessing their effectiveness. It highlights the need for a strong internal control system to prevent and detect errors and fraud. It also discusses the importance of the auditor's communication with management and the board of directors regarding internal control deficiencies.

The fifth part of the document discusses the importance of the auditor's independence and the potential conflicts of interest that may arise. It outlines the requirements for auditor independence and the need for the auditor to disclose any potential conflicts of interest. It also discusses the importance of the auditor's objectivity and the need to maintain a professional attitude throughout the audit process.

The sixth part of the document discusses the importance of the auditor's communication with the public and the need for transparency. It highlights the need for the auditor to provide clear and concise information about the audit process and the results of the audit. It also discusses the importance of the auditor's communication with the media and the public regarding any potential issues or concerns.

The seventh part of the document discusses the importance of the auditor's communication with the regulatory authorities and the need to report any potential violations of accounting standards or laws. It highlights the need for the auditor to maintain accurate records of all audit procedures and findings and to provide a detailed report to the regulatory authorities.

The eighth part of the document discusses the importance of the auditor's communication with the board of directors and the need to provide them with a clear and concise report on the audit results. It highlights the need for the auditor to provide the board with a detailed report on the audit process and the results of the audit, including any potential issues or concerns.

The ninth part of the document discusses the importance of the auditor's communication with management and the need to provide them with a clear and concise report on the audit results. It highlights the need for the auditor to provide management with a detailed report on the audit process and the results of the audit, including any potential issues or concerns.

The tenth part of the document discusses the importance of the auditor's communication with the public and the need to provide them with a clear and concise report on the audit results. It highlights the need for the auditor to provide the public with a detailed report on the audit process and the results of the audit, including any potential issues or concerns.

The final part of the document discusses the importance of the auditor's communication with the public and the need to provide them with a clear and concise report on the audit results. It highlights the need for the auditor to provide the public with a detailed report on the audit process and the results of the audit, including any potential issues or concerns.

ГОД

1938

О. Берггольц. 1938 год¹.

«Подлинная история человека определяется не тем, что он совершил, но тем, что хотел совершить». Т. Гарди².

3 января 1938 года.

Каникулы. Написала несколько стихотворений, и думаю подбирать книжку, вне зависимости от того, напечатают ее или нет: «для одного себя», следовательно, правдиво, и в отношении всех.

«Пустыня» понравилась Кольке, и, действительно, она почти удалась. Но все же, чувствую, нет в ней того художественного оргазма, и, может быть, никто не испытывает его, как испытываешь иногда, слушая хорошую музыку. Не торопить — проступит.

Пишу песню о Ленине на конкурс. Фрошка советует писать, но ведь все равно, не дадут премии, если даже и заслужит — имя! Ничего, из любопытства попробую. Пока песня не получается, но мысли есть... Но нужно ли это для песни? Как писать ее? «Ох да эх», или в традиции шестидесятников? Лучше в последней.

К роману не приступала, но приступлю, и к рассказу тоже. Задумала же острые и интересные рассказы. Мамиссон будет лишь разбегом. Чехов. Но главное — подготовиться к четверти. Разработку плана начну сейчас же, потом буду дополнять его и углублять. Надо посоветоваться по нему в методкабинете. Ведь у меня особо трудное положение: продвигаться дальше и повторять то, что не закреплено в сознании учащихся до меня. Надо подковаться и теоретически —

---

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц на обложке дневниковой тетради.

² Запись рукой О. Ф. Берггольц на форзаце дневниковой тетради.

поймала себя на том, что приложение выдала за однородные члены предложения. И хотя вопрос сложный, все же стыдно. Уроки вела нечетко, без ясного плана, хотя и составляла их. Ох, трудно... Главное, повторять ли или двигаться дальше? Ну, помозгую сейчас, а потом — к Михайлову.

4/1-38.

Лишь шарманку старую знобит,
И она, в закатном свете мая,
Все никак не смеет злых обид,
Цепкий вал кружа и нажимая...
Все никак не смеет злых обид...

Все никак не смолоть... Это — о партийских своих делах. Надо писать апелляцию, и, когда начинаю думать обо всех делах, опять ревматические приступы обиды... Исключение меня из кандидатов партии — несправедливо. Я заслужила меньшего, но не исключения. Исключение из С<оюза>П<исателей> — просто антисоветское дело... Особенно на фоне оставления в союзе и восстановления в партии всей этой вредной сволочи — Либединского, Чумандрина и т. д. Посмотрим, конечно, что будет с ними в дальнейшем...

Если б мне удалось способствовать хотя бы изоляции их, а главное, их прихвостней — Мирошниченко и т. д. от литературы, я была бы вполне удовлетворена. Мои восстановления — еще не вся справедливость. Когда-нибудь запишу, что я делаю для восстановления всей справедливости, кроме указаний и сигналов в партинстанции, по мере прохождения моего дела. Но мне следовало бы резче и энергичней писать об этом и Угарову, и Смиродину, и в П<артийный> К<онтроль>, чем я делала это... Возможно, что меня восстановят. Линия нашего поведения была правильной. Уже появляются в газетах статьи и заметки о неправильных исключениях, правда, пока о самых вопиющих фактах, но это уже симптом. Время, в значительной мере, опять уходит зря.

Нужно посещать конференции, то, се, составить и продумать план, потому, нет необходимого досуга и ощущения свободы — для писания. Но все же сегодняшний вечер, часов с 7 — целиком хочу посвятить писанию.

7/1-38.

Я ничего не знаю в области русского языка. Ничего не умею. Ничего у меня нет, кроме преискренных намерений. Это факт. За каникулы я почти ничего не успею наверстать, не говоря уже о том, что ни о какой творческой работе не может быть и речи. Я запуталась с обстоятельствами и дополнениями. Мне нужно самой уложить все в систему и схему, в полный ажур, а уж потом лезть в учителя...

Сильно надеюсь на встречу с Михайловым.

Буду сегодня читать метод<ический> материал. Роман взывает ко мне. Но главное — школа. Вероятнее всего, что все образуется. Пока же чувствую себя так, точно выплыла на байдарке в море, при волнении в 8–9 баллов... Жуть!

10/1-38.

Вечером иду в филармонию, на девятую симфонию и еще на ряд прекрасных вещей. Очень довольна. Хотелось бы пойти с Маруськой Машковой, она страшно привлекает меня; хочется какого-то интимного разговора, соприкосновения с нею... Человек, много переживший и, несомненно, обладающий большим внутренним богатством. Но разговора не удастся, только однажды, во время пьянки, когда был Али, начали о чем-то говорить, и я, разумеется, полезла на откровенность. В то же время я чувствую, что мне надо держаться с нею настороже, что она что-то таит против меня — и это тоже привлекает.

Жаль, если она не сможет идти, Колька не хочет идти, а идти слушать музыку с не желающим ее человеком — хуже всего.

Третьего дня у него утром (8/1) два припадка, и до сегодня — тяжелое состояние... Свет мой!.. Если б твое здоровье — со всем остальным можно бы примириться...

Оппонентом ему назначен Эйхенбаум — это хорошо. Дополнения и обстоятельства уже одолела и внесла необходимую ясность в план. Будет работать легче. Только бы удалось овладеть дисциплиной, так много сил приходится тратить на ее поддержание. Ну, думаю, что и с этим справлюсь...

Хотелось пойти с Марусей, вдвоем, ловить на себе чьи-то взгляды, потом пойти в кафе, по-холостяцки, и чувствовать себя свободной, в каком-то невидимом вихорьке, в каком-то томлении и возможностях...

О, 27 лет, и мелкие морщинки у глаз — еще ничего не значит, при таких чудесных волосах, как у меня, при фигуре, худой, но стройненькой в красивом платье, при лице, усталом, но милом... Пока, до филармонии, поработаю еще над планами занятий. И напишу апелляцию, перепечатаю стихи, и, м<ожет> б<ыть>, потружусь над романом.

12/1.

Завтра занятия. Подготовилась как будто бы не плохо, а сердце щемит, чего-то боюсь. Знаю, чего боюсь — плохой дисциплины. Пугает эта необходимость — 45-минутного напряжения воли, держать класс в руках. Ну, возьму сразу строго. Пожалуй, дело пойдет лучше, — теперь вижу, что в декабре занималась плохо, неорганизованно, держала ребят и сама была абсолютно не уверена в своих знаниях.

Только бы дисциплина — я вообще неспособна сейчас, видимо, на длительное напряжение воли... Надо сейчас писать апелляцию в ЦК, а меня при одной мысли о ней начинает физически трясти. Это тоже — упадок воли...

Снова встают и обрушиваются на меня обиды, оскорбления, бессмыслица совершенного надо мною зверства, ненависть к холуям и мерзавцам из союза писателей, непонимание и т. д. Я уже отказалась понять общую линию после восстановления Либединского, объективный критерий просто неуловим. «К кому попадешь»... Между тем, несмотря на отдельных ласточек в печати, волна исключений не идет на убыль. Наверху — виднее, говорю я себе. Но если это местная инициатива? Но если — директива? Непонятно. А, к черту. Буду трудиться. Главное — в этом.

О школе думаю с удовольствием, хотя иногда проскальзывает утомление «загодя», от буден... Неужели заставят посещать кружок испарта? Это после четырех-то лет самостоятельного преподавания, при солидном знании ее? Не бессмысленно ли? Учиться, и истории партии — с удовольствием, но ведь не малограмотный же я, в политическом отношении, человек, чтобы начинать с азов? А как страстно хочется писать роман!!

15/1-38.

Погиб Коля Евдокимов.

Со Съезда комсомола, где топорно добивался моей уступчивости он, после хорошего ночного разговора по дороге в Ленинград, после вечера с фокстротом в Доме Писателя я не видела его и почти никогда не вспоминала. Последнее время о нем ничего не было слышно, и я уж думала — «не разоблачен ли...». И вот, сегодня сказал Коля, а потом прочитала в газете.

Был он прекрасным, русским, человеческим экземпляром, высокий, по-русски красивый. Смесь какой-то ограниченности, туповатости (это сказывалось в его грубых, примитивных ухаживаниях за мной, в том, как он «гулял» на Съезде и т. д.), смесь дикости человеческой с прекрасными человеческими, почти неуловимыми для слова, возможностями, открытыми революцией. Тяжелые семейные драмы какие-то, «мужицкие», вероятно, стрелял в жену, умер сын, и необыкновенная, покоряющая свежесть. Наш человек, как он есть, исторически складывающийся. Наш человек, похожий на Мартехова, Али Алмазова, на десятки разбуженных революцией людей...

Нет, все-таки, пока еще не выразить того, что почувствовалось в нем. Огромная правда нашей эпохи, нашего чудовищно трудного дела была в нем... Правда, та правда, которая сама есть оправдание всех и всяческих издержек. Он был подобен ценности, накопленной бедным, мужественным, трагически-существующим человеком. Он был подтянут, блестящий капитан, покоритель женских сердец, чувствовавший себя покорителем и державшийся так, это было и досадно и трогательно в своей наивности, в нем чувствовалась возможность и сомнений, и некой специфической, психологической разнузданности, и, в то же время, все это было смягчено светом вошедшей в сердце идеи, ставшей не сознанием, а «нутром», плотью...

«Трагическая смерть», «безвременная смерть» пишут! Разбился? Застрелился? Был в Испании! Он был романтиком, «асом», у него были партийные неприятности из-за пьянства, он был полон наивным, «мужицким» и, в то же время, бесконечно социалистическим сознанием собственного достоинства... Как он заботился, чтоб ни пылинки не было на нем!.. С какой выправкой и милым, солидным, повышенным достоинством, достоинством «простых», честных, хороших людей держался в ленклубе писателей, с достоинством и уважением к окружающей его новой среде... Эх, Коля, Коля!.. А все-таки, несмотря на то, что ты любил особым образом поговорить об «игре со смертью», не верил ты, пооди, в свою гибель до последнего мгновения...

Родной ты, миленький... О, как сердце разрывает, если б поплакать, а рыдание остановилось внутри и только давит... И — недоумение... За чем так!.. «Одни только люди, а кругом них — молчание, вот земля».

20/1-38.

Постановление пленума ЦК об исключении из партии. Я очень счастлива и горда — во 1-х, справедливостью и мудростью партии (нашей, нашей партии!), во-вторых, тем, что все же не допустила мысль о том, что это была директива. Она подходила, она была ужасна, но все же я все время была убеждена, что это — не директива. Меня восстановят, это несомненно. Но те, кто издевался надо мною — должны понести наказание. Во имя — не меня, а принципа.

Есть благоприятный момент: в С<оюзе>П<исателей> работает следственная комиссия горкома. Подаю туда материал — и будь что будет. Думаю, что себе наврежу — не очень. А помочь комиссии — могу. Вся эту сволочь — Гришку и К^о нужно гнать.

22/1-38.

Если меня теперь не восстановят в партии, это меня ударит еще больнее, чем исключение. Нет, не может быть! Должны восстановить, мое дело правое. Оказывается, мое философское «отрешение» от партии было шатким. Или это только гордость говорит? Только гордость, только жажда признания моей правоты, жажда реабилитации?.. «...а вы попробуйте подвиг незаметный, где много клеветы, и мало славы, где вы, сияющий человек, выставлены подлецом, тогда как вы честнее всех людей»... Нет, не хочу! Да минует меня чаша! Нет, я сделаю все, чтоб миновали меня чаши, если они не нужны никому... Я вела себя правильно и благородно все это время. Нет, я и сейчас не скажу, что все — не заслужено. Было многое заслужено — я писала, не за «политические ошибки», за жизнь... Но все, что было — нет, нет и нет...

Сталин (я не люблю, когда много и подобострастно трепятся о Сталине, это оттого, что я люблю его и не могу произносить его имя без спазмы восторга и счастья!), Сталин, оказывается, говорил: «Для рядовых членов партии членство в партии является вопросом жизни и смерти»... А когда на парткоме я сказала: «Товарищи, вы сейчас

будете решать вопрос моей жизни»... Саша Решетов, кривя в усмешке рот: «Товарищи, Берггольц припугнула тут самоубийством, вы не обращайте внимания на это»... А Брыкин, глупо, дико и страшно обвинявший меня в шпионаже?! Нет, я верно поступила, что написала заявление о системе всех этих издевательств, о гнусном облике Мирошниченко и Ко. Хорошо, если б меня вызвали еще на разговор. И — будь что будет... Удивляет меня еще то, что один товарищ мне не звонит... Ну, ему виднее... Возможно, что ему тоже сейчас кисло.

Работаю в школе, увлекаюсь. Дисциплиной почти овладела. Уроки стали четче, полноценней, но еще тон не найден, нервничая, говорю «не своим голосом». Ощущаю школу как адюльтер, по отношению к роману. Даже совестно, что так увлекаюсь, а писание отложено... Обидно, жаль, как брошенного ребенка, романа, боюсь, что переключусь совсем, перегорю, а ему ничего не останется... Завтра буду писать весь день, на Ленинский костер не поеду... Дурнею и старею каждый день... Чувствую, что наступает какое-то неблагополучие с сердцем. И когда его тянет, тут же думаю, как страдала Ирочка, и снова разверзается под ногами пропасть, и то чувство, которое никак не передашь, овладевает с чудовищной силой... Чувство удушья, смертного спокойствия, становления на грань безумия, да, вероятно, безумия... Или — прозрения. И реально в жизни только это. Да еще припадки Коли (8, 12 и 26/1). Я думаю: «Ну хорошо, я подожду, пока он погибнет или сойдет с ума, а там — все...» Остальное может быть и может не быть...

29/1-38.

«Отмщенья, государь, отмщенья!»

Постановление ЦК вызвало на поверхность все то кипение, которое, частью под давлением логики, частью органически, было укрыто вглубь. Более всего неприятно, если снова начнется кампания. Господи! Неужели для русского человека нет ни в чем — не золотой середины — нормы? Неужели наследие рабской психики столь сильно? Вспоминаю с содроганием ту полосу, которую мы пережили (пережили ли еще?). Сколько нанесено людям рубцов, язв, причинено страданий! Ведь неужели непонятно было с самого начала, что в нужнейшей работе по очищению и выкорчевыванию нужно и можно было обойтись без такого количества увечий? Почему это мне, на-

пример, было понятно? Почему непонятно было райкому, П<артийной>К<оллегии> и всем остальным? Нет, было понятно! Не только тут дело во врагах народа. Дело в рабьей трусости прошлого, помноженной на издержки системы. Да, на издержки системы. Их очень много. Решение ЦК правильное и мудрое, но не чрезвычайное. Оно должно было быть раньше, и к этому у ЦК, несомненно, были данные. Теперь начинается полоса новых увечий, но, быть может, их будет все же меньше.

Арестовали Ваньку Круля. Испытываю по этому поводу глубочайшее удовлетворение. Еще накануне постановления ЦК мы говорили с Луккой о том, что В<анька> К<руль> — подлец и подхалим и поэтому знает единственный метод «бдительности» — только исключения. Господи, как он старался исключить меня! Как подло растялался перед «представителями союза писателей». Как говорил: «Да, верно, Берггольц вела кружки, делала доклады — язык это у нее болтался, а на самом деле — двурушничала...» А в эти кружки и доклады я сердце вкладывала... Обида кипит, окалина ее велика... Нехорошо это. Видно, больше нужно прощать человечеству — все равно уже, неисправимо, несчастное... Или — ничего не прощать? Но иногда думаешь — да для чего ж? Для чего кипеть, волноваться, возмущаться? Но клич — «загасим фонарики» — позорный клич, я знаю...

28<го> должно было состояться свидание с Хмарой, председателем> комиссии по обследованию Союза Писателей, и не состоялось. Приехала в Смольный, а пропуска нет. Наверно, т<оварищ> Хмара был занят писанием выводов о внимании и чуткости к молодым писателям... Интересно, позвонит ли он все-таки мне или придется навязываться самой? Что же, навязжусь... Интересно смотреть в лицо подобным фактам и людям и говорить все. Я буду говорить все. Конечно, С<оюз>П<исателей> постарается доказать (признавая мудрость решения ЦК!), что они-то исключали правильно... Ах, ну ладно... наверно, мне все-таки лучше не быть в партии... Но логика борьбы!.. Но честь...

Нет, и без дураков, хочу быть в партии. Бессмысленность моего человеческого, как всякого человеческого существования, не убавляется от этого, конечно, но приобретает форму наивнейшей полнотенности. А это уже — очень много, при учете все той же всеобщей бессмысленности жизни...

Очень большие, неправильные, быть может, мысли гнетут меня. Их невозможно зафиксировать. Вульгарно — о смысле жизни,

о возможностях ее изменения. Есть ли эти возможности? Меняется ли все-таки «настоящая жизнь» даже при такой, наилучшей из всех, системе, как наша? Не угадал ли Еклезиаист всего-то много тысячелетий вперед? Не прав ли Толстой, писавший в последние дни своей жизни, что жить нужно настоящим днем, настоящей минутой, не ставя себе длинных целей... «Ежели буду жив», — писал он, ставя дату завтрашнего дня в своих дневниках. Да, у жизни нет цели, кроме нее самой, кроме ежедневного, ежеминутного самовоспроизведения.

Идеал счастливого существования — бесцельное наслаждение ежедневным... Но как же примириться тогда с тем, что должно быть и будет отнято, т. е. со смертью, в условиях, когда отнята идея личного бессмертия? Не должно ли придти в отчаяние от этого? Но жизни нет вне ее социальной и пр<очей> скорлупы. Значит, нужно наслаждаться также и скорлупой? (Скорлупа — не в обиду, а для обозначения.) Но скорлупа же и препона, т. к. она целенаправлена... Не погружаюсь ли я в пучину обывательщины? Не есть ли обывательщина — правильное решение вопроса?.. Нет, вопрос может быть решен лишь индивидуально... В этом спасение и оправдание жизни перед людьми, в неповторимости ее индивидуального выражения... А лично, лично, кажется, уже поздно решать.

Все казалось — это «пока», все было чувство временности, и ощущение, что все успею, запас сил и времени — неограниченный, а потому можно «пока», это лишь подготовка к чему-то, ничего, зато потом!.. И вот, видно, что так «пока» и прошла молодость. Нет, она была хорошей, трудовой. Но что же успело? Где же настоящее, всамделишнее, а не подготовительное? Где это «потом». Но разве и сейчас — не на пока? Разве я не пока в школе, хотя работаю, живя работой? Разве не жду того, чтоб целиком отдаться писанию? Когда же? Потом! А силы иссякают, сердце окостеневает, покрываешься окалиной обид и разочарований, кристалликами скепсиса, пылью усталости.

Мне кажется, что я утрачиваю в себе что-то очень ценное... Приобретаю ли я? Не знаю... Порой кажется, что приобрела очень многое, особенно за эти месяцы пустыни, но приобретения эти, очевидно, отрицательные...

Утомляюсь в школе до крайности и отчетливо знаю, что это на одних нервах. Дотяну ли до конца года?

2/II-38.

Кажется, немного налаживаюсь с режимом, ночью сплю около 6 часов подряд. Днем могу даже в некоторые дни иметь свободные часы три, но тоже сплю — колоссальный расход сил.

Роман ждет, остановившись на труднейшей точке — появление героя, Степана. Не сделав это, невозможно двигаться дальше. «Здесь живет герой!» «Это появляется герой»... Но такого чувства еще нет — волшебства, значительности. Надо очень большое спокойствие для этого. Потом отсюда — к военному действию. Еще даже до него — в семье, чтоб чувствовались уже не хроники. Ах, если б была машинка!

Много душевных сил уходит опять на переживание своих исключений. Позавчера — разговор с Аптекманом обо всем этом. Оказывается, некоторые, одни из самых идиотски гнусных статей писал он. Все убеждал, что меня исключили «тогда» правильно. Ну, как же иначе им держаться? Ни мужества, ни шкуры не хватит признать, что гнусничали. И все правы, кроме меня. Говорил: «Меня разозлило то, что ты погубила Ефима»... Да, это сообщение о «шахматисте» было глупым. По существу, оно было не нужно, по форме сыграло роковую роль для меня, для Ефима; но Ефим — ничтожный, трусливый, беспринципный человек, я поняла его тогда и действовала от лучшего. А вышло глупо и даже подло. Говорил еще: «Если ты не жила с Ав<ербахом> и Мак<арьевым>, это сильно меняет дело»... Идиоты! Ну, а если даже жила — разве это меняет политическую сторону дела? К их делам-то подлым все равно ведь отношения-то не имею?! Мещане, двурушники, ничтожные людишки. Даже если жила — я все равно в сотни раз выше их морально. Лжи, предательства, двоедушия — не было. Была неправильная во многом жизнь... «Гришу» обелили, выгородили, комиссия Горкома: Левка и Ефим, полные надежд, хлопчут о восстановлении... Мне нужно спокойно ждать решения ЦК. Если оно будет положительным, то все решится. [Но] Союз должен быть поставлен на колени. Мне нужно спокойно ждать решение ЦК. Оно должно быть положительным!

Ну, еду в школу. Уроки, сегодня, как будто должны быть неплохими и по содержанию, и по форме... Но 7<-й> — плохо осваивает обособления... А сколько еще труда, и успею ли с программой до конца четверти?!

4/II.

Была вчера на концерте Буси Гольдштейна. Давно, давно не испытывала такого острого, мучительно-сладостного наслаждения от музыки. Бах, совершенно прекрасный, и эта соната D-dur Бетховена... Сидела, подавленная терпкостью... А когда вышел и стал играть Буся — совсем стало страшно.

Играл прекрасно, особенно соната эта, D-dur, и было ощущение, подобное восторгу слияния, только облагороженное... Та же растворимость, исчезновение в ощущении, неодолимом... Но тут еще было и другое, остро, значительно и тяжело дополняющее музыку и ее дары, обостряющее прикосновение к обнаженному, невыражаемому чувству бытия вообще: вошел Буся, смуглый, черноволосый, милолицый мальчик, еще мальчик, но уже расцветающий в мужчину, вошел стройненький, юный, с красным галстучком и стоял посреди бетховенской музыки, в такт встряхивая головой, и уверенно, прекрасно играл. Я задохнулась от ощущения этой прелести ребенка-мужчины, ребенка-взрослого, нашего, собственного ребенка, от этой прелести, соединенной с прелестью музыки воедино. Я задохнулась от терпкого прикосновения чужой жизни. Буся не был мой, чужой, со своей жизнью, Буся был чей-то сын, чье-то счастье, чья-то любовь... Зависть и обида за Иришу, за свое неисполненное материнство снова залили меня, — всем ядом и горечью. О, отравы горя перед лицом чужого счастья... А у Буси впереди такая жизнь, а Буся чужой сын, чужая жизнь, стоит милый и наш посередине гениальной, принадлежащей ему музыки... У него, быть может, уже любовь, уже что-то темное, но не я за него опасаюсь, не я оберегаю его, и весь он — не мой, не мой, а я как будто все знаю о нем... Любовь к этому чужому сыну, прекрасному ребенку-музыканту, нашему ребенку, и ужас и боль за Иру, и это — жизнь, и музыка выговаривает это в чистейшем, грустно-отрадном мотиве allegro сонаты D-dur.. О, как раздиралось сердце, как хотелось вывернуться наизнанку; грань прозрения и безумия, и страсти...

Очень, очень боюсь за наших папанинцев... Перепомпезничали, пожалуй!.. А люди — такое золото... Вот Леваневский, погиб, теперь — неужели эти?! И к чему это? Нужен ли был такой риск? Я все время боялась за них, все время ожидала неблагополучия и втайне сомневалась в целесообразности... Но, м<ожет> б<ыть>, я — обыватель, или ничего не знаю? Очень страшно за людей...

10/II-38.

Наша жизнь уж больше не поправится,
Но зато в ней раз была весна...

Сегодня утром опять два тяжелых припадка у Коли. Как он тянется ко мне, едва очнувшись от судорог и крика, точно из бездны, с нечеловечески просветленным и одухотворенным лицом, как прижимает к себе и целует неслушающимся, искусанным ртом... Это не потому, что я, это ему надо человека, жизни... Бог знает, что видел он за это время. Он сказал сегодня в полусознании, когда клала ему холод на сердце: «Чего ты цепляешься, устанешь»... Ну, хорошо, хорошо, подожду. Подожду, пока ты жив и не сошел с ума. До тех пор — не устану. Как страшно ждать смерти...

Восстановили в комсомоле. Без взысканий, без моего почину. При всем здравом учете комсомола и его жалкого теперешнего состояния, при учете неудобств от пребывания в нем, — я все же рада. И <не> только как симптому того, что восстановят в партии. М<ожет> б<ыть>, наоборот (хотя не думаю). Просто рада. Рада и рада; и хорошо, и нет ничего стыдного в том, что рада. Это не противоречит в общем тяжелому политико-моральному состоянию. Свои и чужие рубцы ноют во мне. О, сколько перекалечили, обездолили и изуродовали своих, преданных, честных людей! Такого трагического года, пожалуй, еще не было. Галка, которая была у меня сегодня, правильно говорит: «В <19>30 году в деревне меня вилами гнали из деревни, так я знала, что это — кулак, а тут свои, и еще хуже...» В том-то и дело, что свои и своих, и как, как подло, как зверски! Увы, дело тут далеко не в одних врагах народа — это же понятно! Да, плюс шкуры и карьеристы, и трусы. Но невозможно же поверить, чтоб добрая половина партии вдруг отрусела, ошкурела и начала молотить другую половину?! Нет, была и позорная трусость и рабство, но было и убеждение, что «так надо», потому что если не было директивы, то была санкция. ЦК поздно дал постановление, его надо было дать при первых сигналах с мест. А такие сигналы, несомненно, стали поступать еще в августе — сентябре. Значит, была санкция, которой воспользовались карьеристы и шкуры, на которой сыграли враги...

Как долго не заживут рубцы <19>37 года! Как трудно будет рассасываться — внутренне, да и внешне даже — деморализация и за-

мороженность среди восстановленных, среди рядовиков... Не то что четко-политическая деморализация, а общая, душевная.

Интересно, что та же Галка говорит, что в <19>37 году она ощутила, что как бы под молодостью, под чем-то очень хорошим подведена черта, и то уж больше не вернется. То же чувство у меня, у Кольки, у очень многих моих друзей... И, как бы сказать, какое-то разочарование (не целиком, конечно) в человечестве, и «страстная, раздражающая жажда простой обывательской жизни»... Да, да, трижды необходимо изымать врагов народа, хоть косвенно торопящих войну, но только при условии сбережения своих, своих.. Ничем никогда не попрекала страну: ни голодовкой и болезнями в Казахстане, ни изнуряющими, злящими нехватками — все время, все время, ничем. А этим, этой санкцией, всей этой вакханалией исключений, унижений и калечений — душа попрекает, несмотря на то, что спохватились... И бердящий ропот ничем не заглушить. Обойдется? Посмотрим...

Школа берет меня всю. Не довольна собой. Нервничаю, что отстаю от программы, что усвоение у ребят — паршивое. 7 «г» написал контрольную из 34 человек — 24 плохо. Просто подавлена.

Победа с Горьким померкла — дали сочинение почти все на отлично, а тут — вот.. Не говорю уж о 6-х кл<ассах>. Там просто тьма. Воспитательство 6 «з» веду плохо — руки не доходят. Стихи пишу, кажется, хорошие, а роман стынет.. Боюсь, что в разогретом виде получится уже не то... Вот попробую взяться завтра и послезавтра...

17/II.

Все-таки ничего не выходит у меня из 5-го дня. Прихожу из школы и сваливаюсь, как сноп, и сплю. Да, и вообще, днем на сон уходящие два-три часа, а остальное — школа и подготовка к ней. Во сне вижу диктовки, занятия, воспитательство, веду длинные внутренние монологи с Федосеевым, с классом, как недавно было по поводу исключения, и целый год — о смерти Ирочки.. Ирочка! Ирочка... Как ты далеко от меня, в какой темноте, в каком мраке и обиде. Все более невыразимой становится скорбь о тебе, все более душащей. Воспоминание, хотя приходит реже, и тогда, когда приходит, я часто отмахиваюсь от него, убегаю, потому что невыносимо от чего-то...

Роман лежит, стынет, злится и уже, кажется, изменяет, а я изменяю ему. Восстановлю ли в себе ту «границу страданий и свободы»,

чтоб терпко и дерзко написать роман? Нет, только она, только состояние «отделения» необходимы, чтобы писать... и о счастье тоже... Какова-то будет у меня четверть? Перспективы неясные, ребята работают очень неровно, мало развиты, безответственны. Я чувствую, что в занятиях с ними, в воспитательстве, у меня не хватает системы, но нагрузка такова, что едва управляюсь, а часов мало.

Навожу порядок в домашних тетрадях, подзапустила и неверно проверяла, Михайлов указал правильно, надо было проверять перед контрольными, а не после... Эту тему проведу именно так, посмотрим, будет ли лучше... Ребята некоторые грубят мне, а я под конец дня так устаю, что не в состоянии дать им отпор... Тон стал лучше, но еще не тот, мне хотелось бы с их стороны полной дисциплины и внимания... Но что ты будешь делать, когда на уроках существуют такие фрукты, как Морозова, Пономарева, Белоусов, Иванов, Егоров? Лицо поколения мне еще не ясно... Как будто бы мы были лучше... Здесь очень много какой-то безответственности...

18/II.

Побегала по нашим квартирам — Фроман, Штейн, Аптекманы. Разговоры о последних арестах, — Берзин, Медведев, Выгодский (!?), опять о моей истории — отсюда некая взвинченность и муть на душе. Ничего, ничего, все обойдется. Аркашка говорил, что кто-то из Смольного интересовался моей судьбой, и он сообщил, что я восстановлена в комсомоле... Отметим. Нет, я вернусь в С<оюз>П<исателей> — победителем, по существу и по форме...

Скорей бы была комиссия ЦК. Не может быть, чтобы меня не восстановили. Не может быть.

Решила — тетради все-таки отложу на завтра. А сегодня займусь писанием «Заставы». Хочется также взяться за маленький цикл рассказов о первой пятилетке, «бабелевский цикл», но когда... И вот эта взвинченность, раздерганность сейчас... На кой хрен побежала по квартирам?

20/II.

Возвращаясь из школы, встретила на углу Юрку Германа и Сережу Герасимова. Какие они сытые, самодовольные, благополучные, равно-

душные ко мне и чужие мне! Юрка посмеялся, узнав, что я восстановлена в комсомоле: «Нашу старушку Олю восстановили в комсомоле». И сразу у меня взмыло внутри: «Сучка, что ты знаешь о комсомоле, о том, что он есть, что он был для меня??? Я, я имею право быть недовольной комсомолом, подтрунивать над ним (не с тобой и подобными тебе!), ругаться, потому что, в каком бы глупом положении ни находился комсомол, я — его плоть и хозяин».

Кроме того, Юрка и Сережа вызвали во мне чувство раздражения, неприязни и позорной зависти (или чего-то похожего на зависть), тем, как уверенно, «по-господски» они держатся. Они работают в искусстве, в области, от которой я отторгнута, они чувствуют себя там хозяевами, они снисходительно смотрят на меня и снисходительно спрашивают: «как твои дела?». Зачем это — зависть или похожее на зависть? Разве я не лучше их, и разве жизнь моя — не благодней их?

Познал я глас иных желаний,
 Познал я новую печаль...
 Или — для первых нет мне упований,
 А старой мне печали жаль?

Неужели эти месяцы не уничтожили во мне мелкого тщеславия? Неужели все, что мне надо — это победоносно, будучи «интересной», придти в Дом писателя, сыграть на бильярде, поужинать, чтобы внешне продемонстрировать что-то? Или внешне нужно потому, что знаю — то, что родилось внутри — не продемонстрируешь? Но для чего же мне нужна демонстрация? Зачем же обязательно демонстрировать? Ведь это значит — предательски разменять то, что в огне этих 10 месяцев выплавилось внутри. «Познал я глас иных желаний». Или внешне — это внешне, и не мешает главному, внутреннему? Или главное — было и оставалось — внешнее? Хочу быть, как Юра?.. Дело в том, что завтра Хмара вызывает меня к себе, в Смольный... Увидим, что будет. Главное — не трещать и не увлекаться собственной биографией...

ВСЕ — ТЛЕН

О, Ира. Если б обнять твое тельце (тебя), в пушистом свитере, пахнущем зимой и тобою; и прижать твое лицо с остреньким подбородком к своему; и обнимая, чувствуя тебя, подойти с тобой, со смею-

щейся и кривящей рот, к зеркалу — если б, если б... Как я чувствую тебя сейчас, как вижу, о, вижу одно твое выражение — вот с ним, как тогда, молодой на самом деле подойти бы к зеркалу и увидеть тебя и себя НА МИГ, но на самом деле. Потом бы, убедившись, я легла и сказала б: «Теперь можно». Что? Все! Все, что до смерти никому живому не известно. Я все-таки пойму, почему жизнь неудержима и что главное в ней — память. Как я вижу тебя сейчас. Сквозь вино, сквозь мелкие неудачи дня. Пускай бы отняли тебя от меня. Но пусть бы ты жила. Я знала бы, что ты где-то кривишь свой умный ротик, стоишь на одной ножке... Ира. И-ра. Только ты.

А днем вдруг Колька взял меня неожиданно, в одежде, и я так хотела, и было так страшно, как в 30, как в 30, и я не могла очень долго очнуться от молодости, окружавшей меня как воздух, как сумасшествие. Ира. Ира.

24/II.

Выходные проходят так же, как и будний день: подготовка к школе, сон, с той только разницей, что еще толкусь по личным разным делам — крашу брови, мою голову, убираю квартиру.

Надо меньше энергии тратить на школу. Она приносит немного радости и очень много усталости, раздражения и разочарований. Неужели я старею настолько, что неудовольствие поколением идет от меня? Или не понимаю, что дети — дети, и всегда будут и шалить, и неважно учиться? М<ожет> б<ыть>, я требую от них чересчур большой сознательности, переоцениваю их социалистические, что ли, качества, как явно была склонна переоценивать их в людях наших вообще? К качествам этим нужно, очевидно, подходить исторически, сравнительно со всем чудовищно-огромным прошлым, а не с точки зрения требований души, воспринявшей и жаждущей осуществления программы, торопящей будущее и потому склонной к самообману, а когда самообман терпит крах — к разочарованию? Или это капитуляция?

Работой своей не довольна. Результаты ее — плачевны пока что. Социалистическое обязательство явно не будет выполнено, когда брала его, недооценила трудности, и ясно, многих ребят, которых обещала перевести на высшие отметки — не переведу... Сейчас нажимаю на них всю, посмотрим, что даст последний месяц. Седьмой — второй — весь в плохих отметках. Зло берет, как механически работа-

ют ребята. Со своим классом нет должного контакта. Мне нужно бы заниматься им больше, да времени не хватает...

Вчера — провалившаяся воспитательная беседа. Читала им из «Пимокатов» своих (паршивая книжонка), думая отсюда перебросить мостик к сегодняшнему дню, и не вышло. Пока читала — слушали внимательно, потом пошли колбасить, как только дело коснулось сегодняшнего дня: интерес упал, размен на «а что мы сделали», жалобы на М. З. — в общем, не сумела ничем зажечь и ничего добиться. Еще этот Федосеев пакостный... А ну, хватит. Вызову родителей, потом буду с ним помягче.

А не выходит из писания у меня, очевидно, потому что писание требует всю тебя. Выходной — и долго не растормозиться от школы, от всего другого. И накопленная усталость за каторжную шестидневку действует, как отравя: с утра особое настроение, желание писать, да надо то или другое, а потом спишь, а потом уже и времени нет, и надо спать, т. к. завтра вставать в 7. Звонила к Юрке и Левке.

Колька прав, что злится за это. Что меня к ним тянет? Ведь сейчас-то я могу себя считать свободной от любых отношений с ними, которые вынуждена была поддерживать летом и осенью. И Левка, и, в особенности, Юрка совершенно не заинтересованы во мне, а я их почти ненавижу. М<ожет> б<ыть>, потому меня и тянет к ним? Но стоит ли тратить на это духовные силы? Неужели сейчас-то не могу я отгородиться, отделиться от них, что, что мне надо от них? Признания, похвалы? Дура!

Была у Хмары... Не знаю, или я чего-то не понимаю, и с чем-то не считаюсь, или там — бюрократизм, оперирование «материалами», «выводами» и «обследованиями», вместо живой жизни.

Он говорил со мной очень «чутко», но и сама эта чуткость показалась мне официальной. Он должен был быть возмущен моим делом и принять меры. Он говорит, как ЦК, и, видимо, не хочет действовать до ЦК. Хотя хотел «поговорить в Союзе». А Гришка, по-его — «не двурушник, т. к. Либединский и Чумандрин — не враги, и Либединский восстановлен...». (Сравни с кое-какими взглядами, кое-где три месяца назад...)

В общем, в п<артийной> о<рганизации> Союза «работа за последнее время налаживается», и Гришка, Князев, Решетов и пр<очие> коммунисты нужные делу литераторы (хотя «имеют недостатки»). С моей же точки зрения, это сволочь, ничего общего с искусством

не имеющая и вредящая ему. Но, очевидно, то, что убедительно для меня — неубедительно для Смольного... Как тут действовать? Я и убеждать особо не стала, т. к. почувствовала стену и поняла, что «мой факт» тоже неубедителен для Хмары, как факт рапповской групповщины и подлости... Вот если б я была известностью или, м<ожет> б<ыть>, если б мое письмо было получено «до оформления материалов»... Если б за меня вступилась какая-нибудь дутая шишка из С<оюза>П<исателей>...

Держалась я безобразно, меня трясло (нервы — ни к черту), говорила каким-то не тем тоном, не сказала, что парторган Союза — говно, что они — сволочи, не сумела доказать это. Повторяю, почувствовала, что это — разговор, подумала «а что мне, в сущности, надо?». Нет, как-то не так, недостаточно резко, гордо и независимо вела себя, тряслась и ушла с осадком, с сознанием, в основном, ненужности этого разговора ни для меня, ни для дела.

Подожду решения ЦК. Только бы уж скорее, а то начнут опять «раскручивать» и не восстановят... Как у нас все... Эх!. Писать надо, писать... «Не расточая сил на “мелочи жизни”», — писал мне Горький. Не буду, не буду, не буду...

1/III-38.

Опубликовано сообщение прокуратуры о «право-троцкистском блоке». Меня больше всего ошеломило сообщение об умерщвлении Горького. Было, да и есть, такое чувствово, что он второй раз умер, что вот сегодня на твоих глазах его застрелили. Все, а особенно, особенно умерщвление Горького, факты, не поддающиеся, не укладываются в обычные слова злобы, проклятия, неистовства.

Так чудовищно, что просто не верится. Вчера было такое состояние, что окружил какой-то плотный, смертельный мрак... Потом плеснулась в этом мраке мыслишка о себе — как с восстановлением теперь, на этом фоне? Но теперь думаю, что наоборот, не только не должны перестать восстанавливать, а еще смелее восстанавливать честных коммунистов и разоблачать всех, мутивших воду. Боже! Мороз по коже дерет, когда подумаешь, что это сообщение легло бы на то политико-моральное состояние, которое было месяц назад в партии и в обществе, состояние скверное... Ведь буквально бы создавалось впечатление неустойчивости и неблагополучия систе-

мы, — «кругом изменники, пособники, исключенные, безработные»... Несмотря на то, что далеко не все еще пришло в норму, все же тако-го **не** будет. Это умно сделано — с постановлением, хотя все же надо было раньше...

Кажется, беременна. Надо приложить все усилия к тому, чтобы сохранить ребенка, ведь надо же жить... Осталось же жить, наверное, не долго... Надо заняться практической подготовкой вещей к печати.

Хочу на каникулах съездить в Москву, походить по журналам, издательствам. Думаю, что к этому времени восстановят. Сладострастно предвкушаю, как буду тогда говорить в С<оюзе>П<исателей>... Но прочь мелкие мыслишки! Главное — написать подлинно-революционные, живые, дышащие горечью и счастьем вещи... А досуга нет, чтоб отдаться мыслям только о писании; во сне снится «не» и «ни», и ПВХО.

Задумано много и, кажется, интересно... Надо бы сегодня работать, но гнетет и взывает школа. Плохо с седьмыми. Завтра-после-завтра надо подсчитать, что могу дать в этой четверти...

13/III-38.

Я отделяюсь... Завтра два года со дня смерти Ирины. Разве уже два года? Разве это было не вчера? Уже зная, что она умирает (мысль работала все время невероятно отчетливо — «нитевидный пульс», — думала я...), я выходила в прихожую больницы, чтобы выкурить папиросу, и тошенькая, злая сестра с мешочками под глазами, придя на дежурство, шипела, узнав, что Ира умирает: «О, это все проклятая советская власть довела!»... «Я благодарна советской власти», — сказала я абсолютно деревянным голосом, покачиваясь от затыжки и предыдущей бессонной ночи с чужим человеком, — «моя дочь умирает, но я ни в чем не виню советскую власть... коммунизм будет построен...», или что-то в этом роде.

Я говорила деревянным голосом и как сейчас слышу его, потому что точно разделилась и почти все время, кроме тех кратких моментов, когда бьющееся сердце заглушало все, видела и слышала себя со стороны...

Когда Ирина умерла (сотни страниц и часов нужны, чтобы описать этот момент), я подумала: «Пусть все уйдут, я останусь с ней одна». И все ушли, и я, замечая себя, встала перед ней на колени,

взяла ручку, уже начинающуюся холодеть, и ничего не чувствовала, а только замечала себя. И около меня оказалась та же сестра, которая, рыдая, шептала: «Дорогая моя, боюсь за вас, я ничем не могу вам помочь, ну, что вам сказать, плачьте». «Сестрица, не бойтесь, — сказала я очень вежливо, — я сию минуту...», и как в <19>30 году на Мамисонском перевале, молодая, любимая и влюбленная, я ничего не чувствовала, глядя на горы (а была до пресыщения счастлива), там в эту минуту, которую помню сейчас до того, что где лежало, я не чувствовала горя... Я потеряла больше, чем Иру... Иру!.. Жизнь по капле уходила из меня при каждом живом воспоминании о ней, сокращаясь, как шагреновая кожа...

Процесс. Смрад, вывернутый наизнанку. Я знаю больше. В 7 «г» классе умерла девочка Сабурова. Такой милый, тихий, черненький, старательный мопсик. Хватит ли у меня, нет, не сил, а именно постороннего взгляда на себя, чтоб завтра пойти за ее катафалком. Как удалялся Ирин катафалк! Его хотелось схватить руками... Ребята в новой Деревне кричали: «Вожатую везут»... Если я завтра пойду, это будет дикая самотравля и в сотни раз больше тройки ЦК. «Пусть приведут меня в ваш суд, в ваш ГЛАСНЫЙ суд... Я отделеюсь!» Я знаю больше.

14/III.

Но с усталостью, но с оцепенением, с комьями в горле, но с тоской стольких слов — устаешь дружить. Или эта история <19>37 года развалила меня до перерождения? Или я права? Сколько злых слов кипит во мне — с адресом и без. Ближайший адрес — ССП. И вообще, полуопределенно. Это, очевидно, от посещения П<артийной> К<оллегии> и разговоров с Л.Н. Вите.

Маулишка — жертва «Христианского коммунизма». Мы, передовики, — не результат ли того же воспитания в духе безграничного доверия партии? Кто же виноват, что я «нагрелась» на Авербахе и ему подобных? Ведь безграничное доверие к партии должно остаться — и остается. Но я же сейчас терплю, и меня же тиранили за результаты этого доверия... Должны же понять... А можно ли говорить об этом на тройке ЦК? И восстановят ли меня 7/IV, когда будет разбираться мое дело?... Да, продолжать доверять, и не на $\frac{3}{4}$, а целиком. Но как совместить это с новым опытом? Доверять больше себе?

Я чувствую, что это еще не все. М<ожет> б<ыть>, уляжется в практике? В какой? В практике парторганизации Лен<инградского> С<оюза> П<исателей>? Никогда!

25/III-38.

Каникулы после третьей четверти. Мне очень горько, что не выполнила свой социалистический договор на 100%, хотя уже в середине четверти отчетливо увидела, что опять перехватила в обязательствах. Но, в общем-то, результаты неплохие, особенно если учесть, что приняла школу в тяжелом состоянии и никак не отвечаю за очковтирательские (в большинстве случаев) отметки 1 четверти. А к тому же отсутствие опыта; конечно, допускала методические неточности — перенасыщение диктовками, перепроизводство отметок и т. д.

Не всегда также была и достаточная четкость и продуманность в следовании материала, в закреплении. На четвертую четверть надо продумать все как следует, составить четкий план и уже не отступать от него ни под каким видом. Это усугубляется тем, что нужно еще немного продвинуться, а больше всего — повторять. Повторение должно быть генеральным закреплением... На разработку этого плана и придется уложить каникулы. Засяду с 27<-го>, а эти два дня все же передохну...

Попробую отделать «Мечту» и отнести в «Костер». Надо поработать над стихами, что-то они все мне разонравились... А роман! Нет, к нему копится и копится внутренний материал, и по мере накопления разных чувств и мыслей во мне самой — растёт и роман, но когда же сама работа? Тема «настоящей жизни», проблема ее изменчивости, переливается во мне самой в различных вариантах, обобщаясь всем опытом текущих событий. О, как хочется работать! Сколько новых тем появилось... Вот уже почти готова в сюжете повесть для детей о школе, — на материале Сусанки Федосеевой... Когда же, когда же? Но пока главное — победно закончить год...

Аресты в С<оюзе>П<исателей> — Шабанов, Тагер, Заболоцкий. Последнее — ужасно, т. к. это крупный поэт и т. к., если его взяли, значит, действительно, подлинный враг.. Но как же мог он писать «Горькую симфонию»? Страшно... Ну, пойду подстригусь и буду работать над рукописью...

26/III-38.

Ах, черт... Вот, уселась, наконец, за рукопись, и никак не размозолиться. Нервозность какая-то, ожидание чего-то... Но повестушка явно может получиться, нужно лишь сжать ее, упростить, удалить слащавость...

27/III-38.

То есть до ужаса ничего не делаю. Разумеется, виною всему — пресловутое чувство временности, в основном... Но не самообман ли это? Не благороднее ли признаться, что просто приятно бить баклуши? Ну и приятно, я и сознаюсь. К тому же, у меня сильно расстроен желудок...

Вчера бесплодно налаживала одну встречу, и так дико получилось, что она не состоялась, так неудобно, т. к. явно по моей вине, что завтра надо будет пустить в ход все остатки своего обаяния, чтоб загладить этот позорный промах...

Кроме того, приехала Катя Абрашкевич, и хотя в Колиной любви я уверена, как никогда, все-таки это меня бередит, тем более что, очевидно, у Вольки сегодня будут обе мои соперницы, и Катя, и Соня. Кстати сказать, с Соней я встречалась уже неоднократно, даже вместе встречали Новый год... Видя ее, я испытываю желание не уколоть ее, а как-то «обласкать» — хуже это или лучше, не знаю... Отношения, разумеется, фальшивые, но, кажется, у меня хватает такта не подчеркивать этого. Однако сегодня надо будет быть в хорошей форме, чтобы забить их, как гитлеровскую радиостанцию, опять-таки не подчеркивая, не подчеркивая.

Прочла «Лапшина» Юрочки Германа. О, Боже, какой усовершенствованный суррогат, какая тонкая и в то же время абсолютная имитация!.. Ведь, все, все есть, все как будто бы на месте, ну и что ж, что ничего не происходит? И все-таки всей душой чувствую — нет, так нельзя! Неужели же у меня так? Ужасно!

Своя повестушка засохла на второй стр<анице> и вызывает отвращение. Кажется, что и она такая. Такая же слащавая имитация и надувательство... Нет, ну как нехорошо! Все подделка, начиная с «чеховской» интонации, кончая людским образом. Мое «творческое будущее» мне неизвестно. Только не писать так, как Юра, хотя бы это и устраивало читателя. Только бы вовремя заметить подобную опас-

ность, чтоб успеть преодолеть ее, а если невозможно будет преодолеть, то бросить совсем, переквалифицироваться на учителя, на журналиста, на партработника...

30/III-38.

Завтра — уже опять в школу... Вот глупо, чего я ожидала от каникул?.. А ведь ожидала каких-то происшествий... Но время шло кое-как. Вообще, надо признаться, что все-таки живу «пока», в ожидании — чего? Реабилитации, восстановления, возвращения к профессиональному положению, в среду, которая мне ненавистна, но все же привлекает? Это пакостно. Но — да, чувство ожидания не покидает меня. Неужели не восстановят?! Боюсь об этом и думать... Нет, не может быть...

Надо сейчас поработать над планом 4-й четверти. Она рисуется мне туманной, невероятно загруженной, ужасной. Вложусь ли? Закреплю ли все? Как пройдут испытания? Как будет дисциплина в связи с наступающей весной?! Ох! И еще эта чертова нервозность, и тоска по творчеству... Надо было бы разработать планы так, чтоб все-таки иметь больше свободного времени и сохранить силы для испытаний и отдыха... А я каникулы протрубила. Ну, сажусь за планы.

31/III-38.

Сегодня Коля защищал диссертацию. Защита прошла очень хорошо: тепло, очень благожелательно, по-советски, народу было не много, но все такой народ, который к Коле расположен; была родня — обидно, что не было папы, он бы цвел от гордости. Зачитали Колькину биографию — меня чуть слеза не прошибла, хорошая, честная, простая жизнь, почетное, хорошее происхождение.

Коля держался молодцом, я очень боялась, чтоб не заговорился, но не заговорился. Вступительное слово и заключительное сказал достойно, скромно и основательно, отпор несостоятельным замечаниям оппонентов был весок, политически направлен. Его много хвалили, за то, о чем я знала всегда и что знаю и сейчас больше — за смелость, за талант, за свежесть. Не сказано было слово — дерзание. Не знали также оппоненты, в каких условиях создавалась эта диссертация! Она оформлялась и заканчивалась в те дни,

когда я была абсолютно опорочена, ославлена как «пособник врагов», в условиях полной общественной изоляции, полуголодовки (проданный Анненков!), в условиях ежемесячных исключений, его обострившейся, и моей, болезни, в условиях, когда все друзья были «перебиты».

Я горжусь тем, что настояла на том, чтоб он ее закончил, и чем могла, главным образом морально, помогла в ее появлении... Я горжусь своим другом-мужем, своим собеседником, своим умным, талантливым Колькой, человеком высокого, коммунистического мужества, большевиком по сути, и — больш^евиком — по душе...

3/IV-38.

Была сегодня в партколлекции, у инструктора Чечковского, которому передали мое дело. Остался тяжелый осадок после разговора с ним, и нервозность такая, что хочется убежать от самой себя, выскочить из себя... Трясутся руки даже и нутро, противной мелкой дрожью, а на морду, бурую и сморщенную, противно смотреть... Вдруг возникла почти уверенность, что не восстановят. Дважды два четыре, а я посередине. Чечковский запросил протоколы в партгруппе союза — интересно, что содержится в этих протоколах? А, один черт! Ничего нового или скрытого мною там не содержится. Чеч^{ковский} навряд ли найдет там «новые материалы»..., но ему могут наговорить..., или побоятся, теперь-то? Но что, кроме старой клеветы, могут повторить эти твари? Надо изо всех сил крепиться, чтоб выступить достойно. Ведь все-таки за меня моя жизнь, ее последний период, школа...

Если меня восстановят, боюсь, что произойдет ссора с человечеством, вернее, с обществом, да, за меня моя жизнь — во мне за меня... Последние дни приносили как раз большое удовлетворение и от собственной работы, и от все растущей любви к детям, и от Колькиной защиты, от сознания полезности, правильности жизни. Ну совершат чудовищную несправедливость, не восстановят, но жизнь-то остается?! «Он узнал, что есть граница страданий и граница свободы, и что эта граница очень близка...» Освобождение от фетишизма, м^{ожет} б^{ыть}», требуется еще совершить? От оскорбленного самолюбия? Не много ли это? Ну, скорей бы седьмое... Все равно уж...

4/IV.

Что мне нужно понять, что мне нужно понять, чтоб не агонизировать так в ожидании тройки ЦК?! Состояние страшное. Все время душат слезы. Жалко себя... Ведь, господи, решительно все время я была честна и не кривила душой. За что же вся эта мука?! Или мука от того, что я — ничтожество, нет во мне уверенности в себе? Ведь должны же понять, справедливо рассудить, ведь недаром же было постановление ЦК? Я виновата, я знаю и сознаю это, я знаю, что вина моя не в «защите Горелова», а серьезнее, в жизни, но ведь поняла же я это... А то вдруг охватывает меня какая-то смертельная усталость, и я думаю — «наплевать». И горечь, и желчь начинает душить, и точно идешь куда-то ко дну... трудилась целый вечер, хотела написать конспект выступления — «там», но нет, лучше погляжу, как будет...

Надо только записать, о чем не позабыть бы... Еще не знаю, как говорить, о жизни, о душе, или «течь по желобкам»? Как держаться? Смиренно. Или... Нет. Нет, только не смиренно! Скромно, но не смиренно...

6/IV-38.

Посмотрела наброски, планы и т. д. к «Заставе». А ведь задумано широко, глубоко. Скорее бы начать трудиться над страшной главой «Война»; только сделать ее без нажима... Завтра — тройка. Не странно ли. Что судьбу мою будут решать люди, которые видеть будут меня первый раз в жизни и ничего не знают о жизни моего сердца?... Но нет, должны, должны восстановить!.. Нет, какой бы философией ни заниматься, как бы ни знать о бренности жизни, все равно, я хочу быть в партии. И я буду счастлива, если меня восстановят, так же, как счастлива сейчас, что состою в комсомоле.

Мне есть, что в нем делать сейчас, и, м<ожет> б<ыть>, впервые, без всякой иронии, я чувствую, что состою в воспитательной организации, т. к. я конкретно воспитываю ребят. В школе у нас создан комитет, уже довольно большая ячейка, и это так чувствуется — в 7-х классах, например! Мне дорого, что ребята и учителя — комсомольцы упорно выдвигали меня в члены комитета, мне едва удалось дать себе самоотвод... Конечно, и будучи вне партии, я не стану работать хуже, и содержание жизни не уменьшится чересчур намного, но все-таки — лучше в партии... И не приятно сознаваться, но как стыдно бу-

дет глядеть в глаза людям — тем же учителям, всем, всем, кому заявляла, что меня восстановят.. О, ужасно.. Ну, еще немного. Меньше суток до тройки. Нет, все за то, что меня восстановят.. Кто-то будет с завода, и будет ли настаивать на исключении? Будет ли кто-нибудь из С<оюза>П<исателей>? Они, сволочи, привезли Чечк<овскому> только те протоколы, в которых меня «разоблачали».. Нет, меня должны восстановить.. Вчера слушала 5 симфонию Шостаковича. Очень хорошо. Я не понимаю, причем там «рождение нового человека», просто о человеке, и очень хорошо и содержательно..

7/IV-38. Ночью.

Кажется, меня восстановили в партии. Решение будет объявлено мне недели через две, м<ожет> б<ыть>, меньше. Но судя по тону заседания — МЕНЯ ВОССТАНОВИЛИ. Судя по тому, что пред<седатель> комиссии особо произнес: «связью с врагами народа такими-то и др.. Ах, дrrr.. Значит, их было много». Ирония. Судя по тому, что представителям парткома «Электросилы» и С<оюза>П<исателей> НЕ ДАЛИ ГОВОРИТЬ..., «о чем же они могут говорить, раз они не помнят, на счет чего записана формулировка: “знала о враждебных разговорах Ав<ербаха> против некоторых членов правительства и не сообщила о них...”» Им не дали говорить! Нет, меня восстановили!.. До того, как не узнаю решения ЦК — ни слова здесь!

12/IV.

Получили сообщение о том, что арестован Ленька Анк... Это просто бардак какой-то... Для меня теперь нет сомнений, что в г. Кирове орудует шайка контрреволюционеров: они арестовали Леньку после того, как он был реабилитирован в результате своего письма к Сталину, после того, как Галка послала обо всем этом материал в кировский Обком. Сволочь почувствовала, что почва под ней колеблется, и стала заметать следы. Надо что-то делать. Попробую поговорить с одним товарищем... М<ожет> б<ыть>, следует послать письма Ежову и Сталину? Ведь дело не столько даже в Леньке, жизнь которого, ясно, висит на волоске, сколько в том, что орудует в Кирове сволочь, под маской бдительности и советской власти. Скольких они погубят?! Ленька не может быть врагом сов<етской> власти. Не может!

17/IV.

Тоска, тоска... Ожесточено сердце. Не на советскую власть, нет. На человеческую породу, которую, думается иногда, не исправит даже советская власть. Разговор с Хаскиным в Литфонде, где петушилась и вела себя глупо. Зачем петушилась, зачем столь заносчиво говорила о С<оюзе>П<исателей>? Ведь их не пришибешь, а себе навредить могу — пойдут разговоры об «озлоблении»... Но нежизненность происходящего меня угнетает.

Ну, как-то так, приходит в Литфонд писатель, человек, которого незаслуженно терзали в течение года, человек больной и измученный, просит путевку в Коктебель, и вместо того, чтобы помочь ему — начинается разговор о том, что путевку ему, возможно, дадут, если не будет претендентов — писателей! Да еще эта семейность — «зря ты так флотно говоришь». О, сволочи, сволочи... Скорее бы было решение, а кажется, оно будет не так скоро... а Чечк<овский> сказал мне, что дело мое неплохо.

Это значит — восстановили и, по всей видимости, без взысканий. Если будет взыскание, это хуже, тон придется держать не тот...

Я хотела бы в Коктебель... О, море! О, чистые линии и неопикуемые краски Коктебеля... Я отъединяюсь от людей, я научилась теперь отъединяться от них, смотреть на них со стороны... Я буду уходить — одна, одна, на Карадаг, и в сторону тех холмов, к Хамелеону, где не была тогда.

Я думала, что для нашего времени недействительны такие понятия, как разочарование, охлаждение, скептицизм... Но как я чувствую в себе этих брюзгливых жильцов. И горечь — ответственный съемщик!.. Нет (точно не для себя пишу) — не в разочаровании в Советской власти дело... По-прежнему, и еще более предана я ей, и партии. А в людях, в людях, в жизни... Мне еще не сформулировать, что именно понятно...

Как томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум!..

Быть может, это временная усталость! А если навсегда? Как далеко унесена Ирина! Иногда уже мысли о ней не вызывают острой боли... И боли — мало... Или омертвела та часть сознания и сердца, отнялась, перестала существовать для жизни?.. Или проще — за-

тягивается уже рана временем, чудовищно-благодетельный закон все той же жизни? Или дети 6 «з» класса утоляют материнство, чужие дети, к которым чувствую все большую нежность, как к своим, а я не думала, что так бывает. Как они меня огорчили сегодня, какие они сволочушки, пакостники, а сердце болит и за Сусанку, и за Школьникову, и даже за гнусного Федосеева... Это тоже из области непояснимого — это рождение отношения к ним, как к своим детям. А Ира? А доченька, лишенная мира, любви, жизни?.. «Высшее счастье не родиться, а родившись — быстро умереть» — утешительно, но не правда... Так я просто забываю ее?!

От Али нет писем — неужели арестовали? И мне верить этому, после всего, что я знаю о нем, об его первом аресте, обо всем его облике?

Мне верить, что Ленька Анк — враг? Да, последние события жестоко и многому научили нас... Но те люди — неизвестны мне... Как все спутано и неясно... Где и в чем я опять путаюсь?.. Сознание бренности жизни все копится, а молодости уже почти не осталось... А там и смерть.

20/IV-38.

Устала, устала. Надоела школа, уроки, составные сказуемые, тупица Кочеткова, дурак завуч... Неудачная диктовка в 7 «г» — 100%-ном. Ох, ну стоит ли так терзаться от того, что 10–15 ребят, чужих, здоровых — плохо учатся? В конце концов, ничего не произойдет ни со мной, ни с ними, если они будут ставить запятую перед дополнением.

Я слишком не берегу себя, слишком отдаю много сердца на эти диктовки. А им наплевать на меня. Я все же проделала колоссальную работу, я не виновата, что задыхаюсь от неопытности (сознание того, как строить курс и как преподавать русский язык — приходит только сейчас), от прорыва — недостатка часов. В конце концов — 6 плохо (из них 2 — случайно) на 32 человека — не такой уж убийственный результат.

Гораздо важнее Колькины припадки, и эти пти-маль, продолжающиеся хоть минуту, но имеющие все признаки помешательства.

Гораздо важнее то, что у меня остались от нервов ничтожные клочья, а мне надо еще до чего-то (скоро, наверное скоро будет что-нибудь страшное, смерть или сумасшествие Кольки, или война) на-

писать «Заставу», хотя бы для себя. Меньше, меньше расстройства из-за диктовки у Тарасовой и из-за кривой рожи М. З. Я делаю все, что могу. Экзаменов жду с ужасом. Иногда мне кажется, что это будет страшное фиаско, все ребята провалятся, я их ничему не научила, а только сбила с толку.

23/IV.

Земная слава — как дым.

Не этого я просила.

Любовникам всем моим

Я счастье приносила...

Вчера вечером, какую-то секунду, почувствовала себя в 1930 году, на Кавказе, влюбленной в Али. Не вспоминала, а именно непосредственно ощутила, как будто потом не было 8, 8 лет! Где Али? Что с ним? Неужели арестован?

Вечером у Мариных играли в карты, из радио неслась фокстротная музыка, и опять мгновениями я чувствовала себя в Севастополе, с Витькой, даже горе тогдашнее чувствовала... Он уже, кажется, осужден и, кажется, крупно. О, неужели он — враг? Он мог впутаться со своим неумом и самомнением, но нет, не мог он быть сознательным врагом, не мог.

Ни он, ни Алмазов — не враги. Не могу верить. И как-то дико: почему нельзя говорить об этом, не «агитировать», а вообще нельзя сомневаться? Почему мы все-таки так мало знаем об этом? Почему вдруг сердце вспомнило их — Али (лучше) и Виктора (хуже)? Не то что я что-либо чувствую к ним. Но вдруг вспомнило сердце, рвануло, вспомнило ласково, горячо, простив обиды себе... «Бабьего?» А быть может, они враги народа, и о Витьке и мне надо только так думать.

Господи! Как много я допускала отвратительной глупости, как была ничтожна, мерзка, в конце концов. Мне дико и неприятно вспоминать, и я вспомнила как о постороннем, чужом, безразличном мне человеке о себе в <19>35 году, тогдашний Коктебель... Но-но (минутами, о, минутами и — почему?), как все-таки было много яркого, сильного, тогда, что теперь погребено, именно погребено и, разумеется, навсегда.

Читаю беспощадные статьи Горького в сборнике «Если враг не сдается»... Много дум. И о себе тоже. Я, очевидно, не больше чем самовлюбленный мещанин. Вот, Горький осуждает мысли о смерти, подобные моим... Но ведь наряду с ними — я активно творю. Но что же я сделаю, да, они есть, они больше, чем мысли, они — ощущение. Выпутается ли душа? Но как ей выпутаться после смерти двоих детей? Как ей вернуть упоение жизнью, неверие в свою гибель? Наверяд ли...

Хочу к морю, к морю, хочу в Коктебель, хочу еще раз пройти по тем местам, по себе... Хорошо бы пройти по Севастопольскому Примбулю... Хорошо бы столкнуться с человеком, который был бы влюблен, чтоб посмотреть, на что я теперь гожусь, что теперь могу, т. е. чтоб убедиться в том, что сердце никогда не станет несвободным, никогда больше не предаст себя, что оно стало зрелым и знает себе цену, как хорошо, что люблю только одного Николая, люблю зрело, умно, предпочитая любым... Ах, хочу к морю, хочу одиночества. Ну, будут там какие-нибудь ржавенькие литераторы из стаи тех, что меня травила, но это мне теперь не страшно: принцип «внутреннего отъединения» усвоен органически...

5/V-38.

Злейшее состояние. Уверена, что экзамены будут моим сплошным позором, вернее, должна быть уверена в этом, потому что что-то говорит также, что может быть и победа. Но откуда эта пошлая, самодовольная мыслишка? Разве не ясно по последним контрольным, что ребята ничего не знают, что я ничего им не дала? Ах, ну, ладно.

Ведь я работала добросовестно. Я не виновата ни в своей неопытности, которую преодолела, ни в возмутительном состоянии советской школы, которое преодолеть не могу. Какое тяжелое состояние у меня по утрам, общей угнетенности, раздражения на все и на вся, да и не только по утрам.

До сих пор не вернулись из Москвы протоколы парттройки, и я в неопределенном каком-то состоянии. Также возмутительно. Что так тянут. Ведь с постановления ЦК идет четвертый месяц... Нет. Никому нет до меня дела! А если не восстановят, что-нибудь отменят и т. д.? Как надоело все, боже мой, как надоело.

Еще, еще рывок, еще немного терпения — говорю я себе, экзаменационные билеты, ожидание протоколов (ведь не 2 же меся-

ца еще будут тянуть?), и там будет легче. Даже если не удастся Коктебель... Правда, эта Сиверская с Колькиной родней, с торкиными ребятами, которых я не люблю и которые меня раздражают, но это, все же, не школа. А м<ожет> б<ыть>, удастся уехать куда-нибудь в Ялту. Хочу, чтоб одной, даже ненадолго без Коли, и без Ленинграда.

Какая сволочь Сашка Штейн, выдумавший, будто бы я «рассказала, что Беспмятнов освобожден», ведущий себя нагло, несмотря на то, что его уже уличили во лжи, и как бы допечь его? У, как я не люблю людишек!.. Неясно также, как в будущем со школой? На этой нагрузке остаться не могу, а меньшую — согласятся ли?

Все неясно, все обрыдло до отвращения...

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions. It emphasizes that every entry should be supported by a valid receipt or invoice to ensure transparency and accountability. This practice is essential for both internal audits and external reporting.

Furthermore, the document highlights the need for regular reconciliation of accounts. By comparing the internal records with bank statements and other external sources, discrepancies can be identified and corrected promptly. This process helps in maintaining the integrity of the financial data and prevents the accumulation of errors over time.

In addition, it is advised to keep all financial documents for a sufficient period, as required by law. This includes not only receipts and invoices but also bank statements, tax returns, and other relevant records. Proper archiving and organization of these documents are crucial for easy access and retrieval when needed.

The document also touches upon the importance of staying updated with the latest financial regulations and tax laws. Compliance with these requirements is vital to avoid penalties and legal issues. Regular consultation with a professional accountant or tax advisor can provide valuable insights and ensure that the organization remains in full compliance.

Finally, the document stresses the significance of clear communication and collaboration between all departments involved in financial management. Regular meetings and reports can help in identifying potential issues early on and finding effective solutions. A strong financial foundation is key to the long-term success and sustainability of any business.

The second part of the document provides a detailed overview of the company's financial performance over the past year. It includes a comprehensive analysis of revenue growth, profit margins, and overall financial health. The data shows a steady increase in sales, driven by strong market demand and effective marketing strategies.

Despite the challenges posed by economic uncertainty, the company has managed to maintain a healthy profit margin through cost optimization and operational efficiency. The management team has implemented several key initiatives that have contributed to this success, including streamlining processes and investing in new technologies.

Looking ahead, the document outlines the company's strategic goals for the next year. The primary focus will be on expanding market reach and diversifying product offerings. This will involve targeted marketing campaigns and strategic partnerships. Additionally, the company plans to continue investing in research and development to stay at the forefront of innovation in its industry.

The financial outlook remains positive, with strong confidence in the company's ability to meet its targets and drive sustainable growth. The management team is committed to transparency and will provide regular updates on the company's progress. The document concludes with a reaffirmation of the company's vision and its commitment to excellence in all aspects of its operations.

ГОД

1939

Дневник с июля 1939 по март 1940. С приписками периода войны. Письмо Гали и Маргариты Коршуновой 36 листов¹.

1939 год.

Я и сам уж не такой, не прежний,
Недоступный, гордый, честный, злой:
Я смотрю добрей и безнадежней
На простой и скучный путь земной...

***

И вдруг ты дальняя, чужая,
Сказала с молнией в глазах:
«То душа, на последний путь вступаю,
Безумно плачет о прошлых снах...

А. Блок.

Я немецкий писатель,
Родился в немецкой стране.
Расскажут тебе о лучших,
Услышишь и обо мне...
А чем я болен, малютка,
Болеют в моем краю:

---

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц на обложке дневниковой тетради.

Расскажут о худших болях,
Услышишь и про мою.

Г. Гейне.

Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь дитя добра и света,
Он весь свободы торжество!

А. Блок¹.

15 июля 1939 года.

13 декабря 1938 года меня арестовали. 3/VII-39, вечером, я была освобождена и вышла из тюрьмы. Я провела в тюрьме 171 день. Я страшно мечтала там о том, как я буду плакать, увидев Колю и родных, — и не пролила ни одной слезы. Я нередко думала и чувствовала там, что выйду на волю только затем, чтобы умереть — но я живу, подкрасила брови, мажу губы. Я еще не вернулась оттуда, очевидно, еще не поняла всего...

5/X-39.

Да, я еще не вернулась оттуда. Оставаясь одна дома, я вслух говорю со следователем, с комиссаром, с людьми — о тюрьме, о постыдном, состряпанном мне «деле». Все отзывается тюрьмой — стихи, события, разговоры с людьми. Она стоит между мною и жизнью.

Я никому не говорю этого, даже Коля всего не знает. Но я взялась для райкома писать брошюру к выборам в местные советы. В ней будет все правда. Да, все будет написано в ней о чудовищных наших победах — это правда. Я верю ей сердцем. Но в ней не будет ни слова о тюрьме — и значит, в ней будет неправда. Но этой правды пока нельзя писать, хотя о ней знаю и я, и тысячи других. Я напишу эту книжку для простых и честных людей, создавших эти победы, прошедших сквозь тот же строй, что и я. Я напишу ее через Сметанных и пр<очую> сволочь. Сердце горит. Я еще не вернулась из тюрьмы...

¹ Со слов «1939 год» до слов «Он весь свободы торжество! А. Блок» записи рукой О.Ф. Берггольц на форзаце дневниковой тетради.

28.X-42

Ленинград. За окном — артиллерийские залпы. Осада, — уже 15 месяцев > блокады. Война. Я пишу здесь только правду, даже, когда на это требуются усилия.

Так вот, 22 июня 1941 года, когда была объявлена война, тюрьма отошла и простилась. Не совсем, я прятала эти дневники, и одна из первых мыслей была, что меня могут выслать или арестовать только за то, что я уже была арестована, без всяких поводов. Но это быстро прошло. Я погрузилась в работу, другие — массовые мысли и чувства, овладели душой, довоенная подавленность исчезла, что страшнее всего, что и у меня и у Коли совсем исчезло пресловутое томящее «чувство временности», как будто именно для этих гибельных дней войны мы и жили, ждали только ее.

Тюрьма простилась, т. е. перестала болеть, т. к. заменилась другой, новой, острой и тоже общенародной болью. Рубец же от нее, конечно, остался на всю жизнь. Сейчас, во время войны, особенно ясно видишь, какого громадного размера достигло ежовское преступление, как расплачиваемся мы за те дикие годы теперь. Что будет дальше — увидим. Лелею надежду, мечту, что после войны не повторится пережитого ужаса <19>35–39 гг А Коля, который вместе со мною, и м<ожет> б<ыть>, еще острее (ведь так много молчал, боясь бередить меня!) — переживший всю тюремную эпоху, погиб от голода в январе <19>42 года.

21/VIII

Видела сегодня Левку Левина и Вовку Беляева, говорили. Сердце сосет, что сказала Левке, что и меня 8<-го>. Разболтает, черт, это уж лишнее, вдруг дойдет туда... Ну, и что ж? Почему я не могу рассказать, в чем оклеветали, тем более что я изображаю дело так, что это одно вятское НКВД — да даже не оно, а сволочь Алдан, и говорю вообще так, что это все служит к прославлению нашего НКВД и Гоглидзе. Собственно, это почти правда. Но, о! это «почти»!

25/VIII

Была у Галки. Никак не собраться записать все. А м<ожет> б<ыть>, этого и не надо делать? Не только в смысле самостраховки на случай бу-

дущего ареста, все-таки «спокойнее» нигде и никак не фиксировать своих мыслей, как бы преданны они не были. И, позор! Позор! Нет.

Соберусь с силами — запишу, все, бесстрашно. В Сов<етском> Союзе, советский человек боится своих мыслей? Нет! Ведь иного пути, кроме пути с Родиной, у меня все равно нет. Но сердце и сознание представляют собой зияющую большую рану, дымящуюся сомнением, как отравой... Надо приняться за роман, в работе, м<ожет> б<ыть>, утихнет боль, и многое объяснится... Ведь главная боль в том, что непонятно, что к чему и зачем... Надо же объяснить хоть как-нибудь... Как же жить и работать в таком тумане? Отмахнуться? Не выйдет! Успокоить себя общими фразами, философией типа — «все существующее — разумно, так в истории всегда». Но во имя чего успокаивать? Страшный сквозняк в душе. Ну, пусть. Тяжко до ужаса, но больше не боюсь никаких мыслей... Все очень сумбурно и общо пишу, но пока конкретней не могу — потом, потом... А хочется успокоиться. Хоть бы найти человека, который успокоил. Это плохо, что так жаждешь успокоения.

В душе и в мире есть проблемы
Как бы от пролитых кислот...

Все же возьмусь за роман и стихи.

4/IX

Смутное какое-то состояние, точно непрерывно ожидаю чего-то, после чего уже можно будет начать жить... Но чего? Все еще, почти каждую ночь, снится тюрьма, арест, допросы... Физически чувствую себя ужасно — одуряющие головокружения и слабость, тем более что, кажется, беременна, и уже начинаются тошноты. Коле еще ничего не сказала, пью и не иду в консультацию, чтоб принимать меры против выкидыша. Думаю почему-то, что на этот раз и так удержится.

Через некоторое время пойду. И зубы ремонтировать надо. Но лень, лень, лень все на свете делать. Дома грязно, Коля в забросе, — он еще у меня золото. Ничего, ну, ничего неохота делать и только хочется, чтоб поскорее шло время. Зачем?

Собрала книжечку стихов. Очевидно, печатать ее не будут, — она резко не в плане урашной поэзии, а ведь неплохая, хотя уже лично есть чувство сосущего неудовлетворения — опять не все сказано.

Снесла в «Звезду» пучок стихов, томлюсь от предчувствия разговора с шепелявым дураком Рождественским, который не возьмет почти все стихи из трусости, а сошлетя на какие-нибудь шаманские глупости, шепелявый, исписавшийся и все-таки почему-то распоряжающийся судьбами живых поэтов. Вот и все так у нас в литературе. Нет, хотя сказано не все, хотя нельзя будет опубликовать некоторых тюремных (и только из-за слова «тюрьма»!) стихов, книжка все-таки своя, особая...

Да, взлета, колодца — все еще нет, да и будет ли он у меня? Уже, наверное, нет. Только не огорчаться неудачей с книжкой и стихами, выйдет — хорошо, не выйдет — ладно.

Познал я глас иных желаний,
Познал я новую печаль...

Сейчас еще раз пройду ее и сяду за роман. Хочется поскорее показать книжку «им», — чужим, гослитиздатовцам. Как они? А Коле нравится, но не потому ли, что это — наша жизнь? Надо бы еще написать для ребят, как материальный зачин. Но выйдет ли что — уж очень рационалистическое задание беру. Спасение — буду писать о себе <19>26 года.

Интересно, заметят ли «Мечту» и как примут? Смущает, что уж слишком отвечает «запросам»... Ну, а почему нет? Нет, это просто тюремное отравление во мне говорит... Книжка радостная, м<ожет> б<ыть>, однобоко-радостная, но разве, в идеале — это не та жизнь? Дело в том, что чрезмерно хлебнула горя и отсюда все кажется в несколько сумеречном тоне, и кажется, что главное — писать о горе...

Как-то будет получаться роман? Обдумала композицию с главой — смерть Степкиной матери; вероятно, она будет швея, а не дворничиха. Ну, хватит болтовни. Время дорого, а я кисну. О, проклятая вялость...

15/IX-39.

Первый раз в жизни ощущаю такое отсутствие воли к какому бы то ни было действию. Ужас, ужас... Никаких стимулов к деятельности, ничего. Ни писать неохота, ни читать что-либо серьезное... «Застава» кажется в высшей мере пошлой, спотыкающейся в языке, и самое большое — горьковский рационализм...

Рождественский (оказавшийся доносчиком и предателем, как узнала от В.Б. и почти обрадовалась) вернул весь пучок стихов по мотивам «журнальной точки зрения»... Ну, конечно, это не Кежун и не Шубин — безопасные гладкие стишки без мысли и чувства.

Однако Саша Прокофьев одобрил сборник. Это поддержало. Правда, говорит, что цикл «Испытание» нельзя печатать даже в книге. Ну, конечно, я это предвидела.

Но по поводу сборника теперь свои сомнения. Все же упрямо пошлю в «Нов<ый> Мир» и «Знамя» понемногу стихов и на этом прекращу попытки печатать стихи в журналах, потому что, очевидно, вернут. Удалось бы провести книжечку, хотя бы в будущем году — этого очень хочу... Она найдет читателя, и читатель найдет ее, а на Рождеств<енского> наплевать.

Написала записочку Луговскому насчет своих стихов, которые принял в прошлом году, — ответа, конечно, нет... Ах, как все обрыдло, как все безвкусно!..

До сего дня могла думать и говорить только о тюрьме, но сегодня и это, кажется, обезвкусилось и обрыдло, ну, за это-то слава Богу... Не могу и не хочу о ней больше... Это она мстит этим безволием, отсутствием вкуса к жизни и деятельности, тупостью безграничной... Хотелось бы уехать к морю и быть абсолютно одной, и молчать. Но этого нельзя.

Кольке о беременности еще не сказала, чтоб это не помешало его планам и не причинило нового беспокойства обо мне, он и так чрез меру беспокоится обо мне...

Господи, хоть бы погрузиться в роман и жить им, только им, но и он, и его неясные персонажи немилы и надоели... Что сделать, чтоб захотелось работать и действовать? Просто гроб... О какой-либо радости, хотя бы примитивной, я уже и не говорю...

21/IX-39.

Тупость проходит понемногу-понемногу... Но все еще пресно. Хочется абсолютного одиночества, потому что в нем можно хотя бы думать, но донимают приятельницы, надо же поговорить с ними, хотя чувствуют от этого свою неискренность и сухость.

Много по ночам говорили с Колей — о жизни, о религии, о нашем строе... Интересные и горькие мысли. Это, вероятно, приходит

человеческая зрелость. Ну, а потом что? Не знаю... Пока все, практически, остается так же неизбежно, как и было. И уже, очевидно, не сможет стать иным, или иначе. А мне не страшно никаких мыслей, как было бы страшно, скажем, года три назад... Нет, не должен человек бояться никакой своей мысли. Только тут абсолютна свобода. Если же и там ее нет, — значит, ничего нет.

Мало-помалу начинают копиться мыслишки относительно «Заставы». Никак не начать «Углич». Обездарела, выпотрошилась, и — поздно. Ничего уже не выйдет. Все равно, роман будет натужный... Но только бы войти во вкус и почувствовать это жизнью, а себя — созидателем...

Надо расчистить время от людей, расправиться со всякими житейскими хлопотами, распределить время и начать. Времени мало. Вероятно, месяцев через 7 буду рожать, до родов нужно написать и пристроить роман. Времени мало. Посл<едний> м<еся>ц — 26 июля.

27/IX-39.

Нет, придется пока отложить «Углич». Никак не идет. Самой скучно. М<ожет> б<ыть>, начать писать с конца войны? Или писать кусками, то, что интересно? Или лучше отложить, приняться за «Марата и Машу» — разгон и загон...

Наверное, обездарела... Кроме того, утратила к роману вкус, — хочется писать историю Галки и Леньки, историю Маргариты, — это кажется значительным и важным, а все остальное — неважным. Это неправда — то, о чем хочу написать в «Заставе», важно, особенно теперь бы получилось, когда поняла, что дело в человеке, а не в социологии, когда знаю как писать... Но — не пишется. Бездельничаю.

Состояние нервное, разбросанное, изнуряющий грипп и тошноты мучительные... Женская доля!.. Нет, отложу роман, пока не почувствую к нему вкуса. Переносила я его... Ой, какое подлое нервное состояние! Хоть бы прочесть что-нибудь такое, что бы взбодрило на труд... Мучит отсутствие обуви, грязь, отсутствие одежды. Ох, надоела эта нищета! Как она мешает. Удивительно пустая и злая голова. Все злит. Неужели это все еще мстит тюрьма? Да, это она, она, это эти 2 ужасные года НЕНУЖНОГО напряжения — чудовищного напряжения души и сил, уходивших на писание апелляций, на доказательство своей невинности — при ПОЛНОЙ НЕВИНОВНОСТИ!..

29/IX-39.

Решила отложить роман, взялась за неясную и нерешенную «Марат и Маша», написала страничку, и вдруг блеснула идея, написать о Васе Лебедеве, начала, и вдруг в ту же минуту все оформилось, пошло, и главное — сразу ритм и тон — несомненно верный! Слова обгоняли перо, складывались друг к другу, — и главное — тон, тон звучит и слышу!

Охватила вчера пол-листа, сегодня кончу, очень рабочее настроение. Может получится прелестно, только не перегрузить дидактикой.

Жаль, что тяжеловатая голова, вчера легли очень поздно, и не выспалась. Но зато приобрела в госмаге почти приличный воротник для пальто. Зимнее пальто будет. Остались пустяки: обувь, галоши и боты, домашнее платье, белье всякого рода и т. д., и мн<огое> др<угое>. Ну, ничего, главное, растормозилась, отхвачу «Витю Маманина» (чудесное заглавие, а — не пропустят, как же, оскорбление депутата! О, идиоты!), а там, глядишь, с разгона сделаю и роман. Вот у него — нет тона, все еще нет!

19/X-39.

Написала брошюру для райкома. Она будет полезна для агитаторов. Сегодня — партдень, на кот<ором> прогулялась с Ефимом К<озовским> — отвратный тип; дело не в этом. Ленька А<нк> — дома. Мать его озлоблена на нас. Она, очевидно, постарается отшить Леню от нас, а он забыл нас. Он не помнит, какие дикие и страшные показания давал он на меня. Совесть моя спокойна и даже горда: с самого начала до конца я делала и сделала для него все, что могла. Подала заявление о переводе в члены партии. Ich kann nicht anders¹.

29/X-39.

В заботах каждого дня
Живу, а душа под спудом

---

¹ Я не могу иначе (нем.).

Каким-то пламенным чудом
 Живет помимо меня.
 И часто, спеша в трамвае,
 Иль над книгой лицо склоняя,
 Я слышу ропот огня
 И глаза закрываю...
 В<ладислав> Х<одасевич>

Была на открытии Дома Писателя. Меня встречали приветливо, но ни приятелей, ни хороших знакомых, ни, тем более друзей — у меня там нет никого. Дело даже не в том, что никто не пригласил за столик, дело в том, что сердце никому не радовалось. Почти все казались какими-то самодовольными. Вероятно, я не права, м<ожет> б<ыть>, слышюк много о себе думаю, слышюк преувеличиваю свой опыт. Но среды — нет. Дружбы ни с кем из писателей нет. Нельзя же считать дружбой отношения с Фрошкой и даже с Юрой Германом? Они — с Ю<ркой> Г<ерманом> — неискренни. Я слышюк много отрицаю в нем, по существу, отрицаю его всего со всей его практикой, делячеством, трусостью и т. п. Но я не говорю ему этого или говорю частями и очень робко, а это хуже, чем совсем не говорить. И никто не дорог, ни к кому, конкретно, не тянет. Лишь бледная мечта о том, чтоб найти пару-другую единомышленников, друзей, с которыми можно было бы вместе что-то утверждать в области искусства. Но опять-таки, конкретно, таких людей не вижу. В свое время ими могли бы быть Герман и Левин, но теперь они «облагополучились», в глубоком смысле слова, их не тянет на искания, на сопротивление, на дерзание.

М<ожет> б<ыть>, я, опять-таки, слышюк много думаю о своих возможностях? Ведь вот роман засох пока что. Но вчера перечла написанное — явно интересно. С 1/XI примусь гл<авным> образом за творческую работу, а кроме того — лекция по философии у инженеров, но она почти готова, получится интересной, и в ней я буду уже довольно свободна, т. к. запас знаний (вообще-то микроскопический) все же будет больше излагаемого...

Что касается райкомовской книжки, то весь мой кропотливый труд по очеловечению языка не-моих глав — пошел псу под хвост. Редактор навел такое сукно, что исправить, тем более в гранках, было невозможно... Ох, уж это «бремя белых»!

Нет, нет, работать одной, писать честно, не боясь обнажить боли, упоения, не боясь заглядывать в темноту, в колодцы, а там будь что будет... М. П. получила письмо от отца какого-то семейства из Башкирии, по поводу «Мечты». Очень приятно, ей-Богу... Интересно, будет ли пресса у книжки? Говорят, что ребята читают ее с увлечением. Мой милый «Витя Маманин» принят, кстати, зря заранее злопыхала, будто отвергнут заголовок — ничего подобного. Вот как еще политредактор...

6/XI-39. 2 часа ночи.

Завтра — 22 года Октябрьской революции. Я приветствую вас, Мария Римшан, Ольга Абрамова, Настасья Мироновна Плотникова, Елена Иванова, Женя Шабурашвили, — коммунисты и беспартийные честные товарищи, спящие, или не спящие сейчас — в камерах Арсеналки и Шпалерки! Я с вами сейчас, родные мои товарищи, я рыдаю о вас, я верю вам, я жажду вашей свободы, восстановления вашей чести. Товарищи! Родные мои, прекрасные товарищи, все, кого знала и кого не знаю, все, кто ни за что томится сейчас в тюрьмах советской страны. О, если б знать, что это мое обращение могло помочь вам, отдала бы все, всю жизнь! Я с вами, товарищи, я с вами! Я с вами, бойцы интернациональной бригады, томящиеся в концлагерях Франции! Я с вами, все честные и простые люди — вас миллионы, — но, кто честно и прямо любит Родину, «с поднятой головой и открытыми устами...». Я буду полна вами завтра, послезавтра, всегда, я буду прямой и честной, я буду до гроба верна мечте нашей, великому делу Ленина, как бы трудна она ни была. Уже нет обратного пути. Я с вами, товарищи, я с вами!

10/XI-39.

Какое-то брюзгливое состояние. Много времени уходит зря, поздно ложусь, поздно встаю. Жизнь внутренняя — неинтенсивна. Ничего, м<ожет> б<ыть>, это нужно для беременности. А дела много — много.

Надо законспектировать лекцию к 14<-му>. Выправить для «Костра» письмо ребят о Гори, чтоб было хорошо. Писать «Марата и Машу», а то остынет. Наконец, писать роман, — это ничего, что пе-

рерыв, думаю, но не обрыдло бы. Прочла «Хитрые глаза» В<али> Герасимовой. Вот дрянь-то. И какая псевдозначительность, псевдопроблематичность.

Партбюро перевело в члены партии. Переводили хорошо, рекомендации хорошие. Но грызет одно сознание: ну, хорошо, а если вдруг опять братья-писатели начнут какую-нибудь травлю, что ж, вы опять будете голосовать за исключение, и рукоплескать, и говорить «двурушница»? Жаль, что нельзя спросить их об этом. Почему нельзя? Ведь это моя партия, с которой я должна бы быть на духу... Но я знаю, что нельзя, что бессмысленно, эти вопросы не обсуждаются. Почему? И как горько это! О-ох, трудно, трудно жить с таким желанием полной правды, полной безбоязненности, полной откровенности и сознанием невозможности ее... Ну, ладно, буду готовиться к лекции. Надо сделать ее хорошо. Надо вообще стараться делать все, что лично от тебя зависит — как можно лучше и смелее... Это — главное оправдание.

Была уже сегодня в <1 сл. нрзб> говорила. При условии бумаги — они согласны издавать. Институт истории партии, вероятно, даст марку, там Лурье, он за, он знает мою рукопись, думаю, и Быстринский согласится, если не испугается: книжка-то острая! В общем, теперь масса шансов за то, что книжка выйдет, четырехлетний, и в общем, огромный труд — оправдается. Вот конкретно, партия помогла! Очень приятно! Спасибо!

Просматривала вчера рукопись и некоторыми местами сама удивлялась: до чего здорово! Неужели это я писала?! Нет, я определенно деградирую! Но говна тоже много, надо чистить... Сяду, с размаху выправлю, получится ведь не плохо, познавательное, полезно... А потом — только, только роман, тоже с размаху. Его обязательно надо написать, он во мне немного остыл, ничего, воспламенится снова...

Еще очень хочу, чтоб вышла книжка стихов. Стукач-Рождественский выдумывает сотни демагогических и дурацких мотивов — и не берет стихи в «Звезду». Вот взять бы и сказать ему: «А я знаю, как ты на лучшего своего друга на очной ставке и в суде — капал! А я знаю, что ты доносы писал на лучшего русского писателя — М. Зощенко! А я знаю, что ты в свое время антисоветские стишки писал, потому потом и обосрался со страху!» У, ненавижу гада... Ну, черт с ним, пусть выйдет книга!

28/XI-39.

С мучением правлю стенограмму Бабочкина для «Костра», получается лучше, чем у него, но все-таки пошло и штампованно. Нет, не буду больше братья за поденщину и даже от кино-песен откажусь — халтура, выкручусь как-нибудь иначе, по-честному; надо бы сразу получить крупный куш, чтоб жить спокойно и знать, что есть запас. Впрочем, все это может и не пригодиться.

Кольку взяли в Армию. Правда, это поблизости, на улице Желябова, командует какими-то химвзводами, но где гарантии, что его не двинут на фронт, тем более, что сегодняшний ответ нашего правительства очень смахивает на объявление войны... Ужасно тревожно! Все мысли — в этом... Сердце сжимается при мысли о жертвах с нашей стороны... Ах, Коля, Коля! Неужели последний раз видела тебя вчера... И сколько баб сейчас мучится так, и еще сильнее, чем я... Была в семье у М. Римшан, сказала все, как хотела, — кажется успокоила девочек и мужа, а через три дня он узнал, что особое совещание вернуло ее дело на переследствие. Неужели Машу освободят! Вот счастье-то было бы!.. Нет, лягу спать, завтра — Бабочкин... Очень тревожно.

6/XII-39.

Тошен свет,
Правды нет,
Боль сильна,
Жизнь страшна...

Политико-моральное очень тяжелое... Нет, полно, полно, пора перестать мучиться химерами... Как бы отодвинуть все это от себя, погрузиться бы только в «настоящую», т. е. свою личную жизнь: вот устроить квартиру, обеспечить деньгами, работать... Жить «в себе». Но в том-то и секрет проклятый, что нет этой личной жизни вне общей, а все общее как-то лично касается. Ну, вот, встретила Мишку Майслера, был там 1,5 года. Совершенно нравственно исколесованный, раздавленный человек, ничему не верит. М<ожет> б<ыть>, он во всем прав? Была у сестры Женьки Ш<абурашвили> — ее, Женьку, по всей видимости, засудят, а она ни в чем не виновата. Еще 2/VI

у нее было закончено следствие и снята статья, ей сказали, что дело у прокурора, а, оказывается, к прокурору оно до сих пор не поступало, и все еще идет «следствие», и следователь организовал ей передачу вещей, наверное, в отправку. За что губят бабу? Был Додик К. — брата его тоже, по всей видимости, готовят в отправку, тоже ни в чем невиноватого. Нет, бывший партактив не собираются выпускать, это ясно. Но почему, почему? Ну, ладно, может быть, есть там пара-другая виновных, но тысячи-то за что гибнут? Все это мучит и раздрает, нет этому объяснения, нет прощения, нет оправдания... Сердце горит. И поговоришь об этом с людьми, которым веришь, а потом дрожишь — вдруг донесут? Вдруг меня опять посадят? И ведь ужас-то весь в том, что вот первый раз ни за что посадили, значит, и второй раз опять могут ни за что посадить... И все кажется, что за тобой следят, что кто-то бегаёт туда-сюда с доносами, что кто-то прислушивается к каждому твоему слову, запоминает его, «осмысляет и обобщает», и тащит туда, а там копится уже «дело», и вот в один прекрасный момент — опять арест, опять эти вонючие камеры, неволя, допросы, весь этот кошмар... О, нет! Второй раз — невозможно это не то что пережить, а просто начать жить и прожить хотя бы день... Это уж сразу шаг в потустороннее, в безумие или смерть, Смерть... Надо как можно меньше быть с людьми, я и так почти ни с кем не бываю, но надо еще меньше с ними говорить, особенно на политические темы... И не скажешь ничего дурного, а ведь они исказят, «осмыслят» — и донесут. О, подло, подло жить в этом страхе, бояться за каждое ЧЕСТНОЕ, правдивое слово свое, прятать благородную боль свою, недоумение свое от людей, ждать расправы и унижительного уничтожения за любовь свою к людям, за Настоящую любовь к народу, Родине и партии. А ведь сквозь всю боль, разочарование, отвращение, сумятицу — во мне только эта любовь...

Так храм поруганный — все храм.

Кумир поверженный — все Бог..

Попробую завтра разослать по московским редакциям свои стишки. Наверное, нигде не примут. Ленку Рывину очень хвалили в Москве, господи! Да ведь у меня в сотни раз лучше, зрелее, настоящее... Ну — только не завидовать, не торопиться. Все будет. Да, но к чему все это?..

14/ХІІ-39.

Ровно год назад в этот день я была арестована. Ощущение тюрьмы сейчас, после 5 м<есяцев> воли, возникает во мне острее, чем в первое время после освобождения. И именно ощущение; т. е. не только реально чувствую, обоняю этот тяжкий запах коридора из тюрьмы в Б<ольшой> Дом, запах рыбы, сырости, лука, стук шагов по лестнице, но и то смешанное состояние посторонней заинтересованности, страха, неестественного спокойствия и обреченности, безысходности, с которым шла на допросы... Ну, ладно... Не надо... Когда-нибудь все запишу... Не надо, не надо... Надо, наконец, приняться за «Историю»... А то поздно будет — вдруг уложат в клинику... Надо работать... Да, но зачем же все-таки подвергали меня всей той муке?! Зачем были те дикие, полубредовые желто-красные ночи (желтый свет лампочек, красные матрасы, стук в отопительных трубах, голуби...). И это безмерное, безграничное, дикое человеческое страдание, в котором тонуло мое страдание, расширяясь до безумия, до раздавленности!.. Вынули душу, копались в ней вонючими пальцами, плевали в нее, гадили, потом сунули ее обратно и говорят — «живи»... Выживу? Все еще не знаю... Произошло то же, что в щемящей щедринской сказке — «Приключения с Крамольниковым?». «Он понял, что все оставалось по-прежнему — только душа у него запечатана»... «Но когда он хотел продолжать начатую работу, то сразу убедился, что, действительно, ему предстоит провести черту и под нею написать: не нужно!» Со мной это и так, и все-таки не так. Вот за это-то «не так» я и хватаюсь... Действительно, как же я буду писать роман, роман о нашем поколении, о становлении его сознания к моменту его зрелости, роман о субъекте эпохи, о субъекте ее сознания, когда это сознание после тюрьмы потерпело такие погромы, вышло из до-тюремного равновесия... Все, или почти все, до тюрьмы казалось ясным, все было уложено в стройную систему, а теперь все перебуровлено, многое поменялось местами, многое перегублено... А м<ожет> б<ыть>, это и есть настоящая зрелость? М<ожет> б<ыть>, и не нужна «система»? М<ожет> б<ыть>, и раздробленность-то такая появилась оттого, что слишком стройна была система, слишком неприкосновенны фетиши, и сама система была системой фетишей? Остается путь, остается история; остается наша молодость, наши искания, наша вера, — все остается. Ну, а вывод-то какой мне сделать в романе, чему учить людей-то? Еклезиастиче-

скому — «так было — так будет?» Просто дать ряд картин, цель размышлений по разным поводам, и все? А общая идея? А как же писать о субъекте сознания, выключив самое главное — последние 2–3 года, т. е. тюрьму? Вот и выходит, что «без тюрьмы» нельзя и «с тюрьмой» нельзя... уже по причинам «запечатанности». А последние годы — самое сильное, самое трагичное, что пережило наше поколение, я же не только по себе это знаю... Ну, ладно. Кончу, обязательно к новому году кончу правку «Истории» и возьмусь только за художественное, и буду писать так, как будто бы решительно все и обо всем можно писать, с открытой душой (сорвав «печати!»), безжалостно и прямо... Буду пока писать то, что обдуманно до тюрьмы (включая человечность, приобретенную мною там, и осмысляя наш путь по-взрослому), а там видно будет, к концу... Да, но вот год назад я сначала сидела в «медвежатнике» у мерзкого Кудрявцева, потом металась по матрацу возле уборной, раздавленная, заплеванная, оторванная от близких, с реальной перспективой каторги и тюрьмы на много лет, а сегодня я дома, за своим столом, рядом с Колей (это главное!), и я — уважаемый человек на заводе, пропагандист, я буду делать доклад о Сталине. Я печатаюсь, меня как будто уважает и любит много людей... (это хорошо все, но не главное). Значит, я победитель? Ровно год назад Кудрявцев говорил мне: «ваши преступления... вы преступница... двурушница, враг народа, вам никогда не увидите ни мужа, ни дома, вас уже давно выгнали из партии»... Сегодня — все наоборот... Значит, я победитель? О, нет! **Нет**, хотя я не хочу признать себя и побежденной. Еще, все еще не хочу... «Я внутренне раздавлена тюрьмой», такого признания я не могу сделать, несмотря на все бреши в душе и сознании. Я покалечена, сильно покалечена, но, кажется, не раздавлена... Вот на днях меня будут утверждать на парткоме. О, как страшно хочется мне сказать: «Родные товарищи! Я видела, слышала и пережила в тюрьме то-то, то-то... (все рассказать!). Это не изменило моего отношения к нашим идеям, к нашей Родине и партии. По-прежнему, и даже в большей мере, готова я отдать им свои все силы. Но все, что открылось мне — болит и жарит во мне, как отравы. Мне не понятно то-то и то-то. Мне отвратительно то-то. Такие-то вещи кажутся мне неправильными... Вот я вся перед вами, со всей болью, со всеми недоумениями моими». Но этого сделать нельзя... Это было бы самым глупым идеализмом. Что они объяснят? Будет — исключение,

осуждение и, вероятнее всего, опять тюрьма... О, как это страшно и больно!.. Я говорю себе: «Нет, довольно, довольно! Пора перестать мучиться химерами! Кому это нужно, твои лирические признания о боли, недоумениях и пр<очем>? Ведь программу и устав душой разделяешь полностью! Ведь все поручения стремишься выполнить как можно лучше? Последствия тюремного отравления не сказываются на твоей практической работе, наоборот, я стараюсь быть еще добросовестнее, чем раньше... (не оттого ли, что стремлюсь заглушить отравление?!) Так в чем же дело? К чему “лезть на рожон”? Снова иллюзии? Снова идеализм? А м<ожет> б<ыть>, в этом-то “идеализме” все дело?» Ах, нет, надо работать, работать, ведь полезное же дело делаю... Потом погрузиться в ребенка, если будет... Мне трудно жить. Мне очень трудно жить, товарищи... Здесь даже половины этих трудностей не описано... Только сознание, что делаю нужное, полезное для людей дело — поддерживает меня... Завтра же встану рано утром, схожу в баню, к доктору и буду работать над «Историей», хотя бы через силу...

17/XII-39.

Ты царь. Живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любовных дум,
Не требуя наград за подвиг благородный...

Над «Историей» маленько вчера работала, ничего, идет. Нет, очень правильно будет, если издадут книгу, книга нужная и полезная. Конечно, главные трудности впереди — с рев<олюционным> движением, с партией. Материалу мало по этим вопросам — такого, какой им нужно, И<нститут>И<стории>П<артии>. Кроме того, 20<-го> и 21<-го> — доклады о Сталине. Надо сделать их хорошо. А чувствую — физически — себя ужасно: сонливость, вялость, раздражение адское... И даже причин не найду. Все — причина, и все — не причина. Ну, тружусь. До 10<-го> — «История», потом — Сталин.

23/XII-39.

Пушкой я умру под забором, как пес,
 Пусть жизнь меня в землю втоптала:
 Я верю — то Бог меня снегом занес,
 То вьюга меня целовала...¹

Стоит хотя бы немного отойти от основной работы — потом невероятно трудно за нее взяться. Так и с «Историей». Неохота ее писать. Состояние такое, что только валялся бы и все. До сих пор Степка не шевелится, это удручает меня. Неужели опять — авария? Я знаю, что это почти безрассудно, заводить сейчас ребенка: война, болезнь Коли, материальная необеспеченность, а сколько будет забот и тревог, и труда! Но я рвусь к этому, как к спасательному кругу; мне кажется, что тот, кто должен бы появиться, как-то примирит нас с жизнью, наполнит ее важным, действительным смыслом... Я говорю о действительном, прочном, независимом от «вражды или близости с Наполеоном» смысле. Не действительный смысл есть, но этого для жизни мало. Вот, 21/XII я выступала на собрании о Сталине, выступала неплохо, потому что готовилась к докладу очень добросовестно, потом прочитала свой стишок о Сталине. Гром аплодисментов, все были очень довольны и т. д. Ровно год назад я читала этот стишок в тюрьме, будучи оплеванной, низведенной на самую низкую ступень, на самое дно нашего общества, — на степень «врага народа»... Как этот слабый стишок там любили! Плакали, когда я дочитывала до конца, и сама я так волновалась, когда читала... Пока не стала думать: «твоя вина!» Но даже думая так о нем — «твоя вина», — не могла без волнения читать, и доклады делала с волнением, искренне. Где, когда, почему мы выскочили из колеи?

25/XII-39.

Вчера читала материалы газетные о Сталине. Очень гнусная статья П. Тычины в «Литгазе». А мой этот самый стишок так отказались печатать. Очевидно, как пояснил Володя Л<уговской?>, тоже не принявший стишка: «не масштабно», «не соответствует величию Сталина»...

¹ Четверостишие выделено лигатурой.

Вот как раз и соответствует величию, еще большему, м<ожет> б<ыть>, чем реальное величие, — величию людского представления о нем. И вдруг мне захотелось написать Сталину об этом; о том, как относятся к нему в советской тюрьме. О, каким сиянием было там окружено его имя! Он был такой надеждой там для людей, это даже тогда, когда я начала думать, что он «все знает», что это «его вина», я не позволяла себе отнимать от людей этой единственной надежды. Впрочем, как ни дико, я сама до сих пор не уверена, что «все знает», а чаще думаю, что он «не все знает». И вот, начала писать письмо, с тем, чтобы написать ему, что М. Рымшан, Плотникова, Иванова, Абрамова, Женька Шабурашвили, — честные, преданные люди, глубоко любящие его, а до сих пор — в тюрьме. Когда подошла к этому разделу — потухла: ну, что ж, Додик писал Сталину о своем брате, о том, как его пытали — ответа не получил. Рымшан писал о том же Сталину — о своей жене — ответа не получил. Поличук — не получили. Ну, для чего же писать мне? Утешить самое себя сознанием своего благородства? Потому что мысль о том, что я «не написала до сих пор обо всем Сталину¹» — мучит меня как содеянная подлость, как соучастие в преступлении... Но я знаю — это бесполезно. Я имею массу примеров, когда люди тыкались во все места, вплоть до Сталина, а «оно» — шло само по себе, «идёт, идёт и придёт». В общем, «псих ненормальный, не забывай, что ты в тюрьме»... Боже мой! Лечиться, что ли? Ведь скоро 6 месяцев как я на воле, а нет дня, нет ночи, чтоб я не думала о тюрьме, чтоб я не видела ее во сне... Да нет, это психоз, это, наверное, самая настоящая болезнь...

Нет, мать! Я задохнулся в гробе,
И больше нет бывалых сил...
Молитесь и просите обе,
Чтоб Ангел камень отвалил...

*

Товарищ, не в силах я вахту держать,—
Сказал кочегар кочегару.
Огни в моих топках совсем не горят,
И нет уж в котлах моих пару...

¹ Слова «обо всем Сталину» взяты в рамку.

27/ХІІ-39.

Необычайное, страшное чувство сиротства и утраты. Очень хотелось бы плакать. Доктор сказал сегодня, что, по всем данным, будет выкидыш. Я чувствовала это уже и сама, около месяца назад появились тревожные симптомы... Беременность, очевидно, уже погибла. Теперь только ждать, когда начнется выкидыш... Бесприютная, неприютная, неудачная жизнь! А ведь все, все «общественные» неудачи — ерунда по сравнению с этой. О, дочки мои родные... Ирка моя, неужели ты вправду была у меня?.. Одиноко, страшно одиноко... Неужели основной причиной выкидышей является мое, уже несколько лет существующее, угнетенное, нервное состояние? Или последний аборт в дек<абре> 35 года? Или чувствительность моя? Но ведь я же свела ее к минимуму вообще, а во время беременности — в особенности... А через полгода — мне 30 лет. Я старею. Я становлюсь старой не только внутренне, но и внешне... Уходит жизнь. Уходит, уходит жизнь... Крамольниковско-щедринское «Не нужно! Не нужно!» стонет внутри все чаще и сильнее... А-ах, как плохо!.. Одни мы с Колькой, совсем одни, какие-то проклятые Богом. За что только? Ведь мы же лучше многих и многих... Стараемся, болеем за идеи, живем и работаем честно и бескорыстно, зла никому не причиняли, а жизнь бьет и бьет, как осатанела...

29/ХІІ-39.

Тоска и пустота. Ужасное ощущение пустоты. Низ живота побаливает, грудь обмякла, — да, я уже таскаю в себе мертвое тело... Урод, каляка, а не женщина...

Мне все вокруг твердит: разлуке
Ты обречен...
Как нежно в нашем переулке
Желтеет клен...

Сейчас голова занята... приготовлениями к Новому году! Ну и ладно, чего тут становиться «выше»! Хочу позвать подружек (в том числе Соню Машбиц — тоже «подружка!»), хочу угостить их хорошо, повеселить, снарядить елку со свечками. А елка будет пахнуть хвоей, как в Детском, в последние дни жизни Ирины... Ирочкой

и детством... Самоистязательно? Но что же делать, если все-все равно, и так, напоминает об ушедшем времени, жизни и счастье? И зачем обороняться? Да, но зачем же вся жизнь — как вино, как огонь, как стрела?! Маулишку тоже позову, — она несчастненькая, но в основном хорошая. Она не виновата, что ее христианским коммунизмом в свое время изуродовали. Мы никто не виноваты, что нас уродовали... «Страдание есть — виновных нет...» Соберу их, угощу и повеселю. М<ожет> б<ыть>, умру на этот раз в больнице...

Мне все вокруг твердит: разлуке
Ты обречен!

Ну, а пока поковыряюсь над «Историей». М<ожет> б<ыть>, что-либо и получится... Ведь другим еще хуже, чем мне... Маша Р<ымпан> второй Новый год встречает в тюрьме... И сколько таких, как она, о, господи! Держитесь, милые товарищи, держитесь!..

Мне все вокруг твердит: разлуке
Ты обречен!..

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions. It emphasizes that every entry, no matter how small, should be recorded to ensure the integrity of the financial data. This includes not only sales and purchases but also expenses and income.

In the second section, the author details the various methods used to collect and analyze data. This involves a combination of manual entry and automated software solutions. The goal is to create a comprehensive and up-to-date database that can be accessed and analyzed at any time.

The third section focuses on the challenges of data management, particularly in a large-scale operation. It addresses issues such as data redundancy, inconsistency, and the need for regular backups. The author provides practical advice on how to overcome these challenges and ensure the long-term stability of the data.

Finally, the document concludes with a summary of the key findings and recommendations. It stresses the importance of continuous monitoring and improvement of the data management process. The author encourages readers to stay informed about the latest trends and technologies in the field.

The following table provides a detailed overview of the data collected during the study. Each row represents a different category of data, and the columns show the corresponding values and trends over time.

Category	Q1	Q2	Q3	Q4
Sales	1200	1500	1800	2100
Purchases	800	900	1000	1100
Expenses	300	350	400	450
Income	400	600	800	1000

The data shows a clear upward trend in sales and income, while purchases and expenses remain relatively stable. This indicates a positive overall financial performance.

ГОД

1940

3/I-40.

Да, ребенка определенно не будет. Беременность погибла уже. За что меня искалечили?! Ну, за что?

[8] 9/I-40.

Хочется многое записать о встречах с хорошими людьми — Валею Бычковой, Мусей Кропачевой, Анфисой. Милые, хорошие люди! Погрелась около них... Но надо редактировать «Историю», а то совсем все сроки, поздно будет, а м<ожет> б<ыть>, и примут. Работаю над нею добросовестно.

12/I-40.

Вдруг очень захотелось написать пьесу. Об одиноком, неудачливом, хорошем человеке, который честно трудится, томится своим одиночеством, которого ничем не награждают, над которым даже подсмеиваются и осуждают, который чутко и нежно любит людей, искусство, детей. Об Анфисе, Мусе Кропачевой — через себя. Надо как можно скорей развязаться с «Историей». Доводить до антуража, в связи с ожидаемыми поправками редакторов — нет смысла. Все равно, после их чтения придется очень много работать. А так я выигрываю то, что, б<ыть> м<ожет>, заключу быстрее договор, буду иметь материальные перспективы, получу возможность (пока читают) поработать над пьесой, над «Маратом и Машей». Совершенно не знаю, как поступить с главкой о <19>13 годе... Она держалась лишь постольку, поскольку там был Киселев. Но Киселев теперь — «враг народа». Главка абсолютно опустела... Сделать ее совсем перепончатой — под-

нимут вопль — «не показано, не показано...». Обнаружила, что основательно придется дописать главку «свой собственный союз»... Как-то у меня там боком вклинивается, и много было не внесено... В общем, работы очень много. Но — работоспособности нет. Я оживаю только к ночи... Днем или валяюсь, или бездельничаю... Надо лечиться — всерьез. Сегодня с утра сильные боли внизу живота, похоже уже на схватки... Уж скорее бы все кончилось... А вдруг истекет кровью на этот раз. Как жаль будет умирать! Как жаль будет землю...

Я люблю эту грешную землю,
Потому что иной не видал...

А Колю? Моего милого, единственного, бедного, родного!..

Мы с тобою сироты,
Оглянись назад:
Две могилки вырыты
Для двоих ребят..

25/1-40.

«Жить приходилось крадучись...», рассказывали мне старики. Очень точно. Почти салтыковское — «приучить народ к опасному хождению». Плохо. Три дня назад вернулась из больницы. Все «благополучно»... Снова пустая жизнь, пустые руки — без ребенка, без милых его глаз. Это дочки мои не прощают мне и не хотят, чтоб вместо них кто-либо жил... Машу Р<ымшан> осудили на 5 лет лагеря в Караганде. Все статьи с нее сняли, — осудили, как «социально опасную». Это человек-то, отдавший всю жизнь партии! Мотивировок к осуждению нет даже юридически сколько-нибудь основательных... Произвол и беззаконие — и все... О, как подло! Даже тот факт, что продолжают выпускать людей — не может снизить, убавить подлости осуждения Маши и ей подобных. Тем более должны были освободить. Не вся правда хуже, чем неправда. Не вся правда — двойной обман. «Нами человечество протрезвляется, мы — его похмелье, мы — его боли родов», — писал Герцен в 1848 году.. М<ожет> б<ыть>, настало время поставить под этими словами сегодняшнюю дату? Какой-то маленький светлый кусочек внутри, остаток безмерной веры, «клочочек рассве-

та» мешает мне сделать это? Или трусость? Или инстинкт самосохранения? Посмотрим еще, потерпим еще... Ну, что же... Надо жить.

26/1-40

Ну, что ж делать-то? Уже темнеет, а света не будет долго. А надо править «Историю» и подготовиться к проведению теоретического собеседования по 4 главе кр<аткого> курса по О.С.М. Очевидно, будет ерунда. Новый партком «чисто метет» и «разворачивает работу» — конечно, с кондачка. Шутка сказать, собеседование по всей 4 главе! Кроме пошлости — ничего не выйдет. Ну, посмотрим, — а вдруг? Сама-то я недостаточно готова. Надо было заново перечесть «Мат<ериализм> и эм<пириокритицизм>», «Анти-дюринга», а я еще не успела. Хотелось бы 28<-го> сдать и в перепечатку весь материал по «Истории» — из-за нее не могу ничего делать. Сколько мне еще крови придется истратить! Заключаю договор на книжку стихов — редакторат — Н. Афанасьева и А. Кривошеева! Это диплодоки и столпы. Интересно, много они изуродуют? Ну, пока светло, повожусь с главой, а вечером и ночью буду готовиться. Как проводить — не знаю. Хорошо бы, если б что-нибудь вышло со сценарием «Мечты», за что взялась Лидка Явич. Это был бы фонд. О-ох, как паршиво. Хоть бы свет-то дали...

28/1-40.

Прихожу сегодня с завода, открывает мне Коля дверь, и я вижу, что он только что перенес припадок: еле держится на ногах, ничего не соображает, говорить не может. И как всегда после припадка, с необычайной нежностью ластится ко мне, целует и даже плачет. После припадков и пти-малей, кроме этой необычайной, щемящей всезаполняющей нежности, он испытывает еще и специфическое возбуждение, очень острое и сильное, он хочет меня. Последнее тяжело и неприятно, потому что болезненно, вызвано, очевидно, припадком. Короче говоря, я вижу, что у него только что был припадок, а был он в это время один, в запертой квартире. Сейчас обнаружила возле виска синяк. Это всегдашний мой кошмар: приду, а Николай мертв. Я бросаюсь на улице к каждой толпе — не он ли? Не он ли лежит мертвый и раздавленный. Наверное, это так и будет: приду, он один в квартире, мертв. Наверное, это близко. А может быть, «то

раз» был сегодня и миновал? Не оттого ли такое тягостное состояние, ощущение рядом огромного несчастья, состояние несчастья, — как в тюрьме, торопливость какая-то — «скорей бы, скорей бы шло время», гнет, лежащий на душе... Несчастье или близко, или уже прошло по квартире, вот оно, несчастье, прошло на волос от полной катастрофы, от непоправимости... Прошло пока? Еще не ушло? Накапливается? Вчера скреблась мышшь, глупо, но всегда перед несчастьем или во время его почему-то скребутся в квартире мыши... Меня такой ужас охватил, когда он ласкался ко мне, как только я вошла: «этого скоро не будет», подумала, почувствовала я. Как-то ясно стало, что скоро я его утрачу, сегодня первый сигнал Оттуда... Ах, Боже мой, надо лечиться... Я уверяю себя, что все эти предчувствия — глупость, но внутри не убеждается... Мне надо как можно быстрее создать материальный фонд, настоять на том, чтоб ушел из библиотеки, взять его на свое иждивение... До «того» мне нужно сделать его жизнь хотя бы немного лучше... Солнце мое, родной, единственный, возлюбленный на всю жизнь человек! Нет, завтра же принимаюсь за остаток «Истории», чтоб поскорее ее сдать и приступить к другим трудам. Только бы меня снова не арестовали. Опять-таки, умом я понимаю, что это невозможно, а подлый страх, гнетущий все время, щемит. Боюсь, что Левка Л<евин> — «сексот», что он «донесет», хотя доносить нечего... Зря я пооткровенничала с ним, рассказала об осуждении Машки Р<ымшан> и о том, что я знакома с ее семьей. Но разве за это можно арестовать? Ведь я делаю честное, большевистское, а не антисоветское дело!.. Боюсь, что подведет меня сама Р<ымшан>, а, нет, это психоз! Не бояться же другие, которые делают то же самое — они большевики, а я мешанка... Но все это второстепенно... Главное — Коля. Мой Коля. Мой свет, моя жизнь... Как-то пойдет сегодняшняя ночь?

29.I-42. Ровно через 2 года мой Коля умер в психиатрической больнице, в осажденном Ленинграде. Умер один, без меня, умер, потому, что его подкосил голод. А я, вот — живу. 24/IX/42.

30/I-40.

Сейчас надо написать от имени Героя Советского Союза Бахвалова рассказ об его подвиге, для «Костра». Опять поденщина! Но герой мне

понравился. Так вот посмотришь на отдельных наших людей, и просто диву даешься, и радость, и гордость одолеет — до чего хороши, до чего величественна в них сама сила жизни и крепость веры... Хотелось бы хорошо написать... Хорошо также, если у Лидки выгорит что-нибудь с моим сценарием по «Мечте». «Мечта» вышла, читательский успех несомненен, велик, со всех концов получаю восторженные отзывы, ну, а литпресса, очевидно, не заметит...

Убеждаюсь в существовании пошлых вещей, в том, что для завоевания известности нужны «связи», знакомства, приятели... Ну, да хрен с ними... Вот надо написать от имени Бахвалова...

1/II-40.

Бахвалов получился. Книжке стихов дают тираж 10 000 вместо 5. А Гитович попросил вчера стихов в «Литературный» Совершенноник». Я принесла, сказал, чтоб позвонила ему вечером, сейчас звонила — снята трубка. Правда, уже 12 часов, но вернее всего — не хочет стишки печатать и стесняется сказать, после таких приглашений, придумывает формулировку. Очевидно, и обратился он ко мне потому, что имеет в виду через меня связаться с Колей, на предмет Колиной статьи о нем. Ну, посмотрим. А стихи, которые я отнесла ему, — прекрасные! Ирке, колыбельные — мужу и испанскому сыну, «в Луче»... Очевидно, — «не журнально», «интимно», «лично»... Хотя ведь стихи Ленки Рывиной они печатали — ведь нельзя же сравнивать с моими. Да и вообще говоря, вот я прочитала книжку Алигер — мрак! Нет, только б они не изуродовали мне книжечку, она будет очень «своя», человеческая, настоящая поэзия. Конечно, все еще не то и не то, и многого, многого не сказано, но на нашем фоне все-таки будет, как говорил Заболоцкий, «открытое, светлое окошко»... Ну, а сейчас буду доделывать семнадцатый год, завтра его надо обязательно закончить. Потом примусь за детское. Пришла идея — написать для дошкольников книжку, вернее, составить ее из имеющихся рассказов, плюс два новых. ...Фу ты, черт, до чего же мне неприятна эта снятая трубка, — никак успокоиться не могу... Вот мелочность-то как глубоко сидит, никак ее не одолеешь... Господи, да что это — какое тягостное состояние... Нет, дело не в трубке. Дело в том, что, очевидно, все, что я пишу, посредственно, мелко, плоско, а я только сама не вижу или боюсь сознаться в этом.

4/II-40.

Только что у Кольки был припадок, наяву, после 3 пти-малей. Я чувствовала это! Припадки у него, а аура — у меня. Как я старалась уложить его спать и давала курить — нет, не слушается, упрямый черт..
Надо <во> что бы то ни стало снять его с работы — до осени. Если б удалось с «Историей» и сценарием! Каковы мои денежные ресурсы на ближайшее время.

С Костра — 670+200 (min).

С Чиж 250.

<С> Резца — 350 (min)

1470.

Тысяча четыреста семьдесят. Это мало. Если подпишу договор на книгу стихов, на 10000 тираж, то в феврале будет еще 1000 р<ублей> или 680 р<ублей>, если не 5000. (2150–2470). Ой, нет, это не фонд, это очень мало. Правда, это только февраль — март, а там я сдам в «Костер» и «Чиж» новые вещи, и в «Лит<ературный> Совр<еменник>» Гитович взял поэму — не менее 750 р<ублей> — пойдет в марте — апреле.

6/II-40.

Я старею, дурнею и опускаюсь. Давно уже не делаю маникюр, не стриглась давно, ни малейшего интереса к тому, чтобы принарядиться или сделать в этом отношении что-нибудь, т. к. «нарядов» нет. Живое ощущение тюрьмы стало слабее (надо все-таки хоть конспективно записать что-нибудь, было много ценного), а общее состояние безразличия, какого-то упадка, подавленности — возрастает. Это, наверное, старость, а не болезнь... Я шлепаю по квартире в Колиных огромных туфлях, почти не подмазываюсь... На лице много морщин, мешки под глазами... Нет какой-то внутренней оживленности, интереса к жизни... В то же время — томящее, как никогда, чувство временности, ожидания. Это, наверное, из-за войны. Война тяжелая, я бы сказала, неожиданно-тяжелая, и по состоянию на фронте, и, особенно, в тылу; много жертв. Конечно, ценою любых жертв и усилий мы выиграем ее, но сколько еще погибнет наших хороших людей! Страшно подумать. А если весной еще придется воевать на юге, если нападут на нас англо-французы... Подумать еще страшнее... По всей видимости, наша военная мощь (гл<авным> обр<азом> ты-

ловая) была сильно преувеличена, примерно так же, как «справедливость» и «зоркость» НКВД. Иначе, чем же объяснить, что только из-за войны с Финляндией так быстро поползло снабжение, нарушилась нормальная работа предприятий, железных дорог и т. д. А нам, — гл<авным> обр<азом> партии — ничего не говорят о действительном положении вещей, одно славословие и замазывание трудностей и провалов. Но ведь мы же все видим и на себе испытываем, зачем же очки втирать?

9/II-40.

Была вчера у Маргариты К<оршуновой>, выпила, стала говорить о том, что болит, о нашем внутреннем положении, а она вдруг зашипела: «Не говори у меня в доме таких вещей, у меня домработница», потом начала уверять, что стоят люди в очередях за... коверкотом, значит, действительно хорошо живут, и т. п. благополучности... В общем, остался у меня от нее и от нашего разговора тяжелый осадок. Бойтся она меня, что ли? И неужели между друзьями нельзя даже поговорить откровенно, начистоту, попробовать разобраться в том, что души вопрошает... Что я, антисоветское что-нибудь говорила, что ли? Обидно мне стало до того, что пришла домой и разревелась. И так неприятно стала Маргарита с ее карельской березой, страстью к хорошим переплетам, хвастовством... Но она дорога мне по страшным дням тюрьмы, где мы были близки, где ни о чем не боялись говорить друг с другом... Многие из нее я, конечно, сочинила; но и ее недостатки я видела ясно, и она все же дорога мне, и поэтому ее вчерашний тон, это холодное прощанье и т. д. мне очень тяжелы... И мне поскорее хочется убедиться в том, что она мне по-прежнему доверяет и любит меня. Глупо, конечно... Я уже исчерпала ее, я знаю ее осторожность и ограниченность, она, вероятно, ничего нового не даст мне... А мне и не надо... Я люблю ее бескорыстно... Или это по-прежнему поиски опоры вне себя, создание фетишей? Но ведь я же права вчера была, как могут не волновать те глубокие неурядицы, которые внутри страны? Как я могу отделить себя от государства? Ах, нет, наверно я гундосила зря и все так уж мрачно... А Машу Рымшан уже отравили... Разве это справедливо?

15/II-40.

Вот все решаю: буду держать дом в порядке, стряпать, чтоб вкусно и нормально есть и мне и Коле. Но дома грязно, посуда немытая стоит по неск<олько> дней, едим кое-как... Просто распустилась. Много сплю; сплю до 2 <часов> дня, засыпаю в седьмом утра. Ах, просто, ну просто я лодырь и неряха, ни при чем тут гражданская скорбь. Правда, душевное состояние все время подавленное, тяжелое; ощущение утраты и сознание какой-то бесперспективности, безвыходности в будущем не покидает.

По родной стране пройду стороной,
Как проходит косой дождь...

Решетка, решетка стоит между мною и миром! Решеткой разделено и внутри на волю и неволю... Хорошо, что нет (пока?) равнодушия. И скепсис, и горечь, и возмущение — все лучше его... Сдала в И<нститут>И<стории>П<артии> «Историю». Написана она ужасно неровно. Стилль для этого жанра так и не отыскан мною. Хороших кусков очень мало. Последние главы, особенно <19>17 г. — хуже первых. Но поделаться с нею уже почти ничего не могу. Обрыдла, да и отчетливо вижу — не в моем жанре эта работа. А в общем-то, интересно. Могло быть и еще интереснее, если б можно было о некоторых вещах писать полным голосом, например, о положительной роли эсеров до февр<альской> революции. Драматизм — их обман рабочих — был бы ярче. Ну, и поведение рабочих, их непоследовательность, их расслоение — тоже надо бы дать острее: большевикам не просто, трудно было переубедить массу, не гладко катились мы к Октябрю, не все всё понимали, даже среди рабочих. Но ведь разве можно это сделать при теперешней манере лакировать прошлое? Эсеры так уж и должны ходить в подлецах с момента своего появления на сцене, истинной их подлости и вредности недостаточно, а ведь правда-то была убедительнее, их слепость, ограниченность, путь к контрреволюции... Все-таки «История», конечно, написана честно, почти без подтасовки, чуть-чуть преувеличена конкретная роль большевиков на заводе. Посмотрим, что скажут в И<нституте>И<стории>П<артии> и С<оц>Э<пе>. И такую-то историю, наверное, будут облизывать и общипывать, испугаются живой диалектики событий. Заключила договор на стихи... Ну... посмотрим, как

пойдет книжка в издательстве. Тоже, наверное, много крови придется потратить... Теперь сяду за «Марата и Машу», а то еще немного и уж ничего не выйдет. Да и то боюсь, что получится плохо — очень задумано... Ну, в процессе писания будет видно. Потом — или вместе — пьесу о моей Анфисе, а если не выйдет пьеса — «чеховскую» повесть. Роман, где главное, наверное, теперь будет о праве личности на самоопределение, об ее живых и исконных правах, о ее трагедии самообуздания и даже самоуничтожения, во имя великих наших идей. Да, но «без тюрьмы» этого нельзя все же, без последних лет... ну, увижу. И совсем уже для себя, к коммунизму — об Али, о Галке и Леньке, о других — последних этих годах.

19/II-40.

Ну, вот, над «Историей» трудилась совершенно зря. «Перенесена» на 41 год! План Соцэпа с 33 названий срезан до 7. В этом квартале вообще не будет отпускаться бумаги на книги... Если это все называется расцветом культуры, то я просто ничего не понимаю в терминологии... Неужели небольшая, в сущности, война с Финляндией — причиной этому? А, отсюда, с этого вопроса, открывается такая бездна, что голова кружится, как только заглянешь в нее... Лучше уже и не думать об этом — все равно бесполезно. Вероятно, все, что нам дозволено — это малые дела. Ну, что ж, будем выполнять хотя бы их, если нам не доверяют в большем, в коренном. Вот, надо сделать для «Костра» о Молотове, это буду делать с удовольствием, это может быть полезно для ребят. Потом засяду за «Марата и Машу»... Получится ли? Пока не знаю. Снова хочется писать роман. И пьесу об Анфисе. Надо сходить к доктору. Измучилась сама с собою. Хоть бы вырваться из себя, хоть бы выползти, ценою боли и кусков мяса. Надо попробовать лечиться, м<ожет> б<ыть>, ббольшая часть угнетенного состояния именно в нервах. М<ожет> б<ыть>, на самом деле не так уж все и плохо, как мне чудится. Может быть, может быть...

22/II-40.

Нет, все-таки, что бы такое сделать, чтоб возвратить себе вкус к жизни, способность радоваться, подвижность, наконец, просто аппетит?

Ведь живут же люди в таких же условиях, и ничего как будто не переживают, даже радуются, а у меня все точно в стену уперлось... Забыла, как тосковала о воле, как все, что воля — казалось счастьем?! Опять ее не ценю, хотя бы такую, как есть... Нет, надо жить эгоистичнее. Надо оторваться от Додика, от Рымшан с их болями — все равно ведь ничем не могу им помочь, только разве поговорить, легче ли им от этого? А мне — нет. Но вот вышла из тюрьмы Елена Иванова, ну, как не сходить? Интересно ведь узнать — что там?

1/III-40.

28/II в библиотеке у Оли Хузе проходило обсуждение моей «Мечты», и я читала «Витю Маманина». Не успех, а просто триумф, и как он дорог мне! Весь день вчера, да и сегодня, — хранила, как подарок, эти чистые детские глаза, милые, возбужденные, веселые рожицы, одобрительные возгласы. Родные мои дети, как хочется дать вам все самое лучшее и чистое, и революционное, что есть в душе! Как хочется, чтоб вы были лучше и свободнее, чем мы! Мне дорого, что им понравилась «Мечта», что они отметили, что написано «красиво» и «задушевно», что Алеша жаждал братства, кровного родства со всеми мужественными и чистыми людьми, бойцами... Мне очень дорого это, хотя многие страницы «Мечты» уже смущают меня. Старая учительница Т. М. говорила Молчановым, что у них в Лесном, в школе, книга тоже пользуется огромным успехом, что пятиклассники даже игру по ней выдумали, а учителя говорят, что это первая книга, которая так дошла до сердца. А ученики 16 и 41 школ даже сочинили сами продолжение... Нет, все это очень приятно, хотя нет ни одной строки в прессе по поводу книжки. Ну, и хрен с этим... Главное — до ребят дошла! И «Витя» тоже очень нравится, много смеются, волнуются, требуют продолжения. Библиотекари и учителя отмечают большое воспитательное значение рассказов. Нет, приятно, приятно! Но мало. Надо написать о таких делах и людях, которые бы захватили ребят своим сияющим благородством, красотой души, внутренним, бытовым героизмом, бескорыстием своим, любовью к людям. Попробую сделать это в «Наталье Ивановне» (Анфиса), в «Маше» — Маша, слабая девочка, мечтающая вырастить лимонное дерево... Только не подгонять под программу! Очень увлекает «Нат<алья> Иванна» — пьеса. Набросала куски первого акта, кажется, выложила все

в первом акте, — надо скупее. Очень хочется работать без отрыва над нею и «Маратом». Давит очень, в «Н<аталье> Ив<ановне>» — оглядка на нормы. Это труднее всего, справиться с этим давлением. Например — показать, как она чутка к детям и увлечена работой. Это правда, но в то же время нечто обязательное уже в «показе наших людей». Идеи еще не знаю, а мотив — важность личного, отдельного счастья, его незаменимость, его первостепенность. Правда личности, ее неприкосновенность — тоже в романе. Нет, вновь хочется работать! Надо только здоровье и нервы поправить. Надо бы многое записать. Читаю Герцена с томящей завистью к людям его типа, к XIX веку. О, как они были свободны! Как широки и чисты! А я даже здесь, в дневнике (стыдно признаться!) не записываю многих размышлений только потому, что мысль «это будет читать следователь» преследует меня... Тайна записанного сердца нарушена. Даже в эту область, в мысли, в душу, ворвались, нагадили, взломали, подбирали отмычки и фомки... Сам комиссар Гоглидзе искал за словами о Кирове, полными скорби и любви к Родине и Кирову, обоснований для обвинения меня (балаганного обвинения, изобретенного самими же сотрудниками!) в терроре... О, подло, подло! А крючки, вопросы и подчеркивания в дневниках, которые сделали следователи? На самых высоких, смелых и горьких страницах!.. Так и видно, как выкапывали «материал» для idiotских и позорных обвинений! И вот эти измученные, загаженные дневники лежат у меня в столе... И что бы я ни писала теперь, так и кажется мне — вот и это, и это будет подчеркнуто тем же красным карандашом, со специальной целью — обвинить, очернить, и законопатить, и я спешу приписать что-нибудь в объяснительные — для следователя.

1940.

О. Берггольц.

Года идут. Грядущего не надо,
 Минувшее в душе пережжено.

В<ладислав> Х<одасевич>

Верую в величие сердца человеческого.

В. Маяковский¹

Молчи, скрывайся и таи

И чувства, и мечты твои.

Тютчев

Дай гневу правому созреть,

Приготовляй к работе руки.

Не можешь — дай тоске и скуке

В тебе копиться и гореть.

А<лександр> Б<лок>²

18/III-40.

Двадцать второго в С<оюзе> П<исателей> на секции поэтов будет об-
 суждение моей книжки стихов.

Я ничтожная душа, потому что уже волнуюсь, хотя уму без-
 различен даже провал (т. е. если никто не придет или придет очень
 мало), а не только ругань...

Нужно ли это делать? Перед безразличными людьми читать
 стихи, из которых 9/10 написаны кровью, о жизни, скрытой жизни
 сердца, о которой они знают по сплетням и слухам (в части «рома-
 ны»). Но, может быть, большая гордость — читать.

Вполоборота, о печаль,

На равнодушных поглядела.

¹ Со слов «1940. О. Берггольц» до слов «В. Маяковский» записи рукой О. Ф. Берггольц на обложке дневниковой тетради.

² Со слов «Молчи, скрывайся» до слов «А<лександр> Б<лок>» записи рукой О. Ф. Берггольц на форзаце дневниковой тетради.

Пишу хороший рассказик, которым увлечена. Тема, вынесенная из тюрьмы, хорошая, много удачных деталей. Завтра допишу.

24/III-40.

Кажется, люди считают, что мой вечер прошел «очень хорошо».

Пусть считают.

Всё это хуже провала, хотя, действительно, было порядочно народу, и хвалили, собственно говоря, все, даже... Друзин! О, победа!..

Нет. Только я знаю, как хороши и **как слабы** мои стихи. Они не знали и не узнали этого. Они говорили об «узости темы» — материнство, любовь... Чем тема выборов в Совет — шире? Нет более широкой и безграничной темы, чем те, которые я взяла, нет более свободной и емкой области, чем внутренний мир человека. Я пошла на это, они это почти не оценили. Я и в тысячную долю не раскрыла этой темы — они не заметили. Вообще — какие они безнадежно серые, ограниченные и несвободные.

Они говорили, что вот в будущем «Берггольц должна расширить тематику, перейти к большим страстям», думая при этом, конечно, о т. н. «политической» тематике... Точно «широта» — в политике!

Мне же думается иногда, что эта книжка стихов — последняя у меня. Нет, не в возможностях моего голоса, кажется, поэзия той темы, к которой я прикоснулась, — огромная поэзия.

Иногда, наоборот, мне кажется, что я напишу еще удивительные стихи, открывающие новый этап — в сегодняшнем дне поэзии. Это будут стихи о России, о праве личности, ничем не стесненной, в тесной связи с Россией... Это будут стихи, исполненные большого, небывалого горя, надменности и человеколюбия, исток которых в том, что мне открылось в тюрьме. **18/II-45. Есть такие стихи!**

*Наш путь степной, наш путь в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь...
Б<лок>*

*Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.*

*Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. — Молись!
Б<лок>*

*Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.
Б<лок>*

26/III-40.

Вот смешное состояние, — как будто бы нечего делать. Вернее, нет ничего особо срочного. Вернее, ничего не хочется делать.

«Гиена» — рассказ для детей, — получился очень милым и «тем». Нельзя же строчить без передышки. Правда, после тюрьмы я работаю плохо и неинтенсивно, но все-таки: за время с июля <19>39 года

а) собрана книжка стихов, написан ряд новых стихов, переработаны старые (10 новых стихов). Творч<еская> работа оц<енка> 4.

б) написан «Витя Маманин», — рассказ человеколюбивый, искренний. Творч<еская> раб<ота> оц<енка> 4.

в) написана «Гиена», — хороший рассказ, человеколюбивый. Творч<еская> раб<ота> оц<енка> 5.

г) отредактированы основательнейшим образом 20 печ<атных> листов «Истории Электросилы». Полутворческая работа, оценка 3–.

Кроме того.

д) Рассказ Героя Сов<етского> Союза Бахвалова, — творческая подёнка, оценка 4.

Не моя вина, что весь материал о войне был снят из гражданской печати. А рассказ получился очень неплохой.

е) Рассказ Андреева о Маметове, — творческая подёнка, оценка 3+, но я абсолютно не виновата, что его бешено исказили и испортили. Я оцениваю по моей первоначальной редакции.

ж) Глава для райкомовской брошюры — «Моск<овский> район». Подёнка. Однако в печатных листах это было около 3 п<ечатных> л<истов>, и я работала добросовестно.

Все-таки не каждый «нормальный» писатель может похвастаться такой продуктивностью: и при этом не только работа, а ма-

териальные ценности — 2 неплохих рассказа и неплохая книжка стихов. Кроме того, за это время я прочитала 11 лекций по 4 гл<аве> краткого курса, готовлюсь к ним лично и добросовестно, почти все — прошли удачно, люди были довольны. [Прочла] к ним кучечку книг.

Вот только читала я мало. Надо больше читать. Надо всерьез взяться за Гегеля, Герцена, зап<адную> литературу. Да, мало, мало читаю.

Задуманы и начаты «Марат и Маша», пьеса. Надо написать, хотя бы вчерне, «Марата и Машу», тогда у меня будет много досуга — для романа и пьесы. К роману, все-таки, вернусь. Пока зреет его новое содержание. Оно должно быть глубоко человеческим. Ну что ж, пусть сознание субъекта, оставшегося на вершине веры, на «пред-тюремном» периоде.

А «Марата» чего-то не очень хочется писать, хотя идея интересная и повесть должна быть по-настоящему серьезной, — о внутреннем мужестве и героизме рядового человека.

А сейчас не попробовать ли пописать пьесу? Или почитать Герцена? Или попробовать стихи для «Звезды»? Друзин просит, да не возмет, поди...

1/IV-40.

Почти целую шестидневку вела в высшей степени праздную жизнь. Правда, 29/III райком утвердил в членах ВКП(б). И я была рада, и волновалась, и это было для меня событием, значительным событием... Так, значит, не все еще выедено в душе? Или это инерция и всё та же боязнь личной свободы? Нет! Нет, это не просто инерция, и не страх, и не прикрытие.

Мне трудно объяснить даже себе, что это такое. Я только чувствую, что должна состоять в партии, что это надо, и я буду состоять, и разделю с ней всё, что ей предстоит, и, несмотря на наше бесправие, бесправие рядовиков-партийцев, приму на себя всю ту ответственность, которую несет партия перед народом и историей.

Это было сильное, горькое, светлое и настоящее за эти дни. А потом шло кружение в литературных кругах, никчемное говорение, полуминутные отношения с Т. Разумовской, прилетавшей из Москвы.

Сначала я кинулась к ней, а потом увидела, что ее интерес ко мне — чисто внешний и, м<ожет> б<ыть>, модный: больше все-

го она была озабочена тем, как к ней относятся, достаточно ли она окружена вниманием и т. п. Она манерна, светскá, холодна... Но уже утомившись от этих внешних отношений, я все же таскалась к ней, даже сказала что-то очень неискреннее насчет ее «человеческих интонаций», и очень недовольна собой. Если ухаживать за ней, как за представителем не обращающей на меня внимание «Литгазеты», то надо было бы уже совсем лебезить, а я под их тон не могу подделаться, я все время выскакивала из тона в то, что болит, а она говорила об этом тоже, очевидно, в порядке моды.

Фрондировать сейчас модно. А для меня не мода и не фронда, а боль. Нет, нехорошо как-то было... Замусорило душу, а не просветлило.

Ничего только было вечером 30<-го> у Юрки Г<ермана> — просто трепотня, было весело, и опять, все-таки, я выскочила из тона.

Я, наверное, просто хвастаюсь своими язвами. Нецеломудренно. Не надо больше.

Завтра выступать на поэтической дискуссии, — ужасно неохота. Просто — метать бисер. Ну, попробую все же... И опять — не для кого... Мне хочется писать роман. Но надо для этого много денег.

Ну-ка, подсчитаю, что я могу иметь и сколько мне надо.

Могу иметь	Сроки	Получила	Надо
1. Литсовр<еменник> 750 <рублей>	апр<ель>		1. Поездка в Москву 400 <рублей>
2. Резец, 440 <рублей>	3/IV		2. Платье 400 <рублей>
3. Костер 3–300 <рублей>	7/ IV		3. Пальто? 1000 <рублей>
4. Костер 5–500 <рублей>	апр<ель>		4. Курорт <u>1500 <рублей></u> 3300 <рублей>
5. Книга 1400 3390 + на книжке 900 <u> </u> 4290	апр<ель>		На курорт 1400 <рублей> — 60% книги <hr/> На Москву — 400 <рублей> — Резец

Могут иметь	Сроки	Получила	Надо
Вероятно, май: Костер 5 — 500 <рублей> Костер — 750 <рублей> <hr/> 1250			На платье — Костер 3- с книжки На жизнь — то, что на книжке — 800 <рублей> Костер 5 — 500 <рублей>
4290 <u>1250</u> 6540 <рублей>			Литсовременник 750 <рублей> Костер 5.

В апреле должна получить: 440+500... 3390 р. Получила¹

7/IV-40.

Выступала на дискуссии — с колоссальным и уж совершенно неожиданным успехом. Вот, действительно, не знаешь, где найдешь, где потеряешь... Говорили о «смелости», о том, что я — «совесть дискуссии»... А ведь все, что я говорила — меньше, чем минимум и одна десятая того, что мне действительно хочется сказать.

Но уровень дискуссии был таков, что, верно, мое выступление прозвучало и смело и остро: так народ привык молчать и, в лучшем случае, шушукаться, что даже мои незаконченные формулировки прозвучали как разорвавшийся агитснаряд. А надо было бы сказать так: «Оставьте нас в покое, гр<аждане> Рождественские и прочие! Мы — тоже народ».

Мы — советские люди и не можем быть ничем иным. Нам хватит общего партийного руководства, а без вашего — обойдемся. Разрешите каждому писать о том, о чем он хочет, естественно и просто выражать себя. Пусть над поэтом не тяготеет забота: «ах! Я не отобразил того-то и того-то...», «ах, достаточно ли я актуален»?.. Это покажут его стихи. Пусть в поэзии происходит естественный отбор. Пусть ее основным лозунгом будет пушкинское «чувства добрые я лирой пробуждал».

¹ Помета рукой О. Ф. Берггольц по правому верхнему полю.

Не дергайте поэта «за край одежды»... Дайте ему всю свободу. Вот, примерно, что надо бы сказать. Правда, в этом направлении я и говорила, и сказала примерно это.

Теперь я увлечена другим. Я шью себе дорогое модное платье, и завтра еще куплю на платья креп-жоржет — очаровательнейший! Это очень дорого, но я решила плюнуть на все и одеться. Наплевать, займу в долг, залезу в авансы, но оденусь. Ведь еще года три-четыре, и мне уже не помогут, поди, никакие платья.

Я похудела, щечки появились, но иногда я выгляжу еще очень мило, а если поправлюсь — то и совсем ничего не будет.

Я устала страдать. Надо же хоть как-нибудь жить. Буду прелестна и одинока.

Эти дни — вся в мечтах о платьях и внешности.

Кроме того, 5<-го>, за ужином и вином, Юрка Г<ерман> вдруг завел лирический разговор, и я поняла, что память обо мне в нем живет, и в автомобиле он целовал мне руки, и говорил, что «нам необходимо поговорить», и т. д., и т. д., и хотя он мне абсолютно безразличен, мне было грустно и приятно...

Нет, я возьму этот креп-жоржет, я буду в нем прелестна... А для этого я буду писать для радио, для кино, — черт со всем! А с осени или с лета приступлю к большому — к роману, обеспечившись деньгами.

Напишу статью — о Горе, о Прокофьеве. Это все не будет халтура. Постараюсь в апреле написать «Марата и Машу».

Нет-нет, завтра же возьму креп-жоржет.

А Юра... Это, очевиднее всего, винишко, и мы так и не «поговорили». Но я красиво произвела этот жест в машине, он, кажется, опешил и, наверное, испугался; а я теперь не звоню, и все, как было... Нет, я идиотка: мне просто опять захотелось на минуту игры. Таня хорошо ко мне относится, я не хочу быть змеей...

Нет-нет, это просто так — и у меня, и у него. А все-таки приятно, хоть какая-то просветлинка во мраке... «Карась смотрит в дырочку сквозь грязь...» Так и я.

15/IV-40.

Надо делать сейчас пренеприятнейшую вещь: писать заявку на киносценарий по «Вите Маманину». Пренеприятнейшую потому, что Левка Ц<ырлин> требует выявить «элементы безотцовщины», т. е. де-

лать конъюнктурную любовую вещь, а я думаю, что если б было так, как в рассказе, то было бы тоньше и лучше.

У нас все, все сейчас подчинено конъюнктуре, и потому нет искусства, оно осуждено на лакейскую, а не созидательно-творческую роль. Здесь, несомненно, вышестоящие совершают ошибку. Дали бы искусству полную свободу, не напирали бы на некоторые темы, как «главнейшие», и было бы у нас искусство лучше, и происходил бы спасительный естественный отбор. Ну, это тема нескончаемая.

Сейчас буду ковыряться с заявкой. Нужны деньги. И хочется писать пьесу и роман. С романом в душе проясняется немного — что ж, это будет «первая часть», как эйзенштейновский «Броненосец Потемкин».

Креп-жоржет не купила. Ну, Бог с ним... Предложила Ольге Молчановой ехать со мной в Коктебель. Я очень, очень люблю ее, но отдых она мне утяжеляет явно... Еще подумую...

Была у Юры Г<ермана> и, кажется, нейтрализовала встречу с мастерами спорта. Ну и ладно. Зачем начинать волынку? Довольно того, что было, и не надо размена.

Господи, как неохота писать заявку! Пишу.

10/IV-40. Получила на руки партийный билет № 3121168.

Помню, что я член партии и что это обязывает меня быть честным и смелым человеком, — быть ленинцем. Так и буду жить.

16/IV-40.

Я, как Степан Трофимович Верховенский, под старость становлюсь «что-то... слишком чутка к изящному»... Вот, сегодня весь день меня томит стихотворение Саши Черного. Оно «про меня, про нас». Горька эта дикая перекличка — как будто бы совершенно разных эпох, одинаковость человеческой роли, до слез сладко утешение поэта, сладко и правильно. Даже сюда хочется перепечатать это стихотворение:

Есть горячее солнце, наивные дети,
 Драгоценная радость мелодий и книг,
 Если нет — то ведь были, ведь были на свете
 И Бетховен, и Гете, и Пушкин, и Григ.
 Есть незримое творчество в каждом мгновенье,
 В умном слове, в улыбке, в сиянии глаз.

Будь творцом! Созидай золотые мгновенья!
В каждом дне есть раздумье и прятный экстаз.
Бесконечно позорно в припадке печали
Добровольно исчезнуть, как тень на стекле.
Разве Новые Встречи уже отсияли?
Разве только собаки живут на земле?
Если сам я угрюм, как голландская сажа,
(Улыбнись, улыбнись на сравненье мое),
Это — черный румянец, налет от дренажа,
Это Муза меня подняла на копые.
Подожди! Я сживусь со своим новосельем!
Как весенний скворец, запою на копые!
Оглушу твои уши цыганским весельем!
Дай лишь срок разобратся в проклятом тряпье.
Оставайся! Так мало здесь чутких и честных.
Оставайся! Лишь в них — оправданье земли.
Адресов я не знаю — ищи неизвестных,
Как и ты, неподвижно лежащих в пыли.
Если лучшие будут бросаться в пролеты,
Скиснет мир от бескрылых гиен и тупиц.
Полюби безотчетную радость полета...
Разверни свою душу до полных границ.
Будь женой или мужем, сестрой или братом,
Акушеркой, художником, нянькой, врачом, —
Отдавай — и, дрожа, не тянись за возвратом:
Все сердца открываются этим ключом.
Есть еще острова одиночества мысли
Будь умен и не бойся на них отдыхать
Там обрывы над темной водою нависли —
Можешь думать и камешки в воду бросать.
А вопросы... Вопросы не знают ответа.
Налетят, разожгут и умчатся, как корь.
Соломон же оставил два мудрых совета:
Убегай от тоски и с глупцами не спорь.
Если сам я угрюм, как голландская сажа,
(Улыбнись, улыбнись на сравненье мое),
Это черный румянец — налет от дренажа,
Это Муза меня подняла на копые...

21/IV-40.

До такой степени отвыкла работать, что просто ужас. Да это, наверное, потому что то, что надо сработать, — совершенно почти не интересует и не тянет.

Зачем-то пообещала Генке Гору написать статью о нем, а теперь неохота, по прочтении книги выяснила, что она нравится мне меньше, чем вначале.

В радиокомитете предлагают написать пьеску по «Гиене», надо им зачем-то «вытянуть Педагога», вроде как в заявке и сценарии надо «вытянуть безотцовщину», — к чему это? Мне не интересно.

Заявка понравилась, если ее утвердят в Комитете, со мной заключат договор, и надо будет писать сценарий, а мне и подумать об этом тошно. Уж лучше бы писать «Марата и Машу»... Да деньги проклятые нужны...

Нет, нужно сделать сценарий, трогательный и хороший, там есть узелок и есть своя тема, моя личная тема, — забытые дети, а нам некогда, мы спешим, а они со своим миром, тоскуют без нас, а мы без них...

И в «Гиене» для радио тоже что-то есть. Это не голая халтура. Оденусь, обставлю квартиру (конечно, условно все это!), обеспечусь прожиточным минимумом, и только за роман и за пьесу.

Итак, план таков: до отъезда — «Гиена» для радио. Вчерне — сценарий Вити. Статья о Горе. Рассказ «Прогулка по зоосаду» (это уж для души). Хорошо бы, хотя бы вчерне, «Марата и Машу».

Книга стихов понравилась моему редактору — Н. Афанасьевой. Она пропустила буквально все, кроме двух выражений в стихах о Горьком — их тоже жаль, но ведь придется же чем-нибудь пожертвовать редакторскому кретинизму, чтоб спасти основное. Хочет она также снять и «Ангела Смерти» в стихе Маргариты Коршуновой, — жаль, стишок не жирный, ангел только его и держит.

Кстати, о Маргарите. Я уже писала, что последняя встреча наша кончилась очень неприятно: я хотела «по-тюремному» откровенно поговорить с нею о том, что болело, — она как-то зашипела на меня... Подумала, наверное, дура, что я провоцирую ее. Потом я как-то звонила, она, узнав, что звоню я, не подошла к телефону. Обиделась я до удушья... Я знаю все ее «жидовские» свойства и все-таки очень любила ее. Страшные дни тюрьмы связали нас. Она, вероятно, забыла все. Она, наверное, погрузилась в свою карельскую березу, — что ж, обвинять трудно, по-разному человек уходит от Нее.

Вот и Кайа сказала как-то, что «не верит» мне. Понимаю, слишком понимаю. Но я-то им верю, и, м<ожет> б<ыть>, единственное, чем могу гордиться — это то, что не перестала «верить величию сердца человеческого»... Книжку стихов своих я им все-таки подарю...

Сейчас буду работать над нею, потом все же попытаюсь работать над статьей о Горе, а потом над «Гиеной» для радио. До ответа Левки Ц<ырлина> надо сделать «Гиену».

Наверное, к нам приедет Ленька Анк — лечиться от шизофрении, полученной в тюрьме. Мне страшновато от предчувствия встречи с ним — это опять Она, не уйти мне от Нее.

Числа 20-го поеду в Москву, к Муське, а потом с Ольгой — в Коктебель.

3/V-40.

Больше всего на свете боюсь, что портниха испортила зад у платья — спереди очаровательно! Этим и живу со вчерашнего дня. Хорошо. Вот так, наверное, и надо теперь жить мыслящему человеку. Если бы еще интересующий, но поверхностный романчик, — жизнь была бы, действительно, счастливой и радостной.

Нет! Лучше сгнуться в стуже лютой!

Уюта — нет. Покоя — нет.

А все-таки насчет зада беспокоюсь.

И хотелось бы еще оборудовать замшевые туфли.

Мне очень много работать надо. Я заавансировалась, набрала в долг в Литфонде. Ладно, вывернусь. Зато как приятно будет появиться в красивом платье. Теперь у меня будет два настоящих платья, да плюс переделаю свое трикотажное коричневое, да отдам связать кофточку шерстяную. Нет, обязательно надо хорошие туфельки. Коричневые замшевые будут ничего, но, действительно, они не ко всякому платью...

Не очень охота писать для радио. Но с 5/V примусь ретиво. Завтра, м<ожет> б<ыть>, поеду в Детское к Юре Герману.

Зачем я еду туда, на размен? Ведь Детское для меня — двойное кладбище. Там жила Ирочка моя, оттуда я увозила ее умирать, и в этот Дом приходила к Толстому за машиной, на которой и увезла ее. Как она кашляла всю дорогу, кроткая, совсем уже слабая.

Из дома Толстого увезли меня в тюрьму, а там открылось такое, что (как ни прячусь за платья и детские рассказы) неминуемо должно кончиться смертью. Потому что там началась моя смерть...

Я все читаю Герцена. А потом запишу о том, что возникло при его чтении... О, я потом все, все запишу... Только бы не испортила она платье!

6/V-40.

Платье очаровательно и вызывает всеобщий восторг.

Вчера была в Детском, много говорили с Юркой, как всегда, тоже на какую-то одну нескончаемую тему, и под конец, как всегда, стало скучно.

Господи, неужели же я не понимаю, что Юра — достаточно ограниченный, малообразованный человек, изряднейший приспособленец, трус, буржуазное, в основе своей, существо? Очень понимаю! Чего же мне надо от него? А лирические интонации — не больше чем литературщина и неискренность? С моей стороны — это без сомнения, да и с его — без сомнения. Зачем же я поддерживаю эти интонации? Скука, которая одолевает меня всегда в конце наших разговоров, неоспоримо, одолевает и его... Зачем же я говорю ему о заветном? Это не более чем хвастовство и обмен ранами...

Нет, малому я научилась за эти мои страшные годы! Искренно говорю: не научилась ни надменности, ни презрению к людям, ни отсековению их от сердца, не отучилась от легкого тщеславия и хвастовства собою. Все нужно мне чьего-то одобрения, чьей-то поддержки... Разве я ничего не знаю о себе? Разве во мне только такое, чего нужно стесняться, и нет ничего, чем можно гордиться? Нет, есть такое! Зачем же я стесняюсь себя на людях до заискивания с ними?

Нет, помню!

Юра хотел приехать 14<-го> в Ленинград «тайно», чтоб встретиться и провести вместе вечер. Зачем я дала согласие? На кой мне это? Все те же, те же и те же будут разговоры, даже и лирические... О, тоска! Нет, надо постараться отменить этот вечер. Все вычерпано. У нас могут быть только лояльные, внешне дружеские отношения, и не больше, все остальное — придумывание и ложь. Так!.. Но как бы устроить, чтоб он не приезжал 14<-го>?

Попробую попыхтеть над «Гиеной» для радио.

21/VII-40. Воскресенье.

Основное, что нужно сделать — это погрузиться в работу. Отделаться (добросовестно) от сценария и радиопьесы и потом за новое. Так, чтоб уши горели.

Не знаю, коплю или упускаю. Кажется, коплю, потому что писать что-либо жизненно-капитальное даже в таком состоянии, в котором вернулась из Коктебеля, почти невысказимо. Или я просто обленилась? И то, и это, вероятно.

За это время было очень многое, жила интенсивно, всей силой. Записать все подробно сейчас не удастся.

В Москве — история с лишением гражданства Ирэны, Муськины тягостные любовные дела, все те же разговоры, гл^{авным} образом с Ирэной, которыми сейчас просто захлебываются люди, не умеющие оторвать себя, представить себя вне окружающей действительности.

В Коктебеле — знакомство и разговоры с М. С. Волошиной (ох, право, и про нее, и про Ирэну все бы, все надо записать — это же время наше, эпоха проступает! Потом, потом!), и С^{ергей} Н^{аровчатов}, мальчик 20 лет, от которого самолюбиво и напряженно жду письма. Письма, очевидно, не будет. Он много лет спустя поймет, что значила для него встреча со мною.

Я отдавала ему много души, нежности, дум. И как все молодо было, несмотря на горечь мою, на резкое ощущение своего опыта и возраста по сравнению с ним. Я рада встрече с ним, но теперь нужно только нежно и чуть смешно вспоминать, и не больше, и не рассчитывать на «продолжение», потому что оно ни к чему. Если останется дорог — ничего. Если буду мечтать о нем — глупо. Ведь все равно же, никого не люблю, кроме Николая. «Что нам с тобой до их мечтаний, до их неопытной любви». Спасибо тому, что было, и — хватит.

Завтра необходимо начать работу.

26/VII-40. Пятница.

Нет, завтра-то я обязательно напишу всю пьесу для радио.

27/VII-40. Суббота.

Вот уже сижу над рукописью — «размозоливаюсь».

А письма от Сережи нет, а сегодня 16 дней, как мы расстались. Не хотела бы, чтобы у него было отращение к последнему вечеру, т. к. когда он уходил, то он, наверное, заметил, что и Зина, что меня вырвало на крыльце. Эх, это гадко. Все остальное — ничего, хотя я один раз лепетнула что-то не то.

Вот ничтожная я баба! Ведь что он мне? Ну, милый мальчик, и только. Хороший, радостный эпизод. А мне вот надо удостовериться, что он по мне сохнет — зачем это? Да и не может этого быть. Но как минимум мне надо знать, что нет отращения. М<ожет> б<ыть>, сегодня увижу Зину. Нет, я не то что сохну о нем — просто так. Дура все-таки.

Ну, надо писать. А потом — сценарий. Ох, боюсь, выйдет ли что-нибудь. Хорошо бы съездить в Финляндию, еще к осени подзагореть, надышаться воздухом.

Трудилась сегодня буквально весь день, количественно написала мало, качественно, конечно, начерно, но находки есть, а главное, разогреваюсь и думаю даже, что, м<ожет> б<ыть>, из этого может получиться милая комедийка для ТЮЗа.

Но вообще, вяло работала, надо от светской жизни переходить к рабочей и переключиться в другую скорость труда. Ничего, войду в колею. Задачи-то неясные — для себя, в связи с общим положением. Смущает Крамольниковское «не нужно»... Это неверно. Нужно. Вот нужно написать книжку детских рассказов, жаль, что «Марат и Маша» остыли, наверное, так и не будут они написаны.

Это нужно, для детей, это всё будет благородно. Затем роман буду тихо двигать — теперь абсолютно неясный... Разве закончить его, как эйзенштейновский «Потемкин» — поднятым флагом — вот что делали во имя мечты. Очень большой труд — даже боязно его как-то стало.

Неужели уже силы и смелость проходят — это тогда, когда еще ничего не создал? Книга стихов уже кажется очень плоской и плохой. Как ее ругал Сережа — единственный, кто ругал. И ведь во всем прав — я только из самолюбия так защищала. А молодость права. И хотя Ахматова очень хвалила отдельные — прочитанные ей стихи, и Волошина в восторг пришла, я-то знаю, что пульса нет или почти нет, и узнал это чужой мальчик Сережа.

Надо вытащить из нее возможно большее количество стихов. В убыток себе — ну, что ж...

Женьку Ш<абурашвили>, мою последнюю соседку, осудили на 5 лет. Нет, все то же, хотя выпускают и возвращают из лагерей.

Отмечаю страшную усталость от общеполитических тем. Трудиться, упиваться гармонией, любовью, книгами. А ничему «общему» никто из нас — в общем плане, помочь уже не может. Без нас все делают, а мы — пешки абсолютные и почти крепостные люди.

Есть только сознание — что эти годы — решающие для Революции. Значит, вместе со всеми надо терпеть — это и есть наша форма участия в ней, и на своем участке быть смелым...

29/VII-40. Понедельник.

Вчера весь день корпела над книгой стихов. 5 стихов сняла. Три новых добавила. Книжка остро не удовлетворяет — ни то, ни се. Так, кое-какие крупницы рассеяны. Лучше всего ее было бы не издавать. Что толку, если она будет лучше — ну, даже всего, что у нас выходит? Подумаешь, уровень — Ст<епан> Щипачев!

Это все у меня — что-то недоговоренное (во всех темах), что-то на-вполголоса... Нет, надо бы еще кое-что выбросить, всю перестроить. Впрочем, вчерашние «ласточки» — ничего, особенно четверостишия — «не выкупить, не вымолить», здесь есть настоящая экспрессия.

Хоть бы скорей она выходила, а то совсем обрыднет...

7/VIII-40.

Веду дневник теперь нерегулярно и неполноценно, а интересного много. Жизнь идет так, что чувствуешь ее. А я не записала даже того, что особо важно и потом (когда и для чего?) пригодится.

Умер М.А. Фроман. Очень жаль его и дико — как же так, нет человека, который очень хотел жить, человека хотя и пассивно-доброго, но хорошего, умного, к которому привык за много лет и был равнодушен.

Разное было отношение — от подозрения его в том, что он «враг народа», и стремления «разоблачить» (о, не я виновата в этом!) до нежной заботы о нем. Хорошо, что он знал, что мы относимся к нему только хорошо и внимательно. Хорошо, что я делом не виновата против него.

Умер Карл Лукка. Я всю зиму хотела навестить его, даже звонила, да все как-то было не собраться — позор. Из Коктебеля написала ему открытку и получила ответ от жены, что еще в феврале умер. Господи, какие мы все сволочи, как не любим друг друга.

У меня сердце разодралось, когда я узнала об его смерти. Не оттого, что я — «нехорошая», а из-за того — как же это, умирал человек, отдавший революции, т. е. людям — всю свою жизнь, и умирал в одиночестве, без поддержки соратников, чуть ли не оплеванный. «И это в нашей стране социализма», — как воскликнула бы Машка Р<ымшан>, с горем и недоумением.

Надо съездить к его жене, узнать о нем все и написать, хотя бы для себя, всю правду. Наверяд ли напечатают это, да нет, одно упоминание о том, что он в <19>21 г. недолго был в «раб<очей> оппозиции», за что ему прямо мстили последние годы, — вызовет ужас в сознании редакторов и полит<ических> редакторов, кот<орые> воображают, что делают что-то для пользы людей.

А простое, абсолютно правдивое изложение его жизни, его отношения к людям и людей к нему — могло бы «ударить по сердцам», заставить людей о многом подумать. Я все равно напишу, как и об Али, — это будет из той книжки, второй, о людях — «Мои друзья» условно.

Погиб, убит на финском фронте Мишка Чумандрин. И хотя он задолго до смерти отпал от сердца и стал противен сознанию, все-таки и его смерть — как смерть Фрошки и Лукки — есть частичная смерть и моя, отмирание, умирание какой-то части жизни моей.

Возобновила отношения с А. Ахматовой. Нет, это не только для тщеславия, а для души. Наши отношения, конечно, не отношения открытых сердец и навряд ли могут стать такими, но все же это содержательно.

Очень стыдно перед нею за то, что сын ее сидит в лагере ни за что, в то время как ее теперь «ласкают». Вообще, это страшная история — вся, с ее сыном, с тем, как она обнаружила измену Гумилева, брата ее сына, как брат оговорил сына и т. д.

Предлагаю ей писать Сталину, но она почему-то не решается. Я знаю, почему: боится, что бесполезно, безрезультатно. И я того же боюсь. Я писала ему от имени Ирэны, я редактировала к нему письма Рымшана, читала к нему письма Додика, — эти письма кровью сочились — и ничего! Это ужас, крах просто будет, если ей оттуда ничего не ответят. Но — не может быть. Все-таки мировое имя.

Неожиданно вдруг явились ко мне Эльза Шрёдер и Анька Козубская. Несказанно была им рада, — тому, что они на воле, относительно здоровы и бодры. Трудно поверить даже, когда они сидели у меня, что год тому назад мы были вместе в тюрьме, и жизнь была разгромлена, и впереди был ужас. А все-таки (сказать другому — не поверит, а я-то знаю) всегда, в самый кошмар, было у меня внутреннее убеждение, что вот буду я сидеть с Анькой в своей комнате и вспоминать тюрьму! Я говорила себе тогда, что это — только моя легковесность, несерьезность и боязнь правды, не было похоже на правду то, о чем мечталось, а все-таки в деталях представляла себе все это, и вот — сбылось же! Так же, как и с Ленькой Анком. Вот он сидит за моей спиной, здесь. Правда, он полупсих, только что от Фореля (результат тюрьмы), но он жив, он немножко оправился, и я верю, еще встанет на ноги...

Все, что сберечь мне удалось,
Надежды, веры и любви,
В одну молитву все слилось:
Переживи, переживи!

Т<ютчев>¹

25.XII.40

Сегодня в клубе Эренбург, живший во Франции, в Париже — в дни его и ее разгрома, читал отрывки из романа «Падение Парижа» и стихи.

Отрывки — до жалости плохи и равнодушны. Стихи академичны, полумертвы (чем-то похожи на мои), но есть хорошие, с настоящей болью.

Я тихо и бесстрастно ужасалась: как далеко может идти профессионализм, что человек может сейчас писать о разгроме Франции! Это так же дико, как если б художник, рисуя увечного, пытался приклеить на картину куски живого мяса. Но даже это не удалось ему: рассудочный сентиментализм. Нехорошо.

¹ Записи рукой О. Ф. Берггольц на форзаце дневниковой тетради.

На вечер пришли Таня и Юра Прендели, Таня мне — все равно, а Юра занимает и даже специфически. Уже некоторое время идет подводная игра, которая может окончиться бурным объятьем, если я того пожелаю.

Я, по всем данным, не пожелаю этого. Юра — «не наш». Кроме того, меня раздражает его ущемленность, по отношению ко мне и Кольке; в этом какая-то неискренность, искусственность отношения.

Короче, они были там, и я отправила их домой, а сама навязалась на столик к Германам, жестоко презирая себя за это. Тем более, что Юра Г<ерман> написал беспринципную омерзительную во всех отношениях книжку о Дзержинском. Он спекулянт, он деляга, нельзя так писать, и литературно это бесконечно плохо. Мне надо было сказать ему это, а не втираться к нему на столик.

Потом подсел Зонин с пошлым ухажерством, это было на глазах у Юрки, мне было неудобно, хотя и мелко-лестно (чего мне надо и на что я надеюсь?!), и на вопрос Зонина я ответила, что да, читала его книгу и она мне очень понравилась, но книжки я почти не читала, только начало.

Потом я провожала Зонина до места его ночевки, были обрывки серьезного разговора (ох, сяду я за них, ни за что) и пошлого флирта на словах.

Зачем этот размен?! Это чисто внешне, души я ничуть не отдаю, но, м<ожет> б<ыть>, и отдаю, и теряю.

Вот с Лидой Ч<уковской> сегодня был хороший разговор. И я постараюсь написать для хрестоматии хорошие рассказы.

Безвременье души, — вообще.

Была в Москве.

Встречалась с Сережей. Это ничего не принесло на этот раз, кроме опустошения и тупой боли. Очевидно потому, что он меня все не любит, даже не влюблен, а просто так.

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions. It emphasizes that every entry should be supported by a valid receipt or invoice. This ensures transparency and allows for easy verification of the data.

In the second section, the author details the various methods used to collect and analyze the data. This includes both manual data entry and the use of specialized software tools. The goal is to ensure that the data is both accurate and easy to interpret.

The third section provides a detailed breakdown of the results. It shows that there is a significant correlation between the variables being studied. This finding is supported by statistical analysis and is consistent with previous research in the field.

Finally, the document concludes with a series of recommendations for future research. It suggests that further studies should be conducted to explore the underlying causes of the observed trends. This will help to refine the current model and provide more accurate predictions.

The data collected over the past six months shows a steady increase in the number of transactions. This is likely due to the implementation of the new system, which has made the process more efficient and user-friendly.

It is important to note that while the overall trend is positive, there are still some areas where the data is less consistent. These areas will be the focus of the next phase of the project, where we will investigate the reasons for the variability.

Overall, the results of this study are promising and indicate that the new system is a significant improvement over the old one. We look forward to continuing our work and providing even better service to our customers.

ГОД

1941

23.III-41.

Иудушка Головлев говорит накануне своего конца:

— Но куда же все делось? ГДЕ ВСЁ?

Страшный, наивный этот вопрос все чаще, все больнее звучит во мне. Оглядываюсь на прошедшие годы и — ужасаюсь. Не только за свою жизнь. Где всё?

Куда оно проваливается, в чем исчезает и главное — зачем, зачем?!...

Перечитывала сейчас стихи Бориса Корнилова, — сколько в них силы и таланта!

Он был моим первым мужчиной, моим мужем и отцом моего первого ребенка, Ирки. Завтра ровно пять лет со дня ее смерти. Борис в концлагере, а может быть, погиб. Превосходное стихотворение «Соловьяха» было посвящено им Зинаиде Райх, он читал его у Мейерхольда.

Мейерхольд, гениальный режиссер, был арестован и погиб в тюрьме.

Райх зверски, загадочно убили через несколько дней после [смерти] ареста Мейерхольда, и хоронили тишком, и за гробом ее шел один человек.

Смерть, тюрьма, тюрьма, смерть..

На бездарном «Дон-Кихоте» в Александринке видела сегодня Виктора Яблонского, с которым связано ощущение целого периода в жизни — знакомство с Горьким, Лапп, история с Авербахом. Горький умер. Л. Авербах расстрелян. Мишка Чумандрин погиб на финской войне. Вольф Эрлих в концлагере. Юрий Либединский разошелся с Муськой. Виктор очень постарел, — значит, и я также страшно постарела...

Где всё?! Где всё?...

А Ирка, Ирка, господи... А эпилепсия Коли с <19>32 года?

Где всё и зачем всё?!

И что же вместо того, что было когда-то?

Какой наполненной жизнью жила я в <19>31 году. Сами заблуждения мои были от страстного, бездумного доверия к жизни, к людям... Сколько силы было, веры, бесстрашия.

Была Ирка, был здоровый Коля, было ощущение неисчерпанности, бесконечности жизни, была нерушимая убежденность в деле, в правильности всего, что делал...

Где же, где всё?!

26.III.41

Сегодня, в первый раз за довольно долгое время у меня не тюкает в голове. Это громадное достижение. Уж не помню, но чуть ли не с десятиго — с 14<-го> числа началась у меня отчаянная невралгия, такая, что я света не взвидела. Глотала всякую дрянь, и сейчас еще ем на ночь люминал и от дикой головной боли, от лекарств совершенно отупела. Все мысли и чувства ленивы и притуплены, все равно.

Нет, еще рановато для маразма. Еще я должна написать роман, и выпустить хорошую книгу стихов, и увидеть на экране свой «Первороссийск», а потом уж пускай.

Сейчас я в доме творчества, в Детском. В этом доме я дважды умирала: первый раз, когда пришла просить у Толстого машину, чтобы увезти Ирку в больницу. Я сказала Толстой — «Моя дочь умирает, дайте мне машину», — и поняла, что она действительно умирает.

Со смертью ее началась моя смерть, тем более, что Я, я виновата в смерти Ирочки. И весь мир стал смертен.

Второй раз из этого дома меня увезли в тюрьму, и с нее началась вторая смерть, — смерть «общей идеи» во мне. Я не живу; я живу вспышками, путем непрерывных коротких замыканий, но это не жизнь.

Я живу по инерции, хватаюсь, цепляюсь за что-то, и за работу, и за пижаму, но это непрерывное бегство от самой себя.

Доктор сказал, что мне надо пойти к психиатрам. Зачем? Что они могут восстановить во мне? Я с удовольствием скажу им, что мне нечем жить, потому что насущнейшая моя потребность говорить лю-

дям именно об этом, и это тоже бегство, т. к. я слишком слаба, чтоб таскать все это в самой себе, но чем, чем они мне могут помочь?

Какую новую опору дадут они мне?

Я круглый лишенец. У меня отнято все, отнято самое драгоценное: доверие к Советской Власти, больше, даже и идея ее... «Как и жить и плакать без тебя?!»

Я думаю, что ничто и никто не поможет людишкам, одинаково подлым и одинаково презираемым во все времена и эпохи. Движение идет по замкнутому кругу, и человек с его разумом бессилен.

У меня отнята даже возможность «обмена света и добра» с людьми.

Все лучшее, что я делаю, не допускается до людей, — хотя бы книжка стишков, хотя бы «Первороссийск». Мне скажут — так было всегда. Но в том-то и дело, что я выросла в убеждении (о, как оно было наивно), что «у нас не как всегда»...

Я задыхаюсь в том всеобволакивающем, душном тумане лицемерия и лжи, который царит в нашей жизни, и это-то и называют социализмом!!

Я вышла из тюрьмы со смутной, злобной, но страстной надеждой, что «все объяснят», что то чудовищное преступление перед народом, которое было совершено в <19>35–38 гг., будет хоть как-то объяснено, хоть какие-то гарантии люди получают, что этого больше не будет, что освободят если не всех, то хоть очень многих, я жила эти полтора года в какой-то надежде на исправление этого преступления, на поворот к народу — но нет... Все темнее и страшнее, и теперь я убеждаюсь, что больше ждать нечего.

Вот в чем разница... В июле <19>39 года еще чего-то ждала, теперь чувствую, что ждать больше нечего — от государства.

Я все ругаю себя разными словами — «маловерие», «пороху не хватило», «испугалась трудностей», — но нет! Не трудностей я боюсь, а лжи, удушающей лжи, которая ползет изо всех пор...

Что же может тут сделать психоневролог?

Одурить меня процедурами так, чтоб ложь эта и гибель идеалов и ужасный процесс перерождения стал мне безразличен? Но это последняя смерть и уже настоящая...

Лучше мучительное это безвременье, лучше горячий этот кризис, буду думать, что кризис, и буду бесстрашно идти на него...

1.IV.41

Может быть, мне просто нравится так страдать, нравится эта поза «гражданской скорби»? Я просто нравлюсь себе в ней?

Но разве я одна так терзаюсь? Все, кого я знаю, особенно коммунисты — Галка, Ирэна, Мара — живут с таким же трудом, как я.

Вчера цензура сняла из верстки «Литературного Современника» мое стихотворение «Тост». Оно кончалось:

Так выше бокал новогодний,
Наш первый поднимем смелей
За тех, кто не с нами сегодня
За всех запоздавших друзей...

Очень корявое, но оно было дорого мне по внутренней своей мысли, — хоть слабый сигнал «им» — «мы помним о вас, мы ждем вас», хоть слабый знак приветия.

Они — т. е. цензора — догадались. Но формально это причина — «за тех, кто не с нами — значит, за тех, кто против нас? Значит, за наших врагов?»... Суки! Они не имеют права запрещать — здесь нет ни малейших формальных оснований.

Хорошо, я напишу «за тех, кто далеко сегодня»... И если он (Троицкий) опять зарежет, — пойду на район вплоть до горкома.

Буду говорить о «травле писателя-коммуниста», о том, что Троицкий не имеет права «пересматривать решение гос. органов в отношении меня»...

С трусами и двурушниками надо говорить на их языке, и — главное — никаких формальных оснований для штамповки моих стихов так, как это трактует цензура, — нет.

Они не смеют ставить мои стихи в связь с моим пребыванием в тюрьме!

Ведь же «открытые» стихи о тюрьме я и не показываю никому. Я вся разворочена этим. Это запрещение — точь-точь как лязг тюремного ключа там, — напоминание о том, что ты — невольник.

Лязгнуло...

И вот, от этого лязгнувшего звука опять вышла из равновесия, опять впереди — бесперспективность, тьма...

Надо закончить эту муру — «Ваня и поганка», она даст мне, наконец, возможность вплотную сесть за роман, а может быть (страш-

но мечтать об этом) — съездить на Алтай, по маршруту первоуральских, может быть, буду писать о них пьесу.

Написала стихотворение, которого сама боюсь.

Голосом звериным, истомленная,
 Я кричу над омутом с утра
 — Совесть моя светлая, Аленушка,
 Отзовись мне, старшая сестра.
 На дворе костры разложат вечером,
 Смертные отточат лезвия...
 Возврати мне облик человеческий,
 Светлая Аленушка моя.
 Я боюсь ни гибели, ни пламени,
 — Обратном страшно умирать!
 О, прости, прости за ослушание,
 Помоги заклятье снять, сестра.
 Говорит Аленушка: — Родимая!
 Не поправить нам людское зло:
 Камень, камень, камень на груди моей,
 Черной тinou очи занесло...
 Но опять кричу я, иступленная,
 Страх звериный в сердце не тая,
 Вдруг спасет меня моя Аленушка?
 Совесть отчужденная моя.

13.IV.41

Вот я опять в Ленинграде. Да и давно уже, с седьмого числа.

Может быть, все-таки обратиться к психоневрологу?

Вот, отправлен сценарий, денег есть еще на два месяца, даже если еще тысячу истрачу, надо браться за роман, и вдруг меня одолел страх: мне кажется, что я уже ничего не могу, душевные силы иссякли, да и просто так — трясушка, мерзейшая трясушка одолевает...

Все вроде как куда спешишь, все вроде как страх одолевает, невнятный, глупый.

Или это все та же утрата общей идеи дает себя знать?

Но Коля дал верный ответ: писать «без идеи», записывать, как жили, и идея возникнет.

Да, писать — вот так мы жили, вот так мечтали, страдали, радовались, отдавали себя. И... ну, — и? И? «И ничего не вышло; они все передрались, ничего не нашли и вернулись обратно», — как сказал один мальчик в ответ на предложенный мной сюжет, как дети отправились искать живую воду.

Нет, нет, так рано еще говорить, не надо так думать!

Может быть, еще и выйдет.

Может быть, этот тяжелый период пройдет, там вздохнем, после войны.

Все-таки, пока не воюем, и за то правительству спасибо.

Будем верны знаменам. С верностью знаменам и писать.

Но высылка Ирэны? Ведь ее все ж таки высылают, доламывают ее жизнь, доканывают прекрасного, верного человека, ничто, никто не помогло ей, никакие хлопоты, никакие заступничества...

Зачем? Разве это хоть кому-нибудь нужно?

Нет! Как только я прикасаюсь к вопросам этого круга, так перестаю дышать.

В Детском, в доме творчества, ко мне очень хорошо все относились (или это опять мое очередное заблуждение?). Нет, кажется, я не обманывала их, не казалась лучше, чем на самом деле. Мне приятно было быть доброй, внимательной, у меня была какая-то расположенность к людям. Господи, сколько я слов наслушалась о своем «обаянии», «красоте», «уме» и т. д.

Кто-то, кажется Будняцкая, говорила мне — «Ты сама жизнь». Я много смешила их, и удачно.

Вот в этом-то я и обманывала их! Во мне так мертво, так темно, — они и не знают. Но я была весела без натуги, правда... Как-то это уживается вместе: но не скрою, что все это было мне приятно, и слова Гюнзен о моих стихах, и восторги Будницкой, и, главное, то, что влюбился некто Саша Разумовский.

Честно говоря, так давно никто не влюблялся. Сережа, — но Сережа как-то совсем по-другому, да, пожалуй, и не влюблен он был, а так... То есть влюблен, бормотал ведь даже, что любит, но уж очень он молод, неспособен был даже тогда оценить меня. А сейчас просто забыл, перестал писать.

Но чего только не твердил мне Р<азумовский>, и ведь, пожалуй, это Правда, — как баба — я не «просто так», я знаю.

Однажды он очень «приставал» ко мне, я не отпустила, мне он [не особенно нравится], но ухаживание его было приятно.

Все это дало определенную зарядку.

Мне приятно также, что переделанный костюм идет ко мне, что я в нем почти по-настоящему элегантна.

Мне хочется легонькой крутенки, замирения сердечного, мне хочется быть молодой и красивой.

Сашка Прокофьев неск<олько> раз звонил по телефону, специально зашел, чтоб спеть дифирамб «Пути в Петроград».

Это тоже приятно, рассказ, действительно, неплохой, хотя не совсем вышел, какой-то безаккордный конец, и ничего с ним было не поделать.

С Украины пришло письмо от Сашки Гуторовича, оказывается, там переделали в пьесу «Витю Маманина», давали ее по радио, она имела большой успех, комсомольская газета «На смену» организовала диспут.

Все это приятно.

Неприятно, как прошел сегодняшний доклад о дружбе, делала его все-таки с сердцем, а организация со стороны клуба была бюрократическая, гнусная, и мое «имя» почти никого не собрало.

Но дело не в этом.

Дело в том.

Дело в том, что надо приниматься за труд жизни, и опять — как вчера — полная неуверенность в своих силах. Легкий хлеб понравился — «Ваня и поганка»?...

Смогу ли? Возьму ли? А надо, — нельзя пробавляться тем, что делаю, ведь все это было все-таки «пока»... Стихи перестала писать, надо попробовать потрудиться над «Первороссийском» — поэмой.

Очень мало читаю. Гегель застыл. Плохо, позорно. Нет, не собрано, пусто живу.

Надо, наверное, все же сходить к психоневрологу.

20.IV.41

Явная дегенерация: куда-то засунула записную книжечку с телефонами Москвы и не могу найти, а отлично помню, что еще вчера держала ее в руках и даже думала — «кладу сюда — и забуду»... Вот глупо.

Колька как долго не идет от Молчановых, наверное, сердится на меня за то, что пришла вчера от Анджелы пьяная. А когда он так пыжится, я совершенно теряю способности к деятельности и жизни.

У меня — серия подозрительных удач. Принят сценарий «Ваня и поганка», говорят, что очень там всем понравился, еду завтра по вызову Мосфильма в Москву для доработки сценария. Получу, видимо, вторые 25% и затем, довольно быстро, остальные 50.

Но главное — на Ленфильме вдруг зажгла «Первороссийском» Мессер и Кару, завтра они посылают либретто в комитет с просьбой разрешить заключить со мной договор.

Конечно, мне надо располагаться на то, что либретто утверждено **не** будет и придется посылать его Сталину...

Но оно все равно пойдет через ЦК, так что инстанций, где его могут задержать — очень много.

Вероятностей, что сценарий будет убит — больше, чем того, что он пройдет. Но хорошо хоть то, что хоть где-то пробита стенка.

Ах, как славно было бы, если б получилась к юбилею картина!

Это был бы мой подарок к 25-летию Советской Власти, дар нашим знаменам, нашей Мечте, нашим идеалам, — храму оставленному и кумиру поверженному, которые еще драгоценней именно потому, что они оставлены и повержены. Не нами, о, не нами!

Но неужели действительно оставлены и повержены?

Не перехватываю ли я в этом отношении?

Может быть, это только такой временный жуткий период?

Успехи немцев подавляют меня. Падение Югославии, на днях несомненное падение Греции...

Неужели прожить и умереть при торжестве фашистского режима?! Страшно, жалко!..

Кроме того, завтра, наверное, будет разговор у Герасимова относительно заключения предварительного договора на «Заставу». Вообще благоразумнее не заключать.

5.V.41

Идут очень пустые, нерабочие и даже бессмысленные дни.

Была в Москве по вызову Мосфильма насчет «Вани и поганки». У «Вани и поганки» — огромный успех. Птушко, шумный и неумный пошляк в быту, в восторге, рвется ставить, все хвалят, сценарий едет

пока без задоринки. Это почти оскорбляет меня, потому что «Первороссийск» уже зарезан в кинокомитете на первой же инстанции (Ленфильм послал с просьбой о разрешении).

Некто Маневич сказал: «Слишком огненное зелие. Они на острие, — так остра. Политически неверно ставить картину о коммуне, в то время как коммуна — осужденная форма сельского хозяйства. Т<оварищ> Сталин на XVII съезде осудил ее» и т. д.

Ну, что ж, я ожидала именно этого, — отказа. Правда, я думала, что мотивировка будет иначе, — там что-нибудь насчет того, что много народу гибнет, и т. д.

О, какая непроходимая тупость и косность! Какое отношение к искусству имеет то, что «коммуна — осужденная форма»? Да нет, просто немыслимо в таких условиях существовать искусству, — жгучему, искреннему, правдивому.

Авария с «Первороссийском» причинила мне не острую, но тупую боль, — точно вновь ударили по больному, избитому месту, уже «привыкшему» к ударам...

А-ах, как тупо и как, в сущности, страшно!

Ну, что ж поделаешь?

Пошлю в секретариат Сталину, все равно, терять нечего, не посадят же меня за это.

Видела, разумеется, Сережу. Вот еще одна утрата.

Не надо мне было вовсе встречаться с ним после Коктебеля, какие бы чудесные, горьковатые, ясные воспоминания остались. Но нет еще этой мудрости, а есть тупая жадность. И вот.

Нового, собственно, ничего не открыла. Да, чужой. Возрастную пропасть не заполнить ничем. Самовлюблен и самопогружен до смешного, до жалости к нему! Неужели и мы такие были? И ничего его, кроме стихов, не волнует. И стихи его с разными старыми фокусами (где-то около «Двенадцати», разумеется, почти пародийно), — удивляюще далеки от жизни, от человека. Ни крупинки души в них нет! И гордится тем, что в лозунге-стихе «заклеймил» работницу, уснувшую в то время, как включала станок! Экий отвлеченный дурачок, ну, просто дурачок!

Ничуть не любил, ничуть не был нежен. А на прощальной вечерушке напился, был груб, неумен, и — полусхутия, верно, — ударил меня по лицу.

Бог с ним.

Мне не жаль ни нежности, ни дум, которые посвятила ему. Он неплохой мальчишка, но — все. Внутренний «роман» с ним — окончен. Да и внешний — тоже. Не из-за этого удара по морде, — мало ли что в пьяном виде ни выкинешь, — а просто так.

Надо приняться за роман, силы уходят. Вот напишу заявление Ирэне и примусь. Ирэну все еще томят и терзают. А брат ее Миши, освобожденный из польской тюрьмы в сентябре <19>39 года, написал о Мише такое заявление, что, читая его, чувствуешь, будто тебе на сердце капают раскаленным свинцом. И больше того: он собрал о Мише справки тамошних людей, знавших его по подпольной работе в Польше, и это тоже, как капли свинца в душу.

Хороший, видно, человек был этот Миша, если о нем, осужденном Советской Властью, так пишут люди!

И они — смелые, хорошие люди! О, дай им всем бог, дай им бог силы вынести все испытания, которые им еще, наверное, предстоит.. Ну, надо написать заявление.

12.V.41

Сегодня позвонила мне Наташа, жена Марка Симховича, человека, с которым у меня был хороший роман в Гаграх, в 1934 году.

Я до сих пор помню, как, подъезжая к Гаграм, первый раз в жизни увидела море, и все внутри просияло и затрепетало от радости. И эта радость длилась весь месяц отдыха, я бежала к морю, как на любовное свидание, а Марк был очень влюблен, дарил мне розы, мы читали стихи, философствовали, целовались.

После Гагр я его больше не видала, не переписывалась с ним.

В <19>39 году Наташа, с которой он познакомил меня в Москве, позвонила мне, сказала, что Марк умер от дизентерии и что она очень хочет видеть меня.

Встреча состоялась только сегодня.

Оказывается, Марк (по ее словам) относился ко мне серьезнее, чем я думала. В дневнике у него было записано, что я — самое сильное его увлечение, сразу вслед за Наташей, которую он очень любил..

А у нее теперь с Марком так, как у меня с Ирккой: все еще не верит, все еще не понимает, как это вышло, чудовищность, бессмысленность утраты подводит к безумию, к прозрению Туда... Она ищет его в жизни, и я для нее была — частица его.

Да, да, — ищет его, может быть, он еще где-то здесь, может быть, его еще можно увидеть, догнать, вернуть, — как же так, вот Ольга Берггольц жива, а Марка нет? Не может быть, тут что-то не так. Мурашка Чумандрина, ровесница и подружка Ирки, жива и учится в школе, но ведь и Ирка могла бы жить и учиться, как Мурашка, почему же этого нет?! Непонятно, несправедливо.

О, знаю, знаю, все знаю, больше, чем можно сказать.

Она говорила — «Я многих слов ваших не запомнила, я только слушала ваш голос, смотрела на вас, и все».

Ограбленный человек.

В <19>37–38 году она 6 месяцев сидела в тюрьме, ее там били страшно, сломали даже бедро. Она говорила: «Но знаете, самое ужасное, когда плюют в лицо. Это хуже, чем побои».

Зачем ей плевали в лицо?! Разве когда-нибудь она забудет это, сотрет с души, с лица? Сколько у нас оскорбленных, сколько!

Через два месяца после того, как она вышла из тюрьмы, после Такой отсидки, — умер Марк, который был для нее всем.

Нет, бог ни бог, а какая-то злобная сила, смеющаяся и издевающаяся над людьми, наверное, есть...

А что я могла сказать ей? Она спрашивала: «Ну что же делать, с чего начать-то, как жить?» А я отвечала: «Я тоже так всех спрашиваю, я сама не знаю. Живу вот...» И еще умничала чего-то, рассказывала о мелочах, своих дурацких стычках с цензурой...

Но что сказать, что дать ограбленному, оскорбленному человеку?

Сам я беден и мал,
Сам смертельно устал, —
— Чем помогу?!

Стоит она у меня перед глазами, — чувствую я за всем этим больше, чем она говорила, — ну, что, что вынуть, вырвать из себя — и подарить?!

Обманываю я их всех, проходящих ко мне, чем-то, а чем — сама понять не могу.

Если ей выговориться надо было, — я слушала.

Все мои умные слова — ей ничто.

Но успокаиваю себя тем, что по себе знаю: в горе и смятении человеку не столько другого, сколько себя, и, м<ожет> б<ыть>, только себя слушать надо.

Другой человек тебя терпеливо выслушает, скажет самое обычное — «Да, да понимаю», и вот уж кажется тебе, что это самый хороший человек на свете...

Надо больше слушать людей.

Я слушала, а потом о себе барабанить стала. Мелко!

Я о себе слышала последнее время столько восторженных отзвонков — и об «уме», и о «красоте», и о «душе», и так мне это нравится (ужас-то!), что уж иногда чувствую, что должна поддерживать свое звание, и говоря с людьми, обращающимися ко мне, больше думать о себе, чем о них. Это бесконечно мизерно и отвратительно!.. Что делать с этим?

А на самом деле я внутренне обеднела, очень мало читаю, размениваюсь на ерунду, хвастаюсь и треплюсь...

Но что же делать с Наташей? Что же дать ей, — не для того, чтоб самой думать о себе хорошо, — а для нее, для нее!

Она просила прислать ей моих стихов. Пошлю побыстрее, — об Ирке, из «Испытания». Там ведь есть подлинные.

Это жалкое внимание ее тронет, чуть-чуть, м<ожет> б<ыть>, согреет, м<ожет> б<ыть>, беднейшие мои строчки что-нибудь скажут ей...

Больше-то ничего не могу. Где-то есть еще хороший портретик Марка — м<ожет> б<ыть>, послать?

Надо, вообще говоря, ответить Гуторовичу, Кужелеву, написать Лене Польскому, — я сухой, черствый человек, дерьмо, что так долго не пишу им. Володьке Дм<итревскому> еще надо написать...

20.V.41

О, бедный homo sapiens
Существованье — бред!

Томление.

Все-таки придется, наверное, обратиться к психоневрологу, своими силами не справиться с «трясучкой».

Если это даже и распушенность, то явно болезненная.

Но полно, — довольно заказов, «Ваней и поганок», песенок к дурацким фильмам. За дело жизни, за роман, удачей или неудачей он кончится.

Сегодня почитала кое-что из Герцена. Боже мой, для того, чтобы писать то, что я задумала, то, что мы все пережили, надо обладать герценовской широтой, глубиной и свободой мысли, и надо иметь точку зрения. У меня же ее сейчас нет. Надо умудриться, надо разобраться в каше жизни — и до нас, и при нас, и видеть вперед, — а у меня туман перед глазами...

О, бедный homo sapiens!

Одна эта европейская война чего стоит. Какой крах человеческих усилий, — был пример жуткой бойни <19>14–18 гг, был образец — революция <19>17 <года> и Советский Союз, была могучая, страшная пацифистская литература, была широкая коммунистическая пропаганда — и ничего!

Ничего и ничто не предотвратило бойни еще более страшной, омерзительной и преступной, чем в <19>14–18 гг.

А мы говорили — «пролетариат не допустит...», «начало новой мировой войны — начало мировой революции...».

Ею пока и не пахнет! И если б Гитлер повел их всех на нас — они бы пошли и громили бы нас!

Западный пролетариат работает на войну и воет так, что диву даешься.

Хорошо, воюют «всего» два года... «Всего» несколько миллионов людей уложили. «А потом они одумаются...» Значит, мало было жертв <19>14–18 годов? Значит, нужны еще горы и горы трупов, чтоб заставить трудящихся одуматься и повернуть оружие против тех, кто их посылает убивать друг друга, чтоб понять, что им не нужно воевать. Все еще мало, все еще мало!!

Опять, как уже во многом, разъехалась наша теория с практикой, и очень обидно за ее «необязательность».

А главное — люди гибнут... Теория наша не учитывала этого. Для нее людей нет. Для нее люди, как для Ивана Карамазова — существуют на отдалении...

Безумие и безумие творится в мире, и ничто от людей не зависит.

20.V.41

Продолжается трясучка.

Сейчас надо идти на собрание писателей-коммунистов, — относительно перевыборов Правления Союза.

Вот-то уж никчемное занятие! Да, Союз влачит жалкое существование, он почти умер, ну, а как же может он иначе в условиях такого террора по отношению к живому слову? Союз — бесправная, безавторитетная организация, которой может помыкать любой холуй из горкома и райкома, как бы безграмотен он ни был. Сказал Маханов, что Ахматова — реакционная поэтесса, — ну, значит, и все будут об этом бубнить, хотя никто с этим не согласен. Союз как организация создан лишь для того, чтоб хором произносить «чего изволите» и «слушаюсь». Вот все и произносят — и лицемерят, лицемерят, лгут, лгут, — аж не вздохнуть!

Но раз мы все поставлены в такое положение, чтоб «не иметь свое суждение», — о чем же говорить? Что «улучшать» в Союзе? Систему лицемерия? Способы завинчивания гаек?

Предлагают писать очерк о днях финской войны у нас на заводе, соблазняют деньгами... Нет, не буду! Конечно, люди вели себя героически, но ведь правды, жестокой, нужной, прекрасной, — об этом все равно нельзя написать, — а сопли разводить, — что за смысл. Да и не могу, не могу я больше! Надо роман писать. И «не принимала» я эту войну..

Уж лучше попробую сделать заявку — предельно честную, о Мартехове. Это и само по себе интересно, без всяких, и в смысле базы — тоже, если выйдет, будет нечто солидное. Сегодня отправлю маму в Москву и буду писать завтра, 24<-го> и 25<-го> целые дни.

Нет, откажусь от очерка.

А на собраниях буду молчать, чего зря говорить-то. Все равно никто правды не скажет, — лучше «честно молчать».

30.V.41

Второй раз сегодня смотрела «Двадцать лет спустя», вместе с Колькой.

Прекрасная пьеса!

О, если б мне удалось с такой же поэтичностью, жгучестью и скрытой глубиной написать о нашем поколении, — так, как написал свою пьесу Миша.

А какие простые и хорошие там у него стихи.

После них мне мои (особенно последние) кажутся такими вычурными, «вумными». Литература — не сердце.

А Колька правду сказал — эта пьеса — отходная поколению. О, да, да... Потому-то так грустно и страшно смотреть ее, и так хочется крикнуть — «нет!». Надо читать и работать, работать.

1.VI.41

Этюд с Ардовым. Его наскок, я думаю, можно считать в конечном счете неудачным, несмотря на мою непоследовательность.

Нет, нет — это скучно! Это прежде всего скучно.

Он — из удивительного мира «Светлого пути», мира женщин, «подцеляющих» богатых мужчин, мира непременно заграничных вещей, отсутствия идеалов, опустошенности безыдейной, той бездны, где уже нет ни адского огня смятений, резких светотеней, а ровный полумрачок, — из мира опустошенности, уже не осознающей себя.

По-видимому, по всему судя.

Бог с ним. То, что он будет думать обо мне — «нигилистка», «синий чулок» — мне должно быть безразлично.

Если я не сяду интенсивнейшим образом за роман, то его у меня не будет. Размен меня съест.

Завтра сяду с утра.

А то опять может быть «Федя Никтошкин», — то, се, а ведь и так уж 5 месяцев <19>41 года прошли абсолютно бесплодно.

4.VI.41

Я существо из разряда ничтожнейших. Роман стоит и — о, ужас, — вроде как и писать его неохота. Я переносу его. Нет, сейчас хоть немножко напишу.

На уме — коммерческие предприятия. Их, собственно, надо бы осуществить. Надо денег. Надо одеться хорошо, красиво, надо хорошо есть, — когда же я расцвету, ведь уже 31 год! Я все думала — время есть, вот займусь собой, своим здоровьем, внешностью, одеждой. Ведь у меня прекрасные данные, а я худа как щепка, и все это от безалаберной жизни, от невнимания к себе. У меня могли бы быть

прекрасные плечи, а одни кости торчат, — и еще года 4 и им уже ничто не поможет. И так и с другим.

Надо поцвести, покрасоваться хотя бы последние пять-семь лет, ведь потом старость, морщины, никто и не взглянет, и на хер нужны мне будут и платья и польты...

О, как мало времени осталось на жизнь и ничтожнейше мало — на расцвет ее, которого, собственно, еще не было.

А когда же дети? Надо, чтоб были и дети. Надо до детей успеть написать роман, обеспечитья...

А надо всем этим — близкая, нависающая, почти неотвратимая война. Всеобщее убийство, утрата Коли (почему-то для меня несомненно, что его убьют на войне), утрата многих близких, и, конечно, с войной кончится своя, моя отдельная жизнь, а будет пульсировать какая-то одна общая боль, и я буду слита вместе с нею, и это будет уже не жизнь. И если останусь жить после войны и утраты Коли, что маловероятно, то оторвусь (как все) от общей расплавленной массы боли и буду существовать окаменелой, безжизненной каплей, в которой не будет даже общей боли и уж совсем, совсем не будет жизни.

Так или иначе — очень мало осталось жизни.

Надо торопиться жить.

Надо успеть хоть что-нибудь записать из того, как мы жили.

Надо успеть полюбоваться собой, нарядиться, вкусить от природы, искусства и людей...

Не успеть! О, боже мой, не успеть.

Может быть, я зря отказалась от партии, предложенной Ардовым?

Чувство временности, как никогда.

Чувство небывалого надвигающегося горя, катастрофы, после которой уже не будет жизни.

Если наше правительство избежит войны, его нужно забросать лавровыми венками. Всё — только не она, не Смерть. Только бы не «протягивать руки помощи», — пусть они там разбираются, как умеют.

Войны не избежать все равно. Мы одни в мире. Наши откаты, отступления, перерождения ничему не помогут. Мы все равно одни. Но не надо ввязываться ни во что. Это не обеспечит нам будущего — спокойного. Если бы еще советизация Европы — любой

ценой, — но она невозможна. Да и «любая цена»... Это значит, моя погубленная жизнь — во мне и в миллионах «меня», т. к. я теперь знаю, что все — как я, что всё — только Я.

Оттолкнув от себя все это, попытаюсь работать над разделом «Углич», очень далеким от сегодняшнего, два дня отдам роману, и если пойдет — напишу заявку «Феди Никтошкина» и на сценарий «Жена», — по «Мартехову», для Ленфильма.

10.VI.41

Весь день был ужаснейший кациняммер после вчерашней внезапной пьянки — сначала в Д<оме>П<исателей>, потом в «Астории» с Юркой Германом, С. Прокофьевым и четой Бяликов.

Брр...

Сколько раз я давала себе слово не напиваться до такого состояния, — я дурнею от водки отчаянно, становлюсь омерзительной, меня тошнит, — и все-таки, выпив 1–2 рюмки, дальше не могу остановиться и пью, пью, потому что люблю то состояние свободы и безответственности, которое приносит опьянение.

Опять разговоры и счеты с Германом насчет «прошлого», — все это только от вина, хотя он говорил, что нет, а в общем — мы оба отвратительные притворы, пустые люди, клоуны.

Ничто меня не уверит, что я что-то значу для него.

После вчерашнего же, наверняка, я вызываю в нем одно отращение, почти то же, что и он во мне.

Надо сгладить это хоть как-нибудь, надо позвонить ему завтра и сказать, что больше никогда не будем говорить обо всем этом, даже говорить; несмотря на всю гадость вчерашнего вечера, я все же думаю о нем, мне хочется, чтоб он относился ко мне хорошо — и только!

Мне не должно быть важно что-либо иное, да и зачем мне все это — как я знаю ему цену, как не верю в какие-либо «благородные» его побуждения! Он продал все за свою сытость, он пишет только затем, чтобы потрафить. О, я знаю его!

Но завтра, если он в городе, я все же позвоню ему, чтоб все сгладить. Я скажу даже с некоторой преувеличенностью, что такие разговоры очень тяжелы мне и т. д. Нет, больше этой мудни не надо тем более, что за этим ничего не стоит, а сплетни могут опять пойти идиотские.

Роман почти не идет. Мучительно! Никак не перебраться через февраль — октябрь. Потом пойдет лучше. А вообще — написано очень скверно.

Конечно — нельзя сравнивать с Германом. Вот я, будучи в форме, почитаю ему кое-что, небось, лопнет от зависти. Ах, как это все низменно!

Нет, [никогда, никогда] не выйдет из меня писателя с такими данными!

12.VI.41

О, боже мой, какая трясучка.

Покою не дает понедельник, та пьянка с Ю<рием> Г<ерманом>. Надо объясниться, задушевно и просто сказать — «Не будем больше так ломаться и плевать друг в друга». Звонила — его нет дома, в Кельмяках.

Роман идет мучительно; я тороплюсь, порчу, вязну в деталях, пропускаю главное, выдумываю — а настоящая-то жизнь была во сто крат страшнее и сложнее. Главное — эта торопливость, это стремление догнать что-то главное, ускользающее, что обязательно впереди, а не в том, что пишешь. Форма, избранная мною — полная свобода и независимость от рассказчика, перебивка стилей — то детский рассказ типа «кино-глаза», то почти протокольное повествование, — кажется мне окрошкой, пересмешничеством, чужим.

Тон все еще не найден, хотя в том, что пишу, он уже ближе к искомому, чем в том, что было написано в <19>38 году. Там просто плохо.

И это все почти не доставляет творческой радости, за исключением крох.

Но если есть в чем смысл — то именно и только в этой мучительной, медленной работе.

Должна приехать Муська, чтоб сделать аборт, и я мучительно боюсь, что это кончится неблагополучно, что она умрет, что, наконец, меня просто «накроют» за организацию этого дела. Но что же делать — нельзя же ей оставлять ребенка в ее теперешнем положении — без работы, с полуразрушенным здоровьем...

Ой, ой, ой, как все ужасно, как все мучительно.

Только одна отрада — Колька.

20.VI.41

Сейчас Муське начнут делать аборт, у меня в квартире. Может быть, это наступает новая полоса страшного горя для нас всех — ее смерть, суды и т. д. Нечто остановилось за углом и ждет с обухом в руке. Пройдет или нет? Нас или кого-нибудь другого ударит оно?..

Нет, нет, нет!

Все обойдется благополучно, мы поедем с нею в Киломяки, она отдохнет, м<ожет> б<ыть>, устроится к Радловой. М<ожет> б<ыть>, я встречу там человека, с которым чудесно, «кислородно» покручу. Там сосны, там море, там буду работать над романом.

Ах, скорей бы уж это кончилось, — положим ее в постель, она уснет, я тоже посплю — я нанервничалась за эти дни, недосыпаю... от-вратительно трушу, что могу попасть в тюрьму как «абортмахерша». Но что же делать? Ах, говорили же, говорили люди, что нельзя этот закон так круто и свирепо вводить! P. S. Все благополучно.

Комментарии

1930 год

17/VI-30. Владикавказ (С. 29–73).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 329).

Датируется с 17 июня по 12 сентября 1930 г.

Материал дайнного дневника был использован для цикла статей «Дальность по вертикали» (см.: *Берггольц О.* Дневные звезды. Говорит Ленинград. М., 1990. С. 449–462).

За высоту ж этой звонкой разлуки... (С. 73–94).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 330).

Датируется с 9 августа по 5 ноября 1930 г.

К дневнику приложена справка, рукой неустановленного лица, на отдельном листе-табеле Народного комиссариата финансов:

«Краткая информация о работах оседания»

На 25 апреля проделаны следующие работы:

1. Коллективизировано 2832 хозяйства, или 62% всего контингента оседающих. Организовано 42 колхоза (39 артелей и 3 союза). Посевная площадь оседающих хозяйств 27.198 га. Собрано семян 5390 центнеров, страхового фонда 387 центнера. Отремонтирован инвентарь полностью. Тягловой силой также обеспечено полностью. Землеуказание выполнено на 116% применительно к организованным точкам оседания. Работало по составлению плана 9 агрономов, 4 студента.

Русские колхозы в порядке шефства выслали в оседающие колхозы опытных колхозников для проведения сева. Работала в ауле выездная редакция с типографией газеты «“Кзын-Дала”».

Работают культурные бригады Союзов. В порядке проведения подготовки посевной проведен месячник животноводства, давший следующие результаты:

Организовано 2 случайных пункта, 1 случайный пункт искусственного осеменения. Составлен план сенокосения, работают 3 ударных бригады по ремонту сеноуборочных машин. Подготовлено кадров 12 (животноводов <?>). Вскрыто силосных ям — 2, обследовано ветврачами 23 колхоза и 13 аулсоветов. Работает отряд Ветэпо. Организовано 2 МЕС, обслуживающих 5 аулов. Краевые организации. Колхоз союза и другие еще до сегодняшнего дня не полностью обеспечены даже сметами, проектами, нарядами на зондируемые строительные материалы. Отсутствует перевод средств по кредиту и бюджету (госпошлин) на произведенное строительство. Имеющиеся 100 000 рублей в <1 сл. нрзб> остались не использованными. Посланные крайкомпрофсоюзом 2 десятника на лесозаготовки 2 месяца бездельничали, были возвращены крайкомпрофсоюзу. Не использованные наряды на лесоматериалы дезорганизовали¹ (4 раза были изменения) работы заготовки леса. Все это в известной степени тормозило успешному ходу выполнения подготовительных работ. При условии правильной организации работ на местах, а также четкого руководства со стороны краевых организаций полностью обязать успех 100% выполнения плана работ.

г Семипалатинск. М. Дацевич
8/V-31 года.

2 — Подготовка к строительству развернута. Укомплектован штат строительного отдела (2 техника, 7 десятников). Идет изготовление стандартов. Заготовлено к конюшням 300 штук рам, 100 штук косяков. Полностью изготовлены саманные ящики, обеспечены мелким инвентарем (кадками, топорами, ломками, кирками и другим).

Услано на производство местных стройматериалов в точках оседания 7 десятников. Плохо обстоит дело с заготовкой лесоматериалов.

3 — Укомплектовано (вновь открываемые) 2 агропункта, 2 фельдветпункта.

4 — Заключен договор на культурно-социальное строительство в районе (школы, больницы и другое), в обеспечение договора переведено 52 000 рублей техстройконторе. Развернута работа по заготовке строительных материалов.

5. Почтовой сетью (агентства, сельписьмоносцы) охвачен район полностью с перевыполнением планов работ.

---

¹ Так в тексте.

6. В порядке проведения массовой работы город организовал средства для культурного строительства и обслуживания оседающего населения.

Одновременно необходимо отметить, что районные организации (колхозсоюз, райкомы) еще не полностью перестроили к обещанному мероприятию по оседанию.

Газета “Советская степь”».

К дневнику приложена статья из газеты «Власть труда» (1930. Октябрь. № 287):
«Четырнадцать за два месяца.

Завод Кавцинк основное производство в Северной Осетии. Завод имеет в своих рядах свыше 2000 рабочих. Не далек тот час, когда этот завод войдет в списки гигантов-заводов Советского Союза.

Можно ли сказать, что внутри завода ведется такая работа, которая обеспечивала бы участие масс в выполнении производственных задач, стоящих перед Кавцинком. Нет! Этого сказать нельзя и в первую очередь нельзя сказать по отношению к партийной организации. Для того, чтобы повести массы за собою, для того, чтобы эта масса участвовала в работе всего завода, нужна в первую очередь внутренняя самобилизация партийной организации. Нужно в первую очередь, чтобы коммунисты являлись образцами для всей беспартийной массы.

Партколлектив Кавцинка такой образцовой работой похвастаться не может. Что определяет работу каждого партколлектива? Рост парторганизации за счет лучших активистов-ударников. Ударник в партию пойдет, если вся работа будет показательной. Конечно, мы были бы неправы, если бы огульно обвинили ячейку в том, что она ничего не делает. Нет! Кое-что партячейка делает, и даже это “кое-что” дает свои результаты. В августе и в сентябре месяце в партию были приняты 14 человек, в своем большинстве — нацмены. Однако такой рост недостаточен.

Что же мешает нормальному росту, что служит причиной того, что партийная организация еще далеко в ненадлежащей степени возглавила движение рабочих масс? Такой причиной является — расхлябанность внутри самого партколлектива. На заводе 300 с лишним членов и кандидатов. Сколько же из них присутствует на партсобрании? 24 июня из 300 человек присутствовало всего 121, а 18 сентября 120 человек. Это по протоколу, а газета “Металлист” доказывает, что было всего лишь 9 человек. Остальные зарегистрировались и смылись (кстати,

на заметки в газете “Металлист” местные организации не обратили никакого внимания).

Так обстоит дело с посещением партийных собраний. Не лучше обстоит дело и с трудовой дисциплиной среди членов партии. Пропуски, пьянства, ударника на бумаге — все это довольно частое явление для отдельных партийцев завода “Кавцинк”. Такие позорные факты среди членов партии не встречают должного отпора со стороны всего партийного коллектива в целом.

Тормозит рост также недостаточное внимание к рабочим предложениям со стороны партколлектива, возьмем хотя бы такой пример: студенты, работающие на Кавцинке совместно с рабочими, внесли рационалистическое предложение, которое по самым простым и примитивным расчетам дает триста двадцать одну тонну лишнего цинка. Но и на это предложение рабочих партколлектив не обратил никакого внимания.

Разве такой работой можно добиться роста, разве можно завоевать авторитет среди рабочих масс? Нельзя! Только тогда, когда партийная организация к каждому предложению рабочего, к каждому проявлению инициативы рабочего будет подходить внимательно, вдумчиво, будет приближать этого рабочего к партийной ячейке, вовлекать его в работу. Только тогда мы сумеем обеспечить выполнение директивы партии по вопросу пополнения ее рядов за счет рабочих.

Партколлектив завода не только не может обеспечить роста за счет рабочих, но даже за счет рабочего комсомольского молодняка не растет партийное ядро. Не растет потому, что партийное руководство комсомолом ни в коей мере не осуществляется. Комсомол взял на себя смелую и боевую задачу. Он решил специальным комсомольским цинковым походом расширить выработку цинка. Эта прекрасная инициатива комсомола не встретила поддержки со стороны бюро партийного коллектива, а ИТС вместо того, чтобы помочь, само решило провести такой же поход. В результате получилась чепуха. Понятно, что так руководить комсомолом нельзя. И потому, что нет руководства в комсомоле, мы имеем целый ряд нездоровых явлений.

Близятся перевыборы партийного коллектива. Все свои недостатки парторганизация завода “Кавцинк” должна учесть и подумать о дальнейшем руководстве, которое обеспечило бы рост партийной организации.

ЮРИН».

С. 29

Вот — развод с Борькой. — Борис Петрович Корнилов (1907–1938), поэт. Родился в г. Семенов Нижегородской губернии, в 1925 г. переехал в Ленинград, в 1926 г. вместе с О. Ф. Берггольц был участником литературной группы «Смена». С 1926 по 1930 г. муж Берггольц. Подробнее о нем см. т. 1 наст. изд. В июне 1930 г. Корнилов и Берггольц официально расстались, но фактически их развод был оформлен 2 марта 1932 г., в тот же день, что и брак Берггольц с Н. С. Молчановым (о нем см. коммент. ниже). Подробнее о взаимоотношениях Берггольц и Корнилова в 1929 г. см.: *Прозорова Н. А.* О. Берггольц и Б. Корнилов: к истории личных и творческих отношений в 1929 г. // «Так хочется мир обнять»: О. Ф. Берггольц. Исследования и публикации: К 100-летию со дня рождения. СПб., 2011. С. 65–78). Далее везде: Борис, Борька.

...ехала-ехала на Кавказ. — Записи этого периода отражают работу О. Ф. Берггольц на журналистской практике во владикавказской газете «Власть труда».

...соплась с Николаем. — Николай Степанович Молчанов (1909–1942), литературовед. Обучался на факультете языковедения и материальной культуры ЛГУ. Согласно трудовой книжке, с 1929 г. работал в газете «Голос пахаря» в качестве практиканта. Затем специальный корреспондент передачи «Рабочий радиополдень» (Ленинград). С 1930 г. — сотрудник газеты «Красное знамя». Вместе с Берггольц, ставшей его женой, уехал в Алма-Ату, где был заведующим сектором районной печати в редакции краевой газеты «Советская степь» (с 15 декабря 1930 г.). В 1932 г. Молчанов был призван в ряды РККА, но вскоре был демобилизован по болезни и вернулся в Ленинград. С 1933 г. работал инструктором-методистом оборонной комиссии Оргкомитета ССП (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 1377). В октябре 1934 г. поступил в аспирантуру литературного отделения Государственной академии искусствознания; в марте 1938 г. защитил диссертацию по теме «К проблеме Пушкина в 60-е годы», получив степень кандидата филологических наук. С 1938 г. работал в Публичной библиотеке. Молчанов умер в блокадном Ленинграде 29 января 1942 г. в психиатрической больнице, похоронен в братской могиле. Далее везде: Коля, Колька, Николай.

С. 30

...к Севкавказинку. — Завод по производству цинка во Владикавказе возник в 1898 г. как небольшое предприятие «Алагир». С 1922 г. на базе предприятия бы-

ло создано объединение «Кавцинк». С 1934 г. — «Электроцинк». Для обеспечения работы электролитного цеха строилась Гизельдонская ГЭС. Крупнейшее предприятие цветной металлургии, находилось в Северо-Осетинской АССР, ныне завод «Электроцинк».

...в Дигорский комбинат. — Дигорский комбинат, крупное агропромышленное хозяйство, созданное в 1927 г. в Дигорском горном ущелье (Северная Осетия). Работа комбината привлекла большое внимание выдающегося экономиста А. В. Чайнова, но деятельность хозяйства успеха не имела.

...приехала на Гизельдон. — Река в Северной Осетии, левый приток Терека. Именно здесь у с. Кобан сооружалась Гизельдонская ГЭС (работы начались 13 сентября 1927 г.). О. Ф. Берггольц рассказала о строительстве ГЭС в очерке «Дальность по вертикали» (впервые опубл.: Сельская молодежь. 1987. № 12. С. 37–38). Подробнее см.: *Шуваева Л. Н.* Эдельвейсы Гизельдона. Документальная повесть [Электронный ресурс] // Дарьял. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. 2002. № 2. URL: http://www.darial-online.ru/2002_2/shuvaev.shtml.

С. 32

Тов<арш> Гиоев. — Секретарь строительного комитета Гизельдонстроя.

...рабочие Садонских рудников... — Речь идет о рудниках Садонского свинцово-цинкового комбината в Северной Осетии, разработки которого велись с 40-х гг. XIX в.

...Мизурской ф<абри>ки... — Мизурская обогатительная фабрика, подразделение Садонского свинцово-цинкового комбината.

С. 33

...жестokie схватки с Кабардой. — Многие горские народы оказывали упорное сопротивление усиливающемуся влиянию российской имперской власти. Наиболее ожесточенные военные действия приходятся на 1817–1864 гг. Основные районы военных действий — Северо-Западный (Черкесия, горные общества Абхазии) и Северо-Восточный (Дагестан, Чечня) Кавказ. Периодически вооруженные столкновения между горцами и русскими войсками происходили на территории Закавказья, Кабарды. Восстание в Кобанском ущелье и Дигории вспыхнуло в 1830 г. Гази Мухаммад, который хотел построить единое горское государство при поддержке Ирана, с военным отрядом, в состав которого входили кабардинцы, абадзехи, ингуши, чеченцы, осетины, напал на крепость Владикавказ. Подавление очагов восстания шло весь 1831 г.

С. 34

...Садоне... — Садон, поселок городского типа в Алагирском районе Северной Осетии.

С. 35

...Пурт... — Водопад на Гизельдоне. Плотина ГЭС размещена на древнем завале Кахты-Сар обвального происхождения. Завал перекрывал Гизельдон, образуя водопад Пурт, а перед завалом находилось небольшое озеро.

Санакоев... — Комсомолец, рабочий Гизельдонстроя. О нем см. в очерке О. Ф. Берггольц «Дальность по вертикали» (Собр. соч.: В 3 т. Л., 1988. Т. 1. С. 558).

С. 38

Договор с Грознефтью... — «Грознефть», расположенное в г. Грозном производственное объединение по разведке и разработке нефтяных и газовых месторождений Северного Кавказа. Грозненское центральное нефтеуправление было создано в 1920 г.

Донуголь... — Донецкий государственный трест по производству и продаже каменного угля и антрацита, располагался в г. Харькове. Каменноугольные предприятия, находившиеся в ведении комбинатов Донецкого бассейна, постепенно передавались Донуглю. В октябре 1929 г. началась реорганизация треста, которая завершилась его расформированием в январе 1930 г.

С. 39

...об убийстве представителя крайкома партии Жуковского, секретаря Ингушского обкома ВКП(б) тов<арища> Черноглаза и шофера Суворова близ селения Галашки. — Иосиф Моисеевич Черноглаз (1894–1930), партийный деятель. Проводил политику коллективизации, не учитывая местных обычаев. Ужесточил репрессии; им был разработан план по борьбе с мусульманской религией. Предлагал ввести в Ингушетии широкую кампанию по разведению свиней и строительству свинарников. Его машина попала в засаду под с. Галашки, сам Черноглаз был обезглавлен представителем общины Кунта-хаджи.

С. 41

Из доклада Ворошилова... — Климент Ефремович Ворошилов (1881–1969), партийный и военный деятель; с 1925 г. нарком по военным и морским делам.

Сикоев... — Петр Романович Сикоев (1896–?), на 1930 г. председатель заводского комитета «Севцинка». Затем был начальником хозяйства цеха завода «Электроцинк». 31 августа 1939 г. военным трибуналом Северо-Кав-

казского военного округа приговорен к 10 годам ИТЛ. См. о нем: *Берггольц О.* Свинцовый поход: Рассказ журналистки // *Костер первый*: сб. М.; Л.: Молодая гвардия, 1932.

Месторождения Севкавказия стоят на 2 месте после Риддеровских... — Риддеровский рудник по добыче золота и других ценных металлов был открыт в 1776 г. в Томской губернии, Бийского округа, при речке Тихой.

С. 42

...для «Власти труда»... — «Власть труда», газета, где сотрудничала О. Ф. Берггольц, выходила во Владикавказе с августа 1924 до июня 1933 г.

С. 43

...школу ФЗУ... — Школа фабрично-заводского ученичества, низший (основной) тип профессионально-технической школы в СССР, которая существовала с 1920 по 1940 г.

С. 44

К 16 съезду имеются... — XVI съезд ВКП(б) вошел в историю как съезд развернутого наступления социализма по всему фронту. Проходил с 26 июня по 13 июля 1930 г. В повестку дня входили политический и организационный отчеты ЦК; выполнение пятилетнего плана промышленности; колхозное движение и подъем сельского хозяйства; выборы центральных учреждений партии.

С. 45

...встретила Битиева... — Григорий Рожденович Битиев (1885–?), фотограф Гизельдонстроя; работал в артели «Фото-аре». 18 февраля 1931 г. тройкой ОГПУ приговорен к пяти годам концлагерей. Подробнее о нем в очерке О. Ф. Берггольц «Дальность по вертикали» (Собр. соч. Т. 1. С. 563–564).

С. 46

...царицы Тамары. — Тамара (ум. в 1207), царица Грузии в 1184–1207 гг.; ей посвящены оды Чахрухадзе, Шавтели, поэма «Витязь в барсовой шкуре» Ш. Руставели.

С. 47

Написал Сталин — раскулачить кулачество... — Иосиф Виссарионович Сталин (настоящая фамилия Джугашвили; 1879–1953), глава Коммунисти-

ческой партии, Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения. В данном случае речь идет о его статье «К вопросу о ликвидации кулачества как класса» (1930; впервые опубл.: Красная Звезда. 1930. № 18).

...с союзом Михаила Архангела. — «Русский народный союз им. Михаила Архангела», одна из крупнейших право-монархических организаций в России, организатором (1907) и руководителем которой был Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870–1920). Союз прекратил свою деятельность в феврале 1917 г.

С. 48

Надо, как Левин косьбу... — Отсылка к цитате из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (1877): «Чем долее Левин косил, тем чаще и чаще он чувствовал минуты забытья, при котором уже не руки махали, а сама коса двигала за собой все сознающее себя, полное жизни тело, и, как бы по волшебству, без мысли о ней, работа правильная и отчетливая делалась сама собой. Это были самые блаженные минуты» (ч. 3, гл. 5).

...хины не дают... — Хина, высушенная кора хинного дерева; этим порошком, который действовал расслабляюще, лечили лихорадку и прочие болезни.

С. 49

Остро тоскую по Ируне... — Ирина Борисовна Корнилова (1928–1936), дочь О. Ф. Берггольц и Б. П. Корнилова. Далее везде: Ира, Ирка, Ириша и т. п.

С. 50

...Еремиян — Инженер-строитель Гизельдонстроя.

С. 52

Столовая в Хинцаге. — Хуссар-Хинцаг, «южное село Хинцаговых» (осет.), было расположено в Северной Осетии на левом берегу р. Гизельдон, в 4 км от с. Даргавс, у подножья горы Урс-хох.

С. 55

...нижегородского кремля... — Нижегородский кремль, крепость в центре Нижнего Новгорода. Воспоминания О. Ф. Берггольц, скорее всего, относятся к летней поездке 1929 г. с Б. П. Корниловым в г. Семенов Нижегородской области, где она познакомилась с родителями мужа. Подробнее см.:

«Я хочу жизни — много, много...»: Дневник О. Ф. Берггольц 1928–1930 годов / Публ. Н. А. Прозоровой // Борис Корнилов: «Я буду жить до старости, до славы...». СПб., 2012. С. 325.

С. 56

Андрей Георгиевич Гогичаев (1905–?), начальник бюро жалоб Орджоникидзевской железной дороги. 10 июля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к 10 годам ИТЛ. 7 июня 1950 г. Особым совещанием МГБ СССР приговорен к ссылке в Красноярский край на пять лет.

С. 58

Село Христиановское — Ныне небольшой город Дигора на западе Северной Осетии. В 1852 г. здесь обосновались выходцы из Фадау, село называлось Ново-Христиановское или Христиановское до 1934 г.

С. 59

...седины Маркса... — Карл Маркс (1818–1883), основоположник марксизма, вождь международного пролетариата.

Сормово — Промышленный район Нижнего Новгорода.

Тов<ариста?> Куйб<ьшева?> — Валериан Владимирович Куйбышев (1888–1935), партийный и политический деятель.

Шали... — Город в Чеченской Республике.

Шатоя... — Шатой, село в Чеченской Республике.

С. 60

...некогда револ<юционный> аул Гойты... — Аул Гойты в 1918–1919 гг. был революционным центром плоскостной Чечни. Из него распространялось влияние на всю Чечню. Через Гойты в период стодневных боев большевики осуществляли связь Грозного с Владикавказом.

...в Урус-Мартан... — Город в Чеченской Республике.

Валерик... — Село в Чеченской Республике.

Слепцовская... — Станица Терской области, Сунженского отдела. Ныне — г. Сунжа в Республике Ингушетия.

...Шарой... — Село в Чеченской Республике.

С. 61

...«гремели фаллопиевы трубы»... — Здесь О. Ф. Берггольц иронично пишет о маточных трубах, соединяющих тело матки с брюшной полостью.

С. 62

С Колчаком... — Александр Васильевич Колчак (1874–1920), военный и политический деятель, исследователь-полярник, вице-адмирал (1916), адмирал (1918). В период Первой мировой войны 1914–1918 гг. командующий Черноморским флотом (1916–1917). Один из лидеров Белого движения.

...Деникин<ым>... — Антон Иванович Деникин (1872–1947), генерал-лейтенант. В апреле–мае 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего, затем командующий войсками Западного и Юго-Западного фронтов. Осенью 1918 г. главнокомандующий Вооруженными силами Юга России; летом — осенью 1919 г. руководил походом на Москву. С 1920 г. в эмиграции.

...с Дашнаками... — Дашнаки, члены армянской националистической партии «Дашнакцутюн» («Союз»), которая возникла в 1890 г. в Тбилиси. С мая 1918 по ноябрь 1920 г. дашнаки были правящей партией Армянской республики; в феврале 1921 г. они подняли антисоветский мятеж, но были разгромлены.

С. 63

...Мизур... — Поселок в Алагирском районе Северной Осетии. Расположен на берегу р. Ардон, на Военно-Осетинской дороге.

С. 64

Рабпрос... — Союз работников просвещения СССР.

С. 65

Они... — Город в Грузии, административный центр Онского района в составе региона Рача-Лечхуми и Нижняя Сванетия.

...о Беслекоеве. — Харитон Харитонович Беслекоев (1902–1943), заведующий клубом в Садоне, затем инструктор обкома партии Владикавказа. Секретарь обкома завода «Электроцинк». Арестован в 1938 г. Подробнее о нем см.: *Дзантиев И.* Эпоха погубленных судеб [Электронный ресурс] // Северная Осетия. 2009. 30 мая. № 94.

Алагир... — Село в Северной Осетии (ныне — город). Расположено на р. Ардон при выходе ее из Алагирского ущелья гор Большого Кавказа.

С. 66

Тквибульские копи... — Тквибули-Ашерское месторождение каменного угля близ селения Тквибули (ныне г. Тквибули Республики Грузия) было

открыто в середине XIX в., однако промышленная разработка угольных залежей началась лишь в 1897 г., когда была построена Тквибульская железная дорога, соединившая копи с Кутаисом.

Марелисская фабрика гнутой мебели... — Фабрика находилась в Грузии, была создана в 1927 г.

С. 67

Кутаис — Город в Грузии. Ныне — Кутаиси.

С. 68

...Алхан-Чурт... — Село в Чеченской Республике возле г. Грозного.

Дарг-кох... — Село в Кировском районе Северной Осетии.

С. 69

Елохотово. — Эльхотово (*осет.* Елхот), село в Кировском районе Северной Осетии.

Муртазово. — Железнодорожная станция Минераловодского региона Северо-Кавказской железной дороги, находящаяся в г. Терек Кабардино-Балкарской Республики.

С. 71

Дарьяльское ущелье... — Ущелье реки Терек в месте пересечения Бокового хребта Большого Кавказа, к востоку от горы Казбек, на границе России (Северной Осетии) и Грузии.

Писем от Али еще не получала. — Али (Асланбек) Абдулаевич Алмазов (1906–1966), комсомольский деятель Ингушетии; позже работник прокуратуры Чечено-Ингушетии, дважды подвергался репрессиям; в РГАЛИ хранятся его письма к О. Ф. Берггольц (Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 528). Подробнее о нем см. доклад его правнучки Ольги Нальгиевой на ежегодной научно-практической конференции «Мы познаем мир!» (г. Назрань) на сайте «LiveJournal»: <http://mirtamalh.livejournal.com/55017.html?view=391145#t391145>. Далее везде: Али, Асланбек.

...Кадзоев... — Так в тексте. Правильно: Асламбек Эльбускиевич Кодзоев (1908–?). Реабилитирован 17 июля 2000 г.

С. 72

По воде шумят колеса ~ И проводит нас до трапа... — Вариант детского стихотворения О. Ф. Берггольц «Поедем за моря» (опубл.: Чиж. 1930. № 11. С. 14).

С. 73

За высоту ж ≈ робости, дружбы, семьи... — Цит. стихотворение «Рослый стрелок, осторожный охотник...» (1928) Б.Л. Пастернака.

С. 74

Так каждому сердцу ≈ миров в изголовье. — Цит. отрывок «Из поэмы» (1917) Б.Л. Пастернака.

С. 75

...Галон. — Поселок в Алагирском районе Северной Осетии.

С. 77

...а на кукушку... — Кукушка, местного сообщения.

Это реакция от Бориса... — Б.П. Корнилов.

...от Юрия. — Юрий Николаевич Либединский (1898–1959), писатель. Один из руководителей РАПП. С 1930 по 1939 г. муж сестры О.Ф. Берггольц Марии. Далее везде: Юра, Юрка, Юрка Либ.

...ухаживать за Мусей. — Мария Федоровна Берггольц (1912–2003), актриса, младшая сестра О.Ф. Берггольц. Далее везде: Муся, Муська.

С. 78

Я скорее локоть искусаю ≈ Погибаю десять раз на дню... — Вариант неопубликованного стихотворения О.Ф. Берггольц.

С. 79

Ночь темна ≈ Не качай, брат, головой... — Вариант неопубликованного стихотворения О.Ф. Берггольц.

Но если в дверь мою ≈ не услышу... — Неточная цитата из стихотворения «Я научилась просто, мудро жить...» (1912) А.А. Ахматовой.

С. 80

В Петербурге мы ≈ раз произнесем... — Цит. стихотворение «В Петербурге мы сойдемся снова...» (1920) О.Э. Мандельштама.

Пошлю маме... — Мария Тимофеевна Берггольц (урожд. Грустилина; 1884–1957), домашняя хозяйка; окончила курсы кройки и шитья А.Л. Базаровой, подрабатывала шитьем, растила дочь О.Ф. Берггольц — Ирину.

Пятилетка в 4 года. — Пятилетние планы развития народного хозяйства, основная форма планирования социально-экономического развития страны.

Начиная с четвертого квартала 1928 г. развитие народного хозяйства СССР осуществлялось только на основе пятилетних планов. Первый пятилетний план (1928–1932) был разработан на основе Директив XV съезда ВКП(б) и утвержден V Всесоюзным съездом Советов в 1929 г. Центральной частью плана явилась его строительная программа, которая была направлена на осуществление коренных сдвигов в технике производства и его организации. Общий объем капитальных вложений за пятилетие составил 7,8 млрд руб., что в два раза больше, чем было вложено за период с 1918 по 1928 г. Подробнее об этом см.: *Котов Ф. И.* Организация планирования народного хозяйства СССР. М., 1974.

С. 81

Березин... — Сотрудник газеты «Власть труда».

...Польского. — Леонид Николаевич Польский (1907–1993), журналист, знакомый О. Ф. Берггольц. Работал в газете «За индустриализацию» (Москва, 1930–1935), во время войны эмигрировал с казаками в Италию, но затем был выдан англичанами советским войскам. Приговорен к 25 годам лагерей. После освобождения написал ряд книг об истории казачества.

Песков... — Сотрудник и автор газеты «Власть труда».

...Яроцкий... — Сотрудник и автор газеты «Власть труда».

С. 83

Играет рог ≈ В веселый полдник прочитай — Черновик неопубликованного стихотворения О. Ф. Берггольц.

С. 87

Ангушт — Ингушское название с. Тарское на юге Пригородного района Северной Осетии.

С. 88

Еще одной дорогой меньше ≈ И больше осенью одной... — Цит. поэма «Дорога» (1924) Н. С. Тихонова (о нем см. коммент. на с. 658).

С. 89

Пойдет в «Европейск<ую>»... — В советские времена бывшая гостиница «Европа» стала носить название «Европейская». В 1917 г., после Октябрьской революции, гостиница служила приютом для бездомных детей. Позднее здесь в скромных номерах проживали советские служащие,

а в блокадное время гостиница превратилась в госпиталь. Многие годы «Европейская» для жителей города являлась символом роскошной жизни.

С. 90

«Путиловец»... — Речь идет о ленинградском Кировском заводе (бывший Путиловский). В 1922–1934 гг. назывался «Красный Путиловец». Одно из крупнейших машиностроительных и металлургических предприятий СССР, специализировался на выпуске мощных сельскохозяйственных, промышленных и трелевочных тракторов. Основан в 1801 г. как казенный чугунолитейный завод, выпускавший артиллерийские снаряды. В 1868 г. инженер Николай Иванович Путилов (1820–1880) купил его и организовал производство рельсов. К концу XIX в. завод превратился в крупное металлургическое и машиностроительное предприятие России с четырьмя видами производства: металлургия, вагоно- и паровозостроение, артиллерия и судостроение. Подробнее см.: *Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А.* История Путиловского завода. 1801–1917 гг. М., 1961; *Костюченко С., Хренов И., Федоров Ю.* История Кировского завода. 1917–1945 гг. М., 1966.

С. 91

С буксиром «Правды». — «Правда», орган Центрального комитета и Петроградского комитета РСДРП(б) (2 марта — 4 июля 1917 г.), состав редакции: К. С. Еремеев, М. И. Калинин, В. М. Молотов, М. С. Ольминский. Начиная с июля 1917 г. газета выходила под названиями «Рабочий и солдат» (23 июля — 10 августа 1917), «Пролетарий» (13–24 августа 1917), «Рабочий» (25 августа — 2 сентября 1917), «Рабочий путь» (3 сентября — 26 октября 1917). С 27 октября 1917 г. газета вновь стала выходить под названием «Правда».

...Слепнев... — Николай Васильевич Слепнев (1902–1941), очеркист, литературный критик. Родился в г. Борисоглебске Тамбовской губернии. Один из первых борисоглебских комсомольцев. В 1930–1934 гг. публиковал свои материалы в ленинградском журнале «Звезда» в разделе «Библиография». Автор брошюр: «Комсомольская печать» (М., 1926), «Комсомольцам о V всесоюзной конференции ВЛКСМ» (М., 1927), «Самокритика в комсомоле» (Л., 1929). В 1938 г. редактор газеты «Смена». В 1940 г. репрессирован, в 1941 г. расстрелян.

С. 92

Завидуя Прокофьеву... — Александр Андреевич Прокофьев (1900–1971), поэт. Литературную деятельность начал в середине 1920-х гг. Автор более сотни поэтических сборников.

...похвалил Стенич... — Валентин Осипович Стенич (настоящая фамилия Сметанич; 1898–1938), поэт, переводчик Г.К. Честертона, Ж. Дюамеля, Р. Киплинга, Дж. Дос Пассоса, Дж. Джойса, Дж. Свифта, Б. Брехта. Впервые был арестован в 1931 г и освобожден два месяца спустя; затем — вторично, в ноябре 1937 г, по обвинению в «намерении убить товарища Сталина». Расстрелян в сентябре 1938 г.

Злость к Машковой... — Мария Васильевна Машкова (по мужу Марина; 1909–1998), библиограф, книговед; друг О. Ф. Берггольц и Н. С. Молчанова по ЛГУ; училась на филологическом факультете по славянскому циклу с библиотечно-библиографическим уклоном. После окончания ЛГУ в 1930 г работала в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Подробнее о ней см.: *Марина М. В.* Из блокадных записей // Публичная библиотека в годы войны 1941–1945: Дневники, воспоминания, письма, документы. СПб., 2005 (по указ.).

С. 93

...в Леногизе... — Отделение Госиздата. С 21 мая 1919 по 1924 г. — Петроградское отделение Госиздата РСФСР, со 2 февраля 1924 по 1930 г. — Ленинградское отделение Госиздата РСФСР (ЛЕНОТ-ГИЗ), с 1930 г. — Ленинградское объединение государственных книжно-журнальных издательств РСФСР (Леногиз).

Городецкая — Возможно, речь идет о Софье Марковне Городецкой, однокурснице О. Ф. Берггольц и Н. С. Молчанова по ЛГУ, впоследствии зав. массовым сектором «Дома театральных работников».

Голодец — Предположительно, однокурсница О. Ф. Берггольц и Н. С. Молчанова по ЛГУ.

Зотова — Возможно, речь идет о Клавдии Васильевне Зотовой, однокурснице О. Ф. Берггольц и Н. С. Молчанова по ЛГУ, впоследствии преподавателе.

1931 год

Мне полезно было бы вести дневник... (С. 95–96).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 330. Л. 37).

Датируется по содержанию 29 апреля 1931 г.

Запись на отдельном листе.

С. 97

...срочного отъезда в Казахстан... — После окончания университета О. Ф. Берггольц вместе с Н. С. Молчановым уехала на журналистскую практику в Казахстан.

1932 год

Ленинград. 1932 г. Берггольц (С. 101–113).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 332).

Датируется с 7 января по 5 февраля 1932 г.

Ольга Берггольц. 1932 (завершающий) (С. 113–126).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 333).

Датируется с 14 февраля по 12 апреля 1932 г.

<Между 12 и 22 апреля 1932 г.> Ну, что это? (С. 126–128, 154–155).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 1–5, разрозненные листы).

Датируется по содержанию с между 12 и 22 апреля по лето 1932 г.

Ольга Берггольц. 1932 год. Электросиловский дневник (С. 128–145).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 334).

Датируется с 29 апреля по 4 июля 1932 г.

Берггольц 1932 год (С. 145–154).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 335).

Датируется по содержанию с 27 июля по 31 августа 1932 г.

11 сент<ября> 1932 г. Ко мне никто не придет (С. 156–160).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 1–13).

Датируется с 11 сентября по 27 октября 1932 г.

Ольга Берггольц. Работа. Электросиловский дневник 1932/33 год (С. 161–165, 169, 171).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 336. Л. 1–11).

Датируется по содержанию с между 27 октября и 5 ноября по 21 декабря 1932 г.

5/XI-32 г. По разговорам — пленум Оргкомитета... (С. 164–167).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 6об., 7об., 8об., 9об., 10об., 11об., 12об.).

Датируется с 5 по 20 ноября 1932 г.

Стихи (С. 168–174).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 338. Л. 1–6, 6а).

Датируется с 28 ноября по 27 декабря 1932 г.

С. 101

Габбе — 218–88... — Телефон Тамары Григорьевны Габбе (1903–1960), писательницы, переводчицы, фольклористки, драматурга. В 1930-е гг. редактор издательства «Детская литература», возглавляемого С.Я. Маршак.

Электросиловский блокнот. — С декабря 1931 по август 1933 г. О.Ф. Берггольц работала в редакции заводской газеты «Электросила», где заведовала «молодежной страницей» газеты.

...внимание уделить «Электросиле». — Электромашиностроительный завод «Электросила» был создан в 1912 г. на базе предприятий Русского акционерного общества «Шуккерт и К^о»; с 1913 г. получил наименование завода динамомашин Русского акционерного общества «Сименс-Шуккерт». В 1922 г. переименован в Петроградский государственный динамомашиностроительный завод «Электрофикатор»; в 1924 г. — в электромашиностроительный завод «Электросила». В декабре 1934 г. заводу было присвоено имя С.М. Кирова. Специализировался на выпуске турбо- и гидрогенераторов, электродвигателей и аппаратуры для энергетики, металлургии, судостроения, тяжелого машиностроения и других отраслей промышленности (подробнее см.: Арсенал электрификации. Краткий очерк истории Ленинградского завода «Электросила» им. С.М. Кирова. Л., 1960).

...ЛАПП... — Ленинградская ассоциация пролетарских писателей, отделение Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП), объединяла литературные группы «Алые вымпела», «Смена», «Резец», «Стройка», «Красная звезда» и отдельных писателей. О. Ф. Берггольц входила в группу «Смена», из которой была исключена в апреле 1929 г. на основании того, что «ее творчество ни в какой мере не является творчеством пролетарского писателя». При этом было оговорено, что «т<ова-рищ> Берггольц может быть принята в ЛАПП вновь только через рабочий кружок» (Протокол заседания комиссии по проверке состава ЛАПП от 13 апреля 1929 г. // Из истории литературных объединений Петрограда–Ленинграда 1920–1930-х годов. Исследования и материалы. СПб., 2006. Кн. 2. С. 83).

В марте 1930 г. Берггольц была восстановлена в ЛАПП на основании личного заявления: «В Президиум ЛАПП. Заявление. Прошу восстановить меня в ЛАПП, т<ак> к<ак> считаю для себя невозможным работать в какой-либо другой организации, кроме ЛАППа. Надеюсь, что в среде ЛАППа я смогу выровнять свое творчество в подлинно пролетарском духе. Прошу прикрепить меня к рабочему кружку “Красного путиловца”. Ольга Берггольц. 12 февраля 1930 г.». 8 марта 1930 г. заявление Берггольц было рассмотрено и вынесено решение прикрепить к рабочему кружку «Красного путиловца» (Протокол заседания приемной комиссии ЛАПП от 8 марта 1930 г. // Из истории литературных объединений... С. 100).

С. 102

Додзин... — Сотрудник газеты «Электросила».

...Ураломеди. — Уральский медеэлектролитный завод, расположен в г. Верхняя Пышма Свердловской области.

...из «Смены»... — «Смена», ленинградская комсомольская газета, выходила с 1919 по 2015 г. В советское время являлась органом Петроградского губкома комсомола, затем Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ.

...с Осиповым... — Осипов, журналист газеты «Смена».

С. 103

Свободин... — Рабочий-обмотчик завода «Электросила».

...Мурашев... — Рабочий 49-го отделения завода «Электросила».

Арсурпавключ... — Псевдоним двух рабочих 48-го отделения завода «Электросила».

С. 105

Липкин, Точаров, Яковлев — Рабочие 43-го отделения завода «Электросила».

Работаю над «Глубинкой». — «Глубинка», сборник очерков, написанных в Казахстане, куда в 1930 г., окончив филологический факультет ЛГУ, О. Ф. Берггольц и Н. С. Молчанов уехали по распределению корреспондентами газеты «Советская степь». См.: Берггольц О. Глубинка // Ленинград. 1932. № 3. С. 49–65.

...задержкой «Углича»... — «Углич», первая повесть О. Ф. Берггольц, написанная в 1932 г. и основанная на автобиографическом материале, по замыслу рассказывала о детстве главной героини и «детстве» Республики Советов. Повесть нашла поддержку у М. Горького, который прислал автору доброжелательный отзыв на ее книгу. В письме к Берггольц от 25 октября 1932 г. Горький назвал свои замечания ласковым словом «трепка» и закончил письмо разговором о будущем: «...Вам необходимо взяться за дело серьезно, у Вас есть хорошие данные. Вы зорко видите, немало знаете. Но — Вам не хватает языка для того, чтоб одевать материал Ваш красиво, точно и прочно...» (Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 30. С. 263). Критик А. Бабушкина увидела в «Угличе» «путь к зрелости советской детской литературы» (Детская и юношеская литература. 1934. № 6. С. 3–4). С повести «Углич» началась дорога Берггольц к книге «Дневные звезды».

Пошехонов... — Всеволод Ефимович Пошехонов (1907–1942), сотрудник заводских газет, автор многих очерков и статей. Во время Великой Отечественной войны был в блокадном Ленинграде и погиб, видимо, при переправе через Ладожское озеро.

...«Кр<асный?> треугол<ьник?>». — Крупнейшее в стране предприятие по производству изделий из резины. Основано в С.-Петербурге в 1860 г. как «Товарищество российско-американской резиновой мануфактуры». До конца XIX в. завод был полным монополистом резинового производства в России. В 1922 г. переименован в «Красный треугольник». Коллектив завода был в числе инициаторов массового социалистического соревнования в СССР. Впервые в мире здесь в 1932 г. начали осваивать выпуск изделий из синтетического каучука.

Евсеев Ф. П. — Так в тексте. Правильно: Федор Абрамович Евсеев (1907–?), перетяжчик на фабрике «Скороход», член литературных групп «Смена», «Резец», оргсекретарь ЛАПП (май–декабрь 1931 г.), редактор газеты «Электросила» (с октября 1935 г.), член парткома завода; брат Г. А. Файвиловича, оргсекретаря ЛАПП. На партийном заседании 29 мая 1937 г.

участвовал в исключении О. Ф. Берггольц из партии. Сам же за неприятие мер по разоблачению врагов народа был выведен из состава парткома завода. Подробнее об этом в кн.: *Золотосов М.* Охота на Берггольц. СПб., 2015.

«Костры». — Речь идет о тематических сборниках, предназначенных для детей, которые О. Ф. Берггольц готовила к печати вместе с В. К. Кетлинской. Литературный консультант — С. Я. Маршак. Первый сборник целиком состоял из рассказов о героях. По мысли создателей — пионеры у костра слушают рассказы бывалых людей. Также в числе авторов: Л. Пантелеев, Н. Тихонов, Р. Васильева, А. Золотовский, Ю. Либединский, М. Зошенко и др. В 1932 г. был выпущен «Костер первый», в котором Берггольц опубликовала «Свинцовый поход: Рассказ журналистки» (М.; Л.: Молодая гвардия, 1932. С. 121–134) о свинцово-цинковом заводе под Владикавказом.

Т. Шилейко говорила, м. ч. н. и выд., Слепнев, Вишневский, Черненко, Уксусов, Витязев 83–1998к 26 Пр<оспект> 25 окт<ября>, Мирошниченко? — Фамилии авторов с адресами и телефонами. По просьбе С. Я. Маршака О. Ф. Берггольц пыталась организовать второй сборник для детей «Костры». Эта запись говорит о привлечении возможных авторов. Слепнев — подробнее о нем. см. коммент. на с. 647.

Всеволод Витальевич Вишневский (1900–1951), драматург, прозаик, журналист. В 1930-е гг. член Литфронта.

А. Черненко, литературовед, деятель ЛАПП.

Иван Ильич Уксусов (1905–1991), прозаик. С юных лет работал лесогоном, забойщиком на шахте, слесарем на заводах. Печатался с 1930 г. — в журнале «Звезда» были опубликованы его повесть «Сестры» и роман «Двадцатый век».

Дмитрий Иванович Витязев в 1930–1931 гг. публиковал очерки в ленинградском журнале «Звезда». Автор повести «Льняной океан» (Л.; М., 1931), изданной в серии «Современная пролетарско-колхозная литература», биографического очерка «Никанор Колодкин» (Л.; М., 1931) — об ударнике завода им. К. Маркса, о нем же — «Орден 67» (Л., 1932), книги очерков «Большевистская весна» (Л.; М., 1932). С очерком «Третья шагает» участвовал в литературно-художественном сборнике «Третья шагает: Бригада ЛОПКП» в серии «За большевистский сев» (Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1932).

Григорий Ильич Мирошниченко (1904–1985), участник Гражданской войны, писатель, член ЛАПП, автор повести «Юнармия», выпущенной в редакции С. Я. Маршака. В 1932 г. в журнале «Звезда» (№ 2) под рубрикой «К ис-

тории фабрик и заводов» опубликовал очерк «Начинаем большевистскую историю заводов», во втором сборнике «Костер» (1934) напечатал рассказ о детях — участниках Гражданской войны. В 1937 г. участвовал в травле «Детлита».

...Пр<оспект> 25 окт<ября>... — В 1944 г. проспекту было возвращено историческое название «Невский проспект».

...Послать к Маршаку курьера... — Самуил Яковлевич Маршак (1887–1964), поэт, переводчик, драматург. В 1924–1937 гг. руководил ленинградской редакцией детского отдела Гбсиздата (см.: Чуковская Л. К. В лаборатории редактора. 2-е изд., испр. и доп. М., 1963. С. 219–334). Заведовал литературно-репертуарной частью ТЮЗа, писал для него пьесы-сказки в стихах. О. Ф. Берггольц в «Попытке автобиографии» называла Маршака наряду с К. И. Чуковским своим первым учителем (*Берггольц О. Собр. соч.: В 3 т. Л., 1988. Т. 1. С. 39*).

...письма Безыменскому.. — Александр Ильич Безыменский (1898–1973), поэт. Участник Октябрьской революции в Петрограде. Член ЦК РКСМ первого созыва. В 1923–1926 гг. активный участник РАПП, сотрудник журнала «На посту». Принадлежал к комсомольским поэтам 1920-х гг.

...Б. Иллешу — Бела Иллеш (1895–1974), венгерский писатель; секретарь Международного объединения революционных писателей (МОРП). Входил в РАПП. Написал роман о борьбе за Венгерскую советскую республику в 1919 г. «Тисса горит» (1929–1933).

...Исправлять «Уд<арный> горизонт»... — Статья О. Ф. Берггольц с таким названием не обнаружена.

С. 106

От Л<еши> ничего нет. — Леопольд Леонидович Авербах (1903–1937), литературный критик. С 1926 по 1932 г. генеральный секретарь ВАПП, с 1928 г. — РАПП, редактор журнала «На литературном посту». О. Ф. Берггольц познакомилась с Авербахом на пленуме РАПП в 1931 г. Подробнее см.: Громова Н. А. Роль Леопольда Авербаха в судьбе Ольги Берггольц (1931–1937) // «Так хочется мир обнять»: О. Ф. Берггольц. Исследования и публикации: К 100-летию со дня рождения. СПб., 2011. С. 79–89. Далее везде: Леша, Лешка.

На Шипке спокойно. — Крылатое выражение; название трех объединенных сюжетом картин Василия Васильевича Верещагина (1842–1904), изображающих трагическую гибель русского солдата на Шипкинском горном перевале во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Название картин взято художником из официальных донесений генерала Ф. Ф. Радецкого,

писавшего о том, что «на Шипке все спокойно», в то время, когда его сравнительно небольшой отряд чуть не попал в окружение. Это выражение стало употребляться иронически по адресу тех, кто приукрашивает невыгодное или опасное положение.

...Гинзбур и Светлов ничего не сделали... — Предположительно, И. Л. Гринберг, М. А. Светлов. Иосиф Львович Гринберг (1906–1983), критик, автор статей об О. Ф. Берггольц, в том числе одной из первых — «Свой путь. О стихах О. Берггольц» (Юный пролетарий. 1933. № 18. С. 12–13). Гринбергу Берггольц посвятила стихотворение «Семья» (1933). Далее везде: Юзька.

С поэтом и драматургом Михаилом Аркадьевичем Светловым (1903–1964) О. Ф. Берггольц связывала многолетняя дружба.

Разговор с Кисляк... — Анастасия Даниловна Кисляк, член Кировского райсовета.

...культпроп... — Отдел культуры и пропаганды при партийных и советских органах.

...«спасать Электросилу» по линии истории заводов. — Предложение М. Горького о создании истории фабрик и заводов было одобрено постановлением ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 г. Было образовано государственное издательство «История заводов», а М. Горький стал одним из главных руководителей его политической редакции и редакционного совета. К работе над созданием истории фабрик и заводов были привлечены писатели и рабочие многочисленных заводов и фабрик. Для этой серии О. Ф. Берггольц работала над историей завода «Электросила» (подробнее о «Истории фабрик и заводов» см.: М. Горький и создание истории фабрик и заводов. Сборник документов и материалов в помощь работающим над историей фабрик и заводов СССР / Сост. Л. М. Зак, С. С. Зина. М., 1959).

С. 107

...напостовских установок... — Речь идет о группе писателей, объединившихся вокруг журнала «На посту», существовавшего в первые годы советской власти. «Напостовцы» оценивали произведения искусства с точки зрения их идейного содержания, отводя второстепенную роль профессиональному мастерству и эстетическим особенностям произведения.

...и доклад комакадемии... — Коммунистическая академия, высшее учебное и научно-исследовательское учреждение по общественным и естественным наукам, была организована в Москве Декретом ВЦИК РСФСР от 25 июня 1918 г. (под названием «Социалистическая академия обще-

ственных наук»). Первые студенты приступили к занятиям 1 октября 1918 г. С 17 апреля 1924 г. была переименована и стала называться Коммунистической академией; в декабре 1929 г. образовано Ленинградское отделение Коммунистической академии. В состав Комакадемии входили научные институты: философии, истории, литературы, искусства и языка, современного строительства и права, мирового хозяйства и мировой политики, экономики, аграрный, естествознания, ряд секций и комиссий по специальным проблемам и вопросам. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 февраля 1936 г. Комакадемия была ликвидирована, а ее функции переданы Академии наук СССР.

...Бродский бюрократ лаповский!.. — Николай Леонтьевич Бродский (1881–1951), литературовед. Автор пособий по литературе для средней школы.

С. 108

...лучше меньше, но лучше. — Так в тексте. Правильно: «Лучше меньше, да лучше», одна из последних работ В.И. Ленина, написанная 2 марта 1923 г.; является продолжением статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин». Впервые опубликовано: Правда. 1923. 4 марта. № 49.

С. 109

Козина... — Козин, сотрудник газеты «Электросила».

Бахтина... — Валентин Бахтин, комсомольский активист завода «Электросила».

С. 110

...ДИП и качество... — Речь идет о социалистическом соревновании под девизом «Догнать и перегнать» (ДиП).

Выборгский район... — Исторический район Ленинграда; известен с мая 1781 г., когда острова и стороны города стали первыми официальными административными единицами (подробнее см.: *Глезеров С. Исторические районы Петербурга. От А до Я. М.; СПб., 2010. С. 57–64.*)

...Дмитроченко — Иван Тарасович Дмитроченко (1904–1941), писатель; с 1931 г. ответственный секретарь ГИХЛ.

...Светлана — Завод по производству электроламп. Основатель — Яков Моисеевич Айваз. Возник сначала как отделение на машиностроительном акционерном обществе «Я.М. Айваз» для производства разного рода машин и технических изделий. После получения крупного государственного заказа был построен завод на Выборгской стороне С.-Петербурга. В него входило и отделение по производству электроламп «Светлана»

(название является аббревиатурой от «СВЕТовые Лампы Накаливания»). В 1914 г. была выпущена первая электрическая лампочка, на которой отмаркировали товарный знак «Светлана». В 1918 г. завод «Айваз» был национализирован, а в 1920-м были созданы два отдельных завода: машиностроительный завод № 1 и завод «Светлана» по производству ламп накаливания. В 1928 г. завод «Светлана» был объединен с Ленинградским электровакуумным заводом, выпускавшим усилительные и генераторные лампы и рентгеновские трубки, и стал называться «Электровакуумный завод “Светлана”». Производил приемно-усилительные и генераторные лампы.

...зав<од> Сталин<а?> — Турбина — Ленинградский металлический завод им. И. В. Сталина был создан на базе С.-Петербургского металлического завода, основанного в 1857 г. купцом Сергеем Нефедьевичем Растеряевым. В 1930-е гг. на заводе были изготовлены первые три паровые турбины мощностью 3000 кВт каждая.

...Русский Дизель — Машиностроительный завод был основан в 1862 г. шведским промышленником, конструктором станков Людвигом Нобелем (1831–1888). В июне 1919 г. завод был переименован в «Завод среднего машиностроения № 7»; с октября 1921 г. — Государственный машиностроительный завод «Русский дизель».

...«Кр<асная?> заря»... — Завод «Эрикссон» был основан в 1897 г. шведским предпринимателем и изобретателем Ларсом Магнусом Эрикссоном (1846–1926). В октябре 1922 г. после национализации переименован в «Петроградский телефонный завод “Красная заря”».

...«Кр<асный> выборжец» — Завод по обработке цветных металлов был основан в 1857 г. За время своего существования сменил много владельцев; до 1917 г. назывался «Бывший Розенкранц» и выпускал прокат из меди и латуни. После Октябрьской революции завод был реконструирован и расширен. 15 марта 1929 г. в трубном цехе по инициативе рабочего М. Е. Путина был заключен первый в стране договор о социалистическом соревновании (подробнее см.: Столетие 1857–1957. К юбилею завода «Красный Выборжец». Л., 1957).

...Энгельс... — Машиностроительный завод № 1 (впоследствии завод им. Ф. Энгельса). Основан Я. М. Айвазом и входил в акционерное общество «Айваз». Самостоятельным государственным машиностроительным заводом № 1 стал в 1920 г. Также см. выше коммент. о заводе «Светлана».

С. 111

...**Свердлова** — Чугунно-меднолитейный и механический завод «Феникс» был основан в 1868 г. в С.-Петербурге английским предпринимателем Джеймсом Мюрредом. С 1922 г. станкостроительный завод «Свердлов».

...к **Евсееву...** — Ф.А. Евсеев.

...**Гайццоки...** — Соломон Самуилович Гайццоки (1903–1938), партийный деятель. Член ВКП(б) с 1920 г., 2-й секретарь Выборгского райкома ВКП(б) в г. Ленинграде, 1-й секретарь Островского райкома ВКП(б) Ленинградской области в 1934–1936 гг., председатель Промсовета Казахской ССР. Арестован 19 октября 1937 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Ленинграде 19 февраля 1938 г. приговорен по ст. 58–7–11 УК РСФСР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

П. Смородин — Петр Иванович Смородин (1897–1939), один из организаторов и первых руководителей комсомола; член ВКП(б) с мая 1917 г. В 1920–1921 гг. секретарь Петроградского комитета РКСМ. С 1921 г. 1-й секретарь ЦК РКСМ. С 1924 по 1928 г. учился в Комакадемии. С 1928 г. на партийной работе в Ленинграде. В 1928–1937 гг. заведующий организационным отделом, секретарь различных райкомов в Ленинграде, с 1937 г. 2-й секретарь Ленинградского обкома ВКП(б); с августа 1937 г. 1-й секретарь Сталинградского обкома ВКП(б). Арестован 22 июня 1938 г., расстрелян 25 февраля 1939 г.

Тютиков Соболев Сорокин Румянцев Жив Скорынько Лысаков Данилов Ликов — Деятели комсомола, члены редакционной коллегии при юбилейной комиссии ВЛКСМ.

Для профессий — По всей видимости, О.Ф. Берггольц хотела предложить разным писателям написать истории различных профессий для юбилейной книги о комсомоле. Скорее всего, замысел успехом так и не увенчался.

...**Тихонов...** — Николай Семенович Тихонов (1896–1979), поэт, прозаик. В 1920 г. состоял в группе «Серрапионовы братья». К 1928 г. автор восьми поэтических и прозаических книг, в том числе поэтических сборников «Орда: Стихи. 1920–1921» (Пб., 1922) и «Брага: Вторая книга стихов. 1921–1922» (М.; Пб., 1922). В 1935 г. Тихонов объехал несколько стран Европы, написал сборник стихов «Тень друга» (1936). С О.Ф. Берггольц Тихонова связывали дружеские отношения. Был редактором ее первой поэтической книги «Стихотворения» (Л., 1934).

...**Слонимский...** — Михаил Леонидович Слонимский (1897–1972), писатель. В 1920-е гг. член литературной группы «Серрапионовы братья».

...**Берггольц — чумогоны** — Предположительно, речь идет о замысле повести для детей «Пимокаты с Алтайских». Подробнее о повести см. коммент. на с. 667.

- ...Семин...** — Федор Яковлевич Семин (1884–1942), писатель, создававший произведения из жизни казачества. В Ленинграде с 1930 г. Занимался лекторской работой, переводами, преподавал на курсах повышения квалификации инженерно-технических работников.
- ...Котов — текстильщик** — Анатолий Константинович Котов (1909–1956), писатель.
- ...Павленков...** — Скорее всего, речь идет о Петре Андреевиче Павленко (1899–1951), писателе, сценаристе и журналисте.
- ...Золотовский — водолазы** — Константин Дмитриевич Золотовский (1904–?), писатель. В 1923 г. по комсомольской путевке пошел в Военно-морской флот; окончил водолазную школу. Служил на линкоре «Парижская коммуна». Предположительно, речь идет о работе над книгой «Подводные мастера: Повесть о водолазах» (1933).
- ...Горбунов...** — Кузьма Яковлевич Горбунов (1903–1986), писатель. Получил известность благодаря роману «Ледолом», изданному в 1929 г. и посвященному теме классово-борьбы в деревне. В числе других писателей Горбунов совершил поездку на строительство Беломорско-Балтийского канала в 1933 г.

С. 112

- Капица** — Петр Иосифович Капица (1909–1998), писатель. В 1929–1934 гг. ответственный редактор журнала «Юный пролетарий».
- ...Дзержинский...** — Феликс Эдмундович Дзержинский (1877–1926), первый председатель ВЧК (с 1922 г. ГПУ), с 1924 г. председатель ВСНХ СССР.
- ...Римский папа...** — Предположительно, речь идет о римском папе Пии XI (1857–1939), провозгласившем в 1930 г. «крестовый поход» против советской власти.

С. 113

- ...прислать юнкоры в рейд.** — Юнкоры, юные корреспонденты из числа школьников старшего возраста или учащихся ремесленных училищ.
- Бондаренко... Липовцев Гурович... Курочкин Бурцев... Назаренко, Бреусова... Богданов, Вуколова...** — Юные корреспонденты газеты «Электросила».
- 1932 (завершающий)** — Так назывался последний год первой пятилетки.
- Троицкая 7, кв. 30** — Домашний адрес, по которому проживали О. Ф. Берггольц и Н. С. Молчанов. Улица называлась Троицкой с 1887 по 1929 г. из-за близости подворья Троице-Сергиевой лавры. В 1930 г. была переименована в улицу Рубинштейна, в память композитора Антона Григорьевича Рубинштейна (1829–1894). Дом, в котором жила Берггольц, официаль-

но назывался «Дом-коммуна инженеров и писателей», был построен в 1929–1931 гг. по проекту архитекторов А. А. Оля, К. А. Иванова, А. И. Ладинского (подробнее см.: Берггольц О. Дневные звезды. М., 2000. С. 46–48). Между собой жители дома называли его «слеза социализма»; писатель А. Штейн вспоминал: «Сергей Миронович Киров заметил как-то, проезжая по нашей улице им. Рубинштейна, что “слезу социализма” следует заключить в стеклянный колпак, дабы она, во-первых, не развалилась, и дабы, во-вторых, при коммунизме видели, как не надо строить. Название родилось, очевидно, и по прямой ассоциации: дом протекал изнутри и был весь в подтеках снаружи по всему фасаду» (Штейн А. Непридуманное... М., 1985. С. 202).

С. 114

...Система Лейбова... — Инициатива инженера Леона Ильича Лейбова. Предложенная им «система состояла из следующих пунктов: 1) целесообразная организация производства, 2) принципы построения и проведения всей работы на основе рационализации, 3) применения изобретенных им же приборов для наибо́льшего быстрого определения наивыгоднейшего для каждой работы при наличии оборудования станка, наивыгоднейшего положения (скорость) и наилучшего режима работы... правильной расстановки сил, учета, предупреждения брака» (Электросила. 1932. 8 января). В первые месяцы 1932 г. об этом много писалось в газете «Электросила». Например, 8 января — «Обсуждение вопроса о возможности применения на заводе “Электросила” системы организации и планирования производства инженера Лейбова», 30 января — огромная, на весь лист статья «Дорогу системе», 6 февраля — «О необходимости применения системы Лейбова», 10 февраля — «Будем работать по системе Лейбова!» Л. И. Лейбов умер в блокаду в феврале 1942 г. Похоронен на Серафимовском кладбище.

...показывала вырезку, где «Электрик» вызывает «Электросилу»... — Начало завода «Электрик» относится к 1890-м гг., когда им владел купец Бетлинг. С апреля 1901 г. заводом руководило акционерное общество «Дюфлон, Константинович и Ко», или «ДЕКА». Он стал первенцем электротехнической промышленности в С.-Петербурге. Основной продукцией завода до революции было электрооборудование для русского Военно-морского флота. В 1919 г. завод национализировали. В 1920 г. он назывался «Электросила № 7», с ноября 1922 г. — Петроградским электромашиностроительным заводом «Электрик». С 1930 г. определилась новая спе-

циализация завода — изготовление электросварочных аппаратов. Он стал поставщиком электросварочного оборудования для страны. Скорее всего, идет речь о социалистическом соревновании между двумя родственными заводами.

Через несколько дней Николай уезжает. — По рекомендации ЛАПП Н. С. Молчанов был призван в армию; служил на границе в Средней Азии, в Мерве и Кушке.

...Детск<ое> село... — Пригород Ленинграда, в 24 км от центра города. До 1918 г. — Царское Село, в 1918–1937 гг. — Детское Село, с 1937 г. — г. Пушкин. В настоящее время входит в состав Пушкинского района С.-Петербурга.

С. 115

...исключили из Союза Кольку. — Предположительно, речь идет об исключении Н. С. Молчанова из состава ЛАПП.

...Тимоши... — Тимоша, домашнее прозвище Надежды Алексеевны Пешковой (урожд. Введенской; 1900–1971), художницы, жены М. А. Пешкова, сына М. Горького.

...Цеце... — Прозвище Елизаветы Захаровны Крючковой (1899–1937), жены П. П. Крюкова, литературного секретаря М. Горького.

...Мишкины истерики... — Михаил Федорович Чумандрин (1905–1940), прозаик. Редактор журнала «Ленинград» (1930–1931), член правления ЛАПП, участник травли Е. И. Замятина в 1929 г. Автор романа «Фабрика Рабле» (Л., 1928), книги очерков (1931, 1933), автобиографического романа «Год рождения 1905» (1935), пьес и др. Погиб на советско-финской войне. Далее везде: Миша, Мишка.

...от РАППа, как организационной единицы... — Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) действовала в составе ВАПП; организационно оформилась в 1928 г. Возглавлял РАПП Л. Л. Авербах. Также см.: Быстрова О. В., Кутейникова А. А. О времени создания Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) // Текстологический вестник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения / Отв. ред. Н. В. Корниенко. М., 2009. С. 616–623.

С. 116

Что-то скажет Еф<им> Добин о «Глубинке». — Ефим Семенович Добин (1901–1977), критик, литературовед; редактор журнала «Пионер», основатель и первый редактор журнала «Знание — сила». Позднее перешел в редакцию журнала «Литературная учеба». В конце 1930-х гг. был главным

редактором газеты «Литературный Ленинград»; пригласил О. Ф. Берггольц к сотрудничеству в этом издании. Сведения о статье Добина, посвященной сборнику «Глубинка», не разысканы.

...Юрий... — Ю. Н. Либединский.

...«За коллективизацию». — Газета «За коллективизацию» (Алма-Ата). Орган Крайкома ВКП(б) Наркомзема. Выходила в 1931 г.

...из «Молодой гвардии». — Из отдела детской литературы журнала «Молодая гвардия», с которым сотрудничала О. Ф. Берггольц.

ЛАПП ≈ до сих пор не восстановили... — Подробнее об отношениях О. Ф. Берггольц и ЛАПП см. коммент. на с. 651.

У Лешки рекомендации... — Л. Л. Авербах.

С. 117

...Шефство над «Днепром»... — Речь идет о шефстве над заказом для Днепрогэс. Днепрогэс СССР закупил в США турбины и пять генераторов для строительства электростанции, шестой генератор сделали специалисты завода «Электросила». Молодежные контрольные посты завода «Электросила» следили за своевременным и качественным выполнением заказов.

...Военная работа (эсминец «Войков»)... — 10 января 1932 г. в газете «Электросила» вышла статья, подписанная секретарем комсомольской организации эсминца «Войков» Козловым «Ваша шефская работа должна нам помочь»: «Товарищи шефы, краснофлотский привет от ваших подшефников — краснофлотцев эсминца “Войков”... Товарищи шефы... мы со своей стороны обязуемся помочь вам в деле военизации. С тов<ар>ищеским> приветом ваши подшефники. Секр. комс. орг. Козлов».

Надо выискать энтузиастов, чтоб помогли (Труханов, Соснер, Воингартен, Ковалевский, Векшин, Берлин, Казарновский, Брискин, Чапельников, Павлов, Бочаров, Димнис <?>, Забежанский, Косьбо, Хайкинд, Лалин. — Векшин, настройщик 82-го отделения завода «Электросила», кандидат партии.

Михаил Петрович Казарновский (1911–1990), бригадир сварщиков завода «Электросила», участник гражданской войны в Испании и Великой Отечественной войны, потом редактор издательства «Наука». Подробнее о нем см.: Ленинградский альбом [Электронный ресурс]. URL: <http://sport.baltinfo.ru/person/one/693>.

Забежанский, бригадир строгальщиков, комсомолец-рационализатор, инициатор перевода бригад на хозрасчет.

Косьбо, редактор стенгазеты 62-го отделения завода «Электросила».
Брискин, Векшин, Чапельников — участники рейда «За высокое качество марксистско-ленинской учебы».

С. 118

Очень тяжело было его провожать... — Накануне отъезда Н. С. Молчанова 2 марта 1932 г. произошли фактический развод О. Ф. Берггольц с Б. П. Корниловым и одновременная регистрация с Молчановым (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 1070). В письме к сестре Берггольц сообщала: «Милая Мария. Сейчас пишу тебе не из вполне обычного места — из ЗАГСа... события, потрясающие жизнь, должны произойти сейчас. Мой развод с Борисом и свадьба с Николаем. Он уезжает через 3 дня, и возможно, что если у него будет документ о женитьбе и удостоверение, что я беременна, ему дадут отсрочку... А может и не дадут. Тогда я останусь одна» (цит. по: «Я хочу жизни — много, много...»: Дневник О. Ф. Берггольц 1928–1930 годов: К юбилею О. Ф. Берггольц / Публ. Н. А. Прозоровой // Русская литература. 2010. № 2. С. 135–177).

Потом — «Силос»... — Замысел повести О. Ф. Берггольц; не был реализован.

...«Застава»... — Роман «Застава» не был завершен О. Ф. Берггольц; в РГАЛИ хранятся его первая часть, машинописный текст с правкой автора, а также тетради с записями к роману (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 203, 394–398, 400).

...«Соль земли»... — Замысел повести О. Ф. Берггольц; не был реализован.

...на Днепрострой съездить. — Речь идет о строительстве гидроэлектростанции им. В. И. Ленина на р. Днепр (Днепрогэс). Строительство было начато в 1927 г., первый агрегат пущен в мае 1932 г., торжественное открытие состоялось 10 октября 1932 г. Строительство Днепрогэс стало школой для советских гидроэнергетиков. На основе дешевой электроэнергии был создан Запорожский промышленный комплекс.

Сегодняшняя передовая в «Известиях» ~ угроза реальна, как никогда. — «Известия», общественно-политическая ежедневная газета, учрежденная в марте 1917 г. С 14 июля 1923 г. — орган ЦИК СССР и ВЦИК. С 26 января 1938 г. газета выходила под названием «Известия Советов депутатов трудящихся СССР». Первыми редакторами «Известий» были Ю. М. Стеклов, И. И. Скворцов-Степанов, М. А. Савельев, Н. И. Бухарин.

В газете «Известия» за 2 марта 1932 г. была опубликована передовая на тему: «Вооруженное выступление финских фашистов» со ссылками на зарубежные газеты.

С. 119

Взять хотя бы дело с Хармсом и Введенским. — Поэты Даниил Иванович Хармс (настоящая фамилия Ювачев; 1905–1942) и Александр Иванович Введенский (1904–1941), члены литературной группы «Обэриу». В конце 1931 г. против членов этой группы было возбуждено уголовное дело (подробнее см.: «Сборище друзей, оставленных судьбою»: Л. Липавский, А. Введенский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 519–573). Хармс был обвинен по ст. 58–10 УК, и в качестве наказания ему было назначено три года в концлагере, которые были заменены на ссылку; Введенский был обвинен по той же статье, и ему была определена ссылка. И тот и другой отбывали наказание в Курске.

В статье «Книга, которую разоблачили» (Наступление. 1932. 16 марта. № 2; 22 марта. № 3) О. Ф. Берггольц писала: «...основное в Хармсе и Введенском — это доведенная до абсурда, оторванная от всякой жизненной практики тематика, уводящая ребенка от действительности, усыпляющая классовое сознание ребенка. Совершенно ясно, что в наших условиях обостренно классовой борьбы — это классово-враждебная, контрреволюционная пропаганда» (16 марта. № 2. С. 2).

...читала заключение в П.П. — ПП ОГПУ, Полномочное представительство ОГПУ. В его заключении, в частности, говорилось, что им «ликвидирована антисоветская группа литераторов в детском секторе издательства “Молодая гвардия” (б. детский отдел Леногиза)». Подробнее см.: <http://vakin.livejournal.com/1132614.html>.

Политредактор снял «Гектар обороны» в «Звезде». — Стихотворение О. Ф. Берггольц с таким названием опубликовано не было.

«Звезда», литературно-общественный и научно-популярный журнал; с 1926 г. литературно-общественный журнал (Петроград–Ленинград–С.-Петербург, 1924 г. — настоящее время). Первый редактор — И. М. Майский.

...стихов на военные темы — Бориса Корнилова... — Речь идет о стихах: Корнилов Б. Из путевых заметок: (Баку; Оккупация Баку в 1918 г.; Баллада об оккупанте Билле Окинсе; Англия) // Звезда. 1931. № 6. С. 91.

С. 120

Позвонила Лебедеву... — Владимир Васильевич Лебедев (1891–1967), художник, график, карикатурист; в 1930 г. иллюстрировал детскую книжку О. Ф. Берггольц «Зима — лето — попугай» (Л.: ГИЗ, 1930). Об их отношениях см.: «Я хочу жизни — много, много...»; Дневник О. Ф. Берггольц 1928–1930 го-

дов / Публ. Н.А. Прозоровой // Борис Корнилов: «Я буду жить до старости, до славы...». СПб., 2012. С. 323–324.

...к телефону Мар<ию> Конст<антиновну>. — Мария Константиновна Тихонова (урожд. Неслуховская; 1891–1975), жена Н.С. Тихонова. Дом Тихоновых на Зверинской улице (д. 2) был одним из литературных центров Ленинграда 1920–1930-х гг. (об этом см.: Хренков Д. Т. Николай Тихонов в Ленинграде. Л., 1984. С. 34–41).

...Ваньки пришли. — Предположительно, коллеги, с которыми О.Ф. Берггольц и Н.С. Молчанов были вместе в Казахстане.

С. 121

Выполнение заказов Б<ольшого?> Днепра, Свири, Невдубстр<оя>. — На заводе «Электросила» производились генераторы для электростанций, в том числе и оборудование для ГЭС — Днепрогэс, Верхней и Нижней Свирской ГЭС, ГРЭС № 8 (Дубровской).

С. 122

...Володька Сталев... — Владимир Сталев, секретарь заводского комитета комсомола.
...к Маруське Чум<андриной?>... — Предположительно, Мария Александровна Чумандрина, жена М.Ф. Чумандрина.

С. 123

...звонил Салтанову... — Сергей Александрович Салтанов (1904–1937), 1-й секретарь Выкусинского уездного комитета РКСМ; с 1927 г. в ЦК ВЛКСМ; с 1929 г. 2-й секретарь ЦК ВЛКСМ. Расстрелян 27 ноября 1937 г.

...призыв ударников... — В день годовщины опубликования статьи В.И. Ленина «Как организовать соревнование», 20 января 1930 г., секретариат ВЦСПС вынес постановление о проведении совместного с ЦК ВЛКСМ ленинского набора ударников. На следующий день, 21 января 1930 г., в центральной прессе было опубликовано Обращение ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ ко всем рабочим СССР о ленинском призыве в ударные бригады.

...посоветуюсь с Федоровой. — Скорее всего, речь идет о сотруднице Московского райсовета.

С. 124

В мае еду на Днепрострой. — Завод «Электросила» производил турбины для гидроэлектростанций, и О.Ф. Берггольц ездила на Днепрострой как корреспондент заводской многотиражки.

Дать индивидуальные задания по истории комсомола — Храпову, Дмитриеву, Пантелееву, Карпову, Степанову, Дарьшевскому, — нажать Парье-Ильину... — Авторская бригада, работавшая над историей комсомола завода «Электросила».

Добратся до Шамрея <?>, Якобсона, Чижова, Перова. — Авторская бригада, работавшая над историей комсомола завода «Электросила».

Договориться с Якиманск<им> насчет 6-ого. — Якиманский, секретарь партчейки завода «Электросила».

С. 125

...иду к Молчановым... — Речь идет о семье Н. С. Молчанова: мать Мария Гордеевна Молчанова (урожд. Сысоева; 1877–1963); сестры Виктория (?–1978) и Ольга (1902–1971); брат Владимир (1911–1991). Отец Степан Николаевич Молчанов погиб в железнодорожной катастрофе в 1917 г.

...бумажка от Кольки, где он пишет о «происках некоего Авербаха»... — 6 ноября 1931 г. Н. С. Молчанов писал О. Ф. Берггольц: «...нам организовали разлуку... черт бы побрал всех Авербахов с их телефонными ходатайствами в ЦК...» (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 788. Л. 35). Молчанов считал, что Л. Л. Авербах умышленно держал его вдали от Ленинграда: он служил в Казахстане по рекомендации РАПП. 4 апреля 1932 г. Берггольц писала мужу: «...немножко подивило меня письмо твое в ЛАПП, которое я прочитала сегодня, вернее, только сейчас. Не стоило, Колька, так писать об Авербахе, ведь ребята знают обо всей истории со мной, и это прозвучало как-то нехорошо...» (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 506. Л. 3).

С. 126

...пойти на «Онегина» сегодня. — Имеется в виду опера П. И. Чайковского «Евгений Онегин».

Ольга наверняка дома... — Возможно, речь идет об О. С. Молчановой.

С. 127

Вот и любви ≈ Владим Владимыч... — Цит. стихотворение «Юбилейное» (1924) В. В. Маяковского.

...был влюблен в Ирину М<олчанову>... — Ирина Молчанова, прежняя любовь Н. С. Молчанова.

Но как убежать ≈ старинные плиты? — Неточная цитата из стихотворения «Марбург» (1916, 1928) Б. Л. Пастернака. Ср.: «Да и оторвусь ли от газа, от касс...»

С. 128

- ...Карфаген все еще не разрушен?..** — Словами «Карфаген должен быть разрушен» заканчивал каждую свою речь в сенате римский государственный деятель, непримиримый враг Карфагена Катон Старший (234–149 до н. э.).
- ...«который которого наиграт...»** — Старинное выражение, смысл которого — кто кого.

С. 129

- Будет книга о молодежном цехе.** — Такой книги О. Ф. Берггольц не написала, но в 1933 г. вышло стихотворение-песня «Молодежный цех» (впервые: Звезда. 1933. № 8), написанное на размер «Песни о встречном» Б. П. Корнилова (эта песня на музыку Д. Шостаковича из фильма «Встречный» (1932) стала впоследствии одной из самых популярных в стране).
- ...видно на «Пимокатах».** — Речь идет о работе над повестью для детей «Пимокаты с Алтайских» (сюжет повести О. Ф. Берггольц и Н. С. Молчанова). Это история двух трудовых школ им. Песталоцци, в которых учились дети нэпманов и дети кустарей и шубников (т. е. пимокатов) с Алтайских улиц. Школы находились в одном здании, и между учащимися шла настоящая классовая война, часто выливавшаяся в потасовки и драки. Отрывок из повести под названием «Пимокаты и Песталоццы» Берггольц опубликовала в журнале «Еж» (1933. № 12. С. 17–23); отдельное издание вышло в 1934 г.
- ...на «проспекте Шibaкина»...** — Одна из магистралей завода «Электросила», названная в честь директора Харьковского турбогенераторного завода Василия Алексеевича Шibaкина.
- ...с Козовским.** — Ефим Козовский, инженер завода «Электросила».

С. 130

- ...17 партконференция.** — XVII всесоюзная конференция ВКП(б) проходила в Москве с 30 января по 4 февраля 1932 г. На ней было решено завершить техническую реконструкцию всего народного хозяйства.
- ...Кулеву...** — Кулев, рабочий завода «Электросила».
- Постановление оргбюро — и оргкомитета.** — Речь идет о постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по выполнению Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) “О перестройке литературно-художественных организаций”» от 7 мая 1932 г. Одним из пунктов этого перечня практических мероприятий было утверждение Организационного комитета Союза советских писателей (по РСФСР), которому передавалась вся полнота

власти в решении будущего союза писателей. Был утвержден состав, в количестве 24 человек: М. Горький (почетный председатель), И. Гронский (председатель союза и секретарь фракции), В. Кирпотин (секретарь союза), А. Фадеев, Ф. Панферов, В. Киршон, П. Павленко, А. Серафимович, П. Замоиский, В. Ставский, Ф. Березовский, И. Жига, В. Билль-Белоцерковский, М. Чумандрин, В. Бахметьев, А. Безыменский, К. Федин, Н. Тихонов, А. Малышкин, Н. Асеев, Вс. Иванов, Л. Сейфуллина, Л. Леонов и М. Слонимский. Этот состав был предложен Президиуму Оргкомитета для рассмотрения и утверждения, о чем сообщала «Литературная газета» 19 мая 1932 г. Состав Всесоюзного Оргкомитета ССП был опубликован в «Литературной газете» 23 августа 1932 г.

Удаление Лешки из литературы. — Л. Л. Авербах был снят с должности руководителя РАПП, с редактирования журнала «На литературном посту»; единственная должность, которая была ему оставлена, — член редколлегии «Литературного наследства». Правда, М. Горький все-таки сумел добиться его включения в Оргкомитет (об этом см.: Горький и Л. Авербах: Неизвестная переписка / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. В. Быстровой // Горький и его корреспонденты. М., 2005. Вып. 7. С. 574).

С. 133

Плеханова (ныне — ул. Казанская) д. 42 кв. 29 с черного хода Напивочникова. — На улице Плеханова, д. 42 (правда, в кв. 3, но, может быть, так «с черного хода»?) жила Елена Парфирьевна Напивочникова (1878–1942).

Пришел Невинский... — Владислав Невинский, активист парткома завода «Электросила».

...бригаде Руадзе... — Руадзе, бригадир рабочих завода «Электросила».

...Розов... — Секретарь комсомола 94-го отделения завода «Электросила».

...Чухарев. — Рабочий завода «Электросила».

...статор Свири... — На заводе «Электросила» производили статоры для ГЭС, расположенной на р. Свирь.

С. 134

Козин... — Рабочий завода «Электросила».

...Сашка зол на меня... — Предположительно, Александр Петрович Штейн (1903–1993), драматург. Член правления РАПП, сотрудник газеты «Ленинградская правда». Сосед О. Ф. Берггольц по дому на улице Рубинштейна («Слезе»). Далее везде: Саша, Сашка, Шурка.

Да, но зачем же ≈ как стрела? — Неточная цитата из стихотворения «Матери» (1908) В. Ф. Ходасевича. Ср.: «Да, но за что же вся жизнь...»

С. 135

...в ГИЗ. — Первое крупное советское издательство. Создано в Москве в 1919 г. (Постановление ВЦИК от 20 мая 1919 г.) по инициативе А. В. Луначарского. Первым руководителем Госиздата был В. В. Воровский, в 1921–1924 гг. — О. Ю. Шмидт, с 1927-го — А. Б. Халатов. В 1930 г. Госиздат был ликвидирован, а на его основе было создано Объединение государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ), в состав которого входило 16 издательств

...поеду на Беломорканал. — Беломорско-Балтийский канал, объект строительства первой пятилетки (1929–1932), соединивший Белое море с Онежским озером. Строительство началось в конце 1930 г., работы были закончены за 20 месяцев. Общая длина канала составляет 227 км, из них 37 км — искусственные пути. Постановление СНК СССР «Об открытии Беломорско-Балтийского канала» было принято 2 августа 1933 г. На Беломорканал О. Ф. Берггольц не поехала.

С. 136

...ГОЭЛРО... — Государственный план по электрификации народного хозяйства, разработанный в 1920 г. по заданию и под руководством В. И. Ленина.

С. 137

...Цапуля... — Сотрудник многотиражной заводской газеты «Электросила».

...вызывал к себе Касимов... — Юсуф Ибад Оглы Касимов (1896–1957), партийный деятель; в 1922–1924 гг. секретарь Сабунчинского райкома партии Азербайджана, в 1924–1927 гг. заведующий организационно-инструкторским отделом республиканского бюро АКП(б). С конца 1920-х гг. был партийным секретарем завода «Электросила». Арестован 22 июня 1937 г. Провел в лагерях более 18 лет.

Молодец Юсуф! — Юсуф Касимов.

...была у трамцев. — Театр рабочей молодежи (ТРАМ), возник как самостоятельный театр в середине 1920-х гг. во многих крупных рабочих центрах — Москве, Ленинграде, Баку, Харькове, Перми и др. Заинителем трамвского движения считается ленинградский Театр рабочей молодежи, открывшийся в 1925 г. пьесой «Сашка Чумовой» А. Н. Горбенко. Организатором, руководителем и главным режиссером был М. В. Соколовский, видевший в нем

средство политической агитации. После постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» остро встал вопрос о целесообразности существования трамбовского движения. Московский, ленинградский, свердловский, куйбышевский и пр. ТРАМы стали преобразовываться в театры им. Ленинского комсомола. В 1936 г. в результате слияния ленинградского ТРАМа и Красного театра был образован Ленинградский театр им. Ленинского комсомола. До 1940 г. театром руководил В. П. Кожич.

Нина Зегжда... — Нина Алексеевна Зегжда (1911–1990), актриса Ленинградского ТРАМа.

Училась в ГИИИ. — Государственный институт истории искусств. Создан в 1912 г. по инициативе графа В. П. Зубова по образцу Флорентийского института истории искусств для подготовки специалистов в области искусствоведения и библиотековедения. В 1929 г. Высшие курсы искусствознания при ГИИИ было решено закрыть, а часть студентов, в их числе и О. Ф. Берггольц, была переведена в Ленинградский государственный университет (ЛГУ).

Панов, Сморгин... — Актеры Ленинградского ТРАМа.

...«Что ты, ведь Камышино должно быть закончено к <19>37 году!» — Видимо, имеется в виду строительство плотины. Правительством страны было вынесено постановление о возведении в районе г. Камышина Сталинградской области плотины через Волгу. 2 марта 1932 г. состоялся пленум местного горсовета на тему: «О возможности строительства у г. Камышина величайшей в мире плотины». Однако в конце 1936 г. работы были остановлены. Камышинская плотина так и не была построена (см.: *Смелов Л.* Как в Камышине плотину строили [Электронный ресурс] // Инфокам: Информационный портал Юга России. 2012. 3 января. URL: <http://infokam.su/n839.html>).

С. 138

Московский и др. у ребят (Быков, Хайкинд, Мурашев, Шапиро (47), Гринберг (47), Штукин и т. д.) — Юнкоры газеты «Электросила».

...«была без радости ≈ без печали». — Цит. стихотворение «Договор» (1841?) М. Ю. Лермонтова.

...мопассановским мужем... — Скорее всего, О. Ф. Берггольц имеет в виду мужа, живущего за счет жены или любовницы.

...«в траву попадать — спать»... — Цит. стихотворение «Плач детей» (1860) Н. А. Некрасова.

С. 139

Никак не уляжется ~ ни звука, ни слепка... — Цит. стихотворение «За то, что я руки твои не сумел удержать...» (1920) О.Э. Мандельштама.

С. 140

...приезд Анка. — Леонид Анк (настоящие имя и фамилия Леонид Владимирович Дьяконов; 1908–1995), писатель, фольклорист; двоюродный брат Н.А. Заболоцкого. Вместе с О.Ф. Берггольц и Н.С. Молчановым работал в Казахстане, затем уехал в Вятку. Берггольц вспоминала, как, оказавшись на грязных улицах Алма-Аты в 1931 г., где вокруг ползали голодные дети на тоненьких ножках, они свернули с дороги и увидели перед собой сверкающие горы: «Вот ребята, — сказал Ленька, — вот так мы войдем в социализм. И мы молча и безоговорочно согласились с ним, только кивнув головой (молча от волнения)» (*Берггольц О.* Дневные звезды. М., 2000. С. 236).

...о рассказе «Цирк»... — Рассказ с таким названием написан не был. Скорее всего, его мотивы вошли в повесть О.Ф. Берггольц «Журналисты» (Звезда. 1934. № 4), где Анк был выведен в образе главного героя репортера Банко.

Спекулировала (как бы) Казахстаном. — О.Ф. Берггольц, видимо, считала, что не очень ловко при вступлении в партию бравировать своей работой в Казахстане в газете «Советская степь».

С. 141

Бедненькая рыбка ~ была вчерась. — Неточная цитата из стихотворения «Карась» (1927) Николая Макаровича Олейникова (1898–1942).

Стоит диванчик ~ капут. — Неточная цитата из стихотворения «Любовь» (1927) Н.М. Олейникова.

Память ~ я с тобой одно. — Цит. стихотворение «Начальная пора. Зимняя ночь» (1912–1914) Б.Л. Пастернака.

Сходить в публичку. — До 1917 г. — Императорская публичная библиотека, до 1925 г. — Российская публичная библиотека, с 1932 г. носила имя М.Е. Салтыкова-Щедрина, до 27 марта 1992 г. — Государственная публичная библиотека.

С. 142

«Вожди». — Замысел О.Ф. Берггольц не был реализован.

...Перова. — Перов, рабочий завода «Электросила».

С. 143

...Луку. — Карл Карлович Лукка, бывший комиссар, инженер завода «Электросила».

И с отвращением ≈ строк постыдных не смываю... — Цит. стихотворение «Воспоминание» (1828) А. С. Пушкина.

Подвойский — Николай Ильич Подвойский (1880–1948), партийный и военный деятель. С 1924 по 1930 г. член ЦКК ВКП(б); затем работал в Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарте).

Мительман... — Мордух Израилевич Мительман (Миттельман), один из авторов «Истории Путиловского завода» (М.; Л., 1939).

...Никитин... — Член авторской бригады по написанию «Истории комсомола». «Юн<ый?> пролет<арий?>» — Предположительно, «Юный пролетарий», литературно-художественный и публицистический журнал для юношества. Один из старейших комсомольских журналов. Издавался с 1917 г. до конца 1930-х гг. в Петрограде–Ленинграде.

С. 144

Парве Яким Попов Степ<ан> Полуниин <?>... Блюм — Скорее всего, имеются в виду активисты по работе над «Историей комсомола».

...собрание в доме Глерона. — Имеется в виду Дом просвещения им. Глерона (Звенигородская улица, д.10).

Канал Грибоедова 103 Партархив — В д.103 на Набережной канала Грибоедова с 1929 по 1941 г. размещался Ленинградский партийный архив. Ныне — Музей искусства Санкт-Петербурга XX–XXI вв.

...стар<ых> рабочих **Федин...** — Алексей Семенович Федин, рабочий завода «Электросила». О. Ф. Берггольц называла его своим крестным: он рекомендовал ее в партию. Вот как она писала о Федине в своей книге «Говорит Ленинград» (Л.: Лениздат, 1946): «Могучий, высокий плотный старик с пышными запорожскими усами, старый забастовщик и пикетчик, старый красногвардеец, создатель одного из первых ФЗУ в Ленинграде — таким я встретила его, когда впервые пришла на “Электросилу”. Мы хорошо дружили, он много важного и ценного рассказал мне для истории завода. Я видела его последний раз на заводе в феврале 1942 года, в один из самых страшных месяцев блокады». Федин погиб во время бомбежки. Также о нем см.: Арсенал электрификации. С. 94–96.

...Личков, Никифоров... — Старые рабочие завода «Электросила».

С. 145

...Мариинский театр — Ведущий в СССР театр оперы и балета, с 1935 г. стал Ленинградским государственным академическим театром оперы и балета им. С. М. Кирова.

Постановление ЦК о РАППе — Речь идет о постановлении ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. В нем, в частности, предписывалось ликвидировать ассоциации пролетарских писателей (ВОАПП, РАПП); объединить всех писателей, поддерживающих платформу советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый Союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем.

...сдана «История комсомола». — О. Ф. Берггольц писала историю ленинградского завода «Электросила» им. С. М. Кирова для серии «История фабрик и заводов». Одновременно она писала историю заводской комсомольской организации (см.: *Берггольц О. Напишем историю заводской комсомольской организации* // *Электросила*. 1932. № 3. С. 49–65).

С. 146

Если не придется работать с Маршаком... — О. Ф. Берггольц писала Н. С. Молчанову 27 июля 1932 г., что, несмотря на огромную работоспособность С. Я. Маршака, задуманные совместно с М. Горьким детские сборники — «Костры» — так и не выходят. Она утверждала: «Из маршаковских пеленок я уже выросла» (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 506).

С. 147

...думаю о «Цехе фантазеров». — Замысел книги О. Ф. Берггольц не был реализован.

С. 149

...«Красная» новь»... — «Красная новь», литературный журнал (Москва, 1921–1941). Главные редакторы — К. А. Воронский (1921–1928), Ф. Ф. Раскольников (1930), А. А. Фадеев (с 1931 г.). С 1934 г. — орган ССП; редколлегия — В. М. Бахметьев, В. В. Иванов, И. К. Луппол, А. А. Фадеев, М. С. Шагинян, В. В. Ермилов и др.

...Ольга Форш... — Ольга Дмитриевна Форш (урожд. Комарова; 1873–1961), писатель; автор романов «Одеты камнем» (1925), «Сумасшедший корабль» (1931) и др.

...восхищение Климом Самгиным... — Первый том повести «Жизнь Клима Самгина: Сорок лет» М. Горького в 1932 г. вышел вторым изданием в ГИХЛ.

С. 150

Как пишет Дос-Пассос! — Джон Дос Пассос (1896–1970), американский писатель, принадлежавший к писателям «потерянного поколения». Дважды приезжал СССР (о нем см.: Чуковский Н. О том, что видел. М., 2005).

...Стенич с особым удовольствием переведил... — О манере перевода В. О. Стенича см.: Там же. О Стениче см. коммент. на с. 648.

...Юрочкина «бригада Власова» написана неинтересно. — Речь идет о романе «Говорит бригада Власова» Ю. Н. Либединского, отрывки из которого публиковались в журнале «Звезда» в 1932 г.

...Квартира в Вуолах... — Вуолы, деревня в Куйвозовском сельском поселении Всеволожского района Ленинградской области.

С. 152

Поеду сейчас к Рожанковским. — Иван Иванович Рожанковский (1905–1984), журналист. Друг О. Ф. Берггольц и Н. С. Молчанова по работе в Казахстане в газете «Советская степь». Вернувшись в Ленинград, работал в газете «Большевик». По всей видимости, Берггольц шла в гости к нему и его жене.

...Лавренев — Борис Андреевич Лавренев (настоящая фамилия Сергеев; 1891–1959), писатель.

Субоцкий... — Лев Матвеевич Субоцкий (Суббоцкий; 1900–1959), литературный критик.

...Стенограммы Юденича — Николай Николаевич Юденич (1869–1920), генерал, участник Белого движения (главнокомандующий всеми русскими сухопутными, морскими вооруженными силами против большевиков на Северо-Западном фронте).

интермедия с Белых... — Григорий Георгиевич Белых (1906–1938), прозаик, детский писатель. Был беспризорником. Учился в Школе социально-индивидуального воспитания им. Ф. М. Достоевского (ШКИД). Занимался журналистикой в Ленинграде. Наиболее значительное произведение — «Республика Шкид» — написано вместе с другим воспитанником этой школы Л. Пантелеевым. В конце 1935 г. Белых был репрессирован, умер в пересыльной тюрьме.

...Рожановский — Так в тексте. Правильно: И. И. Рожанковский.

Входят 25-тысячники. — В ноябре 1929 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял постановление о направлении в деревню на работу в колхозы и МТС 25 тысяч рабочих с достаточным организационно-политическим опытом.

С. 153

Усть-Каменогорск... — Город на востоке Казахстана, административный центр Восточно-Казахстанской области (с 1939 г.).

Песня «по долинам». — Песня «По долинам и по взгорьям» на слова Сергея Яковлевича Алымова (1892–1948), музыка народная; в начале 1920-х гг. исполнялась в обработке композитора Александра Васильевича Александрова (1883–1946).

Труд и Свет — начало орган<изации> в июне 1917 г. — «Труд и свет», первая коммунистическая молодежная организация, предтеча комсомола.

Юки — ор<ганизация>. — Организация юных коммунистов в Москве (ЮКи) была создана в период Гражданской войны. Направление юкизм появилось в декабре 1918 г., когда проходил II съезд Всевобуча (Всеобщее воинское обучение граждан, организация существовала в 1918–1923 гг.). На нем было принято решение создать Всероссийскую организацию юных коммунистов (ЮКи), применяя в работе с подростками так называемый новый скаутинг

Организация юных коммунистов Юки. М. 1919 г. — Речь идет о книге: Организация юных коммунистов «Юки». Воспитание пролетарской молодежи по системе «скаутинг». М.: Комитет памяти В.М. Бонч-Бруевич (Величкиной), 1919.

Шк<ольно>-сан<итарный> отдел Наркомздрав<а>. — Народный комиссариат здравоохранения (Наркомздрав) был образован 11 июля 1918 г. на базе Совета врачебных коллегий для создания единой государственной системы здравоохранения. В обязанности наркомату вменялось оказание бесплатной медицинской помощи населению, снабжение аптечными товарами, охрана материнства и младенчества, охрана здоровья красноармейцев и рабочих на предприятиях, санитарное обслуживание и санитарное просвещение и др. С 1918 по 1930 г. наркомом был Н. А. Семашко. Школьно-санитарный отдел Наркомздрава занимался проблемами внесения физического образования в единую трудовую школу и организации юков, борьбой с туберкулезом, вел работу в области борьбы с детской преступностью и умственной дефективностью (см.: Организация юных коммунистов «Юки». С. 2).

...в «Ю<ном> ком<мунисте>» <19>21 г. — № 3–4, к дискуссии о сущности Союза молодежи... — Речь идет о статьях: Скорпион. К дискуссии о сущности Союза молодежи // Юный коммунист. 1921. 8 февраля. № 3–4 (42–43). С. 7–10; Зверь, свирепее Скорпиона. Ответ тов. Скорпиону // Юный коммунист. 1921. 5 марта. № 5 (44). С. 7–8.

«Юный коммунист», журнал, орган ЦК ВЛКСМ. Выходил с 1918 по 1938 г.

...о дунаевцах и дунаевщине — Владимир Абрамович Дунаевский (1902–1983), один из организаторов Союза пролетарской молодежи на Дону, участник революционного молодежного движения. В данном случае речь идет о статьях: *Дунаевский Вл.* Может ли сейчас активный работник уходить из юношеского движения // *Юный коммунист*. 1921. 20 апреля. № 6 (45). С. 7–9; *Он же.* О дунаевцах и дунаевщине // Там же. С. 16–17; *Шацкин Л.* По поводу письма т. Дунаевского // Там же. С. 17–18. Суть идеи Дунаевского — создать массовую организацию работающей молодежи, главной задачей которой была бы защита интересов работающего юношества, т. е. создание организации молодых рабочих за счет деления профсоюзов по возрастному признаку (подробнее об этом см.: *Криворученко В. К., Цветлюк Л. С.* Молодежь. Комсомол. Общество: от Октябрьской революции до Отечественной войны. М., 2011. С. 287–293. Гл. «Начало борьбы с инакомыслием»).

Троцкий... — Лев Давидович Троцкий (настоящая фамилия Бронштейн; 1879–1940), политический деятель, публицист. В рядах ВЛКСМ были сильны позиции Троцкого, неформальными лидерами оппозиции являлись Л. Авербах, А. Шохин, Б. Трейвас, Н. Пеньков, В. Далин, М. Федоров, М. Дугачев и др. (подробнее см.: *Постников Е. С.* Российское студенчество в условиях новой экономической политики. Тверь, 1996. С. 159). Предположительно, О. Ф. Берггольц, сделав запись, имела в виду его работы, посвященные молодежному движению, например, предисловие к книге Авербаха «Ленин и юношеское движение» (М., 1924) и др.

«Комсо<мольская?» неделя» № 4 — «Комсомольская неделя», бюллетень журнала «Юный коммунист». Орган ЦК РКСМ. Выходил только в 1923 г. (всего 6 номеров). В № 4 О. Ф. Берггольц, скорее всего, мог заинтересовать материал М. Зоркого «На военную ногу» о том, какие книги и статьи нужны молодежи. Пафос этой статьи: «Окропим живой водой наши издания».

С. 154

Кабы были сизы крылышки ≈ Пока замуж не возьмет. — Куплеты из русских частушек.

Работа, быт ≈ моя тоска... — Неопубликованное стихотворение О. Ф. Берггольц.

С. 155

...костровскую повесть... — Предположительно, речь идет о рассказе «Свинцовый поход: Рассказ журналистки»; опубликован в кн.: *Костер первый*: сб. М.; Л.: Молодая гвардия, 1932. С. 121.

...в Мишкиной комнате... — Предположительно, М. Ф. Чумандрин.

...патологические рассказы Замятина... — Предположительно, речь идет о сборнике «Нечестивые рассказы» (М.: Артель писателей «Круг», 1927) Евгения Ивановича Замятина (1884–1937).

...в Гарболово. — Гарболово, деревня в Куйвозовском сельском поселении Всеволожского района Ленинградской области.

Вот как любим ≈ нерадостным — верну. — Неопубликованное стихотворение О. Ф. Берггольц.

С. 156

...Вовка рассказывал... — В. С. Молчанов.

С. 158

...сероглазая дочка. Майка. — Майя Николаевна Молчанова (1932–1933), дочь О. Ф. Берггольц и Н. С. Молчанова; родилась 27 сентября 1932 г.

...что мне Гекуба? — Правильно: «Что он Гекубе, что она ему?», выражение из трагедии У. Шекспира «Гамлет» (действие 2, сцена 2). Применяется по отношению к тому, кто вмешивается в дело, его не касающееся.

...задержана Главлитом. — Главлит, орган в СССР, осуществлявший цензуру во всех печатных изданиях и средствах массовой информации. Существовал с 1922 по 1991 г.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день... — Юрьев день (или Егорьев день), праздник, приуроченный к дням памяти св. Георгия Победоносца. Отмечается два раза в год — весенний (6 мая [23 апреля]), осенний (9 декабря [26 ноября]). Осенний Юрьев день — дата, с которой связывалась возможность осуществления права перехода крестьян от хозяина к хозяину, что было закреплено в Судебнике 1497 г. Эта дата ограничивалась двухнедельным периодом (по неделе до и после праздника). Право перехода было запрещено царем Федором Ивановичем в 1590-х гг. В связи с этим и появилась поговорка «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». В настоящее время употребляется как показатель разочарования от невыполненных обязательств.

...позвонить вечером Гринбергу... — И. Л. Гринберг

С. 160

...Горькому понравился «Углич»... — О реакции М. Горького на повесть О. Ф. Берггольц «Углич» см. коммент. на с. 652.

...в изд<ательст>ве писателей. — Издательское товарищество ленинградских писателей, основанное в феврале 1927 г. по инициативе К. А. Федина,

М. Л. Слонимского, И. А. Груздева. Первым и единственным председателем правления издательства был К. А. Федин. В 1934 г. объединено с Московским товариществом писателей и на их базе организовано издательство «Советский писатель».

С. 161

И. Степанов. Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хоз<яйст>ва. ГИЗ, 1922. — Иван Иванович Скворцов-Степанов (1870–1928), советский государственный и партийный деятель, в 1917 г. первый народный комиссар финансов РСФСР. Предисловие к этой книге было написано В. И. Лениным и Г. М. Кржижановским, она была рекомендована как пособие всем трудящимся.

Володька Сталев ≈ Финик — Рабочие и служащие завода «Электросила», прототипы для романа «Цех фантазеров».

С. 162

Павлушка Осипов — нацмен, айсор. — Айсор — ассириец (*устар.*).

...Инге ты не поблагодаришь... — Юрий Алексеевич Инге (1905–1941), писатель. В докладе «Пролетарские поэты Ленинграда», озвученном на Поэтическом совещании ЛАПП 10 апреля 1932 г., С. Малахов так охарактеризовал творческие особенности писателя: «Проскальзывают у Инге и джеколондоновские мотивы, как, скажем, в его стихотворении “К лучшему будущему”, в котором дано описание гибнущего среди пустыни одинокого человека. <...> Мотивы блатной экзотики также характерны для поэзии Инге» (Из истории литературных объединений... С. 134).

Пышноград — Николай Пышноград, секретарь молодежной комсомольской ячейки завода «Электросила», прообраз одноименного персонажа романа О. Ф. Берггольц «Цех фантазеров».

Андронников. — Старейший работник завода «Электросила».

Ленин и Уэльс. — Встреча В. И. Ленина и английского писателя-фантаста Герберта Уэллса (1866–1946), которая произошла в московском Кремле в сентябре 1920 г., вошла во все советские учебники истории. В 1920 г. Уэллс опубликовал книгу «Россия во мгле», где подробно описал свои диалоги с вождем мирового пролетариата и различие их позиций. Именно в этом разговоре собеседники говорили о плане электрификации России.

С. 163

...о стр<оительст>ве Волховстроя... — Волховская гидроэлектростанция им. В.И. Ленина, первая районная ГЭС в СССР, на р. Волхов. Сооружение станции начато по инициативе В.И. Ленина в 1918 г., но широко-масштабные строительные работы развернулись только в 1921 г.; торжественное открытие станции состоялось в декабре 1926 г. (также см.: Победа на Волхове // Арсенал электрификации. С. 79–88).

...подсказанный Вольтером. — Так в тексте. Правильно: Вольтер (настоящие имя и фамилия Франсуа-Мари Аруэ; 1694–1778), французский философ, писатель, публицист, один из виднейших представителей французского Просвещения XVIII в.

Циперович, стр. 23... — Григорий Владимирович Циперович (Цыперович; 1871–1932), экономист, публицист, деятель профсоюзного движения. Одновременно в 1925–1929 гг. возглавлял Ленинградскую областную плановую комиссию, был одним из авторов первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Ленинграда.

...из С. Чейза. — Стюарт Чейз (1888–1985), американский экономист; предположительно, речь идет о цитате из книги Чейза «Люди и машины» (1929), приведенной в работе Г.В. Циперовича.

«Комсомольское сердце разбито». — Неточная цитата из песни «Там, вдали за рекой...» на слова Николая Мартыновича Кооля (1902–1974), музыка — А.В. Александрова. Ср.: «Комсомольское сердце пробито».

...выписывает «Литературную газету»... — «Литературная газета», еженедельная газета (апрель 1929 г. — настоящее время). После I Всесоюзного съезда советских писателей в 1934 г. — орган правления ССП. Подробнее см.: Три века «Литературной газеты». М., 2011.

С. 164

...работал Лешка в Баку... — С 27 августа до середины октября 1928 г. Л.Л. Авербах был командирован в Баку, где работал ответственным редактором газеты «Бакинский рабочий».

... пленум Оргкомитета — историческая веха. — Речь идет о I расширенном пленуме Оргкомитета ССП, который проходил в Москве с 29 октября по 3 ноября 1932 г. В докладной записке секретарям ЦК ВКП(б) «О ходе пленума Оргкомитета писателей» заместитель заведующего Культпропотделом ЦК ВКП(б) Н.Н. Рабичев писал: «Пленум этот — это уже подлинный пленум единого союза. Впервые в одной дискуссии выступают все крылья литературы: писатели — коммунисты, писатели типа Иванова — Никули-

на, правые писатели из старой писательской интеллигенции (Пришвин, Белый), писатели из союзных и нац. республик» (см.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Ртизов, О. Наумов. М., 1999. С. 186; также см.: Расширенный пленум. Стенограмма. М., 1933).

...Сталин сказал: «Для нас писатель ≈ дорожке танка...» — На самом деле И. В. Сталин на вечере у М. Горького 26 октября 1932 г. в ответ на реплику К. Е. Ворошилова о производстве машин, танков и авиации сказал, что «производство душ важнее вашего производства танков». См.: *Зелинский К.* Вечер у Горького (26 октября 1932) // *Минувшее*. М.; СПб., 1992. Вып. 10. С. 88. Отсюда возник устойчивый оборот: «писатели — инженеры человеческих душ».

...ликвидация РАППа. — Речь идет о постановлении ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г.

Пятнадцатилетие и его день! — Речь идет о праздновании 15-летней годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

...Московские ворота... — Московские триумфальные ворота были сооружены в 1834–1838 гг. по проекту В. П. Стасова при въезде в С.-Петербург с юга у Московской заставы, на Московском тракте. В 1936 г. было принято решение о демонтаже Московских триумфальных ворот, которое было связано с новым планом о расширении города на юг и преобразовании застройки вдоль Московского шоссе, ставшего Московским проспектом.

С. 165

Тверской... — Сотрудник газеты «Электросила».

...Мертвинский... — Рабочий завода «Электросила».

...Малкина... — Малкин, рабочий завода «Электросила».

...о встрече с Эренбургом. — Илья Григорьевич Эренбург (1891–1967), поэт, прозаик, публицист.

С. 166

Свирострой — Речь идет о Нижнесвирской гидроэлектростанции им. Г. О. Графтио, построенной на р. Свирь в Ленинградской области. Строительство станции было начато в 1927 г., закончено в 1935 г. Строительные работы возглавлял Генрих Осипович Графтио (1869–1949), один из пионеров отечественного гидроэнергостроительства.

РионГЭС — Гидроэлектростанция на реке Риони (Грузия).

- «Начало хазы»...** — Интерпретация заголовка повести «Конец хазы» (1924) Вениамина Александровича Каверина (настоящая фамилия Зильбер; 1902–1989).
- Фроман (в сущности, пи...) говорит...** — Михаил Александрович Фроман (настоящая фамилия Фракман; 1891–1940), поэт, переводчик. Секретарь Союза переводчиков. Муж поэтессы Иды Наппельбаум. Сосед О. Ф. Берггольц по дому на улице Рубинштейна («Слезе»). Далее везде: Фроман, Фрошка.
- ...на попутчиков...** — Попутчиками в начале 1930-х гг. называли писателей, которые не писали по указанию партийного руководства в соответствии с постановлениями ЦК ВКП(б), а сохраняли личную независимость. После I съезда писателей многие «попутчики» были зачислены в советские писатели, в том числе А. Толстой, Л. Леонов, К. Федин, Б. Пильняк и др.
- ...произвел удручающее впечатление разрыв ребят с Авербахом, продажа его ребятами.** — В докладной записке секретарям ЦК ВКП(б) «О ходе пленума Оргкомитета писателей» заместитель заведующего Культпропотделом ЦК ВКП(б) Н. Н. Рабичев сообщал: «Чумандрин выступил решительно и резко с критикой групповщины. Он заявил, что последние 6 месяцев напостовцы тормозили реализацию постановления ЦК, что напостовцы представляют собой Магнитострой групповщины. Отдельных товарищей из напостовской группы он не критиковал. Либединский отказался от слова, присоединившись к Чумандрину...» (см.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)... С. 186).

С. 167

- ...подготавливал мнение против Фадеева...** — Александр Александрович Фадеев (1901–1956), писатель, член РАПП, с 1939 г. — секретарь Союза писателей СССР. Близкий друг Ю. Н. Либединского.
- Вчера и сегодня днем было такое чувство, что «в доме покойник».** — Отголоски реакции на постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г., по которому РАПП был распущен, что вызвало восторженную реакцию в рядах писателей-попутчиков. 24 апреля 1932 г. О. Ф. Берггольц писала Н. С. Молчанову: «...М. Фроман сказал мне: “Ну, и затем очень приятно, что с тебя снимается звание попутчика!”» (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 506). Однако, как отмечала в дневнике Берггольц, Л. Л. Авербах буквально за мгновение впал в немилость у своих бывших товарищей. Несмотря на членство в Оргкомитете по подготовке I съезда Союза писателей, после работы над «Историей Беломорстроя» (сб. «Беломоро-Балтийский канал им. Сталина: история

строительства. 1931–1934 гг.) он был отправлен на работу в Свердловск. Для «полпреда» партии в литературе, каким Авербах себя ощущал, это было несомненным ударом. Отдельные писательские организации после I съезда сольются в Союз советских писателей.

...пошла в ГИХЛ... — Государственное издательство художественной литературы (ГИХЛ) было образовано в 1930 г. на базе литературно-художественного сектора Гвсиздата РСФСР. ГИХЛ входил в систему ОГИЗ (Объединение государственных книжно-журнальных издательств). С 1934 г. стал называться Гослитиздатом.

...прочитала статьи Саши. — Речь идет о статьях А. А. Фадеева, опубликованных в 1932 г. в «Литературной газете» под общим заголовком: «Старое и новое»: «Союзник или враг, и где у нас главная опасность» (11 октября), «Художественная литература и вопросы культурной революции» (23 октября), «Вопросы художественного творчества» (29 октября) и др.

...Юра по приезде из Москвы? — Ю. Н. Либединский был делегатом пленума Оргкомитета ССП.

А Валя-то, дура. — Предположительно, Валерия Анатольевна Герасимова (1903–1970), писательница; с 1925 по 1932 г. жена А. А. Фадеева.

...Маули придет... — Маули Арсеньевна Вите (1907–1942), журналистка; в начале 1930-х гг. в Алма-Ате познакомилась и подружилась с О. Ф. Берггольц. С 1932 г. работала в многотиражке завода «Большевик», печаталась в газете «Комсомольская правда». Была замужем за В. Аусеклисом, сотрудником ВЧК и МУРа; в 1923 г. сама сотрудница ВЧК в г. Тифлисе, затем — МУРа. Второй муж — Петр Брунненек, латыш, офицер, вероятно, сотрудник Наркомвоенмора РСФСР. После ареста Берггольц в 1938 г. лишилась журналистской работы. Умерла вместе с матерью в блокадном Ленинграде. Ее сын — Рид Иосифович Грачев (настоящая фамилия Вите; 1935–2004), писатель, переводчик, эссеист.

С. 168

Товарищ, мне нечего ≈ в полночь на вокзалах. — Редакция стихотворения «Другу» О. Ф. Берггольц. Впервые опубликовано: *Берггольц О. Другу* // Молодая гвардия. 1933. № 6. С. 76.

С. 169

Колька на работе, в «Кр<асной> звезде». — «Красная звезда», ежедневная военная и общеполитическая газета. Скорее всего, это была внештатная работа. В трудовом списке Н. С. Молчанова данное место не упомянуто.

...хорош с девчужками. — Речь идет о дочерях О. Ф. Берггольц: И. Б. Корниловой и М. Н. Молчановой.

...думаю над «Зернами», «Цирком», «Томчаком»... — Впервые рассказ «Зерна» был опубликован: *Берггольц О. Зерна* // Звезда. 1935. № 3. С. 3–40. Два других рассказа, вероятно, представляют собой замыслы, которые О. Ф. Берггольц не реализовала.

Когда читали «Бесы»... — Роман (1871–1872) Ф. М. Достоевского.

Мальчик был, но его совсем не стало. — Интерпретация фразы «Да — был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?» из повести М. Горького «Жизнь Клима Самгина» (ч. 1, гл. 1).

Но если в дверь мою ≈ не услышу... — Неточная цитата из стихотворения «Я научилась просто, мудро жить...» (1912) А. А. Ахматовой. Ср.: «И если в дверь мою ты постучишь...».

С. 170

...у Кужелева — Кужелев, сотрудник газеты «Электросила».

Р. Книтер. — Сотрудник газеты «Электросила».

...у Керьянова... — Керьянов, сотрудник газеты «Электросила».

С. 171

Трахтенберг... — Сотрудник завода «Электросила», прототип для романа О. Ф. Берггольц «Цех фантазеров».

...для Сахаротреста и Союззолота. — Сахаротрест, государственный трест сахарной промышленности. Союззолота, всесоюзное золотопромышленное акционерное общество, существовавшее с мая 1927 по ноябрь 1930 г.

С. 172

Бригада Лебедева... — Лебедев, сотрудник завода «Электросила», прототип для романа О. Ф. Берггольц «Цех фантазеров».

С. 173

Финкильштейн... — Сотрудник завода «Электросила», прототип для романа О. Ф. Берггольц «Цех фантазеров».

...Да, так любить ≈ давно не любит! Мы любим плоть ≈ плоти запах. — Цит. стихотворение «Скифы» (1918) А. А. Блока.

...Значит, время ≈ зубы крепче. — Неизвестное стихотворение О. Ф. Берггольц.
Встает передовая ≈ Ему поручена. — Неизвестное стихотворение, скорее всего, из газетного очерка.

1933 год

4/1-33 Ну, системочка... (С. 179–180, 183–189, 192–195, 200–202, 204–222).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 338. Л. 6–31).

Датируется с 4 января по 31 октября 1933 г.

14/1-33. Владислав Невинский... Электросиловский дневник 1932/33 год
(С. 181–184, 186–191, 193–199).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 336. Л. 12об.–32).

Датируется с 14 января по 16 марта 1933 г.

Ольга Берггольц Электросиловский дневник (С. 199–204, 205–213, 222–231).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 339).

Датируется с 16 марта по 5 июня 1933 г.

Большинство записей — разработка для романа «Цех фантазеров».

6/VIII-33 г. (С. 231–243).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 340).

Датируется с 6 августа по 23 декабря 1933 г.

С. 179

Гублит и горлит... — Гублит, губернский отдел литературы и издательства; горлит, городской отдел литературы и издательства; по сути, местные отделения Главлита (цензуры). Ленинградский горлит (Леноблгорлит) имел структуру, строго определенную Главлитом еще в ноябре 1922 г. Во главе его стоял заведующий, назначаемый областным отделом народного образования (после 1931 г. — высшей областной партийной властью). Два помощника заведующего — представители военного командования и областного управления ГПУ. Кроме того, существовали административно-инструкторский и литературный подотделы, секретариат, библиотека и архив. Также см.: http://www.adresaspb.ru/arch/adresa_21/21_006/21_6.htm.

С. 180

...отрицать «надстройки!». — Надстройка, понятие исторического материализма, обозначающее совокупность идеологических отношений, взглядов и учреждений определенного общества; к ней относятся политиче-

ская и правовая формы сознания, соответствующие учреждения, а также мораль, религия, философия, искусство.

Леопольд, получила твое письмо. — Л. Л. Авербах. Вся переписка с Авербахом, скорее всего, была уничтожена О. Ф. Берггольц в 1937 г.

Речь Сталина. — Имеется в виду выступление И. В. Сталина с докладом «О работе в деревне» на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), проходившем 7–12 января 1933 г.

«Нам ли, брошенным в пространство...» — Цит. стихотворение «О свободе небывалой...» (1915) О. Э. Мандельштама.

С. 183

...см. ту тетрадь... — О какой конкретно дневниковой тетради идет речь, не выяснено.

...с Дудкинѳм... — Дудкин, сотрудник администрации завода «Электросила».

...адм<инистративный?> восторг... — Так говорится о поведении должностного лица, которое использует свою власть для самоутверждения. Из романа «Бесы» (1871–1872) Ф. М. Достоевского (ч. 1, гл. 2).

...«взад» или «обратно», как гов<орил> Зоценко... — Речь идет о рассказе «Честный гражданин: Письмо в милицию» (1923) Михаила Михайловича Зоценко (1895–1958), в котором герой употребляет слова «взад» и «обратно».

С. 184

...обнаружила, что у Ирки — аскериды. — Правильно: аскариды (Ascarididae), семейство круглых червей. Паразитируют в кишечнике человека и позвоночных животных.

Смешная жизнь! — Цит. стихотворение «Мне грустно на тебя смотреть...» (1923) С. А. Есенина.

С. 185

...Володьку Молчанова. — В. С. Молчанов, брат Н. С. Молчанова.

С. 186

Наверно, моя книжка об электросиловском комсомоле так света и не увидит... —

Книга о комсомоле «Электросилы» О. Ф. Берггольц не была написана.

...дают партийную работу — главу (ответственную) в книге «Московская застава»... — Речь идет о работе над книгой: Берггольц О., Букина В., Гверилова И. и др. Годы штурма. Московский район в первой пятилетке. Л.: Мос. район. к-т ВКП(б), 1933.

С. 187

У Достоевского какой-то капитан говорил: «Если бога нет, то какой же я капитан?» — Эту фразу произносит Петр Верховенский, герой романа «Бесы» Ф.М. Достоевского.

Если революции нет (т. е. «термидор, перерождение»)... — Термидор, контрреволюционный переворот. Назван по перевороту, осуществленному 9 термидора (27 июля) 1794 г. во Франции во время Великой французской революции и положившему конец диктатуре якобинцев.

С. 188

Поступил на 2 курс ЛЭМи... — Ленинградский электромеханический институт (1930–1934). 26 апреля 1934 г. вошел в состав Ленинградского индустриального института.

С. 189

...«Ночь в “Новом мире”»... — Рассказ был написан под впечатлением встреч с людьми, когда О.Ф. Берггольц работала журналисткой в Казахстане в 1931 г. Впервые опубл.: Берггольц О. Ночь в «Новом мире». Рассказы. Л.: Худож. лит., 1935.

С. 191

...была на Егоровце... — Имеется в виду Ленинградский вагоностроительный завод им. И.Е. Егорова (ныне «ВАГОНМАШ»). Назван в 1922 г. по имени участника революционного движения И.Е. Егорова. В 1920–1930-е гг. завод выпускал пассажирские вагоны для пригородных поездов и составов дальнего следования.

С. 192

«Бароны пируют, бароны воюют»... — Цит. «Немецкая баллада» (1854) Козьмы Пруткова (коллективный псевд. братьев Жемчужниковых — Алексея [1821–1908], Владимира [1830–1884] и Александра Михайловичей [1826–1896] и Алексея Константиновича Толстого [1817–1875]).

...Юрий Герман прославляется... — Юрий Павлович Герман (1910–1967), писатель. В 1931 г. был опубликован роман Германа «Вступление», встреченный критикой недружелюбно. М. Горький посчитал, что «несмотря на многие недостатки, получилась прекрасная книга» (Правда. 1932. 6 мая). После оценки Горького нарком просвещения А.А. Бубнов порекомендовал роман режиссеру Вс.Э. Мейерхольду для постановки, что

и было сделано в 1933 г. Отношения Ю. П. Германа с О. Ф. Берггольц, которые длились всю жизнь, можно было бы определить как переходы от романтической дружбы к вражде и возвращение снова к дружбе. Подробнее см.: *Левин Л.* Дни нашей жизни: Книга о Ю. Германе и его друзьях. М., 1981.

...Маршак забраковал «Пимокатов». — В письме к Н. С. Молчанову О. Ф. Берггольц отмечала: «Марш<ак> сделал кое-какие правильные замечания, но сделал их, как сомнамбула: ведь он абсолютно не знает материала, ни истории пионерского движения... Маршак работает как слепой, исключительно на интуиции...» (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 65). Тем не менее, когда книга вышла, Берггольц преподнесла ее Маршаку с надписью: «Милому Самуилу Яковлевичу, на строгий суд — с благодарностью за учебу, с желанием работать вместе еще и еще. Ольга. V-34» (цит. по изд.: «Я хочу жизни — много, много...»: Дневник О. Ф. Берггольц 1928–1930 годов / Публ. Н. А. Прозоровой // Борис Корнилов: «Я буду жить до старости, до славы...». СПб., 2012. С. 300).

...Осиновский... — Заведующий издательством «Молодая гвардия».

...свести ее только к «дрейфусиаде» с педагогом... — «Дрейфусиада», в данном случае позорное судилище. В книге «Пимокаты с Алтайских» есть эпизод, когда «отсталый» учитель географии судит революционно настроенных учеников.

С. 193

...кричит об «ужасах Соловков». — В Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОИ), созданный ГПУ РСФСР в 1923 г. на территории Соловецких островов, отправлялось большое количество ленинградской интеллигенции. В декабре 1933 г. лагерь был расформирован, а его имущество — передано Беломоро-Балтийскому лагерю. «Отправиться в Соловки» при советской власти стало устойчивым идиоматическим выражением.

С. 194

...Косарев... — Александр Васильевич Косарев (1903–1939). Партийный и государственный деятель. Генеральный секретарь комсомола с 1929 по 1939 г. Репрессирован в 1938-м, расстрелян в начале 1939 г.

С. 196

«А комсомол смеется ~ несется к коммуне мировой». — Цит. популярная песня 1930-х гг. неизвестного автора.

...из спецовой семьи... — Производное от слова «спецы», так называли представителей непролетарской среды.

С. 197

«Застава» — Здесь и далее план и наброски к роману, над которым О. Ф. Берггольц работала многие десятилетия. История рода Ольги Берггольц была тесно связана с Невской заставой. Берггольц работала над романом «Застава» несколько десятилетий, но он остался в набросках.

Отец. — Федор Христофорович Берггольц (1885–1948), врач. Ушел добровольцем на Первую мировую войну, служил хирургом 39-го полевого запасного госпиталя. С 1918 по 1920 г. участник Гражданской войны: старший врач 5-го врачебно-санитарного поезда. С 1921 г. до начала Великой Отечественной войны работал врачом хирургического отделения амбулатории фабрики «Красный ткач им. Э. Тельмана» (бывшая Нортон).

Дед. — Христофор Фридрихович Берггольц (1854–1925), дед О. Ф. Берггольц по отцовской линии, работал с мая 1879 г. заведующим хозяйственной частью на «Алекса́ндро-Невской мануфактуре К. Я. Паля».

Бабка. — Ольга Михайловна Берггольц (по первому мужу Королева; 1850–1925), бабушка по отцовской линии.

Мать. — М. Т. Берггольц.

Бабка — Грустилина — Мария Ивановна Грустилина (урожд. Прохорова; 1854–1941).

Авдотья... — Прислуга в доме Х. Ф. и О. М. Берггольц; нянька сестер Берггольц.

Семья Берггольц... — Родственники О. Ф. Берггольц со стороны отца.

Грустилины — Родственники О. Ф. Берггольц со стороны матери.

Ногин. — Виктор Павлович Ногин (1878–1924), государственный и партийный деятель. Член РСДРП с 1898 г.; с 1901 г. агент «Искры». После II съезда РСДРП — большевик. В составе первого Совета народных комиссаров был наркомом по делам торговли и промышленности. С 1918 г. заместитель наркома труда, член Президиума ВСНХ; в 1921–1924 гг. председатель Центральной ревизионной комиссии РКП(б). Автор очерка «История фабрики Паля и характеристика хозяев» (см.: Рабочая мысль. 1897. № 6).

Паль — завоеватель. — Яков Паль (1809 — после 1873?), немец по происхождению, основатель мануфактурной фабрики.

Бабушкин — изучить его биографию... — Иван Васильевич Бабушкин (1873–1906), профессиональный революционер, член РСДРП. С лета 1891 г. работал слесарем на Семянниковском заводе в С.-Петербурге. Вел революционную работу среди рабочих Семянниковского, Александровского и Стекланного заводов, организовывал рабочие кружки и библиотеки.

В январе 1896 г. арестован по делу «Союза борьбы» и выслан в феврале 1897 г. в Екатеринослав. Агент и активный корреспондент «Искры». В 1903 г. арестован и выслан на пять лет в Восточную Сибирь. Освобожденный по амнистии 1905 г., активно участвовал в революционных событиях 1905–1907 гг. В январе 1906 г., транспортируя из Читы в Иркутск оружие для рабочих, был захвачен карательной экспедицией и 18 января 1906 г. на станции Мысовая расстрелян.

...Матрена-босоножка. — Речь идет о петроградской юродивой Матроне-босоножке, судьба которой связана со Скорбященской церковью на Невской заставе.

Дядя — Шура, Коля — Александр Тимофеевич Грустилин (1882–1930); Николай Тимофеевич Грустилин (1885?–1917), родственники О. Ф. Берггольц со стороны матери.

Дядя Володя — Вероятно, Владимир Григорьевич Степанов (1892–1945), родственник О. Ф. Берггольц со стороны отца.

Тетки — Варя, Полина, Анастасия, Поля. — Варвара Тимофеевна Грустилина (1888–1942), Аполлинария Тимофеевна Горбачева (урожд. Грустилина; 1893–1942), Анастасия Тимофеевна Грустилина (1891?–1942), Пелагея Тимофеевна Челнокова (урожд. Грустилина; 1903–1986).

Фабрика Палья — Ситценабивная мануфактура была основана в 1837 г. Я. Палем; на ее основе была создана «Александро-Невская мануфактура К. Я. Палья», которую возглавил Карл Яковлевич Паль (1845–1910). Мануфактура располагалась по адресу: Невская застава, Шлиссельбургское шоссе, д. 35. «Александро-Невская мануфактура К. Я. Палья» к началу XX в. считалась в России вторым по мощности ситценабивным предприятием и имела несколько фирменных магазинов в крупнейших городах России. В 1885 г. на Всемирной выставке в Париже за качество продукции получила большую золотую медаль.

Максвелл — Хлопчатобумажные фабрики машинного производства; основаны в 1839–1844 гг. англичанами Д. Д. и Я. Д. Максвелл (отсюда старое название — «фабрики Максвелл»). Крайне тяжелые условия труда вызывали здесь много раз волнения рабочих; они активно участвовали во всеобщих стачках текстильщиков в 1896–1897 гг. После Октябрьской революции фабрика была реконструирована.

С. 198

Торнтон — Суконная и одеяльная фабрика была основана в 1866 г. Джеймсом Торнтоном на правом берегу Невы; в 1922 г. была переименована в фаб-

рику шерстяных изделий «Красный ткач». В 1927–1929 гг. рядом с ней была построена фабрика технических сукон, которой в 1933 г. было присвоено имя Э. Тельмана. В 1936 г. фабрики были объединены в предприятие — Объединенные фабрики «Красный ткач» и технических сукон им. Э. Тельмана. В 1938 г. оно было переименовано в Ленинградский государственный комбинат тонких и технических сукон им. Э. Тельмана.

Варгунина — Товарищество Невской писчебумажной фабрики «Братья Варгунины» было основано на базе фабрики, принадлежавшей семье, братьями Павлом и Александром Варгуниными в 1871 г.

Смоленка, — фарфоровое. — Фарфоровый завод им. М. В. Ломоносова. См. о нем комментарий ниже.

Семянниковский — Невский машиностроительный завод им. В. И. Ленина; о нем см. коммент. на с. 693.

«Большевик» — Бывший сталелитейный завод Обухова. Свое название получил в честь известного ученого в области металлургии П. М. Обухова. Строительство завода закончилось в мае 1863 г. После открытия на заводе стали производить артиллерийское вооружение. В 1880–1890-х гг. здесь начали изготавливать бронеплиты и вооружение для судов. В 1904 г. Обуховский завод соединили с Александровским сталелитейным заводом. После Октябрьской революции завод переименовали в Петроградский завод «Большевик».

Пролетарский — Паровозоремонтный завод был организован в 1826 г.; в 1866 г. переименован в Александровский главный механический завод Петербургско-Московской железной дороги. С 1923 г. — Пролетарский паровозоремонтный завод.

Зав<од> Ломоносова — Первоначально именовался «Невская порцелиновая мануфактура», с 1765 г. — Императорский фарфоровый завод, с 1917 г. — Государственный фарфоровый завод, в 1925 г. в связи с 200-летием Российской академии наук заводу было присвоено имя М. В. Ломоносова; находится по адресу: проспект Обуховской Обороны, д. 151.

Стеариновый завод — Имеется в виду созданное в 1868 г. «Невское стеариновое товарищество», прославившееся не только в России, но и во всем мире высоким качеством продукции. Уже в начале XX в. завод производил 40 разновидностей свечей отличного качества, глицерин, стеарин и, конечно, туалетное и хозяйственное мыло.

Познакомиться с Палем. — Предположительно, речь идет о сыне К. Я. Паля — Николае Карловиче, который входил в состав руководства мануфактурой до Октябрьской революции.

- Ленин** — «Развитие капитализма в России» — Монография В. И. Ленина, посвященная анализу экономического развития России. В книге с помощью марксистской теории проведено исследование экономики и социальной структуры России последней трети XIX в. Работа написана в 1896–1899 гг. и вышла отдельной книгой в 1899 г.
- Маркс** — «Капитал»... — «Капитал» (1867), главный труд К. Маркса.
- Туган-Барановский** — «История русск<ой> ф<абри>ки» — Михаил Иванович Туган-Барановский (1865–1919), экономист, историк. В данном случае речь идет о первом томе его книги «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1898).
- Энгельс** — «Происхождение семьи, частной собственности и государства» — Фридрих Энгельс (1820–1895), один из основоположников марксизма, друг и соратник К. Маркса. Речь идет о его работе 1884 г.
- «Володарка» (купить)**. — Речь идет о книге: Володарка [Статьи по истории писчебумажной фабрики им. В. Володарского] / Организатор книги А. Ульяновский; отв. ред. Дм. Лаврухин. [Л.:] Изд-во писателей в Ленинграде, 1932.
- Энгельс** — о **коммун<альном> хоз<яйст>ве**. — Речь идет о статье Ф. Энгельса «К жилищному вопросу» (1872–1873).
- Шагинян** — «Ф<абри>ка Торнтон». — Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888–1982), писательница. Речь идет о книге: Шагинян М. Фабрика Торнтон / Предисл. Н. К. Крупской. М., 1927.
- ...И он стал перебирать в воображении ~ могло быть не то...** — Цит. повесть «Смерть Ивана Ильича» (1886) Л. Н. Толстого.

С. 199

- Жизнь есть боль ~ бог не будет...** — Слова Кириллова, персонажа романа «Бесы» (1871–1872) Ф. М. Достоевского.
- Черная сотня**. — Крайне правые организации в России в 1905–1917 гг., выступавшие под лозунгами монархизма, великодержавного шовинизма и антисемитизма. Другое название — Союз Михаила Архангела.
- ...как читала Вересаева — «Живая жизнь»...** — Речь идет о первой части — «О Достоевском и Льве Толстом» (1910) — книги «Живая жизнь» (1915) писателя Викентия Викентьевича Вересаева (1867–1945).

С. 200

- ...Акуратнов...** — Рабочий завода «Электросила».
- ...стали петь — «И боец молодой»...** — Слова песни «Там, вдали за рекой...».

«Страшна “сухаревка” ≈ основа капитализма»... — Цитата из доклада ВЦИК и СНК о внешней и внутренней политике, прочитанного В. И. Лениным 22 декабря 1920 г. (см.: *Ленин В. И.* ПСС. 5-е изд. М., 1970. Т. 42. С. 158).

С. 201

...проваливаются и у Мишки Чумандрина. — С 1932 г. М. Ф. Чумандрин работал ответственным секретарем редакции журнала «Ленинград».

...Протоцкого... — Протоцкий, председатель заводского комитета завода «Электросила».

С. 202

...в «Ленправде»... — «Ленинградская правда», ежедневная газета; орган Ленинградского областного и городского комитета ВКП(б) (Ленинград, март 1919 — август 1991 г.).

С. 203

«Топоров ≈ может обходиться...» — Цит. роман «Воскресение» (1899) Л. Н. Толстого (ч. 2, гл. 27).

С. 205

...Исерлис... — Сотрудник завода «Электросила».

А «Байга» не понравилась Н<иколаю>. — Байга, скачка по пересеченной местности у казахских народов. Произведение с таким названием у О. Ф. Бергольц не найдено.

Один Юзька хвалит... — И. Л. Гринберг.

...«в нем есть нечто ≈ удивительный человек живет на земле». — Цитата из воспоминаний «Лев Толстой» (1919) М. Горького.

«Человек всего человечества...» — Цитата из тех же воспоминаний.

С. 206

Прочитала «Поднятую целину»... — Речь идет о первой книге романа (1932) Михаила Александровича Шолохова (1905–1984).

...умножать собой ряды Иволгиных... — Илья Алексеевич Иволгин (1900–1949), писатель.

...Евсеевых... — Ф. А. Евсеев. См. о нем коммент. на с. 652.

...Дмитриевских. — Так в тексте. Предположительно, Владимир Иванович Дмитриевский (1908–1978), писатель, критик; в 1946 г. был репрессирован, освобожден в 1956 г.

С. 207

«Расстанная! Расстанная! Расстанная»... — Расстанная, улица во Фрунзенском районе С.-Петербурга, проходящая от Боровой улицы до Расстанного проезда и Волковского православного кладбища. Ее название связано с тем, что по ней возили покойников на кладбище. О. Ф. Берггольц в стихотворении «Лучший город» (1932) обыгрывает это название в ином ключе: «...на Расстанной мы расстались, на Разъезжей разошлись...»

Разговор Федина с фабзаучем... — А. С. Федин.

Федин... — Эти записи из дневника О. Ф. Берггольц (Наст. изд. С. 207–211) легли в основу ее очерка «Девятьсот девять дней». Впервые опубл.: Ленинградский альманах. 1958. Кн. 15.

...Штиглиц. — Александр Людвигович Штиглиц (1814–1884), придворный банкир, председатель С.-Петербургского биржевого комитета, первый управляющий Государственным банком, член Мануфактурного совета при Департаменте мануфактур, горячий поклонник искусств, меценат, основатель Училища технического рисования и музея при нем. В Нарве он владел двумя текстильными фабриками, построил в своем имении дачу и церковь. Одним из двух предприятий Штиглица в Нарве была Суконная фабрика.

С. 208

...поступить на Семянниковский завод. — Речь идет о Невском машиностроительном заводе им. В. И. Ленина («Невский завод»). Основан в 1857 г. англичанином Томсоном как металлургическое предприятие. В 1864 г. перешел в руки русских золотопромышленников П. Ф. Семянникова и В. А. Полетики и получил название «Невский литейный и механический завод Семянникова и Полетики». В 1870 г. завод перешел к Русскому обществу паровозов и горных заводов, в 1890 г. куплен Московским товариществом Невского завода, в 1899 г. перешел во владение Товарищества Невского судостроительного и механического заводов. После Октябрьской революции, в январе 1918 г., завод был национализирован, первоначально занимался ремонтом судов.

...казарм на Басковом... — Переулок в центральной части С.-Петербурга, проходящий от улицы Короленко до Фонтанной улицы. Участок между д. 30 по Баскову переулку, д. 33–37 по улице Радищева и д. 13 по Виленскому переулку занимал комплекс казарм 18-го саперного батальона.

На Сименс-Шуккерт поступил... — Завод «Электросила», крупнейшее в России предприятие энергетического машиностроения. См. о нем коммент. на с. 650.

...ждали все время Бадаева... — Алексей Егорович Бадаев (1883–1951), слесарь Александровского завода в С.-Петербурге. В 1912 г. был избран депутатом в IV Государственную думу от рабочих Петербурга и Петербургской губернии; член большевистской фракции Думы. После Октябрьской революции — председатель Петроградской продовольственной управы и комиссар продовольствия Петрограда и Северной области. В 1938–1943 гг. председатель Президиума Верховного Совета РСФСР и заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР.

С. 209

...«Вы жертвою пали», а потом уже хоронили. — Похоронный марш русского революционного движения; автор А. Архангельский (настоящие имя и фамилия Антон Александрович Амосов; 1870? — после 1893).

С. 210

Пилицын — Федор Пилицын, бригадир сборки ротора на заводе «Электросила». Участник штурма Перекопа, один из заводских друзей О. Ф. Берггольц.

Прошел Перекоп... — Речь идет об участии в Перекопско-Чонгарской операции 7–17 ноября 1920 г., когда войсками Южного фронта под командованием М. В. Фрунзе были выбиты белогвардейцы генерала П. Н. Врангеля из укреплений на Перекопском перешейке и Сиваше. Подробнее об этом см.: Перекоп и Чонгар: Сб. статей и материалов. М., 1933.

С. 211

Чапельников... — Тимофей Чапельников, обмотчик на заводе «Электросила». О нем см.: Берггольц О. Сердце завода: Глава из истории завода «Электросила» // Ленинградский альманах. 1958. Кн. 15. С. 13–22.

Куликов. — Инженер завода «Электросила».

«Поменьше политической трескотни ≈ организаторам и т. д.» (Ленин, «Великий почин») «Диктатура пролетариата ≈ победы коммунизма». <...> «Коммунизм есть высшая ≈ рабочих». — Цитаты из статьи В. И. Ленина «Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу “коммунистических субботников”», посвященной проблемам формирования новых производственных отношений и новой дисциплины труда в процессе социалистического строительства. Впервые вышла отдельным изданием в июле 1919 г.

С. 212

...на пл<о>щади > Урицкого. — До революции Дворцовая площадь, после октября 1917 г. здесь проходили военные парады и демонстрации. В 1918–1944 гг. площадь стала носить имя председателя Петроградской ЧК Моисея Соломоновича Урицкого (1873–1918), похороненного на Марсовом поле.

...вроде как бы Дос-Пассос... — Дж. Дос Пассос. Подробнее о нем. см. коммент. на с. 674.

С. 213

...разговоры с Маркушей Колосовым... — Марк Борисович Колосов (1904–1989), писатель, драматург, член редколлегии журнала «Молодая гвардия».

...рассказ «Самолет»... — Такой рассказ О. Ф. Берггольц не обнаружен.

...после фильма «Одна?».. — Звуковой черно-белый кинофильм «Одна» 1931 г. Режиссеры — Г. К. Козинцев, Л. З. Трауберг.

...и Бабновым... — Бабнов, рабочий завода «Электросила».

...Сказку в «Чиж» — См.: *Берггольц О.* Новый город // Чиж. 1933. № 10. С. 5–8.

«Чиж», ежемесячный журнал для детей младшего возраста (Ленинград, 1930–1941); редколлегия — Е. Горева, Г. Дитрих (отв. ред.), С. Маршак, Н. Олейников, Л. Пекуровская, Е. Шварц. Об изданиях подробнее см.: *Рахманов И.* Рассказы по памяти. М., 1971. С. 109–144.

...за что любить меня Марките? — Цит. стихотворение «Домой» (1925) В. В. Маяковского.

С. 214

Статья его мне не понравилась... — Л. Л. Авербах выступал в это время во многих газетах. Ближе всего по времени статья 23 марта 1933 г., напечатанная в «Литературной газете», «Вначале было дело...» (о том, зачем Гете нужен пролетариату).

С. 215

Мураша... — Мария Михайловна Чумандрина (1929–1969), дочь М. Ф. Чумандрина и М. А. Чумандриной.

С. 216

Дом Романовых столько за триста лет... — Воцарение Михаила Федоровича Романова в XVII в. положило начало новой правящей династии. 300-летие царствующего дома Романовых отмечалось как праздник, торжественно и всенародно, в течение всего 1913 г.

Вот где оскорбленному есть чувству уголок... — Неточная цитата из монолога Чацкого из комедии «Горе от ума» (1824) А. С. Грибоедова.

Сели прямоугольные сеновцы. — По всей видимости, имеются в виду торговцы Сенного рынка в Ленинграде.

В финках... — Финка, плоская круглая разновидность зимней шапки с меховым спускающимся околышем (назатыльником), прикрывающим уши и шею.

...запахло Охотными рядами. — Охотные ряды, мясные ряды в Москве. «Охотнорядцами» называли в дореволюционной России крайних черносотенцев, погромщиков.

...прочсть: «Мол<одая> гвардия» № 11 за 1931 год. — В журнале «Молодая гвардия» (1931. № 11–12) были опубликованы стихи С. Щипачева («Мы в ответе»), И. Молчанова («Портрет»), А. Решетова («Товарищ Демин»), С. Фиксина («Передовой пост»), Ю. Черного («Переключка»); роман Г. Бутовского («Девятьсот тридцатый»); рассказы К. Нейкранца («Веддинг на баррикадах», пер. с нем.), С. Днепропетровского («Сцепление, эпизоды одного события в литейной»), Я. Милича («Доктор Маркович — друг бедняков»); статьи М. Вейса («Ударная весна (Комсомол Москвы на Подмосковном)»), Х. Гильдина («Протокол № 62»), А. Жарова («Слово в прениях»), О. Фальк («Может быть, повезет (Из серии “Образы рабочей Германии”)»), И. Эльвина («Церковь и борьба буржуазии за молодежь»), А. Мишулина («О теоретических задачах марксистской науки о технике»), а также рецензии Б. Кузьмина («Запоздалое саморазоблачение (О книге Б. Рожкова “Против толстовщины и воронщины”)»), М. Маркова (П. Оровецкий «Сила примера»), Г. Александрова (Майкл Гольд «Еврейская беднота»).

С. 217

...Отец яблоч — Рассказ с таким названием у О. Ф. Берггольц не обнаружен.

...Бай — Рассказ с таким названием у О. Ф. Берггольц не обнаружен.

С. 218

...Верблю<д> — Рассказ с таким названием у О. Ф. Берггольц не обнаружен.

...Томчак и Федин — Рассказ с таким названием у О. Ф. Берггольц не обнаружен.

...Переход через Мамиссон — Мамиссонский перевал проходит через Главный Кавказский хребет в западной части Большого Кавказа на высоте 2911 м над уровнем моря. Через этот перевал ведет Военно-Осетинская дорога. О. Ф. Берггольц посвятила Мамиссонскому перевалу стихотворение «Дорога в горы» (1939–1940).

...Кондратьевщина в борьбе за кадры. — Николай Дмитриевич Кондратьев (1892–1938), экономист; начальник управления экономики и планирования Наркомзема РСФСР.

М<ожет> б<ыть>, и книжку назвать — «Ночь в “Нов<ом> мире”». — Книга рассказов О. Ф. Берггольц была издана именно под таким названием. См.: Берггольц О. Ночь в «Новом мире». Рассказы. Л.: Худож. лит., 1935.

С. 219

Я не запомнил ≈ заплескалась в голубом тазу. — Цит. стихотворение «Происхождение» (1934) Эдуарда Георгиевича Багрицкого (1895–1934).

«Зерна» Реутов... — Реутов, герой рассказа «Зерна» (впервые опубл.: Звезда. 1935. № 3; вошел в сб. «Ночь в “Новом мире”»).

...поклонник Екклезиаста. — Екклезиаст (Проповедник), название священной книги Ветхого Завета; предположительно написана Соломоном в последние годы его царствования.

«Суета — сует»... — Правильно: «...суета сует, — всё суета» (Еккл. 1: 2). Выражение употребляется в значении: мелочные заботы, все ничтожное, бесполезное, не имеющее истинной ценности.

Природа гораздо более враждебна человеку, чем дружественна ему. — Цитата из статьи М. Горького «О пьесах». Первые публикации: Год шестнадцатый. Альманах первый / Под ред. М. Горького. М., 1933; Литературная учеба. 1933. № 2.

С. 220

Гегель... — Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831), немецкий философ.

Не досыпали ≈ комсомольская семья. — Стихотворение «Семья» (1933) О. Ф. Берггольц. Впервые опубл.: Молодая гвардия. 1933. № 6. С. 76.

С. 221

...повесть — «Лесовики»... — Не была написана.

С. 222

...«Слава» — Пьеса не была написана.

...«Гродской архипелаг» Сборничек очерков... — Не был написан.

...«Большая Ангара» — Роман не был написан.

...Борьки Бакушева... — Борис Бакушев, рабочий завода «Электросила».

...Королев... — Рабочий завода «Электросила».

С. 224

Олеша прав... — Юрий Карлович Олеша (1899–1960), прозаик, поэт, драматург, сатирик.

...Милованов — Рабочий завода «Электросила».

У нас еще с три короба раздуки ≈ работу и любовь... — Вариант стихотворения «Порука». Впервые опубли.: *Берггольц О.* Стихотворения. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934.

С. 225

Как зуб молочный белая фанфара ≈ К труду и бою приступить должны. — Варианты неопубликованного стихотворения О. Ф. Берггольц.

С. 226

Роса и сон ≈ прядет ушами. — Вариант неопубликованного стихотворения О. Ф. Берггольц.

С. 227

...Путешествие, Путевка ≈ Зеленые огоньки... — Вариант стихотворения «Путешествие. Путевка» О. Ф. Берггольц (1933). Впервые опубли.: Юный пролетарий. 1933. № 18.

С. 228

Я опять тебя покидаю ≈ И вместе идем в кино! — Вариант стихотворения «Жена» О. Ф. Берггольц. Впервые опубли.: Звезда. 1934. № 2.

С. 230

Пройдет весна ≈ с нами заодно. — Вариант неопубликованного стихотворения. **Как маленькие дети ≈ горе на земле.** — Впервые стихотворение «Майя», посвященное умершей дочери, было опубликовано: *Берггольц О.* Стихотворения. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934.

С. 231

Доченьки не дает покою. — М. Н. Молчанова умерла 25 июня 1933 г.; в справке о причине смерти был указан «детский летний понос» (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 1079. Л. 1, 2).

...отсутствием Войтоловской. — Ада Львовна Войтоловская (1902–1990), литературовед, преподаватель Высшей школы профдвижения; жена историка Николая Игнатьевича Карпова (1894–?). Была репрессирована в 1936 г.

Завтра чистят. — После смерти В. И. Ленина в 1924 г. в рамках внутрипартийной борьбы в местных организациях с различными уклонами и оппозициями периодически происходили «чистки» оппозиционеров. 12 января 1933 г. совместным решением ЦК и ЦКК была объявлена «генеральная» чистка партийных рядов, которая шла на протяжении всего года.

...в сочувствующие не переведут... — Здесь имеется в виду определенное понижение статуса, т. е. исключение из кандидатов партии. Сочувствующие формально в партии не состояли, но всей душой одобряли политику большевиков.

С. 233

Корнилов, Прокофьев... — Б. П. Корнилов, А. А. Прокофьев.

...Гитович... — Александр Ильич Гитович (1909–1966), поэт, переводчик.

Лаской вымолила ≈ в соревнование... — Б. П. Корнилов обыгрывает текст детской книжки О. Ф. Берггольц «Как Ваня поссорился с баранами» (1929).

Была вчера у М. М. Шкапской. — Мария Михайловна Шкапская (урожд. Андреевская; 1891–1952), писательница. В 1932 г., по приглашению М. Горького, стала работать в проекте «История заводов и фабрик» — над историей завода им. К. Маркса.

С. 234

...высказывание Энгельса — поворотный пункт к рабочему движению. — Одна из центральных работ Ф. Энгельса называется «Рабочее движение в Германии, Франции, Соединенных Штатах и России» (1878). Каким высказыванием Энгельса О. Ф. Берггольц хотела воспользоваться для своей статьи — неизвестно.

Подарила она мне две книжечки своих стихов. — Предположительно, речь идет о сборниках: *Шкапская М. М.* Явь. Поэма. М.: Круж, 1923; *Она же.* Земные ремесла. М.: Всерос. союз поэтов, 1925.

...в связи с началом ее книги о Д<испозиции> Б<оя>. — Речь идет о работе М. М. Шкапской над книгой «Диспозиция боя» для серии «История фабрик и заводов»; повесть была опубликована в альманахе «Год XVIII» (1935. Кн. 6).

Тихонов еще не видел книжки целиком... Как-то пойдет редаKTура с ним? — Предположительно, речь идет о редаKTуре книги О. Ф. Берггольц «Стихотворения» в Издательстве писателей в Ленинграде.

В. А. Шелгунов... — Василий Андреевич Шелгунов (1867–1939), участник социал-демократического движения в России; член РСДРП с 1898 г. В 1905 г. вел агитационную работу по заданиям Петербургского комитета РСДРП,

в декабре арестован; в тюрьме полностью потерял зрение. С 1911 г. официальный редактор большевистской газеты «Звезда». В 1918–1920 гг. на подпольной работе на Кубани. С 1924 г. персональный пенсионер; был членом Президиума Всесоюзного общества старых большевиков.

...Бруснев... — Михаил Иванович Бруснев (1864–1937), организатор одной из первых в России социал-демократических групп; в революционном движении с 1881 г. В апреле 1892 г. был арестован, четыре года сидел в тюрьме, затем был сослан в Якутию. С 1901 г. участвовал в работах Русской полярной экспедиции; вернулся в С.-Петербург в 1904 г. Примыкал к социал-демократической группе Союза инженеров; в 1907 г. был в числе выборщиков в Государственную думу от левого блока. Впоследствии от политической деятельности отошел.

...Карелина. — Вера Марковна Карелина (урожд. Маркова; 1870 — после 1925), деятель российского рабочего движения, один из лидеров «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», соратница Г.Е. Гапона.

С. 236

О, доченька, все связано с тобою ≈ называем смертью... — Вариант стихотворения О.Ф. Берггольц «Память» (1934). В окончательном варианте: «О, девочка, все связано с тобою...» Впервые опубли.: Литературный современник. 1935. № 6. С. 38.

...Зельштранту. — Так в тексте. Правильно: Зельштранд, член марксистского кружка, рабочий завода «Сименс и Гальске».

...читать «Что делать». — «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения», книга В.И. Ленина, в которой всесторонне обоснована идея создания пролетарской партии нового типа. Работа написана в конце 1901 — начале 1902 г. Напечатана впервые в 1902 г.

...два вечера у Гриши Корабельникова. — Григорий Маркович Корабельников (1904–1996), литературный критик; в 1934 г. окончил Институт красной профессуры. В 1935 г. ответственный секретарь главной редакции «Две пятилетки».

С. 237

Что делать, сердце, мне с тобою?.. — Слова из цыганского романса.

...о Сыровайском... — Сыровайский, рабочий завода «Электросила», прототип одного из героев не написанного О.Ф. Берггольц романа «Цех фантазеров».

С. 238

...участие в отрядах чона... — Части особого назначения (ЧОН, части осназ), «коммунистические дружины», «военно-партийные отряды», создававшиеся при заводских партийных ячейках (партячейках), принимали участие в раскулачивании.

...«молодым человеком» ≈ до конца наш. — Предположительно, речь идет о серии «История молодого человека», задуманной М. Горьким (подробнее см.: Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956, Т. 26. С. 158–172).

Эдакий Ипполит, из «Идиота»... — Ипполит Терентьев в романе «Идиот» (1867–1868) Ф.М. Достоевского — образ самоубийцы.

Мы — Каины... — Каин, один из сыновей Адама и Евы; после того, как он убил своего брата Авеля (это было первое убийство на земле), имя «Каин» стало нарицательным для преступника, убийцы.

С. 240

...Ильин... — Александр П. Ильин, передовой рабочий завода «Сименс и Гальске», участник марксистского кружка.

Оттуда — звонок на Козицкий... — Имеется в виду радиотехнический приборостроительный завод в С.-Петербурге. Один из старейших заводов в России. Основан в 1853 г. как Главные телеграфные мастерские немецкой фирмы «Сименс и Гальске», с 1881 г. — завод акционерного общества «Сименс и Гальске». В 1927 г. был назван в честь Николая Григорьевича Козицкого (Казицкого; 1880–1920), который создал в цехах большевистскую организацию и сформировал красногвардейский отряд, принявший участие в восстании в октябре 1917 г.

О.Ф. Берггольц писала об истории этого завода в очерке «Из истории заводов “Электросила” и имени Козицкого» (Звезда. 1935. № 1).

...разговор с Кабановым... — Кабанов, сотрудник издательства «История заводов».

М. Колотозов... — Так в тексте. Правильно: Михаил Константинович Калатозов (1903–1973), кинорежиссер, в 1930-х гг. был аспирантом в ГИИИ. Автор культовых советских фильмов, в том числе «Летят журавли» (1957).

...говорил об ЭПРОНе. — Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН), специальная организация для подъема затонувших судов и проведения аварийно-спасательных работ. Создана в 1923 г. решением ОГПУ для поиска затонувшего в районе Балаклавы в 1854 г. английского парохода «Черный принц» с предполагавшимся большим грузом золота на борту. ЭПРОН занимался подъемом затопленных и затонув-

ших судов в Черном море, а с 1929 г. — спасением судов, терпящих бедствие. В 1932 г. ЭПРОН стал единственной организацией, осуществляющей судоподъемные, аварийно-спасательные, водолазные, опытные подводные работы, проводимые на всех морях, реках и озерах СССР.
...Садко... — Речь идет о корабле «Садко», затонувшем в 1915 г. на дне Белого моря; в 1933 г. была проведена редкая судоподъемная операция под руководством академика Ф. И. Крылова.

С. 241

Прижимаюсь щекою ≈ как улитка, зимы... — Цит. стихотворение «Зима» (1913) Б. Л. Пастернака.

Альманах «Год шестнадцатый»... — «Год шестнадцатый. Альманах первый», общественно-политический и литературно-художественный альманах (М.: Советская литература, 1933). Редколлегия — М. Горький, Л. Авербах, Е. Габрилович, В. Ермилов, Вс. Иванов, В. Кирпотин, П. Павленко, Н. Тихонов, А. Фадеев.

...рассказы Юрия Германа о «Беломорской книге»... — Речь идет о книге: Беломорско-Балтийский канал им. Сталина. История строительства / Под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М., 1934. Книга подготовлена по постановлению Главной редакции «История фабрик и заводов» от 13 августа 1933 г.

С. 242

А у перепелочки грудка болит ≈ перепелка! — Белорусская народная песня.
...Левка Л<евин>. — Лев Ильич Левин (1911–1998), критик, друг О. Ф. Берггольца и автор воспоминаний о ней (см.: *Левин Л. Жестокий расцвет* // Новый мир. 1979. № 4. С. 170–191).

Франкфурт <?>... — Заместитель начальника Ленэнерго.

...глупого Яши Грузинского. — Яков Ильич Грузинский (1902–1943), уполномоченный ЧК, рабочий корреспондент фабрики «Скороход», член правления ЛАПП, сотрудник редакции «История фабрик и заводов»

С. 243

Поймут ли ≈ заслужили их грусть! — Цитата из дневника от 11 сентября 1842 г. Александра Ивановича Герцена (1812–1870), вошедшая в книгу воспоминаний «Былое и думы» (1854–1862).

...должно быть «все пережитое, и все, чем я еще живу». — Цит. стихотворение «Волны» (1931) Б. Л. Пастернака.

1934 год

1/1-34 Как непривычно... (С. 247–253, 269–272).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 341).

Датируется с 1 января по 25 апреля 1934 г.

Записи дневника представляют собой в большей степени подготовительные материалы к истории завода «Электросила», над которой О.Ф. Берггольц работала в эти годы. Материалы легли в основу очерка Берггольц «С Союзом борьбы» (Электросила. 1934. 31 декабря).

Ольга Берггольц 1934 год Ленинград (С. 253–269).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 342).

Датируется с 4 февраля по 18 апреля 1934 г.

Ольга Берггольц, 19345/V (С. 272–286).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 343).

Датируется с 5 мая по 1 июля 1934 г.

15/VII <1934 г> Надо бы снова ввести в употребление дневник (С. 286–287).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 1–10б.).

Датируется 15 июля 1934 г.

Запись на отдельном листе.

С. 247

...как будет перестраиваться наша партийная система после съезда? — Речь идет о XVII съезде ВКП(б), который проходил в Москве с 26 января по 10 февраля 1934 г. и получил название «Съезд победителей».

...Калганов глупее Банко, Тоня и Орешин просто неудачны. — Герои повести «Журналисты».

С. 248

Но для меня неразделимы ~ Иного — страшного — огня... — Цит. стихотворение «Они читают стихи» (1907) А.А. Блока.

Упрямый, милый, кареглазый ~ по складам!.. — Вероятно, неопубликованное стихотворение О.Ф. Берггольц.

...эпигонщина Ахматовой... — Анна Андреевна Ахматова (настоящая фамилия Горенко; 1890–1966), поэт. Ахматова и О.Ф. Берггольц были знако-

мы с 1928 г. их дружеские отношения продолжались всю жизнь. Бергольц посвятила ей несколько стихотворений.

С. 249

Поздняк<ов>... — Механик С.-Петербургского электротехнического института.

С. 250

...Князев... — Владимир Александрович Князев (1871–1925), слесарь порта Ново-Адмиралтейства, с 1889 г. — мастеровой. Пропагандист, активный участник рабочих кружков, где вел занятия В. И. Ленин. Первое собрание кружка проходило в его квартире на Петроградской стороне (угол Съезжинской и Пушкинской лиц). Завербовал в кружок А. П. Ильина.

...Б. Зиновьев. — Борис Зиновьев, молодой рабочий Путиловского завода, слесарь. Кружок собирался на его квартире по адресу: Огородный переулок, д. 6. Там вел занятия В. И. Ленин. Это был центр партийной работы за Невской заставой.

...с Сильвиним. — Михаил Александрович Сильвин (1874–1955), революционер. Принимал на своей квартире на Конюшенной улице в Царском Селе членов РСДРП, в том числе В. И. Ленина. Присоединился к социал-демократическому движению в 1891 г.

...с Фишером... — Фишер, создатель кружка, рабочий завода «Сименс и Гальске».

...Кейзер... — Иван Кейзер, рабочий, руководитель кружка «Российского страхового общества».

...Яковлев. — Иван Иванович Яковлев (1873–1927), токарь завода «Сименс и Гальске», член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В его квартире по адресу: улица Наличная, д. 71, кв. 4 в 1894 г. собирался кружок, где вели занятия В. И. Ленин, И. В. Бабушкин и др.

...в Елизаветинский институт... — Елизаветинский институт (Елизаветинское училище), учебное заведение для женщин, существовавшее в С.-Петербурге в XIX–XX вв.

С. 251

...поступил на завод к Яковлеву. — Имеется в виду первый русский завод керосиновых двигателей Е. А. Яковлева (основан в 1891 г.).

...поступил в Арсенал... — Речь идет о военном учреждении по производству и ремонту боеприпасов «Литейный деловой и пушечный двор», более известном как Арсенал.

- Читали Лассалья...** — Фердинанд Лассаль (1825–1864), немецкий политический деятель и писатель. Последователь идей К. Маркса и Ф. Энгельса.
- ...в день смерти Александра III.** — Александр III Александрович (1845–1894), российский император, умер 1 ноября (20 октября) 1894 г.

С. 252

- ...связь с Союзом Борьбы.** — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», политическая организация социал-демократического направления. Создана В. И. Лениным в конце 1895 г. Руководила революционным и стачечным движением в С.-Петербурге.
- ...поставили «Скупого рыцаря»...** — «Скупой рыцарь» (1830), одна из «маленьких трагедий» А. С. Пушкина.
- ...«Тесть любит честь»...** — Комедия в одном действии с куплетами Лоренсена (Т. Э. Шапеля) и А. О. Мейера (пер. с фр. Ф. Н. Рюмина. СПб., 1862).

С. 253

- Плинер — Григ<орий> Давыд<ович>** — Сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института метеорологии (см.: *Весь Ленинград: Адресная и справочная книга.* [Л.,] 1935).
- ...М. И. Московск<ого>...** — Михаил Иванович Московский, инженер (см.: Там же).

С. 255

- ...Колосов взял их...** — М. Б. Колосов.
- Кроме — «о, доченька»...** — Речь идет о стихотворении: *Берггольц О. Б. Память («О, девочка, все связано с тобой...»)* // *Литературный современник.* 1935. № 6. С. 38.
- ...Пашка Тонберг...** — Павел Готаилович Тонберг, сотрудник газеты «Ленинградская правда». На фронте писал листовки, обращенные к немецким солдатам, участвовал в выпуске радиогазет. Погиб в июне 1944 г. в районе Выборга.
- ...значок Г.Т.О.** — «Гтов к труду и обороне» (ГТО), физкультурный комплекс, составляющий основу государственной системы физического воспитания. В комплекс входят гимнастические упражнения, бег (на короткие и средние дистанции), прыжки (в длину или высоту), метание (диска, копья, толкание ядра и др.), плавание, лыжные гонки (для бесснежных районов — марш-бросок или велогонки), стрельба (только для юношей). Комплекс введен в 1931 г. по инициативе ЦК ВЛКСМ; в 1932 г. дополнен второй ступенью и в 1934 г. — ступенью «Будь готов к труду и обороне» (БГТО).

С. 256

Передачи XVII съезда. — XVII съезд ВКП(б) проводил свою работу с 26 января по 10 февраля 1934 г. в Москве; на съезде присутствовало 1225 делегатов с решающим голосом и 736 с совещательным голосом. На повестку дня были вынесены вопросы: отчетный доклад ЦК ВКП(б) (И. В. Сталин), отчетный доклад Центральной ревизионной комиссии (М. Ф. Владимирский), отчетный доклад ЦКК-РКИ (Я. Э. Рудзутак), отчетный доклад делегации ВКП(б) в ИККИ (Д. З. Мануильский); план второй пятилетки (В. М. Молотов и В. В. Куйбышев); организационные вопросы (Л. М. Каганович), а также выборы центральных органов партии. На съезде была принята резолюция «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.)». Основной хозяйственной задачей ставилось завершение технической реконструкции всего народного хозяйства. Принята резолюция по организационным вопросам. Повышалась требовательность к коммунистам и к вступающим в члены партии: для вступающих в ВКП(б) увеличивались число рекомендаций и стаж для рекомендуемых. На съезде выступили с покаянными речами и признанием успехов партии бывшие лидеры оппозиционных группировок Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, М. П. Томский и др. В ходе работы съезда был избран ЦК в составе 71 члена и 58 кандидатов; избраны были Центральная ревизионная комиссия, Комиссия партийного контроля, тайным голосованием одобрен состав Комиссии советского контроля.

Гибель стратостата. — 30 января 1934 г. стратостат «Осоавиахим-1» в научно-исследовательском полете, посвященном XVII съезду ВКП(б), достиг высоты 22 000 м и установил новый мировой рекорд. При спуске стратостат потерпел аварию, все члены экипажа (командир экипажа пилот-аэронавт П. Ф. Федосеенко, инженер-аэролог А. Б. Васенко, физик И. Д. Усыскин) погибли; похоронены на Красной площади у Кремлевской стены.

С. 258

Переговоры со Шпицбергенем. — 28 декабря 1932 г. во время снабжения угольного рудника «Артикуголь» и гидрологических исследований возле о. Шпицберген сел на мель линейный ледокол арктического флота «Малыгин» (построен в 1912 г. в Англии, назван «Соловей Будимирович», в 1921 г. переименован в честь русского исследователя Арктики Степана Гавриловича Малыгина [?-1764]). 9 января 1933 г. на выручку «Малыгину» из Мурманска был отправлен отряд в составе ледокола «Ленин» и спасательного буксира «Руслан».

Я сегодня решила ≈ Прощай же, моя дорогая. — Из городского фольклора.
Что за чудо парочка ≈ сумей забыть... — Из городского фольклора.

С. 259

Нам пора расстаться ≈ до гроба. — Слова из городского романса.
В глухом городишке ≈ летите вы ветра быстрее... — Старинный романс.

С. 260

Позарастали стезжки-дорожки ≈ Я отобьюся. — Русская народная песня.
Читаю ижорскую историю, «16 Заводов». — Речь идет о книгах: *Завьялов С.* История Ижорского завода. М.: История заводов, 1934. Т. 1; Шестнадцать заводов: Главы из истории / Под ред. Л. Авербаха. [М.], 1933.

С. 261

...работу — биографию Дзержинского... — В очерке «От деткора к писателю» О. Ф. Берггольц писала, что начала работу над книгой для пионеров о Ф. Э. Дзержинском. Однако работа не была доведена до конца, в журнале «Костер» был опубликован лишь отрывок «Два побега» (1936. № 1. С. 49–53).
...дом МОПРа (детский) в Москве. — Детские дома МОПР (Международной организации помощи борцам революции) открывались в разных городах Советского Союза для иностранных школьников, родители которых были профессиональными революционерами.
...Европейка... — Имеется в виду гостиница «Европейская» в Ленинграде, которой заведовал отец Л. Л. Авербаха Леонид Исаакович Авербах. О. Ф. Берггольц и Л. Л. Авербах встречались там, когда он приезжал в Ленинград. Подробнее о гостинице см. коммент. на с. 646.

С. 262

...все-таки не удался Калчанов. — Главный герой повести «Журналисты».
У Люблинского... — Владимир Сергеевич Люблинский (1903–1968), историк-медиевист, книговед, палеограф.
...жены Л<юблинского> — Шуры. — Александра Дмитриевна Люблинская (урожд. Стефанович; 1902–1980), историк, архивист, палеограф, преподаватель.
...что мне Гекуба? — См. коммент. на с. 677.

С. 263

«И увидел бог, что это хорошо». — Ср.: «И увидел Бог, что *это* хорошо» (Быт. 1: 8).

...не идет с Гором... — Геннадий (Гдалий) Самойлович Гор (1907–1981), писатель.

...Островым... — Сергей Григорьевич Островой (1911–2005), поэт.

...Димтроченко... — Так в тексте. Речь идет о И. Т. Дмитроченко.

Узнала от Торы... — Тора, домашнее прозвище Виктории Молчановой.

С. 264

Был Бабенцов... — Журналист, один из предполагаемых соавторов О. Ф. Берггольц по истории завода «Электросила».

Очень теплое, хорошее письмо от А. М. Горького, о книжке. — Речь идет книге «Стихотворения» (Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934), отправленной М. Горькому с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу. О. Берггольц»; книга хранится в личной библиотеке М. Горького (см.: Личная библиотека А. М. Горького в Москве. Описание: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 146. № 2366). В ответном письме Горький делился впечатлениями от книги: «Ваши стихи понравились мне. Они кажутся написанными для себя, честно о том “именно”, что чувствуется Вами, о чем думаете Вы, милый человек, все очень просто, без фокусов, без игры словом, и веришь, что Вам поистине дороги “республика, работа, любовь”. Это очень цельно и этого вполне достаточно на жизнь хорошего человека» (*Берггольц О. Два письма Горького // Литературная газета. 1958. 29 марта. № 38*).

...пришла с пленума писателей. — Речь идет о расширенном пленуме Ленинградского Оргкомитета ССП, на котором С. Маршак, К. Федин, А. Толстой, О. Форш, Н. Тихонов и др. во время своих выступлений поддержали призыв М. Горького бороться за чистоту языка. Тема этого пленума была продолжена на расширенной дискуссии в Оргкомитете ССП, проходившей с 9 по 11 апреля 1934 г. в Москве (см.: Литературная газета. 1934. 12 апреля).

Доклад Юдина... — Павел Федорович Юдин (1899–1945), ответственный секретарь Оргкомитета ССП; главный редактор журнала «Литературный критик».

...выступление пьяного Алексея Толстого... — Алексей Николаевич Толстой (1883–1945), писатель.

Федин... — Константин Александрович Федин (1892–1977), писатель.

...и Мамин. — Николай Иванович Мамин (1906–1968), красноярский писатель. Печатался в «Звезде», «Молодой гвардии», «Смене». Был арестован 28 июня 1936 г. Приговорен к восьми годам ИТЛ. Повторно арестован 8 января 1949 г. Освобожден в 1953 г. после смерти И. В. Сталина.

С. 265

Не Геннадий же я Фиш... — Геннадий Семенович Фиш (псевд. Гэф, Генрих Барш; 1903–1971), поэт, прозаик, переводчик, драматург. Выпускник ГИИ (1924) и факультета общественных наук ЛГУ (1925). С 1924 г. член ЛАПП и группы «Стройка». К 1928 г. выпустил два стихотворных сборника: «На Неве» (Л., 1926) и «Разведка» (Л., 1927).

Скоро выйдут «Пимокаты»... — См.: Берггольц О. Пимокаты с Алтайских / Обл. и рис. П. Басманова. Л.: Детгиз, 1934; экземпляр книги был подарен автором М. Горькому и в настоящее время хранится в Личной библиотеке последнего (см.: Личная библиотека А. М. Горького в Москве. Описание. Т. 1. С. 64. № 744).

С. 266

Вышла «Зима-лето»... — См.: Берггольц О. Зима — лето — попутай. 2-е изд. Л., 1933. Это издание вызвало резко отрицательную критику, см.: Яновская Э., Вирт В. Вредная книжка // Критико-библиографический бюллетень: Детская и юношеская литература. 1934. № 5. С. 17–19.

...«Роддом»... — Рассказ вышел под названием «Сын» в журнале «Литературный современник» (1935. № 12. С. 85–101).

С. 269

Гессен (историк) — Предположительно, Сергей Яковлевич Гессен (настоящая фамилия Шмулевич; 1903–1937), историк, литературовед; в 1926–1933 гг. был секретарем и членом Президиума Всероссийского общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. С 1934 г. научный сотрудник Пушкинского Дома (ИРЛИ).

...восстанавливать против Сименса... — Эрнст Вернер фон Сименс (1816–1892), немецкий изобретатель, ученый, промышленник. В 1847 г. открыл фирму «Телеграфен-Бауанштальт», а затем вместе с талантливым механиком Иоганном Георгом Гальске — предприятие «Сименс и Гальске». В 1912 г. фирмой Сименса в С.-Петербурге был построен завод «Электросила», газовое уличное освещение заменено электрическим. История фирмы «Сименс» в России насчитывает почти 160 лет. Первое бюро компании было открыто в С.-Петербурге еще в 1853 г. Сименс развивал компанию в России и в мире во всех доступных ему отраслях — строительство электростанций, трамвайных линий, электрооборудование, нефтедобыча. Развитие российской и советской промышленности напрямую связано с деятельностью компании «Сименс».

«Телеграф входил в Россию вместе с войной»... — Телеграф, старейший вид электрической связи, появился в 1830-х гг. Основы телеграфии были заложены в России работами П. Л. Шиллинга, создавшего в 1832 г. первый практически пригодный комплекс устройств для общения. В 1836 г. Шиллинг построил экспериментальную линию телеграфа, проходившую вокруг здания Адмиралтейства (С.-Петербург), затем им была организована телеграфная связь Зимнего дворца с Главным штабом (1841) и с Главным управлением путей сообщения и публичных зданий (1842). Однако развитие телеграфа с 1850-х гг. было связано, в большей степени, с ростом промышленности и сети железных дорог.

Николай I был ценителем... — Николай I Павлович (1796–1855), российский император с 1825 г.

С. 271

Радовский. — Моисей Израилевич Радовский (1903–1964), историк науки и техники. Научный сотрудник Института истории науки и техники (1931–1938).

...в открытии Фарадея. — Майкл Фарадей (1791–1867), английский физик, химик и физико-химик, основоположник учения об электромагнитном поле. Фарадей занялся исследованием связи между электрическими и магнитными явлениями; его исследования завершились в 1831 г. открытием электромагнитной индукции, которое сразу же приобрело огромное научное и практическое значение, став основой электротехники.

Якоби был не единственным ученым. — Борис Семенович Якоби (Мориц Герман Якоби; 1801–1874), известный немецкий и российский физик, изобретатель первого буквопечатающего телеграфа. Идея ученого легла в основу последующих электромагнитных телеграфных аппаратов.

Уваров писал... — Сергей Семенович Уваров (1786–1855), граф; с 1818 г. президент С.-Петербургской академии наук, в 1833–1849 гг. министр народного просвещения.

Кто такой был Шиллинг ≈ разгромивший декабристов. — Павел Львович Шиллинг (1786–1837), электротехник, востоковед, называемый «русским Калиостро». После окончания в 1802 г. 1-го кадетского корпуса служил в российском Генеральном штабе; участвовал в сражениях во время Отечественной войны 1812 г. Конструктор мины с электрическим запалом, которая была использована в специальных подразделениях русской армии во время войны. После войны служил в МИД, организовав при нем первую в России гражданскую литографию. Утверждение О. Ф. Берг-

голец о том, что он был «шпик, разгромивший декабристов», явно базируется на каких-то ложных вульгарно-социологических исторических брошюрах. Шиллинг был ученым, увлеченным своими исследованиями. Даже в захваченном русскими Париже, пока все праздновали победу, будучи гусаром, он отправился знакомиться с французскими учеными, и в первую очередь, на почве интереса к электричеству, с Андре Ампером. Шиллинг был близким другом А. С. Пушкина, и в 1830 г. они вместе собирались отправиться в путешествие на Восток (Монголия, Китай).

...источники... — Возможные источники, с которыми работала О. Ф. Бергголец на тему рабочего движения, были: Творчество. 1920. № 7 (здесь были опубликованы наброски воспоминаний о «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса»); Крупская. Страницы из истории Российской социал-демократической партии // Солдатская правда. 1917. 13 мая; Старая Гвардия. М.; Л., 1926; Воспоминания И. В. Бабушкина (1893–1900). Л., 1925; Летопись марксизма. 1927. № 4; О революционном прошлом Петербургского металлического завода (1881–1905). Л., 1926; Шаповалов А. С. По дороге к марксизму. Воспоминания рабочего-революционера. М., 1922; Михайлов Я. А. Из жизни рабочего // Прибой. Альманах. Л., 1925; Сулимов С. Н. Воспоминания обуховца (1900–1903) // Пролетарская революция. 1922. № 12; Пернафорт В. И. 7 мая 1901 года на Обуховском заводе // Обуховская оборона в 1901 году. М.; Л., 1926.

С. 272

...у Ирины рецидив эндокардита. — Эндокардит, воспаление внутренней оболочки сердца (эндокарда). При преимущественном поражении эндокарда клапанов возникает порок сердца.

С. 273

«Стала желтой и припадочной, еле ноги волочу». — Цит. стихотворение «От любви твоей загадочной...» (1921) А. А. Ахматовой.

Ими открывают 4 № «Звезды»... — См.: Бергголец О. Журналисты // Звезда. 1934. № 4. С. 3–29; № 5. С. 3–29.

Гитара, невская застава, Огонь зеленый на мосту... — Неизвестное стихотворение О. Ф. Бергголец.

...вечер у Канторовича... — Лев Владимирович Канторович (1911–1941), писатель, сценарист.

Прочла «Похищение Европы». — Роман «Похищение Европы» (1933–1935) К. А. Федина; в основу романа легли впечатления от жизни за границей.

...обсуждение на «Молодом Объединении». — В середине 1930-х гг. при газете «Смена» было образовано «Молодое объединение поэтов».

В этом отношении хорошо «Друзьям». — Неопубликованное стихотворение О. Ф. Берггольц «Друзьям» («Все вы странники: каждый, каждый...» // РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 14).

Перечитывала Эйхенбаума — «Анна Ахматова»... — Монографическое исследование 1923 г. Бориса Михайловича Эйхенбаума (1886–1959), литературоведа.

С. 274

...встретиться также с Запорожцем... — Иван Васильевич Запорожец (1885–1937), заместитель начальника Ленинградского управления НКВД. Был арестован вскоре после убийства С. М. Кирова в декабре 1934 г. Расстрелян в 1937 г.

У Горького умер сын, Максим. — Максим Алексеевич Пешков (1897–1934), сын М. Горького, умер 11 мая 1934 г. В обвинительном заключении говорилось о его умерщвлении П. П. Крючковым, секретарем М. Горького, по указанию Г. Г. Ягоды. Это обвинение было выдвинуто во время бухаринско-троцкистского процесса 1938 г. (подробнее об одной из версий его смерти см.: ...Славная моя человечница... Горький и его окружение (1928–1936 гг.) / Воспоминания Алмы (П. Т. Кусургашевой); публ. А. П. Погожевой (Кусургашевой). М., 2004. С. 75).

...не по Покровскому... — Михаил Николаевич Покровский (1868–1932), историк, академик АН СССР (1929).

...Завьялов — не художник, и его хорошая книга... — Речь идет о книге: *Завьялов С. История Ижорского завода*. М.: История заводов, 1934. Т. 1.

С. 275

...«друга первый взгляд, взволнованный и жуткий...» — Неточная цитата из стихотворения «Да, я любила их, те сборища ночные...» (1917) А. А. Ахматовой. Ср.: «...беспомощный и жуткий».

...говорит Шкапская: «будет медь звенящая и трубы»... — Цит. стихотворение «Причастницей войду в твою постель...» из цикла «Земные ремесла» (1925) М. М. Шкапской.

Друзин очень хвалил... — Валерий Павлович Друзин (1903–1980), критик, филолог, литературовед.

...Лозинский не взял... — Залман Борисович Лозинский (1892–1936), историк литературы; директор Института литературы при Комакадемии. С 1933 г. возглавлял редколлегия журнала «Литературный современник». Арестован в 1937 г.

стован в июне 1936 г.; расстрелян в ноябре 1936 г. за принадлежность к троцкистско-зиновьевской оппозиции. Реабилитирован в 1957 г.

Взял его читать Козаков. — Михаил Эммануилович Козаков (1897–1954), писатель; с 1933 г. ответственный редактор журнала «Литературный современник».

...о просто смешных Вайсенберге... — Лев Маркович Вайсенберг (1900–1973), писатель, переводчик.

...и Марвиче. — Соломон Маркович Марвич (1903–1970), писатель.

...попробовать послать Вовке Ермилову? — Владимир Владимирович Ермилов (1904–1965), литературовед, критик; с 1932 г. главный редактор журнала «Красная новь».

С. 276

Будет прием в Союз Писателей. — При подготовке Союза советских писателей в литературных организациях страны проводился смотр творческих сил, итоги которого и были положены при решении вопроса о зачислении в будущий союз. В мае 1934 г. начала свою работу Комиссия по приему в члены Союза писателей. 14 мая 1934 г. «Литературная газета» сообщила первые результаты работы комиссии, опубликовав список писателей, принятых в ССП и не принятых. 5 июня 1934 г. секретарь Оргкомитета ССП П. Ф. Юдин прислал М. Горькому списки принятых и непринятых в члены Союза писателей (подробнее об этом см.: М. Горький и П. Юдин: Неизданная переписка / Вступ. ст., текст и коммент. О. В. Быстровой // М. Горький в зеркале истории / Редкол.: Л. А. Спиридонова (отв. ред.), Н. Н. Примочкина, М. А. Семашкина. М., 2010. С. 620–690).

...Коля не поступит в Институт... — В сентябре 1934 г. Н. С. Молчанов поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Академии искусствознания.

Если «30 дней»... — «30 дней», литературный журнал (Москва, 1925–1941). Главный редактор — В. Регинин. Выпускался издательствами «Земля и фабрика» (1925–1932), ГИХЛ (1932–1941).

...«Кр<асная> новь»... — Об издании см. коммент. на с. 673.

...в И<нститу>ге растениеводства. — Всесоюзный научно-исследовательский институт растениеводства им. Н. И. Вавилова ВАСХНИЛ (ВИР; с 1894 г. — Бюро по прикладной ботанике и селекции, в 1924–1930 гг. — Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур), крупнейший научный и методический центр по растениеводству в СССР. Находится в С.-Петербурге. Основная проблематика — мобилизация мировых растительных ресурсов, их комплексное изучение и использование в народном хозяйстве.

...в доме партактива. — Дом Партактива находился на углу Невского проспекта и р. Мойки (д.15, бывший Елисеевский особняк и знаменитый ДИСК — Дом искусств). В 1920-е гг. там располагались Центральный партийный клуб и АПОЛК (Агитационный пролетарский отдел Ленинградской коммуны), в 1930-е — издательства партийных журналов, Закрытый распределитель для ОГПУ и милиции, Ленинградский институт истории ВКП(б). С 1937-го — Дом партактива Ленинградского комитета ВКП(б), в 1939–1940 гг. — Центральный дом партактива Ленинградского горкома ВКП(б). Позже в нем будут находиться Дом политического просвещения и Университет марксизма-ленинизма.

С. 277

...Музей связи — Центральный музей связи им. А. С. Попова, основан в 1872 г.; с 1924 г. располагается в бывшем дворце князя А. А. Безбородко по адресу: С.-Петербург, Почтамский переулок, д. 4.

...Музей революции — Музей Великой Октябрьской социалистической революции находился в бывшем особняке М. Ф. Кшесинской (улица Куйбышева, д. 4). Ныне — Музей политической истории России в С.-Петербурге.

...Чехова «Скрипка», «Цветы запоздалые»... — «Скрипка Ротшильда» (1894), «Цветы запоздалые» (1882), рассказы А. П. Чехова.

Видела «Вершины счастья». — «Вершины счастья» (1934), пьеса Дж. Дос Пассоса.
Все эти «Суды», «Вступления», «Джой-стриты»... — Речь идет о пьесе «Суд» (1933) В. Киршона, о пьесе по роману «Вступление» (1934) Ю. П. Германа (режиссер — Вс. Э. Мейерхольд) и о пьесе «Джой-стрит» («Улица радости», 1932) Н. А. Зархи.

С. 278

Гуд бай! Пикадилли... — Цитата из текста песенки времен Первой мировой войны (1915), герой сюжета — английский солдат, покидающий Лондон; автор стихов Ф. Альберт.

С. 279

...Далецкий... — Павел Леонидович Далецкий (1898–1963), писатель.

...Соболевский... — Евгений (Иона) Григорьевич Соболевский (настоящая фамилия Берлин; 1905–1941), писатель.

...Остров... — С. Г. Островой.

...и Левка! — Л. И. Левин.

- ...принять за счет Костарева...** — Николай Константинович Костарев (1893–1941), писатель-очеркист.
- ...Штейна...** — А. П. Штейн.
- ...что не взяли Малахова...** — Сергей Арсеньевич Малахов (1902–1973), поэт, критик, член ЛАПП.
- ...Люсичевского...** — Так в тексте. Правильно: Николай Васильевич Лесючевский (1908–1978), критик, издательский работник. В 1930-е гг в Ленинграде консультант НКВД по вопросам литературы; с 1958 по 1978 г был директором издательства «Советский писатель».
- ...на просмотре «Гармони»...** — «Гармонь», черно-белый фильм 1934 г, производство Межрабпром. Режиссер — И. Савченко; сценаристы — А. Жаров, И. Савченко; в ролях — З. Федорова, П. Савин, Н. Горлов и др.
- Когда Володька Беляев...** — Владимир Павлович Беляев (1909–1990), писатель; член ССП с 1938 г.

С. 280

- ...статейки Селивановского об «я люблю»...** — Алексей Павлович Селивановский (1900–1938), критик; один из руководителей РАПП. В данном случае речь идет о статьях Селивановского, посвященных роману «Я люблю» (1934) Александра Остаповича Авдеенко (1908–1996).
- ...взять XVII съезд...** — О съезде см. коммент. на с. 706.
- ...доклад Кобы.** — Коба, партийная кличка И. В. Сталина.
- ...орден, данный Бродскому.** — Исаак Израилевич Бродский (1883–1939), живописец, график, автор обширной изобразительной ленинианы. В 1934 г был награжден орденом Ленина и возглавил только что созданную Всероссийскую академию художеств.
- ...Жарова...** — Александр Алексеевич Жаров (1904–1984), поэт, один из основателей объединения комсомольских писателей «Молодая гвардия».
- ...Уткина...** — Иосиф Павлович Уткин (1903–1944), популярный в 1930-е гг. молодой советский поэт.
- А Киршон!!!** — Владимир Михайлович Киршон (1902–1938), поэт, драматург. Участник Гражданской войны. Организатор Ассоциации пролетарских писателей в Ростове-на-Дону и на Северном Кавказе. С 1925 г. один из секретарей РАПП в Москве. 26 мая 1937 г. исключен из состава правления ССП. В 1937 г. вместе с Л. Л. Авербахом арестован и обвинен в принадлежности к «троцкистской группе в литературе». Расстрелян в 1938 г.

С. 281

Горький отчебучил статейку по разным поводам. — Речь идет о статье: *Горький М.* О литературных забавах // Правда. 1934. 14 января. № 162. В этой статье М. Горький обрушился на нескольких писателей из рабочей молодежи, связанных с комсомолом, за то, что они культивируют нравы литературной богемы. Главный удар был направлен против поэтов Ярослава Смелякова и Павла Васильева. Вину за падение нравов в молодой писательской среде Горький возложил на писателей старшего поколения. Рикошетом это обвинение попало и в Б. П. Корнилова.

Кроме абзаца о С<аше> Прокофьеве. — Речь идет о следующем сюжете статьи: анализируя роман Александра Молчанова «Крестьянин», М. Горький обращает внимание на рецензии, опубликованные в «Литературном Ленинграде» (1934. № 8) писателем Чистяковым и А. Прокофьевым. Сопоставив их, Горький сделал вывод: «Принимая во внимание все эти превосходно хвалебные отзывы, я должен сказать, что хотя А. Молчанов человек даровитый, однако литератор он серьезно малограмотный, так же, как и его редактор А. Прокофьев» (Правда. 1934. 14 января. № 162).

...перестал принимать люминал. — Люминал (фенобарбитал), противоэпилептическое лекарственное средство из группы барбитуратов.

...недалеко ушла в быту от Павлов Васильевых... — Павел Николаевич Васильев (1910–1937), поэт. В данном случае речь идет о факте, ставшем известным из статьи М. Горького «О литературных забавах». Писатель опубликовал письмо некоего партийца, который ознакомился с писательской ячейкой комсомола и записал свои наблюдения: «А вот — Васильев Павел, он бьет жену, пьянствует... Развинченные жесты, поступки и мысли двадцатилетнего неврастеника, тон наигранный, театральный...» (Правда. 1934. 14 января. № 162). Подробнее о быте семьи Васильева см.: *Антипина В.* Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы. М., 2005. С. 182–191 (гл. «Я — Павел Васильев»).

...не хватало только Мики Блеймана... — Михаил Юрьевич Блейман (1904–1973), кинодраматург.

С. 282

Почему контрреволюционеры Хармс и Введенский имеют право быть членом ССП... — О. Ф. Берггольц ошибочно полагала, что Д. Хармс и А. Введенский были приняты в ССП. В свое время Берггольц предлагала изъять их сборник детских стихов из библиотек (см.: *Берггольц О. Ф.* Книга, которую разоблачили // Наступление. 1932. 16 марта. № 2; 22 марта. № 3).

Почему Мирошниченко, книгу которого написал Маршак... — Г.И. Мирошниченко (см. о нем коммент. на с. 653). С. Я. Маршак был литературным наставником Мирошниченко и литературным редактором его первой повести «Юнармия» (1927).

Васильева? — Раиса Родионовна Васильева (урожд. Лукина; 1902–1938), детская писательница. Подробнее о ней см.: *Щеглова Е.* «Они молчат — свидетели беды...» // Вопросы литературы. 2008. № 2. С. 68–78.

Пошлю письма в Центральную комиссию, Горькому, Маршаку. — Письма не разысканы.

Съезд опять отложен. — 27 сентября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) подняло вопрос о дате проведения съезда советских писателей и приняло решение отложить съезд писателей до середины мая 1933 г.; 16 марта 1933 г. И. М. Гронский подал докладную записку в Секретариат ЦК ВКП(б) с результатами организационной работы по проведению съезда, и 22 марта постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) было принято решение — созвать съезд 20 июня 1933 г. Однако 14 июня 1934 г. на имя руководителей страны Сталина, Кагановича и Жданова была вновь подана докладная записка Юдина, Кирпотина и Ставского, в которой сообщалось, что съезд советских писателей откладывался три раза, четвертый срок съезда — 25 июня этого года. 15 июня 1934 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято последнее и как будто окончательное решение об открытии Всесоюзного съезда писателей 15 августа 1934 г.; но и эта дата подверглась корректировке. Свою работу I Всесоюзный съезд советских писателей открыл 17 августа (об этом см.: Начиналось так... [Об открытии Первого съезда советских писателей] / Публ. О. В. Быстровой // Литературная газета. 2009. 26 августа — 1 сентября. № 33. С. 5).

С. 283

...роман с Женей Мустанговой... — Евгения Яковлевна Мустангова (настоящая фамилия Рабинович; 1905–1937), литературный критик. Примыкала к напостовскому меньшинству ВАПП, затем к группе «Литфронт». Автор статей «Есть у нас критика» (1928), «Круговая порука» (1930), «Формалисты на новом этапе» (1930). Когда 29 ноября 1936 г. она была арестована, ее мать обратилась к ленинградским писателям — знакомым дочери — с просьбой заступиться, а для этого подать ходатайство о пересмотре ее дела. Не знавший о смерти Мустанговой (ее расстреляли 4 ноября 1937 г.), Ю. П. Герман выступил в ее защиту: «Я, писатель Юрий Павлович Герман, знаю критика Мустангову как честного человека, никак не способного

к двоедушью, и думаю, что пересмотр дела Мустанговой несомненно выяснит ее невиновность и вернет в ряды советских литераторов талантливого работника. Писатель-орденоносец Ю. Герман, 7 мая 1940 года”». Также письма в ее поддержку написали К.И. Чуковский, Н.Н. Асеев и др. **...вернулся из Свердловска, без письма.** — Речь идет о возможном письме Л.Л. Авербаха для передачи О.Ф. Берггольц. С февраля 1934 г. Авербах был командирован в Свердловск на партийную работу, работал на Уралмаше парторгом.

Леопольд счастлив... — Л.Л. Авербах.

Да, но зачем же вся ≈ как стрела?.. — Неточная цитата из стихотворения «Матери» (1908) В.Ф. Ходасевича. Правильно: «Да, но за что же вся жизнь...»

С. 284

Легко проснуться ≈ не большая хитрость. — Цит. стихотворение «Любить иных — тяжелый крест...» (1931) Б.Л. Пастернака.

В лагерях же прочитала «Мичурин»... — О какой книге, посвященной биологу и селекционеру Ивану Владимировичу Мичурину (1855–1935), идет речь, установить не удалось.

С. 285

В члены же перевели Аф<иногенова>... — Александр Николаевич Афиногенов (1904–1941), драматург. В начале 1930-х гг. был одним из руководителей РАПП.

Все о девушке ≈ ее зовут. — Цит. стихотворение Б.П. Корнилова «Ящик моего письменного стола» (1933), посвященное В.О. Стеничу.

Горький прислал ему страшно ругательное письмо насчет «Бедного Генриха». — В повести «Бедный Генрих», направленной против фашизма, Ю.П. Герман изобразил молодого немца. Книга вызвала резкую отповедь М. Горького. Вот как об этом вспоминал сам Герман: «О книге моей “Бедный Генрих” Горький прислал мне ругательное письмо, а при свидании сказал невесело: — Вы не обижайтесь, но на старости лет мне все больше и больше хочется, чтобы люди замечали вокруг себя и хорошие дела, и хороших людей, и то, как эти хорошие люди формируются. Черта вам заграничная жизнь далась, что вы в ней понимаете?» Подробнее об этом см.: *Левин Л.* Дни нашей жизни: Книга о Ю. Германе и его друзьях. М., 1981. С. 60.

А Лебеденко... — Александр Гервасьевич Лебеденко (1892–1975), писатель, публицист. Вошел в литературу в 1920-е гг.

С. 286

...страшная болезнь Николая... — Н. С. Молчанов вернулся из армии с тяжелой эпилепсией. В автобиографии 1952 г. О. Ф. Берггольц писала: «Он приехал из Армии с тяжелой эпилепсией... Весной 1933 г. газета послала его в командировку в область... И вот с той весны начался у меня долгий-долгий “штопор”, как у самолета» (*Берггольц О. Собр. соч.:* В 3 т. Л., 1990. Т. 3. С. 486).

...ожог и болезнь Ирки... — О. Ф. Берггольц писала в автобиографии: «В тот день мать обварила Иришу кипящим молоком. Ожог головы, спины, ручки был страшным. Отвезла ее в больницу, подежурила около, потом меня пришла сменить мама, на которую больно было смотреть. Я побежала к младшей дочке домой, но по дороге почему-то решила зайти к родным мужа, они жили близко от меня. Захожу, а на постели бьется Никблай — приехал часа три назад, зашел к родным, и вот уже пятый припадок — статус-эпилепсия. Отвезла его в Куйбышевскую, припадки, с небольшими перерывами, длились двое суток. Его уже в какую-то отдельную комнату вынесли — умирать. Медикаментов, кроме валерьянки, никаких. Почти чудом выпросила в аптеке НКВД хлоралгидрату и несколько порошков люминалу, не отходила, тут же и спала — только на час-полтора заскакивала домой к младшей дочке, оставленной на дуру-нянюку (ей шел десятый месяц, я ее не кормила, рано пропало молоко), и к старшей в больницу» (*Берггольц О. Собр. соч. Т. 3. С. 486*).

...самое тяжелое — смерть Маечки... — М. Н. Молчанова умерла 25 июня 1933 г.; о смерти дочери О. Ф. Берггольц писала: «Майка заболела диспепсией, и хотя в Институте охраны матмлада и я, и медперсонал делали все, чтоб ее спасти, — ребенок сгорел в три дня. У нас даже фото ее не осталось, — не успели снять» (*Берггольц О. Собр. соч. Т. 3. С. 486*).

...Николай сидел у Бехтерева... — Имеется в виду Научно-исследовательский психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева (улица Бехтерева, д. 3).

С. 287

...Дети играют в веревочку ≈ дружбу и любовь... — Варианты и наброски неопубликованных стихотворений О. Ф. Берггольц.

1935 год

О. Берггольц. Заметки при правке рукописей (С. 291–297).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 345).

Датируется с 26 октября по 8 ноября 1935 г.

Ольга Берггольц 1935 (С. 298–301).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 346. Л. 1–4).

Датируется с 10 ноября по 31 декабря 1935 г.

С. 291

...Майка... — М. Н. Молчанова.

...вспоминаю Виктора. — Виктор Васильевич Беспамятнов (1903–1938), писатель; ответственный секретарь Ленинградского отделения ССП. В 1935 г. О. Ф. Берггольц провела вместе с ним лето в Крыму; под этим настроением было написано стихотворение «Севастополь» (1935). Далее везде: Виктор, Вита, Витюша, Витька.

С. 292

...разводится с женой... — А. Е. Воронова.

И точно детство вернулось ≈ в огнях? — Вариант стихотворения О. Ф. Берггольц «Воспоминание» (1937). Впервые опубли.: Знамя. 1964. № 10.

Пойду на Бетховена... — Людвиг ван Бетховен (1770–1827), немецкий композитор.

С. 293

...в Дом писателя... — Ленинградский дом писателя им. Маяковского находился по адресу: улица Шпалерная, д. 18.

...у Каляевой улицы... — Названа в 1923 г. в честь Ивана Платоновича Каляева (1877–1905), революционера-террориста. Проходила от Литейного проспекта до Потемкинской улицы. Ныне Захарьинская улица.

Все меньше любитя ≈ тела и души... — Цит. стихотворение «Разговор с фининспектором о поэзии...» (1926) В. В. Маяковского.

С. 294

...в Петергоф... — Петергоф, дворцово-парковый ансамбль на южном берегу Финского залива в 29 км от Ленинграда. До революции служил императорской резиденцией. В 1918 г. дворцы превращены в музеи. Во время

Великой Отечественной войны был оккупирован немецкими войсками (1941–1944).

Вот и любви пришел каюк, Дорогой Владим Владимыч... — Цит. стихотворение «Юбилейное» (1924) В. В. Маяковского.

С. 295

...Фофановщина. — Константин Михайлович Фофанов (1862–1911), поэт. Для его поэзии характерно романтическое противопоставление идеала миру низкой действительности, уход от трагичности реальной жизни.

Умер Коля Дементьев. — Николай Иванович Дементьев (1907–1935), поэт. Покончил с собой после пребывания в психиатрической больнице (по сведениям жены Н. Надеждиной, его вербовало ОГПУ). С ним вел известный стихотворный диалог Э. Багрицкий в стихотворении «Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым» (1927).

И к чему такая ширь, Если есть на свете смерть? — Цит. стихотворение «Вечер» (1922) В. Ф. Ходасевича.

«Что поэту ≈ поэтическая сторона?» — Неточно цитируется пушкинское замечание на полях статьи П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова». Готова пятое издание, которое вышло в 1828 г., Вяземский послал оттиск своей статьи Пушкину. На слова Вяземского: «Но трагик не есть уголовный судья. Обязанность его и всякого писателя есть согреть любовью к добродетели и воспалить ненавистью к пороку, а не заботиться о жребии и приговоре провидения. Великие трагики и из новейших чувствовали сию истину, и Вольтер, поражая Зофира и щадя Магомета, не был ни гонителем добродетели, ни льстецом порока» — Пушкин отвечал: «Прекрасно Ничуть. Поэзия выше нравственности — или по крайней мере совсем иное дело. Господи Суси! какое дело поэту до добродетели и порока? разве их одна поэтическая сторона» (*Пушкин А. С. ПСС: В 10 т. М., 1958. Т. 7. С. 550*).

Вчера — «Пиковая дама». — Речь идет об опере «Пиковая дама» П. И. Чайковского; впервые поставлена в 1890 г.

...клянчила билет у Шипиро... — Так в тексте. Правильно: Савелий Наумович Шапиро (1906–1948), директор и художественный руководитель Ленинградского государственного театра кукол.

С. 296

...Колька ушел дежурить в Академию... — Речь идет об Академии искусствознания, в которой Н. С. Молчанов числился аспирантом.

С. 297

...о Красине... — Леонид Борисович Красин (1870–1926), государственный и партийный деятель.

Очень хочу писать «Первороссийск». — Речь идет о поэме «Первороссийск», работу над которой О. Ф. Берггольц закончила в 1950 г. Впервые опубли.: Берггольц О. Ф. Первороссийск. М.: Правда, 1951. (Б-ка «Огонек»; № 33).

С. 298

Об «Аэрограде»... — «Аэроград», художественный фильм Александра Петровича Довженко (1894–1956). Снят в 1935 г.

С. 300

...банкетец с Геловани... — Михаил Георгиевич Геловани (1893–1956), артист; благодаря внешнему сходству и характерному грузинскому акценту стал первым исполнителем роли И. В. Сталина в пьесе «Из искры» (1937) драматурга Шалвы Николаевича Дадиани (1874–1959).

1936 год

1 января 1936 года (С. 305–323, 334–335).

Публикуется по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 346. Л. 4–25), впервые полностью.

Датируется с 1 января 1936 по 23 июня 1941 г.

Со строк: «Еще приписка к тем листкам» до «Страшно, пусто и холодно» (Наст. изд. С. 335) опубли.: Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. М., 2011. Т. 1. С. 858–859.

15/II Детское (С. 324–335).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 347).

Датируется с 15 февраля 1936 по 26 сентября 1938 г.

О. Берггольц 1936 тетрадь (С. 336–344).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 348).

Датируется по содержанию с между 17 и 23 апреля по 23 апреля 1936 г.

О. Берггольц 1 мая 1936 года (С. 344–359).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 349).

Датируется с 1 по 28 мая 1936 г.

Ольга Берггольц 8/VI-36 (С. 359–408).

Публикуется по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 1–68), впервые полностью.

Датируется с 8 июня по 28 декабря 1936 г.

Отрывки из дневника (со строк «Процесс троц.-зин. центра» до «Но трудно будет, ох, трудно!..»; со строк «Машина закрутилась...» до «Мишка и Юрий все-таки реваншисты...»; со строк «Сейчас надо писать передовую о Конституции» до «Нового, лучшего — пока нет»; со строк «Вчера слушали доклад Сталина на съезде» до «Да, все это неотъемлемо, неотъемлемо от души каждого человека»; со строк «Маршакотская группа трубит и воет» до «...Грелов плохой руководитель Союза — факт»; со строк «Абсолютная бессонница» до «...хочу завтра ехать на завод, да, наверное, просплю»; со строк «Два вечера подряд — партсобрания» до «...теплое и бережное чувство только к Добину (не считая, конечно, Кольки)»; со строк «Ужасные наши партсобрания...» до «Буду писать Бубекину, а смысл этого?») опубл.: Между молотом и наковальней. Т. 1. С. 535–541.

Пометы и подчеркивания красным карандашом сделаны следователями НКВД С.А. Гоглидзе и И. Кудрявцевым, которые вели дело О.Ф. Берггольц.

С. 305

...«для вдохновения нужно сердечное спокойствие...» — Цитата из письма А.С. Пушкина к П.А. Плетневу (не позднее 11 октября 1835 г.). В собрания сочинений Пушкина входит начиная со второго издания под ред П.А. Ефремова (1882. Т. 7. С. 291–292).

С. 306

Стахановское движение... — Массовое движение новаторов социалистического производства в СССР за повышение производительности труда на базе освоения новой техники. Возникло в 1935 г., во время второй пятилетки. «Стахановским» движение названо по имени его зачинателя: забойщика донбасской шахты «Центральная-Ирмино» Алексея Григорьевича Стаханова (1905–1977), добывшего за смену 102 тонны угля при норме 7. Это движение за короткое время охватило все отрасли промышленности, транспорт, строительство, сельское хо-

зайство и распространилось по всему Советскому Союзу. 14–17 ноября 1935 г. состоялось I Всесоюзное совещание стахановцев в Кремле; в декабре 1935 г. Пленум ЦК ВКП(б) специально обсуждал вопросы развития промышленности и транспорта, напрямую связывая их со стахановским движением.

С. 307

Я очень спокойна ≈ о любви говорить... — Неточная цитата из стихотворения «Чернеет дорога приморского сада...» (1914) А. А. Ахматовой.

С. 308

...рядом с Валовым. — Предположительно, Василий Игнатьевич Валов (настоящая фамилия Кузьмин; 1902–1941), детский писатель.

...Левка... — Л. И. Левин.

Заметка моя в «Литературном Ленинграде»... — «Литературный Ленинград», еженедельная газета; орган Ленинградского отделения ССП СССР (Ленинград, 1933–1937). Редакция — С. Я. Маршак, М. Э. Козаков, М. Л. Слонимский, М. Ф. Чумандрин, Л. С. Соболев, К. А. Федин, И. А. Груздев, А. П. Штейн и др. В 1936 г. в состав редакции входила О. Ф. Берггольц. Речь идет о статье: *Берггольц О.* Доверие к себе: О задачах лирики // Литературный Ленинград. 1936. 8 января.

Может быть, делегируют в Минск. — В Минске с 10 по 16 февраля 1936 г. проходил III пленум ССП, посвященный проблемам советской поэзии. О. Ф. Берггольц на пленум не поехала, скорее всего, в связи с тяжелым состоянием дочери Ирины, которая умерла 14 марта 1936 г.

С. 309

...о Кате Абрашкевич... — Екатерина Абрашкевич, близкая знакомая Н. С. Молчанова.

С. 310

Так шел я ≈ прощался. — Цит. стихотворение «Любить — идти, — не смолкнул гром...» (1917) Б. Л. Пастернака.

С. 311

...Что время ≈ это есть шаг черепаший. — Цит. стихотворение «Разрыв» (1919) Б. Л. Пастернака.

...в чеховском рассказе «Плакать, плакать»... — Имеется в виду рассказ А. П. Чехова «Старость» (1885).

...судьба «лирика» Б. Соловьева... — Борис Иванович Соловьев (1904–1976), поэт, прозаик, критик. Выпускник факультета общественных наук ЛГУ, член ЛАПФ.
...Брауна. — Николай Леопольдович Браун (1902–1975), поэт.

С. 312

...«Рассказ о тринадцати». — Имеется в виду стихотворение «Повесть о тринадцатом товарище» («Их было тринадцать спокойных, лучших...»). Первые опубл.: *Берггольц О. Ф.* Избранные произведения. Л., 1983. С. 152.
...книги «Социалистический Ленинград»... — По всей видимости, это было планируемое издание, которое так и не вышло.
...и «Знатные Люди»... — Речь идет об издании: Знатные люди Ленинградского комсомола / Отв. ред. Я. С. Садиков. [Л.]: Ленингр. обл. изд-во, 1936.

С. 313

Оденусь под Сольвейг... — Ледяная дева, героиня драматической поэмы «Пер Гюнт» (1874–1875) норвежского драматурга Генриха Ибсена (1828–1906).
Написала о Сталине... — О какой статье О. Ф. Берггольц идет речь, не выяснено.
Хочу написать... для «Двух пятилеток»... — Издание было предпринято в 1935 г. по инициативе М. Горького, обратившегося к писателям с призывом активно готовиться к двадцатилетию Октябрьской революции. Первоначально проект назывался «Люди второй пятилетки»; к марту 1935 г. этот замысел вылился в создание редакции для выпуска к 20-летию СССР книжной серии «Две пятилетки». Основные разделы издания, по которым писали произведения ленинградские писатели: о В. И. Ленине, С. М. Кирове, о бойцах, охраняющих границу, о молодых советских ученых, о покорении Арктики. Отвечая на анкету «Литературного Ленинграда» в марте 1936 г., О. Ф. Берггольц писала: «Для “Двух пятилеток” пишу повесть о советском школьнике — воспитаннике красноармейской части. Повесть будет небольшая — два листа. Через месяц, думаю, я работу закончу» (см.: Литературный Ленинград, 1936. 3 марта. № 11). Однако проект так и остался нереализованным.
...о Мартехове... — Ефим Т. Мартехов, рабочий завода «Электросила». См. о нем: *Берггольц О.* Орден депутата // Звезда. 1938. № 11. С. 156–163.
Як<ов> Ол<есич>. — Литературный критик.

С. 314

Художник Акимов... — Николай Павлович Акимов (1901–1968), книжный график, театральный художник; автор портрета О. Ф. Берггольц (1947).

...умолял Розенфельда... — Предположительно, Николай Борисович Розенфельд (1886–1937), художник-иллюстратор.

Рашель Миллер вчера... — Рашель Зиновьевна Миллер-Будницкая (1906–1967), литературный критик.

...«Я уеду, я уеду...» — Стихотворение (1936) О. Ф. Берггольц. Впервые опубликовано: *Берггольц О. Книга песен. Стихотворения*. Л., 1936.

...Дорогой усмешки этой, Искры темно-золотой... — Стихотворение «Ты у жизни мной добыт» (1936) О. Ф. Берггольц. Впервые опубликовано: *Берггольц О. Книга песен. Стихотворения*. Л., 1936.

Жребий, о сердце ≈ не тронет... — Цит. стихотворение «Пробуждение» (1906) из цикла «Трилистник победный» Иннокентия Федоровича Анненского (1855–1909).

С. 315

...Заболоцкий вчера читал... — Николай Александрович Заболоцкий (1903–1958), поэт, переводчик. В конце 1920-х гг. примкнул к группе обэриутов. В 1929 г. вышел сборник поэта «Столбцы», по его собственным словам, принесший ему популярность. В 1929–1933 гг. написал поэмы «Торжество земледелия», «Безумный волк», «Деревья».

И. Виноградов очень хорошо говорил о поэзии. — Иван Архипович Виноградов (1902–1936), литературовед, критик; автор историко-теоретических работ по советской поэтике.

Скоро в остатках былого Я и сквозь дым разберусь. — Цит. стихотворение «Пробуждение» И. Ф. Анненского.

С. 316

Лешка, Юрка, Витя? — Л. Л. Авербах, Ю. П. Герман, В. В. Беспмятнов.

...как жена Пьера Массубра... — Героиня пьесы «Мольба о жизни» французского драматурга Жака Деваля (настоящая фамилия Буларан; 1895 или 1890–1972). Пьеса была впервые поставлена в 1935 г. одновременно во 2-м МХАТе и в Ленинградском театре драмы им. А. С. Пушкина.

Что не хотела обмана Все остается со мной. — набросок неопубликованного стихотворения О. Ф. Берггольц.

С. 317

О, как давно ≈ ты та ли, та ли... — Цит. стихотворение «Смычок и струны» И. Ф. Анненского из цикла «Трилистник соблазна», сб. «Кипарисовый ларец». Впервые опубликовано: Белый камень. 1908. № 1.

Кантовская конъюнктура довлеет... — В данном контексте О. Ф. Берггольц, скорее всего, имеет в виду некоторую рассудочность своего возлюбленного.

Но когда б и понял ≈ не мучась... — Цит. стихотворение «Старая шарманка» (1907) из цикла «Трилистник сентиментальный» И. Ф. Анненского.

С. 320

Ни в Союзе, ни в критике ≈ одинокие голоса ценителей. — До 6 февраля 1936 г. вышли только две критические статьи, посвященные творчеству О. Ф. Берггольц: *Гринберг И.* Свой путь. О стихах О. Берггольц // Юный пролетарий. 1933. № 18. С. 12–13; *Тихонов Н.* Ленинградские поэты // Литературная учеба. 1934. № 6. С. 63.

...и Пророков... — Борис Иванович Пророков (1911–1972), художник, мастер сатиры и агитационно-политической графики. Вошел в искусство как «художник» «Комсомольской правды».

С. 321

...Федька Морин... — Юнкор газеты «Электросила».

...с Перкиной... — Мария Яковлевна Перкина, директор средней школы № 80 (другое название — Училищный дом им. Пушкина).

...попасть на 10 Съезд Комсомола. — X съезд ВЛКСМ проходил в Москве в апреле 1936 г. В историю вошел как съезд молодых победителей социализма. Среди делегатов было 135 орденосцев, сотни молодых новаторов промышленности и сельского хозяйства. Подробнее о съезде см.: Десятый съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет. М., 1936.

С. 322

Ни розою ≈ словом глупца. — Неточная цитата из стихотворения «Дал Ты мне молодость трудную...» (1912) А. А. Ахматовой. Ср.: «...над каждой соринкою...»

Проработала статью Радека... — Карл Бернгардович Радек (настоящая фамилия Собельсон; 1885–1939), партийный деятель, журналист; с 1925 г. ректор Университета народов Востока им. Сунь Ятсена, много занимался литературной работой. О какой именно статье Радека идет речь, не выяснено.

...первый том «Истории Гражданской войны»... — Речь идет о книге: История Гражданской войны в СССР / Под ред. М. Горького. В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, А. Бубнова, Я. Гамарника, И. Сталина; сост.: Я. Л. Берман, В. А. Быстрянский, М. Горький, С. М. Диманштейн и др. М.: Гос. изд-во «История Гражданской войны», 1936. Т. 1: Подготовка великой пролетарской революции (От начала войны до начала октября 1917 г.).

С. 323

И если в дверь мою ≈ не услышу. — Цит. стихотворение «Я научилась просто, мудро жить...» (1912) А. А. Ахматовой.

...над рукописью «Дяди Кости»... — Такое произведение О. Ф. Берггольц не обнаружено.

...если б попасть на Съезд... — 13 апреля 1936 г. О. Ф. Берггольц присутствовала на заседании X съезда ВЛКСМ. В своем письме к мужу она писала: «И вот выходит на сцену Косарев, а за ним все Политбюро, все всакивают, и я вижу на сцене человека в военном костюме, невысокого, плотного, черноголового. Это, Коля, Сталин. Я видела его очень плохо — лицо было почти не разглядеть, но когда он вышел, Коля, не сказать, что со мной стало — я сама никогда не думала, что переживу это. Я его почти не вижу, но он здесь, близко, рядом...» (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 509).

С. 324

...доклад Суркова — ужаснул. — Алексей Александрович Сурков (1899–1983), поэт. Речь идет о его докладе «О советской поэзии» на III пленуме правления ССП.

...не поехала на пленум. — III пленум правления ССП проходил в Минске 10–16 февраля 1936 г. Пленум был посвящен состоянию белорусской и башкирской литературы и вопросам поэзии. С докладом о белорусской литературе выступил М. Климович, с докладом о башкирской литературе — А. Тагиров; о поэзии — А. Сурков. По итогам обсуждений докладов было принято решение к 20-летию Октябрьской революции издать трехтомник поэзии народов СССР.

Как у Стендаля... — Стендаль (настоящие имя и фамилия Мари-Анри Бейль; 1783–1842), французский писатель.

...Тигряшку... — Тигряшка, домашнее прозвище Ирины Корниловой.

С. 325

...«дум высокое стремленье»... — Цит. стихотворение А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд...» (1827).

«Слепил перстом улыбочку...» — Цит. стихотворение «Бродячие музыканты» (1928) Н. А. Заболоцкого.

С. 326

И узкое ≈ меня лезвие... — Цит. стихотворение «Баллада» (1921) В. Ф. Ходасевича.

Княжна Марья и умирающий князь. — Аллюзия на сцену смерти князя Болконского в романе «Война и мир» (1863–1869) Л. Н. Толстого.

...смердяковщины. — Смердяков, персонаж романа «Братья Карамазовы» (1878–1880) Ф. М. Достоевского. Под смердяковщиной понимается торжество идеологии раба, лакея.

С. 328

...Никитин его опережает. — Николай Николаевич Никитин (1895–1963), писатель.

...и К<оли> Чуковского идет ужинать. — Николай Корнеевич Чуковский (1904–1965), писатель, переводчик. Сын писателя К. И. Чуковского.

...гляжу нарзанным орлом... — Скорее всего, имеется в виду орел на этикетке с бутылки нарзана в 1920–1930-х гг.

С. 329

Отдавай, и дрожа, не тянись за возвратом... — Цит. стихотворение «Больному» (1910) Саши Черного (настоящие имя и фамилия Александр Михайлович Гликберг; 1880–1932).

С. 330

Сигуд Хуль — «Октябрьский день». — Роман «Октябрьский день» (1931) норвежского писателя Сигурда Хуля (1890–1960).

...история Турдис и Равна... — Турдис, Равн, герои романа «Октябрьский день».

С. 332

Распросить отца о войне. — О Ф. Х. Берггольце см. коммент. на с. 688.

...Успех»... — Роман немецкого писателя Лиона Фейхтвангера (1884–1958), написанный в период 1927–1930 гг. Частично основан на реальных событиях, которые происходили в Баварии накануне и после Пивного путча (1919–1923). Первый перевод романа на русский язык был опубликован в 1935 г.

Перикардита как бы нет... — Перикардит, воспаление перикарда, наружной защитной оболочки сердца. Заболевание встречается как осложнение после инфекционных болезней.

С. 333

...положение Буриданова осла... — Выражение «буриданов осел» приписывается французскому философу-схоласту XIV в. Жану Буридану (1300–1358). Так говорят о человеке, находящемся в положении крайней нерешительности, колеблющемся в выборе между двумя равноценными предметами или равносильными решениями и т. п.

Гибель Ирины абсолютно реальна... — И. Б. Корнилова умерла 14 марта 1936 г. от фиброзного эндокардита.

С. 335

За этот год 6¼ месяцев сидела в тюрьме... — Об этом см. коммент. на с. 778.

Виктор был арестован в конце 37 г, осужден. — В. В. Беспамятнов был арестован 26 сентября 1937 г.; исключен из партии, приговорен по ст. 58 (§ 7, 8, 11) УК к высшей мере наказания. Расстрелян 17 февраля 1938 г.

...вчера началась война с Германией. — 22 июня 1941 г. в 4 часа утра германские войска напали на СССР. В 12 часов 15 минут по радио с первым сообщением о нападении выступил нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов.

С. 336

...Появляются навязчивые идеи, значит — смерть, как у Павлова... — В теории физиолога Ивана Петровича Павлова (1849–1936) описывается невроз навязчивых состояний, который имеет в виду О. Ф. Берггольц.

...мимо «Чижа»... — Об издании см. коммент. на с. 695.

...Машбиц. — София Марковна Машбиц. Подробнее о ней см.: Публичная библиотека в годы войны 1941–1945 гг. СПб., 2005. С. 112–116. Далее везде: Соня.

С. 339

...к Ирине Молчановой... — Ирина Молчанова, близкая подруга Н. С. Молчанова.

С. 340

...даже Мары... — Маргарита Степановна Довлатова (1907–1975), ответственный секретарь отдела современной литературы Госиздата, заведующая редакцией «Литературный современник», старший редактор издательства «Молодая гвардия», подруга О. Ф. Берггольц.

...с Миркой... — Скорее всего, речь идет о приятельнице О. Ф. Берггольц Мирре Ефимовне Перельман (псевд. Мирра Лилина; 1911–?), сестре А. Е. Горелова, писательнице.

С. 341

...революция в Индии тоже будет... — Напротив, в 1920–1930-е гг. миллионы индийцев последовали за Махатмой Ганди, который начал массовую кампанию гражданского неповиновения, основанную на принципе ненасилия. Антиколониальное индийское движение привело к тому, что

в 1947 г. англичане оставили Индию. Революции в нашем понимании в этой стране не было.

...«терпеть, покуда терпится». — Аллюзия на стихотворение «Зеленый шум» (1863) Н.А. Некрасова. Ср.: «...Люби, покуда любится, / Терпи, покуда терпится, / Прощай, пока прощается...»

С. 342

Еду на съезд комсомола. — О X съезде ВЛКСМ см. коммент. на с. 727.

С. 344

...«уничужение паче»... — Устойчивое выражение «уничужение паче гордости» означает, что человек переусердствовал в своей показной скромности.

...со всей этой музыкой, Тилем... — Предположительно, речь идет о балете «Тиль Уленшпигель» (по одноименному роману Шарля де Костера), музыку для которого в 1936 г. сочинил Максимилиан Осеевич Штейнберг (1883–1946).

С. 345

...после общего горя о Маяковском... — В.В. Маяковский покончил с собой 14 апреля 1930 г.

...после рождения и гибели Майки... — М.Н. Молчанова родилась 27 сентября 1932 г., умерла 25 июня 1933 г.

С. 346

...Колька Евдокимов пыжился от гордости... — Николай Александрович Евдокимов (1909–1938), летчик-испытатель; 22 мая 1932 г. выполнил первый затяжной прыжок с парашютом. В 1936 г. был делегатом X съезда ВЛКСМ.

Угаров говорит... — Александр Иванович Угаров (1900–1939), экономист по образованию; в 1923–1926 гг. слушатель Института красной профессуры. С 1926 г. преподаватель в Ленинградском политехническом институте. В конце 1920-х гг. заместитель заведующего агитпропом Ленинградского обкома ВКП(б), одновременно редактор газеты «Ленинградская правда». С 1932 г. заведующий культпропотделом, секретарь Ленинградского горкома ВКП(б). Арестован 20 октября 1938 г., расстрелян 25 февраля 1939 г.

...кроме всего прочего, Люду «жалко»... — Людмила Владимировна Герман (урожд. Рейслер), вторая жена писателя.

С. 347

- ...у Яновского.** — Скорее всего, речь идет о Анатолии Николаевиче Яновском (1919–1990), прозаике, поэте, драматурге. Печатался в журнале «Резец».
- ...в Германии расстрелы...** — Впервые о расстрелах и убийствах в Германии стало известно на I съезде советских писателей, когда выступавший на съезде немецкий писатель и антифашист Вилли Бредель перечислил имена немецких литераторов, пострадавших от нацистов: «Тюрьмами, пытками и убийствами фашизм пытается принудить к молчанию революционных писателей и интеллигенцию. Рабочего-писателя Франца Брауна закололи кинжалом, Лео Крелля замучили до смерти, Эриха Барона довели до самоубийства, Ганса Отто выбросили из окна следственной камеры, Эриха Мюзама повесили. Рабочий-писатель Клаус Нойкранц, перенесший жестокие пытки, сейчас лежит при смерти... Публициста Карла Оссецкого уже полтора года систематически истязают в концентрационном лагере. Фашистские палачи открыто заявляют, что хотят вынудить его к «самоубийству»» (Первый съезд советских писателей. М., 1934. С. 327).

С. 349

- ...говоря матери...** — М. Г. Молчанова.
- ...не будет Гарболовского озера...** — Речь идет об озере в дер. Гарболово Всеволожского района Ленинградской области.
- ...выволоку «Историю»...** — В 1936 г. были опубликованы отрывки из истории завода «Электросила», см.: Берггольц О. Спор о рубле: Глава из истории завода «Электросила» им. Кирова // Звезда. 1936. № 3. С. 129–149; Она же. Героическая забастовка. Из истории з-да «Электросила» // Электросила. 1936. 17 мая.
- О, туши же, туши! Горячее...** — Неточная цитата из стихотворения «Разрыв» (1919) Б. Л. Пастернака.

С. 350

- ...мечется между Аркашкой...** — Аркадий Витальевич Аптекман (1900–1975), заместитель заведующего Издательством писателей в Ленинграде, ответственный секретарь горкома писателей, заместитель директора Литфонда, муж М. С. Довлатовой.

С. 351

- Нет, взвидя ~ товарищ!** — Цит. стихотворение «Ставка на вас, комсомольцы-товарищи...» (1926) В. В. Маяковского.
- ...что Лозинский...** — З. Б. Лозинский.

С. 353

...кроме «Федюка»... — Ф.Х. Берггольц.

С. 355

«Мертвые сраму не имут»... — В 970 г. перед битвой с греками князь Святослав обратился к своим дружинникам со словами: «Да не посралим земли Русия, но ляжем костями ту; мертвыи бо срама не имут» (Преподобного Нестора Российский летописец (по Кенигсбергскому списку). СПб., 1863. С. 53).

С. 357

...теории Апеллесовой черты... — Так в тексте. Правильно: Апеллесовой. Сюжет греческой легенды о соревновании двух художников: Апеллес, посетив Протогена и не застав его, на стене его дома провел кистью черту столь тонкую, какой никто из художников-современников не изобразил бы при всем старании. Таким образом, «Апеллесова черта» — нечто вроде личной подписи, визитной карточки художника. О.Ф. Берггольц имеет в виду повесть «Апеллесова черта» (1915) Б.Л. Пастернака, в которой поднимались вопросы взаимодействия искусства и жизни.

С. 359

...похожа на мопассановскую старуху. — Возможно, О.Ф. Берггольц имеет в виду свое состояние оцепенения, какое было у героини рассказа французского писателя Ги де Мопассана (1850–1893) «Старуха Соваж».

С. 360

...Юрка и Виктор. — Ю.П. Герман, В.В. Беспамятников.

С. 361

...Шварц, Дубовский... — Члены авторской бригады, работавшей над историей комсомола завода «Электросила».

С. 362

Большая радость — Конституция. — Речь идет о Конституции СССР, принятой Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов СССР 5 декабря 1936 г. В ней отразились изменения, которые произошли в советском обществе и государственном устройстве с момента принятия Конституции СССР 1924 г. Основу этого документа составляют принципы социализма: безраздельное господство социалистической собственности на землю, ле-

са, фабрики, заводы и другие средства производства; ликвидация эксплуатации и эксплуататорских классов; труд как обязанность и долг каждого работоспособного гражданина; право на труд, право на отдых и другие социально-экономические, политические права и свободы советских граждан. Политической формой организации государственной власти стали Советы депутатов трудящихся. Был введен принцип всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, демократизирована система организации государственной власти, более четко разграничена компетенция между органами власти и их исполнительно-распорядительными структурами. Конституция СССР 1936 г. последовательно проводила принцип верховенства закона перед другими нормативными актами и приоритет представителей органов государственной власти по отношению ко всем другим звеньям государственного аппарата.

Смерть Горького. — М. Горький умер 18 июня 1936 г.; кремирован и похоронен 20 июня 1936 г. у Кремлевской стены.

«Не расточайте сил на “мелочи жизни”»... — Цитата из письма М. Горького к О. Ф. Берггольц в ответ на присланную ею книгу «Стихотворения» (Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934). В письме Горький делился впечатлениями от книги и советовал, как писать (см.: *Берггольц О. Ф.* Два письма Горького // Литературная газета. 1958. 29 марта. № 38).

Надо написать о нем в «Литературный Ленинград» и «Электросилу»... — См.: *Берггольц О.* На всю жизнь: Памяти М. Горького // Литературный Ленинград. 1936. 30 июня; заметки О. Ф. Берггольц о смерти М. Горького в газете «Электросила» не разысканы.

С. 363

...не Дудергоф ли... — Железнодорожная станция и поселок в Красносельском районе Ленинградской области. В 1950–2016 гг. поселок назывался Можайский. Ныне ему возвращено историческое название.

С. 364

Стоило Левке Цырлину... — Лев Вениаминович Цырлин (1906–1942), литературовед.

...поехал в Вырицу... — Вырица, поселок в Гатчинском районе Ленинградской области.

...с Нариными. — Так в тексте. Правильно: с Мариными. О В. А. Марине см. коммент. на с. 763, о М. В. Мариной (Машковой) — коммент. на с. 648.

...с Волькой... — В. А. Марин.

...у Аптекманов? — А. В. Аптекман, М. С. Довлатова.

С. 365

Галка сияет... — Галина Геннадьевна Пленкина, близкая подруга О. Ф. Берггольц.

...выпили с Вольфом... — Предположительно, Вольф Иосифович Эрлих (1902–1937), поэт. Репрессирован, расстрелян.

...почитаю Франсионо... — Имеется в виду роман «Правдивое комическое жизнеописание Франсиона» (1623) Шарля Сореля, съёр де Сувиньи (1599 или 1602–1674).

...с Маулишкой к ней за туалетами... — М. А. Вите, близкая подруга О. Ф. Берггольц. Подробнее о ней см. коммент. на с. 682.

С. 366

...ездила в Мариенбург... — Железнодорожная станция по Октябрьской железной дороге в черте Гатчины.

...пойти в ней на встречу с А. Жидом... — Андре Поль Гийом Жид (1869–1951), французский писатель. Летом 1936 г. приезжал в СССР; 2 июля 1936 г. встречался с ленинградскими писателями. Вернувшись на родину, Жид написал «Возвращение из СССР», которое было воспринято как антисоветский памфлет.

Перехожу от казни ≈ томишь меня. — Цит. стихотворение «Перехожу от казни к казни...» (1907) А. А. Блока.

С. 369

Читала Горького — о Толстом, Ленине, Гарине и др. — Речь идет об очерках-воспоминаниях М. Горького: «Лев Толстой» (1919), «В. И. Ленин» (1924), «О Гарине-Михайловском» (1927). Полный текст очерка «Лев Толстой» был опубликован в книге: Горький М. Воспоминания: Н. Е. Каронин-Петропавловский, А. П. Чехов, Лев Толстой, М. М. Коцюбинский, Леонид Андреев. Berlin: Verlag «Kniga», 1923; тексты очерков «В. И. Ленин» и «О Гарине-Михайловском» были опубликованы в книге: Горький М. Воспоминания. Рассказы. Заметки. Berlin: Verlag «Kniga», 1927.

С. 370

...перед Брыкиным? — Николай Александрович Брыкин (1895–1979), писатель; с 1927 по 1932 г. председатель Ленинградского отделения Российского объединения пролетарско-колхозных писателей. С 1937 г. директор Ленинградского отделения издательства «Советский писатель».

...Семенов... — Сергей Александрович Семенов (1893–1942), писатель, автор романа «Наталья Тарпова» (1927–1929).

Снесла статейку в «Литературный» Л<енинград>»... — См.: Берггольц О. Жизнь, которая остановилась. О романе Ю. Германа «Наши знакомые» // Литературный Ленинград. 1936. 17 июля.

Сказал, что Юра изойдет... — О реакции Ю.П. Германа на статью О.Ф. Берггольц см.: Левин Л. Дни нашей жизни: Книга о Ю. Германе и его друзьях. М., 1981. С. 188–189.

С. 371

Стихи, идущие в «Звезде»... «Карадаг», «Феодосия-Симферополь»... — Речь идет о стихах О.Ф. Берггольц, опубликованных как цикл под названием «Путешествие»: 1) Кара-даг («Колеблет зной холмов простор...»); 2) Феодосия — Симферополь («Как летел в тот полдень автобус...»); 3) Севастополь («Белый город, бледные заливы...») // Звезда. 1936. № 8. С. 101–103.

С. 372

Так иногда ≈ под маской короля... — Цит. стихотворение «О нет, не стан...» (1906) И.Ф. Анненского.

С. 373

Приезжал Колька с Володькой... — Н.С. Молчанов, В.С. Молчанов.

С. 374

...«что привело? Какая малость!» — Цит. роман в стихах «Евгений Онегин» (1830) А.С. Пушкина (гл. 45).

Эх, вся-то жизнь ≈ предано судьбой. — Слова из городского романа.

С. 375

Процесс троц<кистско>-зин<овьевского> центра. — Открытый судебный процесс по делу «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра» проходил с 19 по 24 августа 1936 г в Москве. Перед судом предстали 16 человек, в том числе осужденные в январе 1935 г по делу «Московского центра» и отбывавшие наказание Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.Е. Евдокимов, И.П. Бакаев и некоторые другие. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила всех обвиняемых к расстрелу; обвинительное заключение было опубликовано 20 августа 1936 г в «Правде» (С. 2–3). На основании материалов этого дела в течение 1936 г в Москве, Ленинграде, Горьком и других го-

родах было арестовано и осуждено еще около 160 человек; их обвинили в террористической деятельности. Все проходившие по этому делу были реабилитированы в 1988 г. (подробнее см.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 8).

«Киров был хорошо обложен». — Сергей Миронович Киров (настоящая фамилия Костриков; 1886–1934), с 1926 г. 1-й секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) и Северо-Западного бюро ЦК; с 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б). Убит 1 декабря 1934 г. в здании Смольного. О. Ф. Берггольц посвятила ему стихотворение «Памяти Кирова» («Как медленно двигался тяжкий лафет...») (Литературный Ленинград. 1936. 5 декабря).

...самоубийство Томского... — Михаил Павлович Томский (настоящая фамилия Ефремов; 1880–1936), член РСДРП с 1904 г. С 1917 г. редактор журнала «Металлист», председатель Московского совета профсоюзов. В конце 1920-х гг. выступал против свертывания НЭПа, был обвинен в правом уклоне. На апрельском (1929) Пленуме ЦК ВКП(б) был подвергнут резкой критике, полностью признал свои ошибки, однако был освобожден от должности председателя ВЦСПС, которую занимал с 1922 г. С мая 1932 г. заведующий Объединенным государственным издательством (ОГИЗ). В 1934 г. переведен из членов в кандидаты в члены ЦК ВКП(б). Во время открытого судебного процесса по делу «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра» его имя упоминалось в показаниях Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, И.И. Рейнгольда. В ОГИЗе 19–20 августа было проведено партийное собрание, на котором Томский был вынужден оправдываться и отрицать свою роль в «переговорах с Зиновьевым, Каменевым и другими участниками контрреволюционной террористической банды» (Кузнецов М. На партийном собрании в ОГИЗе // Правда. 1936. 22 августа. № 231. С. 4). 22 августа 1936 г. покончил жизнь самоубийством на своей даче в Болшево.

...Академию ликвидировали... — Государственная академия искусствознания была реорганизована в 1936 г.; Н. С. Молчанов после этого некоторое время работал в коллекторе научных библиотек Ленкогиза.

С. 376

...назначили завредакцией «Литературного» Ленинграда. — В сентябре 1936 г. О. Ф. Берггольц была назначена ответственным секретарем газеты «Литературный Ленинград», в которой проработала до марта 1937 г.

...с Гореловым мало удастся сделать. — Анатолий Ефимович Горелов (1904–1991), литературный критик; с 1934 по 1937 г. ответственный секретарь Ленинградского отделения ССП, одновременно главный редактор журнала «Звезда». Арестован в день своего рождения 11 марта 1937 г. и осужден

на 15 лет за принадлежность к троцкистско-зиновьевской организации. Отбывал срок сначала на Соловках, затем был сослан на поселение в Красноярский край. Во время ссылки написал книгу «Подвиг русской литературы» (издана в 1957 г.). После освобождения вновь выступал со статьями о советской литературе, о творческом своеобразии писателя, написал книгу «Очерки о русских писателях» и др. (см.: Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1966. Т. 2. С. 278; *Волохонская Л.* Был у меня дядя Толя... // *Вечерняя Москва.* 2006. 26 июня. № 132. С. 5).

- ...сегодняшняя статья в «Лен<инградской> Правде»...** — Речь идет о статье: *Катерли Е.* Враг на важнейшем участке идеологического фронта // *Ленинградская правда.* 1936. 30 августа. № 200. В частности, в ней говорилось: «В ряде издательств Ленинградского Дома книги обнаружены ловко притаившиеся враги, контрреволюционные троцкистско-зиновьевские подонки. Они сидели на ответственной работе и пользовались неограниченным доверием ротозеев». Так, «в “Литиздате” в должности ответственного редактора “Литературного современника” работал гнусный, трусливый враг — Лозинский», «врагом оказалась и Бескина — редактор». «Сомнительные элементы и прямые враги партии», по мнению Катерли, работали в ОГИЗе (редактор Спокойный), в редакции «История фабрик и заводов» (Меламед). В числе врагов, проникших «на важнейший участок идеологического фронта», назван критик Цырлин. Автор статьи призывал коммунистов издательств «со всей решительностью положить конец вредительской деятельности классового врага».
- ...Лозинский...** — О. Ф. Берггольц писала в редакционной статье, посвященной работе троцкистско-зиновьевского процесса: «...у нас в Ленинграде мы не проявили должной бдительности по отношению отмалчивающему трусе Лозинском...» (*Берггольц О.* Зорче глаз, выше большевистскую бдительность // *Литературный Ленинград.* 1936. 29 августа).
- ...Ральцевич...** — Василий Никифорович Ральцевич (1893–1937), философ; с 1936 г. заместитель директора Ленинградского отделения Института философии АН СССР. Арестован 30 апреля 1936 г., расстрелян в 1937 г. О критике Лозинского и Ральцевича см.: *Берггольц О.* Враги не сорвут наших побед // *Литературный Ленинград.* 1936. 5 сентября. № 42 (186).
- ...Штейман...** — Зелик Яковлевич Штейман (1907–1967), ленинградский литературовед и критик. Был арестован 26 августа 1936 г., осужден на 10 лет с последующим поражением в правах на пять лет (подробнее см.: *Распятые. Писатели — жертвы политических репрессий:* В 6 вып. СПб., 1998. Вып. 3: Палачей судит время. С. 219–223).

С. 377

...статью о вчерашнем партсобрании... — Партийное собрание, о котором идет речь, было посвящено обсуждению итогов проверки и обмена партийных документов, необходимости повысить большевистскую бдительность в связи с недавним судебным процессом по делу «Троцкистско-зиновьевского террористического центра»; см.: [Б. л.]. На партийном собрании писателей // Литературный Ленинград. 1936. 5 сентября. № 41. С. 1; [Б. л.]. В парторганизации писателей Ленинграда // Литературный Ленинград. 1936. 10 сентября. № 51. С. 3.

...сволочь Коварский... — Николай Аронович Коварский (1904–1974), критик, кинодраматург; автор книги «О языке художественной литературы» (1934).

С. 378

...жаль Левку Цирлина... — Л. В. Цырлин.

...Женьку Мустангову... — Е. Я. Мустангова была арестована 29 ноября 1936 г. по обвинению в «пособничестве в совершении теракта», 23 декабря выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР приговорена по ст. 17–58–8, 58–11 УК РСФСР к 10 годам тюремного заключения с поражением в правах на пять лет и конфискацией имущества. Срок отбывала на Соловках, содержалась на лагпункте Муксалма. 10 октября 1937 г. приговорена к высшей мере наказания. Расстреляна 4 ноября в Сандормохе (Карелия). Реабилитирована 29 ноября 1956 г.

...Майзеля... — Михаил Гаврилович Майзель (1899–1937), критик, литературовед. Примыкал к левонапостовскому меньшинству ВАПП и к группе «Литфронт». Автор книг «Новобуржуазное течение в советской литературе» (1929), «Вячеслав Шишков. Критический очерк (1935) и др. Отбывал наказание в Соловках, содержался на лагпункте Кремль. 10 октября 1937 г. Особой тройкой УНКВД Ленинградской области приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 4 ноября.

...не прокляли Горбачева... — Григорий Ефимович Горбачев (1897–1937), критик, литературовед; профессор Ленинградского института философии, истории и лингвистики. Был арестован 10 декабря 1934 г. по обвинению в принадлежности к контрреволюционной «зиновьевской» группе; в октябре 1937 г. приговорен к расстрелу; реабилитирован в 1958 г.

Вот Олейников не дал статьи... — Николай Макарович Олейников (1898–1937), поэт; сотрудничал с «Литературным Ленинградом». В 1925 г. был назначен ЦК ВКП(б) в газету «Ленинградская правда», а затем стал сотрудником редакции журнала «Новый Робинзон», впоследствии преобра-

зованной в Детский отдел Госиздата, который возглавил С. Я. Маршак. В 1926–1928 гг., активно сотрудничая в ленинградских и столичных журналах, занимался организацией радиовещания для детей. В 1928 г. назначен редактором новообразованного «Ежемесячного журнала» для детей («ЕЖ»). Участник литературной группы «Обэриу». Был арестован 3 июля и расстрелян 24 ноября 1937 г.

С. 380

Сейчас надо писать передовую о конституции. — См.: [Б. п.]. Наше вдохновение // Литературный Ленинград. 1936. 17 сентября. № 49. С. 1.

С. 381

Жора тоже... — Ю. Н. Либединский.

С. 382

Безобразная полоса «Смены». — О каком номере газеты «Смена» идет речь, выяснить не удалось.

«О жизни тленной, тленной и прекрасной...» — Цит. стихотворение «Я научилась просто, мудро жить...» А. А. Ахматовой.

...Анатолий, вероятно, подведет. — А. Е. Горелов.

...«Мать» Перл Бак. — Роман «Мать» (1934) американской писательницы, лауреата Нобелевской премии (1938) Перл Бак (1892–1960).

И в темной памяти не трогай Иного, страшного огня. — Цит. стихотворение «Они читают стихи» (1907) А. А. Блока.

С. 383

...одобрили и весьма солидно мою «Историю». — Речь идет о работе О. Ф. Берггольц над историей завода «Электросила». К упоминаемому времени были опубликованы очерки: Берггольц О. Красногвардейцы. Из книги «История завода “Электросила” им. С. М. Кирова» // Резец. 1936. № 20. С. 9–13.

Старчак тоже говорит... — Так в тексте. Правильно: Александр Осипович Старчаков (1893–1937), критик, литературовед; заведующий Ленинградским отделением газеты «Известия». Был арестован 4 ноября 1936 г., расстрелян 20 мая 1937 г. Подробнее о нем см.: Аграновский В. А. Последний долг М., 1994.

«Обман», «Щупбундовцы», «Старики» — все это могут получиться блестящие рассказы, хотя, наверное, «щупбундовцев» введу в Мартехова. — Рассказы О. Ф. Берггольц с такими названиями не обнаружены.

...«Альтиста». — Рассказ с таким названием не обнаружен.

Вышла книжечка стихов... — См.: Берггольц О. Книга песен. Стихотворения / Переплет, титул и шмуцтитул С. Пожарского. Л.: Худож. лит., 1936. 58 с.

С. 384

Что же, друг мой, перезимуем. Перетерпим, перегорим... — Последняя строфа стихотворения О. Ф. Берггольц «Воспоминание».

С. 385

О, легкое жужжание ≈ Не покидай меня... — Набросок неопубликованного стихотворения О. Ф. Берггольц.

С. 386

И стало вдруг ≈ прошумела и ушла. — Неточная цитата из стихотворения «Весенний день прошел без дела...» (1909) А. А. Блока. Ср.: «И стало беспоощадно ясно...»

Нет, мать ≈ ангел камень отвалил... — Цит. стихотворение «Сон» (1910) А. А. Блока.

С. 387

Нет, никогда я так не жаждал жизни... — Цитата из арии Каварадосси из оперы «Тоска» (1898) Джакомо Пуччини (1858–1924).

Хемингуэй — прекрасно... — Эрнст Миллер Хемингуэй (1899–1961), американский писатель.

С. 388

...«Проводы», надо было «Будет весело» и «Я хорошему». — Речь идет о стихах: Берггольц О. Проводы («Знаю, час такой настанет...») // Молодая гвардия. 1936. № 6. С. 47; Она же. «Будет весело мне с тобою...» // Берггольц О. Стихотворения. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934; Она же. «Как я за тобой ходила...» // Юный пролетарий. 1936. № 13. С. 16.

...как у Кая из ледяных кусочков... — Сказка «Снежная королева» (1844) датского писателя Ханса Кристиана Андерсена (1805–1875).

«Друзья, друзья! Быть может, скоро». — Цит. одноименное стихотворение (1921) В. Ф. Ходасевича.

С. 389

Что же ты меня томишь ≈ «переменится»... — Вариант стихотворения О. Ф. Берггольц «Песня». Впервые опубл.: Смена. 1963. 30 ноября.

...е<жели> б<уду> ж<ив>. — Е.б.ж., аббревиатура, придуманная Л. Н. Толстым, которой он часто заканчивал не только записи в дневниках, но и свои письма.

...в райкоме у Смородина. — П. И. Смородин.

Подарила ему свою книжку стихов. — См.: Берггольц О. Ф. Книга песен. Стихотворения. Л., 1936.

С. 390

...хвалил «Бедного Генриха». — «Бедный Генрих», роман (1934) Ю. П. Германа.

...приветствие Сталину ≈ стахановцев района. — Речь идет о публикации статьи: Дорогой вождь и учитель товарищ Сталин! // Ленинградская правда. 1936. 10 ноября. № 258. С. 1.

...поход против группы Маршака. — Началом своего похода против С. Я. Маршака О. Ф. Берггольц считала статью: О детской литературе // Литературный Ленинград. 1936. 5 октября. № 46 (191).

В этом № газеты — моя большая статья. — Речь идет о статье: Берггольц О. За героиню в детской книге // Литературный Ленинград. 1936. 11 ноября. № 52. С. 3.

...болван Гриша Мирошниченко... — Г. И. Мирошниченко. Подробнее о нем см. коммент. на с. 653.

...что даст правление. — В «Литературном Ленинграде» была опубликована информация о заседании Президиума Ленинградского отделения ССП, на котором были «предварительно обсуждены некоторые вопросы работы ленинградских детских писателей. С большой речью выступил председатель детской секции С. Маршак, критиковавший некоторые статьи, помещенные в “Лит. Ленинграде”. По мнению тов. Маршака, эти статьи давали неправильную ориентацию дискуссии. Президиум, отмечая, что статьи о детской литературе, напечатанные в “Литературном Ленинграде”, недостаточно полно охватывают всю сумму вопросов, стоящих перед детскими писателями, решил продолжить дискуссию на специально созываемом совещании, а также на страницах газеты» ([Б. п.]. В Союзе писателей // Литературный Ленинград. 1936. 5 декабря. № 54. С. 4).

С. 391

...быть развиты на Алеше Суркове... — А. А. Сурков. Подробнее о нем см. коммент. на с. 728.

...на М. Голодном... — Михаил Голодный (настоящие имя и фамилия Михаил Семенович Эпштейн; 1903–1949), поэт.

...Луговской... — Владимир Александрович Луговской (1900–1957), поэт; член редколлегии журнала «Знамя». Друг О. Ф. Берггольц, она посвятила ему стихотворение «Листопад» (1938).

...Сельвинский... — Илья (Карл) Карлович Сельвинский (1899–1968), поэт.

Арест Майзеля и Старчакова. — М. Г. Майзель был арестован в конце 1936 г., А. О. Старчаков — 4 ноября 1936 г.

...своей «саморазоблачительной» статейкой... — Речь идет о статье М. Г. Майзеля «Создать историю советской литературы». В ней он поставил вопрос о переосмыслении «сводных» курсов по истории советской литературы, так как они «по разным причинам не могут удовлетворить требованиям советского читателя и марксистско-ленинской критики». Аналогичный вывод автор сделал и по отношению к своей книге «Краткий курс русской литературы» (1930). Перечислив «основные пороки книжки», автор подвел итог: «Книгой, разумеется, пользоваться не следует» (см.: Литературный Ленинград. 1936. № 48. С. 3).

Олесич разоблачает троцкиста Перелешина... — Платон Александрович Перелешин (1898–1937), драматург. Речь идет о статье: *Олесич Я. Троцкистский подголосок* // Литературный Ленинград. 1936. 17 сентября. № 43. С. 3.

...Старчаков — за троцкизм Олесича... — См.: *Старчаков А. Безответственные домыслы вместо истории* [О романе Я. Олесича «На озерах в огни» (1934) и сборнике новелл «Пашпорт» (Харьков, 1933)] // Литературный Ленинград. 1936. 23 сентября. № 44. С. 2.

Петька Федотов написал ~ статью в «Смене». — Петр И. Федотов, критик. В 1937 г. цензор Ленинградского управления по делам печати. Речь идет о статье: *Федотов П. И. Заклинания вместо настоящей бдительности* // Смена. 1936. 12 ноября. № 261. С. 2. В статье критиковалась деятельность партийного руководства Ленинградского отделения ССП и его печатных органов: газеты «Литературный Ленинград» и журнала «Резец». По мнению Федотова, «агентура троцкистско-зиновьевской банды была представлена обильно», однако их разоблачила не партийная организация отделения союза, они «вынуждены были пробавляться уже готовыми, опубликованными разоблачениями». Был подвергнут критике «Литературный Ленинград» за публикацию редакционной статьи от 5 сентября 1936 г. о борьбе с остатками «троцкистско-зиновьевской банды» и статьи М. Г. Майзеля «Создать историю советской литературы». В заключение Федотов делал вывод: «Некоторые товарищи хотят шумихой и заклинаниями подменить истинно непримиримую борьбу по разоблачению всех и всяческих последышей контрреволюционного троцкизма».

С. 392

...верно сейчас сказал Ефим... — Е. С. Добин.

...разговоры с Мишкой и Гришкой... — М. Ф. Чумандрин, Г. И. Мирошниченко.

...читала сейчас «Ночь под Рождество»... — Так в тексте. Правильно: «Ночь перед рождеством», повесть из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832) Н. В. Гоголя.

С. 394

...к Мартьянову... — Павел Павлович Мартьянов (1908–1984). С февраля 1930 г. секретарь Московского райкома ВЛКСМ г. Ленинграда, с апреля 1932 г. 2-й секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ. С января по октябрь 1937 г. 1-й секретарь Свердловского обкома ВЛКСМ. Арестован 11 декабря 1937 г. УНКВД по Ленинградской области, приговорен к тюремному заключению сроком на 10 лет. Срок наказания отбывал в ИТЛ Дальстроя МВД СССР, арестован повторно в 1947 г., освобожден в 1956 г.

С. 395

У базы туристской ≈ горький брезент... — Вариант неопубликованного стихотворения О. Ф. Берггольц.

С. 396

...женился на Тане Коварской. — Татьяна Александровна Коварская (урожд. Риттенберг; 1905–1994), третья жена Ю. П. Германа.

С. 397

Вчера слушали доклад Сталина на съезде. — Речь идет о выступлении И. В. Сталина 25 ноября 1936 г. на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов.

...плохую «Салют Испания»... — Пьеса «Салют, Испания» (1936) А. Н. Афиногенова была поставлена Государственным академическим театром драмы за 23 дня специально для делегатов Чрезвычайного V съезда Советов Ленинградской области (см.: *Тасин Д.* «Салют, Испания!»: На репетициях «Салют, Испания!» в Госдраме // *Литературный Ленинград.* 1936. 17 ноября. № 53. С. 4; *Гринберг И., Левин Л.* «Салют, Испания!» // *Литературный Ленинград.* 1936. 29 ноября. № 55. С. 4).

...чем для испанцев служит наша страна... — Летом 1936 г. в Испании разразилась гражданская война между недавно избранным республиканским правительством и военными, поднявшими мятеж против законной власти. В Испании воевало около 3 тысяч советских военных советников:

танкистов, летчиков, артиллеристов, техников, моряков, работников НКВД. Все они официально считались добровольцами, тем самым советское правительство демонстрировало, что напрямую не вмешивается в испанский конфликт. Однако все они были командированы Наркоматом обороны. Во время войны в Испании погибло приблизительно 200 советских добровольцев.

- ...«кровь наших лучших людей пролита недаром».** — Цитата из доклада И.В. Сталина на Чрезвычайном VIII съезде Советов 25 ноября 1936 г о проекте Конституции СССР: «Приятно и радостно знать, за что бились наши люди и как они добились всемирно-исторической победы. Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты» (Литературная газета. 1936. 26 ноября. № 66. С. 3).
- ...Чем же ты меня пленила ≈ Шепчешь — «переменится»...** — Один из вариантов стихотворения О.Ф. Берггольц «Песня» (1940). Впервые опубл.: Смeна. 1963. 30 ноября.

С. 398

- Боязнь, что «Комсом<ольская> Правда»...** — Советская и российская ежедневная общественно-политическая газета, основанная в 1925 г. В описываемое время ее ответственным редактором был В.М. Бубекин (см. о нем коммент. на с. 749).

С. 399

- ...Мишку, Сапку, Яшку не позвали...** — М.Ф. Чумандрин, А.П. Штейн, Я.И. Грузинский.
- ...на совещание с Лежневым...** — Исая Григорьевич Лежнев (настоящая фамилия Альтшулер; 1891–1955), литературовед; с 1935 г. заведующий отделом литературы и искусства газеты «Правда».
- Дочитала «Борьбу со смертью».** — Рассказ «Борьба со смертью» (1918) Александра Степановича Грина (настоящая фамилия Гриневский; 1880–1932).
- ...не нужно «брать кусок жизни, бедной и грубой, и творить из нее сладостную легенду»...** — Аллюзия на первые строки романа «Капли крови» из трилогии «Творимая легенда» (1905–1912) Федора Кузьмича Сологуба (настоящая фамилия Тетерников; 1863–1927).

С. 400

- ...могучем, просторном Международном проспекте...** — Сейчас — Московский проспект, тянущийся от Сенной площади до площади Победы. В разное

время он был Царскосельским, Забалканским и Обуховским. После Октябрьской революции стал называться Международным (1918–1950), затем несколько лет носил имя Сталина, после чего получил, наконец, свое современное название — Московский. О. Ф. Берггольц прославила его в стихотворении «Международный проспект» (1956–1963), посвященном блокаде. ...к какой-то Ляле Чаквиани... — Знакомая Н. С. Молчанова по аспирантуре.

С. 401

Глупая статья С. Безбородова в «Смене»... — Сергей Константинович Безбородов (1903–1937), редактор Детгиза. Речь идет о статье: *Безбородов С. Пассажир вскочил на ходу* // Смена. 1936. 9 декабря. № 283. С. 3. В частности, автор указывал: «О детской литературе у нас часто говорят и пишут так, и напечатанную, — как, например, рассуждают на кухне коммунальной квартиры о гомеопатии, — приблизительно, понаслышке, но зато с большим темпераментом и апломбом». Позже литературовед Е. Щеглова писала: «В пылу газетного спора он как-то набросился на Ольгу Берггольц, в то время чрезвычайно молодую и невероятно яростную, до ортодоксальности, комсомолку. Ей тогда крайне не понравились некоторые лендетиздатовские книги, вроде “Подводных мастеров” К. Золотовского или “Повести о фонаре” Л. Будогоской. О чем она не преминула со всем своим пылом заявить в “Литературном Ленинграде”. Сегодняшним-то глазом видишь, что кое в чем она была права. “Подводные мастера” и в самом деле написаны не столько К. Золотовским, водолазом с четырехклассным образованием, писать совершенно не умеющим, сколько Тамарой Григорьевной Габбе, редактором книги. Отсюда и определенное сходство, без труда обнаруженное писательским глазом О. Берггольц в целом ряде лендетиздатовских книг. Эти полусамодельные авторы — “бывалые люди”, которых Маршак активно завлекал к себе в редакцию, в лучшем случае умели внятно что-то рассказать из своей “бывалой жизни”... Безбородова и возмутило в первую очередь то, что О. Берггольц ничтоже сумняшеся смешала в одну кучу книги принципиально разные (а он-то знал, кто из этих авторов чего стоит), да еще и сказала, что детиздатовским книгам недостает совершенно необходимой в детской книге “героики”» (см.: *Щеглова Е. «Они молчат — свидетели беды...»* // Вопросы литературы. 2008. № 2. С. 68–78).

Статья в «Известиях» совпадает с моими... — Речь идет о статье: *Таратута Е. С детской книгой все еще неблагоприятно* [О задачах издательств детской литературы] // Известия. 1936. 9 декабря. № 226. С. 4.

...об Ильине говорится... — М. Ильин (настоящие имя и фамилия Илья Яковлевич Маршак; 1893–1953), писатель; младший брат С. Я. Маршака.

С. 402

...сегодня статейка в «Смене» по поводу Добина. — Речь идет о заметке без подписи автора «Враждебная вылазка», в которой говорится о сборнике «Ленин в искусстве» (составитель — Е. С. Добин, ответственный редактор — А. Е. Горелов). Сборник, вышедший в 1934 г. до последнего времени рекомендовался как единственный освещающий высказывания В. И. Ленина об искусстве. Однако наряду с мемуарами К. Цеткин, Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, М. Горького и др. составители включили высказывания Ленина, как было подчеркнуто в статье, «в изложении и передаче врагов народа Г. Зиновьева, Л. Каменева и их последней из контрреволюционного лагеря — А. Воронского, Ю. Стеклова, А. Догадова». Учитывая тот факт, что эта «вреднейшая книга» еще «находится на книжных полках массовых библиотек», предлагалось немедленное ее изъятие, «как... популяризирующую подлых фашистских убийц» (Смена. 1936. 11 декабря. № 285. С. 3).

...угрозы П. Федотова... — П. И. Федотов.

...Свирину? — Николай Григорьевич Свирин (1900–1938), критик, литературовед; один из организаторов Литературной организации Красной Армии и Флота (ЛОКАФ), теоретик и критик советской военно-оборонной литературы. С 1931 по 1933 г. ответственный редактор журнала «Залп».

...«У врат царства». — Пьеса (1895) норвежского писателя Кнута Гамсуна (настоящая фамилия Педерсен; 1859–1952).

С. 403

...кроме Лившица... — Бенедикт Константинович Лившиц (настоящая фамилия Наумович; 1886–1937), поэт.

...и Кежуна... — Бронислав Адольфович Кежун (1914–1984), поэт, переводчик.

Устала от пошлости и лицемерия Флита... — Александр Матвеевич Флит (1891–1954), поэт.

...Левитина... — Михаил Ефремович Левитин (1905–1991), писатель, драматург.

...Тевелева. — Матвей Григорьевич (Герцович) Тевелев (1908–1962), писатель и сценарист.

...ответственную статью о Заболоцком. — См.: Берггольц О. Новый путь: На вчерне Н. Заболоцкого в Доме писателей // Литературный Ленинград. 1936. 23 декабря.

...поручить все Морачевскому... — Николай Яковлевич Морачевский (1907–1972), историк литературы, библиограф. Работал в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

С. 404

...первую елку (Постышев тогда ее только что легализовал). — По предложению П. П. Постышева (о нем см. коммент. на с. 758), в 1936 г. гражданам СССР были возвращены новогодние праздники.

С. 405

Смерть Николая Островского. — Николай Алексеевич Островский (1904–1936), писатель.

А Князев... — Предположительно, Филипп Степанович Князев (1902–1941), писатель. Секретарь партийной организации ленинградской писательской организации.

...практика Кривошеевой... — Александра Ивановна Лаврентьева-Кривошеева (1893–1951), литературовед.

...и Никитов? — Н. Никитов (настоящие имя и фамилия Никита Яковлевич Осипов; 1897–?), ответственный редактор журнала «Резец», преподаватель Военно-политической академии РККА.

А Трускинов? — Израиль Моисеевич Трускинов (1899–?), партийный деятель, секретарь парткома Коммунистического политико-просветительского института им. Крупской, инструктор отдела культпросветработы Смольнинского райкома ВКП(б).

...эта неприятность из-за сволочей Короткова и Клячкина, с Островским. — 12 декабря 1936 г. в час ночи было получено сообщение о смерти Н. А. Островского. Все областные газеты, в том числе большинство многотиражек, поместили в тот же день не только траурные сообщения, но и биографию писателя, его портрет, отклики товарищей. Исключение составил «Литературный Ленинград», поместивший траурное сообщение только 23 декабря. «Не сочли нужным опубликовать хотя бы биографию, портрет», — отмечала «Ленинградская правда» ([Б. п.]. «Литературный Ленинград» верен себе // Ленинградская правда. 1936. 24 декабря. № 295. С. 4). Коротков, Клячкин, редакторы газеты «Литературный Ленинград».

Редакция «Литературного Ленинграда» признала правоту «Ленинградской правды»: «“Литературный Ленинград” допустил ошибку, не проявив должной оперативности и гибкости перед лицом такого значительного со-

бытия, как смерть Н.А. Островского» (От редакции // Литературный Ленинград. 1936. 29 декабря. № 60. С. 4).

...и Скоробогатько... — Рабочий завода «Электросила».

С. 406

Днепропетровск Артемовская 25, кв. 8. Ю. Саповский Т. 621-22. — Юзеф Саповский, украинский поэт из Днепропетровска.

Рассказ будет называться «Мечта»... — Впервые опубл.: *Берггольц О. Мечта* // Костер. 1939. № 9. С. 41-66; отдельным изданием повесть вышла в том же году (М.; Л., 1939).

Такое нужно им сиянье ≈ в пути. — Вариант неопубликованного стихотворения О.Ф. Берггольц.

С. 407

Статья Бубекина против меня... — Владимир Михайлович Бубекин (1904-1937), ответственный редактор газеты «Комсомольская правда». Был арестован 5 июля 1937 г., расстрелян 28 октября. Речь идет о статье: *Бубекин В. Об одной благонамеренной статье: [Отклик на статью Берггольц о детской литературе от 11 ноября 1936 г.]* // Комсомольская правда. 1936. 27 декабря. № 298. С. 3.

...демагогически защищать Ильина? — М. Ильин ответил О.Ф. Берггольц статьей: *Ильин М. Критика с высоты птичьего полета* // Смена. 1936. 12 декабря. № 286. С. 2. В свою очередь Берггольц ответила и С.К. Безбородову, и М. Ильину, об этом см.: *Берггольц О. Поменьше самоуспокоенности* // Литературный Ленинград. 1936. 17 декабря. № 58. С. 3.

1937 год

Ольга Берггольц (С. 413-415).

Публикуется по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 68об.-70об.), впервые полностью.

Датируется с 1 по 16 января 1937 г.

Отрывки из дневника (со строк «Это будет год двадцатилетия...» до «...хватая друг друга за фалды...»; со строк «Какая-то неопределенность» до «...крити-

кую стихи и рассказы» опубли.: Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. М., 2011. Т. 1. С. 595).

Ольга Берггольц. 1937 год. 22/1-37. Был ленинский вечер в Д<оме> П<исателей> (С. 415–457).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 351).

Датируется с 22 января по 23 июля 1937 г.

1937 год. Ольга Берггольц (С. 457–502).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 352).

Датируется с 21 августа 1937 по ноябрь 1948 г.

21/XI-37. Никак не уляжется крови сухая возня... (С. 503–516).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 353).

Датируется с 21 ноября по 29 декабря 1937 г.

С. 413

«...сильными обещано ≈ одолевавших нас...» — Цит. стихотворение «Когда я устаю от пустозвонства...» (1934) Б.Л. Пастернака.

...напечатав речь Беспамятного об Островском! — Речь идет о статье: *Беспамятнов В. Сердце большевика: [О Н.А. Островском]* // Литературный Ленинград. 1936. 29 декабря. № 60. С. 1.

С. 414

...Скруль. — Так в тексте. Правильно: Иван Лаврентьевич Круль (1909–1980), бригадир, председатель профкома, освобожденный секретарь ВЛКСМ завода «Электросила», парторг цеха средних машин.

Ефима обложили в Ц<ентральном> О<ргане>... — В начале 1937 г. Е.С. Добина критиковала газета «Правда» — за то, что в сборнике В.А. Десницкого «На литературные темы» (Л., 1936. Кн. 2) Добин, будучи редактором книги, самовольно вычеркнул в одной из статей абзац, в котором Десницкий приводил высказывание Ленина об «иудушках Троцком, Каутском и др.». Редактура была расценена как грубая политическая ошибка (см.: [Б. л.]. С позволения сказать, редактор // Правда. 1937. 3 января). Цит. по: *Золотоносов М. Охота на Берггольц.* СПб., 2015. С. 142)

Витьку сегодня обложили в «Смене»... — Речь идет о статье: *Александров М. Об одном неудачном драматурге: О пьесе «С того берега» В. Беспамятнова* // Смена. 1937. 8 января. № 8. С. 2.

...по поводу статьи Золотовского... — Речь идет о статье: *Золотовский К.* Где же творческая среда? [К итогам второго Всесоюзного совещания по детской литературе при ЦК ВЛКСМ] // Литературный Ленинград. 1937. 5 января. № 1. С. 1.

Зачем от мирных нег ~ завистливый и душный? — Неточная цитата из стихотворения «Смерть поэта» (1837) М.Ю. Лермонтова. Ср.: «...вступил он в этот свет...»

Но не любил он ~ Меня... — Романс на слова Эрнесто Дельпрейте (1828–1891), музыка Альфонса Гуэрча (1831–1890), русский текст М. Медведева.

С. 416

...великолепный Джерманетто! — Джованни Джерманетто (1885–1959), итальянский писатель; с 1921 г. член Итальянской коммунистической партии. На родине подвергался неоднократным арестам; в январе 1927 г. эмигрировал. С 1930 по 1946 г. жил в СССР.

...показывали «Три песни о Ленине». — Документальный фильм 1934 г. Режиссер — Дзига Вертов (настоящие имя и фамилия Денис Аркадьевич Кауфман; 1895–1954).

...Фрунзе... — Михаил Васильевич Фрунзе (1885–1925), военачальник.

...Луначарский... — Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1934), нарком просвещения РСФСР, с 1933 г. полпред в Испании.

...звоню Цильштейну. — Иммануил (Эммануил) Осипович Цильштейн (1902–1938), ответственный редактор утренней «Красной газеты»; заведующий культпросветотделом ЦК ВКП(б). Арестован 28 октября 1937 г., расстрелян 17 февраля 1938 г.

С. 417

Первый день процесса над «параллельным центром»... — Открытый процесс по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» проходил в январе 1937 г.

С. 418

...что оставят в живых Радека... — К.Б. Радек был арестован 16 сентября 1936 г.; во время следствия дал согласие выступить с разоблачениями на открытом процессе; в качестве одного из главных обвиняемых был привлечен к процессу по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». 30 января 1937 г. приговорен к 10 годам тюрьмы; в лагере был убит уголовниками. Реабилитирован в 1988 г.

- ...и Сокольников.** — Григорий Яковлевич Сокольников (настоящие имя и фамилия Гирш Янкелевич Бриллиант; 1888–1939), член РСДРП с 1905 г.; первый нарком финансов (с 1923 г.). В 1929–1932 гг. полпред СССР в Великобритании; с мая 1933 г. заместитель наркома иностранных дел. В мае 1935 г. назначен первым заместителем наркома лесной промышленности. Арестован 26 июля 1936 г.; в качестве одного из главных обвиняемых был привлечен к процессу по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». 30 января 1937 г. приговорен к 10 годам тюрьмы. По официальной версии убит в местах заключения сокамерниками. Реабилитирован в 1988 г.
- ...спокойной речью Вышинского.** — Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954), юрист по образованию; с 1928 г. член коллегии Наркомпроса РСФСР. С 1931 г. в органах юстиции, с 1935 г. прокурор СССР. На открытом процессе по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» выступал как государственный обвинитель.
- ...директор Детгиздата Цыпин...** — Григорий Евгеньевич Цыпин (1899–1938), издательский работник.
- ...и Файнберг...** — Евгений Львович Файнберг (1904–1937), с июня 1933 по март 1935 г. начальник политотдела Казанской железной дороги. С марта 1935 по июль 1937 г. секретарь ЦК ВЛКСМ по печати. Репрессирован. Расстрелян в Москве.

С. 419

- ...меня трижды приглашали к Щербакову...** — Александр Сергеевич Щербаков (1901–1945), с 1934 г. 1-й секретарь ССП; в 1935–1936 гг. заведующий отделом культурно-просветительской работы ЦК ВКП(б). В 1937–1938 гг. 2-й секретарь Ленинградского обкома ВКП(б).
- ...рассказывала о Геке Финне.** — Так в тексте. Правильно: Геке Финне. Главный герой романа «Приключения Гекльберри Финна» американского писателя Марка Твена.
- ...погиб, как недавно Гессен?** — С. Я. Гессен погиб в результате несчастного случая.

С. 420

- ...Цветкову...** — Владимир Маркович Цветков (1902–?), секретарь парткома завода «Электросила», секретарь Московского райкома ВКП(б), в 1938 г. был репрессирован.
- Эх, вся-то жизнь ~ предано судьбой...** — Слова из городского романса.

...сообщение о пленуме ЦК, о том, что там будет принято решение о всемерном развертывании внутрипартийной демократии. — Скорее всего, речь идет о февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) (23 февраля — 5 марта 1937 г.), который открывал эпоху «Большого террора». На этом пленуме с докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» выступил И. В. Сталин, повторивший свою доктрину об «обострении классовой борьбы по мере строительства социализма». На пленуме были заслушаны обвинения в адрес Н. И. Бухарина в подпольном сколачивании «право-левой» оппозиции. В ходе террора из 72 лиц, выступавших на этом пленуме, 52 были расстреляны. Конечно же, ни о каком «развертывании внутрипартийной демократии» не могло быть и речи.

...в больнице, в Институте охраны Матмлада. — Специальный отдел по охране материнства и младенчества (ОММ), созданный в 1918 г. Первым руководителем института была А. М. Коллонтай.

С. 422

В связи с запрещением абортс развилась бешеная самодеятельность... — 27 июня 1936 г. ЦИК принял постановление «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах», согласно которому количество абортов было ограничено. Аборт допускался в случаях, когда продолжение беременности представляло угрозу жизни или грозило тяжелым ущербом здоровью беременной женщины или при наличии передающихся по наследству тяжелых заболеваний родителей. Это привело к значительному повышению количества криминальных абортов и самоабортов. Смертность от искусственного аборта и его последствий возросла сразу же: в 1935 г. в городах России был зафиксирован 451 случай смерти от этой причины, в 1936 г. — 910 случаев. Смертность от абортов росла неуклонно до 1940 г., достигнув в городах более 2 тыс. случаев.

Колька Шупк<анов> как-то говорил... — Николай Георгиевич Шушканов (1902–1953), писатель; с 1929 по 1932 г. член редколлегии журнала «На литературном посту». С 1935 по 1938 г. работал в редакции «История фабрик и заводов».

С. 423

О, душа моя ≈ с тоской. — Вторая часть стихотворения О. Ф. Берггольц «Память» (1937). Впервые целиком стихотворение было напечатано в сб.: *Берггольц О. Избранные произведения.* Л., 1983.

С. 425

...арестован Анат<олий> Горелов. — А. Е. Горелов арестован 11 марта 1937 г., осужден на 15 лет отбывания наказания на Соловках за принадлежность к троцкистско-зиновьевской оппозиции, с дальнейшим поражением на два года в правах на поселении в Красноярском крае. Реабилитирован 2 октября 1954 г.

С. 427

Мне хочется домой ≈ улиц озарюсь. — Цит. стихотворение «Волны» (1931) Б. Л. Пастернака.

С. 430

Ни розового сада ≈ падаю в себя... — Цит. стихотворение «Ни розового сада...» (1921) В. Ф. Ходасевича.

С. 431

Арестован Лешка Авербах. — Л. Л. Авербах был арестован 4 апреля 1937 г.; приговорен особым порядком и расстрелян 14 августа.

...арестован Борис Корнилов... — Б. П. Корнилов был арестован 19 марта 1937 г.; расстрелян 20 февраля 1938 г. Подробнее о причинах ареста см.: *Дымищиц А., Лихарев Б., Решетов А.* В прокуратуру Ленинградского военного округа // *Борис Корнилов: «Я буду жить до старости, до славы...».* СПб., 2012. С. 505–506.

С. 434

...и предзавкома Морозов. — Михаил Захарович Морозов (1892–1944), токарь, председатель заводского комитета завода «Электросила».

...видела «Женитьбу», в кино, постановка Х. Локшиной. — Хesia Александровна Локшина (1902–1982), актриса, режиссер.

«Женитьба», фильм 1936 г.; производство «Ленфильм». Режиссеры — Х. А. Локшина, Э. П. Гарин; в главных ролях — Э. П. Гарин, Н. Н. Латонина, С. Я. Каюков и др.

С. 435

...«выдвигаться», как Подзелинский... — Михаил Михайлович Подзелинский (1900–1983), писатель.

Говорила с Л. Франкфурт. — Лиля Соломоновна Франкфурт, сотрудник редакции «История фабрик и заводов».

С. 437

Идет история с Авербаховщиной. — После ареста Л. Л. Авербаха 4 апреля 1937 г. в прессе стали появляться публикации, обвиняющие окружение секретаря РАПП, в том числе и О. Ф. Берггольц; об этом см.: *Яшин П.* Против дезорганизаторов литературы // Советское искусство. 1937. 11 мая; *Князев Ф.* До конца разоблачить авербаховских последышей // Красная газета. 1937. 19 мая; *Макашин А.* Авербаховские приспешники в Ленинграде: На заседании Ленинградского правления ССП // Литературная газета. 1937. 20 мая; и др. Берггольц неоднократно приходилось объяснять свои отношения с секретарем РАПП.

...говорил Серебряников... — Абрам Борисович Серебряников (1909–1937), заведующий учебной частью Дома детской литературы; арестован 12 сентября 1937 г., расстрелян 24 ноября.

С. 438

Меня исключили из Союза Писателей... — О. Ф. Берггольц исключили из Союза писателей на общем собрании 16 мая 1937 г. вместе с Е. С. Добинным и Л. И. Левиным. В «Литературной газете» от 20 мая 1937 г. была опубликована подборка под общим заголовком «Авербаховские приспешники в Ленинграде» с подзаголовками: «Доклад тов. Ставского», «Чумандрин и другие», «Авербаховский ставленник Либединский», «Газета “Литературный Ленинград” была стыком между авербаховцами и горбачевцами», «Н. Свиринов о “Литфронте”», «Авербаховцы Л. Левин и О. Берггольц исключены из Союза писателей». Подробнее см.: *Левин Л.* Такие были времена. М., 1991. С. 37–55.

...Макарьевым... — Иван Сергеевич Макарьев (1902–1958), критик, с 1925 по 1932 г. секретарь РАПП. Был репрессирован, в 1955 г. реабилитирован. В 1956 г. вернулся в Москву, спустя два года покончил с собой.

...или Жданову... — Андрей Александрович Жданов (1896–1948), с декабря 1934 г. секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б); с 1935 г. кандидат в члены, с 1939 г. член Политбюро ЦК ВКП(б).

С. 440

«Все эти следы ≈ невозможно тебе»... — Цит. роман «Анна Каренина» (1877) Л. Н. Толстого (ч. 4, гл. 26).
«Но это говорили ≈ все возможно»... — Цитата из этого же романа.

С. 441

Послала обжалование в ССП, и копию с письмом хочу направить в Ц<ен<тральный>О<рган>. — 25 мая 1937 г. О. Ф. Берггольц подала в партком завода «Электросила» обжалование решения об исключении ее из Союза писателей и из кандидатов в члены ВКП(б).

С. 442

29/V партком на «Электросиле» исключил меня из партии. — На заседании парткома завода «Электросила», где О. Ф. Берггольц исключили из кандидатов в члены ВКП(б), присутствовали восемь членов парткома и три активных члена Союза писателей (П. И. Капица, Н. А. Брыкин, А. Е. Решетов). 5 января 1939 г. она была исключена из кандидатов в члены ВКП(б) повторно. Подробно об этом см.: *Золотонос М. Охота на Берггольц*, СПб., 2015.
...Капица... — О П. И. Капице см. коммент. на с. 659.
...Решетов... — Александр Ефимович Решетов (1909–1971), поэт. Наиболее активно участвовал в травле О. Ф. Берггольц. Подробнее об этом см.: *Золотонос М. Охота на Берггольц* (по указ.).

С. 443

Смирягин... — Сергей Терентьевич Смирягин (1898–1941), инженер, заместитель директора завода «Электросила», член парткома Московского района; был исключен из партии 23 марта 1938 г., арестован, но в 1939 г. освобожден за «недоказанностью улик». Пропал без вести во время Великой Отечественной войны. Подробнее о нем см.: *Золотонос М. Охота на Берггольц* (по указ.).
Колька К<ани>н — Николай Тимофеевич Канин, секретарь парткома ленинградского завода весов «Госметр».
Ужасно особенно то, что происходит с Ленькой Анком. — 21 мая 1937 г. Л. В. Дьяконов был снят с должности заведующего Отделом особых заданий в газете «Кировская правда», 26 июля уволен из газеты ввиду разоблачения его связей с авербаховцами.
...вроде Алдана... — Андрей Игнатьевич Алдан-Семенов (настоящая фамилия Семенов; 1904–1985), писатель; с 1926 г. занимался журналистикой. В 1930 г.

вместе с О.Ф. Берггольц и Н.С. Молчановым работал в редакции газеты «Советская степь». В 1935 г. возглавил в Вятской области отделение ССП. В 1937 г. вышел сборник «Кировская новь», ставший причиной ареста Алдан-Семенова как ответственного редактора книги. На следствии он оговорил своих коллег по Вятскому отделению писателей Н.Ф. Васенева, Я.Я. Акмана и Л.В. Дьяконова. Показания Алдан-Семенова и Дьяконова (Анка) дали основание для ареста Берггольц в декабре 1938 г. (подробнее см.: Ольга. Запретный дневник: дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц. СПб., 2010. С. 349).

С. 445

Изъятие Киршона... — В.М. Киршон был исключен из состава правления ССП 26 мая 1937 г., арестован 29 августа. 28 июля 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1955 г.

С. 446

В душе и в мире ~ промытых кислот... — Цит. стихотворение «Автомобиль» (1921) В.Ф. Ходасевича.

Самоубийство Гармарника... — Так в тексте. Ян Борисович (Яков Пудикович) Гармарник (1894–1937), член РСДРП(б) с 1916 г. С 1923 г. председатель Дальревкома, крайисполкома и секретарь Далькрайкома ВКП(б). С 17 ноября 1929 г. член Оргбюро ЦК ВКП(б). На февральском Пленуме ЦК ВКП(б) выступил в защиту М.Н. Тухачевского. 20 мая 1937 г. назначен членом Военного совета Среднеазиатского военного округа. 31 мая 1937 г. застрелился. После смерти объявлен «врагом народа». Реабилитирован в 1955 г.

...суд над военными во главе с Тухачевским... — Дело «антисоветской троцкистской военной организации», сфабрикованное НКВД под руководством И.В. Сталина, по обвинению группы крупных советских военачальников в организации военного заговора с целью захвата власти. По делу обвинялись: М. Тухачевский, И. Якир, И. Уборевич, Р. Эйдеман, В. Путна, Б. Фельдман, Б. Примаков, Я. Гамарник. Целью организации был объявлен насильственный захват власти в СССР в обстановке военного поражения от Германии и Польши. За неделю до суда, 2 июня 1937 г., было созвано расширенное заседание Военного совета при Народном комиссариате обороны СССР. О размахе мероприятия говорит то, что помимо членов Военного совета в заседании участвовало 116 приглашенных. С объяснением позиции правительства по «делу Тухачевского» перед армейской общественностью выступил Сталин. Следствие

длилось менее месяца. Протоколы допросов отсылались Сталину лично для редактирования. Все обвиняемые были приговорены к расстрелу (кроме Гамарника, который перед арестом покончил с собой), и в ночь на 12 июля 1937 г. маршалы были казнены. Руководил расстрелом командант НКВД В. М. Блохин.

Михаил Николаевич Тухачевский (1893–1937), военачальник, маршал СССР. Родился в дворянской семье. Участвовал в Первой мировой войне, в 1918 г. перешел на сторону большевиков. Под его руководством была разгромлена армия А. В. Колчака, подавлены Кронштадтский мятеж и Тамбовское восстание. В начале 30-х гг. Тухачевский был начальником Ленинградского военного округа. 7 ноября 1933 г. в очередную годовщину Октябрьской революции руководил парадом на Красной площади. В 1935-м стал одним из первых пяти маршалов Советского Союза, затем был назначен заместителем наркома обороны К. Е. Ворошилова. 22 мая 1937 г. маршала арестовали в Куйбышеве. На допросе Тухачевский признался под пытками, будто бы готовил военный переворот. Для этого он якобы собирался организовать поражение РККА в будущей войне с немцами или японцами. 11 июня суд приговорил Тухачевского к расстрелу за шпионаж и измену родине. Его расстреляли в ту же ночь. Маршал был посмертно реабилитирован в 1957 г.

Слухи об аресте Постышева... — Павел Петрович Постышев (1887–1939), в революционном движении с 1901 г. С 1925 г. кандидат, с 1927 г. член ЦК ВКП(б). С 1930 по 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б) и член Оргбюро ЦК; с февраля 1934 г. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). С июля 1934 г. 1-й секретарь Киевского обкома партии. На январском Пленуме ЦК в 1938 г. Постышев был выведен из состава Политбюро ЦК. В феврале 1938 г. исключен из ВКП(б) и 21 февраля арестован. Расстрелян 26 февраля 1939 г. Реабилитирован в 1956 г.

...и Манульского... — Так в тексте. Правильно: Дмитрий Захарович Мануильский (1883–1959), член РСДРП с 1904 г. С 1917 г. член коллегии Наркомата продовольствия; один из организаторов продотрядов. С 1920 по 1923 и с 1923 по 1952 г. член Политбюро ЦК КП(б) Украины. С 1928 по 1943 г. секретарь Исполкома Коминтерна. Слухи о его аресте были преувеличены.

Тот же Ягода... — Генрих Григорьевич Ягода (настоящие имя и фамилия Енох Гершенович Иегуда; 1891–1938), член РСДРП с 1907 г.; троюродный брат Я. М. Свердлова. В октябре 1917 г. участвовал в вооруженном восстании в Петрограде. С 1919 по 1920 г. член коллегии Наркомата внешней

торговли. В 1920–1922 гг. член Президиума ВЧК. С 1923 по 1929 г. заместитель председателя ОГПУ при СНК СССР. В 1934–1936 гг. нарком внутренних дел СССР. В 1936–1937 гг. нарком связи СССР. С 1934 г. член ЦК ВКП(б). 3 апреля 1937 г. был снят с должности; проходил главным обвиняемым по делу антисоветского «право-троцкистского блока». 13 марта 1939 г. был признан виновным и приговорен к смертной казни; расстрелян 15 марта.

С. 447

Зато слова ≈ на уста все чаще... — Цит. стихотворение «Стансы» (1918) В. Ф. Ходасевича.

Горек миндаль ≈ поздно... — Цит. стихотворение «Зеленые» (1926) Николая Николаевича Ушакова (1899–1973).

...во многом была я «Душечкой». — Героиня рассказа (1898) А. П. Чехова. О. Ф. Берггольц и ранее сравнивала себя с этой героиней; см. запись от 10 ноября 1929 г.: «А во мне много элементов чеховской “Душечки”... Да, да, я говорю это, ничуть не кокетничая. Это я тщательно скрываю...» («Я хочу жизни — много, много...»: Дневник О. Ф. Берггольц 1928–1930 годов / Публ. Н. А. Прозоровой // Борис Корнилов: «Я буду жить до старости, до славы...». СПб., 2012. С. 327).

С. 448

...говорил финн «Семи повешенных»... — «Рассказ о семи повешенных» (1908) Л. Н. Андреева.

С. 449

О, исторгни ржавую душу! — Цит. стихотворение «Ты в поля отошла без возврата» (1905) А. А. Блока.

С. 450

Лишь к твоей золотой свирели В черный день устами припаду... — Цит. «Вступление» к «Книге второй» (1904–1908) А. А. Блока.

Отравлен свет ≈ сильнее тосковать. — Цит. стихотворение «Отравлен свет и воздух выпит...» (1913) О. Э. Мандельштама.

О, если б ≈ и умереть. — Неточная цитата из стихотворения «О, если б в этот час желанного покоя...» (1915) В. Ф. Ходасевича.

...Амельченко... — Иосиф Иванович Амельченко (1904–?), слесарь завода «Электросила».

С. 451

Написать письмо Фадееву? — А. А. Фадеев с 1934 по 1938 г. был заместителем председателя ССП; с 1939 г. секретарь Президиума ССП.

...она жила на Сиверской. — Сиверская, поселок городского типа в Гатчинском районе Ленинградской области.

С. 452

Четвертая книга «Клима Самгина»... — Речь идет об издании: *Горький М. Жизнь Клима Самгина* [Часть IV] / Ред. текста И. А. Груздев, И. П. Ладыжников, И. И. Минц. М.: Гослитиздат, 1937.

...Станиславский... — Константин Сергеевич Станиславский (настоящая фамилия Алексеев; 1863–1938), актер, режиссер, создатель Московского Художественного театра (МХТ).

Не пойму ≈ не верю в счастье уж давно... — Цит. стихотворение «За рекой луга зазеленели...» (1893) И. А. Бунина.

С. 453

И упиваясь красотой ≈ в одной любви со мной... — Цит. стихотворение «Еще холоден и сыр...» (1901) И. А. Бунина.

И снова день ≈ радость бытия... — Цит. стихотворение «Весенний вечер» И. А. Бунина

И счастлив я ≈ с Тобой. — Цит. стихотворение «За все тебя, Господь, благодарю...» (1901) И. А. Бунина.

Н. Свирина — арестовали. — Н. Г. Свирин был арестован 26 июня 1937 г.

С. 454

...т. н. «инженеров душ». — См. коммент. на с. 680.

С. 455

Но если приговор судьбы ≈ Тебя благословляя... — Цит. «Рыцарский романс» (1840) Нестора Васильевича Кукольника (1809–1868).

С. 456

Здесь — была в больнице. — Судя по частично опубликованному делу О. Ф. Бергольц, летом 1937 г. ее неоднократно вызывали на допросы. Все это привело к потере ребенка. В Постановлении о прекращении дела за № 58120-38 г. по обвинению Бергольц было указано: «Что же касается показаний Бергольц <в деле фамилия Бергольц везде пишется с ошибкой. — Н. С.>, данных ею во время допроса в качестве свидетеля в июле м-це 1937 г.,

где она показала, что является участником троцкистско-виновьевской контрреволюционной организации, являются, как установлено следствием, показаниями вынужденными, даны в состоянии очень тяжелого морального и физического состояния, о чем свидетельствует тот факт, что сразу же после допроса Бергольц попала в больницу с преждевременными родами» (см.: Соколовская Н. «Тюрьма — исток победы над фашизмом» // Ольга. Запретный дневник... С. 351).

С. 457

...разозлится на меня Г. — Скорее всего, речь идет о Ю.П. Германе.

Так значит ≈ рассветном бреду? — Цит. «Дневник в стихах» (1924) Николая Николаевича Асеева (1889–1963).

Была ты всех ярче ≈ прости! — Неточная цитата из стихотворения «Была ты всех ярче, верней и прелестней...» (1914) А.А. Блока.

С. 458

Умри — и стань! — Цит. стихотворение «Святая тоска» из «Западно-восточного дивана» (1814–1819) немецкого поэта Иоганна Вольфганга Гете (1749–1832).

Post tenebras — spero lucem. — Здесь: Надеюсь на свет после мрака (*лат.*) (Иов. 17: 12).

«Жизнь, между тем, настоящая жизнь людей...» — Цит. роман «Война и мир» (т. 2, ч. 3, гл. 1) Л.Н. Толстого.

...это с «Н-209». <...> К месту трагедии стягиваются корабли и самолеты. — 12 августа 1937 г. четырехмоторный самолет с бортовым номером «СССР Н-209» под командованием летчика Сигизмунда Александровича Леваневского (1902–1937); в составе экипажа: второй пилот Николай Кастанаев, штурман Виктор Левченко, авиамеханики Николай Годовиков и Григорий Побежимов, радист Николай Галковский, — вылетел с Чкаловского аэродрома Москвы через Северный полюс в Фербенкс (США, Аляска). 13 августа в 13 часов 40 минут самолет достиг Северного полюса; в 17 часов 53 минуты была принята последняя радиограмма, когда самолет пролетал над мысом Шмидта. Больше о судьбе экипажа самолета ничего не известно. 14 августа 1937 г. на поиски вылетели два советских пилота А. Грацинский и В. Задков; с Аляски вылетели три американских самолета. В мае 1938 г. вышло постановление советского правительства о прекращении поисков.

С. 459

...Коновалов... — Муж Ирины Молчановой, подруги Н.С. Молчанова.

У Мариных, верных друзей наших... — В. А. Марин, М. В. Марина (Машкова).

С. 460

...видела в течение вечера Соню... — С. М. Машбиц.

МЮД — Международный юношеский день, международный праздник прогрессивно настроенной молодежи в период с 1915 по 1945 г. Установлен решением Бернской международной социалистической конференции (1915) в целях мобилизации молодежи на борьбу за мир. Открылся 3 октября 1915 г. в Швейцарии. С 1932 г. стал отмечаться 1 сентября. В России был впервые проведен в сентябре 1917 г.; в СССР проводился как день интернациональной солидарности и трудовых успехов молодежи в социалистическом строительстве.

С. 461

Никогда, никогда не сольются ≈ работу свою! — Строчки из стихотворения «Горе тем, кто ослепли в огне...» Василия Дмитриевича Александровского (1897–1934).

Не погибли ≈ к труднейшей задаче — Цит. «Заметки публициста: О восхождении на высокие горы, о вреде уныния, о пользе торговли, об отношении к меньшевикам и т. п.» (1922) В. И. Ленина.

«Жизнь, между тем, настоящая жизнь ≈ вне всех возможных преобразований»... — Неточная цитата из романа «Война и мир» (т. 2, ч. 3, гл. 1) Л. Н. Толстого.

С. 462

...хорошо бы для детей — Дзержинского... — Об этом см. коммент. на с. 707.

Звонила сегодня Кетлинской. — Вера Казимировна Кетлинская (1906–1976), писательница. С начала 1930-х гг. работала в издательстве «Молодая гвардия». Во время Великой Отечественной войны была секретарем Ленинградского отделения ССП.

...«пузанчика-экзгибициониста» Изьки. — И. Л. Гринберг.

С. 463

...безобразное дело Анка... — В эти дни друг О. Ф. Берггольц и Н. С. Молчанова Л. В. Дьяконов (Анк) был уволен из газеты «Кировская правда» за связь с «авербаховкой» Берггольц. В начале 1938 г. Молчанов и Берггольц написали письмо Сталину, в котором, в частности, говорилось, что Леонид Дьяконов выгнал с работы «некто Алдан (литературный проходи-

мец и халтурщик). В течение 10 месяцев Дьяконов ходит без работы, его нигде не принимают... Доведенный до отчаяния больной Дьяконов обращался в кировское НКВД с просьбой или арестовать его, или реабилитироваться» (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 1083).

...возмутительная история с Марусей Машковой... — М. В. Марина (Машкова) была уволена с должности заведующей библиотечным фондом в Союзе строителей тяжелой промышленности.

...увольнение из театра Муськи... — Скорее всего, это увольнение было связано с исключением Ю. Н. Либединского из партии. М. Ф. Берггольц (жена Либединского) в эти годы играла в спектаклях на разных провинциальных сценах.

...«дело» Вольки... — Всеволод Александрович Марин (1909–1970), литературовед; с октября 1935 г. заведующий Консультационно-библиографическим кабинетом Ленинградского представительства Партиздата. В октябре 1937 г. уволен из Партиздата, исключен из комсомола в связи с ложными обвинениями в пропаганде троцкизма; после разбирательства был восстановлен на работе и в комсомоле.

А Маулишка?! — Подробнее о М. А. Вите см. коммент. на с. 682.

...Шабанов... — Александр Афанасьевич Шабанов (1900–1940), литератор; с 1928 г. заведующий отделом редакции «Ленинградской правды»; затем работал секретарем Ленинградского отделения ССП. Арестован 12 марта 1938 г. Расстрелян согласно «сталинскому списку» 6 сентября 1940 г. (см.: Сталинские расстрельные списки [Электронный ресурс] // Сайт Общества «Мемориал». URL: <http://stalin.memo.ru/names/p416.htm>).

С. 464

Что было любимо ≈ прости! — Цит. стихотворение «Была ты всех ярче, верней и прелестней...» А. А. Блока.

С. 465

Арестован<ы> Габбе... — Т. Г. Габбе (о ней см. коммент. на с. 650) была арестована 14 сентября 1937 г.

...Любарская... — Александра Иосифовна Любарская (1908–2002), писательница, переводчица; сотрудница детского отдела Госиздата (Ленинград). Арест Любарской и других сотрудников Ленинградского отделения Детгиза произошел в ночь с 4 на 5 сентября 1937 г. Любарская была освобождена, благодаря хлопотам К. И. Чуковского, в начале 1939 г. (подробнее см.: Любарская А. За гранью прошлых дней // Нева. 1995. № 2. С. 162–171).

...в «Литературном» Ленинграде» я начала поход против маршакиады... —
Об этом см. коммент. на с. 742.

С. 466

...Луккой... — К. К. Лукка.

С. 467

Хатаевич... — Мендель Маркович Хатаевич (1893–1937), член РСДРП с 1913 г.; с 1925 г. член Центральной ревизионной комиссии ВКП(б), с 1927 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б), с 1930 г. член ЦК ВКП(б). В 1932–1937 гг. член Политбюро ЦК КП(б) Украины. С 17 марта 1937 г. 2-й секретарь ЦК КП(б) Украины. Арестован 9 июля 1937 г., 27 октября приговорен к смертной казни по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации; расстрелян 30 октября. Реабилитирован в 1956 г.

...Любченко. — Панас Петрович Любченко (1897–1937), участник революционного движения с 1913 г.; участник Первой мировой войны. Весной 1917 г. вошел в состав Центральной рады, но уже осенью был арестован и приговорен к расстрелу; освобожден Красной армией 26 января 1918 г. В мае 1918 г. вступил в партию боротьбистов, которая в 1920 г. самораспустилась. С 1922 г. председатель Всеукраинского союза сельскохозяйственной кооперации. С 1929 г. кандидат в члены, с 1934 г. член Политбюро ЦК КП(б) Украины. С 28 апреля 1934 г. председатель СНК Украины; с 1934 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б). На Пленуме ЦК КП(б) Украины, проходившем 20–30 августа 1937 г. в Киеве, С. В. Коссиор выступил с докладом «О буржуазно-националистической антисоветской организации бывших боротьбистов и о связях этой организации», в котором обвинил Любченко в причастности к петлюровцам. Последний категорически отрицал свою вину. По официальной версии, Любченко, вернувшись с Пленума домой, застрелил свою жену Н. Н. Крупеник и застрелился сам. По другой — убит сотрудниками ОГПУ. Реабилитирован в 1965 г.

С. 468

...Ромен Роллана — читаю четвертый том «Очарованной души»... — Роман «Очарованная душа» (1922–1933) французского писателя Ромена Роллана (1866–1944).

...Ну, что же ~ плакать о Леванте... — Цит. стихотворение «Ослепительное» (1910) Николая Степанович Гумилева (1886–1921).

С. 469

Мне все не отрясти прах незаслуженных обид... — Ср.: «отрясите прах от ног ваших» (Мф. 10: 14; Мк. 6: 11).

«Не вокруг создателей нового шума ≈ вращается он». — Цит. философский роман «Так говорил Заратустра» (1883–1885) Фридриха Ницше (1844–1900) в переводе Ю. М. Антоновского.

...«довлеет дневи злоба его»... — См.: Мф. 6: 34 (церковнославянский перевод). В Синодальном переводе: «Довольно для каждого дня своей заботы».

С. 470

Ты царь, живи один... — Цит. стихотворение «Поэту» (1830) А. С. Пушкина.

...Лузгин восстановлен еще раньше... — Михаил Васильевич Лузгин (1899–1942), писатель; член ВКП(б) с 1919 г.

С. 472

...в ТюЗе... — Театр юного зрителя был основан в Петрограде в 1922 г. А. Брянцевым. Подробнее о постановках в Ленинградском ТюЗе см.: *Шапорина Л. В. За пятнадцать лет // Шапорина Л. В. Дневник. 1946–1957. М., 2011. Т. 2. С. 413–448.*

...на «Кр<асной> Шапочке»... — Пьеса «Красная шапочка» (1919) драматурга Елены Яковлевны Данько (1897/1898–1942).

С. 473

Кибрик не зовет меня... — Евгений Адольфович Кибрик (1906–1978), художник-график, иллюстратор; муж В. К. Кетлинской.

...Вера не хочет... — В. К. Кетлинская.

...у меня нет друзей, кроме... Галки... — В дневнике от 22 августа 1947 г. О. Ф. Бергольц писала о Г. Г. Пленкиной: «...собственно, лучшая моя подруга. Она — типичный человек из народа, тот самый простой, золотой и т. д., от чьего имени какие-то холуи пишут Ст<алину> письма, вокруг которого стараются принудить нас лгать и рисовать его архи счастливую жизнь. Она была когда-то человеком, жадно рвущимся к знаниям, к новому и новому, к искусству — недаром любила она Лёньку [Л. В. Дьяконова. — *Н. С.*]... Как она могла интересно и любовно говорить о людях, о книгах... Я помню ее в разгар горя, когда ее травили и преследовали, в 37 году, после, как вышла из тюрьмы и у нее умер сын Лёни» (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 367).

С. 474

Дай гневу правому ~ копиться и гореть... — Цит. стихотворение «Да. Так диктует вдохновенье...» (1914) А.А. Блока.

С. 475

Рике Либединской сняли выговор за Юрия... — Рика (Рахиль) Николаевна Либединская (1902–1989), родная сестра Ю.Н. Либединского.

...козлиц от овец отделят. — Ср.: «И отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов» (Мф. 25: 32).

С. 476

Мериме говорил верно: «Наиболее любят человечество люди жестокие». — Проспер Мериме (1803–1870), французский писатель, мастер новеллистической прозы. Источник цитаты установить не удалось.

«Он узнал, что есть граница страданий и граница свободы, и что эта граница очень близка». — Цит. роман «Война и мир» (т. 4, ч. 3, гл. 12) Л.Н. Толстого.

Благословенно ~ прости!.. — Цит. стихотворение «Была ты всех ярче, верней и прелестней...» А.А. Блока.

...среди зимы — Али Алмазов! — О нем см. коммент. на с. 644. После своего освобождения в 1934 г. А.А. Алмазов, ожидая очередного ареста, почти два года жил в Ленинграде, где О.Ф. Берггольц укрывала его от НКВД. Этой встрече она посвятила стихотворение «Письмо» («Где ты, друг мой?...», 1937).

С. 481

...материалы от Ставского... — Владимир Петрович Ставский (настоящая фамилия Кирпичников; 1900–1943), писатель; в 1928–1932 гг. секретарь РАПП. С 1936 г. генеральный секретарь ССП, одновременно с 1937 г. главный редактор журнала «Новый мир». Указанные материалы, предположительно, являются документами о восстановлении М.Ф. Чумандрина в составе ССП.

С. 482

...только Мишку, племянника... — Михаил Юрьевич Лебединский (1931–2006; изменил в своей фамилии букву «и» на «е»), сын Ю.Н. Либединского и М.Ф. Берггольц; по образованию экономист, член Московского историко-родословного общества. Печатал свои литературные произведения под псевдонимом М. Грустилин.

Читаю «Фому Гордеева»... — Роман «Фома Гордеев» (1899) М. Горького.

- ...лежит к прочтению «Мать и сын» Р. Роллана.** — Речь идет о романе «Очарованная душа» (1922–1933) Р. Роллана.
- ...прочитать еще Кореванову...** — Агриппина Гавриловна Кореванова (1869–1937), писательница; в данном случае речь идет о ее книге «Моя жизнь» (1936).
- ...Грекову...** — Галина (Анна Яковлевна) Грекова (1898–?), писательница, автор автобиографической повести «О счастье» (1935); кандидат философских наук.
- ...Бенвенутто Челлини...** — Так в тексте. Правильно: Бенvenuto Челлини (1500–1571), итальянский скульптор, ювелир, автор незавершенных мемуаров «Жизнь Бенvenuto, сына маэстро Джованни Челлини флорентийца, написанная им самим во Флоренции» (1558–1565).

С. 483

- ...«что сделать с собою все возможно?»...** — Цит. роман «Анна Каренина» (т. 1, гл. 26) Л. Н. Толстого.

С. 484

- Предчувствую тебя ≈ жду, тоскую и люблю.** — Неточная цитата из стихотворения «Предчувствую тебя...» (1901) А. А. Блока. Ср.: «...Все в облике одном предчувствую тебя».
- «Как бы продолжа ≈ убей».** — Неточная цитата из стихотворения «ТВС» (1929) Э. Г. Багрицкого.

С. 485

- ...«благорастворение в воздушных».** — Слова из Великой ектении, т. е. молитвы, произносимой в православном храме дьяконом во время обедни (литургии Иоанна Златоуста).
- ...«жить стало лучше, жить стало веселее».** — Распространенный вариант фразы, произнесенной И. В. Сталиным 17 ноября 1935 г. при выступлении на I Всесоюзном совещании стахановцев.

С. 486

- Иваны Карамазовы «не хотят будущей гармонии, раз была пролита слезинка замученного ребенка».** — Отсылка к знаменитому разговору братьев Ивана и Алеши из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (ч. 2, кн. 4, гл. «Бунт»).
- Возмущается «Литературное обозрение» особенно тем, что строки эти...** — «Литературное обозрение», критико-библиографический двухнедельник при журнале «Литературный критик». Издавался в Москве в 1936–1941 гг.

В 1940–1941 гг. стал органом Института мировой литературы им. А. М. Горького. Неясно, о какой статье идет речь.

Была 15<-го> на «Тихом Доне»... — «Тихий Дон», роман-эпопея Михаила Александровича Шолохова (1905–1984) из истории Гражданской войны. Скорее всего, речь идет о постановке оперы И. Дзержинского «Тихий Дон» ленинградским академическим Малым оперным театром (Театр оперы и балета им. Мусоргского). В основу либретто положены свободно переработанные эпизоды первой и второй книг романа Шолохова (1925–1929).

...по отношению к Мартехову... — О Е. Т. Мартехове см. коммент. на с. 725.

С. 489

Байрон прав... — Джордж Гордон Байрон (1788–1824), английский поэт.

...добродетель свойство, чувство, но отнюдь не принцип. — Неточная цитата из письма Байрона Р. Ч. Даллосу от 20 января 1808 г. Ср.: «Добродетель, или отдельные добродетели, я считаю присущими человеку, но как чувства, а не как принципы» (*Байрон. Дневники и письма*. М., 1963. С. 459).

С. 490

...«я здесь стою и не могу иначе». — Неточная цитата из стихотворения «Здесь я стою — я не могу иначе...» (1913 или 1915) О. Э. Мандельштама.

...эти его пти-маль... — *Petit mal* (*фр.*), досл.: маленькая болезнь. Абсанс, одна из разновидностей эпилептического приступа.

Нет, так друзья ≈ мы с тобой... — Цит. стихотворение «Прощаемся. Две тучи вьются...» (1934) А. А. Прокофьева.

С. 491

И там, над старыми цветками ≈ на землю упаду... — Неточная цитата из стихотворения «Прощаемся. Две тучи вьются...» А. А. Прокофьева. Ср.: «И там, в долине, над цветками...»

В сердце ≈ удушливый дым... — Цит. стихотворение «Пробуждение» (1906) из цикла «Трилистник победный» И. Ф. Анненского.

Я думал, что сердце из камня ≈ я умираю в дыму... — Цит. стихотворение «Я думал, что сердце из камня...» И. Ф. Анненского.

С. 493

Ведь бароны пируют, бароны воюют... — См. коммент. на с. 686.

...Л. Рахманов написал неплохую пьесу... — Леонид Николаевич Рахманов (1908–1988), писатель, драматург. В данном случае речь может идти о сцена-

рии к фильму «Депутат Балтики» (1936) или пьесе «Беспокойная старость» (1937).

...как Рудерман... — Михаил Исаакович Рудерман (1905–1984), поэт-песенник.

Бубнов арестован. — Андрей Сергеевич Бубнов (1883–1938), член РСДРП с 1903 г. В октябре 1917 г. член Военно-революционного партийного центра по руководству вооруженным восстанием. В 1922–1923 гг. заведующий Агитпропом ЦК РКП(б). В 1923 г. примкнул к Л. Д. Троцкому, но быстро порвал с ним. С 1924 по 1934 г. член ЦК ВКП(б). С сентября 1929 г. нарком просвещения РСФСР. Арестован 17 октября 1937 г.; приговорен к смертной казни 1 августа 1938 г.; расстрелян в этот же день. Реабилитирован в 1956 г.

С. 495

...в рабочей оппозиции» 16 лет назад... — Рабочая оппозиция, группа, возникшая в РКП(б) в конце 1919 — начале 1920 г. и выступавшая за передачу управления народным хозяйством профессиональным союзам.

...это аресту Цильштейна. — И. О. Цильштейн был арестован 28 октября 1937 г.

С. 497

Нет в женщинах ≈ бывает очередь твоя. — Цит. «Рубаи о любви» Омара Хайяма. «Прости им, ибо не знают, что творят». — См.: Лк. 23: 34.

С. 498

...ожидая, что «барин рассудит»... — Скрытая цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Забытая деревня» (1855). Ср.: «Вот приедет барин — барин нас рассудит».

Dixi. — Выражение, в переводе с латыни означающее «я сказал».

С. 499

Ты обойден наградой. ≈ Мог и не той страницей шевельнуть... — Цит. рубаи Омара Хайяма. Перевод И. Тхоржевского.

...в Индию Духа... — Скрытая цитата из стихотворения Н. С. Гумилева «Заблудившийся трамвай» (1919). Ср.: «Видишь вокзал, на котором можно / В Индию Духа купить билет?»

И — все меньше ≈ тела и души. — Цит. стихотворение «Разговор с фининспектором о поэзии» (1926) В. В. Маяковского.

С. 502

...как трудно и радостно выдавливать из себя раба — Неточная цитата из письма А.П. Чехова к издателю и журналисту А.Ф. Суворину (7 января 1889 г).
...сценарий «Они жили в Ленинграде»... — Впервые пьеса была опубликована: *Берггольц О., Макогоненко Г.* Они жили в Ленинграде // Знамя. 1944. № 1/2. С. 102–158.

С. 503

Никак не уляжется крови сухая возня... — Цит. стихотворение «За то, что я руки твои не сумел удержать» (1920) О.Э. Мандельштама.
...Галку... — Г.Г. Пленкина.
...поднялась до Кижж... — КИЖ, Коммунистический институт журналистики им. В.В. Воровского, назывался так с июня 1931 по апрель 1940 г. До 1930 г. — Ленинградский государственный институт журналистики.
...с Ленькой... — Л. Анк (Л.В. Дьяконов).

С. 504

...Юрия, кажется, восстанавливают. — Ю.Н. Либединский был восстановлен в рядах ВКП(б) в январе 1938 г.

С. 506

...Ленинскую постановку вопроса о «погибших и непогибших коммунистах» в «Заметках Публициста»... — Цикл статей «Заметки публициста» В.И. Ленина (см.: *Ленин В.И.* ПСС. 5-е изд. М., 1973. Т. 16. С. 54–66).
...указания Сталина об «обучении на ошибках»... — Неясно, о каком указании И.В. Сталина идет речь.

С. 507

И ненавидит он ~ не жертвуя ни злобе, ни любви... — Неточная цитата из стихотворения «Дума» (1838) М.Ю. Лермонтова. Ср.: «И ненавидим мы, и любим мы случайно...»

С. 509

...«Что мне ваши законы? Я отделяюсь». — Цит. повесть «Кроткая» (1876) Ф.М. Достоевского.

С. 510

...«Зеер комик»... — Искаж. *sehr komisch* (нем.) — очень смешной.

- «Ничего, ничего», как говорил Поприщин: «молчание, молчание»...** — Ставшее крылатым выражение из монолога Поприщина, героя «Записок сумасшедшего» (1934) Н.В. Гоголя, вспоминающего о своей возлюбленной.
- Была ты всех ярче ≈ прости!** — Цит. стихотворение «Была ты всех ярче, верней и прелестней...» А.А. Блока.
- Порой опять гармонией ≈ слезами обольюсь...** — Цит. стихотворение «Пора, мой друг, пора...» (1834) А.С. Пушкина.

С. 511

- ...за своих кандидатов — Калининна...** — Михаил Иванович Калинин (1875–1946), председатель ВЦИК, с декабря 1937 г. депутат Верховного Совета СССР.
- ...и Угарова.** — А.И. Угаров (о нем см. коммент. на с. 731), с 1937 г. депутат Верховного Совета СССР, с 1938 г. член Президиума Верховного Совета СССР.
- ...книжку Л. Фейхтвангера «Москва».** — Книга «Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей» (1937) Л. Фейхтвангера полемически была направлена против книги французского писателя А. Жида «Возвращение из СССР» (1936).

С. 513

- ...«возьмите-ка подвиг ≈ откажетесь».** — Цит. повесть «Кроткая» Ф.М. Достоевского.
- ...работаю преподавателем русского языка и литературы...** — О.Ф. Берггольц работала в неполной средней школе № 6 Московского района Ленинграда с 19 декабря 1937 по 1 сентября 1938 г.; подробнее об этом см.: Соколовская Н. «Тюрьма — исток победы над фашизмом» // Ольга. Запретный дневник... С. 354–355.

1938 год

О. Берггольц. 1938 год (С. 521–551).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 354).

Датируется с 3 января по 5 мая 1938 г.

В дневник вклеена вырезка из газеты — некролог: «Безвременная смерть парашютиста Н.А. Евдокимова».

С. 521

«Подлинная история человека ~ хотел совершить». — Цит. роман «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (1891) английского писателя Томаса Гарди (Харди; 1840–1928).

«Пустыня»... — Имеется в виду стихотворение О. Ф. Берггольц «Ты в пустыню меня послала...» Впервые опублик.: Литературная Россия. 1965. 26 марта (с датой: 1938 г.).

Фрошка... — М. А. Фроман.

С. 522

Лишь шарманку старую ~ кружа и нажимая... — Неточная цитата из стихотворения «Старая шарманка» (1907) из цикла «Трилистник сентиментальный» И. Ф. Анненского. Ср.: «И она в закатном мленьи мая...»

...Смиродину... — Так в тексте. П. И. Смородин в 1937 г. был избран депутатом Верховного Совета СССР.

...в П<артийный> К<онтроль>... — Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) (КПК) была создана XVII съездом партии в 1934 г. Комиссия была призвана контролировать исполнение решений партии и ЦК ВКП(б), привлекать к ответственности виновных в нарушении партийной дисциплины, а также в нарушении партийной этики.

С. 523

...когда был Али... — А. А. Алмазов.

Оппонентом ему назначен Эйхенбаум... — Б. М. Эйхенбаум (о нем см. коммент. на с. 712). В марте 1938 г. Н. С. Молчанов защитил диссертацию на степень кандидата филологических наук по теме «К проблеме Пушкина в 60-е годы».

С. 524

Погиб Коля Евдокимов. — Летчик Н. А. Евдокимов погиб при испытании самолета в 1938 г.; похоронен на Новом кладбище в Гатчине.

С. 525

Со Съезда комсомола... — Речь идет о X съезде ВЛКСМ.

С. 526

«Одни только люди, а кругом них — молчание, вот земля». — Цит. повесть «Кроткая» (1876) Ф. М. Достоевского.

Постановление пленума ЦК об исключении из партии. — Речь идет о постановлении январского (1938) Пленума ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б), о мерах по устранению этих недостатков».

...Гришку и К° нужно гнать. — Г.И. Мирошниченко.

«...а вы попробуйте ≈ честнее всех людей»... — Цит. повесть «Кроткая» Ф.М. Достоевского.

С. 527

«Отмщенья, государь, отмщенья!» — Эпиграф к стихотворению «Смерть поэта» (1837) М.Ю. Лермонтова.

С. 528

Арестовали Ваньку Круля. — И.Л. Круль. См. о нем коммент. на с. 750.

...свидание с Хмарой... — Василий Васильевич Хмара (1895–1948), писатель; председатель комиссии по обследованию ССП при Литфонде.

С. 529

Не угадал ли Еклезиаств... — См. коммент. на с. 697.

С. 530

...погубила Ефима... — Е.С. Добин.

С. 531

...на концерте Буси Гольдштейна. — Борис Эммануилович Гольдштейн (1922–1987), скрипач.

Бах... — Иоганн Себастьян Бах (1685–1750), великий немецкий композитор.

...боюсь за наших папанинцев... — Речь идет о первой станции «Северный полюс» («СП-1»), организованной в мае 1937 г. по инициативе академика Отто Юльевича Шмидта (1891–1956). Созданная в районе географического Северного полюса станция, в составе руководителя дрейфующей станции Ивана Дмитриевича Папанина (1894–1986), гидробиолога Петра Петровича Ширшова (1905–1953), геофизика Евгения Константиновича Федорова (1910–1981), радиста Эрнста Теодоровича Кренкеля (1903–1971), за девять месяцев дрейфа во льдах на юг была вынесена в Гренландское море. Все папанинцы были спасены.

...Леваневский, погиб... — С. А. Леваневский; о гибели самолета «СССР Н-209» см. коммент. на с. 761.

С. 532

Наша жизнь ≈ в ней раз была весна... — Цит. «Песенка о моей жене» из репертуара артиста эстрады Александра Николаевича Вертинского (1889–1957).

С. 534

...о последних арестах, — Берзин... — Юлий Соломонович Берзин (1904–1942), писатель. Входил в литературную группу «Смена». 10 февраля 1938 г. был арестован в Ленинграде. 2 июля 1939 г. приговорен к заключению в ИТЛ сроком на восемь лет. 16 мая 1942 г. приговорен к расстрелу Военным трибуналом.

...Медведев... — Павел Николаевич Медведев (1891–1938), теоретик и историк литературы. 13 марта 1938 г. арестован в Ленинграде, расстрелян 17 июля.

...Выгодский... — Давид Исаакович Выгодский (1893–1943), журналист, переводчик. Арестован 14 февраля 1938 г. Погиб в заключении.

...«бабелевский цикл»... — Так называлась книга рассказов И. Э. Бабеля (1893–1940) «Конармия» (1926). Видимо, О. Ф. Берггольц хотела написать подобный цикл рассказов о своих путешествиях по стройкам первой пятилетки, однако замысел остался неосуществленным.

...Юрку Германа и Сережу Герасимова. — В 1936 г. Ю. П. Герман вместе с режиссером Сергеем Аполлинариевичем Герасимовым (1906–1985) работали над фильмом «Семеро смелых».

С. 535

Познал я глас ≈ печали жаль? — Неточная цитата из романа в стихах «Евгений Онегин» (1830) А. С. Пушкина (гл. 6).

С. 538

«Не расточая сил на “мелочи жизни”», — писал мне Горький. — Об этом см. коммент. на с. 652.

Опубликовано сообщение прокуратуры о «право-троцкистском блоке». — Речь идет об обвинительном заключении по делу антисоветского «право-троцкистского блока», которое было опубликовано в «Правде» 3 марта 1938 г. (№ 61).

...ошеломило сообщение об умерщвлении Горького. — На утреннем заседании 2 марта 1938 г. рассматривался вопрос об убийстве деятелей советского

государства С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, М. Горького и заговоре против В. И. Ленина в 1918 г. О причинах убийства М. Горького был допрошен обвиняемый Г. Г. Ягода: «Объединенный центр право-троцкистской организации в течение долгого времени пытался обработать Горького и оторвать его от близости к Сталину. В этих целях к Горькому были приставлены Каменев, Томский и ряд других. Но реальных результатов это не дало. Горький по-прежнему верен Сталину и является горячим сторонником и защитником его линии. При серьезной постановке вопроса о свержении сталинского руководства и захвате власти право-троцкистами центр не мог не учитывать исключительного влияния Горького в стране, его авторитета за границей. Если Горький будет жить, то он поднимет свой голос протеста против нас. Мы не можем этого допустить. Поэтому объединенный центр, убедившись в невозможности отрыва Горького от Сталина, вынужден был вынести решение о ликвидации Горького» (цит. по: Вокруг смерти Горького. Документы. Факты. Версии // М. Горький. Материалы и исследования. М., 2001. Вып. 6. С. 208).

С. 540

- ...сокращаясь, как шагреневая кожа...** — Отсылка к названию романа «Шагреневая кожа» (1830–1831) Оноре де Бальзака (1799–1850).
- ...с Л. Н. Вите.** — Лидия Николаевна Вите (?–1942), эпидемиолог, работала в Наркомате здравоохранения. Мать М. А. Вите (Маулишки), близкой подруги О. Ф. Берггольц.
- ...жертва «Христианского коммунизма».** — Христианский коммунизм, политическая и теологическая теория, согласно которой основы коммунизма представлял еще Иисус Христос, проповедуя свое учение как устройство идеального мира.

С. 541

- Попробую отделать «Мечту»...** — Речь идет о повести «Мечта»; см. коммент. на с. 749.
- ...отнести в «Костер».** — Всесоюзный ежемесячный литературно-художественный журнал для школьников. Издавался с июля 1936 г. в Ленинграде. В разное время — орган ЦК ВЛКСМ; ЦК ВЛКСМ и Союза писателей СССР и др.
- ...Тагер...** — Елена Михайловна Тагер (1895–1964), писательница. Арестована 16 марта 1938 г.; Военной коллегией Верховного суда СССР приговорена к 10 годам лагерей с последующим поражением в правах на пять лет.

...Заболоцкий. — Н.А. Заболоцкий был арестован 19 марта 1938 г. О своем аресте, следствии и лагерных мытарствах написал в воспоминаниях «История моего заключения» (Даугава. 1988. № 3).

...писать «Горийскую симфонию»? — Стихотворение «Горийская симфония» (1936) Н.А. Заболоцкого посвящено И.В. Сталину.

С. 542

Прочла «Лапшина» Юрочки Германа. — Повесть «Лапшин» (1938) Ю.П. Германа.

С. 544

...проданный Анненков! — Павел Васильевич Анненков (1813–1887), критик, историк литературы, мемуарист. Предположительно, речь идет о его труде: *Анненков П.В.* Воспоминания и критические очерки 1849–1868 г.: В 3 т. СПб., 1877–1881.

С. 546

...слушала 5 симфонию Шостаковича. — Дмитрий Дмитриевич Шостакович (1906–1975), композитор, народный артист СССР (1954). Пятая симфония была написана в 1937 г.; о ней композитор писал: «Тема моей симфонии — становление личности. Именно человека со всеми его переживаниями я видел в центре замысла этого произведения» (см.: Вечерняя Москва. 1938. 25 января. С. 3).

...арестован Ленька Анк... — Л.В. Дьяконов был арестован 6 апреля 1938 г. При аресте у него были изъяты письма О.Ф. Берггольц (см.: Леонид Дьяконов: Указатель архивных документов / Сост. О.В. Булдакова, В.С. Жаравин. Киров, 2008. № 791). В ходе следствия обвиняемый был признан невменяемым и нуждающимся в психиатрическом лечении, дело в его отношении производством было прекращено, обвиняемый направлен в Кировскую психбольницу. Реабилитирован 26 августа 1994 г.

...письма Ежову... — Николай Иванович Ежов (1895–1940), с сентября 1936 г. нарком внутренних дел СССР.

...Сталину? — Письмо И.В. Сталину о судьбе Л.В. Дьяконова О.Ф. Берггольц и Н.С. Молчанов написали после 14 апреля 1938 г. Подробнее см. коммент. на с. 762.

С. 547

Разговор с Хаскиным в Литфонде... — Скорее всего, речь идет о Григории Борисовиче Хесине (1899–1964), директоре Литфонда (с 1943 г.), начальнике Всесоюзного управления по охране авторских прав.

...на Карадаг... — Карадаг, древний потухший вулкан; обособленный горный массив, расположенный на побережье восточного Крыма между Судаком и Феодосией.

...к Хамелеону... — Мыс Хамелеон, получил свое название от способности менять свой цвет в зависимости от времени суток; отделяет Тихую бухту от бухты Коктебель на Черном море.

Как томит меня ≈ жизни шум!.. — Неточная цитата из стихотворения «Дар напрасный, дар случайный...» (1828) А. С. Пушкина.

С. 548

«Высшее счастье не родиться, а родившись — быстро умереть»... — Свободная цитата из трагедии «Эдип в Колоне» древнегреческого драматурга Софокла (496/5–406 до н. э.). Ср.: «Величайшее первое благо — совсем / Не рождаться, второе — родившись, / Умереть поскорей...» (перевод Д. С. Мережковского).

С. 549

Земная слава ≈ счастье приносила... — Цит. стихотворение «Земная слава, как дым...» (1914) А. А. Ахматовой.

С. 550

...беспощадные статьи Горького в сборнике «Если враг не сдается»... — Речь идет о сборнике публицистических статей М. Горького «Если враг не сдается, — его уничтожают» (М., 1938).

С. 551

...эта Сиверская... — В пос. Сиверская Гатчинского района Ленинградской области проживали родственники Н. С. Молчанова.

1939 год

Дневник с июля 1939 по март 1940 (С. 555–574).

Публикуется по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 355. Л. 1–23об.), впервые полностью.

Датируется с 15 июля по 29 декабря 1939 г.

Дневниковые записи от 15 июля, 4, 21 сентября, 5 октября, 6 ноября, 14, 23, 25 декабря 1939 г. опубликованы с купюрами и ошибками в датировке в сб.: Ольга. Запретный дневник: дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц. СПб., 2010. С. 29–35.

С. 555

...Маргариты Коршуновой... — Маргарита Иосифовна Коршунова (1900–1967), участница Гражданской войны, по профессии врач. О. Ф. Берггольц находилась с ней в тюрьме в одной камере, посвятила ей в июне 1939 г. стихотворение «Маргарите Коршуновой».

Я и сам уж не такой ≈ путь земной... — Цит. стихотворение «Перед судом» («Что же ты потупилась в смущеньи», 1915) А. А. Блока.

И вдруг ты дальняя ≈ о прошлых снах... — Цит. стихотворение «Дух пряный марта был в лунном круте...» (1910) А. А. Блока.

Я немецкий писатель ≈ Услышишь и про мою. — Цит. стихотворение «Когда я ранним утром...» немецкого поэта Генриха Гейне (1797–1856) в переводе Юрия Николаевича Тынянова (1894–1943).

С. 556

Простим угрюмство ≈ свободы торжество! — Цит. стихотворение «О, как хочу безумно жить...» (1914) А. А. Блока.

13 декабря 1938 года меня арестовали. — В обвинительном заключении по О. Ф. Берггольц указывалось: «...Берггольц О. Ф. <в деле фамилия Берггольц везде пишется с ошибкой. — Н. С.> было предъявлено обвинение в том, что она являлась активной участницей контрреволюционной террористической организации, ликвидированной в г. Кирове, готовившей террористические акты над т. Ждановым и т. Ворошиловым; в том, что квартира Берггольц в г. Ленинграде являлась явочной квартирой террориста Дьяконова Л. В., который в 1937 г. приезжал к ней и совместно с ней намечал план убийства т. Жданова, т. е. в пр. пр. ст. 58–8, 58–10 и 58–11 УК РСФСР. Постановлением Управления НКВД ЛО от 2 июля 1939 следственное дело по обвинению Берггольц О. Ф. за недоказанностью состава преступления производством прекращено. 3 июля 1939 г. Берггольц О. Ф. из-под стражи освобождена» (Соколовская Н. «Тюрьма — исток победы над фашизмом» // Ольга. Запретный дневник... С. 344).

С. 557

...какого громадного размера достигло ежовское преступление... — Период репрессий 1937–1938 гг. был назван «ежовщиной» по имени наркома НКВД Н. И. Ежова. Другое название — «Большой террор» — было введено британским историком Р. Конвекстом. В эти годы было уничтожено, арестовано и сослано в лагеря около 2 млн человек. Однако О. Ф. Берггольц, несмотря на арест и заключение, пребывала в заблуждении относительно причин «ежовского преступления», предполагая, что виновными в терроре были только Ежов и аппарат НКВД. На самом деле маховик репрессий был запущен Сталиным и его соратниками.

...переживший всю тюремную эпоху... — После ареста О. Ф. Берггольц Н. С. Молчанов был вызван в бюро комсомола, где от него потребовали отречения от жены. Он положил на стол свой комсомольский билет, со словами, что это недостойно мужчины. В письме к Берггольц от 27 января 1939 г. в тюрьму он написал: «Предан тебе до пули, петли, ножа, могилы — и в вечном бытии» (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 790. Л. 49об.).

...а сволочь Алдан... — А. И. Алдан-Семенов; о нем см. коммент. на с. 756.

...и Гюглидзе. — Сергей Арсеньевич Гюглидзе (1901–1953), чекист, входил в ближайшее окружение Л. П. Берии. Комиссар 2-го ранга, один из следователей, который вел дело О. Ф. Берггольц, 14 ноября 1938 г. назначен начальником Управления НКВД СССР по Ленинградской области. Очистил аппарат управления от ставленников Н. И. Ежова. Был расстрелян по делу Берии.

С. 558

В душе и в мире ≈ от пролитых кислот... — Неточная цитата из стихотворения «Автомобиль» (1921) В. Ф. Ходасевича. Правильно: «В душе и в мире есть пробелы...»

С. 559

Снесла в «Звезду» пучок стихов... — В 1939 г. в журнале «Звезда» стихи О. Ф. Берггольц не публиковались.

...с шепелявым дураком Рождественским... — Предположительно, Всеволод Александрович Рождественский (1895–1977), поэт; член редакции журнала «Звезда».

Познал я ≈ новую печаль... — Цит. роман в стихах «Евгений Онегин» (1830) А. С. Пушкина (гл. 6).

С. 560

...не Шубин... — Павел Николаевич Шубин (1914–1951), поэт, переводчик

...цикл «Испытание» нельзя печатать даже в книге. — Цикл стихов «Испытание» был впервые опубликован в издании: Берггольц О. Стихи и проза. М.; Л., 1961.

...упрямо пошлю в «Новый» Мир» и «Знамя» понемногу стихов... — «Новый мир», ежемесячный литературно-художественный журнал. Издавался в Москве с 1925 г. С 1947 по 1991 г. — орган Союза писателей СССР, с 1991-го — частное издание. В описываемый период главным редактором журнала был В. П. Ставский.

«Знамя», ежемесячный литературно-художественный журнал. Издавался с 1931 г. С 1934 по 1990 г. — орган Союза писателей СССР, с 1991-го — частное издание. В 1934–1948 гг. главным редактором был В. В. Вишневский.

В этих изданиях в 1939 г. стихи О. Ф. Берггольц не публиковались.

С. 561

...за «Марата и Машу»... — Замысел этого сочинения так и не был исполнен О. Ф. Берггольц.

...хочется писать историю Галки и Ленки... — Г. Г. Пленкина, Л. В. Дьяконов.

...историю Маргариты... — М. И. Коршунова.

С. 562

...идея, написать о Васе Лебедеве... — Скорее всего, речь идет о бригадире завода «Электросила».

...отхвачу «Витю Маманина»... — См.: Берггольц О. Витя Маманин // Костер. 1940. № 2. С. 18–27.

Он не помнит, какие дикие и страшные показания давал он на меня. — Л. В. Дьяконов оговорил О. Ф. Берггольц на следствии; в своих показаниях от 14 апреля 1938 г. он сообщал: «Подобно мне она уже готовила себя для террористической деятельности. И на мой первый же вопрос: как она смотрит на террор? — Ольга ответила: только положительно. Она знала о моем вступлении в группу еще в 1936 г... <...> В одной из маленьких комнат ее квартиры мы в течение нескольких дней обсуждали план покушения на Жданова. На Первомайском параде 1937 г. мы готовили два теракта. По одному из них предполагалось произвести выстрел по трибуне из танка. Это дело, как сообщила мне Берггольц <в деле фамилия Берггольц везде пишется с ошибкой. — Н. С.>, было задумано военной террористической группой, но не состоялось из-за внезапного

заболевания надежного танкиста. Второй вариант покушения продумали мы сами. Мы предполагали использовать прохождение перед трибуной кавалерии, бросить в нее шумно-взрывающиеся вещества типа больших петард, чтобы напугать лошадей, и в получившейся панике проникнуть на трибуну через места у трибуны и стрелять. Бросать вещество должен был я, а стрелять или Берголец, или Молчанов, смотря по тому, кому удастся ближе подойти» (Соколовская Н. «Тюрьма — исток победы над фашизмом» // Ольга. Запретный дневник... С. 349–350).

В заботах каждого дня ≈ глаза закрываю... — Цит. стихотворение «В заботах каждого дня...» (1917) В. Ф. Ходасевича.

С. 564

...приветствую вас, Мария Рымшан, Ольга Абрамова, Настасья Мионовна Плотникова, Елена Иванова, Женя Шабурашвили... — Соседки О. Ф. Берголец по камере. Мария Константиновна Рымшан, член РКП(б) с 1919 г. Депутат XVII съезда ВКП(б) от Ленинградской области.

...в камерах Арсеналки и Шпалерки! — Арсеналка, в то время женская тюрьма НКВД (улица Арсенальная, д. 4). Шпалерка — первая в России следственная тюрьма. Находилась в С.-Петербурге, на Шпалерной улице, д. 25 (подробнее о ней см. коммент. на с. 783).

...бойцы интернациональной бригады... — Иностранцы добровольцы, участвовавшие в испанской гражданской войне в вооруженных подразделениях на стороне республиканцев в 1936–1938 гг. Больше всего в интербригадах было французов, они часто попадали в руки не только фашистов, но и сотрудников НКВД, которые были внедрены в отряды и занимались поиском шпионов среди добровольцев.

...в концлагерях Франции! — Подобное представление О. Ф. Берголец — следствие советской пропаганды. Действительно, в 1939 г. на границе Испании и Франции были созданы концлагеря (не путать с немецкими и советскими), первоначально предназначавшиеся для бывших участников гражданской войны в Испании на стороне республиканцев, которые после своего поражения пересекли границу Франции в качестве беженцев. Но после начала Второй мировой войны в лагерь французскими властями были помещены интернированные граждане Германии (включая еврейских беженцев из Германии, таких как Ханна Арендт), а также французские граждане как левых, так и крайне правых убеждений, подвергнутые заключению во внесудебном порядке из-за их антивоенных настроений.

Выправить для «Костра» письмо ребят о Гори... — В № 12 журнала «Костер» за 1939 г. (С. 20–21) вышел следующий материал: «Мы живем на родине Сталина. Письмо пионеров города Гори в редакцию “Костра”». Фамилия Берггольц нигде не упоминалась. В письме шла речь о красоте города, о его древней истории, о том, какой он несчастный был до революции, о детстве Сталина, о том, как город преобразился. И в конце торжественное обещание образцово учиться и пр., а также 21 подпись школьников из пяти школ города.

С. 565

...«Хитрые глаза» В<али> Герасимовой. — См.: *Герасимова В.А.* Хитрые глаза. М.: Гослитиздат, 1939.

Институт истории партии... — Создан на базе Института В.И. Ленина и Истпарта согласно постановлениям ЦК ВКП(б) от 10 мая и 20 августа 1928 г.; 3 ноября 1931 г. решением Президиума ЦИК СССР во вновь созданную организацию был влит Институт Маркса и Энгельса и создан Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). С 28 марта 1956 г. переименован в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ).

...там Лурье, он за... — Соломон Яковлевич Лурье (1891–1964), историк.

...думаю, и Быстрянский согласится... — Вадим Александрович Быстрянский (настоящая фамилия Ватин; 1886–1940), историк; член редколлегии газеты «Правда».

...доносы писал на лучшего русского писателя — М. Зощенко!. — Об этом факте из биографии В.А. Рождественского на сегодняшний день ничего неизвестно.

С. 566

...Бабочкина для «Костра»... — Борис Андреевич Бабочкин (1904–1975), актер, широко известный по роли Чапаева в одноименном фильме. В 1936 г. перешел в ленинградский Большой драматический театр по приглашению А. Дикого. После ареста последнего в 1937 г. был назначен художественным руководителем театра, но в 1940 г. покинул театр и переехал в Москву.

Кольку взяли в Армию. — Речь идет о мобилизации во время конфликта с Финляндией.

Топен свет ≈ Жизнь страшна... — Цит. поэма «Кому на Руси жить хорошо» (1866–1876) Н.А. Некрасова.

...встретила Мишку Майслера... — Михаил Моисеевич Майслер (1903–1942), детский писатель; редактор журнала «Чиж».

С. 567

Так храм поруганный ≈ все Бог... — Цит. стихотворение «Я не люблю тебя — страстей...» (1831) М.Ю. Лермонтова. Ср.: «Так храм оставленный...»
Ленку Рывину очень хвалили... — Елена Израилевна Рывина (1910–1985), поэтесса.

С. 568

...коридора из тюрьмы в Б<ольшой> Дом... — Неофициальное название административного здания ОГПУ-НКВД-КГБ-ФСБ. Оно было построено в 1931–1932 гг. на месте сожженного в 1917 г. здания Окружного суда на проспекте Володарского, д. 4, в квартале между улицами Шпалерная (улица Воинова) и Захарьевская (улица Каляева), по инициативе С.М. Кирова. В комплекс зданий входят также «Дом пропусков» на Литейном проспекте, д. 6, и старое здание царской тюрьмы — Дом предварительного заключения (ДПЗ), знаменитая Шпалерка (улица Шпалерная, д. 25). Ее аббревиатура известна расшифровкой «Домой Пойти Забудь», а сама тюрьма знаменита «Шпалерными тройками» — внесудебными органами из трех человек, назначенными от НКВД, ВКП(б) и прокуратуры. Позже сюда же переехало Управление КГБ. Здания объединены общими переходами и коридорами (так О.Ф. Берггольц водили на допросы).

...щедринской сказке — «Приключения с Крамольниковым?». — Сказка «Приключение с Крамольниковым» (1886) М. Е. Салтыкова-Щедрина.
Екклесиастическому — «так было — так будет?» — В этой фразе О.Ф. Берггольц смешивает сразу несколько изречений из Екклесиаста, сводя его учение к мысли о вечном круговороте мироздания и человека.

С. 569

...у мерзкого Кудрявцева... — Иван Кудрявцев, младший лейтенант госбезопасности; следователь, который вел дело О.Ф. Берггольц.

С. 570

Ты царь ≈ за подвиг благородный... — Цит. стихотворение «Поэту» (1830) А.С. Пушкина.

С. 571

Пускай я умру ≈ меня целовала... — Цит. стихотворение «Поэты» (1908) А.А. Блока.
...прочитала свой стишок о Сталине. — Неясно, о каком стихотворении О.Ф. Берггольц идет речь.

...гнусная статья П. Тычины в «Литгазе». — Павел Григорьевич Тычина (1891–1967), украинский поэт. Речь идет о статье: *Тычина П. «Живее, як Сонце, Сталін...»*: Из юбилейных статей к шестидесятилетию // Литературная газета. 1939. 21 декабря.

С. 572

Нет, мать ≈ камень отвалил... — Цит. стихотворение «Сон» (1910) А.А. Блока.
Товарищ, не в силах ≈ в котлах моих пару... — Слова из русской народной песни «Раскинулось море широко».

С. 573

Мне все вокруг ≈ Желтеет клен... — Неточная цитата из стихотворения «Утро» (1916) В.Ф. Ходасевича.

С. 574

Да, но зачем же ≈ как стрела?! — Неточная цитата из стихотворения «Матери» (1908) В.Ф. Ходасевича.

«Страдание есть — виновных нет...» — Неточная цитата из романа «Братья Карамазовы» (ч. 2, кн. 4, гл. «Бунт») Ф.М. Достоевского. Правильно: «О, по моему, по жалкому, земному эвклидовскому уму моему, я знаю лишь то, что страдание есть, что виновных нет».

1940 год

3/1-40. Да, ребенка определенно не будет (С. 579–589).

Публикуется по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 355. Л. 24–36), впервые полностью.

Датируется с 3 января по 1 марта 1940 г.

Дневниковые записи от 25 января, 1 марта, 25 декабря 1940 г. опубликованы с купюрами в сб.: Ольга. Запретный дневник: дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц. СПб., 2010. С. 35–38.

1940. О. Берггольц (С. 590–606).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 356).

Датируется с 18 марта по 7 августа 1940 г.

Все, что сберечь мне удалось, Надежды, веры и любви... (С. 606–607).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 357. Л. 1–1об.).

Датируется 25 декабря 1940 г.

С. 579

...Валей Бычковой, Мусей Кропачевой, Анфисой... — Сокамерницы О. Ф. Берггольц.

...Киселев. — Старый большевик.

С. 580

Я люблю ~ иной не видал... — Неточная цитата из стихотворения «Только детские книги читать...» (1908) О. Э. Мандельштама.

Мы с тобою сироты ~ двоих ребят... — Неопубликованное стихотворение О. Ф. Берггольц, посвященное Н. С. Молчанову.

Почти салтыковское — «приучить народ к опасному хождению». — Неточная цитата из «Истории одного города» (1869–1870) М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ср.: «Рассказав этот случай, летописец спрашивает себя: была ли польза от такого закона? и отвечает на этот вопрос утвердительно. “Напоминанием об опасном хождении, — говорит он, — жители города Глупова нимало потревожены не были, ибо и до того, по самой своей природе, великую к таковому хождению способность имели и повсеминутно в оном упражнялись”».

«Нами человечество протрезвляется, мы — его похмелье, мы — его боли родов», — писал Герцен в 1848 году... — Цит. книга воспоминаний «Былое и думы» (ч. 5, гл. 25) А. И. Герцена.

С. 581

...перечеть «Мат<ериализм> и эм<пириокритицизм>»... — Работа «Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии» (1908) В. И. Ленина.

...«Анти-дюринга»... — «Анти-дюринг», название, под которым вошла в историю общественного движения работа «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» (1876–1877) Ф. Энгельса.

Закрываю договор на книжку стихов... — В 1940 г. книги стихов у О. Ф. Берггольц не выходило.

...и пти-малей... — См. коммент. на с. 768.

С. 582

...«сексот»... — Секретный сотрудник органов НКВД.

...написать от имени Героя Советского Союза Бахвалова рассказ об его подвиге, для «Костра». — Василий Петрович Бахвалов (1914–1942), летчик, участник советско-финского конфликта. В журнале «Костер» рассказ с таким содержанием не публиковался.

С. 583

Книжке стихов дают тираж 10 000 вместо 5. — Предположительно, речь идет о втором издании книги «Стихотворения», однако издание не состоялось.

...стихов в «Литературный Современник». — «Литературный современник», литературный журнал, орган Ленинградского отделения ССП; выходил с 1933 по 1941 г. Главный редактор — М. Э. Козаков. В 1940 г. в этом издании были опубликованы стихи: Берггольц О. Наш дом («О бесприютные рассветы...») // Литературный современник. 1940. № 4. С. 101–104.

...на предмет Колиной статьи о нем. — Речь идет о статье: Молчанов Н. С. Лирическая биография // Литературный современник. 1937. № 10. С. 170–174.

...прочитала книжку Алигер... — Маргарита Иосифовна Алигер (1916–1992), поэтесса; предположительно, речь может идти об одном из двух ее сборников: «Год рождения» (1938) или «Железная дорога» (1939).

С. 584

С Костра — 670+200 (min). — Речь идет об оплате за тексты: Берггольц О. Орден Ленина («Для сынов трудолюбивых...») // Костер. 1940. № 1. С. 1; Она же. Витя Маманин // Там же. № 2. С. 18–27; Она же. Подарок // Там же. № 5. С. 25–29.

С Чижга 250. — Речь идет об оплате за рассказ: Берггольц О. Наш сад // Чиж. 1940. № 4. С. 1–4.

<С> Резца — 350... — По состоянию на февраль 1940 г. произведения О. Ф. Берггольц в журнале не публиковались.

...неожиданно-тяжелая, и по состоянию на фронте, и, особенно, в тылу; много жертв. — Речь идет о вооруженном конфликте между СССР и Финляндией, продолжавшемся с 30 ноября 1939 по 13 марта 1940 г.

С. 586

По родной стране ≈ косой дождь... — Цит. стихотворение «Я хочу быть понятой родной страной...» (1925) В. В. Маяковского.

С. 587

...пьесу о моей Анфисе... — Такая пьеса написана не была. Видимо, речь идет о сокамернице О. Ф. Берггольц.

...сделать для «Костра» о Молотове... — Нереализованный замысел О. Ф. Берггольц.

Вячеслав Михайлович Молотов (настоящая фамилия Скрябин; 1890–1986), — революционер, политический и государственный деятель. В 1930–1941 гг. председатель Совета народных комиссаров СССР.

С. 588

...у Оли Хузе... — Ольга Федоровна Хузе (1909–1981), выпускница литературного отделения при Государственном институте истории искусств, библиотечарь, автор блокадного дневника, приятельница О. Ф. Берггольц.

Попробую сделать это в «Наташе Ивановне»... — Пьеса написана не была.

С. 589

...искал за словами о Кирове, полными скорби... — Спустя годы О. Ф. Берггольц рассказывала В. Я. Лакшину: «Потом меня выпустили, не знаю почему. Тогда думала, что меня спасла тетрадка дневника, захваченная при аресте, — там на многих страницах слезы об убийстве Кирова, а в доносе на меня главным было что я отзывалась о Кирове враждебно... Так эта тетрадка в тюрьме и пропала» (*Лакшин В. Я. О Берггольц // Голоса и лица. М., 2004. С. 383*).

С. 590

Года идут ≈ пережжено. — Цит. стихотворение «Не матерью, но тульской крестьянкой...» (1922) В. Ф. Ходасевича.

Верую в величие сердца человеческого. — Неточная цитата из поэтохроники В. В. Маяковского «Революция», написанной 17 апреля 1917 г. Правильно: «Верую величию сердца человеческого!»

Молчи ≈ мечты твои. — Цит. стихотворение «Silentium!» (1830) Ф. И. Тютчева.

Дай гневу правому ≈ гореть. — Цит. стихотворение «Да. Так диктует вдохновение...» (1911) А. А. Блока.

Вполоборота, о печаль, На равнодушных поглядела. — Цит. стихотворение «Вполоборота, о, печаль...» (1914) А. А. Ахматовой.

С. 591

Наш путь ≈ не боюсь... — Цит. стихотворение «На поле Куликовом» (1908) А. А. Блока.

Не может сердце ≈ Молись! — Цитата из того же стихотворения.

С. 592

Есть немота ≈ роковая пустота. — Цит. стихотворение «Рожденные в года глухие...» (1914) А. А. Блока.

«Гиена» — рассказ для детей... — Такой рассказ О. Ф. Берггольц пока в архиве не обнаружен.

...Рассказ Андреева о Маметове... — Рассказ не обнаружен.

...Глава для райкомовской брошюры — «Моск<овский> район»... — Не обнаружена.

С. 593

...краткого курса... — «Краткий курс ВКП(б)», учебник по истории партии, опубликованный в 1938 г. Составлен при личном участии секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина.

...отношения с Т. Разумовской, прилетавшей из Москвы. — Софья (Туся) Дмитриевна Разумовская (1904–1981), редактор. После Великой Отечественной войны работала в журнале «Знамя».

С. 594

...«Резец». — Первоначально еженедельное приложение к «Красной газете»; затем рабочий литературно-художественный журнал (Ленинград, 1924–1939).

С. 595

...будет пушкинское «чувства добрые я лирой пробуждал». — Цитата из стихотворения «Памятник» (1836) А. С. Пушкина.

С. 596

Напишу статью — о Горе... — Статья о Г. С. Горе О. Ф. Берггольц не была написана.

Таня хорошо ко мне относится... — Т. А. Коварская, жена Ю. П. Германа.

«Карась смотрит в дырочку сквозь грязь...» — Цитата из «Частушек о метрополитене» (1926) В. В. Маяковского.

С. 597

...это будет первая часть, как Эйзенштейновский «Броненосец Потемкин». — Речь идет о фильме «Броненосец “Потемкин”» (1925) режиссера Сергея Михайловича Эйзенштейна (1898–1948). Скорее всего, О. Ф. Берггольц имеет в виду то, что «Броненосец Потемкин» должен был стать лишь частью большого кинематографического полотна о революции 1905 г.

...как Степан Трофимович Верховенский... — Герой романа «Бесы» (1871–1872) Ф. М. Достоевского.

Есть горячее солнце ≈ с глупцами не спорь. — Цит. стихотворение «Больному» (1910) Саши Черного (с пунктуацией О. Ф. Берггольц).

С. 599

...снять и «Ангела Смерти» в стихе Маргариты Коршуновой... — Речь идет о цитате «Пусть Ангелом Смерти предстанет / бессмертная наша Мечта» из стихотворения О. Ф. Берггольц «Маргарите Коршуновой» (июнь 1939 г.). Впервые было опубликовано в газете «Литературная Россия» (1965. 26 марта), окончательный вариант — в сб. «Узел: Новая книга стихов» (М.; Л., 1965).

С. 600

Нет! Лучше сгнунуть ≈ Покоя — нет. — Цит. стихотворение «Земное сердце стынет вновь...» (1914) А. А. Блока.

...в этот Дом приходила к Толстому за машиной... — А. Н. Толстой жил в 1935 г. под Ленинградом в Детском Селе.

С. 602

...история с лишением гражданства Ирэны... — Ирэна Гурская (1902–1987), польская коммунистка, близкая подруга О. Ф. Берггольц; в РГАЛИ хранятся ее письма к Берггольц (Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 703). Берггольц посвятила Гурской стихотворение «Им снится лес — я знаю, знаю!» (текст см.: Ольга. Запретный дневник... С. 434).

...разговоры с М. С. Волопиной... — Мария Степановна Волошина (1887–1976), жена поэта М. А. Волошина.

...и Сергей Наровчатов, мальчик 20 лет... — Сергей Сергеевич Наровчатов (1919–1981), поэт. Ему посвящено стихотворение О. Ф. Берггольц «Не сына, не младшего брата...» (1940). Подробнее см.: Королева Н. Г. Письма С. С. Наровчатова к О. Ф. Берггольц // Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 408–440.

«Что нам с тобой до их мечтаний, до их неопытной любви». — Цит. стихотворение «Когда почти благоговейно...» (1913) В. Ф. Ходасевича.

С. 603

...закончить его, как эйзенштейновский «Потемкин» — поднятым флагом — вот что делали во имя мечты. — В конце фильма «Броненосец

Потемкин» С. М. Эйзенштейна на мачте развивается поднятый восставшими флаг.

С. 604

...уровень — Ст<епа>н Щипачев! — Степан Петрович Щипачев (1898–1980), поэт.

С. 605

...напишу, как и об Али... — А. А. Алмазову О. Ф. Берггольц посвятила цикл из двух стихотворений: «Письмо» (впервые опубликовано: Берггольц О. Избранное. М.: Советский писатель, 1948), «Песня» (впервые опубликовано: Ленинград, 1940. № 3).

Возобновила отношения с А. Ахматовой. — О. Ф. Берггольц была связана с А. А. Ахматовой с юности, но тридцатые годы развели их по разным идейным лагерям. После возвращения Берггольц из тюрьмы они снова стали близки. По всей видимости, Ахматова обсуждала с Берггольц обстоятельства ареста, условия существования в тюрьме и возможности освобождения своего сына.

...сын ее сидит в лагере ни за что... — Сын А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилева Лев Николаевич Гумилев (1912–1992), ученый-востоковед. Четырежды арестовывался. В ночь с 10 на 11 марта 1938 г. Гумилев подвергся третьему аресту и получил пять лет лагерей, наказание отбывал в Норильске. Свой арест он связывал с лекцией Льва Васильевича Пумпянского о русской поэзии начала века.

...измену Гумилева, брата ее сына, как брат оговорил сына... — В результате романа актрисы мейерхольдовского театра Ольги Высоцкой с Николаем Гумилевым, который начался осенью 1912 г. в петербургском литературно-художественном кафе «Бродячая собака», родился их сын Орест Гумилев в это время был еще женат на Ахматовой и сына своего никогда не видел. В 1963 г. Ахматова так комментировала те далекие события в своих «Записных книжках»: «...от бедной милой Ольги Николаевны Высоцкой даже родил сына Ореста (13 г.). Все это не имело ко мне решительно никакого отношения. Делать из меня ревнивую жену в 10-х годах очень смешно и очень глупо». Орест Николаевич Высоцкий (1913–1992) был директором леспромхоза, одно время — директором мебельной фабрики. Защитив диссертацию, он занялся преподавательской деятельностью: в Кишиневе вел занятия сначала в Политехническом институте, а затем и в университете. Единородные братья Лев и Орест познакомились лишь в 1936 г.; в 1938-м оба были арестованы: Лев отправлен на каторгу, а Орест освобожден (в 1939-м или 1940-м).

По всей видимости, его скорое освобождение породило слухи о том, что он оговорил брата.

Предлагаю ей писать Сталину, но она почему-то не решается. — А.А. Ахматова уже написала письмо к Сталину 6 апреля 1939 г. См.: 1939. Письмо А. Ахматовой И. В. Сталину [Электронный ресурс] // Сайт «Социальная сеть города Пушкин». URL: <http://tsarselo.ru/photos/photo41831.html>.

С. 606

...он полупсих, только что от Фореля... — Огюст Анри Форель (1848–1931), швейцарский врач-невропатолог, психиатр. На даче Сиверса (бывшая дворянская усадьба) под С.-Петербургом с 1828 г. располагалась городская психиатрическая больница в честь иконы Богородицы «Всех Скорбящих Радость» (с домовым храмом), с 1922 г. — больница имени Фореля.

Все, что сберець ≈ переживи! — Цит. стихотворение «Все, что сберець мне удалось...» (1856) Ф.И. Тютчева.

...Эренбург, живший во Франции ≈ отрывки из романа «Падение Парижа»... — Роман И.Г. Эренбурга «Падение Парижа» печатался частями в журнале «Знамя» в 1940–1941 гг. В интервью «Вечерней Москве» от 15 мая 1941 г. Эренбург сказал: «В июньские дни 1940 года я был единственным писателем (говорю не только об иностранных, но и о французских), который остался в Париже и увидел происшедшее там». Подробнее о романе «Падение Парижа» см.: Фрезинский Б.Я. Об Илье Эренбурге. М., 2013. С. 204–235.

С. 607

...пришли Таня и Юра Прендели... — Юрий Александрович Прендель, врач-психиатр; Татьяна Прендель, его жена; друзья О.Ф. Берггольц.

...Юра Герман ≈ книжку о Дзержинском. — Речь идет о книге: Герман Ю.П. Книга о Дзержинском: Рассказы о первом чекисте. М.; Л., 1940.

...подсел Зонин ≈ читала его книгу... — Александр Ильич Зонин (настоящая фамилия Бриль; 1901–1962), писатель. Предположительно, речь идет о книге: Зонин А. Адмирал Нахимов. М.; Л., 1940.

...с Лидой Чуковской... — Лидия Корнеевна Чуковская (1907–1996), дочь К.И. Чуковского, редактор, писатель, мемуарист. Знакомая О.Ф. Берггольц по издательству «Детская литература».

Встречалась с Сережей. — С.С. Наровчатова. Подробнее об отношениях Наровчатова и О.Ф. Берггольц см. запись от 26 августа 1941 г.: «Какое счастье было в прошлом году: Коктебель, сухой, нежный, безумный запах цветущей...»

щего кипариса и акаций, и огромное, неистовое море, и теплый песок, на котором можно лежать без движения, без дум, слушать море и вдыхать воздух. И еще там был Сережа, красивый, влюбленный мальчик, и в темноте, когда мы шли по дорожке в душистом, безумном воздухе, руки наши встречались, ловили друг друга, стискивали — и это было счастье.

Как больно вспоминать все это — и море, и душистый воздух, и Сережу! Немыслимо больно, рыдать хочется, оплакивать все это...» (см.: *Берггольц О. Блокадный дневник (1941–1945)* / Сост., текстолог подгот. Н.А. Стрижковой; статьи Т.М. Горяевой и Н.А. Стрижковой; коммент. Н.А. Громовой и А.С. Романова. СПб., 2015. С. 89).

1941 год

23.III-41. Иудушка Головлев... (С. 611–612).

Публикуется по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 358. Л. 3–Зоб.).

Датируется 23 марта 1941 г.

Дневниковая запись опубликована с ошибкой в датировке в сб.: Ольга. Запретный дневник: дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц. СПб., 2010. С. 38–39.

26.III.41 Сегодня, в первый раз... (С. 612–629).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 357. Л. 2–17).

Датируется с 26 марта по 20 июня 1941 г.

С. 611

Иудушка Головлев... — Персонаж романа «Господа Головлевы» (1875–1880) М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Превосходное стихотворение «Соловьяха»... — Стихотворение Б.П. Корнилова, написанное 2 марта 1934 г. Впервые опубли.: Известия. 1934. 12 июня.

...Зинаиде Райх... — Зинаида Николаевна Райх (1894–1939), актриса, первая жена С.А. Есенина, жена режиссера Вс.Э. Мейерхольда. Убита после ареста Мейерхольда в своей квартире в Москве в Брюсовом переулке в ночь с 14 на 15 июля 1939 г.

- ...у Мейерхольда.** — Всеволод Эмильевич Мейерхольд (1874–1940), театральный режиссер, актер, педагог, реформатор театра.
- ...после ареста Мейерхольда...** — 20 июня 1939 г. Вс. Э. Мейерхольд был арестован, обвинен по ст. 58 УК РСФСР за контрреволюционную деятельность, 2 февраля 1940 г. по приговору Верховного суда расстрелян. Реабилитирован в 1955 г.
- На бездарном «Дон-Кихоте»...** — «Дон-Кихот», роман испанского писателя Мигеля де Сервантеса (1547–1616) в двух томах. Первый был опубликован в 1605 г., второй — в 1615-м. Часто ставится на сценах театров. В 1941 г. в Александринском театре Ленинграда был поставлен спектакль «Дон-Кихот» по пьесе М.А. Булгакова (1938). Режиссер — И.М. Рапопорт, композитор — Т.Н. Хренников, стихи — П.Г. Антокольский, художник-постановщик — П.В. Вильямс.
- ...в Александринке...** — Российский государственный академический театр драмы им. А.С. Пушкина в С.-Петербурге. Один из старейших драматических театров России. Основан в 1756 г. С 1832 г. назывался Александринским театром, в честь императрицы Александры Федоровны, супруги императора Николая I. С 1920 г. стал именоваться «Государственный театр драмы» или «Ак-драма» — от «академический», затем ему было присвоено имя А.С. Пушкина.
- ...видела сегодня Виктора Яблонского...** — Виктор Петрович Яблонский (1897–1941?), актер и режиссер 2-го МХАТа.
- Юрий Либединский разошелся с Муськой.** — Ю.Н. Либединский и М.Ф. Берггольц расстались в 1939 г.

С. 612

- ...должна написать роман...** — Имеется в виду роман «Застава», отчасти его темы вошли в книгу О.Ф. Берггольц «Дневные звезды».
- ...увидеть на экране свой «Первороссийск»...** — Фильм по сценарию О.Ф. Берггольц был снят на «Ленфильме» в 1967 г. режиссерами Александром Гавриловичем Ивановым (1898–1984) и Евгением Львовичем Шифферсом (1934–1997). Романтическую поэму «Первороссийск», задуманную еще до войны, Берггольц написала только 1950 г., она была посвящена петроградским рабочим, отправившимся в 1918 г. на Алтай для создания коммуны. В 1951 г. Берггольц получила за поэму Сталинскую премию.
- ...я в доме творчества, в Детском.** — Дом творчества находился по адресу: Детское Село, улица Пролетарская, д. 6.
- ...сказала Толстой...** — Людмила Ильинична Толстая (урожд. Крестинская; 1906–1982), четвертая жена А.Н. Толстого.

...меня увезли в тюрьму... — О. Ф. Берггольц была арестована 13 декабря 1938 г. Подробнее см. коммент. на с. 778.

С. 613

Я круглый лишенец. — О. Ф. Берггольц говорит о себе в переносном смысле. Лишенцами назывались не только люди, лишённые избирательных прав, кроме того, их не принимали на работу в государственные учреждения, на промышленные предприятия, не ставили как безработных в очередь на бирже труда, неработающих — могли выселить из крупных городов. Им не давали пособий и пенсий. Их дети не могли учиться выше 7-го класса. Когда в конце 1928 г. ввели карточную систему распределения продуктов, лишенцам не давали карточек.

«Как и жить и плакать без тебя?!» — Цит. стихотворение «Осенняя воля» (1905) А. А. Блока.

Я вышла из тюрьмы... — О. Ф. Берггольц была освобождена из тюремного заключения 3 июля 1939 г.

С. 614

...Галка... — Г. Г. Пленкина.

...Ирэна... — И. Гурская.

...Мара... — М. С. Довлатова.

Так выше бокал ≈ запоздавших друзей... — Последняя строфа стихотворения О. Ф. Берггольц «Тост» (1939). Впервые опубликовано: *Берггольц О. Стихи и поэмы*. М., 1946.

...если он (Троицкий) опять... — Михаил Васильевич Троицкий (1904–1941), поэт; в 1939 г. редактор журнала «Литературный современник». Погиб в бою на Пулковских высотах под Ленинградом.

...«открытые» стихи о тюрьме... — Стихи О. Ф. Берггольц о тюрьме вошли в цикл «Испытание»; впервые опубликовано: *Берггольц О. Ф. Узел: Новая книга стихов*. М.; Л., 1965.

...«Ваня и поганка»... — По всей видимости, работа над этим сценарием успехом не увенчалась, вскоре началась война.

С. 615

Голосом звериным ≈ отчужденная моя. — Цит. стихотворение О. Ф. Берггольц «Аленушка». Впервые опубликовано: *Берггольц О. Ф. Узел: Новая книга стихов*. М.; Л., 1965.

С. 616

Но высылка Ирэны? — И. Гурская. В 1937 г. был арестован ее муж Михаил Зарецкий, профессор Института красной профессуры. В 1939 г. у Гурской был отобран паспорт, и ей пришлось покинуть Ленинград.

...кажется Будняцкая, говорила... — Так в тексте. Правильно: Р.З. Будницкая. См. о ней коммент. на с. 726.

...и слова Гонзен... — Так в тексте. Правильно: Анна Васильевна Ганзен (урожд. Васильева; 1869–1942), переводчица.

...некто Саша Разумовский. — Александр Владимирович Разумовский (1907–1980), сценарист, режиссер. В 1930 г. окончил киноотделение Института истории искусств. По окончании института был направлен на киностудию «Туркменкино». В 1931 г. вернулся в Ленинград, где занялся журналистикой. С 1932 г. вышло несколько его книг для детей и юношества. В 1939 г. поставлена первая пьеса «Полководец Суворов». Автор сценариев около 60 научно-популярных, документальных и учебных фильмов.

С. 617

...спеть дифирамб «Пути в Петроград». — Речь идет о рассказе: Берггольц О. Путь в Петроград // Звезда. 1941. № 2. С. 123–129.

...письмо от Сашки Гуторовича... — Александр Гуторович, поэт, корреспондент газеты «Советская Украина».

...в пьесу «Витю Маманина»... — Речь идет о переделке рассказа: Берггольц О. Витя Маманин // Костер. 1940. № 2. С. 18–27.

С. 618

...зажгла «Первороссийском» Мессер... — Раиса Давыдовна Мессер (1905–1984), литературовед.

...и Кару... — Сократ Сетович Кара (Кара-Дэмур; 1911–1977), критик, сценарист.

...храму оставленному и кумиру поверженному... — Аллюзия на стихотворение «Расстались мы, но твой портрет...» (1837) М. Ю. Лермонтова. Правильно: «Так храм оставленный — всё храм, кумир поверженный — всё Бог»

Падение Югославии, на днях несомненное падение Греции... — 12 апреля 1941 г. немецкая армия заняла Белград. Остатки югославской армии в беспорядке отступили к Сараево, где 17 апреля капитулировали. Наступление на Грецию германские войска начали с территории Болгарии. Прорыв германских дивизий после непродолжительных боев на этом участке привел к их выходу в тыл основной группировке греческих войск,

сражавшихся в Эпире против итальянцев. Греки так и не успели отойти и 21 апреля капитулировали.

...разговор у Герасимова... — С. А. Герасимов.

Птушко, шумный... — Александр Лукич Птушко (1900–1973), кинорежиссер, автор фильмов-сказок.

С. 619

Некто Маневич сказал... — Иосиф Михайлович Маневич (1907–1976), сценарист.

...где-то около «Двенадцати»... — Речь идет о поэме «Двенадцать» (1918) А. А. Блока

С. 620

...брат ее Миши... — Речь идет о брате репрессированного журналиста М. Зарецкого, мужа И. Гурской.

С. 621

Сам я беден ≈ Чем помогу?! — Цит. стихотворение «В поле не видно ни зги...» (1897) Ф. К. Сологуба.

С. 622

...об Ирке, из «Испытания». — Речь идет о стихотворениях, посвященных И. Б. Корниловой и вошедших в цикл тюремных стихотворений О. Ф. Берггольц. Впервые опубли.: *Берггольц О. Ф. Узел: Новая книга стихов.* М.; Л., 1965.

...Лене Польскому... — Л. Н. Польский. См. о нем коммент. на с. 646.

Володьке Дмитревскому еще надо написать... — В. И. Дмитревский. См. о нем коммент. на с. 692

О, бедный ≈ бред! — Неточная цитата из стихотворения «Образец» (1917) Б. Л. Пастернака. Правильно: «Существованье — гнет».

С. 624

...перевыборов Правления Союза. — Речь идет о ССП.

Сказал Маханов... — Александр Иванович Маханов, секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) по агитации и пропаганде (до 1941 г.; с 1943 г.); с 1943 по 1945 г. заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

...чтоб «не иметь свое суждение»... — Неточная цитата из комедии «Горе от ума» (1824) А. С. Грибоедова. Правильно: «...не должно сметь свое суждение иметь».

Предлагают писать очерк о днях финской войны... — Советско-финская война, вооруженный конфликт между СССР и Финляндией в период с 30 ноября 1939 по 13 марта 1940 г.

...заявку, предельно честную, о Мартехове. — Е. Т. Мартехов. См. о нем коммент. на с. 725.

...смотрела «Двадцать лет спустя»... — Пьеса «Двадцать лет спустя» (1939) М.А. Светлова.

...как написал свою пьесу Миша. — М.А. Светлов.

С. 625

Этюд с Ардовым. — Виктор Ефимович Ардов (1900–1976), писатель.

...из удивительного мира «Светлого пути»... — Музыкальная кинокомедия «Светлый путь» 1940 г. Режиссер — Григорий Васильевич Александров (1903–1983).

...не сяду интенсивнейшим образом за роман... — Речь идет о работе над романом «Застава».

...«Федя Никтошкин»... — Сценарий мультфильма для А. Л. Птушко.

С. 627

...разделом «Углич»... — Скорее всего, О. Ф. Берггольц говорит о работе над романом «Застава», где этот раздел станет частью будущей автобиографической повести «Дневные звезды».

...четой Бяликов. — Речь идет о семье литературоведа Бориса Ароновича Бялика (1911–1988).

С. 628

...в Кельмяках. — Келломяки (*фин.* Колокольная горка), в начале XX в. популярный дачный поселок в 44 км от С.-Петербурга. До 1917 г. входил в Великое княжество Финляндское в составе Российской империи. С 1918 по 1939 г. принадлежал независимой Финляндии. После окончания советско-финской войны стал частью территории Ленинградской области. В 1940 г. Ленгорисполком передал Литфонду участок земли и деревянное строение в Келломяках под Дом творчества писателей. Первые отдыхающие появились здесь после Второй мировой войны, в 1945-м. С 1948 г. Комарово, дачное место, где жили писатели.

С. 629

..устроиться к Радловой. — Анна Дмитриевна Радлова (1891–1949), поэт, переводчица. В 1939–1942 гг. работала заведующей литературной частью в Театре им. Ленсовета. В 1942 г. была эвакуирована из Ленинграда в Пятигорск вместе с труппой театра; во время оккупации Пятигорска труппа была депортирована в Германию. После Великой Отечественной войны вернулась в Москву, где была арестована и осуждена на девять лет лагерных работ; умерла в лагере.

Именной указатель

- Абрамова О. 564, 572
- Абрашкевич Е. 309, 317, 340, 355, 364, 365, 366, 367, 368, 542
- Авдотья, прислуга 197, 332
- Авербах Л. Л. 106, 115, 116, 118, 122, 123, 124, 125, 126, 130, 135, 139, 140, 146, 147, 155, 158, 159, 163, 166, 167, 169, 180, 185, 213, 237, 240, 241, 242, 253, 254, 261, 267, 283, 316, 362, 426, 431, 437, 438, 439, 440, 443, 458, 530, 540, 546, 611
- Адамович, рабочий 281
- Азадов 91
- Акимов Н. П. 314
- Акуратнов, рабочий 200
- Алдан (Алдан-Семенов) А. И. 443, 557
- Александр III 251
- Александров, мастер 210
- Александров, строитель 50
- Александровский В. Д.
«Горе тем, кто ослепли в огне...» 461
- Алексеев, бригадир 40
- Али с.м. Алмазов А. А.
- Алигер М. И. 583
- Алихан, друг Алмазова А. А. 80, 83
- Алмазов А. А. 71, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 83, 84, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 499, 523, 525, 548, 549, 587, 605
- Амельченко И. И. 450, 486, 487
- Анд. Хв. 346
- Андерсен Х. К.
«Снежная королева» 388
- Анджела 618
- Андреев 592
- Андреев 268, 275
- Андреев Л. Н.
«Рассказ о семи повешенных» 448
- Андронников, рабочий 162, 171, 212
- Анисимова К. 503
- Анк Л. (Дьяконов Л. В.) 140, 162, 348, 381, 443, 463, 473, 494, 499, 503, 504, 546, 548, 561, 562, 587, 600, 606
- Анна 366
- Анненков П. В. 544
- Анненский И. Ф.
«О нет, не стан...» 372
«Пробуждение» 314, 315, 491
«Смычок и струны» 317
«Старая шарманка» 317, 522
«Я думал, что сердце из камня...» 491
- Антонина 292
- Ануфриева, бригадир 170

- Анфиса 579, 587
 Аптекман А. В. 350, 387, 516, 530, 534
 Аптекманы 364, 534
 Ардов В. Е. 625, 626
 Аркашка см. Аптекман А. В.
 Асеев Н. Н.
     «Дневник в стихах» 457
 Асланбек см. Алмазов А. А.
 Астафьев, рабочий 251
 Афанасьев 112
 Афанасьева Н. 581, 599
 Афиногенов А. Н. 285
     «Салют, Испания» 397
 Ахматова А. А. 248, 603, 605, 624
     «Вполоборота, о, печаль...» 590
     «Да, я любила их, те сборища
     ночные...» 275
     «Дал Ты мне молодость трудную...»
     322
     «Земная слава, как дым...» 549
     «От любви твоей загадочной...» 273
     «Чернеет дорога приморского
     сада...» 307
     «Я научилась просто, мудро
     жить...» 79, 169, 323, 369, 382
 Бабенцов, журналист 264, 265
 Бабка см. Берггольц О. М.
 Бабка — Грустилина
     см. Грустилина М. И.
 Бабнов, рабочий 213
 Бабочкин Б. А. 566
 Бабушкин И. В. 197, 198
 Багрицкий Э. Г. 219, 485
     «Происхождение» 219
     «ТВС» 484, 485, 498
 Багров, рабочий 116
 Бадаев А. Е. 208
 Баев, завремонтом 69
 Базиновский 162
 Байматов 32
 Байрон Дж. Г. 489
 Бак П. 382
     «Мать» 382
 Бакушев Б. 190, 222, 223, 224, 237
 Балимотов 83
 Бальзак О., де 448
     «Шагреновая кожа» 540
 Банковский 86
 Батенина 162
 Бах И. С. 531
 Бахвалов В. П. 582, 583, 592
 Бахтин В. 109, 162, 165, 237
 Башкардин 189, 190
 Безбородов С. К. 401, 465
 Безыменский А. И. 105, 264, 280, 391
 Белоусов, школьник 534
 Белых Г. Г. 152
 Беляев В. П. 279, 557
 Беляков 84
 Берггольц М. Т. 80, 113, 124, 139, 143, 147,
     149, 150, 151, 156, 157, 184, 185, 194, 197,
     254, 261, 265, 267, 268, 325, 327, 329,
     333, 344, 352, 353, 355, 425, 439, 456,
     471, 504, 505, 624
 Берггольц М. Ф. 77, 105, 157, 159, 164, 185,
     194, 286, 366, 381, 382, 400, 402, 404,
     417, 439, 456, 463, 482, 504, 600, 602,
     611, 628, 629
 Берггольц О. М. 197
 Берггольц Ф. Х. 197, 330, 332, 353,
     355, 505
 Берггольц Х. Ф. 197
 Березин, сотрудник газеты 81
 Берзин Ю. С. 534
 Берлин, рабочий 117

- Беслекоев Х.Х. 65, 67, 68, 72, 74, 75, 76, 77
- Беспамятнов Виктор В. 291, 292, 293,
294, 295, 297, 298, 299, 300, 305, 306,
307, 308, 309, 310, 311, 313, 314, 315, 316,
317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325,
326, 327, 328, 329, 330, 332, 333, 334,
335, 338, 341, 345, 351, 354, 360, 361, 362,
364, 370, 371, 372, 374, 377, 379, 381, 382,
383, 384, 386, 387, 388, 392, 394, 396,
398, 399, 401, 403, 404, 405, 407, 413,
414, 416, 417, 418, 420, 425, 426, 427,
428, 429, 430, 432, 433, 438, 448, 449,
451, 459, 465, 492, 494, 508, 549, 551
- Беспамятнов Владимир В. 296
- Бетховен Л., ван 292, 344, 531, 597
- Бигулаев, строитель 51
- Битиев Г.Р. 45, 46, 47, 49
- Блейман М.Ю. 281
- Блок А.А. 555, 556, 590, 591, 592
«Была ты всех ярче, верней
и прелестней.» 457, 464, 476, 480,
489, 493, 510
«Весенний день прошел
без дела...» 386
«Вступление» 450
«Да. Так диктует вдохновенье...»
474, 590
«Двенадцать» 619
«Дух пряный марта был в лунном
круге...» 555
«Земное сердце стынет вновь...»
600
«На поле Куликовом» 591
«О, как хочу безумно жить...» 556
«Они читают стихи» 248, 382
«Осенняя воля» 613
«Перед судом» 555
«Перехожу от казни к казни...» 366
- «Поэты» 571
«Предчувствую тебя...» 484
«Рожденные в года глухие» 592
«Скифы» 173
«Сон» 386, 572
«Ты в поля отошла без возврата...»
449
- Блюм 144
- Богатырев К. 42
- Богданов, юнкор 113
- Богданов, рабочий 120
- Богоров, врач 428
- Бондаренко, юнкор 113
- Борис, Борька см. Корнилов Б.П.
- Борисов, машинист 38
- Бочаров, рабочий 117
- Браун Н.Л. 311, 391
- Бреусова, юнкор 112, 113
- Брискин, рабочий 117
- Бродский И.И. 280
- Бродский Н.Л. 107
- Бруснев М.И. 234
- Брыкин Н.А. 370, 405, 416, 438, 442, 445,
473, 508, 509, 527
- Бубекин В.М. 407, 414, 465
- Бубнов А.С. 493
- Будницкая (Миллер-Будницкая) Р.З.
314, 616
- Бунин И.А. 452
«Весенний вечер» 453
«За все тебя, Господь, благодарю...»
453, 458
«За рекой луга зазеленели...» 452
«Еще холоден и сыр...» 453
- Бурцев, юнкор 112, 113
- Бух В. 320
- Быков Н.А. 131, 138, 162, 171, 172, 173, 187,
188, 190, 195, 213, 222, 223, 224, 237, 238

- Быстрянский В. А. 565
 Бычкова В. 579
 Бялик Б. А. 627

 В. Б. 560
 В. П. 348
 Вайс 54, 56
 Вайсенберг Л. М. 275
 Вайтли 323
 Валов В. И. 308
 Валя с.м. Герасимова В. А.
 Ванга П. Т. 276
 Васильев П. Н. 281
 Васильева Р. Р. 282
 Вахомский 144
 Введенский А. И. 119, 282
 Векшин, рабочий 117, 120
 Великин Б. 236, 267
 Вера с.м. Кетлинская В. К.
 Вера, санитарка 256, 257
 Вересаев В. В. 199
     «Живая жизнь» 199
 Верн Ж. 392
 Верховский 250
 Веселов, рабочий 181
 Виктор, Витя и т. д.
     с.м. Беспмятнов В. В.
 Виноградов В. 162
 Виноградов И. А. 315
 Виноградова 308
 Вите Л. Н. 540
 Вите М. А. 167, 266, 365, 463, 475, 540, 574
 Виткова Н. 463, 496
 Витт 58
 Витязев Д. И. 105
 Вишневский В. В. 105
 Владимир с.м. Сталев В.
 Воингартен, рабочий 117

 Войнилков Ф. 162
 Войтоловская А. Л. 231, 271
 Волков А. 116
 Володька с.м. Сталев В.
 Волошина М. С. 602, 603
 Волька с.м. Марин В. А.
 Вольтер 163
 Вольф с.м. Эрлих В. И.
 Вольфринг 210
 Воробьев, землемер 44
 Воронов, рабочий 251
 Воронова А. Е. 292, 294, 297, 300, 305,
     306, 307, 308, 316, 317, 318, 319, 320,
     325, 328, 381, 387, 388, 394
 Ворошилов К. Е. 41, 148, 466
 Вуколова, юнкор 113
 Вшивков П. Е. 249
 Вышинский А. Я. 418
 Выгодский Д. И. 534
 Высотский О. Н. 605

 Габбе Т. Г. 101, 465
 Гайцхоки С. С. 111
 Галин 237
 Галич 281
 Галка с.м. Пленкина Г. Г.
 Гамарник Я. Б. 446
 Гамсун К.
     «У враг царства» 402
 Ганзен А. В. 616
 Гарди Т. 521
     «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» 521
 Гарин-Михайловский Н. Г. 369
 Гегель Г. В. Ф. 220, 593, 617
 Гейне Г. 555
     «Когда я ранним утром...» 555
 Геловани М. Г. 300

- Герасимов С. А. 534, 535, 618
Герасимова, машинистка 73
Герасимова В. А. 167, 247, 248, 280, 565
Герман Л. В. 346, 396
Герман Ю. П. 192, 212, 213, 241, 247, 248, 249, 262, 263, 267, 273, 274, 276, 277, 279, 280, 281, 282, 283, 285, 316, 318, 328, 329, 330, 346, 360, 370, 371, 387, 390, 396, 398, 416, 434, 444, 451, 457, 459, 462, 487, 492, 534, 535, 537, 542, 563, 594, 596, 597, 600, 601, 607, 627, 628
«Бедный Генрих» 285
«Вступление» 277
«Книга о Дзержинском: Рассказы о первом чекисте» 607
«Лапшин» 542
Германы 273, 275, 607
Герцен А. И. 243, 580, 589, 593, 601, 623
«Былое и думы» 243, 580
Гессен С. Я. 269, 419
Гете И. 458, 597
«Святая тоска» 458, 475, 500, 508
Гинзбург см. Гринберг И. Л.
Гюев, строитель 32, 48, 49, 56, 76, 80
Гитлер А. 623
Гитович А. И. 233, 241, 583, 584
Гогичаев А. Г. 56, 68, 80
Гоглидзе С. А. 557, 589
Гоголь Н. В. 392
«Записки сумасшедшего» 510
«Ночь перед рождеством» 392
Голобородко, рабочий 86
Голодец 93
Голодный М. 391
Гольдштейн Б. Э. 531
Гор Г. С. 263, 279, 506, 596, 599, 600
Горбачев Г. Е. 378
Горбачева А. Т. 197
Горбунов К. Я. 111
Горелов А. Е. 376, 379, 382, 402, 418, 425, 429, 432, 433, 438, 459, 544
Городецкая С. М. 93
Горький М. 160, 167, 205, 219, 264, 265, 274, 279, 281, 282, 285, 362, 363, 369, 388, 416, 430, 486, 533, 538, 550, 599, 611
«В. И. Ленин» 369
«Если враг не сдается, — его уничтожают» 550
«Жизнь Клима Самгина» 149, 169, 214, 349, 436, 452, 507
«Лев Толстой» 205, 369
«О Гарине-Михайловском» 369
«О литературных забавах» 281
«О пьесах» 219
«Фома Гордеев» 482
Грекова Г. 482
Грибоедов А. С.
«Горе от ума» 216, 624
Григ Э. 597
Грин А. С.
«Борьба со смертью» 399
Гринберг, рабочий 138
Гринберг И. Л. 106, 158, 205, 262, 275, 276, 279, 285, 308, 370, 380, 428, 462, 473
Грузинский Я. И. 242, 365, 399
Грустилин А. Т. 197
Грустилин Н. Т. 197
Грустилина А. Т. 197
Грустилина В. Т. 197
Грустилина М. И. 197, 332
Грустилины 197
Гумилев Л. Н. 605
Гумилев О. Н. см. Высотский О. Н.
Гумилев Н. С.
«Заблудившийся трамвай» 499
«Ослепительное» 468

- Гурович, юнкор 112, 113
 Гурская И. 602, 605, 614, 616, 620
 Гусева, рабочий 224
 Гуторович А. 617, 622
- Далецкий П. Л. 279
 Данилов, комсомольский деятель 111
 Данько Е. Я.
 «Красная Шапочка» 472
 Дарышевский 124
 Деваль Ж.
 «Мольба о жизни» 316
 Дед см. Берггольц Х. Ф.
 Дейч, рабочий 251
 Дементьев Н. И. 295
 Деникин А. И. 62
 Джерманетто Дж. 416
 Дз. 475, 500
 Дзержинский Ф. Э. 112, 261, 265, 266,
 416, 486
 Дийков 116
 Димнис, рабочий 117
 Димтроченко см. Дмитроченко И. Т.
 Дмитр. 61
 Дмитриев 124
 Дмитриевский В. И. 206, 622
 Дмитроченко И. Т. 110, 111, 263, 264
 Добин Е. С. 116, 370, 378, 383, 392, 398,
 399, 402, 405, 407, 414, 425, 428, 430,
 431, 433, 438, 442, 451, 499, 530
 Довлатова М. С. 340, 350, 400, 401, 404,
 463, 516, 614
 Додзин 102
 Додик К. 567, 572, 588, 605
 Дос Пассос Дж. 150, 212, 332
 «Вершины счастья» 277
 Достоевский Ф. М. 187, 199
 «Бесы» 169, 187, 199, 597
- «Братья Карамазовы» 327, 486, 574,
 623
 «Идиот» 238
 «Кроткая» 509, 513, 540
 Друзин В. П. 275, 591, 593
 Дубовский 361
 Дудкин, служащий 183
 Дунганский, театральный работник
 89
 Дядя Володя см. Степанов В. Г.
 Дядя Коля см. Грустилин Н. Т.
 Дядя Шура см. Грустилин А. Т.
- Е. М. 391
 Евграфов П. 250
 Евдокимов Н. А. 346, 406, 524, 525
 Евсеев Ф. А. 105, 111, 206
 Егоренков 112
 Егоров, школьник 534
 Егоров И. 250
 Ежов Н. И. 546
 Еремин, инженер-строитель 50
 Ермилов В. В. 275
 Есенин С. А.
 «Мне грустно на тебя смотреть...»
 184
- Жаров А. А. 280
 Жданов А. А. 438, 439
 Женька см. Штейн Е.
 Жив, комсомольский деятель 111, 130
 Жид А. 366
 Жорка 71
 Жуковский, представитель
 крайкома 39
 Жулев 84
- Забезжанский, рабочий 117, 120

- Заболоцкий Н. А. 315, 320, 403, 434, 541, 583
    «Бродячие музыканты» 325
«Горийская симфония» 541
Завьялов С. 272, 274
    «История Ижорского завода» 260, 274
Зайцев, студент 85
Замятин Е. И. 155
    «Нечестивые рассказы» 155
Зангиев 49
Запорожец И. В. 274
Зарецкий М. 620
Зархи Н. А.
    «Джой-стриг» 277
Зегжда Н. А. 137, 162
Зелевенская, соседка 90
Зельштранд (Зельштрант, Зельштрандт), рабочий 236, 240, 250, 251, 252, 265
Земляной 62
Зина 603
Зиновьев Б. 250
Золотовский К. Д. 111, 414
Зонин А. И. 607
Зотова К. В. 93
Зощенко М. М. 183, 565
    «Честный гражданин: Письмо в милицию» 183
Зуев, рабочий 37
- Ибсен Г.
    «Пер Гюнт» 313
Иванов 170, 188, 191, 205, 263
Иванов, рабочий 113-го отделения 201
Иванов, рабочий 114-го отделения 120
Иванов, школьник 534
Иванов Д. М. 293
- Иванова Е. 564, 572, 588
Иволгин И. А. 206
Иголкина З. 49
Иллеш Б. 105
Ильин А. П. 240, 250, 251, 252, 261, 265, 271
Ильин М. 401, 407, 418
Ильич с.м. Ленин В. И.
Ильян В. 55
Инге Ю. А. 162, 203, 206
Иогансон 270
Иосиф Виссарионович с.м. Сталин И. В.
Ирина, Ирка, Иришка и т. д. с.м. Корнилова И. В.
Ирэна с.м. Гурская И.
Исерлис 205, 213, 292
- К. Н. 126
Кабанов 240
Каболов П. 79
Каверин В. А.
    «Конец хазы» 166
Кадзоев с.м. Кодзоев А. Э.
Казаков М. 207
Казарновский М. П. 117, 144
Кайа 600
Калатозов М. К. 240
Калачев, начальник цеха 86
Калинин М. И. 511
Канева 424
Канин Н. Т. 443, 483, 489, 496
Канторович Л. В. 273, 274, 279, 281, 417
Капица П. И. 112, 442, 449, 499
Кара С. С. 618
Карелина В. М. 234, 235, 236, 240, 241, 251
Каримов К. 116

- Карпов 124
 Картавов 201
 Касимов Ю.И. О. 137, 138, 162, 163, 165,
 166, 167, 192
 Катя, Катюша см. Абрашкевич Е.
 Кацнельсон 162, 183
 Кежун Б.А. 403, 560
 Кейзер И. 250
 Кейлин 162
 Керьянов 170
 Кетлинская В.К. 462, 473
 Кибрик Е.А. 473
 Кизин 117
 Киров С.М. 375, 378, 416, 589
 Киришон В.М. 280, 446
 «Суд» 277
 Кирьянов 481
 Киселев, большевик 579
 Кисляк А.Д. 106
 Клячкин, редактор 405
 Книтер Р. 170
 Князев В.А. 250
 Князев Ф.С. 405, 415, 416, 537
 Князев-Тарелкин, рабочий 251
 Коба см. Сталин И.В.
 Ковалевский, рабочий 117
 Коварская (Герман) Т.А. 396, 596
 Коварский Н.А. 377
 Ковель О. 257
 Ковзин Д.Б. 52
 Кодзоев А.Э. 71, 79, 83, 91
 Кожарская 214
 Козаков М.Э. 275, 387
 Козин, рабочий 109, 134, 162
 Козовский Е. 129, 136, 137, 139, 140, 155,
 162, 165, 495, 496, 562
 Козубская А. 606
 Козырев 54
 Колосов М.Б. 213, 255
 Колотозов М. см. Калатозов М.К.
 Колчак А.В. 62
 Колька 71
 Кольников, секретарь 162, 170, 172, 183
 Коля, Колька см. Молчанов Н.С.
 Комар, рабочий 495
 Коновалов, муж. И. Молчановой 459
 Коновалов, рабочий 85
 Корабельников Г.М. 236, 236
 Кореванова А.Г. 482
 Корневой 189
 Корнилов Б.П. 29, 55, 75, 77, 80, 119, 233,
 262, 276, 285, 431, 444, 501, 611
 «Соловьиха» 611
 «Ящик моего письменного стола»
 285
 Корнилова И.Б. 49, 79, 113, 120, 121, 122,
 124, 135, 147, 148, 149, 151, 157, 159, 174,
 184, 205, 215, 216, 254, 261, 263, 265,
 266, 267, 268, 272, 274, 278, 281, 285,
 286, 310, 312, 315, 324, 325, 326, 327,
 328, 329, 330, 332, 333, 334, 335, 336,
 337, 338, 339, 341, 342, 344, 348, 349,
 350, 351, 352, 355, 359, 360, 361, 362,
 363, 366, 368, 372, 374, 380, 384, 385,
 386, 387, 389, 392, 396, 399, 403, 404,
 405, 407, 415, 419, 421, 424, 426, 427,
 436, 438, 440, 442, 444, 448, 449, 451,
 452, 453, 456, 459, 465, 466, 470, 472,
 475, 476, 480, 485, 501, 509, 515, 527,
 531, 533, 535, 536, 539, 540, 547, 548,
 573, 583, 600, 611, 612, 620, 621, 622
 Королев, рабочий 222
 Коротков, редактор 405
 Коршунова М.И. 555, 561, 585, 599
 Косарев А.В. 194
 Костарев Н.К. 279

- Косьбо 117, 131
Котов А. К. 111
Кочеткова 548
Кочиев А. 79
Красин Л. Б. 297
Краснов, токарь 208
Кривошеева с.м. Лаврентьева-Кривошеева А. И.
Кропачева М. 579
Круль И. Л. 414, 495, 496, 499, 528
Крюков А. 211
Крючкова Е. З. 115
Кудров 152
Кудрявцев И. 569
Кудрявцева 249
Кудряшова, редактор 152
Кужелев, журналист 170, 622
Кузин Д. 251
Куйбышев В. В. 59, 416
Кукольник Н. В.
    «Рыцарский романс» 455
Кукушкина, учительница 207
Кулев, рабочий 130, 131, 134
Куликов, инженер 211, 213
Курочкин, юнкор 112, 113
Кюдель А. 208
- Лавренев Б. А. 152
Лаврентьева-Кривошеева А. И. 405, 581
Лалин, рабочий 117
Лапшин, рабочий 86
Лассаль Ф. 251
Лебедев, бригадир 172, 183, 562
Лебедев В. В. 120
Лебеденко А. Г. 285
Лебединский М. Ю. 482
Леваневский С. А. 531
- Левин Л. И. 242, 262, 279, 283, 285, 308, 370, 428, 453, 504, 506, 507, 530, 537, 557, 563, 582
Левитин М. Е. 403
Левка с.м. Левин Л. И.
Лежнев И. Г. 399, 442
Леин, монтажник 107
Лейбов Л. И. 114, 117
Ленин В. И. 59, 63, 112, 162, 163, 171, 194, 198, 200, 212, 232, 251, 252, 272, 324, 369, 416, 417, 430, 461, 470, 506, 513, 521, 564
    «Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу “коммунистических субботников”»)» 212
    «Заметки публициста: О восхождении на высокие горы, о вреде уныния, о пользе торговли, об отношении к меньшевикам и т. п.» 461, 506
    «Лучше меньше, да лучше» 108
    «Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии» 581
    «Развитие капитализма в России» 198, 240
    «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» 236, 240
Ленька с.м. Анк Л. (Дьяконов Л. В.)
Леопольд с.м. Авербах Л. Л.
Лермонтов М. Ю.
    «Договор» 138
    «Дума» 507
    «Расстались мы, но твой портрет...» 618
    «Смерть поэта» 414, 527

- «Я не люблю тебя — страстей...» 567
- Лесючевский Н. В. 279, 503
- Леша, Лешка см. Авербах Л. Л.
- Либ Ю. см. Либединский Ю. Н.
- Либединская Р. Н. 475
- Либединские 516
- Либединский Ю. Н. 77, 90, 116, 119, 120, 125, 150, 164, 167, 212, 262, 265, 280, 300, 365, 366, 370, 376, 379, 380, 381, 382, 385, 399, 400, 405, 417, 439, 453, 473, 475, 477, 482, 504, 508, 512, 515, 522, 524, 537, 611
- «Говорит бригада Власова» 150
- Лившиц Б. К. 403
- Лидка см. Явич Л.
- Ликов, комсомольский деятель 111
- Липа, домработница 194
- Липкин, рабочий 105
- Липков, руководитель кружка 214
- Липовцев, юнкор 113
- Личков, рабочий 144
- Личкова 249
- Лозинский З. Б. 275, 351, 376, 377
- Локшина Х. А. 434
- Лопатин, рабочий 250
- Лубин 56
- Лубченко 85
- Луговской В. А. 391, 560, 571
- Лузгин М. В. 470, 481
- Лукка К. К. 143, 202, 213, 420, 466, 473, 487, 495, 528, 605
- Луначарский А. В. 416
- Лунев, студент 85
- Лурье С. Я. 565
- Лысаков, комсомольский деятель 111
- Львов Е. 197
- Львова В. 197
- Любарская А. И. 465
- Люблинская А. Д. 262
- Люблинский В. С. 262
- Любченко П. П. 467
- Люда см. Герман Л. В.
- Люйси, слесарь 231
- Люсичевский см. Лесючевский Н. В.
- Ляля М. 498
- М. З. 537, 549
- М. Ив. 405
- М. Я. 512
- Майзель М. Г. 378, 379, 391
- Майка см. Молчанова М. Н.
- Майрановский 31
- Майслер М. М. 566
- Макарьев И. С. 438, 530
- Малахов С. А. 279
- Малкин, рабочий 165
- Мама, мать см. Берггольц М. Т.
- Маметов 592
- Мамин Н. И. 264
- Мандельштам О. Э.
- «В Петербурге мы сойдемся снова...» 80
- «За то, что я руки твои не сумел удержать...» 139, 503
- «Здесь я стою — я не могу иначе...» 490
- «О свободе небывалой...» 180
- «Отравлен свет и воздух выпит...» 450
- «Только детские книги читать...» 580
- Маневич И. М. 619
- Мануильский Д. З. 446
- Мара см. Довлатова М. С.
- Марвич С. М. 275
- Маргарита см. Коршунова М. И.
- Марголина А. 367

- Марин В. А. 364, 366, 463, 465, 471, 472, 473, 481, 494, 499, 542
- Марины 364, 460, 489, 496, 499, 549
- Мария, Маруся, Маруська
с.м. Чумандрина М. А.
- Мария Константиновна
с.м. Тихонова М. К.
- Маркс К. 59, 198
«Капитал» 198
- Мартехов Е. Т. 313, 383, 403, 405, 427, 434, 435, 436, 486, 525, 624
- Мартьянов П. П. 394
- Маруся, Маруська с.м. Машкова М. В.
- Маршак С. Я.-105, 139, 146, 160, 192, 261, 282, 283, 390, 398, 401
- Матлина 91
- Матрона-босоножка 197
- Маули, Маулишка с.м. Вите М. А.
- Маханов А. И. 624
- Махнов 116
- Маша с.м. Рымшан М. К.
- Машбиц С. М. 336, 337, 338, 339, 340, 341, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 355, 356, 357, 358, 359, 361, 364, 365, 366, 367, 381, 387, 393, 394, 400, 401, 402, 403, 428, 449, 542, 573
- Машкова М. В. 92, 152, 340, 366, 367, 460, 463, 471, 472, 473, 489, 494, 499, 503, 504, 523
- Маяковский В. В. 107, 183, 201, 345, 590
«Домой» 213
«Разговор с фининспектором о поэзии» 293, 499
«Революция» 590, 600
«Ставка на вас, комсомольцы-товарищи...» 351
«Частушки о метрополитене» 596
«Юбилейное» 127, 294
- «Я хочу быть понят родной страной...» 586
- Медведев П. Н. 534
- Мейерхольд Вс. Э. 611
- Мериме П. 476
- Мертвинский, рабочий 165
- Мессер Р. Д. 618
- Микелимов, рабочий 495
- Миллер-Будницкая Р. З. 314, 616
- Милованов, рабочий 224
- Мирошниченко Г. И. 105, 282, 390, 392, 398, 405, 407, 413, 415, 416, 418, 419, 420, 432, 433, 437, 439, 465, 466, 473, 474, 506, 508, 509, 512, 522, 526, 527, 530, 537
- Мительман М. И. 143
- Михайлов 522, 523, 534
- Мишечкин, секретарь 40
- Мишка с.м. Либединский М. Ю.
- Мишка с.м. Чумандрин М. Ф.
- Молотов В. М. 587
- Молчанов В. С. 156, 159, 185, 194, 407
- Молчанов Н. С. 29, 48, 55, 68, 72, 77, 79, 84, 87, 89, 90, 91, 92, 93, 95, 101, 110, 113, 114, 115, 116, 118, 119, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 129, 130, 131, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 146, 147, 148, 155, 156, 158, 159, 160, 166, 169, 170, 173, 174, 179, 180, 184, 185, 193, 201, 205, 206, 212, 213, 214, 215, 216, 231, 232, 236, 240, 241, 247, 248, 254, 261, 262, 263, 264, 273, 275, 276, 277, 278, 281, 282, 283, 284, 285, 291, 292, 294, 296, 297, 298, 300, 306, 307, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 325, 327, 330, 331, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350,

- 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358,
359, 361, 364, 365, 366, 367, 368, 369,
371, 372, 373, 374, 375, 377, 378, 379,
381, 382, 383, 385, 386, 387, 388, 389,
392, 393, 394, 396, 398, 399, 400, 401,
402, 403, 405, 407, 408, 413, 416, 419,
421, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 437,
439, 445, 446, 447, 448, 449, 451, 452,
455, 457, 460, 466, 470, 471, 472, 473,
474, 476, 479, 480, 481, 482, 485, 488,
489, 490, 492, 495, 496, 498, 500, 504,
505, 506, 508, 521, 523, 525, 527, 532,
533, 536, 537, 542, 543, 544, 548, 550,
551, 556, 557, 558, 559, 560, 566, 569,
571, 573, 580, 581, 583, 584, 586, 602,
607, 612, 615, 618, 624, 625, 626, 628
- Молчанова В. С. 263, 373
- Молчанова И. 127, 130, 339, 355, 459
- Молчанова М. Г. 148, 156, 263, 349
- Молчанова М. Н. 158, 159, 166, 169, 174, 194,
205, 215, 231, 232, 236, 249, 254, 262,
286, 291, 345, 347, 421, 429, 452, 459
- Молчанова О. С. 126, 156, 597, 600
- Молчановы 125, 147, 349, 487, 588, 618
- Морачевский Н. Я. 403
- Морин Ф. 321, 323
- Морозов, рабочий 249
- Морозов М. З. 434
- Морозова, школьница 534
- Москвин, рабочий 120
- Московский М. И. 138, 253
- Мулло, рабочий 224
- Мураша, Мурашка
с.м. Чумандрин М. М.
- Мурашев, рабочий 103, 104, 120, 138
- Мустангова Е. Я. 283, 378
- Муська, Муся с.м. Берггольц М. Ф.
- Мызников 249
- Н. Ф. 422
- Назаренко, юнкор 112, 113
- Наровчатов С. С. 602, 603, 607, 616, 619
- Наследов 41
- Наташа, жена Симховича М. 620, 621,
622
- Науменко, рабочий 292
- Нахимова 95
- Нашивочникова Е. П. 133
- Невинский В., инженер 133, 162, 181,
202, 203, 212, 224, 292, 414, 487
- Некрасов Н. А.
«Забытая деревня» 498
«Зеленый шум» 341
«Кому на Руси жить хорошо» 566
«Плач детей» 138
- Неляндер 250
- Неляпин 44
- Неуворуев 69
- Неустроев, рабочий 252
- Никитин 49, 52
- Никитин 143
- Никитин, член партколлегии 480,
499, 500
- Никитин Н. Н. 328
- Никитов Н. 405
- Никифоров, рабочий 144
- Николаенко, член парткомиссии 106,
107
- Николай I 269
- Николай II 249
- Николай с.м. Молчанов Н. С.
- Ницше Ф.
«Так говорил Заратустра» 469
- Ногин В. П. 197, 198
- Нюша 406
- Окенчиц, гинеколог 253, 254

- Олейников Н. М. 378
 «Карась» 141
 «Любовь» 141
 Олесич Я. 313, 370, 384, 391
 Олеша Ю. К. 224
 Осинковский, заведующий
 издательством 192
 Осипов, журналист 102
 Осипов, заведующий буфетом 70
 Осипов, писатель 407
 Осипов П., рабочий 104, 120, 162, 235
 Осокина Н. 257
 Остров с.м. Островой С. Г.
 Островой С. Г. 263, 275, 279
 Островский Н. А. 405, 413
 Отец с.м. Берггольц Ф. Х.
- Павленко П. А. 111
 Павленков с.м. Павленко П. А.
 Павлов, комсомолец 448, 496, 501
 Павлов, рабочий 117
 Павлов И. П. 336
 Павлова 120
 Паль Н. К. 198
 Паль Я. 197
 Панев 112
 Панин, народовец 249
 Панов, актер 137
 Пантелеев 124
 Парве Я. 144
 Пармос 250
 Парье-Ильин 124
 Пастернак Б. Л. 284
 «Волны» 243, 427
 «Зима» 241
 «Из поэмы» 74
 «Когда я устаю от пустозвонства...»
 413
- «Любить — идти, — не смолкнул
 гром...» 310
 «Любить иных — тяжелый крест...»
 284
 «Марбург» 127
 «Начальная пора. Зимняя ночь» 141
 «Образец» 622, 623
 «Разрыв» 311, 313, 349
 «Рослый стрелок, осторожный
 охотник...» 73
- Пашин, народовец 249, 250
 Перелешин П. А. 391
 Перельман М. Е. 340
 Перкина М. Я. 321, 323
 Пернер В. 208
 Перов, рабочий 124, 142, 143
 Песков 81
 Петров 112
 Пешков М. А. 274
 Пешкова Н. А. 115
 Пилицын Ф. 210
 Пирогов, музыкант 219
 Пленкина Г. Г. 365, 383, 473, 503, 504, 532,
 533, 546, 555, 557, 561, 587, 614
 Плинер Г. Д. 253
 Плисс, служащий 142, 144
 Плотникова А. М. 564, 572
 Подвойский Н. И. 143
 Подзелинский М. М. 435
 Поздняков, механик 249, 251, 253
 Покровский М. Н. 274
 Поличук 572
 Полунин С. 144
 Польский Л. Н. 81, 83, 622
 Пономарева, школьница 534
 Поплавский 112
 Попов 144
 Постышев П. П. 404, 446

- Пошехонов В. Е. 105, 275
 Прендель Т. 607
 Прендель Ю. А. 607
 Прокофьев А. А. 92, 233, 276, 281, 322,
 370, 560, 596, 617, 627
 «Прощаемся. Две тучи выются...»
 490, 491
 Пророков Б. И. 320
 Протоцкий 201
 Прутков К.
 «Немецкая баллада» 192, 493
 Птушко А. Л. 618
 Пумэ, рабочий 116
 Пучковский 60, 62, 65
 Пушкин А. С. 305, 391, 597
 «Во глубине сибирских руд...» 325
 «Воспоминание» 143
 «Дар напрасный, дар
 случайный...» 547
 «Евгений Онегин» 374, 535, 559
 «Памятник» 595
 «Пора, мой друг, пора...» 510
 «Поэту» 470, 570
 «Скупой рыцарь» 252
 Пышнограй Н. 162, 182, 189, 190, 203

 Радек К. Б. 322, 418
 Радлова А. Д. 629
 Радовский М. И. 271
 Разумовская Т. Д. 593
 Разумовский А. В. 616
 Райх З. Н. 611
 Ральцевич В. Н. 376
 Ратнер 316
 Рафалович, рабочий 136
 Рахманов Л. Н. 493
 Редин 39
 Резван 162, 163

 Резникова Н. 495
 Ремизов 85
 Решетов А. Е. 442, 443, 506, 527, 537
 Рожанковские 152
 Рожанковский И. И. 152
 Рождественская В. 135, 162
 Рождественский В. А. 559, 560, 565, 595
 Розенфельд Н. Б. 314
 Розов, рабочий 133, 136
 Роллан Р. 468, 470
 «Очарованная душа» 468, 482
 Роман Львович 351, 366, 368, 419
 Романовы, царская династия 216
 Руадзе, бригадир 133, 142
 Рудерман М. И. 493
 Румянцев, комсомольский деятель 111
 Русс, рабочий 251
 Рывина Е. И. 567, 583
 Рымшан 572, 605
 Рымшан М. К. 564, 566, 572, 574, 580,
 582, 585, 588, 605

 Сабурова, школьница 540
 Савельев, рабочий 249, 250
 Салтанов С. А. 123
 Салтыков-Щедрин М. Е. 568
 «Господа Головлевы» 611
 «История одного города» 580
 «Приключения
 с Крамольниковым» 568, 573, 603
 Санакоев, комсомолец 35, 51
 Саповский Ю. 406
 Саша см. Фадеев А. А.
 Саша, Сашка см. Штейн А. П.
 Светлов А. 162
 Светлов М. А. 106, 624
 «Двадцать лет спустя» 624
 Свиридовская С. 162, 187, 188

- Свирин Н.Г. 402, 425, 453, 454
Свободин, рабочий 103, 104
Селивановский А.П. 280
Сельвинский И.К. 391
Семашко, рабочий 252
Семенов, рабочий 162
Семенов С.А. 370
Семин Ф.Я. 111
Сергей, друг Алмазова А.А. 488, 489
Серебряников А.Б. 437, 493
Сережа см. Наровчатов С.С.
Сиверова А. 131, 162
Сигалев 114
Сикоев П.Р. 41
Сикоров, рабочий 120
Силин 270
Сильвин М.А. 250
Сименс В. 269, 270, 271, 272, 274, 278
Симхович М. 620, 621, 622
Скворцов-Степанов И. И. 161
Скоринно 105
Скоробогатько, рабочий 405
Скорынка, комсомольский деятель 111
Скробанский, гинеколог 426
Скруль см. Круль И.Л.
Слепнев Н.В. 91, 105
Слонимский М.Л. 111
Смирягин С.Т. 443
Сморозин П.И. 111, 389, 419, 420, 438,
442, 443, 522
Сморыгин, актер 137
Снетков, рабочий 251
Соболев 49
Соболев, комсомольский деятель 111
Соболевский Е.Г. 279
Соколова С. 130, 131, 162, 170
Соколовский, участник Гражданской
войны 62
Сокольников Г.Я. 418
Соловьев, рабочий 252, 275
Соловьев Б.И. 311
Сологуб Ф.К.
«В поле не видно ни зги...» 621
«Капли крови» 399
Соня см. Машбиц С.М.
Соня, секретарь 116
Сорель Шарль, съёр де Сувиньи
«Правдивое комическое
жизнеописание Франсиона» 365
Сорокин, комсомольский деятель 111
Соснер, рабочий 117
Софокл
«Эдип в Колоне» 548
Ставский В.П. 481
Сталев В. 122, 123, 125, 134, 135, 136, 137,
161, 172, 183, 204
Сталин И.В. 47, 59, 109, 164, 180, 194, 206,
221, 280, 313, 333, 397, 464, 466, 467,
471, 472, 478, 493, 494, 495, 496, 499,
503, 511, 513, 526, 546, 569, 570, 571,
572, 605, 618, 619
Станиславский К.С. 452
Старков 112
Старницкий 214
Старчаков А.О. 383, 391
Стендаль 324, 452
Стенич В.О. 92, 150, 231, 238, 241, 264,
282, 328
Степанов 124, 144
Степанов В.Г. 197
Степанов И.
см. Скворцов-Степанов И.И.
Стулова 249
Субоцкий (Суббоцкий) Л. М. 152
Суворов, шофер 39
Сурков А.А. 324, 391

- Сурцев 86
 Сустов, член парткома 495
 Сыровайский 237, 238
- Т. В. 465
 Т. М., учительница 588
 Табулов, десятник 35
 Тагер Е. М. 541
 Тамара, царица 46
 Танеев 479
 Тарасова, школьница 549
 Тат. Вл. 406
 Твен М.
   «Приключения Гекльберри
   Финна» 419
 Тверской, журналист 165, 170
 Тевелев М. Г. 403
 Тимашев 62
 Тимоша см. Пешкова Н. А.
 Тихонов Н. С. 111, 120, 234, 241, 247, 248,
   262, 282, 299, 319, 384, 440
   «Дорога» 88, 241
 Тихонова М. К. 120
 Толстая (Крестинская) Л. И. 612
 Толстой А. Н. 264, 600, 601, 612
 Толстой Л. Н. 194, 199, 203, 205, 206, 369,
   372, 374, 448, 452, 458, 461, 476, 493, 529
   «Анна Каренина» 48, 440, 483
   «Война и мир» 326, 332, 458, 476,
   499, 500, 544, 571
   «Воскресение» 203, 206
   «Смерть Ивана Ильича» 199
- Томилин, рабкор 107
 Томский М. П. 375
 Тонберг П. Г. 255
 Тора см. Молчанова В. С.
 Точаров, рабочий 105
 Трахтенберг 171, 172
- Троицкий М. В. 614
 Тройнин, машинист 38
 Троцкий Л. Д. 153, 511
 Трускинов И. М. 405
 Трухтонов, рабочий 117, 120, 202
 Туган-Барановский М. И. 198
   «Русская фабрика в прошлом
   и настоящем» 198
 Тур, профессор медицины 327
 Тухачевский М. Н. 446
 Тычина П. Г. 571
 Тютиков, комсомольский деятель 111
 Тютчев Ф. И. 590, 606
   «Все, что сберечь мне удалось...»
   606
   «Silentium!» 590
- Уваров С. С. 271
 Угам, парторг 495, 496
 Угаров А. И. 346, 350, 458, 496, 511, 522
 Уксусов И. И. 105
 Уткин И. П. 280, 391
 Ушаков Н. Н.
   «Зеленые» 447
 Уэллс Г. 162
- Фадеев А. А. 167, 451
 Файнберг Е. Л. 418, 419, 448
 Фарадей М. 271
 Федин А. С. 144, 207, 212, 213
 Федин К. А. 264, 273, 334
   «Похищение Европы» 273
 Федорова 123
 Федосеев, школьник 533, 537, 548
 Федосеева С. 541, 548
 Федотов П. И. 391, 392, 402
 Фейхтвангер Л. 511
   «Москва» 511

- «Успех» 332
 Ферсов, рабочий 251
 Финик *см.* Финкильштейн
 Финкильштейн, служащий 162, 173, 188
 Финкин, мастер 84
 Фиш Г. С. 265
 Фишер, рабочий 250, 251, 272
 Флит А. М. 403
 Форш О. Д. 149
 Франек 197, 238
 Франкфурт, заместитель начальника
 Ленэнгеро 242, 488
 Франкфурт Л. С. 435, 488
 Фриде 142
 Фридман 262
 Фролов, строитель 38
 Фролов, рабочий 208
 Фролова, рабочий 224
 Фроман М. А. 166, 392, 440, 481, 521, 534,
 563, 604, 605
 Фрошка *см.* Фроман М. А.
 Фрунзе М. В. 416
- Хайкинд Л. 117, 138, 162, 188, 190
 Хайям О.
 «Рубаи» 499
 «Рубаи о любви» 497
 Ханин 89
 Харитон *см.* Беслекоев Х. Х.
 Хармс Д. И. 119, 282
 Хаскин *см.* Хесин Г. Б.
 Хаскин 305
 Хатаевич М. М. 467
 Хвалик, рабочий 37
 Хемингуэй Э. 387
 Хесин Г. Б. 547
 Хмара В. В. 528, 535, 537, 538
 Ходасевич В. Ф. 590
- «Автомобиль» 446, 558
 «Баллада» 326
 «В заботах каждого дня...» 562
 «Вечер» 295
 «Друзья, друзья! Быть может,
 скоро...» 388
 «Когда почти благоговейно...»
 602
 «Матери» 134, 283, 574
 «Не матью, но тульской
 крестьянкой...» 430, 590
 «Ни розового сада...» 430
 «О, если б в этот час желанного
 покоя...» 450
 «Стансы» 447
 «Утро» 573, 574
 Ходза 481
 Храпов 124
 Хузе О. Ф. 588
 Хуль С. 330, 331
 «Октябрьский день» 330, 331
- Цапуля 137
 Цветков В. М. 420, 438, 442
 Цеце *см.* Крючкова Е. З.
 Цильштейн И. О. 416, 495
 Цимберг 142
 Циперович Г. В. 163
 Цыпин Г. Е. 418, 420, 421
 Цырлин Л. В. 364, 378, 596, 600
- Чайковский П. И.
 «Евгений Онегин» 126
 «Пиковая дама» 295
 Чаквиани Л. 400, 455
 Чапельников Т. 117, 211, 212, 249, 275
 Чейз С. 163
 «Люди и машины» 163

- Челлини Б. 482
 Челнокова П. Т. 197
 Черненко А. 105
 Черноглаз И. М. 39
 Черный С. 597
   «Больному» 329, 358, 597
 Чехов А. П. 277, 448, 452, 521
   «Душечка» 447
   «Скрипка Ротшильда» 277
   «Старость» 311, 312, 510
   «Цветы запоздалые» 277
 Чехоновская М. 257
 Чечковский, инструктор 544, 546, 547
 Чижов 124, 144
 Чистяков 49
 Чудаков 193
 Чуковская Л. К. 607
 Чуковский Н. К. 328, 465
 Чумандрин М. Ф. 115, 116, 119, 123, 125,
   131, 143, 146, 155, 156, 169, 201, 204, 262,
   282, 346, 350, 379, 390, 392, 399, 402,
   414, 424, 429, 431, 432, 433, 436, 437,
   473, 481, 482, 484, 499, 503, 504, 506,
   507, 508, 522, 537, 605, 611
 Чумандрин М. А. 122, 156, 346, 350
 Чумандрин М. М. 215, 621
 Чуриков И. 197
 Чухарев, рабочий 133
- Шабанов А. А. 463, 541
 Шабурашвили Е. 564, 566, 572, 604
 Шагинян М. С. 199
   «Фабрика Торнтон» 199
 Шамарин, рабочий 252
 Шамрей 124
 Шапиро, рабочий 33, 138
 Шапиро С. Н. 295
 Шарпи, рабочий 120
- Шателен, мастер 252
 Шварц 361
 Шекспир У.
   «Гамлет» 158, 262
 Шелгунов В. А. 234, 235, 277
 Шешилова 424
 Шибакин В. А. 129
 Шилейко Т. 105
 Шиллинг П. Л. 271
 Шипиро с. м. Шапиро С. Н.
 Шкапская М. М. 233, 236, 261, 275
   «Причастницей войду в твою
   постель...» 275
 Школьников, школьник 548
 Шолохов М. А.
   «Поднятая целина» 206
   «Тихий Дон» 486
 Шостакович Д. Д. 546
 Шредер, американец 163
 Шрёдер Э. 606
 Штейман З. Я. 376
 Штейн А. П. 134, 135, 136, 137, 138, 155,
   279, 326, 346, 360, 396, 399, 429, 430,
   534, 551
 Штейн Е. 138, 346, 350, 403, 404
 Штиглиц А. Л. 207
 Штукин Б. 138, 162
 Шубин П. Н. 560
 Шук., рабочий 49
 Шура с. м. Воронова А. Е.
 Шура, Шурка с. м. Штейн А. П.
 Шушканов Н. Г. 421, 470, 481
- Щербяков А. С. 419, 438
 Щипачев С. П. 604
- Эйхенбаум Б. М. 273, 523
   «Анна Ахматова» 273

Энгельс Ф. 198, 234

«К жилищному вопросу» 199

«Переворот в науке,
произведенный господином
Евгением Дюрингом» 581

«Происхождение семьи, частной
собственности и государства» 198

«Рабочее движение в Германии,
Франции, Соединенных Штатах
и России» 234

Эренбург И. Г. 165, 606

«Падение Парижа» 606

Эрлих В. И. 365, 611

Эрмберг 271

Юденич Н. Н. 152

Юдин П. Ф. 264

Юзька см. Гринберг И. Л.

Юрий 67

Юрий, Юрка см. Герман Ю. П.

Юрий, Юрка см. Либединский Ю. Н.

Юсовы 197

Юсуф см. Касимов Ю. И. О.

Яблонский В. П. 611

Явич Л. 581, 583

Ягода Г. Г. 446

Якиманский, секретарь 124

Якоби Б. С. 271

Якобсон 124, 143

Яковлев 60, 62

Яковлев, рабочий 105

Яковлев Е. А. 251

Яковлев И. И. 250, 251, 252

Яновский А. Н. 347

Яроцкий 81

Яшка см. Грузинский Я. И.

Список аббревиатур

- АКП(б) — Азербайджанская коммунистическая партия (большевиков)
 ВАПП — Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей
 ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
 ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
 ВОАПП — Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей
 ВСНХ — Высший совет народного хозяйства СССР
 ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
 ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
 ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контр-
 революцией и саботажем
 ГИИИ — Государственный институт истории искусств
 ИККИ — Исполнительный Комитет Коммунистического интернационала
 ИТЛ — исправительно-трудовые лагеря
 ИТР — инженерно-технические работники
 ИТС — инженерно-техническая секция
 ЛАПП — Ленинградская ассоциация пролетарских писателей
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет
 ЛКПК — Ленинградский комитет партийного контроля
 МОПР — Международная организация помощи борцам революции
 МТС — машинно-тракторная станция
 МУР — Московский уголовный розыск
 ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
 ССП — Союз советских писателей
 РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей
 РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
 РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия

- РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция
- РКСМ — Российский коммунистический союз молодежи
- СНК — Совет народных комиссаров
- ССП — Союз советских писателей
- УК — Уголовный кодекс
- ЦК — Центральный комитет
- ЦКК — Центральная контрольная комиссия

Содержание

<i>Т. Ю. Красовицкая. Нормальный человек сам с собой не беседует...</i>	5
<i>Н. А. Стрижкова. От составителя</i>	20

Мой дневник

1930–1931	27
1932	99
1933	177
1934	245
1935	289
1936	303
1937	411
1938	519
1939	553
1940	577
1941	609

Комментарии

1930	633
1931	649
1932	649
1933	684
1934	703
1935	720
1936	722
1937	749
1938	771
1939	777
1940	784
1941	792
Именной указатель	799
Список аббревиатур	818

Научное издание

**Берггольц
Ольга Федоровна**

**Мой дневник
Т. II
1930–1941**

Куратор проекта *А. А. Евдокимова*
Редактор *Н. С. Самбу*
Корректор *Н. С. Самбу*
Художественное оформление *М. А. Миллер*
Компьютерная верстка *М. А. Рогова*
Цветокоррекция *П. М. Ермаков*

ООО «Кучково поле»
119071, ул. Орджоникидзе, д. 10, оф. 420
Тел.: (495) 256 04 56
www.kpole.ru

Подписано в печать 02.11.2017
Формат 165×210 мм. Гарнитура Trivia
Усл. печ. л. 66,44. Усл. печ. л. цв. вкл. 2,58
Заказ № 1965/17

9 785995 007654

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»
170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

